Актуальные проблемы источниковедения

ВИТЕБСК 2013

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты

Минск–Витебск,
9–11 октября 2013 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2013

УДК 930.2(082)
ББК 63.211я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 9 от 20.06.2013 г.

Редакционная коллегия:
А.Н. Дулов (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.),
А.М. Белявский, Е.А. Гребень, А.П. Косов,
А.В. Мартынюк, М.Ф. Румянцева, С.Н. Ходин,
Д.В. Юрчак

Р е ц е н з е н т ы :
доктор исторических наук, профессор *Г.Я. Голенченко;*
кандидат исторических наук, доцент *М.Ф. Шумейко*

А43 **Актуальные проблемы источниковедения :** материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 322 с.
ISBN 978-985-517-414-2.

Рассмотрены широкий круг проблем теории, методологии, методики источниковедения, источниковедения историографии, а также комплексы исторических источников и отдельные источники по истории средневековья, нового и новейшего времени.

Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

УДК 930.2(082)
ББК 63.211я431

ISBN 978-985-517-414-2

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ …..... 7
Ходзін С.М. Гістарычныя крыніцы: праблемы вывучэння і выкладання ……... 7
Румянцева М.Ф. Актуальные проблемы источниковедения с точки зрения научно-педагогической школы источниковедения – сайт Источниковедение.ru …… 10
Матюшевская М.И. Учебники по методологии исторического исследования рубежа XIX–XX веков как источники по изучению позитивистского типа рациональности … 13
Белявский А.М. Постмодернизм и история: источниковедческие перспективы ……. 16
Бондаренко С.К. Тезисы о возможных способах толкования лемм в источниковедении: источник, факт, образ, взгляд, кадр ……... 20
Ковалев А.В. Происхождение трактата “Descriptio europae orientalis”: к вопросу о применении методик компьютерной лингвистики для анализа средневековых текстов …… 22
Костякова Ю.Б. Периодическая печать как источник по истории средств массовой информации (анализ в контексте теории медиакультурного пространства) …….. 26
Вовк О.И. К вопросу об использовании изобразительных источников в психобиографическом исследовании …….. 29
Макиенко А.А. Документальное наследие земских учреждений в Украине …… 32
Иванова О.С. Документы жизни и деятельности В.И. Пичеты в белорусских хранилищах: поиск, систематизация, описание ……. 36
Карапузова А.Г. Документы местных органов управления и самоуправления Полесского воеводства (1921–1939 гг.): классификация, систематизация, общая характеристика источника ……... 39
Потапенко С.П. Публикация источников по истории украинского казачества: опыт Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины …… 42
Каиль М.В. Архивное хранение и научная публикация биографических источников православных иерархов, клириков и мирян 1917–1950-х гг. в России …… 46
Суслов А.Ю. Партия социалистов-революционеров в Советской России: современные документальные публикации ……... 50
Матох В.М. Фотодокументы периода Второй мировой войны и проблемы их использования в белорусских научных изданиях и публикациях ……... 54
Сливко С.В. Место источниковедения в современной системе российского высшего исторического образования …….. 58
Кепин Д.В. Из опыта преподавания спецкурса «Музейное источниковедение» в Киевском национальном университете культуры и искусств …….. 62
Раздел 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ……..... 65
Маловичко С.И. Источниковедение историографии в теоретико-познавательной концепции научно-педагогической школы источниковедения …… 65
Коровчинский И.Н. Миф об Ипполите и Еврипид: искушение шедевром ……... 68
Лазарєва В.Т. Теоретичні передумови державотворчого потенціалу соціально-філософських поглядів П. Куліша ……... 72
Некрасова Н.В. Очерк как вид историописания в творчестве В.И. Колосова (1854–1919) ……... 76
Гронский А.Д. Образ польского восстания 1863–1864 гг. в разных изданиях книги В.М. Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» в первой половине 1920-х гг. …… 79
Краснодемська І.І. Україна і українці як об’єкт наукових студій німецьких вчених (30-ті роки XX ст.) …… 82

Губський С.І. Створення та діяльність армії УНР періоду директорії: до історіографії проблеми в незалежній Україні …… 87
Гарматны В.П. Публікацыі міжваеннага перыяду аб тэхнічным ажыццяўленні камасацыі ў Заходняй Беларусі …… 91
Андреева В.А. Советская культура и культурная политика в специализированных изданиях ФРГ (1949–1990) ……... 94
Куделко С.М. О пребывании семьи В.И. Пичеты в Харькове …… 96
Дудка А.Л. К вопросу информационно-библиографического обеспечения музейной деятельности в Республике Беларусь …….. 98
Півавар М.В. Краязнаўчыя інтэрнэт-рэсурсы …….. 101
Раздел 3. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (до конца XVIII в.) ……. 104
Пилипчук Я.В. Куны и куманы: история использования этниконов в венгерских хрониках ……. 104
Подберезкин Ф.Д. Меченосцы и божественное провидение: библейские аллегории в хронике Генриха Латвийского …….. 107
Гагуа Р.Б. Летописные сообщения о битве при Воплавках 7 апреля 1311 года …… 110
Новоселова В.И. «Книга знаний»: проблема классификации и место данного источника в литературе о путешествиях …… 113
Польская С.А. Коллекция артефактов французской короны в описях аббатства Сен-Дени как исторический источник …… 116
Мартынюк А.В. Средневековые визуальные источники: неожиданные находки в неожиданных местах …… 119
Плавінскі М.А. Мініяцюры Радзівілаўскага летапісу як крыніца па гісторыі ўсходнееўрапейскага ўзбраення …….. 121
Рыбчонак С.А. Выкарыстанне памяннікаў (сінодзікаў) у генеалагічных даследаваннях па гісторыі ВКЛ: інфармацыйны патэнцыял і інтэрпрэтацыя звестак ……... 124
Жарын Д.В. Ганзейская кантора ў Коўне XV стагоддзя: апублікаваныя крыніцы “Ганзейскай актавай кнігі” ……... 127
Дзярновіч А.І. Рыжскія архіўныя калекцыі Ёгана Хрыстафа Броцэ: дакументальная і іканаграфічная спадчына па гісторыі Лівоніі і беларускага Падзвіння ……... 131
Филькин К.Н. Источниковедение бенгальского вайшнавизма XVI–XVII вв. ……..... 134
Великая Н.Н. Фольклорные источники о ранней истории гребенского казачества …. 138
Тимошенкова З.А. Белорусы на Северо-Западе России в XVII в. ……. 140
Таранеўскі В.У. “Дыярыуш” Яна Антонія Храпавіцкага як гістарычная крыніца …... 143
Дулов А.Н. Основание Витебска княгиней Ольгой: к вопросу об источнике летописной легенды …….. 146
Потока И.В. О некоторых источниках по истории Могилевской (Белорусской) епархии в 1686–1755 гг. …… 148
Михеева И.Б. Игнатий Якуб Массальский как теоретик религиозных и образовательных трансформаций в ВКЛ …… 152
Гладкова Г.А. Карэспандэнцыя Ігнація Быкоўскага як гістарычная крыніца ……... 154
Раздел 4. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ (конец XVIII – начало XX в.) …… 158
Прохоров Д.А. Законодательные акты как источник по истории караимских общин Северо-Западного края Российской империи (конец XVIII – середина XIX в.) ……..... 158
Юрчак Д.В., Юрчак Ю.В. Публикации Игнатия Маньковского на страницах российских периодических изданий XIX века ……... 161
Анофранка Н.В. Ідэалагічная барацьба падчас паўстання 1830–1831 гг. на старонках польскамоўнай прэсы ……. 164

Луговцова С.Л. История одного письма 1839 г. …….. 170
Игнатовец Л.М. Обзор источников по истории Белорусского учебного округа (1829–1850 гг.) ……... 173
Лякишева С.И. Коллекция печатных схем для вышивания в Музее-усадьбе «Ясная Поляна»: новый исторический источник …… 177
Никитина Н.П. Источники по истории крестьянского самоуправления на Северо-Западе России второй половины XIX – начала XX в. ……... 181
Фірыновіч А.Э. Выяўленчыя матэрыялы па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. з нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ……. 185
Яковенко Г.Г. Образы домашних учителей в исторических источниках …….. 188
Власова Н.В. Формулярные списки Н.С. Брянчанинова в фондах Государственного архива Рязанской области …… 191
Сидоренко Б.И. Формулярный список могилевского губернатора А.С. Дембовецкого (1872–1893 гг.) как исторический источник ……. 194
Кравченко Е.В. Источники по истории призрения детей в XIX – начале XX в. в архивах Украины …….…….. 197
Церашкова К.С. Матэрыялы пазямельных перапісаў як крыніца па вывучэнні гісторыі мяшчанскага землеўладання на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. ……... 201
Воднева И.П. «Путеводитель по городу Полоцку 1910 года» из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника …….. 204
Петров Д.Н. Бюджет губернского Могилева на 1914 год как источник социально-экономической информации начала XX века …… 207
Василенко В.В. Отображение деятельности Всероссийского земского и городского союзов на Северо-Западном и Западном фронтах в мемуарах ……. 210
Синельников С.П. Документальные источники об обсуждении вопросов православного образования на Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве (1–12 июня 1917 г.) ……... 213
Антановіч З.В. Ведамасці аб стане касцёлаў, філій, капліц Магілёўскай архідыяцэзіі XIX – пач. XX ст. як крыніца па гісторыі Беларусі і сумежных краін (паводле матэрыялаў НГАБ) …… 217
Мяньчэня С.В. Дакументы губернскіх камітэтаў папячыцельства аб народнай цвярозасці як гістарычная крыніца (па матэрыялах НГАБ) ……. 220
Раздел 5. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ …….. 223
Кукса А.Н. Анализ украинских событий 1917–1918 гг. в записках Канчера …… 223
Бароўская В.М. Агляд крыніц па праблеме польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг. у архівах Расійскай Федэрацыі …….……... 226
Шишанов В.А. «Адрес профессора Репина неизвестен…» (к истории одной переписки вокруг усадьбы Здравнево) ……... 229
Давідоўская В.М. Агляд фотадакументаў з даваеннага збору Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (1924–1941 гг.) ……. 231
Алиева Л.В. Корпус источников по истории крестьянской поземельной общины Северо-Запада России 1920-х гг. ……. 236
Карпекін К.Р. Стан архіваў іўдзейскіх метрычных кніг у Беларусі ў 1917–1929 гг. … 239
Михальченко С.И. Неопубликованные «Воспоминания» Е.В. Спекторского как источник по истории русской эмиграции в Чехословакии середины 1920-х гг. …..... 242
Гуменюк Е.А. Источники по украинской и белорусской студенческой эмиграции в странах Центрально-Восточной Европы в 1920–1939 гг. ……. 245
Дедурин Г.Г. «Беларускі хрысьціянскі рух» Адама Станкевича как источник по истории становления национального движения белорусов …….. 248

Швед В.В. Матэрыялы Дзяржаўнага архіва ў Беластоку (Польшча) пра дзейнасць Ю. Ядкоўскага па захаванні гістарычнай спадчыны Гродна …….. 252
Дзмітрук А.П. Беспартыйны блок супрацоўніцтва з урадам маршала Ю. Пілсудскага (1928–1939) на тэрыторыі Заходняй Беларусі: асаблівасці крыніцазнаўчай базы ……. 254
Субоцін А.А. Крыніцы для вывучэння штодзённага жыцця стаханаўцаў БССР (1935–1941 гг.) ……... 258
Кузнецова Т.И. „ES VIŅU PAZĪSTU: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca” (1939): опыт анализа источника ……. 261
Новікаў С.Я. Франтавыя баявыя дзеянні на Віцебшчыне летам 1941 г. у айчынных і замежных дакументах: параўнальны аналіз ……... 264
Скурко П.Д. Дзённікі Браніслава Шпакоўскага: штодзённасць беларускай моладзі пач. 1940-х гг. …… 271
Куракова І.Я. Дакументы германскіх акупацыйных органаў кіравання як крыніца для даследавання фінансавай палітыкі ў акрузе “Беласток” 1941–1944 гг. (на матэрыялах дзяржархіва Гродзенскай вобласці) ……... 275
Гребень Е.А. Судебные иски как стратегия выживания гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации (по материалам Витебского мирового суда) …… 278
Кулинок С.В. Экономическая и политическая разведка партизан в отражении документов Белорусского штаба партизанского движения …….. 285
Хисамутдинова Р.Р. Уникальность писем военных лет для изучения материального положения колхозников Урала …… 288
Пуховицкая Ю.С. Письма бывших подпольщиков как источник по истории подпольного движения г. Лепеля в годы Великой Отечественной войны …….. 292
Юргевіч Н.К. Крыніцы па вывучэнні культурнага будаўніцтва ў беларускай вёсцы ў пасляваенныя гады (1944–1955 гг.) ……. 295
Василицын А.Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви в БССР послевоенного периода ……... 298
Касатая Т.У. Вобраз евангельскіх хрысціян-баптыстаў у 1940–1950-я гг. у афіцыйным дыскурсе (на аснове дакументаў фонда Упаўнаважанага па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР) ……..….. 301
Яковлева Г.Н. Документы Витебского обллита как источник по истории культурно-просветительных учреждений на Витебщине в период «оттепели» ……... 305
Пушкін І.А. Крыніцы па гісторыі нацыянальных супольнасцей Беларусі 1980-х гг. у цэнтральных архівах Расійскай Федэрацыі …… 309
Курьянович А.В. Верховный Совет Беларуси XII созыва (1990–1995): к вопросу о классификации письменных источников в Национальном архиве Республики Беларусь ……. 313

Раздел 1
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Ходзін С.М.

ГІСТАРЫЧНЫЯ КРЫНІЦЫ: ПРАБЛЕМЫ ВЫВУЧЭННЯ І ВЫКЛАДАННЯ

У бягучым годзе спаўняецца 135 гадоў з дня нараджэння першага рэктара БДУ, гісторыка, крыніцазнаўцы акадэміка У.І. Пічэты. Мінула 20 гадоў з часу Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў, а таксама міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі "Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Бедарусі: стан і перспектывы" (1993 г.). 15 гадоў аддзяляе сучасную канферэнцыю ад першай канферэнцыі па крыніцазнаўству, праведзенай на гістарычным факультэце БДУ [1]. Усё гэта падштурхоўвае да таго, каб напачатку акрэсліць пэўныя этапы і вынікі развіцця, найперш, у сферы крыніцазнаўства.

Пазначаючы дасягненні, патрэбна адзначыць шматлікія публікацыі крыніц па гісторыі Беларусі [2]. Гэтаксама, як і ў савецкі час, беларускія гісторыкі выявілі свой прафесіяналізм у галіне спецыяльных гістарычных дысцыплін [3]. У 2008 г. паспеў убачыць свет 4-ты нумар зборніка "Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны", які быў падрыхтаваны В.Н. Рабцэвічам [4]. Дарэчы, азначаны штогадовы зборнік прайшоў ужо свой уласны 10-гадовы шлях. У 2002 г. яго першы выпуск, прысвечаны 10-годдзю кафедры крыніцазнаўства, вітаў С.О. Шміт [5]. У 2012 г. 7-ы выпуск, прысвечаны 20-гадоваму юбілею кафедры, выйшаў у свет ужо ў статусе зборніка, уключанага ў пералік навуковых выданняў ВАК Рэспублікі Беларусь [6].

Дзейнасць кафедры крыніцазнаўства БДУ і адпаведнага сектара ў Інстытуце гісторыі НАН Беларусі з'яўляецца арганізацыйнай асновай для крыніцазнаўчых даследаванняў. Толькі па кафедры штогод абараняецца некалькі дысертацый па крыніцазнаўству, гістарыяграфіі і метадах гістарычных даследаванняў, па архівазнаўству і дакументазнаўству [7].

Аднак пашырэнне, і тым больш, павышэнне ўзроўню крыніцазнаўчых даследаванняў (і ўрэшце ўвогуле беларускай гістарычнай навукі) немагчыма без прыцягнення да гэтай справы шырокіх колаў беларускіх даследчыкаў з вну, музеяў, архіваў і іншых даследчых ўстаноў. Новыя пакаленні гісторыкаў павінны не толькі заўважаць новыя падыходы, што ўзнікаюць ў сусветнай гістарыяграфіі і ўвогуле ў навуцы, але захоўваць, памнажаць тыя традыцыі, якія склаліся ў Беларусі на працягу стагоддзяў (прымаючы пад увагу ўплыў іншых навуковых школ, у першую чаргу расійскай школы крыніцазнаўства).

Намі ўжо адзначалася раней, што на мяжы XX і XXI стагоддзяў стала заўважным масавае, часам некрытычнае успрыняцце тых замежных канцэпцый і напрацовак, што былі недасягальнымі для савецкага даследчыка [5, с. 82–89]. За апошні час сітуацыя змянілася, але па-ранейшаму, мы можам знайсці ў літаратуры "асобныя" вусныя крыніцы і вусную гісторыю, псіхагісторыю, крыніцы паўсядзённасці і г.д. Такім чынам, працягваецца традыцыя, калі даследчык канструюе крыніцы "пад сябе", пад сваю даследчыцкую задачу.

Нягледзячы на пэўныя поспехі, звязаныя з распрацоўкай тэрміналогіі (у першую чаргу на беларускай мове), бачыцца шэраг праблем менавіта ў сферы тэорыі крыніцазнаўства. Важнейшым накірункам вырашэння пазначанай праблемы можа і павінна з'явіцца узаемадзеянне даследчыкаў, выкладчыкаў ў галіне крыніцазнаўства і метадалогіі гістарычнага даследавання. Патэнцыял такога ўзаемадзеяння асабліва заўважны ў сувязі з выхадам у свет аднаго з найлепшых за апошні час навучальнага дапаможніка Л.М. Мазур [8]. Звярнуць увагу на гэтае выданне па метадалогіі неабходна яшчэ і таму, што нягледзячы на наяўнасць навуковай школы прафесара У.Н. Сідарцова

і шэрагу цікавых публікацый, у беларускай гістарыяграфіі прысутнічае пэўная насцярожанасць да дакладна тэарэтычных распрацовак і падыходаў. Пераадоленне такой адчужанасці, на наш подгляд, магчыма толькі на глебе крыніцазнаўства, вяртання да крыніц (ad fontes).

Заўважна, што і ў дапаможніку Л.М. Мазур пераважаюць дзве рэчы: метады і інфармацыя, гістарычныя крыніцы бы адсутнічаюць. Між іншым інфармацыя становіцца крыніцай, аб'ектам даследавання, калі яна фіксуецца. Безумоўна, істотнае значэнне маюць абставіны фіксацыі крыніцы (пэўныя метады такога працэсу), яны ўплываюць на верагоднасць інфармацыі крыніцы, складаюць важны этап крыніцазнаўчага вывучэння. У дапаможніку крыніцазнаўчы этап даследавання падменены, па-сутнасці, эўрыстычным, паняцце верагоднасці ("достоверности" – руск.) спалучаецца з паўнатой (якая з'яўляецца адной з характарыстык верагоднасці) і г.д.

Больш цеснае ўзаемадзеянне спецыялістаў у галіне метадалогіі і крыніцазнаўства вызначаецца самой логікай развіцця гістарычнай навукі, наяўнасцю агульных традыцый беларускай і расійскай гістарычных школ. У якасці прыкладу хацелася б падкрэсліць вельмі істотны элемент, пазначаны Л.М. Мазур для студэнтаў, і які часам ігнаруецца ў нас нават сталымі даследчыкамі. Маецца на ўвазе складанасць інтэрпрэтацыі гістарычнай крыніцы, звязаная з уплывам асобы даследчыка [8, с. 39]. Крыніца адлюстроўвае ўспрыняцце свету "чалавекам мінулага", да гэтага дадаецца тое, што вывучае гэтую крыніцу прадстаўнік не проста іншага часу, але і іншай культуры. У навучальным дапаможніку па крыніцазнаўству гісторыі Беларусі аўтар гэтага артыкулу вымушаны быў падкрэсліць: "Гісторыя – не толькі навука аб мінулым. Яго мы ўсведамляем праз сучаснасць, праз пэўную культурную традыцыю" [9, с. 3]. Калі дадаць да гэтага тое, што гісторык ставіць перад даследаваннем пэўныя мэты, шукае пацвярджэння сваёй гіпотэзы, карыстаецца сучаснай тэрміналогіяй, то становіцца зразумелай выключная складанасць інтэрпрэтацыі.

У спадчыну ад савецкай гістарыяграфіі мы атрымалі імкненне да стварэння пэўнай аб'ектыўнай карціны мінулага. Між тым кожнае пакаленне гісторыкаў сапраўды піша сваю гісторыю. Гісторыя не змяняецца, гісторыя як навука ад гэтага не знікае разам з чарговым крызісам уяўленняў аб ёй. Змяняецца наш погляд на мінулае, ў сувязі з чым вельмі важнае значэнне набывае як тэарэтычнае, так і факталагічнае вывучэнне такой з'явы як "гістарыяграфічная крыніца". Па-сутнасці, гісторык XX і нават XXI стагоддзя, які імкнецца аперыраваць, безумоўна, навуковымі метадамі так ці інакш у шэрагу выпадкаў усё ж не адрозніваецца ад летапісца, скажам, XVI стагоддзя, які пад уплывам моднай на той час сармацкай тэорыі (тэорыі заваёвы) фарміраваў абгрунтаванне прыналежнасці рускіх зямель да Вялікага княства Літоўскага (паколькі канцэпцыя "у спадчыну" сталася ўжо не актуальнай). Ці можам мы пакінуць па-за ўвагай тое які ўніверсітэт скончыў даследчык, хто аказаў уплыў на яго станаўленне, якія канцэпцыі панавалі ў той час, ідэалогія і г.д.? Ці, забываючы пра "дзядулю" Фрэйда, можам не прымаць пад увагу дзяцінства будучага навукоўцы? Да прыкладу, знакамітага даследчыка гісторыі сялянства савецкага часу М.А. Іўніцкага, якога ў маленстве літаральна адрывалі ад стрыечнай сястры пад час раскулачвання – ці выпадкова ён перагледзеў свае падыходы і піша пра хібы калектывізацыі? [10]

На наш погляд, усё вышэйадзначанае актуалізуе праблемы сістэмнага выкладання крыніцазнаўчых дысцыплін, асабліва ў сувязі са скарачэннем тэрміну падрыхтоўкі на першай ступені. Абсалютна заўважнай стала тэндэнцыя да "выціскання" гуманітарных дысцыплін са стандартаў навучання прыродазнаўчых факультэтаў і перавагі фактаграфічных, эмпірычных дысцыплін у гуманітарыяў. Між іншым, праблема сучаснага пакалення не ў цяжкасцях доступу да інфармацыі, а ў яе асэнсаванні і крытычным ўспрыняцці (пры гэтым – не ў духу крытыканства, а

навуковай, крыніцазнаўчай крытыкі). Тут хацелася б падтрымаць імкненне да выкарыстання крыніцазнаўства як асновы міждысцыплінарнага гуманітарнага сінтэзу, вызначанае М.Ф. Румянцавай і В.М. Медушэўскай [11]. Асаблівае значэнне гэта набывае ў сувязі з развіццём архівазнаўства і дакументазнаўства. Каб не страціць – па трапнаму выразу Т.І. Хархордзінай "смаку да тэарэтычных дыскусій" [12] – Нацыянальнай бібліятэкай, кафедрай крыніцазнаўства БДУ і універсітэтам культуры 18 красавіка 2013 г. быў праведзены круглы стол па праблематыцы трансфармацыі дакумента ў гістарычную крыніцу.

У адпаведнасці з падыходамі, прапанаванымі ў стандартах навучання па гістарычных дысцыплінах у класічных універсітэтах неабходна захаваць дысцыпліну "Крыніцазнаўства" як аб'яднанне тэорыі крыніцазнаўства і крыніцазнаўства гісторыі Беларусі з дапасаваннем агляду розных падыходаў у сусветнай гістарыяграфіі (у дачыненні да вывучэння гістарычных крыніц), а таксама азнаямленнем з сучаснымі метадамі вывучэння крыніц (паколькі курс гісторыі гістарычнай думкі на першай ступені істотна скарачаецца, а курс метадалогіі ўвогуле прадугледжваецца для другой ступені навучання). Вывучэнне крыніцазнаўства на 1-2 курсах дапаможа азнаёміць будучага спецыяліста з гісторыяй як навукай, будзе садзейнічаць прафесійнаму падыходу да напісання навуковых прац (у прыватнасці, курсавых, як першага кроку ў гэтым накірунку, а ў перспектыве – дыпломных прац, артыкулаў і г.д.). Дзеля вырашэння метадычнага забеспячэння названага курса і прыцягнення ўвагі шырокіх колаў гісторыкаў да крыніцазнаўчых даследаванняў вельмі важнай з'яўляецца, на наш погляд, задача напісання "Нарысаў па крыніцазнаўству гісторыі Беларусі", што можа быць дасягнута толькі праз аб'яднанне намаганняў даследчыкаў гісторыі Беларусі розных эпох і накірункаў. А важным этапам у яе вырашэнні магла б з'явіцца наша канферэнцыя.

У сучасных умовах істотнае значэнне набывае таксама развіццё спецыялізацыі "крыніцазнаўства, гістарыяграфія, метадалогія гістарычнага даследавання", якая мае глыбокія традыцыі, асабліва ў БДУ і адпаведнай магістратуры. Тым болей што па дадзенаму накірунку маюцца аспірантура, дактарантура.

1. Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты Мінск, 23–24 красавіка 1998 г. – Мінск : БДУ, 1998.
2. Перапіс войска Вялікага князтва Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. публічных спраў 1 / падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдонаў, М.А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.; Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921–1941/ склад.: С.М. Ходзін. М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі; рэдкал.: В.І. Стражаў (адк.рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2006. – 383 с.; Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Клочко, 1533–1540 / публ. подг. В.А. Воронин [и др.]; отв. ред. А.Л. Хорошкевич, Г.Я. Голенченко. – М.: Наука, 2008. – 525 с. (Литовская метрика; Книга № 228: Книга судебных дел № 9); Янушэвіч, Я. Успаміны (1805–1831) / Я. Янушевіч; уклад. пер. з польск. мовы, уступ. арт., камент. паказ. В.В. Гарбачовай. – Мінск: Лімарыус, 2011. – 256 с. і інш.
3. Метрыка Вялікага княства Літотўскага. Кн.43 (1523–1560): Кн. запісаў 43 (Коп. канца XVI ст.) / падрыхт. В.С. Мянжынскі; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. Навука, 2003. – 167 с.; Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кн. 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566) / падрыхт. А.І. Груша. – Мінск: Арты-Фэкс, 2001. – 229 с.; Шумейко, М.Ф. Белорусская археография в XIX–XX вв.: (проблемы теории, истории, методики) / М.Ф. Шумейко. – Минск: БелНИИДАД, 2007. – 498 с.; Загорульский, Э.М. Генеалогия полоцких князей Изяславовичей. – Минск, 1994; Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н.Рябцевич. – Минск: Полымя, 1995 і інш..
4. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – 260 с.
5. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / адк. рэд. С.М.Ходзін. – Мінск: БДУ, 2002. – 254 с.
6. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 7 / рэдкал.: С.М.Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2012. – 207 с.

7. Да прыкладу дысертацыі: А.А. Буглака – “Восточное язычество в российской, белорусской, украинской историографии второй половины XIX в.”, А.Я. Паўлавай “Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): источники и методы анализа” (2003 г.), А.М. Бяляўскага “Произведения фольклора как исторический источник (на примере ирландских исторических песен)” (2004 г.), А.М. Латушкина “Нясвіжскі архіў князёў Радзвілаў у канцы XIII – першай палове XX ст.” (2007 г.), В.С. Івановай “Асабістыя архівы ў складзе Нацыянальнага архіўнага фонда Рэспублікі Беларусь” (2009 г.), Т.Д. Гернович “Дакументальныя крыніцы па гісторыі перамешчаных беларускіх архіваў (канец XVIII – пачатак XXI таврест.)” (2010 г.), С.А. Рыбчонка “Крыніцы масавага паходжання па генеалогіі Беларусі сярэдзіны XVII – пачатку XX ст. (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)” (2010 г.) і інш.
8. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования: уч. пособие, 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
9. Ходзін, С.М. Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі: дапаможнік / С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2012. – 255 с.
10. Ивницкий, Н.А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ВКП(б) и ОГПУ Н.А. Ивницкий // Судьбы Российского крестьянства. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С.249–297.
11. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
12. Хорхордина Т.И. Архивоведение на стыке веков / Т.И. Хорхордина // Труды историко-архивного института. – М., 2000. – Т. 35.

Румянцева М.Ф.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ – САЙТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.RU

Научно-педагогическая школа источниковедения (Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института) восходит в своих эпистемологических основаниях к теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), в период с 1939 по 2011 г. она институционально оформилась на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе Российского государственного гуманитарного университета; с 1994 г. – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) [см.: 3, 8], а после ликвидации кафедры в 2011 году консолидирована на базе сайта Источниковедение.ru [11].

Теоретическое основание Научно-педагогической школы источниковедения составляет, главным образом, концепция объекта исторического познания – исторического источника, начало разработки которой было положено неокантианством в его русской версии [1, 5]. На рубеже XX–XXI вв. Научно-педагогическая школа источниковедения завершила определенный этап своего концептуального развития, зафиксировав свои эпистемологические основания в двух учебных пособиях, которые рассматривает как высшую форму концептуализации знания, поскольку они призваны целостно представлять источниковедение как научную дисциплину [2, 10], а также в монографии О.М. Медушевской [6]. На этой концептуальной основе хочу предложить наше видение актуальных проблем современного источниковедения.

Место источниковедения в структуре современного исторического знания. На уровне аксиоматики известно, что источниковедение – вспомогательная историческая дисциплина. Но это весьма устойчивое представление сложилось преимущественно в период профессионализации исторического знания (в самостоятельную дисциплину источниковедение оформляется в 1830–1840-е гг. в Германии; в 1841 г. А.А. Куник впервые в российской исторической науке употребил сам термин *источниковедение*, заимствованный из немецкой историографии), когда

источниковедение действительно обслуживало исторического знание, но, естественно, историческое знание вполне определенного типа, характеризующегося, во-первых, по преимуществу линейной моделью историописания и, во-вторых, принадлежностью к науке классического типа. Естественно, что в такой познавательной ситуации от источниковедения требовалась так называемая «критика исторического источника» (заметим в скобках, давно устаревшее понятие, выступающее в работах современных историков как дискурсивный маркер классического типа рациональности), целью которой было установление достоверных фактов, при понимании достоверности как соответствия т.н. «объективной реальности». Такой подход провоцировал определение: исторический источник – это все, откуда можно почерпнуть информацию об исторической реальности. Этого определения до сих пор придерживаются некоторые историки, хотя вполне очевидно, что и оно отсылает нас к рациональности классического типа, преодоленной наукой уже к концу XIX в.

Становление неклассической модели науки в конце XIX в., конечно же, связано, в первую очередь, с проблемами физики, преимущественно физики микромира, но оно весьма ощутимо и в историческом знании. Маркером новой ситуации выступает возникновение истории истории как рефлексии субъектно-объектных отношений в процессе исторического познания. В развернувшейся при становлении неклассической науки методологической рефлексии свое место заняло углубленное исследование природы объекта исторического познания – исторического источника, что как раз и отличало русскую версию неокантианства от хорошо известной историкам Баденской школы [подробнее см.: 9, с. 130–141].

Специальная рефлексия по поводу объекта исторического познания как основная задача теории источниковедения привела к трансформации статуса источниковедения в системе исторического знания – превращению его из вспомогательной исторической дисциплины в дисциплину исторической науки, то есть историографически сложившуюся область научного исторического знания, имеющую собственный объект исследования, наряду с такими дисциплинами, как историография, археология или, например, военная и аграрная история.

На протяжении XX в., преимущественно в Научно-педагогической школе источниковедения, происходит переосмысление источниковедения не только как научной дисциплины, но и как метода получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе. Практически это связано с детальной разработкой видовой структуры корпуса исторических источников [8]. Вид исторических источников, определяемый по критерию целеполагания / первичной социальной функции, в этой концепции презентирует определенные формы человеческой деятельности, совокупность которых и составляет систему культуры. На этой идее основан учебный курс «Компаративное источниковедение», специально разработанный Научно-педагогической школой источниковедения для историко-филологического факультета РГГУ в соответствии с его компаративистской концепцией [4, с. 151–161].

С теоретической точки зрения источниковедение как метод соответствует неоклассическому типу рациональности и неоклассической модели науки.

Таким образом, современное источниковедение входит в систему дисциплин (правильнее было бы говорить – субдисциплин, чтобы отличать их от научной дисциплины / науки как таксона научного знания в классификационной системе наук) исторической науки. В самом же источниковедении выделим три составляющие:

– источниковедение как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания;

– источниковедение как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе;

– источниковедение в его традиционном качестве вспомогательной исторической дисциплины.

Объект источниковедения. Поскольку маркером научной дисциплины является наличие собственного объекта исследования, каждый этап развития источниковедения, естественным образом, сопровождался трансформацией представлений о его объекте. Здесь необходимо сделать небольшое пояснение: в силу слабой разработанности понятийного аппарата исторической науки, я вынуждена использовать понятие *объект* в двух различаемых значениях. С одной стороны, исторический источник выступает как *объект* исторического (и вообще, гуманитарного, познания) в самом прямом смысле – как то, что объективировано, существует в качестве объекта. С другой стороны, я использую понятие *объект* в распространенном науковедческом смысле в качестве обозначения предметного пространства той или иной научной дисциплины.

В русской версии неокантианства усилиями по преимуществу А.С. Лаппо-Данилевского было выработано следующее определение: «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [5, т. 2, с. 38].

Развивая это определение в соответствии с тенденциями науки XX – начала XXI в., Научно-педагогическая школа источниковедения пришла к следующему определению: исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, пригодный для изучения исторических явлений и процессов.

Но здесь пока речь идет о понятии исторический источник, которое хотя и является, несомненно, базовым в источниковедении, но не исчерпывает представления о его объекте.

Разработка видовых методик анализа исторических источников в Научно-педагогической школе источниковедения и связанное с ней осмысление видовой структуры корпуса исторических источников той или иной культуры, о чем речь шла выше, заставили в качестве объекта источниковедения рассматривать уже не отдельно взятый исторический источник, а весь корпус исторических источников определенного периода.

Переосмысление познавательных и, в целом, социокультурных функций источниковедения произошло в новой, принципиально иной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации начала XXI в. – ситуации постпостмодерна. В условиях преодоления постмодернистской методологической анархии вырос спрос на строгую науку, актуализировались поиски единых оснований научного знания. О.М. Медушевская (1922–2007) – лидер данного направления на протяжении последней трети XX – начала XXI в. сформулировала универсальное, по сути – онтологическое понятие *эмпирическая реальность исторического мира* [6, 7, с. 24–34], которое, с одной стороны, подводит итог значительного этапа в развитии концепции, а, с другой стороны, открывает новые эпистемологические перспективы.

Таким образом, современно источниковедение – это – гуманитарная дисциплина, объект которой – вся совокупность произведений человека/продуктов культуры – эмпирическая реальность исторического мира, а предмет – поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей.

Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории. Одним из актуальных и перспективных направлений современного источниковедения является источниковедение историографии, самым тесным образом

связанное с интеллектуальной историей, актуализация которой также связана с ситуацией постпостмодерна, проявившей необходимость изучения истории осознанного (интеллектуального) отношения человека к миру, в отличие от столь востребованной в XX в. истории ментальностей.

Источниковедческий подход в изучении историографии проявляется, в первую очередь, в понимании историографических источников как вида исторических источников, реализующих социальную функцию презентации и позиционирования исторического знания. Принципиально важным также является корректное определение видовых характеристик историографических источников, разделение их на разновидности по целеполаганию: монографии, статьи в научных сборниках, статьи в научных журналов, доклады и тезисы конференций и т.п.

Таким образом, источниковедение историографии предполагает непосредственное применение метода источниковедения к историографическим источникам, что подтверждает продуктивность источниковедческого метода исторического / историографического исследования.

1. Введенский, А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А.И. Введенский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. – 119 с.
2. Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. (То же: 2000, 2004).
3. Казаков, Р.Б. Научно-педагогическая школа источниковедения в актуальной социокультурной ситуации / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева // История [Электронный ре-сурс]: электрон. науч.-образ. журн. / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщ. ист. – Электрон. дан. – [М. : Интеграция: Образование и Наука, 2010. – 1: Историческая наука в современной России. – Режим доступа: http://www.mes.igh.ru/magazine/content/pedagogicheskaya_shkola_istochnikovedeniya.html.
4. Компаративное источниковедение: программа курса для специальностей № 020700 – История, № 020800 – Историко-архивоведение / сост. М.Ф. Румянцева // Источниковедение: учеб.-метод. модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004. – С. 151–161.
5. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : РОССПЭН, 2010.
6. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
7. Медушевская, О.М. Эмпирическая реальность исторического мира / О.М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. – С. 24–34.
8. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник / сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; отв. ред. В.А. Муравьев. – М.: РГГУ, 2001. – 227 с.
9. Румянцева, М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы / М.Ф. Румянцева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012 – Т. 154. – Кн. 1. – С. 130–141.
10. Румянцева, М.Ф. Теория истории : учеб. пособ. / М.Ф. Румянцева. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 319 с.
11. Источниковедение.ru [Электронный ресурс] : страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010–2013. – Режим доступа : http://ivid.ucoz.ru/.

Матюшевская М.И.

УЧЕБНИКИ ПО МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЗИТИВИСТСКОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

На рубеже XIX–XX вв. у ученых возник интерес к теории исторической науки. Первым к ней обратился немецкий историк И. Дройзен. В 1868 г. он высказал мысль о необходимости создания «историки» – особой дисциплины о методах исторических исследований [6, с.5].

Современникам ученого его предложение показалось ненужным и бесперспективным. В 60–80-х гг. XIX в. среди историков наблюдалось относительное

единство понимания сущности и задач своей науки. Оно заключалось в трактовке истории как дисциплины, изучающей «психологический» процесс деятельности людей далекого прошлого (современность позитивисты не относили к сфере научных интересов истории), отраженный в исторических источниках – «следах» прошлого. «Следы» (преимущественно письменные документы) представлялись позитивистам «психофизическими», т.е. созданными психикой человека, чувственно данными историку «внешними вещами». Целью их «позитивного» анализа было извлечение из них фактов – неизменных по своему содержанию событий, элементарных, далее неделимых, обособленных друг от друга во времени и пространстве.

Позитивисты полагали, что в источниках скрыто раз и навсегда заданное количество таких фактов и при условии установления их аутентичности они являются фрагментами самой исторической действительности, «кирпичиками» будущего здания объективной истины, готовыми к перенесению в исторический труд. От историка требуется лишь максимальное исключение из исследования симпатий и антипатий, воображения и страстей. Историческая наука – это наука факта. Она ничего не «предугадывает», не «домысливает», не «допускает» и не «обобщает». Она просто повествует о том, что сообщают заслуживающие доверия источники [1, с. 143].

Однако несколько десятилетий спустя ситуация в исторической науке изменилась. Один за другим стали появляться методологические труды. Наибольшую известность из них получили «Введение в историческую науку» (1889) немецкого историка Э. Бернгейма, «Введение в изучение истории» (1898) французских ученых Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, «Методология истории» (1910–1913) петербургского профессора А.С. Лаппо-Данилевского.

Эти исследования концентрировались вокруг проблемы: как возможно историческое познание в условиях ненаблюдаемости ученым своего объекта? Э. Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос решали ее с позитивистских позиций, А.С. Лаппо-Данилевский руководствовался методологией неокантианства.

Э. Бернгейм видел главную задачу исторического анализа в четкой классификации исторических источников «по степени их близости к фактам». Он выделил два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Историческими остатками Э. Бернгейм считал «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки») и «другие» (данные языка, жилые строения, продукты материальной и духовной деятельности людей). К исторической традиции он отнес все то, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом и является, по его мнению, историческим материалом – изобразительным, устным, письменным.

Такая классификация, был убежден Э. Бернгейм, показывает различные формы отражения факта в источнике и тем самым задает направление научной работе с ним. Исторические остатки требуют лишь приемов установления их подлинности. Если подлинность несомненна и вещественный предмет или документ не представляют собой подделки, то они могут использоваться для изучения того факта, остатком которого этот являются. Для исторической традиции, напротив, проверка достоверности необходима. Поскольку изучаемый историком факт передан не непосредственно, а с помощью другого лица (мемуариста, хрониста), то степень достоверности свидетельства нуждается в проверке. [2]

Несколько иным был вариант метода исторического исследования, предложенный Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом. «Нет письменных документов – нет истории», – утверждали они. В их теоретической концепции центральное место принадлежало проблеме определения отношения, которое существует между документом («следом, оставленным мыслями и действиями некогда живших людей») и

сообщаемым им фактом. Для этого учеными была разработана система правил поэтапного изучения письменного источника.

Первый этап состоял во внешней критике документа. В его задачи входила восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (выяснение, откуда документ происходит, к какому времени относится, кто его автор).

Вторым этапом исследования предполагалась критика внутренняя. Ее целью ставилась критика толкования (разгадка истинного смысла, вложенного в текст его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить ложные сведения).

На втором этапе изучения источника Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос предусматривали также дополнительные методологические приемы. Первый из них заключался в анализе каждого свидетельства для нахождения ответа на вопрос, насколько можно ему верить. Второй прием предписывал все свидетельства документа изучать отдельно. Например, в акте о продаже отдельно проверять данные, сообщающие ее время, место, сведения о продавце, покупателе, предмете, цене, условиях договора. Что касается проверки искренности автора, то в данном учебнике рассматривались условия, которые могли бы повлиять на него. К ним относились стремление к практической выгоде, следование литературным этикетам и т. п.

Итогом применения своей научной методики Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос видели гарантию объективности исторического исследования. Историк, полагали они, используя описанные ими правила, сможет извлечь из документа определенную сумму единичных, вполне достоверных исторических фактов. После группировки их по хронологическому, логическому и иным признакам, он и получит искомую истинность результата исследования [3].

Подобный уклон в сторону сугубо источниковедческой работы и детальной фиксации ее техники был неприемлем для А.С. Лаппо-Данилевского. Он считал, что методология истории является составной частью общей теории познания и перед ней стоит задача выбора номотетической или идиографической точки зрения на изучаемый материал. От этого выбора, доказывал А.С. Лаппо-Данилевский, зависят конкретные методы исторического мышления: методология источниковедения, устанавливающая научные принципы, на основании которых историки могут говорить о существовании в прошлом интересующих их фактов, и методология исторического построения с ее приемами объяснения событий минувшей действительности. Придерживаясь мнения о необходимости идиографического подхода к историческому исследованию, А.С. Лаппо-Данилевский раскрыл свое понимание его сущности. Он дал определение исторического факта («воздействие индивидуальности на среду») и исторического источника («всякий реальный объект, который изучается не ради него самого, а для того, чтобы получить знание о другом объекте, т. е. об историческом факте»).

Исторический источник А.С. Лаппо-Данилевский понимал, прежде всего, в психологическом аспекте, как «доступный чужому восприятию реализованный продукт человеческой психики». Он должен представляться историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества. А.С. Лаппо-Данилевский описал виды исторических источников, разбил их на классы по содержанию и степени значения для исторического познания.

Самую высокую степень значения получили у ученого источники, отнесенные им к «остаткам культуры», а самую низкую – те, что попали в разряд «исторических преданий». Много внимания А.С. Лаппо-Данилевский уделил проблеме критики исторических источников, а завершил он свои рассуждения характеристикой психологического, технического, типизирующего, систематического, эволюционного и

индивидуализирующего методов, составлявших в его концепции приемы научной интерпретации [4, 5].

Труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, А.С. Лаппо-Данилевского на рубеже XIX–XX вв. выступали как квинтэссенция накопленного историками теоретического опыта. Однако на их страницах далеко не в полной мере отразились происходившие в этот период в науке методологические перемены. В своих эмпирических исследованиях ученые стали отказываться от общепринятого ранее «событийного» восприятия истории. Они переходили к анализу социально-экономических отношений прошлого. Это способствовало осознанию того, что социально-экономические отношения в силу своей сложности, хронологической длительности и широты географического пространства не охватываются непосредственным наблюдением очевидцев и потому не находят полного отражения в одном или нескольких взятых изолированно друг от друга источниках. Тем самым обнаруживалась несостоятельность прежней трактовки исторического источника как «вместилища» готовых фактов-«кирпичиков» и исторического факта как элементарной единицы научного знания.

Работа над новой тематикой показывала также, что не только историческое мышление зависит от наличия исторических источников, но и сами исторические источники «зависят» от исторического мышления, от изобретательности интеллекта историка, его методологической и методической вооруженности.

Таким образом, теоретические установки классической науки уходили в прошлое. На смену позитивистской парадигме явилась методология неклассической науки, господствовавшая до последней трети XX века. Научный опыт позитивистов сам стал достоянием истории, но он, несомненно, актуален и интересен современным исследователям источниковедения.

1. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки / М.А. Барг. – Москва: Наука, 1984. – 342 с.
2. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм – Москва: Изд. М.Н. Прокоповича, 1908. – 135 с.
3. Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос, Ш. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос – Санкт-Петербург: Изд. О.О. Поповой, 1899. – 275 с.
4. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. /А.С. Лаппо-Данилевский – Санкт-Петербург: Студенч. изд. комитет при историко-филологич. факультете Санкт-Петербург. ун-та, 1910. – Т. 1. – 291 с.
5. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский – Санкт-Петербург: Студенч. изд. комитет при историко-филологич. факультете Санкт-Петербург. ун-та, 1913. – Т.2 – С. 292–781.
6. Могильницкий, Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий – Москва: Высш. шк., 1989. – 174 с.

Белявский А.М.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ИСТОРИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В современной историографии, в том числе и белорусской, проблема взаимоотношений истории и многочисленных интеллектуальных течений, объединяемых обычно термином «постмодернизм» в целом достаточно активно изучается: ей посвящено немало статей и отдельные монографии [подробнее см. 8]. Более того, встречаются примеры историков, работы которых квалифицируются (ими самими, либо их критиками) как принадлежащие постмодернитской «парадигме». В частности, такое происходит с некоторыми направлениями исследований, например с теми, что относят к «антропологическому повороту». Сам этот термин нередко употребляется в смысловой связке с другим термином: «лингвистический поворот». Но

в данном случае, мне кажется, мы имеем дело с попыткой увязать два принципиально несовместимых явления.

Последствия «внедрения» лингвистических методов исследования в историографию, о котором в общих чертах много говорится и пишется, еще только начинают осознаваться историками. Основное из таковых, как кажется, можно выразить через констатацию принципиального постструктуралистского тезиса: язык не отражает действительность (как настоящую, так и прошлую), а конструирует ее в каждом самостоятельном речевом акте. В наиболее радикальном виде эту идею выражает творчество Ж. Деррида и Г.Г. Гадамера. Непосредственно в историографии подобный подход реализуется в «конструктивизме» (М. Оукшотт, Дж. Мейланд, Л. Голдстейн [1, с. 171], в определенном смысле, можно к ним добавить и Х. Уайта), объявляющем прошлое конструктом, созданным художественным воображением историка. Некоторые из «традиционных» историков все же признают реальность угрозы постмодернистского релятивизма, отрицающего привычную нам историю (*реально,* а не *произвольно* связывающую прошлое с настоящим), и пытаются отстаивать свою позицию, обосновывать особенность творчества историка (Й. Рюзен, Ф.Р. Анкерсмит, Д. Карр).

Для историографии второй половины XX века более характерно постепенное «сползание» внимания от фактов к опыту, от метанарратива к «мелкому» нарративу, с центра на периферию. Это скорее интуитивная реакция на общие изменения в мире научной мысли: невозможность метанарратива осознается скорее подсознательно, а связь с историзмом сохраняется. Можно сказать, что из постмодернистского мира в маленький уютный двухмерный мирок историка проникают лишь отдельные идеи, диверсанты-«засланцы». По выражению Ф.Р. Анкерсмита, «современные историки желают, чтобы у их читателей сложилось некоторое представление о том, «как жил» или «как чувствовал» житель деревни Монтайю в XIII веке (Ле Руа Ладюри) или буржуа в XIX веке (Гей)» [1, с. 112]. Или вот так (Й. Рюзен): «Историков стало меньше интересовать воссоздание структурных условий человеческой деятельности в прошлом и объяснение посредством этого реальной жизни народа. Вместо этого они концентрируют внимание на способе, каким люди воспринимали и интерпретировали их собственный мир. Они проникают в сознание изучаемых людей, пытаясь тем самым вернуть им культурную самостоятельность восприятия их собственного мира характерным для них способом, который отличается от нашего» [4]. Наиболее последовательная реакция со стороны историков на постструктуралистскую критику приводит к появлению исторических работ, полностью составленных из источников, «голосов людей прошлого»: «Шотландия: автобиография» (под ред. Р. Горинг) [6] или «Народ Мухаммеда» Э. Шредера [7].

На подобного рода исследования ориентированы такие получившие распространение «виды истории», как история повседневности, история ментальности, устная история, микро-история. В их фокусе – культура, этничность, гендер, повседневная жизнь групп социума, по различным причинам лишенных «исторического голоса». Все они уже больше интересуются маргинальными структурами, отрицают метанарратив, т.е. идеальный язык описания, необходимость которого постулировали Б. Рассел, К. Поппер, А. Тарский, вслед за Л. Витгенштейном, У. Куайном и Д. Дэвидсоном выступают за плюрализм языков описания (Т. Кун, П. Фейерабенд, Ф.Р. Анкерсмит). С идеологической точки зрения такие интересы можно возвести к т.н. «антропологическому повороту» в философии, сместившему внимание философов от абстрактного индивида к живой, конкретной личности с ее заботами и проблемами. Обычно это объясняют ростом нового знания о человеке, переменами в научно-технической сфере и социально-политическими потрясениями

общепланетарного масштаба, случившимися в XX веке [2]. Хотя, наверное, с равным успехом это можно объяснить распространением представлений о субъективности человеческого опыта, начиная с неокантианства и экзистенциализма. И самое главное, многие даже такого рода исследования теоретически предполагают существование все той же «терции», трансцендентального объекта, только существование которого и способно верифицировать любые результаты этих исследований. Например, Э. Саид, убедительно разоблачавший созданный Западом образ Востока [5], тем самым предполагал, что существует некий «настоящий» Восток, ждущий «объективного» описания, и, следовательно, доступный ему.

На философском уровне возможность подобного познания (субъективный характер опыта) обсуждалась Т. Нагелем в статье «Каково быть летучей мышью?» и американским философом Р. Рорти в ответе на эту статью. Вот фрагмент из доводов Т. Нагеля: «Кажется маловероятным, что мы приблизимся к действительной природе человеческого опыта, оставив в стороне особенности человеческой точки зрения и составляя описание этого опыта таким образом, чтобы оно могло быть понято существами, отличными от нас, которые никогда не смогут вообразить, на что похоже быть человеком. Если субъективный характер опыта возможно понять с единственной точки зрения, тогда любой сдвиг в сторону большей объективности – то есть меньшей зависимости от определенной точки зрения – не приближает нас к действительной природе данного феномена, а, напротив, удаляет от нее» [3].

Р. Рорти в ответ на эти доводы объявил бессмысленными любые вопросы, выходящие за пределы языкового опыта. Доязыковой опыт абсурден, потому что «язык вездесущ», а Т. Нагель является пленником некоего «образа» реальности, который диктуется языком, и потому поднятая им проблема не является проблемой (их полемику и ее последствия для историографии подробно проанализировал Ф. Р. Анкерсмит [1, с. 113–119]). Очень похоже на то, как Л. Витгенштейн объявил о том, что философия не решает никаких реальных проблем, кроме языковой, потому что их не существует (или, по-другому, они вызваны неправильным употреблением языка). Доводы обоих сторон по-своему логичны, но оба варианта рассуждения представляются равно губительными для ныне модных направлений истории, по сути своей все еще продолжающих традиции ранкеанского историзма. Если первая позиция не оставляет места для объективной истории, то вторая вообще исключает даже принципиальную возможность дискуссии о таковой. Другими словами, для постструктуралистского (постмодернистского) мышления истории как некоей объективно существующей (существовавшей) прошлой действительности, знание о которой каким-то образом может быть получено и верифицировано, просто не существует. Есть только тексты, производящие модели действительности, каждый из которых в отдельности принципиально не верифицируем, в соответствии с тезисом Дюэма – Куайна. Любая историческая репрезентация становится в итоге чисто лингвистической проблемой.

Даже вышеописанные постмодернистские «диверсии» на территорию историка ведут к изменениям в корпусе исторических источников и самого понимания исторического источника – если нас больше начинает интересовать субъективный исторический опыт, то в центре нашего внимания уже не «объективная историческая истина», отраженная в источниках, из которых самыми объективными, в свою очередь являются официальные документы, а нечто совсем другое. Для обозначения этого «другого» вводятся специальные термины. Например, «память» – чтобы отделить повседневный опыт от официальной истории; для изучения памяти оказываются востребованными совершенно иные виды источников, уже не «отражающие», а скорее демонстрирующие многообразие индивидуального восприятия исторического опыта.

Для их обозначения вводятся новые термины, например, «эгодокумент». Если же мы рассматриваем историческую репрезентацию с лингвистической точки зрения, то источник из средства реконструкции прошлого становится способом конструирования идентичности, самого субъекта познания.

Употребления термина «память» можно связать с П. Рикёром, оперировавшим понятиями «память», «забывание» и «история». Он отмечал селективный характер памяти, возвеличивающий определенные «героические» аспекты прошлого (и фиксирующий их в ритуалах, праздниках и т.п.), и позволяющий эффективно исключать из прошлого элементы, не соответствующие идеологии – таким путем формируется коллективные идентичности. Такая «память» сохраняется в повседневном дискурсе. П. Рикёр обращался к З. Фрейду, проводя психоанализ забывания. Теми же методами Ж. Деррида продемонстрировал роль в этом процессе архива [9]. Опасность такого подхода для академической истории заметил Й. Рюзен: «Историческая наука как дисциплина и профессиональное сообщество историков обнаруживает себя в контексте, в котором ясные черты ее достижений в познании расплываются. Помещенная на почву живой памяти историческая наука, кажется, утрачивает свои фундаментальные принципы познания. Может ли роль, которую играет историческая память в определении человеческой идентичности и направлении человеческой деятельности, быть применена к историческим исследованиям как академической дисциплине или как “науке” в широком смысле слова? Если она и признается в дискурсе памяти, то выступает просто как средство идеологии, представляющее историю в соответствии с интересами и нуждами элит, как оружие в борьбе за власть, используемое теми, кто волен определять семантические условия обмена в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции коллективной идентичности. Относительно поэтической и риторической стратегий она выступает как гермафродит научной рациональности и литературной формы, как двусмысленная фигура, синтезирующая научную рациональность и литературную текстуальность, грубо говоря, как неудавшееся дело (застой) с весьма сомнительной культурной функцией» [4]. Здесь присутствует явное понимание того, что история и постмодернизм несовместимы. Где есть в чистом виде одно – там нет другого. История, какой мы ее знаем – эксклюзивный продукт рационализма Нового времени. Это же касается и исторического источника. Строго говоря, даже модернизм предполагает смерть истории, причем еще более явную, чем постмодернизм, который скорее «симулирует» ее. Попытка такого рода «убийства» была предпринята Ф. Фукуямой – но успешно провалилась. Во что превратятся история и источник, когда, рано или поздно, постмодернизм действительно, а не фрагментарно придет и в этот «закоулок» культуры, как он пришел в другие – вопрос вопросов.

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. / Франклин Рудольф Анкерсмит. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 612 с.
2. Инноватов, Ю.В. Антропологический поворот: Характеристика европейского самосознания XX столетия. / Ю. В. Инноватов. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2000_2/pages/30/pap_30.html. – Дата доступа: 30.05.2013.
3. Нагель, Т. Каково быть летучей мышью. / Томас Нагель. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/nag_kak.php. Дата доступа: 30.05.2013.
4. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории. / Йорг Рюзен. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/ruzen.htm. – Дата доступа: 30.05.2013.
5. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. / Эдвард Вади Саид. – Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. – 638 с.
6. Шотландия. Автобиография / под ред. Р. Горинг; [пер. с англ. М. Башкатова, Т. Велимеева; под общ. ред. К. Королева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2010. – 704 с.
7. Шредер, Э. Народ Мухаммеда. Антология духовных сокровищ исламской цивилизации / Эрик Шредер; пер с англ. С. П. Евтушенко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 638 с.

8. Шутова, О.М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века / О.М. Шутова. – Минск: БГУ, 2008. – 277 с.
9. Derrida, J. Archive Fever: A Freudian Impression / Jaques Derrida; trans. Eric Prenowitz. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1995 – 63 p.

Бондаренко С.К.

ТЕЗИСЫ О ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБАХ ТОЛКОВАНИЯ ЛЕММ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ: ИСТОЧНИК, ФАКТ, ОБРАЗ, ВЗГЛЯД, КАДР

Под термином «лемма» следует (в данном контексте) понимать доказанное утверждение, используемое для доказательства прочих утверждений. Означающими лемм классического источниковедения являются, например, «источник», «документ», «факт», и др. Вполне возможно было бы удовлетворяться традиционными толкованиями, невзирая на требования времени к их переосмыслению. Впрочем, мы не находим это удовлетворение приемлемым, а поэтому полагаем возможным и открытым к дискуссии изложенное ниже в виде тезисов мнение о том, как могут быть переосмыслены ключевые «геномы» размышлений о природе указанных лемм. В этом отношении важно заметить, что метафоры и структуры номинации (именования) в категориях классического источниковедения, его словарь, позволяют говорить о мере присущего ему языкового пуризма, в котором, например, вопрос о реальности прошлого объявляется закрытым. Тем самым, декларируется, по существу, торжество романтики наивного реализма и фантазии, умело укрывающейся под позитивистской маской теории отражения. Важно заметить, что наивный реализм коренится в гипостазировании, а именно, в логической ошибке, которая заключается в «опредмечивании», «очеловечивании», абстрактных сущностей.

Предлагаемый нами пример толкования может рассматриваться как инспирированное (прежде всего, представителями «московской школы источниковедения») соразмышление о сущностной природе лемм источниковедения. В этой связи необходимо упомянуть глубокое толкование этих лемм у О. Медушевской, С. Минц, М. Румянцевой, С. Маловичко, и др. [5; 6; и др.]. «В настоящее время феноменологическая парадигма источниковедения дает строгие основания для нового гуманитарного синтеза», однако этот синтез должен предвосхищаться, как мы полагаем, эпистемологической осторожностью [6].

Во вторую очередь, это размышление обязано трактовке Н. Копосовым кадра как одной из категорий исторического мышления, а также утверждению Ж. Женетта о «сотканности языка» из пространства, мышлении пространственными категориями [3]. Действительно, визуальный поворот в исторических исследованиях обязывает к переосмыслению. П. Хаттон замечал, что «историческое мышление, прежде всего, визуально, а уже во вторую очередь текстуально» [10]. Относящиеся к структурам визуальности формы размышления над природой источниковедения мы полагаем уместным располагать в пространстве возможных интерпретаций Витгенштейнова трактата о логике [2]. Это может быть так по причине указания в трактате на особый характер сродства языковых форм (репрезентации) и форм чувственного опыта. Именно это сродство и есть, как нам думается, основная трудность построения категорий в источниковедении. Впрочем, такого рода измышления необходимо сопряжены с опасностью придания трактату несвойственного ему динамизма и темпоральности. Впрочем, эта опасность отныне является оговоренной в рамках задумки предполагаемой интерпретации. Итак, перейдем к изложению наших тезисов.

1) *Геном теории* источниковедения заключается в его леммах, история толкования которых может ложиться в основу отдельного исследования. К этим леммам относятся: источник, факт, документ, и др.

2) Историческое мышление не заключается только в языковых формах и не обязательно (отнюдь не всегда) принимает их внешний вид. Так, в действительности,

возможно предполагать наличие неязыковых пролегоменов (условий) появления *исторического образа* в мышлении. Это условие может быть, например, условием исторически (эвентуально) возможной логики в ее отношении к пространству. Поэтому, историческое мышление существует как мышление образное.

3) *Образ* появляется как результат взгляда, форма которого – кадр [4]. Кадр формируется (собирается) взглядом. Взгляд может располагаться только внутри самого текста. Текст есть «связная цепь», и таким образом взгляд – одна из его частей (звеньев), о которой возможно помыслить отдельно. Л. Витгенштейн замечал, что «…суть картины (образа) в том, что ее элементы соединены друг с другом определенным образом» [2, с. 45]. Этот «определенный образ», как нам думается, и есть взгляд, как то абстрактное понятие, которое «схватывает» как переход движение, слагание от неосмысленного к осмысленному. Так, образ, рассматриваемый как процесс, движение восприятия, поток интерпретации, может выражаться как перцепция, абстрактно могущая быть изображенной как сцена. Такого рода сцена амбивалентно распадается на сцену письма и сцену чтения [11].

4) *Взгляд* может быть воображен с различной степенью абстракции (от автомата до человека). В этом заключается амбивалентность взгляда: противопоставление его фигуры текстуальной связи образа не означает отделение его от образа полностью, взгляд продолжает оставаться частью мышления об образе, и его толкование всякий раз удваивается (и это отчасти разрешается, например, в герменевтике) [8].

5) Разные *стили мышления* о том, что есть взгляд, порождают различные *традиции толкования лемм* (например, леммы источника, факта) – будь это экзегетика, герменевтика, интерпретация, философия языка, феноменология, и т.д. Традиции толкования ложатся в основу различных сосуществующих парадигм в источниковедении (в условиях трансдисциплинарности).

6) *Взгляд* есть то, что «разрушает» текст (подобно тому, как химическая проявка палимпсеста разрушает носитель). От имплицитности взгляда происходит фрагментарность, раздробленность знаковой природы источника и факта. При этом, взгляд есть одновременно прорыв к чувственному опыту и способ обойти удвоенность фигур репрезентации (например, от феномена – к ноумену) [1].

Неклассические леммы источниковедения, таким образом, возможно помыслить как: образ, кадр и взгляд. Их соотношения способны порождать новые парадигмальные витки методологии истории в условиях ее трансдисциплинарного статуса [7].

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. – М., – 2007. – 612 с.
2. Витгенштейн , Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М., 2005. – 440 с.
3. Женетт, Ж. Фигуры. В 2-х томах. Т. 1 – 2. / Ж. Женетт. – М., 1998. – 944 с.
4. Копосов, Н.Е. Как думают историки / Н.Е. Копосов. – М., 2001. – 326 с.
5. Маловичко, С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии / С.И. Маловичко [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_malovichko/15-1-0-130 – Дата доступа: 03.07.2013.
6. Минц, С.С. Неклассическое источниковедение: приметы новой парадигмы / С.С. Минц / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_minc/15-1-0-129 – Дата доступа: 03.07.2013.
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М., 2011. – 560 с.
8. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер; пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М., 2008. – 695 с.
9. Фарсобин, В.В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии / В.В. Фарсобин. – М., 1983.
10. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб., 2004. – 444 с.
11. Jacobus, M. Psychoanalysis and the Scene of Reading / M. Jacobus. – Oxford, 1997.

Ковалев А.В.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРАКТАТА “DESCRIPTIO EUROPAE ORIENTALIS”: К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДИК КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ*

Всякий средневековый текст, пусть и написанный на латыни, не был создан носителям латинского языка. Исходя из этого суждения, мы можем говорить, что латынь всех средневековых текстов в той или иной степени является искаженной сквозь призму родного языка автора, принадлежащего к другой языковой культуре. Поэтому в средневековых текстах практически всегда присутствуют грамматические и орфографические элементы, несвойственные классической латыни. В то же время, по причине того, что язык является системой, эти изменения также не могут быть бессистемными и большая часть девиаций латинского языка в средневековых текстах может быть объяснена лингвистически.

Значительная часть нестандартных оборотов в таких текстах может быть следствием наложения на латинский текст грамматических и орфографических систем, свойственные либо родному языка автора – особенно если родной язык создателя текста принадлежал к романской группе – либо вообще представляющих из себя наложение нескольких романских языков на латинскую первооснову, в случае если автор владел другими языками помимо латыни и своего родного.

Обозначенная особенность средневековых текстов может быть достаточно полезна в деле локализации и в ряде случаев атрибуции средневековых письменных памятников. На практике данный подход к средневековым текстам позволяет по-новому взглянуть на источники, до текущего момента остававшиеся анонимными, а так же на сочинения, чьи авторы были установлены с неабсолютной достоверностью.

Целью данного доклада является обращение к одному из таких письменных памятников, анонимному средневековому трактату “Descriptio Europae Orientalis”[1]. Этот трактат был создан по заказу Папской курии в 1307 – начале 1308 года и был призван заполнить лакуну в знаниях крестоносцев о Восточноевропейском географическом пространстве. Трактат был включен в качестве одного из составных элементов в папскую программу крестового похода, конечной целью которого было отвоевание Иерусалима и восстановление господства франков в Леванте.

Уже при беглом взгляде на текст “Descriptio Europae Orientalis” обращают на себя внимание такие характерные особенности текста как характерные для средневековой латыни перестановки “ti” –“ci”, “v”–“u”, замена дифтонга “ae”” на e”, “j”–“i”, etc.

Кроме того, в процессе перевода текста источника был обнаружен целый ряд слов, не специфичных для классической латыни. Часть из них оказалась словами греческого происхождения, которые иногда встречаются в средневековых латинских письменных сочинениях. К таковым относятся, например, слова: Exeniat, от греческого ξένος – чужой, дар, подношение гостю; Calogeri, от греческого καλόγερος – монах, etc.

Однако наиболее интересен для нас блок слов романского происхождения, но не характерных для классической латыни. Данный блок лексики был сгруппирован в таблице 1. Мы можем говорить, что грамматические категории слов в первом столбце таблицы: имя или глагол, а также род число, падеж лицо и т.д. реконструируются достаточно легко, в силу того, что эта лексика согласована по правилам латинской грамматики и представлена в связанном и несущем смысловую нагрузку тексте

* This publication is a part of my research work at Lund University, thanks to a Swedish Institute scholarship and the Historical Department of Lund University.

“Descriptio Europae Orientalis”. Поэтому для слов в первом столбце, опираясь на данные грамматики и семантики предложений, были подобраны эквиваленты в итальянском и французском языках, которые являются наиболее вероятными родными языками для автора исследуемого трактата. Кроме того, для увеличения точности исследования в таблицу был введен дополнительным элементом, третий романский язык – испанский.

Таблица 1

DEO	Italiano	Frances	Español
amena – приятная	*amena*	-	*amena*
apostatauit – отреклись	*apostatare*	-	-
deliciosa – приятная	*deliziosa*	*délicieux*	*deliciosa*
eque – равные	*eguali*	*egale*	-
foratto – подбитый мехом	*foderato*	*fuorré*	*forrado*
foratto – украшенный цветами	*fiorato*	*fleuri*	*florido*
husonibus – дунайский лосось	*huco*	*hucho*	*hucho*
natural – натуральный	*naturale*	*naturel*	*natural*
roncini – клячи	*ronzini*	*rosses*	*rocines*
sarcita – наполненная	*farcita*	*farci*	-
scarlatto – ярко красный	*scarlatto*	*scarlatine*	-
stutionibus – осетр	*storione*	*esturgeon*	*esturión*

Для анализа собранных данных, можно использовать алгоритм под названием Дистанция Левенштейна. Решение подобной проблемы было впервые было упомянуто в 1965 году советским математиком В.И. Левенштейном [2], в честь которого эта задача и была впоследствии названа. Сегодня этот алгоритм активно используется в компьютерной лингвистике для решения задач коррекции орфографических ошибок в текстовых редакторах. Дистанция Левенштейна, на западе также известная как Минимальная дистанция редактирования (Minimum edit distance)–это система измерения разницы между двумя последовательностями (в данном случае словами), т.е. минимально необходимое количество изменений одиночных знаков последовательности (в данном случае букв): удаление, вставка, замена, для превращения одной последовательности в другую.

В виде формулы дистанция Левенштейна может быть представлена следующим образом:

Для 2-х последовательностей (слов):

X, с длинной = n

Y, с длинной = m

D(istance) (i,j) = x[1...*i*] и y[1...*j*]

Инициализация: D(*i*, 0)=*i*

D(0,*j*)=*j*

$$
\mathbf{D}(i,j) = \min \begin{cases} \mathbf{D}(i-1,j) + 1 & \text{(Удаление)} \\ \mathbf{D}(i, j-1) + 1 & \text{(Вставка)} \\ \mathbf{D}(i-1,j-1) \begin{cases} +2 & \text{if } (x(i) \neq y(j)) \\ +0 & \text{if } (x(i) = y(j)) \end{cases} & \text{(Замена)} \\ \mathbf{D}(i-1,j-1) + 0, \\ \text{if } (x(i, i-1)) = y(j, j-1)) & \text{(Перестановка)} \end{cases}
$$

В качестве иллюстрации для анализа текста в рамках данного доклада нами было выбрано слово “forrato”. Оно встречается в тексте “Descriptio Europae Orientalis” всего один раз в сообщении об одежде греческой знати:

Omnes principes grecie, ac ceteri nobiles et omnes de imperatoris familia uadunt induti sericeis et deauratis pannis uel scarleto *forrato* de nobilibus pellibus [1, p, 22].

Особенностью данного слова является тот факт, что, опираясь только на сходство с лексикой других романских языков, не возможно достоверно определить семантическое значение данной лексической единицы.

Так “forrato”может быть интерпретировано либо как итальянское “fiorato” – украшенный узорами, цветами, либо как итальянское – “foderato” подбитый мехом, либо же, как испанское “florido” – цветочный, либо как испанское “forrado” – подбитый мехом.

Ниже представлены матрицы по расчету минимальной дистанции редактирования для всех 4 вероятных слов-прародителей:

Таблица 2

Fiorato - украшенный узорами

O	**7**	6	7	6	5	4	3	**2**
T	**6**	5	6	5	4	3	2	3
A	**5**	4	4	4	3	2	3	4
R	**4**	3	4	3	2	3	4	5
R	**3**	2	3	2	1	2	3	4
O	**2**	1	2	1	2	3	4	5
F	**1**	0	1	2	3	4	5	6
#	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
	#	**F**	**I**	**O**	**R**	**A**	**T**	**O**

Foderato - подбитый мехом

O	**7**	6	5	6	7	6	5	4	**3**
T	**6**	5	4	5	6	5	4	3	4
A	**5**	4	3	4	5	4	3	4	5
R	**4**	3	2	3	4	3	4	5	6
R	**3**	2	1	2	3	2	3	4	5
O	**2**	1	0	1	2	3	4	5	6
F	**1**	0	1	2	3	4	5	6	7
#	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
	#	**F**	**O**	**D**	**E**	**R**	**A**	**T**	**O**

Florido - украшенный узорами

O	**7**	6	7	6	5	6	7	**6**
T	**6**	5	6	5	4	5	6	7
A	**5**	4	5	4	3	4	5	6
R	**4**	3	4	3	2	3	4	5
R	**3**	2	3	2	1	2	3	4
O	**2**	1	2	1	2	3	4	5
F	**1**	0	1	2	3	4	5	6
#	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
	#	**F**	**L**	**O**	**R**	**I**	**D**	**O**

Forrado - подбитый мехом

O	**7**	6	5	4	3	2	3	**2**
T	**6**	5	4	3	2	1	2	3
A	**5**	4	3	2	1	0	1	2
R	**4**	3	2	1	0	1	2	3
R	**3**	2	1	0	1	2	3	4
O	**2**	1	0	1	2	3	4	5
F	**1**	0	1	2	3	4	5	6
#	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
	#	**F**	**O**	**R**	**R**	**A**	**D**	**O**

Сводные результаты проведенной обработки для всех данных из таблицы 1 представлены в таблице 3. Прочерк в таблице 3 обозначает либо отсутствие слова для сравнения в языке, представленном в колонке, либо же слишком большую величину дистанции по результатам подсчетов, что также позволяет не учитывать такие данные.

Таблица 3

DEO	**Italiano**	**Frances**	**Español**
Amena	0	-	0
Apostatauit	0	-	-
Deliciosa	2	-	0
Eque	6	5	-
Forrato no1	2	-	6
Forrato no2	3	-	2
Husonibus	5	6	6
Natural	1	2	0
Roncini	2	-	4
Sarcita	0	2	-
Scarleto	3	5	-
Stutionibus	5	8	5
Среднее	**2,41**	**4,57**	**3,16**

На основании полученных данных можно утверждать следующее:

- Хотя в ряде случаев (например, “forrato” – “forrado”) дистанция Левенштейна является минимальной для испанского языка, мы не можем считать, что лексика трактата имеет испанское происхождение. Это связано с тем фактом, что в остальных случаях дистанция редактирования для испанского языка чрезвычайно велика, а ряду слов вообще невозможно найти подходящий по семантике и орфографии эквивалент. Средняя дистанция 3,16.
- В случае с анализом французского сегмента лексики, мы можем констатировать, что отличия нетипичной лексики от французского языка еще большие, чем от испанского языка. Средняя дистанция составляет 4,57 и это без учета слов с дистанцией больше 10. Все это ставит под сомнение гипотезу, в соответствии с которой возможным автором трактата был француз, папский секретарь Николя Фалько из Тула (Nicolas Falcon de Toul).

- Наименьшая дистанция 2,41, а также наличие эквивалентов ко всем словам позволяют предположить со значительной долей уверенности, что лексика трактата имеет итальянское происхождение.

1. Anonymi descriptio Europae orientalis. Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia. / ed. O. Górka. – Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1916. – 70 p.
2. Левенштейн, В.И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов / В.И. Левенштейн // Доклады Академий Наук СССР. – М.,1965. – С. 845–848.

Костякова Ю.Б.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕДИАКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА)

Средства массовой информации являются одним из важнейших социальных институтов и активно участвуют в общественной жизни на протяжении всей истории своего существования. Этим объясняется стабильный интерес исследователей не только к настоящему, но и прошлому СМИ, для всестороннего изучения которого используются различные подходы. Формируя источниковую базу, историки СМИ включают в нее вещественные, кино-, фото- и аудиовизуальные источники. Однако практика показывает, что основную ее часть составляют письменные источники, доля которых тем выше, чем дальше от нашего времени отстоит изучаемый период.

Среди письменных источников (опубликованных и неопубликованных) традиционно выделяют нормативную и исполнительную (делопроизводственную) документацию, статистические материалы, источники личного происхождения, периодическую печать. При изучении разных периодов истории СМИ на первый план могут выходить те или иные группы источников. Так, например, при исследовании советского периода медиаистории важную роль играют постановления, решения, распоряжения ЦК ВКП(б)–КПСС и местных партийных организаций, а также делопроизводственные материалы – отчеты, справки, списки работников редакций, сведения по личному составу, характеристики сотрудников СМИ и наиболее активных рабселькоров, планы, рецензии, обзоры печати и проч. Историки, изучающие недавнее прошлое отечественных средств массовой информации (1990-е – 2000-е гг.), скорее всего, предпочтут опираться на материалы личных архивов, воспоминания журналистов и других очевидцев описываемой эпохи.

Однако исследование процессов становления, развития, трансформации СМИ в различные периоды истории невозможно без привлечения в качестве источников материалов периодической печати, которые при грамотном использовании могут предоставлять ценнейшую информацию. В отличие от других СМИ пресса отличается долговечностью носителя информации (бумага). Она более доступна для изучения, поскольку сценарии и записи радио- или телепередач хранятся преимущественно в ведомственных архивохранилищах (фоно- и видеотеках телерадиокомпаний), а подшивки газет и журналов можно обнаружить в архивах, публичных и электронных библиотеках, редакциях газет. Типографский способ тиражирования периодических изданий, идентичность всех экземпляров одного номера исключают возможность внесения в уже отпечатанный выпуск каких-либо исправлений, купюр, добавлений, что позволяет рассматривать прессу как аутентичное свидетельство эпохи и облегчает процедуру внешней критики источника. Важными для историка преимуществами прессы являются периодичность представления ею информации (из номера в номер); указание на авторство и тематическая рубрикация материалов; наличие таблиц, графических элементов и фотографий, иллюстрирующих и дополняющих

представляемые в текстовой форме сведения; тематическое и жанровое разнообразие содержащихся в ней публикаций, своей совокупностью дающее представление о жизнедеятельности людей в определенный период истории.

Но, несмотря на перечисленные достоинства, периодическая печать, наш взгляд, изучается недостаточно продуктивно. Причиной этого может служить, в частности, неразработанность методов анализа больших массивов медиапубликаций. Попытки создать такую методику на основе соединения традиционных источниковедческих методов и современных информационных технологий учеными предпринимаются, но, в основном, для анализа материалов современных средств массовой информации в электронном виде. Кроме того, работа с материалами прессы требует от историка не только профессиональных знаний и исследовательских навыков, но и четкого понимания специфики деятельности средств массовой информации, а также технологии создания медиаматериалов. Но главную трудность, на наш взгляд, составляет нечеткое определение того, что же именно является источником: периодическая печать (СМИ) или публикации в прессе (медиаматериалы). Эти и другие причины нередко приводят к тому, что газетные и журнальные публикации рассматриваются как дополнительные (вспомогательные) источники даже при изучении истории самой прессы.

Расширить возможности использования печатных масс-медиа как исторического источника может помочь анализ их материалов в контексте разработанной нами теории медиакультурного пространства (МКП). Под ним мы понимаем пространство, в котором медиадеятельность осуществляется СМИ как особым социальным институтом и совокупностью средств трансляции (каналов) массово-ориентированной информации, а также отдельными личностями, названными нами «акторы (персоны) медиакультурного пространства» (журналисты, внештатные авторы, лидеры общественного мнения и др.). В эту деятельность в качестве активных или пассивных со-участников вовлечено множество людей – потребителей медиаконтента, которых чаще всего называют аудиторией СМИ. Исходным материалом, продуктом и средством, стимулирующим медиадеятельность, является информация, зафиксированная в публикациях СМИ. Таким образом, медиакультурное пространство представляет собой совокупность четырех взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: средств массовой информации, их публикаций, аудитории и акторов МКП. Использование теории медиакультурного пространства при изучении истории СМИ позволяет, на наш взгляд, расширить объект научного интереса за счет включения в него кроме масс-медиа и других элементов МКП. В результате медиапубликации из второстепенного (по важности полученной информации) исторического источника становятся неотъемлемой частью объекта исследования, что делает обоснованным глубокое и системное их изучение, расширение спектра методов их анализа.

Однако остается вопрос о статусе прессы как исторического источника. Отчасти согласимся с мнением В.М. Рынкова, который считает, что «периодическая печать – это одновременно место и способ публикации источников… Она не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников». Ученый предложил в качестве «источниковой единицы» рассматривать не издание в целом (газета, журнал), а каждую отдельную публикацию, используя при их анализе устоявшуюся классификацию (законодательные, делопроизводственные документы, мемуары и т. д.) [1]. Отметим, что в контексте медиакультурного пространства материалы СМИ сохраняют свой статус письменных источников, тогда как периодическая печать, являясь составной частью масс-медиа, относится, на наш взгляд, к типу источников вещественных. Однако методики анализа прессы должны носить

интеграционный характер, то есть учитывать особенности ее как специфического по форме и содержанию предмета изучения.

Авторы научных работ, посвященных истории СМИ, описывая методологию исследования, нередко указывают на проведенный ими «контент-анализ газет». Если учесть, что определения контент-анализа в социологии, журналистике, психологии и других науках могут различаться, то без дополнительных пояснений остается непонятным, что именно и по каким критериям автором изучалось: был ли проведен общий анализ самих изданий или только их содержания, сплошной или выборочный анализ всех публикаций или только материалов по определенной теме, в какой форме были представлены результаты количественно-качественного анализа контента и т. д. В результате, возникает опасение, что такой выборочно-произвольный «анализ» медиасодержания демонстрирует потребительское отношение к данному виду исторических источников (термин С.Н. Чернова), когда исследователь выбирает из всех публикаций только те, которые кажутся ему интересными и полезными для работы, не анализируя их содержание, причины и условия их создания, а только вычленяя из текстов цитаты. На наш взгляд, чтобы избежать такого подхода к использованию СМИ, их источниковедческий анализ должен проводиться на основе сплошной выборки, т. е. изучения всех сохранившихся номеров издания за исследуемый период, что дает возможность не только сформировать значительный источниковый массив публикаций, но и провести комплексное исследование самого масс-медиа в исторической перспективе.

Так, применение структурно-генетического метода позволяет проследить изменения внешнего вида издания, его структуры, содержания в соотнесенности с условиями, в которых происходило развитие или трансформация этого СМИ, и факторами, оказывавшими влияние на этот процесс. Исходным материалом для такого анализа служит собранная информация об изменениях статуса, состава учредителей и редколлегии, объема, тиража, формата, рубрикации, графического оформления издания и других типообразующих признаков прессы.

Сравнительно-сопоставительный анализ разных по типу печатных средств массовой информации (например, русскоязычного и издания на национальном языке, областных и районных газет) за один и тот же период дает возможность определить общее для этих масс-медиа, выделить особенности каждого из изданий, характерные для него как для представителя того или иного типа прессы, или уникальные, присущие только данному СМИ. Критериями проведения такого анализа могут служить, например, соотношение оригинальных и перепечатываемых материалов, степень и характер иллюстративности сообщаемых сведений, компоновка на полосе/в номере и распределение по темам публикаций, тематический и географических охват, степень и характер участия в создании выпусков штатных и внештатных авторов и т. д. Спектр методов, используемых для анализа СМИ как исторического источника, может быть расширен в зависимости от задач, которые перед собой ставит исследователь.

Основное внимание при изучении печатных средств массовой информации все же должно быть уделено их содержанию, поскольку его комплексный и системный анализ дополнит уже имеющуюся информацию о самом издании, а также позволит расширить, конкретизировать и обогатить различными деталями представления об исторических условиях, в которых данное СМИ функционировало. Исследователь, предпринимающий анализ содержания газеты/журнала методом сплошной выборки, должен заранее определить признаки, по которым будет отбирать и систематизировать публикации. Критерием может служить принадлежность материала, опубликованного в прессе, к определенному виду исторических источников (законодательные акты, статистические материалы, мемуары и т. д.). Однако недостатком такой классификации

является то, что далеко не все медиапубликации подпадают под видовые признаки источников. Так, например, новости, репортажи о событиях, очерки условно можно отнести к нарративным документам. Тогда как видовую принадлежность рецензий, проблемных материалов (корреспонденции, аналитические статьи, комментарии), передовых статей определить сложно.

Более распространенной и продуктивной, на наш взгляд, можно назвать классификацию публикаций по тематике, авторству, географии, масштабу описываемых событий, жанру и другим признакам. Такая дифференциация медиаматериалов существенно облегчает задачу исследователя, поскольку он имеет возможность продолжить работу уже с группами публикаций, выделенных по заданным параметрам из содержания всех изученных изданий. Это позволяет, например, определить наиболее популярные в прессе в те или иные периоды истории темы, особенности приемов и способов их освещения, использования методов информирования и манипулирования, открытого и скрытого воздействия на общественное сознание, трансформацию жанровой палитры, полноту освещения событий и явлений, адекватность отображаемой действительности и т. д. Также удается оценить степень участия штатных и внештатных корреспондентов в создании выпусков, языковые особенности авторов, их ментальные установки и понимание поставленной задачи и в итоге реконструировать индивидуальный и коллективный (собирательный) «образ» авторов СМИ как персон медиакультурного пространства.

Следующим этапом анализа является определение исторического контекста, условий и причин трансформации содержания СМИ, влияния на этот процесс различных факторов, в первую очередь, политического, а также цензуры. Внимание, на наш взгляд, следует обращать на то, насколько значимыми данные публикации были для аудитории, какую роль они играли в формировании общественного мнения и массового сознания, представлений людей изучаемой эпохи о действительности, их «картины мира», стереотипов мышления и поведения, ценностных установок. Определение воздействия медиапубликаций на аудиторию и ее ответных реакций на материалы СМИ позволяет охарактеризовать взаимодействие и взаимовлияние этих двух элементов медиакультурного пространства в определенный период истории.

Итогом комплексного анализа СМИ и их содержания должен стать вывод о научной ценности этих исторических источников, возможности их использования в таком статусе и введения в научный оборот. Но главной задачей их источниковедческого анализа в контексте теории медиакультурного пространства будет содействие раскрытию их семантического и прагматического потенциала, повышению информативной отдачи и, как следствие, более успешному выполнению исследовательской цели – реконструкции прошлого.

1. Рынков, В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В.М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.

Вовк О.И.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Эпоха конца XX – начала XXI в. характеризуется значительным подъемом исследовательского внимания к феномену биографии. Тенденции развития мирового гуманитарного знания – отход от объективистских моделей социально-культурного бытия, возрастание интереса к личностному фактору в истории и культуре как следствие антропологического поворота, курс на интеграцию накопленных человечеством знаний в единую систему – привели к тому, что биографическая

проблематика приобрела междисцилинарный статус и заняла устойчивую позицию в истории, социологии, психологии, философии и других науках.

Постепенное размывание границ предметных областей различных дисциплин стимулирует формирование новых и развитие уже известных синтетических научных жанров – например, психобиографии. Этот термин в наиболее широком смысле означает любой подход к биографии, подчеркивающий внутреннюю жизнь и психическое развитие личности. В узком смысле психобиографическое исследование подразумевает использование формализованной психологической теории в биографическом нарративе [16, с. 1388]. Помимо собственно биографии, данная дисциплина генетически связана с возникшей в середине XIX в. патографией [13, с. 741] – историей болезни выдающегося человека [8].

Датой появления первой психобиографии принято считать 1910 г., когда вышла в свет книга З. Фрейда «Леонардо да Винчи: воспоминание детства» [13, с. 742]. Принципиальное различие между двумя смежными направлениями состоит в том, что патография ставит во главу угла реальное либо мнимое (психическое или соматическое) заболевание изучаемой личности. Цель же психобиографии состоит в исследовании ее внутреннего мира, не касаясь патологических аспектов. Однако и до сегодняшнего дня провести демаркационную черту между указанными жанрами бывает весьма сложно.

Первые опыты в области пато- и психобиографистики были предприняты психиатрами и психологами, а потому не являлись собственно историческими [12, с. 31]. Тенденция начала изменяться лишь к середине XX в. в западной науке и к концу XX в. – в отечественной, когда стали появляться психобиографические работы, написанные профессиональными историками. За прошедшие сто лет трансформировались и принципы создания подобного рода исследований. Согласно W.T. Schultz, психобиография должна быть логически обоснованной и убедительной для читателя; комплексной, направленной на изображение нескольких аспектов деятельности личности; согласоваться с общими знаниями о человеческой психологии и биографическими сведениями о конкретной личности; использовать различные типы источников. Вместе с тем, психобиографу не следует объяснять характер и поведение взрослого человека только на основании истории его детства, а, следовательно, слишком увлекаться теорией психоанализа; использовать факты, полученные путем умозаключений исследователя и не имеющих прямых доказательств; игнорировать одни данные о личности в угоду другим [15, с. 7–10].

На протяжении длительного времени для зарубежной и отечественной историографии было характерно преимущественное внимание к личностям, оставившим после себя богатое письменное наследство – писателям, ученым и т.д. [см., напр., 2; 3; 10; 14 и др.]. Вместе с тем, в последнее время усиливается интерес пато- и психобиографов к деятелям, чье творческое наследие представлено невербальными (прежде всего, визуальными) образами [см., напр., 4; 11; 17 и др.]. Это означает, что в поле зрения исследователей стали попадать типы и виды источников, которые прежде не рассматривались как биографические. К подобным мы относим, прежде всего, изобразительные источники. Нельзя сказать, что этот тип источников ранее вовсе игнорировался биографами, однако внимание уделялось прежде всего иконографическому аспекту, т.е. определению достоверного изображения конкретной исторической личности или события, их распознаванию и датировке [9, с. 404].

Новые подходы к анализу биографий заставили пересмотреть прежние взгляды на роль изобразительных источников в биографическом исследовании. К настоящему времени у специалистов уже нет сомнения в том, что созданный человеком рисунок — это один из важнейших источников знаний о его психике, с помощью которого можно

извлечь множество качественной и количественной информации. В графическом изображении зафиксирован процесс отражения индивидом окружающего мира и его внутреннего состояния, содержания фантазий, воображения. Рисунок демонстрирует уровень образного развития и графической культуры, а также служит средством проникновения в сущность явлений, духовного освоения природы, воплощения философских, социальных, политических, этических и эстетических идей [7, с. 93].

Безусловно, изучение зрительных образов не означает отказа от использования традиционных для биографистики письменных повествовательных источников (литературных и публицистических произведений, источников личного происхождения и проч.) [5, с. 33]. Более того, сравнение данных источников разных типов и интеграция их в единую систему способны обогатить результаты исследования, сделать его более полным и точным. К примеру, автору монографии, посвященной жизни и деятельности И.Е. Репина, на основании анализа и хронологического сопоставления массивов эпистолярного и живописного наследия художника удалось сформулировать гипотезу относительно особенностей темперамента великого живописца, повлиявших на результаты его творческой деятельности и жизненного уклада в целом [4].

Следует отметить, что подобный анализ применим для исследования жизни не только профессиональных мастеров кисти. Примером тому может служить художественное творчество писателей, для которых зачастую рисунок становится графическим отображением потаенного замысла, еще не воплощенного в фонетическом знаке. Как известно, в рукописях А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского встречаются многочисленные зарисовки; В.А. Жуковский и М.Ю. Лермонтов писали любительские пейзажи [1, с. 55–56]; М.А. Волошин и Н.Н. Каразин были профессионалами одновременно в сферах литературы и изобразительного искусства, и этот ряд можно продолжить. Живописные и графические работы этих людей могут стать ценным источником для психобиографа. Заметим, что попытка медико-психологического анализа пушкинских рисунков была предпринята еще в начале XX в. [6], однако в целом указанный аспект в историографии представлен довольно скудно.

Таким образом, вовлечение изобразительных источников в практику психобиографического исследования имеет серьезный эвристический потенциал, нуждающийся в актуализации посредством проведения дальнейших практических и теоретико-методологических поисков в данном направлении.

1. Д’Амелия, А. Письмо и рисунок: альбомы А. М. Ремизова / А. д’Амелия // Slavica Tergestina. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. – Bergamo, 1998. – С. 53–76.
2. Ващенко, В.В. Від самопрезентації до методології: психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2007. – 324 с.
3. Ващенко, В.В. Неврастенія: непрочитані історії (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання автомонографії М. Грушевського) / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2002. – 408 с.
4. Вовк, О.І. Духовно-релігійні пошуки І.Ю. Рєпіна у дзеркалі сучасної біографістики / О.І. Вовк. – Харків: САГА, 2012. – 114 с.
5. Ляшко, С.М. Джерельна база біографічних досліджень: загальне і особливе / С.М. Ляшко // Українська біографістика = Biographistica Ukrainica: зб. наук. праць / НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т біографічних досліджень; редкол.: Т.І. Ківшар (гол. ред.) та ін. – К.: [б.в.], 2011. – Вип. 8. – С. 27–50.
6. Минц, Я.В. К патографии А.С. Пушкина / Я.В. Минц // Клинический архив гениальности и одаренности. – 1925. – №2. – С. 29–46.
7. Потемкина, О.Ф. Психологический анализ рисунка и текста / О.Ф. Потемкина, Е.В. Потемкина. – СПб. : Речь, 2006. – 524 с.
8. Сироткина, И.Е. Патография как жанр: критическое исследование / И.Е. Сироткина // Медицинская психология в России [Электронный ресурс]. – 2011. – №2. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php. – Дата доступа: 20.02.2013.

9. Цинковська, І.І. Проблеми іконографічного забезпечення української біографістики / І.І. Цинковська, Г.М. Юхимець // Бібліотека. Наука. Культура. Інформація: Наукові праці Нац. б-ки України ім. В.І. Вернадського / редкол.: О. С. Онищенко [та ін.]. – К.: [б.в.], 1998. – Вип. 1. – С. 403–408.
10. Bard, R.A. Charlotte Perkins Gilman: A Psychobiography / R.A. Bard. – New York: Adelphi University, 1996. – 163 p.
11. Bok, M.J. Was Hendrick ter Bruggen a Melancholic? / M.J. Bok // Journals of Netherlandish Art. – 2009. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 15–19.
12. Ihanus, J. Psychological and Psychobiological Perspectives / J. Ihanus // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал. У.Н. Сідарцоў [і інш.]. – Мн.: БГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 31–37.
13. Kövary, Z. Psychobiography as a Method. The Revival of Studying Lives: New Perspectives in Personality and Creativity Research / Z. Kövary // Europe's Journal of Psychology. – №7(4). – 2011. – P. 739–777.
14. Piacentino, E. Poe's "The Black Cat" as Psychobiography: Some Reflections on the Narratological Dynamics / E. Piacentino // Studies in Short Fiction. – 1998. – №35. – P. 153–167.
15. Schultz, W.T. Introducing Psychobiography / W.T. Schultz. // The Handbook of Psychobiography / ed. by W.T. Schultz. – New York: Oxford University Press, 2005. – P. 3–18.
16. Shiner, L. Psychobiography / L. Shiner // The International Dictionary of Psychoanalysis. – Detroit: Thomson Gale, 2005. – P. 1388.
17. Survilate, D.R. Famous Artist and Mental Illnesses / D.R. Survilate // Gamian-Europe Newsletter. – Winter 2010–2011. – №39. – P. 11–13.

Макиенко А.А.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УКРАИНЕ

Последние десятилетия ознаменовались активным развитием регионально-исторических исследований на территории Украины. Предметом изучения украинских историков стал широкий спектр общественно-политических, социально-экономических, культурно-бытовых явлений и процессов в регионах страны. Их осмысление стимулируется не только снятием политико-идеологических преград, применением новых методологических подходов, усовершенствованием методического инструментария, но и существенным расширением источниковой базы подобных исследований. В то же время невысокий уровень источниковедческой культуры большинства местных исследователей осложняет процесс исторической реконструкции, приводит к искажению научных результатов.

Основой дальнейшего развития краеведения должны стать фундаментальные научные исследования в области источниковедения региональной истории. Первоочередными заданиями местных исследователей следует считать актуализацию ранее малоизвестных или малоиспользуемых комплексов исторических источников, поиск и внедрение новых научных методик для получения и адекватной интерпретации источниковой информации. Важные шаги в этом направлении на территории Украины осуществляют историки-земствоведы. За 20 последних лет в Украине защищено более 30 диссертаций, опубликовано около десятка монографий и несколько сотен статей, посвященных различным аспектам деятельности органов земского самоуправления в украинских регионах во второй половине XIX – начале XX ст. Проведенные исследования убедительно доказали, что создание полноценной картины жизни дореволюционной провинции невозможно без основательного изучения документального наследия земств.

За более чем 50-летнюю историю земского самоуправления на территории Украины сформировалась сложная система земских учреждений, включающая в себя руководящие органы земств (собрания и управы) и сеть специализированных учреждений, выполняющих земские задачи в различных отраслях местного хозяйства. Результатом их работы стало не только создание развитой хозяйственной, социальной и культурно-образовательной инфраструктуры в регионах, но и формирование

ценнейших документальных собраний в составе земских архивов и библиотек. Документы земских учреждений, отражающие как особенности функционирования системы местного самоуправления, так и широкий спектр проблем культурно-хозяйственного развития регионов, обладают мощным информационным потенциалом и требуют к себе повышенного внимания исследователей.

Однако до последнего времени научное изучение комплекса земских документов в Украине носило преимущественно прикладной характер. Интерес к документальному наследию земств фактически проявляли лишь историки-земствоведы, при этом серьезные источниковедческие работы нередко подменялись обзорами доступных источников [1]. Значительное распространение в среде местных исследователей получили документальные описания фондов земских учреждений в отдельных архивах Украины [5, 12]. Немногочисленные публикации были посвящены характеристике отдельных видов документации земств – материалов земского делопроизводства [14] и статистики [3, 6], периодических изданий [4]. Продуктивностью отличались попытки применения компьютерных технологий для обработки и анализа данных земской документации [13]. Впрочем, отсутствие адекватных представлений о механизмах формирования различных документальных комплексов в процессе земской деятельности иногда приводило к серьезным авторским заблуждениям в понимании их источниковой природы [2, 7]. Итак, выявление, систематизация и классификация земских документов как самостоятельного комплекса исторических источников, изучение их происхождения, разработка методики исследования и интерпретация их информации–неотложные задачи современных историков-источниковедов.

Источниковедческое изучение земских документов должно сопровождаться исследованиями истории формирования данного комплекса, выяснением его количественных и качественных характеристик. В докладе предпринимается попытается оценить ресурсный потенциал сохранившейся до наших дней части документального наследия земств в Украине.

К 1920 г. – времени окончательной ликвидации советской властью местного общественного самоуправления на территории Украины – в земских документохранилищах были сосредоточены огромные документальные ценности. Земские архивы входили в число крупнейших провинциальных архивов. В уездных земствах архивы содержали, как правило, до 10 тыс. дел, а в губернских – могли насчитывать до 50 тыс. дел каждый [10, с. 10]. Кроме собственно земской документации, в них хранились значительные комплексы документов ликвидированных дореформенных учреждений, переданных в своё время земствам. Показатели ежегодных поступлений дел в архив в значительной степени определялись масштабами культурно-хозяйственной деятельности различных земств. Впрочем, даже с учетом этой специфики постоянный рост документооборота обеспечивал постепенное увеличение объёмов комплектования архивов. В начале XX ст. архивы уездных земств ежегодно пополнялись на 100–200 дел, а губернских земств – на 500–1000 дел [10, с. 10]. Мощным источником комплектования земских библиотек стала печатная продукция самих земских учреждений – результат их активной издательской деятельности. Большинство земств в Украине регулярно публиковали свои делопроизводственные и статистические материалы, многие также издавали собственные печатные органы – земские сборники, журналы, газеты, бюллетени и др. К сожалению, до наших дней не сохранились более-менее информативные справочники, отражающие в полной мере количественный и качественный состав земских архивов и библиотек. В целом на территории Украины архивы ликвидируемых земств могли

содержать не менее миллиона дел, а библиотеки – многие сотни тысяч экземпляров земских изданий.

В начале 1920-х гг. архивно-библиотечные собрания земств, подобно аналогичным собраниям других дореволюционных учреждений, стали жертвами военно-мобилизационной модели хозяйствования новой власти и заложниками малоэффективной системы охраны культурных ценностей в Украине. Большую часть земских документов использовали для канцелярских нужд местных советских учреждений и обеспечения сырьём бумажных фабрик УССР [11]. На протяжении 1920-1930-х гг. остатки собраний земских архивов и библиотек в результате планомерной работы отечественных архивистов были сконцентрированы в хранилищах государственных архивов. Впоследствии в отдельных архивах земские документы были практически полностью уничтожены в годы Второй мировой войны, в других – пострадали в ходе плановых «макулатурных» кампаний. Таким образом, сохранившийся до наших дней комплекс земских документов – лишь незначительная часть бывшего документального богатства.

На современном этапе в Украине документы земских учреждений собраны преимущественно в фондах госархивов и их научно-справочных библиотек, отдельные комплексы печатных изданий земств входят в состав собраний библиотек и музеев Украины. К сожалению, несовершенство их справочного аппарата существенно осложняет интеллектуальный и физический доступ к земским документам, не позволяя должным образом оценить научное значение тех или иных документальных комплексов. Справочная информация о составе архивных фондов является преимущественно устаревшей, неполной или неточной, а касательно собраний земских изданий – зачастую вовсе отсутствует [8, 9].

Анализ существующего комплекса архивных справочников свидетельствует, что в двух центральных госархивах (ЦГИАК Украины, ЦГАВО Украины), 19 областных госархивах (кроме западных областей), госархивах Автономной Республики Крым и г. Киева, а также КУ «Измаильский архив» хранятся более 300 фондов различных земских учреждений – региональных подразделений Всероссийского земского союза, губернских, уездных и волостных земских (народных) управ, народных училищ, больниц, госпиталей и приютов, касс мелкого кредита, опытных станций, библиотек, музеев и пр. – общим объёмом около 100 тыс. ед. хр. [9, с. 114]. Кроме того, менее существенные по объёму комплексы земской документации присутствуют в составе фондов других местных учреждений – губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских по земским и городским делам присутствий и т.д. Несмотря на относительно непродолжительный период функционирования земств Правобережной Украины (1904-1920 гг.), более репрезентативными являются фонды соответствующих госархивов. В частности, в Госархиве Киевской области хранится крупнейший из сохранившихся фондов земских учреждений в Украине – фонд 1239 «Киевская уездная земская управа» (13303 ед. хр.). Аналогичные фонды в госархивах Левобережья и Юга Украины, сильно пострадавшие в ходе военно-политических катаклизмов первой половины XX ст., существенно уступают им и в количественном, и в качественном отношениях. Документальные комплексы в составе большинства фондов крайне фрагментированы, поэтому не отражают первоначальную структуру и состав информационных ресурсов фондообразователей.

Печатные издания земств наиболее полно представлены в «земских отделах» научно-справочных библиотек госархивов Украини, созданных во многом на базе остатков земских библиотек. В библиотеке Госархива Херсонской области хранится крупнейшее из подобных собраний – более трёх тысяч единиц хранения (почти треть общего объёма библиотечного фонда), а Государственная научная архивная библиотека

Украины в г. Киеве располагает наибольшей коллекцией печатной продукции земств различных регионов Украины (более 1500 ед. хр.) [8, с. 53].

Сохранившаяся часть документального наследия земских учреждений в Украине состоит преимущественно из материалов делопроизводства и статистики. Среди основных комплексов документов – остатки организационно-распорядительной (уставы, правила и инструкции земских учреждений, журналы, протоколы и стенограммы заседаний земских собраний), информационно-аналитической (доклады и отчеты земских управ, их подразделений и подведомственных земских учреждений), бухгалтерской (сметы, счетоводные книги, требовательные ведомости), учетной (журналы регистрации документов, окладные книги, инвентарные описи), статистической (программы, первичные материалы (списки, анкеты, карточки) и их черновые сводки, статистические труды), кадровой (личные дела служащих) и др. документации, а также деловой переписки земств.

Важной чертой земского делопроизводства являлась практика публикации основных видов документации, что создало принципиально новые условия для ее распространения, а значит – и лучшей сохранности. Вследствие этого исследователи получили возможность восполнения существующих в архивных материалах информационных лакун за счет данных сохранившихся экземпляров соответствующих печатных изданий. Особое значение в этом отношении принадлежит информации издаваемых земствами «Систематических сводов постановлений» земских собраний, различных статистических сборников, а также многочисленных органов земской периодической печати.

В целом, хранящаяся в архивах, библиотеках и музеях Украины земская документация, несмотря на непростую судьбу документального наследия земских учреждений, представляет ценный в научном отношении комплекс исторических источников, позволяющих пролить свет на различные стороны жизни провинции второй половины XIX – начала XX ст. Учитывая значительный информационный потенциал этой группы источников, следует обратить серьезное внимание на его полноценное источниковедческое изучение. Первым шагом на этом пути может стать создание справочных пособий (аннотированного реестра фондов, библиографических указателей), способствующих рационализации усилий учёных-историков. Дальнейшая актуализация документального наследия земских учреждений расширит источниковую базу исторической регионалистики, активизирует научные исследования в области источниковедения региональной истории Украины.

1. Бакуменко, Е.А. Основные источники по истории земских учреждений России второй половины XIX – начала XX ст. / Е.А. Бакуменко // Вісн. Харків. держ. ун-ту. – Харків, 1998. – Вип. 30(413). – С. 77–87.
2. Волос, О.В. Земські матеріали як джерело пізнання етнічної історії краю / О.В. Волос // Наук. праці істор. ф-ту ЗДУ. – Запоріжжя, 2007. – Вип. XXI. – С. 358–361.
3. Воронов, В. Земська статистика як джерело з історії України (кінець 1860-х рр. – 1917 р.) / В. Воронов // Наукові записки: зб. пр. молодих вчен. та асп. – К.; Хмельницький, 2002. – Т. 8. – Ч. II. – С. 45-55.
4. Гуз, А. Становлення земської преси України в другій половині XIX – на початку XX ст. / А. Гуз // Історія в школі. – 2002. – № 11/12. – С. 1–6.
5. Зенкова, Л. Документи Державного архіву Полтавської області як джерело вивчення діяльності місцевого самоврядування у пореформений період / Л. Зенкова // Архіви і документальна спадщина Полтавщини: минуле, сучасне, перспективи (1903-2003): архів. зб. на посвяту 100-річчя Полтав. вчен. архів. комісії. – Полтава, 2003. – С. 170–174.
6. Зубко, А.М. Значення матеріалів земських подвірних переписів для дослідження історії України періоду капіталізму / А.М. Зубко // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. істор. наук. – К., 1986. – Вип. 28. – С. 73–79.

7. Кузовова, Н.М. Земські видання як джерело з історії Херсонщини та чинник розвитку її духовного життя / Н.М. Кузовова // Наукові записки / Херсон. краєзн. музей. – Херсон, 2005. – С. 88–100.
8. Макієнко, О.А. Колекції земських видань у бібліотечних зібраннях державних архівів України: походження, склад, історична доля / О.А. Макієнко // Гуржіївські історичні читання: Зб. наук. пр. – Черкаси, 2011. – Вип. 4. – С. 51–54.
9. Макієнко, О. Описи фондів земських установ у державних архівах України: історія створення й інформаційне значення / О. Макієнко // Істор. архів. Наук. студії. – Миколаїв, 2012. – Вип. 8. – С. 114–122.
10. Макієнко, О. Організація архівної справи в земствах України (друга половина XIX – початок XX ст.) / О. Макієнко // Студії з архівної справи та документознавства. – К., 2010. – Т. 18. – С. 7–14.
11. Макиенко, А.А. Судьба земских архивов на Украине в 1920-х годах / А.А. Макиенко // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў: матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысв. 100-годдзю Віцеб. вучон. арх. камісcіі (Мінск, 20 мая 2009 г.). – Мн., 2010. – С. 90–97.
12. Мельничук, І.П. Документи Державного архіву Вінницької області про історію органів самоврядування на Поділлі (XIX – поч. XX ст.) / І.П. Мельничук // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи: наук. зб. – Кам'янець-Подільський, 2002. – С. 215–219.
13. Шихов, К.Л. Земська добродійність на Катеринославщині 1866–1913 рр. (комп'ютерні технології обробки та аналізу джерел): автореф. дис.... канд. іст. наук: 07.00.06 / К.Л. Шихов; Дніпропетр. нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2003. –18 с.
14. Шихов, К.Л. Про деякі методологічні та методичні проблеми дослідження матеріалів земського діловодства / К.Л. Шихов // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. – Дніпропетровськ, 1995. – С. 198-204.

Иванова О.С.

ДОКУМЕНТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ПИЧЕТЫ В БЕЛОРУССКИХ ХРАНИЛИЩАХ: ПОИСК, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ОПИСАНИЕ

После смерти известного историка-славяноведа, первого ректора Беларуского государственного университета В.И. Пичеты, забота о судьбе его документального собрания легла на плечи его вдовы, Александры Петровны. Характеризуя богатый личный архив историка, Н.Н. Улащик говорит о наличии в нём воспоминаний об учёбе в МГУ, законченных и незаконченных научных работ, переписки и других ценнейших исторических материалов [1, л. 1]. Решение о передаче документов на государственное хранение было нелегким, так как на них претендовали несколько хранилищ Беларуси и России. По мнению А.П. Пичеты их необходимо было «отдать туда, где их поместят в отдельный шкаф как работы Владимира Ивановича Пичеты, а не разрознят для укомплектования библиотеки или каких-нибудь ещё целей – ведь это жизненный и трудовой путь человека» [2, л. 35]. В середине 1950-х гг. Александра Петровна передала в музей Беларуского государственного университета ряд биографических документов В.И. Пичеты, в основном те, которые касались его работы в качестве ректора. Шел разговор о перадаче сюда рукописей учёного, однако Александра Петровна сочла небходимым предварительно опубликовать данные документы [3, л. 3–17]. Книжная коллекция академика Пичеты была передана в Государственную библиотеку БССР в 1958 г. и там расформирована [4, с.16–18]. Сюда же из собрания В.И. Пичеты Н.Н. Улащиком были преданы рукописные документы XVIII – XIX вв. [5, л. 23] Основная же часть документов была передана в Архив Академии наук в ноябре 1968 г., через шесть лет Ксения Ивановна – дочь академика – передала на хранение оставшуюся часть.

Тем не менее, если говорить обо всём документальном наследии (личном архиве) В.И. Пичеты, то данный перечень хранилищ вряд ли можно назвать исчерпывающим. Документальное наследие (личный архив) – это комплекс всех документов, имеющих отношение к жизни и деятельности конкретного лица

(биографических, документов научной и иной деятельности, документы мемуарного характера, эпистолярные документы, фотографии,коллекции документов), в соответствии с принципом пертиненции (принадлежности)[*]. Такие документы хранятся в архивах, музеях, отделах рукописей библиотек, ввиде или в составе фондов личного происхождения, сборов, коллекции, фондов организаций в которых осуществлялась деятельность. При этом документы, относящиеся к деятельности одного лица, могут храниться в нескольких фондах или коллекциях разных хранилищ. Особенностью личного архива историка является то, что он, как правило, охватывает большой исторический период, в отличие от личных архивов политических и культурных деятелей, которые чаще всего фиксируют только эпоху, в которой были созданы. Взаимосвязи между личными архивами наиболее полно проявляются в эпистолярии, мемуарах, коллекционных документах.

Исходя из вышеизложенных принципов, можно составить перечень беларуских хранилищ и фондов[†], в которых хранятся документы о жизни и деятельности В.И. Пичеты:

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) (фонды Белорусского государственного университета (ф.205), Центрального комитета КПБ (ф. 4), Народного комиссариата просвещения (ф. 42), Центрального исполнительного комитета БССР (ф. 6) и некоторые другие)
2. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси) (Института истории (ф. 3), Института белорусской культуры (ф.67)
3. Отдел редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки НАН Беларуси (ОРКР НАН) (личные фонды Н. Улащика, М. Гринблата и др.)
4. Национальная библиотека Беларуси (НББ) (книги из библиотеки Пичеты, ф. 2 (рукописи, переданные Н. Улащиком)
5. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (личные фонды и коллекции)
6. Национальный музей истории и культуры (НМГК) (документы, фотографии и вещи, переданные Ксенией Пичетой)
7. Музей истории БГУ (документы переданные разными лицами)

В НАРБ и ЦНА НАН Беларуси хранятся документы о деятельности В.И. Пичеты в качестве ректора и профессора БГУ, члена ЦИКа БССР, председателя историко-археологической комиссии Инбелкульта и включают в себя официальные документы: протоколы, переписку, служебные характеристики сотрудников. Официальный характер документов сводит к минимуму возможности проявления личности в документах. В основном в них дается сухая характеристика действий В.И. Пичеты во время тех или иных мероприятий, закрепленная машинописным текстом и лишь подтвержденная собственноручной подписью. Исключениями являются собственноручная записка В.И. Пичеты на имя директора Института истории

---

[*] В традиционной российской и белоруской архивоведческой историографии не существует чёткого теоретического обоснования понятия “личный архив”, понятие же “документальное наследие” и вовсе носит оттенок метафоричности. Однако в немецкой (Отто Мейснер) и польской (Жигмунт Коланковский) историографии присутствуют теоретически осмысленные и обоснованные понятия Nachlass и śpuscizna, которые дословно переводятся как «наследие» и могут служат основополагающим термином для реконструкции всего комплекса документов, свидетельствующих о жизни и деятельности одного лица.

[†] Эти документы характеризуют в основном «минский» период деятельности В.И. Пичеты. Основной комплекс документов в составе личного архивного фонда хранится в АРАН в Москве. Из данного перечня выпадают также “украинский”, “витебский” (1888–1890), “воронежский” (1934–1935) периоды жизни и деятельности.

академика Н.М. Никольского об индивидуальных планах научной и издательской деятельности на 1945 г. [6], письма с ходатайством об освобождении из-под ареста некоторых преподавателей БГУ [7], отзывы о научной деятельности коллег [8]. Огромное количество выявленных протоколов и других официальных документов требует серьезного анализа с точки зрения уточнения основных этапов деятельности В.И. Пичеты, а также проявления в них конкретной личности, своеобразное «выделение» её из канцелярских оборотов и делопроизводственных форм.

Более интересными и разнообразными, хоть и весьма фрагментарными являются документы выявленные в составе личных фондов и коллекций архивов и библиотек. В ОРКР ЦБАН наиболее интересными в плане выявления оказались фонды ученика В. Пичеты, историка Н. Улащика, а также этнографа М. Гринблата. В первом фонде была выявлена оригинальная фотография Пичеты, сделанная в Праге в 1928 году, а также доклад Н. Улащика о Пичете, а также письма Александры Петровны и Ксении Пичеты [9], во втором – письмо и поздравительная телеграмма, направленные М. Гринблату [10]. В БГАМЛИ в различных фондах хранятся групповые фотографии 1920-х гг. с изображением Пичеты, заметки и другие документы с упоминанием о Пичете [11]. В Научно-исследовательском отделе книговедения НББ хранятся рукописи статей Пичеты «Война 1812 г. и народное хозяйство», «Гродненская экономия», совместной монографии «История Беларуси» в 2-х тт., преданные Н. Улащиком [12].

Уникальный комплекс документов о семье академика хранится в НМИК. Он передан дочерью В.И. Пичеты Ксенией в 70-х гг. XX в. и отражает деятельность самого Пичеты и жизнь его семьи в начале XX вв. Это 16 фотографий первой жены Пичеты и его детей в 1911 году, на отдыхе в Крыму. Значительный интерес представляют рукописные копии нескольких автобиографий, сделанные дочерью Ксенией и использованные ей для публикации для сборника к столетнему юбилею Пичеты. Здесь же хранятся личные вещи В.И. Пичеты: знаменитое пенсне, портфель, портсигар и др. [13]. В Музее истории БГУ хранится лишь несколько оригинальных удостоверений Пичеты, переданных, как уже отмечалось А.П. Пичетой, а также автограф дарственной надписи Пичеты на издании работы «Падение крепостного права в России…», 1904 г. Все остальные документы, в том числе и фотографии, хранящиеся в музее, имеют дублетный характер.

В Национальной библиотеке Беларуси выявлено 38 книг из библиотеки В.И. Пичеты, на которых имеются как автографы самого Пичеты, так и дарственные надписи ему от деятелей беларуской науки А. Сапунова, В. Игнатовского, М. Довнар-Запольского, Д. Довгялло, З. Бядули, украинских учёных А. Савича, М. Петровского, а также с дарственными надписями Ивану Христофоровичу, отцу Владимира Ивановича и др. Выявление в этом направлении следует продолжить, поскольку Л. Сильнова в своей статье говорит о 70 книгах из библиотеки Пичеты находящихся в НББ [14].

Таким образом, можно говорить о том, что количество документов, в той или иной степени отражающих деятельность В.И. Пичеты и находящихся в минских хранилищах, составляет более 900. Их можно систематизировать по следующей схеме:

1. Документы деятельности.
1.1. Белорусский государственный университет.
1.2. Институт белорусской культуры, Академия наук БССР.
1.3 Центральный исполнительный комитет БССР.
2. Научные труды.
3. Переписка.
4. Фотографии.
5. Документы о В.И. Пичете.
6. Дарственные надписи.

7. Документы родных В.И. Пичеты.

Следует также отметить, что соответствующего описания требуют документы о жизни и деятельности В.И. Пичеты в Полтаве, Коростышеве, Екатеринославе, Витебске, Воронеже и др., а соответственно исследования ряда украинских, российских и белорусских хранилищ.

1. ОРКР ЦНБ НАН Беларуси. – Фонд 44. – Оп. 1. – Ед.хр. 657. – Л. 1.
2. Из письма А.П. Пичеты доценту БГУ М.П. Барановой 01. 01. 1965. // АРАН. – Фонд 1548. – Оп. 2. – Ед.хр. 179. – Л. 35.
3. Переписка А.П. Пичеты с сотрудниками музея университета // Там же. Л. 3–17.
4. Сільнова, Л.Д. Прыватная калекцыя У.І. Пічэты ў кніжных фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / Л.Д. Сільнова // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыці прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 23–24 красавіка 1998. – Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1998. – С. 116–118.
5. Письмо С. Житомирской к А. П. Пичете. 20. 12. 1960. // АРАН. – Фонд. 1548. – Оп. 2. – Ед.хр. 179. – Л. 23.
6. ЦНА НАН. – Фонд 3. – Оп. 1. – Ед.хр. 46 – Л. 7
7. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Ед.хр. 213. – Л. 359; Ед.хр. 1216. – Л.12.
8. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Ед.хр. 213. – Л. 1201. – Лл. 72–78.
9. ОРКР НАН. – Фонд. 44. – Оп. 1. – Ед. хр. 188, 237, 244, 1018, 1270.
10. ОРКР НАН. – Фонд. 42. – Оп. 1. – Ед. хр. 1804.
11. БГАМЛИ. – Фонд 407. – Оп.1. – Ед.хр. 224. – Л. 1; Фонд 401. – Оп.1. – Ед.хр. 48. – Л. 42.
12. НИОК НББ. – Фонд 2. – Оп.1. – Ед.хр. 2–3.
13. НМИК – № 25041-25058.
14. Сільнова, Л.Д. Прыватная калекцыя У. І. Пічэты ў кніжных фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / Л.Д. Сільнова // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыці прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 23–24 красавіка 1998. – Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1998. – С. 116.

Карапузова А.Г.

ДОКУМЕНТЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921–1939 гг.): КЛАССИФИКАЦИЯ, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

Исследуемый комплекс документов возник в процессе деятельности местных органов власти и органов местного самоуправления, действовавших на территории западно-белорусских земель, входившей в состав Польского государства в 1921–1939 гг. В указанный период к местным органам государственной власти относились: воеводские управления (на уровне воеводства), поветовые староства (на уровне повета); к органам местного самоуправления – поветовые отделы, городские управления (магистраты), гминные правления (на уровне поветов, городов и гмин соответственно). Для источниковедческого анализа были взяты документы местных органов управления и самоуправления Полесского воеводства, находящиеся на хранении в Государственном архиве Брестской области. Данные материалы насчитывают 95 045 единиц хранения за 1919–1939 гг. в составе 63 архивных фондов (в т.ч. объединенных) [1, с. 19–34].

Для общей характеристики и анализа внешних признаков источника были использованы материалы, отложившиеся в следующих архивных фондах: Полесское воеводское управление [2], Брестское [3] и Пинское [9] поветовые староства, Поветовый отдел Брестской поветовой рады [8], Брестское [4] и Пинское [10] городские управления, Правления Малоритской [5] и Верховичской [6] гмин Брестского повета, Гминные правления Пружанского повета [7] (т.е. органов управления и самоуправления всех уровней). Выбор именно этих фондов для изучения

обусловлен тем, что они отличаются высокой степенью сохранности документов и отвечают критериям репрезентативности. Изучаемый комплекс источников в целом является делопроизводственной документацией, т.к. возник в ходе выполнения функций и обязанностей, входящих в компетенцию местных органов власти и самоуправления.

Для облегчения работы с исследуемым документальным комплексом и извлечения из него максимально возможного информационного потенциала, необходимо все это множество и многообразие документальных материалов систематизировать. В результате использования различных методов и принципов классификации и систематизации делопроизводственной документации, описанных в работах по источниковедению [13, с. 36–40; 11, с. 398–413], государственного стандарта на делопроизводственную и архивную терминологию [12] можем применить несколько вариантов классификации и систематизации исследуемого комплекса документов в зависимости от критериев, положенных в их основу.

Исходя из функционального назначения документов, можно выделить следующие видовые группы: организационные документы (уставы, регламенты, инструкции, правила, положения и др.); распорядительные документы (циркуляры, распоряжения, решения, указания и др.); протокольная группа (протоколы заседаний коллегиальных органов, собраний, конференций, съездов); отчетная документация (отчеты о работе, обзоры, доклады, итоговые информации, ситуационные отчеты, рапорты, донесения и др.); переписка на всех уровнях (между вышестоящими и подчиненными органами, равными по статусу органами, с другими организациями и частными лицами); учетные документы (списки, журналы и книги учета, анкеты, реестры, перечни, домовые книги и т.п.); контрольная документация (материалы ревизий, проверок, обследований, заключения о работе, справки о деятельности и т.п.); справочно-информационная документация (акты, справки, свидетельства, объявления и др.); материалы статистического характера; финансовые документы (бюджеты, отчеты об их исполнении, прейскуранты цен, сметы и др.); документы по личному составу и кадрового характера (личные дела служащих и рабочих, ведомости на выдачу заработной платы, заявления о приеме на работу, списки служащих и рабочих, анкеты и характеристики работников и др.); личные документы (удостоверения личности, паспорта, военные билеты, копии и выписки из актов гражданского состояния и др.); техническая документация и картографические материалы (карты, планы административно-территориальных единиц, населенных пунктов, имений, строительные проекты и планы и др.).

По способу выражения информации в изученных архивных фондах встречаются следующие виды документов: письменные (машинописные и рукописные), графические, фотодокументы.

По происхождению выделяются служебные документы (отражающие деятельность учреждений) и личные (письма, заявления, составленные отдельными лицами), по месту возникновения – внешние и внутренние.

В зависимости от авторства документов в комплексе документальных материалов местных органов управления и самоуправления отложились документы: высших органов власти (Совета Министров Польши, отдельных министерств и др.); Полесского воеводского управления, а также других воеводских управлений (Белостокского, Виленского, Волынского, Краковского, Тарнопольского и др.); поветовых старостств; поветовых отделов и рад; городских управлений и рад; гминных правлений и рад; других учреждений и организаций (государственных и общественных), как общепольского, так и местного уровня; частных лиц.

Необходимым элементом источниковедческого анализа документов является изучение внешних признаков источника. В результате анализа внешнего вида документов исследуемых архивных фондов можно выделить ряд их характерных черт:

1. Документы Полесского воеводского управления, поветовых старостств, органов поветового и городского самоуправления (циркуляры, протоколы заседаний, решения, отчеты, официальные письма и др.) в основном выполнены машинописным способом.

Рукописным способом, как правило, составлены документы органов самоуправления низового уровня (гминные правления, солтысы), проекты различных документов, черновики, заявления, обращения, жалобы физических лиц.

В связи с тем, что в делопроизводстве органов управления и самоуправления собственные документы, как правило, откладывались в виде вторых (а иногда третьих и т.д.) экземпляров, а машинописные работы выполнялись на печатной машинке через копировальную бумагу, то последние экземпляры зачастую имеют слабоконтрастный текст, что затрудняет прочтение текста, особенно с течением времени.

2. Основная масса документов составлена на польском языке. Изредка встречаются документы на русском языке (выписки из нотариальных документов, метрических записей и т.п., относящиеся к периоду Российской империи, материалы о деятельности русских организаций и др.).

3. В комплексе документальных материалов преобладают оригинальные документы.

4. Документы выполнены на бумаге различного сорта, качества и формата. Причем вариантов формата документов было существенно больше, чем применяемых в современном делопроизводстве.

Значительная часть документов подготовлена на очень тонком и непрочном сорте бумаге типа кальки (или папиросной бумаги), что со временем отражается на физическом состоянии носителя и текста.

5. Активно в делопроизводстве административных и муниципальных органов для отдельных видов документов использовались бланки (в т.ч. в виде книг, журналов) установленной формы, выполненные типографским способом, которые заполнялись от руки или машинописным способом (отчеты о деятельности, бюджеты и отчеты об их выполнении, справки, протоколы обследования, списки призывников, избирателей и др.).

6. Как правило, на документах присутствуют все реквизиты, необходимые для их атрибуции (определения вида, подлинности, даты и места создания документа, установления его автора и адресата (угловые штампы учреждений, печати, даты, подписи, штампы регистрации входящей корреспонденции и т.п.)).

Кроме этого, изучение документальных материалов позволяет выделить следующие характерные особенности: документы имеют как разработанные (типовые, составленные по образцам, в виде типовых бланков, формуляров, ведомостей и т. п.), так и неразработанные (индивидуальные) формы; среди общей массы документов встречаются как первичные, так и производные (результат обобщения первичных документов); кроме служебных официальных документов в делопроизводстве отложились неофициальные документы (письма, деловые записи, проекты различных документов и др.); в составе комплекса документов достаточно часто встречаются документы с грифом «Совершенно секретно» и «Секретно», а также «Очень срочно», «Срочно»; в изучаемых архивных фондах отложились документы с разными стадиями создания – подлинники, отпуски, черновики, копии, копии с копии.

Для любого исторического исследования самый главный критерий классификации источников – это их содержание. Исходя из содержания документов местных органов власти и самоуправления, следует провести их тематическую

классификацию. Но этот аспект источниковедческого анализа исследуемого комплекса документов может служить предметом отдельной статьи.

Систематизация и классификация документов, отложившихся в процессе деятельности местных органов управления и самоуправления, характеристика их внешнего вида имеет большое значение для поиска и отбора информации, отвечающей задачам исследования, облегчает работу с данным документальным комплексом по изучению различных аспектов истории Западной Беларуси, способствует изучению особенностей ведения польского делопроизводства в межвоенный период.

1. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.»; сост.: А.В. Теребунь [и др.]; редкол.: А.Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2010. – 130 с.
2. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. – Оп. 1–12.
3. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2. – Оп. 1–3.
4. Государственный архив Брестской области. – Ф. 5. – Оп. 1–3.
5. Государственный архив Брестской области. – Ф. 10. – Оп. 1.
6. Государственный архив Брестской области. – Ф. 14. – Оп. 1–2.
7. Государственный архив Брестской области. – Ф. 28 (ОАФ). – Оп. 1.
8. Государственный архив Брестской области. – Ф. 49. – Оп. 1–3.
9. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2001. – Оп. 1–5.
10. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2005. – Оп. 1–3.
11. Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1981. – 496 с.
12. СТБ П 2059-2010 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» // БелНИИДАД [электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://belniidad.by/sites/default/files/stb-p-2059-2010.pdf. – Дата доступа : 16.06.2013.
13. Ходин, С.Н. История и теория источниковедения / С.Н. Ходин, В.П. Грицкевич, С.Б. Каун. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 254 с.

Потапенко С.П.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ОПЫТ ИНСТИТУТА УКРАИНСКОЙ АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИМ. М.С. ГРУШЕВСКОГО НАН УКРАИНЫ

Последние два десятилетия ознаменованы существенными достижениями украинской археографии. Решающим фактором, поспособствовавшим качественному и количественному росту археографических изданий, стало снятие запретов на исследование тех или иных тем и на введение соответствующих источников в научный оборот.

Одна из таких тем – история украинского казачества. На сегодняшний день разнообразные аспекты казаковедческой тематики исследуются целой плеядой видных украинских ученых (Ю.А. Мыцык, В.А. Смолий, В.А. Степанков, В.А. Брехуненко, С.А. Лепявко, Т.В. Чухлиб, В.А. Щербак, В.М. Горобец, П.М. Сас и другие). Ведущими научными институциями являются Институт истории Украины НАН Украины (отдел истории Украины средних веков и раннего нового времени) и Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины* (отдел памятников княжеского и казачьего времени, а также отдел истории и теории археографии и смежных источниковедческих наук).

Источниковедческая и археографическая составляющие доминируют в работах сотрудников ИУАИ НАН Украины. Со времени создания Института (1991 г.) два его издательских проекта стали флагманскими – корпусная публикация Архива Коша

* Далее – ИУАИ НАН Украины.

Новой (Подпольнянской) Запорожской Сечи и издание дипломатария украинских гетманов.

Первый проект насчитывает около 40 томов, из которых пять издано и два подготовлено к печати. Коллектив археографов во главе с Л.З. Гисцовой осуществляет сплошную публикацию документов всех 365 дел ф. 229 «Архив Коша Новой Запорожской Сечи» Центрального государственного исторического архива Украины, г. Киев[**] [1–6]. Источники представлены на нескольких языках (украинский, русский, польский, крымско-татарский, турецкий) и охватывают 1713–1776 гг. (основная масса приходиться на 1734–1775 гг.). Видовой и тематический состав документов весьма обширный, что позволяет отследить постепенную интеграцию Новой Сечи в состав Российской империи [20]. Следует подчеркнуть, что Архив Коша Новой Сечи имеет первостепенное источниковедческое значение, поскольку до нашего времени в целостном виде не сохранился архив ни одной другой из восьми Запорожских Сечей.

Кроме того, истории запорожского казачества посвящено несколько тематических документальных изданий. В 1995 р. Ю.А. Мыцык опубликовал письма кошевого атамана И. Сирка [10]. В 2009 г. В.В. Грибовский, В.И. Мильчев и И.Л. Синяк подготовили сборник документов «Петр Калнышевский и его время», освещающий жизнь и деятельность последнего запорожского кошевого – противоречивой и трагической фигуры украинской истории [16]. Биографическую направленность имеет сборник «Войсковый писарь Андрей Семенович Товстик», составленный И.Л. Синяком [7].

Начало проекта «Материалы к украинскому дипломатарию. Письма и универсалы гетманов и казацкой старшины» было положено в 1961 г. патриархами украинского источниковедения – И.П. Крипякевичем и И.Л. Бутичем, опубликовавшими сборник «Документы Богдана Хмельницкого» [8]. Продолжение проект получил уже в независимой Украине усилиями И.Л. Бутича, его коллег и учеников, прежде всего, В.П. Ринсевича. Отдельными томами были изданы универсалы Б. Хмельницкого [22], И. Мазепы (в двух частях) [23–24], П. Полуботка [25]; императивные документы и межгосударственные «статьи» И. Выговского, Ю. Хмельницкого, П. Тетери, И. Брюховецкого, П. Дорошенка, Д. Игнатовича (Многогришного) и И. Самойловича [26]. На данный момент В.П. Ринсевичем подготовлены к печати два тома универсалов И. Скоропадского и три тома документов Д. Апостола. В скором времени В.А. Брехуненком будет издан сборник корреспонденции казацкой старшины второй половины XVI – первой половины XVII вв.

Заметим, что целостно документация украинских гетманов и старшины до И. Мазепы включительно не сохранилась. Источники разрознены, в основном, по фондам польских и российских архивов. Ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия» ЦГИАК Украины содержит преимущественно гетманские документы после 1709 г.

Еще одним направлением археографической работы ИУАИ НАН Украины по казацкой тематике является поиск и публикация учетно-статистических источников. Первым изданием такого рода стал «Реестр Войска Запорожского 1649 г.» [19]. Это уникальный источник, содержащий перечни 40477 казаков шестнадцати (Белоцерковский, Брацлавский, Кальницкий, Каневский, Киевский, Корсунский, Кропивянский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилуцкий, Черкасский, Черниговский, Чигиринский, Уманский) полков. Реестр был составлен в канцелярии гетмана Б. Хмельницкого в соответствии с условиями Зборовского мирного договора с поляками от 8 (18) августа 1649 г. Впервые с погрешностями и некорректной передачей украинской орфографии документ был опубликован историком О. Бодянским в 1870-х гг. При подготовке современного издания эти

[**] Далее – ЦГИАК Украины.

недостатки были учтены и текст воспроизводился с максимальной приближенностью к оригиналу, единственный экземпляр которого хранится в Российском архиве древних актов. Особенностью издания стали приложения – источниковедческие и языковедческие статьи о Реестре.

Отследить изменения в персональном составе Нежинского и Белоцерковского полков дают возможность «Присяжные книги» 1654 г. [18]. Источники содержат перечни казаков и мещан двух полков, присягнувших московскому царю Алексею Михайловичу в связи с подписанием украинско-московского договора 1654 г. Документы, кроме того, подают информацию об административно-территориальном делении полков.

Важнейший историко-юридический источник был опубликован К. Вислобоковым в 1997 г. Речь идет о «Правах, по которым судится малороссийский народ» – кодексе юридических норм, действовавших в Украинском казацком государстве в середине XVII – XVIII вв. [17] Памятник был составлен специальной кодификационной комиссией, работавшей над его текстом на протяжении пятнадцати лет (1728–1743 гг.) Но окончательный вариант кодекса, направленный в Сенат, так и не был утвержден. Тем не менее, «Права» являются ярким доказательством стремлений украинской казацкой старшины закрепить за собой де-юре фактический статус «новой шляхты» – главенствующего сословия в социуме Гетманщины.

Публикация «Прав» продолжила серию, в которой ранее К. Вислобоковым было издано «Собрание малороссийских прав 1807 г.» [21]. Этот юридический памятник был составлен в начале правления Александра I в ходе подготовки к кодификации законодательства Российской империи. Сборник содержит нормы брачно-семейного и имущественного права, восходящие к «Литовскому статуту» 1588 г., «Саксонскому зерцалу», «Хелминскому праву» и разнообразным сборникам магдебургского права.

Наряду с источниками по истории Гетманщины и Запорожской Сечи, в ИУАИ НАН Украины исследуются документы по истории Слободских казачьих полков. В 2008 г. были опубликованы «списки» и «ведомости» о слободской казацкой старшине, а именно: «Единовременные списки» 1761–1764 гг., «Именные списки» 1765 г., «Ведомости о старшинских детях» 1765–1766 гг. и «Ведомости о старшинах и их детях» 1766–1767 гг. [9]. Документы информируют о численности, персональном, социальном и этническом составе, происхождении, возрасте и образовании слободской элиты и, таким образом, дают возможность «нарисовать» ее коллективный просопографический портрет.

В тоже время, исключительно письменными источниками круг публикаций ИУАИ НАН Украины не ограничивается. Крайне интересные источники исследует О.Е. Мальченко, а именно – пушечные стволы украинского производства XV–XVIII вв., технику их изготовления, изображения и надписи на них. Работы ученого щедро снабжены иллюстративным материалом [11, 13]. Но, кроме того, О.Е. Мальченко подготовил специальный каталог, посвященный украинским пушкам в отечественных и зарубежных коллекциях [12]. Подобным образом, весомую часть работ О.А. Однороженко о казацкой геральдике и сфрагистике составляют каталоги соответствующих изображений [14–15].

Отдельно следует упомянуть об издании полного собрания сочинений Д.И. Яворницкого – крупнейшего историка украинского казачества. Проект рассчитан на 20 томов, объединенных в две серии – «История, краеведение, археология» и «Фольклор, этнография, литература, язык». На сегодняшней день опубликованы первых два, первая часть третьего и восьмой тома первой серии проекта, содержащие работы Д.И. Яворницкого по истории запорожского казачества и Степной Украины, а также републикации источников, ранее изданных ученым [27–30].

Наконец, казацкая тематика широко представлена на страницах профильного источниковедческого издания ИУАИ НАН Украины – «Украинского археографического ежегодника»[***]. В сборнике публикуются документы из украинских, польских, российских архивов и тематические статьи.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что всплеск интереса к казацкой тематике является закономерным результатом возвращения украинской историографии к ранее «опасным» темам, сопряженным с наиболее героическими страницами национальной истории. Рука об руку с активизацией историографического процесса идет наращивание массива введенных в научный оборот источников. Значимый вклад в археографию казаковедения осуществляют сотрудники ИУАИ НАН Украины[****].

1. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів. 1734–1775. Т. 1. / упорядн.: Л.З. Гісцова, Д.Л. Автономов, Є.І. Дрозд, Х.Г. Лащенко, А.Ю. Омельченко, О.Г. Полегайлов, В.В. Стафійчук, Л.А. Сухих. – К.: Наукова думка, 1998. – 750 с.
2. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів. 1734–1775. Т. 2. / упорядн.: Л.З. Гісцова, Д.Л. Автономов, Л.Я. Демченко, Є.І. Дрозд, Т.Л. Кузик, Х.Г. Лащенко, Л.М. Муравцева, В.В. Стафійчук, Л.А. Сухих. – К.: Наукова думка, 2000. – 752 с.
3. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів. 1734–1775. Т. 3. / упорядн.: Л.З. Гісцова, Л.Я. Демченко, Т.Л. Кузик, Л.М. Муравцева, Л.А. Сухих. – К.: Наукова думка, 2003. – 952 с.
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів. 1734–1775. Т. 4. / упорядн.: Л.З. Гісцова, Л.Я. Демченко, Т.Л. Кузик, Л.М. Муравцева. – К.: Наукова думка, 2006. – 888 с.
5. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів. 1734–1775. Т. 5: Реєстр Війська Запорозького Низового 1756 року / упорядн.: Л.З. Гісцова, Л.Я. Демченко, Т.Л. Кузик, Л.М. Муравцева. – К., 2008. – 528 с.
6. Архів Коша Нової Запорозької Січі: опис справ 1713–1776 рр. / упорядн.: Л.З. Гісцова, Л.Я. Демченко. – К.: Наукова думка, 1994. – 226 с.
7. Військовий писар Андрій Семенович Товстик: збірник документів / упорядн. І. Л. Синяк. – К., 2010. – 148 с.
8. Документи Богдана Хмельницького / упорядн.: І. Крип'якевич, І. Бутич. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – 540 с.
9. Еліта Слобідської України. Списки козацької старшини 60-х рр. XVIII ст. / передм., упоряд. С. П. Потапенко. – К., Х.: Харківський приватний музей міської садиби, 2008. – 496 с.
10. Листи Івана Сірка. Матеріали до українського дипломатарію / укладачі: Ю. А. Мицик, М. В. Кравець. – К., 1995. – 84 с.
11. Мальченко О. Є. Арсенали українських замків XV–XVII ст. – К., 2004. – 397 с.
12. Мальченко О. Є. Музей української артилерії XV–XVIII століть. – Ч. 1: Українські гармати в зарубіжних музейних колекціях. – К., 2011. – 216 с.
13. Мальченко О. Є. Художнє лиття гармат у Гетьманщині за часів Івана Мазепи. – К.: ВІПОЛ, 2007. – 159 с.
14. Однороженко О. А. Козацька територіальна геральдика кінця XVI–XVIII ст. – Х., 2009. – 416 с.
15. Однороженко О. А. Українські державні, земельні та міські печатки козацької доби (кінець XVI–XVIII ст.). – Х., 2003. – 220 с.
16. Петро Калнишевський та його доба: збірник документів та матеріалів / Упорядн.: В. В. Грибовський, В. І. Мільчев, І. Л. Синяк. – К., 2009. – 432 с.
17. Права, за якими судиться малороссійський народ 1743 р. / упорядн. К. А. Вислобоков. – К.: Наукова думка, 1997. – 547 с.
18. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський і Ніжинський полки / упорядн.: М. Кравець, Ю. Мицик. – К.: ВД «КМ Академія», 2004. – 350 с.
19. Реєстр Війська Запорозького 1649 р. / підготов. до друку: О. В. Тодійчук, В. В. Страшко, Р. І. Осташ, Р. В. Майборода. – К.: Наукова думка, 1995. – 592 с.

[***] Оригинальное название – «Український археографічний щорічник». Выходит с 1992 г. как приемник репрессированного в 1930-х гг. «Украинского археографического сборника». С выпусками ежегодника можно ознакомиться на сайте Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/uashch/texts.html

[****] С изданиями ИУАИ НАН Украины более подробно можно ознакомиться на официальном сайте учреждения: http://archeos.org.ua

20. Синяк І. Л. Джерела з історії діловодства запорізького козацтва доби Нової Січі (1734–1775): дис… канд. іст. наук за спец. 07.00.06. – К., 2006. – 272 с.
21. Собрание малороссийских прав 1807 г. / сост. К. А. Вислобоков. – К.: Наукова думка, 1993. – 366 с.
22. Універсали Богдана Хмельницького. 1648–1657 / упор.: І. Крип'якевич, І. Бутич. – К.: ВД «Альтернативи», 1998. – 383 с.
23. Універсали Івана Мазепи. 1687–1709 / упоряд. І. Л. Бутич. – К.-Л.: НТШ, 2002. – Ч. 1. – 780 с.
24. Універсали Івана Мазепи. 1687–1709 / упоряд. І. Л. Бутич, В. П. Ринсевич – К.-Л.: НТШ, 2006. – Ч. 2. – 798 с.
25. Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / передм., упорядк., комент. В. П. Ринсевич. – К., 2008. – 720 с.
26. Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / упорядн.: І. Бутич, В. Ринсевич, І. Тесленко. – К., Л., 2004. – 1087 с.
27. Яворницький Д. І. Твори у 20 томах / голова ред. кол. П. С. Сохань. – Т. 1. – К.: Тандем-У, 2004. – 520 с.
28. Яворницький Д. І. Твори у 20 томах / голова ред. кол. П. С. Сохань. – Т. 2. – К.: Тандем-У, 2005. – 384 с.
29. Яворницький Д. І. Твори у 20 томах / голова ред. кол. П. С. Сохань. – Т. 3. Кн. 1. – К.: Тандем-У, 2008. – 496 с.
30. Яворницький Д. І. Твори у 20 томах / голова ред. кол. П. С. Сохань. – Т. 8. – К.: Тандем-У, 2006. – 435 с.

Каиль М.В.

АРХИВНОЕ ХРАНЕНИЕ И НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЕРАРХОВ, КЛИРИКОВ И МИРЯН 1917–1950-х гг. В РОССИИ*

В современной российской археографии в особом положении находятся перспективы выявления, научной публикации и реконструкции биографий уже прославленных Русской православной церковью в лике святых иерархов, клириков и мирян. Понятно, что подходы конца 1990-х гг., когда в преддверии Архиерейского собора 2000 г., появилась масса необходимых для совершения акта канонизации житий новомучеников, весьма далеких от формата объективной, тем более, научной биографии представителей православного епископата, клириков и мирян, ныне недостаточны. Под влиянием историографических подходов находится и археографическая практика. В последние два десятилетия публикуются преимущественно источники, восславляющие мученический подвиг «новомучеников и исповедников российских», прежде всего, документы архивно-следственных дел незаконно репрессированных православных. При этом редко публикуются полные (без выборки) архивно-следственные дела, отражающие все перипетии следствия и противоречия поведения людей, испытывавших давление, и нередко его не выдерживающих. Вместо исторического повествования такого рода публикации формируют лишь православный агиографический канон.

Остро стоит собственно вопрос формирования репрезентативной, вызывающей доверие общества, источниковой базы исторических исследований по церковной проблематике. Вместе с тем, в российском научном сообществе фактически не сложились коллективы, занимающиеся персональной историей епископата, клира, православных мирян. В недрах Русской православной церкви такую работу ведет Комиссия по канонизации, однако ее работа в известной степени не может быть свободна от корпоративного влияния, а в отсутствии общенаучных критериев

* *Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-003331а2 и Темплана Минобрнауки 6.4687.2011.*

источниковедческой культуры историко-биографического исследования любая корпоративная направленность чревата искажениями, вольными и невольными.

При подготовке биографического исследования, посвященного церковному деятелю, перед исследователем встает ряд задач. Во-первых, сформировать представительный и полный (репрезентативный) комплекс источников, решить важную методологическую проблему поиска подхода, ключа к биографии. Историк отвечает на вопрос: чью биографию писать, заведомо мученика за веру, сама жизнь которого в эпоху богоборчества являлась духовным подвигом пред которым меркнут даже неблаговидные поступки, не говоря о жизненных стратегиях и практиках, присущих всем людям, подвергающимся опасности, или воссоздавать детальное, опирающееся на всю полноту выявленных фактов биографическое полотно с непредугаданными контурами и непредвзятыми выводами. В современной исследовательской практике две тенденции очевидно борются, но продуктивным для исторической биографики будет лишь тот исход борьбы, который закрепит позицию последовательного выявления истины. Так, секретарь Синодальной комиссии по канонизации игумен Дамаскин (Орловский) отмечает особое значение следственных материалов в воссоздании обстоятельств служения и мученичества исповедников Российских (в целях подготовки исторически правдивых житий). Он приводит убедительные аргументы о необходимости изучения всего комплекса выявленных следственных материалов в отношении изучаемой персоны и утверждает: «За каждым эпизодом жития должен стоять документ, причем достоверность его и изложенных в нем фактов должна быть всесторонне проанализирована еще до того как эти факты представлены вниманию общества» [2, с. 50].

Экс-глава Синодальной комиссии по канонизации митрополит Ювеналий подробно характеризовал роль и место источников в осмыслении православных жертв советского режима: «Во время гонений в XX веке власти предприняли все возможное, чтобы жизнь подвижников имела наименьшее влияние на народ и сделала практически потаенными обстоятельства следствия, заключения в тюрьме и мученической кончины». Вместе с тем, митрополит справедливо отмечал «Знакомство с архивно-следственными делами показало, что человек еще до своего страдания или во время его мог совершить страшные нравственные падения… Вот почему для канонизации… особую важность приобретают те обстоятельства, через которые проявилась побеждающая все вера во Христа».

Со всей ясностью назрела проблемная ситуация, требующая разрешения. Культивирование «житийных биографий» ряда церковных деятелей конца 1990-х–начала 2000-х гг. ограничивает возможности научного изучения их жизни сегодня. Перед историком встает проблема: как писать биографию святого? Ведь вскрываемые и вводимыми ныне в оборот источниками факты (участие в обновленческом и иных расколах и оппозициях, сотрудничество с властями и неисполнение распоряжений священноначалия, обличение на допросах сослужащих клириков и т.п.), будь они выявлены ранее, препятствовали бы канонизации [1, с. 262–270]. А их обнародование ныне «чернит» признанного святого.

Отдельную проблему составляет сам характер, объем источников и специфика режимов хранения и доступа к различным группам документов персональной информации о духовенстве и верующих. Сравнительно доступны источники по истории епископата и клира 1917–1930-х гг. Большинство православных деятелей этого периода имели дореволюционное образование и успели послужить до 1917 г., в результате чего источники персональной информации о них отложились в «церковных» фондах Российского государственного исторического архива. Анкетные данные об учениках всех духовных учебных заведений империи отложились в фонде Училищного

комитета при Святейшем Синоде (ф. 802 РГИА), введены в научный оборот и активно используются историками [10, с. 38–47]. Существенно дополняют сведения о назначениях, перемещениях по духовному ведомству, проясняют многие обстоятельства служения на кафедрах, в монастырях и приходах материалы крупнейших фондов по истории дореволюционного духовенства – Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796 РГИА) и Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (ф. 797 РГИА) [7, с. 56–58]. Сведения о ряде лиц, в том числе, материалы личной переписки удается обнаружить в персональных фондах обер-прокуроров и синодальных чиновников (ф. 1569 РГИА – П.П. Извольский; ф. 1574 РГИА – К.П. Победоносцев и др.) [3, с. 85–90]. Значительным потенциалом в освещении пореволюционного периода в судьбах отдельных православных деятелей обладают материалы фондов предсоборных православных форумов (ф. 60 НИОР РГБ), Священного Собора ПРЦ 1917–1918 гг. (ф. 833 РГИА, ф. 3431 ГА РФ), Канцелярии патриарха Тихона (ф. 831 РГИА, ф. 4652 ГА РФ).

Известно, что с середины 1920-х гг. делопроизводство структур церковного управления было свернуто. В связи с естественным дефицитом источников церковного происхождения резко возрастает значение материалов государственных органов, ведавших церковной политикой (профильных структур Наркомата юстиции – ф. 353 ГА РФ; специальных комиссий – ф. 5263 ГА РФ и др.), однако, персональной информации они практически не дают. В этой связи внимания заслуживают информационные сводки специальных органов, содержащие разделы о «положении церковников / церковном вопросе» – в них встречаются упоминания о деятельности некоторых иерархов и видных представителей монашества (обычно в связи с масштабными конфликтами православных групп различной ориентации) [8]. Вместе с тем возрастает значение источников из архивов судебных органов и органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ, сосредоточивших уникальный по драматизму и антропологической емкости источник – архивно-следственные дела духовенства. Следственные дела духовенства эпохи Большого террора ранее попали в орбиту внимания Синодальной комиссии по канонизации святых и были предметом специальных, в том числе источниковедческих, работ [4, с. 94–101; 6, с. 4–12]. Материалы более раннего периода до сих пор фактически не осмыслялись и в массе своей не изучены.

Вместе с тем, именно документы архивно-следственных дел являются зачастую единственным источником по истории довоенного православного общества, позволяя, однако, и на основе скудных документальных свидетельств приходить к нетривиальным заключениям о характере государственно-церковных отношений и отношениях в обществе верующих. Именно материалы следственных дел епископов, представителей белого духовенства, в частности, позволяют воссоздать обстоятельства истории православия в каждой отдельной епархии 1920 – 1930-х гг.

Обстоятельства биографий послевоенного епископата и клириков обеспечены источниками существенно слабее их предшественников. Значительная часть материалов по этому периоду хранится в архивах Московской патриархии. Источники же государственных органов сконцентрированы, прежде всего, в фонде главного административного органа, отвечавшего за реализацию вероисповедной политики в Советском союзе – Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (СДР) (ф. Р-6991 ГА РФ) и его территориальных органов. В фонде хранится ценный типовой источник – квартальные и годовые отчеты региональных уполномоченных, отражавшие (безусловно, глазами советского чиновника) положение церковной организации в отдельной провинции, а также подготовленные на их основе отчеты и докладные записки главы Совета в Совет министров СССР, которому был подчинен аппарат СДР. Материалы отчетов всех уровней содержат сведения о

персональном составе священнослужителей и священноначалия епархий и служат хорошим отправным пунктом для сбора сведений о том или ином православном деятеле. Биографические же материалы в отношении высшего духовенства – патриарха, митрополитов и епископов хранятся в их персональных делах, объединенных в отдельной описи фонда – доступ к ним ограничен.

Историко-биографические исследования, посвященные деятелям Русской православной церкви советского периода, безусловно, оставаясь перспективным и значимым направлением современной исторической биографики, находятся в сложном положении. Связано оно с наличием ряда ограничений (как объективных–75-летний срок закрытости информации, так и субъективных) на ознакомление с источниками и сложностью решения основной задачи подобного рода исследований – создания полной и представительной документальной базы, выявления всех обстоятельств создания и бытования источников, равно как и всех подлинных обстоятельств жизни и служения православных деятелей, в чьих судьбах драматичная советская эпоха оставила немало болезненных следов.

Среди крупных публикаций источников последнего времени, способствующих преодолению методологически ограниченного постсоветского опыта публикаций специально отобранных церковных документов можно отметить удачную работу по следственному делу Саратовского духовенства, подготовленную А.И. Мраморновым [9]. Большинство документов крупных процессов в отношении православных политически ангажированы, но вместе с тем несут массу персональной информации, особенно значимой в условиях отсутствия церковных архивов той эпохи. Еще большей убедительностью и исторической ценностью обладают мемуарные источники. Так, публикация «исповедальных» текстов, подготовленная О.Р. Демидовой, представляется новаторской в современной российской археографической практике [5].

Следует надеяться, что стойкий общественный интерес и запрос на подлинное понимание истории православия, постигаемое через осмысление судеб верующих в атеистическую эпоху, будут способствовать обновлению подходов к публикации источников по проблематике.

1. Васильева, О.Ю. Канонические основы и юридические особенности канонизации святых в XX в. / О.Ю. Васильева // Проблема святых и святости в истории России / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.:Наука, 2006.
2. Истина в деталях. О работе комиссии по канонизации в подробностях // Журнал Московской Патриархии. – 2011. – № 12.
3. Каиль, М.В. Епархиальная история эпохи революций и гражданской войны: характеристика источников и археографическая практика (на примере Смоленской епархии) / М.В. Каиль // Клио. – 2009. – № 4(47). – С.85–90.
4. Лобанов, В.В. «Следствие не нуждалось в объективном доказательстве и подтверждении вины» Документы Госархива Российской Федерации о репрессиях против обновленческого духовенства и мирян во второй половине 1930-х гг. / В.В. Лобанов // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 94–101.
5. «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / сост. О.Р. Демидова. СПб.: Изд-во ЕУ, 2013 – 262 с.
6. Романова, С.Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян. 1937–1938 гг. / С.Н. Романова // Отечественные архивы. – 2001. – № 4. – С. 4–12.
7. Романова, С.Н. Источники персональной информации о православном духовенстве XX века в государственных архивах России / С.Н. Романова // Труды РОФ «Память мучеников и исповедников Русской православной церкви». Вып. 1. – М.: ПЭ, 2004. – С. 56–58.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). –М.: ИРИ РАН, 2001–2008. – Т.1–8.
9. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг./ Публикация А.И. Мраморнова. – М.: Изд-во Новоспассого монастыря, 2013. – 880 с.
10. Сухова, Н.Ю. Архивный фонд Учебного комитета при Святейшем синоде: история, состав и содержание /Н.Ю. Сухова // Отечественные архивы. – 2009. – № 4. – С. 38–47.

Суслов А.Ю.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Важнейшей предпосылкой научного изучения истории партии социалистов-революционеров (ПСР) является публикация источников. В советскую эпоху специальных научных изданий документов по послеоктябрьской истории ПСР не было. Единственной крупной публикацией документов партии эсеров оставался сборник, составленный голландским историком М. Янсеном в основном по материалам архива Международного института социальной истории (г. Амстердам) [9]. Восполнить этот пробел была призвана 3-х томная публикация документального наследия ПСР за 1900–1922 гг., осуществленная в рамках большого проекта по изданию документов российских партий Центром политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем и издательством «РОССПЭН».

Применительно к послеоктябрьскому периоду наибольшее значение имеет публикация второй части третьего тома сборника «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы», охватывающего период октября 1917–1925 годов [11]. В сборник вошли около 300 документов, значительная часть которых публикуется впервые – материалы VIII Совета ПСР 1918 г., протоколы заседаний и иные документы ЦК за 1918–1920 гг. Часть материалов вполне оправданно перепечатана из эсеровских изданий, давно ставших библиографической редкостью. Это отчет о работе IV съезда ПСР, многочисленные документы, публиковавшиеся в органе Заграничной Делегации ПСР – «Революционной России». В целом материалы сборника позволяют воссоздать целостную картину истории ПСР 1917–1925 гг.

В то же время необходимо отметить ряд моментов, снижающих значимость этой, безусловно, полезной, публикации. Во-первых, вызывает сожаление, что составитель сборника Н.Д. Ерофеев ограничился документами только двух фондов Российского государственного архива социально-политической истории–ф. 274 (Центральный Комитет партии социалистов-революционеров) и ф. 76 (Ф.Э. Дзержинский). Это привело к тому, что целый ряд неопубликованных документов ПСР, представляющих значительный интерес, в сборник не попал. Так, публикация документов сентябрьской (1920 г.) конференции ПСР осуществлена по отчетам в «Революционной России» (с.652–677). В то же время сохранился протокол конференции, содержащий как доклады с мест, так и доклад ЦК, резолюции и др. [15, л. 16–29].

Эти упущения особенно заметны при анализе документов судебного процесса 1922 г. Опубликованы только речи и последние слова некоторых подсудимых, напечатанные в свое время в «Революционной России». Понятно, что доступ к полной стенограмме процесса, хранящейся в ЦА ФСБ РФ, затруднен. Однако часть стенограммы, содержащая немало интересных фрагментов, содержится в открытом фонде Верховного революционного трибунала ВЦИК в ГАРФе. Это ответы подсудимых на вопрос о признании ими своей вины, допросы свидетелей, выступления иностранных адвокатов, декларация обвиняемых так называемой «1-й группы» (не признававших свою вину), зачитанная Е.М. Тимофеевым на вечернем заседании 10 июня 1922 г. и другие материалы.

В приложении к сборнику опубликованы некоторые документы советского и партийного руководства о борьбе против партии эсеров после судебного процесса 1922 г. Сборник только выиграл бы от включения материалов комиссии ЦК РКП(б) по

руководству процессом эсеров, а также по организации работы среди бывших эсеров и подготовке их съезда в 1923 г.

Этот пробел был частично восполнен выходом в свет документального сборника о процессе ПСР 1922 г., составителями которого выступили С.А. Красильников, К.Н. Морозов и И.В. Чубыкин [16]. Сами источники распадаются на две части. Опубликованные впервые документы из фондов АП РФ (три тематических дела) раскрывают механизм подготовки процесса, сущность агитационно-пропагандистской кампании, реакцию зарубежных наблюдателей на процесс. В приложении приведены документы из разных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ, МИСИ), в том числе подлинники последних слов подсудимых, переданных заключенными через своих жен и опубликованные за границей в «Революционной России». Использование этих автографов позволило увидеть все те текстологические изменения, которые не вошли в опубликованный в 1922 г. вариант. Весьма подробные комментарии, объемные качественные биографические справки существенно дополняют картину послеоктябрьской истории ПСР. В то же время, к сожалению, вновь осталась не введенной в научный оборот стенограмма процесса 1922 г. Пока лишь в некоторых работах имеются ссылки на этот ценный источник.

Анализу истории эсеровского процесса посвящены монографии М. Янсена [18] и К.Н. Морозова [7], диссертационное исследование И.А. Сафонова [15]. Вместе с комментариями к материалам сборника документов, где К.Н. Морозов выступил одним из составителей, они представляют собой наиболее полное исследование различных сторон противостояния ПСР с властями в первой половине 1920-х годов. Впервые процесс 1922 г. получил освещение на основе наиболее важных источников, хранящихся в ЦА ФСБ, в первую очередь материалов предварительного следствия и– частично–стенограммы. Хронологические рамки монографии К.Н. Морозова охватывают период до середины 1926 г., включая в себя, таким образом, и «послепроцессную» стадию – тюремное противостояние заключенных эсеров и властей –сюжет, до этого известный поверхностно. К этой работе примыкает сборник документов, посвященный судьбе социалиста-революционера В.Н. Рихтера [1].

Вместе с тем долгое время основной источник по истории процесса 1922 г. – стенограммы судебных заседаний – оставался недоступен большинству исследователей и не был введен в научный оборот. В связи с этим значимость публикации этих документов, начатой в 2011 г., трудно переоценить. Составителями сборника выступили В.К. Виноградов, В.Н. Сафонов, В.С. Христофоров под научной редакцией профессора Казанского университета А.Л. Литвина [11].

Публикация стенограмм, осуществляемая по машинописным копиям из архива ЦА ФСБ РФ (фонд Н-1789), содержит стенографические отчеты 47 судебных заседаний Верховного революционного трибунала ВЦИК. В первых двух томах (из планируемых четырнадцати) опубликованы стенограммы за первые девять дней процесса, вплоть до 17 июня 1922 г. включительно. В центре внимания Трибунала в это время находились процессуальные вопросы – отвод всего состава суда, заявленный представителем 1-й группы обвиняемых М.Я. Гендельманом, вызов свидетелей, приобщение документов, формальный опрос обвиняемых о признании ими своей вины. Чрезвычайно важным для выяснения позиции партии социалистов-революционеров по целому комплексу проблем истории послеоктябрьской России является декларация обвиняемых 1-й группы, зачитанная 10 июня 1922 г. Е.М. Тимофеевым. Между Трибуналом и зарубежными защитниками (Э. Вандервельде, К. Розенфельдом, А. Вотерсом, Т. Либкнехтом) шел спор из-за различных интерпретаций соглашения, подписанного в Берлине представителями трех Интернационалов (в этом соглашении речь шла о публичном характере процесса, допуске защитников, неприменении смертной казни и

ведении стенограммы суда). Постоянные нарушения этого соглашения, отклонение практически всех просьб защиты привели к тому, что иностранные защитники покинули процесс.

К сожалению, сборник не лишен определенных недостатков. Первый из них заключается в отсутствии перевода на русский язык выступлений иностранных защитников на процессе и показаний свидетелей (Л. Фроссара). Второй недостаток – отсутствие комментариев и именного указателя, что лишь в определенной степени компенсируется содержательным введением. Стенограмма процесса 1922 г. является сложным источником, требующим внимательного анализа. Со стороны всех участников процесса были и умолчания, и сочетание правды, полуправды и откровенной фальсификации. И подсудимые, и сам Трибунал рассматривали судебный процесс как продолжение политической борьбы. В связи этим научный комментарий был бы весьма полезен.

Начало публикации стенограмм судебного процесса социалистов-революционеров 1922 г. – важное событие в исторической науке. Оно позволит существенно обогатить наши знания по целому ряду проблем истории России революционной эпохи.

Из других документальных публикаций последнего времени наибольший интерес представляет сборник «Антибольшевистское правительство», посвященный деятельности Временного областного правительства Урала (Екатеринбург, август – ноябрь 1918 г.), в состав которого входили меньшевики и эсеры [4], а также документы Комуча, опубликованные В.А. Лапандиным [17]. Стоит отметить небольшой сборник документов по истории ПСР, составленный британским историком Ф. Кингом и посвященный 1917 г. [2] Кинг опубликовал 47 документов, взятых из эсеровских публикаций, а также советских и постсоветских изданий. Сам по себе этот сборник, возможно, и не представляет особого интереса, однако показателен в плане внимания к истории социализма и социалистических идей в России в зарубежной исторической и общественной мысли (издание осуществлено «Обществом истории социализма» – Socialist History Society – основанном в Лондоне в 1992 г. и занимающимся проблемами истории социализма и рабочего движения).

В 2006 г. в журнале «Вопросы истории» под общим заголовком «Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти» Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский опубликовали некоторые мемуарно-публицистические произведения В.М. Чернова и В.М. Зензинова, написанные в эмиграции и хранящиеся в коллекции Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете [8]. Представленные работы, безусловно, дополняют картину деятельности ПСР в послеоктябрьский период, являясь продолжением предыдущей публикации тех же авторов [12]; в то же время ряд моментов снижает научную значимость этой публикации. Прежде всего, публикаторы не указали, что рукопись В.М. Чернова «Из истории партии социалистов-революционеров» («Вопросы истории», 2006, № 4, с.8–12) уже была опубликована М. Янсеном в 1989 г. в известном, в том числе и Ю.Г. Фельштинскому и Г.И. Чернявскому сборнике [9, с. 5–12]. Частично была опубликована и рукопись В.М. Зензинова [5]; однако публикаторам это, видимо, неизвестно. Кроме того, они не провели сравнительный анализ воспоминаний Зензинова (1919 и 1953 гг.) и публикуемого текста с целью выяснения его новизны.

Небольшая часть листовок ПСР за 1917–1918 гг. из фондов ГАРФ была представлена в обзоре Г.И. Злоказова [6]. Отдельные эсеровские документы публикуются в региональных изданиях.

Заключая, следует констатировать, что современные документальные публикации существенно обогатили картину истории ПСР после октября 1917 г.

Существенно расширилась источниковая база, появилась идеологическое многообразие. В то же время многие сюжеты нуждаются в дальнейшем исследовании, в том числе в плане публикации документальных источников. Прежде всего, это документы местных партийных организаций, в том числе столичных, которые еще полноценно не введены в научный оборот. Требует внимательного анализа деятельность подпольных эсеровских групп в Советской России в 1920-е гг., их связь с эмиграцией и репрессии по отношению к ним. Наконец, весьма важна публикация обширного идейно-теоретического наследия эсеровской эмиграции. Анализ этих источников поможет существенно расширить представления об истории партии социалистов-революционеров, помочь в более правильном понимании ее роли и места в российской действительности 1917–1920-х гг.

1. «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / сост., коммент. К.Н. Морозова, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой (Рихтер). – М.: РОССПЭН, 2005. – 655 с.
2. King, F. The Narodniks in the Russian Revolution. Socialist History Occasional Pamphlet Series / F. King. – London: Socialist History Society, 2007. – 114 p.
3. Аврус, А.И. Неточности в биографических сведениях о В.М.Чернове / А.И. Аврус // Вопросы истории. – 2006. – № 7. – С.175.
4. Антибольшевистское правительство: (Из истории белого движения): сб.док. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 1999. – 219 с.
5. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва – Самара – Уфа – Омск: Воспоминания / В.М. Зензинов // Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. – М., 1995. – С.11–26.
6. Меньшевистские и эсеровские листовки 1917 – 1918 годов / [публ.подгот.Г.И. Злоказов] // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С.150–173.
7. Морозов, К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства / К.Н. Морозов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 736 с.
8. Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти / публ. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 3–14; № 3. С.3–18; № 4. С.3–14; № 6. С.3–34.
9. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: документы из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. – Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989. – 772 с.
10. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. / Т.3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1055 с.
11. Правоэсеровский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: в 14 т. Т.1 и 2 / науч.ред. А.Л. Литвин. – М.: РОССПЭН, 2011. – 687 с.
12. Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июль 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова / публ. подгот. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 3–31.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 673. Ролик 844. ЦК П.С.-Р. Разные обращения и т.д. 1919 – 1920 гг.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 16–29.
15. Сафонов, И.А. Процесс партии социалистов-революционеров 1922 г.: Политический и социально-психологический аспект: дис. … канд. ист. наук. – М., 2005. – 362 с.
16. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1007 с.
17. Эсеровские политико-государственные образования в годы гражданской войны. Комитет членов Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники: [в 2 т.] / сост. В.А. Лапандин. – Самара: Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики, 2006. Т.1. 250 с.; Т.2. 292 с.
18. Янсен, М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / М. Янсен; пер.с англ. – М.: Возрождение, 1993. – 272 с.

Матох В.М.

ФОТОДОКУМЕНТЫ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКИХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ

Одними из самых наглядных исторических источников являются фотодокументы. В последнее время интерес к ним значительно возрос. Сегодня практически ни одна статья, теле-, радиопередача или документальная кинолента не обходятся без архивных кино-, фото-, фонодокументов (далее – КФФД). На Западе, в Беларуси и России выходят многочисленные публикации, посвященные событиям, военным операциям, сражениям и эпизодам Второй мировой войны и снабженные множеством фотоснимков высокого качества. В подобных изданиях перед публикаторами сразу встает проблема идентификации фотографии. Необходимо определить, кто и что на ней изображено, когда и где она сделана.

Зачастую публикаторы ограничиваются перепечаткой названия и даты фотоснимка, которые ему присвоили в архиве, но фотографии из частных коллекций архивистам и публикаторам приходится идентифицировать самостоятельно. К сожалению, в современных белорусских научных изданиях, посвященных Второй мировой войне, этому вопросу уделяется мало внимания. Почти во всех историко-публицистических и документальных изданиях последних лет можно встретить неполные, а то и просто ошибочные подписи к фотодокументам. При научном редактировании этих изданий обычно не обращают внимания на эти недостатки, а между тем, неправильно идентифицированные фотографии подрывают научный авторитет как данных изданий, так и престиж белорусской исторической науки в целом.

Проблемы использования и публикации КФФД были подняты еще в советской исторической науке несколько десятилетий назад. В середине 1970-х гг. О.М. Медушевская высказала мысль «о необходимости специальных исторических исследований информационных возможностей таких видов источников, как фото-, фоно- и киноматериалы… введения в научный оборот их фактического содержания» [1]. Однако, вплоть до настоящего времени ни в России, ни в Беларуси не разработана научно обоснованная методика публикации КФФД. Причины этого следует искать как в специфике КФФД, так и в недостатках их архивного хранения, описания и учета.

Российский исследователь В.М. Магидов в своей монографии [2] доказывает, что данную проблему необходимо решать комплексно, на стыке источниковедения, архивоведения и археографии. Источниковедение должно решать вопросы понимания, толкования КФФД, правомерности и обоснованности их использования в качестве исторических источников, изучать их специфику. Архивоведение должно заниматься проблемами фондирования, хранения, описания и учета этих видов документов. Археография должна изучать вопросы публикации и передачи содержания КФФД.

Не идентифицированная фотография времен Второй мировой войны – это ребус, который кажется неразрешимым, но на самом деле содержит в себе массу подсказок. Ведь униформа солдата, знаки различия, обозначения на боевой технике имеют главным своим назначением идентификацию солдата или машины. Так, по униформе солдата можно определить в армии какого государства он состоит, его звание или должность, род войск. Иногда можно определить даже, в какой части он служил. По покрою униформы, деталям обмундирования, снаряжения и знакам различия можно определить, и достаточно точно, дату фотосъемки, так как униформа и снаряжение воюющих сторон в ходе войны непрерывно изменялась и совершенствовалась. По окраске и обозначениям боевой техники можно определить воинскую часть, которой она принадлежала, место, где сделана

фотография (Восточный, Западный, Африканский или Тихоокеанский театр военных действий). Более того, можно даже определить какой именно пилот летал на сфотографированном самолете, или какой танкист командовал данным танком.

Но все эти детали и мелочи открыты лишь глазу искушенного в этих вопросах исследователя. К сожалению, в большинстве случаев составители, авторы и редакторы белорусских изданий, посвященных истории Второй мировой войны, ограничиваются абстрактными и лаконичными комментариями к фотоиллюстрациям, вроде подписей «Немецкий солдат» или «Фашистский танк».

Примером может служить книга “Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944)” [3]. На фотографии под названием “Нямецкія салдаты падпальваюць в. Вяда Брэсцкай вобл.” запечатлены немецкие солдаты, наступающие под прикрытием двух бронетранспортеров Sd.Kfz 251, на одном из которых установлена 37-мм противотанковая пушка Pak 36/37. На заднем плане горит какое-то деревянное строение. Если присмотреться, то на заднем плане можно заметить толстые бревна, вкопанные в землю под углом. Эти бревна – примитивные надолбы, противотанковые (противотранспортные) препятствия. Эта фотография была опубликована в нескольких белорусских изданиях по Великой Отечественной войне, и везде с разными подписями.

Фотография “Нямецкія салдаты у падпаленай імі весцы. Рагачоўскі раён Гомельскай вобл. 1941 г.” в книге “Нямецка-фашысцкі генацыд” напечатана дважды с разными подписями. Кроме того, в книге приведен фотоснимок под названием “Фашысцкія карнікі”, запечатлевший немецких инструкторов служебного собаководства с овчарками. На спинах овчарок закреплены брезентовые сумочки, поэтому, вероятнее всего, на фотографии – посыльные собаки. Название фотографии “Захопнікі ўзламываюць дзверы жылога дома. 1942 г.” также нуждается в уточнении. Головными уборами солдат являются горные кепи, а обувью – специальные горные ботинки в сочетании с обмотками. Это, с большой долей уверенности, позволяет сделать вывод – на фотографии горные егеря. На данный момент нет сведений, подтверждающих, что немецкие горнострелковые части принимали участия в боевых действиях и антипартизанских операциях на территории Беларуси. Также стоит обратить внимание на еще одну деталь – у одного из егерей через плечо висит итальянская противогазная сумка. Это также дает возможность определить наиболее вероятное место съемки – Балканы или Италия.

На фотографии «Нямецкія танкісты ў падпаленай вёсцы» запечатлен немецкий танк PzKpfw III с десантом пехоты на броне на фоне пожарища. Фотография довольно нечеткая, но существуют более качественные копии репродукции этой фотографии, опубликованные в других изданиях. При их изучении можно рассмотреть знак дивизии, определить принадлежность танка и период, когда были сделаны фотографии. Данный танк из состава 11-й танковой дивизии был сфотографирован во время боев лета–осени 1941 года на юго-западном участке советско-германского фронта.

В научно-популярном издании «Военнопленные. Kriegsgefangene. 1941–1956. Документы и материалы» [4] подписи к некоторым фотографиям явно нуждаются в уточнении. На первой же странице фотография «Обыск пленного красноармейца. Белоруссия. 1941 г.». Скорее всего, это не Белоруссия–на снимке пленного красноармейца обыскивает горный стрелок. Это можно определить по горнострелковому кепи и ветрозащитной куртке. В книге также можно увидеть фотографию «Оборудование территории для размещения лагеря советских пленных и гражданского населения. Дер. Дрозды Минского района. Июль 1941 г.». На фотографии немецкие солдаты возводят деревянные конструкции и растягивают колючую проволоку. Если присмотреться к их обмундированию, можно заметить, что солдаты одеты в зимние двусторонние утепленные костюмы, состоявшие из штанов и куртки. Данные костюмы появились на снабжении

германской армии зимой 1942–1943 гг. Таким образом, данная фотография никак не могла быть сделана летом, тем более 1941 г.

Существенно можно дополнить и подпись к фотографии «Словаки –партизаны Белоруссии». На фотографии действительно словаки, но составители не отметили на фотографии довольно примечательную личность. Это известный офицер словацкой армии Ян Налепка (на фото он в очках), организовавший самый массовый переход военнослужащих словацкой армии на сторону партизан, впоследствии погибший (ему было присвоено звание Героя Советского Союза). На следующей странице вызывает сомнения подпись к фотографии «Карательные операции против партизан. Белоруссия». На ней запечатлены лыжники и собачьи упряжки с пулеметами. Поскольку сведений о применении немцами ездовых собак на территории Беларуси нет, то, вероятнее всего, снимок сделан в Карелии или Заполярье, а также можно предположить, что на фото запечатлены финские лыжники.

В 2004 г. в Москве вышел совместный труд коллектива авторов из Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации и Военно-научного управления Вооруженных сил Республики Беларусь «Операция «Багратион». Освобождение Беларуси» [5]. Несмотря на большой страничный объем и красивое оформление издания, подход его авторов к иллюстративному материалу разочаровывает. Даже по сравнению с ретушированными и размытыми фотографиями в советских изданиях, приведенные в этом издании фотоиллюстрации имеют еще более низкое качество. Фотографии, видимо, были пересняты из советских изданий 1960–1980-х годов.

В издании «Judenfrei! Свободно от евреев! История минского гетто в документах» [6] на фотографии «Немецкий патруль в г. Минске. 1942 г.» можно увидеть немецких велосипедистов, едущих по городской улице на фоне разрушенного дома. Сомнительно, чтобы едущие на велосипедах с полным набором снаряжения (часть его приторочена к велосипедам) и с карабинами за спиной солдаты являлись патрулем. Вероятнее всего, на фотографии изображены немецкие самокатчики. Кроме того, лаконичность подписи к данной фотографии не дает читателю возможности понять, по каким признакам составители определили, что фото сделано именно в Минске.

Подобной неоправданной лаконичностью страдают практически все подписи к фотоиллюстративным материалам в белорусских изданиях по Великой Отечественной войне. В большинстве случаев составители и авторы изданий ограничиваются подписями общего характера, сообщая читателю то, что он может увидеть на фотографии и сам. Фотографии публикуются с нарушением научных методик и правил публикации архивных документов, к которым относятся и КФФД. Например, не указаны архивные данные фотографий, опубликованных в сборнике документов и материалов «Белорусские остарбайтеры» [7], сборниках документов и материалов «Военнопленные» [4], «Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.)» [8], «Judenfrei!» [6].

Между тем, даже если не обращать внимания на специфику КФФД, а воспринимать их только как определенный вид архивных документов, их публикация должна осуществляться с соблюдением соответствующих правил и методик. Но это положение не выдерживается в большинстве белорусских научных изданий по истории Великой Отечественной войны, снабженных фотоиллюстрациями.

Вышеописанные проблемы публикации фотографий периода Великой Отечественной войны в белорусских научных изданиях являются проблемами, по большей части, археографическими. Вопросы правильной, подробной и исчерпывающей идентификации фотографий могут быть решены привлечением к

участию в подготовке научных изданий широкого круга любителей и знатоков военной истории.

Хотя в кратких «Рекомендациях по организации работы с историческими документами» [9], разработанными БелНИИДАД в 1997 г., вопросы публикации КФФД не были затронуты, в «Правилах издания исторических документов в СССР» [10] принципы научного издания КФФД рассмотрены достаточно подробно и могут, в определенной степени, служить руководством для отечественных публикаторов КФФД.

Источниковедение фотодокументов должно обратить внимание на следующую их особенность – более низкую, по сравнению с текстовыми документами, информационную компактность. Работая с отдельными фотодокументами, исследователь сталкивается с наличием великого множества единичных фактов и сведений, заключенных в них, на основании которых, тем не менее, невозможно составить полное представление о конкретном событии или факте. Подавляющая часть исследователей оперирует единичными, практически не связанными между собой кино-, фото-, и фонодокументами. Это серьезно затрудняет использование таких методов научного исследования, как сравнительно-исторический, сопоставительный и др.

В определенной степени, как указал В.М. Магидов [2, с. 15], эту проблему можно решить путем выявления, учета и формирования предметно-тематических комплексов КФФД по отдельным вопросам истории. В.М. Магидов привел пример такого комплекса аудиовизуальных источников. В России известно около 10 кинолент и около 200 фотодокументов, рассказывающих о первых днях Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и Москве. Но, чрезвычайно низкие эвристические характеристики содержания КФФД, относящихся к данной теме, не позволяют четко осознать возможности использования этих документов в исторических исследованиях.

Ситуацию с аудиовизуальными документами в Беларуси можно считать аналогичной. Эту проблему можно устранить путем анализа состава и содержания хранящихся в разнопрофильных белорусских и зарубежных архивах, музеях, библиотеках и др. хранилищах, в том числе личного происхождения, кино-, фото-, фонодокументов по истории Беларуси. Эта, архивоведческая по своей сути, задача является настолько масштабной, что ее осуществление возможно лишь с привлечением всех заинтересованных государственных учреждений и широкой общественности. Зато это позволило бы учесть и сохранить для будущих поколений огромный пласт исторической реальности, воплощенный в одном из самых наглядных и информационно насыщенных видов исторических источников – аудиовизуальных документах. Промежуточные этапы этой работы могли бы воплотиться в виде издания фотокаталогов, путеводителей, фотоальбомов, аудио и видеозаписей и др. Поскольку эта работа может растянуться на годы, то в качестве первого этапа можно предложить провести выявление одного или нескольких предметно-тематических комплексов аудиовизуальных документов, например, по истории Беларуси в годы Второй Мировой войны.

Стремительное развитие информационных технологий предоставляет историкам и архивистам новые возможности научного изучения и публикации КФФД, но также ставит и новые проблемы – те же вопросы авторского права, определения подлинности фотографий и др. В сети Интернет в последнее время появляется все большее количество достаточно качественных цифровых копий фотографий периода Второй Мировой войны, в том числе относящихся и к истории Беларуси этого периода. Оригиналы (негативы или отпечатки) этих фотографий рассеяны по всему миру, но

Интернет ознакомиться с их копиями. Вопросы правомерности использования этих цифровых копий в научных исследованиях также нуждаются в разработке.

Подводя итог, можно сказать, что в Беларуси и во всем мире давно назрела необходимость разработки научно обоснованных методик и правил работы с КФФД и их публикации. Если часть существующих ныне проблем являются техническими и организационными (например, качество публикуемых фотоиллюстраций, вопросы условий хранения КФФД, правильная и исчерпывающая атрибутировка фотографий и т.п.) и могут быть решены при грамотном подходе и соответствующем финансировании, то ряд вопросов требует глубокой научно-методологической и правовой разработки. Это вопросы авторского права, формирования баз данных по КФФД, выявления предметно-тематических комплексов аудиовизуальных документов, создания научно-справочного аппарата к КФФД, достоверности и полноценности КФФД как исторических источников и многое другое.

1. Медушевская, О.М. Монография о современных документных классификациях / О.М. Медушевская // Советские архивы. – 1974. – № 1. – С. 106.
2. Магидов, В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В.М. Магидов. – М.: РГГУ, 2005. – 394 с.
3. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944): зборнік / БелНДЦДААС; [пад агул. рэд. У.М. Міхнюка]. – Мінск, БелНДЦДААС, 1995. – 411 с.
4. Военнопленные, 1941–1956. Kriegsgefangene: документы и материалы / [авт.-сост. Р.А. Черноглазова]. – Минск: Скакун; Гилф, 2003. – 472 с.
5. Операция «Багратион»: Освобождение Беларуси / Ин-т воен. истории МО РФ, Воен.-науч. упр. ВС РБ; [сост. Ю.А. Алексеев и др.]. – Москва: Триада-Фарм, 2004. – 464 с.
6. Judenfrei! Свободно от евреев!: История Минского гетто в док. / авт.-сост. Р.А. Черноглазова. – Мн.: ПП «Асоб. дах», 1999. – 395 с.
7. Белорусские остарбайтеры: Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию, 1941-1944: док. и материалы: В 3 кн. / [НАРБ и др.; сост.: Г.Д. Кнатько (рук.) и др.; редкол.: В.И. Адамушко и др.]. – Мн.: НАРБ, 1996–1998.
8. Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.): сб. материалов и документов / Р.А. Черноглазова, Х. Хеер; отв. ред. [и сост.] Р.А. Черноглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Гальперин, 1997. – 398 с.
9. Рэкамендацыі па арганізацыі работы з гістарычнымі дакументамі (для навуковых выданняў) / аўт.-склад. Р.П. Платонаў, І.Г. Яцкевіч. – Мн.: БелНДІДАС, 1997. – 40 с.
10. Правила издания исторических документов в СССР / Главное архивное управление при СМ СССР. – 2-е изд. [перераб. и доп.]. – Москва, 1990. – 186 с.

Сливко С.В.

МЕСТО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Углубление процесса информатизации общества неизбежно отражается на исторической науке, системе подготовки научных и учительских кадров, методике преподавания истории в учебных заведениях различных уровней. С одной стороны, современные возможности интернет-пространства и традиционных СМИ создают исключительно благоприятные условия для бытования различных псевдоисторических «откровений», а подчас и откровенных фальсификаций. Между тем, игнорировать распространение подобных явлений невозможно, т.к. они являются мощнейшим инструментом формирования массового сознания и используются в самых различных целях. В то же время, современные информационные технологии значительно расширили доступ к новейшим историческим исследованиям, редким изданиям и историческим источникам. Это значительно расширяет возможности историков при осуществлении ими научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Обе названные тенденции объясняют кризис нарративной логики, на данный момент главенствующей в системе российского исторического образования.

По мнению О.М. Медушевской, историческая наука с момента возникновения определяла свой объект одной фразой – «прошлое человечества». С целью изучения «человеческого прошлого» для актуализации исторического опыта историк исследовал «остатки» прошлого (письменные и вещественные источники), извлекал из них информацию и строил повествовательный рассказ в соответствии со своей ценностной ориентацией и преследуемыми целями. Данная логика исторического познания получила наименование нарративной. Она исключает альтернативность («сослагательное наклонение») и восходит от результата (поэтому ей нужна историческая дистанция). Несмотря на то, что в чистом виде нарративная логика встречается редко, что в значительной мере обусловлено традицией исторической критики, все же основные ее элементы продолжают главенствовать в исторической науке. Как можно заключить на основании вышеизложенного, нарративной логике присущи значительные недостатки, а именно – размывание объекта познания исторической науки и неспособность к удовлетворительному функционированию в условиях информационного общества. Считать объектом исторической науки «прошлое человечества» означает лишать историю статуса точной науки ввиду отсутствия устойчивого объекта, имеющего твердую эмпирическую базу, которая обладает мощным информационным ресурсом. Рассмотрение источников в качестве «осколков прошлого» не приводит к обретению подобной базы, так как осколки прошлого «склеиваются» историком в нарратив и не имеют самодостаточной ценности, что не способствуют точности исторического познания [7, с. 217]. С другой стороны, стремительно ускоряющийся с каждым годом рост информации обесценивает нарратив как научный текст, т.к. новые потоки информации размывают его, внося существенные правки в повествование. Кроме того, господство нарратива, в соответствии с которым формируются учебные планы и рабочие программы, даже в преподавании источниковедения и историографии приводит к аналогичным последствиям. Поэтому появляются такие феномены, как курсы источниковедения, включающие в себя лишь лекционные занятия, и курсы историографии, в которых не заложено время для детальной работы с историографическими источниками. Итог плачевен: студенты, в лучшем случае, попросту заучивают вопросы для экзамена или зачета, не только не владея практическими навыками внутренней и внешней критики источников или методом актуализации, но и демонстрируя поверхностное знакомство с материалом учебника. Между тем, еще М.Н. Покровскому принадлежит мысль, что «исторически работать можно научиться только на первоисточниках: человек, который никогда ничего не видал, кроме чужих “изложений”, никогда не сделается ученым, навсегда останется дилетантом» [10, с. 560].

На наш взгляд, выходом из сложившейся ситуации является переориентация вузовского образовательного процесса по историческим специальностям с преимущественного освоения общих курсов истории на более тщательное изучение специальных исторических курсов (источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, историография, археология и др.) и их интеграцию. Эта альтернатива имеет глубокие корни в отечественной исторической науке. Подобный взгляд на практике реализовывал академик В.И. Пичета в своих специальных семинарах с аспирантами МГУ и Института истории АН СССР. С их легкой руки эти занятия, проводившиеся по пятницам, получили название «пичетников» [2, с. 306]. Регламент работы семинара предусматривал заслушивание и обсуждение в виде докладов и сообщений, рефератов и обзоров отдельных частей работ молодых авторов (диссертаций, статей, монографий). На первом заседании в 1943 г., В.И. Пичета указал на три задачи семинара: 1. исследование истории славянских народов на основе марксистско-ленинского учения об обществе; 2. выработка навыков и приемов

критического исследования источников; 3. умение ориентироваться в обширной, особенно новейшей, литературе [2, с. 308]. В дальнейшей работе семинара В.И. Пичета и его ученики не отступали от указанных задач, сосредотачивая внимание на вопросах методологии исторического познания, критике источников и историографическом обзоре, которые прорисовывали новую постановку проблемы и возможность введения в научный оборот неизвестных ранее источников [4].

О потребности глубокой разработки проблемных вопросов отечественной истории, с широким привлечением историографии и источников говорил академик М.Н. Тихомиров, определяя реферат оптимальной формой сдачи аспирантами кандидатского минимума по историческим специальностям. В представлении М.Н. Тихомирова составление подобного реферата является активной формой обучения, которая подготавливает историка к самостоятельной научно-исследовательской работе и способствует выработке у него навыков работы с историографией и источниками на высоком профессиональном уровне. Между тем, в сдаче кандидатского экзамена по списку вопросов «нет ничего творческого» [11].

Несмотря на то, что приведенные выше примеры взяты из области подготовки научных кадров и не затрагивают высшее профессиональное или среднее образование, аналогия в данном случае является уместной. В цитированной выше статье М.Н. Тихомиров неоднократно говорит об изменении стандартов обучения и оценки знаний, вызванных объективными причинами. В настоящее время процесс информатизации выводит на первое место для студентов те профессиональные качества, которые формировали у аспирантов в 1940-1950-е гг. выдающиеся мастера отечественной историографии. Лишь обладая ими, студент будет способен ориентироваться в стремительно обновляющейся литературе и значительных комплексах вводимых в оборот источников, умея их использовать в научных исследованиях на высоком профессиональном уровне. К тому же, современные образовательные стандарты (в частности, ФГОС ВПО РФ) выделяют научно-исследовательскую работу в качестве важнейшей составляющей деятельности студентов, которая должна быть сопряжена с обучением по специальности. Однако, новые задачи остаются лишь благим пожеланием без отказа от господства нарративной логики.

В настоящее время трудно представить картину, подобную той, что описал В.В. Мавродин: «Далекий 1926 г. Первый курс историков Ленинградского университета, избравших своей специальностью историю России. Просеминарские занятия ведет высокий, стройный, седовласый профессор Б.Д. Греков. Перед студентами на столах лежат тоненькие книжечки. Это “Русская Правда”. Спокойным, ровным, тихим голосом профессор рассказывает и “Русской Правде”, о том, как студенты будут под его руководством заниматься этим источником весь учебный год. Изумленные восклицания, негодующие голоса: “Неужели на эту книжечку в 30 страниц нам понадобится целый учебный год?” Профессор улыбнулся: “Увидите и убедитесь сами”. <…> Весной, когда закончились работы в просеминаре, мы поняли, что <…> изучение “Русской Правды” может стать делом всей жизни» [6, с. 3, 19]. Жесткие рамки учебных планов, крайне скромное количество аудиторной нагрузки на занятия по источниковедению, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам приводят к засилью обзорных лекций, семинаров-репетиториумов и чрезмерно ограничивают поле применения активных методов обучения. Опасность этих тенденций осознавалась еще в 1970-е гг., однако в настоящее время они стали обширнее и в условиях современных информационных процессов угрожают жизнеспособности высшего исторического образования и системе подготовки научных кадров [8, с. 6-28].

Превалирование в образовательном процессе источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии, методологии и методики исторических исследований означает для современного образовательного процесса настоящий качественный переворот, который позволит не только дать адекватный ответ на стоящие перед историческим образованием вызовы, но и задействовать мощнейший интегративный потенциал упомянутых выше дисциплин. Воссоздание целостной картины прошлого на основе широкого комплекса источников делает необходимым для студента получения языковой подготовки, изучение литературоведения, искусствоведения и др. дисциплин гуманитарного цикла. Таким образом, раскрывается потенциал многомерности и уникальности исторического источника, о которых говорил М. Хайдеггер: «Диалог Платона, например “Федр”, разговор о прекрасном, можно истолковывать в самых различных областях и аспектах, значениях и проблематизациях. Эта значимость во многих отношениях не есть возражение против строгости мыслимого в ней. <…> Многозначность, напротив, – это стихия, в которой должно вращаться мышление, чтобы быть строгим. Образно говоря: для рыбы глубины и дали воды, ее течения и заводи, ее теплые и холодные слои – это стихия ее многообразной подвижности. Если рыба лишается полноты своей стихии, если она вытаскивается на сухой песок, то она сможет только еще подергаться, побиться и скончаться. Поэтому мы должны разыскивать мышление и его мыслимое всякий раз в стихии его многозначности, в противном случае оно остается для нас закрытым» [13, с.126-127]. Нарративная логика закрывает мышление и его мыслимое, в то время как источниковедческий метод раскрывает его во всем многообразии и многомерности, отражающих историческую действительность.

Так, например, при характеристике социально-экономического развития Руси периода феодальной раздробленности и борьбы против монголо-татарского ига, источниковедческая и историографическая составляющая его вопросов в большей части учебных пособий по истории России для исторических факультетов обходится стороной. При этом дискуссионные моменты, как правило, освещаются скупо или же исключительно сквозь призму авторской концепции пособия. Между тем, рассмотрение студентами научной дискуссии о времени появления частного акта не только дало бы возможность раскрыть сложность и многогранность данного вопроса, но и могло бы стать ценным источниковедческим и историографическим опытом для студентов-историков. Кроме того, при изучении данного вопроса студенты неизбежно столкнутся с проблемой фальсификации исторических источников. Обращение же к трудам С.Н. Валка [1, 9], М.Н. Тихомирова [12], В.Л. Янина [3], С.М. Каштанова [5] и др. классиков отечественной историографии и источниковедения призвано способствовать формированию навыков ведения научной дискуссии, приобщению к основам профессиональной культуры. В то же время, частный акт – не только источник по социально-экономической истории, его можно рассматривать с позиций языкознания, культурологии т.д.

Однако, расширение источниковедческой и историографической составляющих общих курсов истории России – одна сторона решения проблемы. Другая сторона, как уж было сказано, состоит в расширении и углублении преподавания курсов источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин, археологии и др. при наиболее гармоничном их согласовании в рамках общего учебного плана. Необходимо отметить, что подойти к продуктивному разрешению обозначенной проблемы возможно лишь с помощью всестороннего ее обсуждения всем научным историческим сообществом и активного обмена опытом преподавания исторических дисциплин.

Ценность научно-исследовательского, организаторского, педагогического опыта академика В.И. Пичеты, широта его научных интересов, высочайший уровень профессиональной культуры во многом объясняются тем, что Владимир Иванович отводил первостепенное место в личностном росте и воспитании учеников дисциплинам специального исторического цикла. Акцентируя внимание на необходимости глубокого изучения источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин, археологии В.И. Пичета на протяжении всей своей научной деятельности демонстрировал интегрирующие возможности этих дисциплин и их первостепенное значение для исторической науки. Эта сторона опыта академика В.И. Пичеты в настоящее время как нельзя более актуальна для исторического образования.

1. Валк, С.Н. Начальная история древнерусского частного акта / С.Н. Валк // Избранные труды по историографии источниковедению. – СПб: Наука, 2000. – С. 516–556.
2. Досталь, М.Ю. «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян в МГУ (1943–1947) / М.Ю. Досталь // История и историки: историографический вестник, 2006 / Институт рос.истории РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 304–319.
3. Зализняк, А.А. Вкладная грамота Варлаама Хутынского / А.А. Зализняк, В.Л. Янин // Памятники культуры. Новые открытия. 1990. – М., 1992. – С. 7–17.
4. Иоффе, Э.Г. Академик В.И. Пичета (1878–1947) / Э.Г. Иоффе // Новая и новейшая история – 1996. – №5. – С.217–229.
5. Каштанов, С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. / С.М. Каштанов. – М., 1996.
6. Мавродин, В.В. Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) / В.В. Мавродин. – Л.: Из-во ЛГУ, 1968. – 24 с.
7. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
8. Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов: Методическое пособие / под ред. М.Т. Белявского – М.:Высш.школа, 1979 – 240 с.
9. Панеях, В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н. Валка / В.М. Панеях. // Историографические этюды. – СПб, 2005 – С.41–58.
10. Покровский, М.Н. От Истпарта / М.Н. Покровский // Избранные произведения в 4-х книгах, т.4. – М.: Мысль, 1964. – С. 554–561.
11. Тихомиров, М.Н. О молодых ученых и исследовательской работе / М.Н. Тихомиров // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. – М.: Наука, 1967 – С. 9–14.
12. Тихомиров, М.Н. О частных актах в Древней Руси / М.Н. Тихомиров // Древняя Русь – М.: Наука, 1975 – С. 240–261.
13. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М Хайдеггер. – М.: Территория будущего, 2010 – 351 с.

Кепин Д.В.

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ СПЕЦКУРСА «МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ» В КИЕВСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

В музеях как «хранилищах» памяти человечества сохраняются и экспонируются разные категории источников. При этом необходимо в ходе подготовки студентов – будущих музееведов дать им не только представление о характере коллекций музея того или иного профиля и типа, но и раскрыть основы методологии исследования музейных предметов.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. российский музеевед профессор А.М. Разгон первым в европейском музееведении выделил в его структуре новое научное направление – музейное источниковедение. По мнению ученого, музейное источниковедение может рассматриваться и как самостоятельная научная дисциплина со своим объектом, предметом и методом исследования [5]. Среди работ сторонников «предметного» подхода выделяются труды профессора Н.А. Томилова. Музееведение (музеология) определяется им как «…культурологическая наука, изучающая музейные

предметы, их социальные свойства и отношения, музейные процессы в их исторической динамике», «…культурологическая наука о музейных предметах и музейных процессах во всей их конкретности и разнообразии». Исследователь предлагает в структуре этой науки выделять не музейное источниковедение, а музеологическое источниковедение [6, с. 37, 38, 46].

В Украине теория музейного источниковедения начала разрабатываться с 1990-х гг. благодаря работам музееведа профессора Ю.А. Омельченко. Он рассматривает вопросы преобразования «предмета музейного значения» в «музейный предмет» в разные исторические эпохи культуры человечества. Понятие «музейный» у́же понимания исторического источника. Так же, как и А.М. Разгон, Омельченко выделяет в структуре музееведения музейное источниковедение. Необходимо различать историческое музейное источниковедение от источниковедения исторического. Для музейного источниковедения специфично исследование наряду с семантической информацией музейных предметов их свойства привлекать внимание и оказывать эмоциональное воздействие на посетителя в процессе музейной коммуникации, т.е. аттрактивность и экспрессивность [4].

В последнее время активно разрабатывается теория музейного источниковедения применительно к естественнонаучным музеям. Так, биолог профессор А.С. Климишин относит музейное источниковедение к общей и природоведческой музеологии [3, с. 125].

В то же время, высказывается сомнение в целесообразности выделения музейного источниковедения как такового [1, с. 21]. По нашему мнению, музейное источниковедение как структурный элемент музееведения входит в общее источниковедение и имеет междисциплинарный характер, обусловленный использованием методик источниковедений специальных исторических, естественноисторических и технических дисциплин. Задачами музейного источниковедения являются: изучение музейных предметов – памятников, научно-вспомогательного материала, выработка терминологии, методических основ классификации, атрибуции, систематизации и интерпретации музейных предметов, создание каталогов и определителей коллекций. В сферу музейного источниковедения входит и разработка классификации недвижимых памятников – потенциальных объектов музейного показа [2].

Такое понимание музейного источниковедения было положено в авторский спецкурс (108 часов) для студентов I–II курсов кафедры музееведения (ныне кафедры истории Украины и музееведения) (специальность 6.020103 «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры») Института культуры Киевского национального университета культуры и искусств, прочитанный в 2003–2007 гг. После обсуждения рабочая программа была утверждена на заседании кафедры (зав. каф. канд. пед. наук, доц. Ю.Н. Ключко; рецензент канд. ист. наук, доц. Е.Н. Титова; Протокол № 1 от 1 сентября 2003 г.). Мы ставили следующие задачи: определить категориальнай аппарат музейного источниковедения («социальная память», «вещь», «ценность», «предмет музейного значения», «музейный предмет», «свойства музейного предмета», «атрибуция», «определитель музейных предметов», «научно-вспомогательный материал» и т.д.); предложить методику атрибуции музейных предметов; ознакомить студентов с методикой диагностирования сохранности музейных предметов; ознакомить студентов с современной методикой научного описания музейных предметов, применяющейся в музеях разного профиля Украины, Беларуси, России и стран Западной Европы; дать представление о компьютерных программах-классификаторах, использующихся в музейной практике.

Спецкурс читался два семестра и состоял из двух разделов. Первый «Методология музейного источниковедения» включал три темы «Место музейного источниковедения в структуре музееведения», «Методика изучения музейных предметов», «Методика изучения научно-вспомогательного материала». Второй раздел «Основные группы музейных предметов» включал пять тем: «Естественноисторические источники в музейных собраниях», «Вещественные источники в музейных собраниях», «Письменные источники в музейных собраниях», «Изобразительные источники и предметы декоративно-прикладного искусства в музейных собраниях», «Фото-кино-видео и фономатериалы в музейных собраниях».

Значительная часть материала предназначалась для самостоятельной работы студентов (семинары, письменные опросы, рефераты). Практические занятия проводились в музеях г. Киева: Национальном музее истории Украины, Национальном художественном музее Украины, Национальном музее украинского народного декоративного искусства, Музее искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, Киевском национальном музее русского искусства, Государственном музее театрального, музыкального и киноискусства Украины, Государственном музее книги и книгопечатания Украины, Археологическом музее Института археологии НАН Украины, Национальном научно-природоведческом музее НАН Украины.

Часть материала использовалась при создании археологического музея-лаборатории по экспертизе ценности, открытого при кафедре 18 мая 2005 г.

В ходе практических занятий студенты имели возможность ознакомиться со структурой фонда того или иного музея, принять участие в подготовке учетной документации на музейный предмет, а также провести его атрибуцию и интерпретацию. Большое внимание отводилось проблемам консервации и реставрации музейных предметов и подготовке соответствующей документации.

Данный спецкурс читался как студентам очного, так и заочного отделений. Отметим, что на заочном отделении слушателями были уже сотрудники музейных и памятникоохранных учреждений Украины. Это сказалось и на лучшем усвоении поданного материала и более творческом подходе при подготовке самостоятельных работ.

Таким образом, для отечественного музееведения актуальным является разработка структуры музейного источниковедения и подготовка соответствующего учебного пособия.

1. Довжук, І.В. Основи музеєзнавства. Навчальний посібник / І.В. Довжук. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. – 164 с.
2. Кепін, Д.В. Музейне джерелознавство – як складова музеєзнавства / Д.В. Кепін // Праці Центру пам‘яткознавства. – Київ: Центр пам‘яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам‘яток історії та культури, 2006. – Вип. 10. – С. 56–65.
3. Климишин, О.С. Природнича музейна термінологія: Словник-довідник / О.С. Климишин. – Львів: Державний природознавчий музей НАН УКраїни, 2003. – 244 с.
4. Омельченко, Ю.А. Музееведение / Ю.А. Омельченко // Специальные исторические дисциплины. – Киев: НМК ВО, 1992. – С. 208–216.
5. Разгон, А.М. Музейный предмет как исторический источник / А.М. Разгон // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. – Москва: Наука, 1984. – С. 174–183, 274–275.
6. Томилов, Н.А. Музеология как отрасль знаний. Избранные лекции для студентов высших учебных заведений / Н.А. Томилов. – Омск: Изд. дом «Наука», 2012. – 100 с.

Раздел 2
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Маловичко С.И.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

С последней четверти XX в. наблюдается трансформация функций гуманитарного знания, ослабление его рационалистической составляющей. Поэтому, в эпоху постпостмодерна, рефлексия о неоклассической модели исторической науки заставляет обращаться к проблеме поиска новых познавательных возможностей истории.

На мой взгляд, актуализация вопроса об источниковедении историографии вызвана несколькими факторами. Возрастание роли истории истории происходит в ситуации, которая характеризуется все большим *размежеванием разных типов исторического знания*: научного и социально ориентированного. Этот процесс связан с тем, что научное историческое знание старается найти более строгие научные основания профессиональной деятельности историков. Неслучайно, нидерландский историк М. Гривер обращает наше внимание на пересмотр параметров истории историографии [13, p. 46–47], а Л.П. Репина делает вывод о своевременности формирования *нового направления исторической критики,* «все дальше уходящего от описания и инвентаризации исторических концепций» и позволяющего исследовать не столько историографические направления и школы, а профессиональную культуру в целом [8, с. 209–210].

Наблюдающееся *отсутствие строгости в исторических исследованиях* вызывает необходимость формирования критериев, помогающих различать и классифицировать историографические практики. Сегодня наблюдается смешение понятий, путаница в дисциплинах, направлениях и предметных полях исторической науки, а иногда даже в моделях исторического знания и функциях научной и научно-популярной литературы. Приведу несколько примеров:

1) Современные иранские историки, исследуя «Краткую историю Шекинских ханов» Керим Ага Фатеха (первая половина XIX в., Азербайджан) применили по отношению к ней понятие «*местная история*» (local history) [14, p. 135–141]. Однако, во-первых, история ханства, генеалогическая история (история ханов) – это не местная история, во-вторых, понятие «местная (local) история» относится к европейской традиции историописания, но не к восточной. 2) Известный российский историк актуализацию внимания к *региональной истории* как направлению научной истории расценил как свидетельство возрастающего внимания к проблематике *краеведения* [11, с. 27], относящегося к социально ориентированному типу исторического знания. 3) Профессиональные историки могут утверждать, что сегодня в научной истории приобретает особую ценность яркость стиля и популярность изложения [6, с. 48–55]. Однако доступность для непосвященного читателя всегда ценились в популярной исторической литературе, но научную историю отличала и отличает, в первую очередь, – научная строгость.

И, конечно, наше внимание к источниковедению историографии обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической школы источниковедения – сайт Источниковедение.ru [2]), научным принципом которой является – *история как строгая наука*.

Говоря об индикаторах измерения состояния научного знания О.М. Медушевская отмечала, что одной из важнейших задач современной исторической науки и исторического образования должна стать выработка критериев, позволяющих «отличать логику создания исследовательского труда, создания научного произведения, целью которого является новое знание, от другой логики создания повествования, в интриге которого смешивается представление о научной истине и человеческой фантазии» [3, с. 35]. Научные основания истории историографии может предоставить лишь логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит *источниковедение историографии*, а её наиболее актуальной задачей является *классификация историографических источников.*

В отечественной исторической науке, как ни в какой другой, имелась давняя прочная источниковедческая традиция, которая оказала влияние на развитие, как общей теоретической базы истории исторической науки, так и ее исследовательских приемов. Советские историки уже в 60–70-х гг. XX в. подняли вопросы, касающиеся, с одной стороны, сути истории исторической науки как специальной исторической дисциплины [5, с. 6–26], а с другой стороны, о специфике историографических источников [9, с. 266–274], что свидетельствовало об изменении статуса историографии в структуре исторического знания. Интересно отметить, что этот процесс в те же самые годы обозначился и в западноевропейской, а также американской историографиях, где с начала 1970-х гг. историков перестало удовлетворять «дополняющее» / «специальное» по отношению к истории место историографии в образовательной и научной практиках [12, p. IX]. Однако вопрос об источниках историографических исследований был актуализирован именно в советской историографии и в этом процессе активное участие приняли источниковеды.

Одной из черт советской практики изучения истории истории, которая проявляет себя и сегодня, стало обращение внимания не только на линейный процесс развития исторической науки, но и на общественную мысль, которая могла отличаться, например, от «дворянской» или «буржуазной официальной» историографии своей «неофициальностью», а значит, как отмечала ведущий советский специалист в области истории исторической науки М.В. Нечкина, «прогрессивностью» исторической мысли, носителями которой были «непрофессионалы» [5, с. 14–15].

Виды историографического исследования: «историография», «история исторической науки», «проблемная историография», «история исторического знания» и т.д. последней трети XX – начала XXI в. не актуализировали вопрос о проведении различия между типами исторического знания и даже научной историей и исторической (общественно-политической) мыслью. С одной стороны, это способствовало обращению исследователей историографии к историческим источникам иных видов (публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения и т.д.), позволившим изучать историографический быт, творческую атмосферу и «микроклимат» развития науки, биографии историков, историю научных школ, взаимоотношение учителя и учеников и т.д., но, с другой стороны, не вело к формированию практики изучения базового историографического источника – трудов историков, тем самым смягчая *деконструирующий* – по отношению к историческому знанию – эффект истории истории.

Актуализация в последней четверти XX в. вопроса об историографических источниках вызвала среди историков рефлексию о самом этом понятии. Так, Л.Н. Пушкарев посчитал, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки» [7, с. 102–103]. А.И. Зевелев дал несколько иное определение, заметив, что «историографическими источниками являются те исторические

источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, проистекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования» [1, с. 120]. В российской историографии получило распространение определение историографического источника, которое еще с начала 80-х гг. XX в. начал формулировать С.О. Шмидт: «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [10, с. 185].

В указанных определениях и практике классификации историографических источников присутствует общая черта – подмена видовой специфики историографического источника спецификой исторических источников иных видов. Профессиональному историку все-таки необходимо уметь отличать первые от вторых.

Следует отметить, что сегодня в исторической науке присутствует два подхода к историографическому источнику. Первый, – историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Второй подход, предлагаемый Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru, основан на принципе *«признания чужой одушевленности»*; он помогает современному исследователю рефлексировать о целеполагании автора того или иного исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, которое должно выполнять определенную функцию.

Исходя из последнего, сформулируем определение историографических источников: Историографические источники, – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного.

В современном историографическом исследовании применимы те же принципы, что и в источниковедении источников иных видов, теоретически обоснованные в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской [4]. Их применение, с одной стороны, дает возможность заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – помогает преодолеть линейность историографического процесса, дополняя его коэкзистенциальными связями.

Концепция когнитивной истории предполагает, что произведения историков прошлого по отношению к наблюдателю-исследователю выступают эмпирической реальностью – вещью, которая, сама по себе, реализованный интеллектуальный продукт, результат целенаправленной человеческой деятельности, выступающий в процессе познания как особый феномен. Этот феномен представляет собой важнейший вещественный объект, при помощи которого в обществе осуществляется обмен информацией. Таким образом, источниковедческий подход к истории истории может строиться на *феноменологической концепции*, которая является источниковедческой по своим ключевым принципам.

Функция того или иного произведения историка, определяемая по цели создания его труда, выступает основанием классификационной процедуры, проводимой исследователем историографии. Процедура выделения видовой структуры историографических источников производится не в соответствии с целью современного исследователя или произволом библиографа, а основывается на принципе *целеполагания его автора* – «Другого» (т.е. авторском замысле историка прошлого). Система таких интеллектуальных продуктов как произведения историков имеет выраженную их функцией видовую форму. Поэтому в качестве объекта источниковедческой операции выступает уже не отдельно взятое произведение, а система *(видовая структура)* историографических источников, соответствующая определенному типу культуры.

В отличие от иерархической практики классической науки, феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложены принцип «признания чужой одушевленности», позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и т.д.) и группы (по типам исторического знания: научное и социально ориентированное) историографических источников по целеполаганию и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как *рядоположенные*. Такая практика также помогает выявлять иной по отношению к научной истории тип исторического знания.

1. Зевелев, А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А.И. Зевелев. – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.
2. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д.А. Добровольский и др. – Электрон. дан. – М., cop 2010–2013. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/.
3. Медушевская, О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений / О.М. Медушевская // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. – С. 20–36.
4. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
5. Нечкина, М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М.В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. – М., 1965. – С. 6–26.
6. Пивовар, Е.И. Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение / Е.И. Пивовар, А.Б. Безбородов, С.В. Карпенко // Новый исторический вестник. – 2013. – № 35. – С. 48–55.
7. Пушкарев, Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л.Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин, 1980. – С. 102–103.
8. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
9. Шмидт, С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: [сб. статей]. – М.: Наука, 1976. – С. 266–274.
10. Шмидт, С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.
11. [Шмидт, С.О.] Обращение председателя Союза краеведов России, академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года): в 3 т. / отв. ред. Л.А. Вербицкая, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. – Т. 1. – 766 с.
12. Bentley, M. Modern Historiography: An Introduction / Michael Bentley. – L.: Routledge, 1999. – 182 p.
13. Grever, M. Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe / Maria Grever // Gendering Historiography: Beyond National Canons. – Frankfurt; N.Y, 2009. – P. 45–62.
14. Sajjad Hosseini, S. Content Analysis and Understanding of the First Local History of Sheki Province in the 19th Century / Sajjad Hosseini, Hossein Mir J'afari, Loghman Dehghan Niyeri // Asian Culture and History. – 2013. – Vol. 5. – № 2. – P. 135–141.

Коровчинский И.Н.

МИФ ОБ ИППОЛИТЕ И ЕВРИПИД: ИСКУШЕНИЕ ШЕДЕВРОМ

Цель данного доклада – обратить внимание на результаты ошибочного подхода к источниковой базе, укоренившегося в историографии древнегреческого мифа об Ипполите середины XX – начала XXI в., которые могут оказаться поучительными для специалистов в разных областях истории.

Миф о любви Федры, жены царя Тесея, к своему пасынку Ипполиту является одним из наиболее прославленных сюжетов древнегреческой мифологии. На него написаны шедевры великих мастеров литературы – Еврипида, Сенеки, Ж. Расина, М. Цветаевой. Тем не менее, вопросы, связанные с ним, представляются далекими от окончательного разрешения.

Уже в написанной в XIX в. знаменитой «Золотой ветви» Дж. Фрэзера мы видим, что пересказ данного мифа сводится к механическому соединению сюжета трагедии Еврипида «Ипполит, увенчанный венком» с «продолжением», заимствованным из поэмы Вергилия «Энеида» [4, с. 13–14], т. е. в расчет берутся только величайшие античные шедевры, затрагивающие данный миф. В статье «Федра» в энциклопедии Паули-Виссова, вышедшей в 1938 г., даются ссылки не только на эти, но и на ряд других источников, однако все же миф пересказывается именно в соответствии с трагедией Еврипида и голословно утверждается, что все более поздние источники «передают историю в основном в неизменном [по сравнению с Еврипидом – *И. К.*] виде» [15, с. 1543].

Возможно, что именно авторитет Фрэзера и энциклопедии Паули-Виссова привел к тому, что большинство исследователей 2-й пол. XX – начала XXI в., в т. ч. даже такой крупный, как В. Буркерт [7, с. 111–118], а также Ж.-П. Вернан [13, с. 271–273], Э. Де Плас [8, с. 200–201, 227–228], Дж Бреммер [6, с. 92], А.И. Зайцев [1, с. 164, прим. 2], Ф. Карахаши и К. Лопес-Руис [12] анализируют данный миф, опираясь почти исключительно на дошедшую до нас трагедию Еврипида и практически не беря в расчет другие источники. Г. Гертер [11] и А.А. Тахо-Годи [3], как и Дж. Фрэзер, помимо Еврипида привлекают также «продолжения» мифа, излагающие ту его часть, которая хронологически следует после событий, описанных Еврипидом, и в которой речь идет о воскресении Ипполита и его дальнейшей судьбе. Но события, описанные Еврипидом, эти авторы излагают именно в соответствии с последним. У. Бэррет на протяжении своей монографии «“Ипполит” Еврипида» постоянно учитывает существование двух других трагедий V в. до н. э., написанных на тот же сюжет, – не дошедшей до нас более ранней трагедии того же Еврипида «Ипполит, закрывающийся плащом», а также трагедии Софокла «Федра», равно как и ряда других более ранних и поздних источников [5]. Однако его работа носит литературоведческий характер, и задачу реконструкции первоначального мифа, а тем более, корней этого последнего, он перед собой если и ставит, то в очень ограниченной степени.

Отрадное исключение представляют работа Т. Ганца «Ранний греческий миф» и энциклопедия «Новый Паули», в которых учитываются, в том числе с исторической точки зрения, не только еврипидовская, но и различные иные версии мифа о Федре и Ипполите [9, с. 285–288; 10; 14]. Однако даже они не предлагают необходимую, с нашей точки зрения, корректировку версий происхождения мифа, выдвинутых исследователями на основании исключительного внимания к Еврипиду.

В. Буркерт в своей работе «Структура и история греческой мифологии и ритуалов» предложил считать миф об Ипполите параллелью к анатолийскому мифу о богине плодородия Кибеле, умертвившей из ревности своего возлюбленного Аттиса, а также к месопотамскому мифу о богине любви и плодородия Иштар, отправившей своего возлюбленного Таммуза в загробный мир [7, с. 99–122]. Он делает это на основании сохранившейся трагедии Еврипида, в которой причиной смерти Ипполита выступает Афродита, также являющаяся божеством любви и плодородия. Она хочет отомстить Ипполиту, сыну афинского царя Тесея, за равнодушие к женскому полу (т. е. за отказ от чувств, дарованных людям ею, Афродитой) и влюбляет в него его мачеху Федру. Та жестоко страдает от скрываемой ею позорной любви и, чтобы облегчить страдания царицы, ее кормилица открывает Ипполиту любовь мачехи, надеясь пробудить взаимность и предварительно взяв с него клятву о неразглашении. После отказа со стороны Ипполита Федра, боясь, что Ипполит не сдержит клятву, налагает на себя руки и в предсмертном письме обвиняет его в домогательствах к ней. Тесей изгоняет связанного клятвой и потому неспособного себя защитить Ипполита и молится своему отцу Посейдону, чтобы тот убил царевича. Посейдон высылает из моря

быка, пугающего коней, запряженных в колесницу Ипполита, в результате чего те сбрасывают царевича и он гибнет.

Ф. Карахаши и К. Лопес-Руис недавно провели параллель также между данным мифом и месопотамским эпосом о Гильгамеше, в котором Иштар неудачно сватается к царю Гильгамешу и, получив отказ, насылает на него небесного быка, которого тот, правда, убивает сам и избегает кары [12].

Из этих параллелей исследователи делают вывод о том, что миф об Ипполите был создан в Греции во II тыс. до н. э. [12, с. 104] или в эпоху архаики [7, с. 114–118] на основе указанных ближневосточных мифов.

Однако, если мы посмотрим на другие античные источники, излагающие миф об Ипполите, то увидим, что в подавляющем большинстве из них роль Афродиты не упоминается или оказывается совершенно иной. Во фрагменте поэмы «Тесеида» VI в. до н. э., т. е. источнике более раннем, чем трагедия Еврипида, хотя и дошедшем до нас в пересказе ранневизантийского энциклопедиста Стобея, Афродита не упоминается. Соответственно, весь миф, за исключением вмешательства Посейдона, предстает там как вполне земная история порочной страсти и ее несчастных последствий (Stob. IV, 20b, 75). То же можно сказать и о большинстве более поздних источников, полностью пересказывающих миф об Ипполите – эпитоме «Мифологической библиотеки» псевдо-Аполлодора (I, 17–19), фрагменте Асклепиада Трагильского (Schol. Hom. Od. XI, 321), «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (IV, 62), «Сказаниях» Юлия Гигина (Hyg. Fab. 47), «Метаморфозах» Овидия (XV, 497–546), «Описании Эллады» Павсания (I, 22, 1–2; II, 32), комментариях Сервия к «Энеиде» Вергилия (VI, 445 – в этом источнике даже Посейдон заменен обожествленным Эгеем). У христианского автора св. Амвросия Медиоланского в сочинении «О девстве» (III, 2–6) излагается своеобразная версия, согласно которой Ипполит был убит Нептуном из-за соперничества за сердце Дианы, но Венера (Афродита) все равно не упоминается. В схолиях византийского автора Иоанна Цеца к «Александре» Ликофрона (Tzetz. Lycophr. 449, 610–614, 1329) несколько раз говорится о возведении влюбленной Федрой храмов Афродиты, но иных упоминаний Афродиты в контексте мифа о Федре и Ипполите все равно нет. Отсутствуют упоминания Афродиты и в большинстве многочисленных источников, излагающих миф лишь частично, включая «Одиссею» Гомера (XI, 321), «Энеиду» Вергилия (VI, 440-445, VII, 761–782), «Фасты» Овидия (VI, 737–762), фрагмент «Об аркадянах» Стафила (Sext. Emp., Adv. Math. I, 261), «Созвездия» псевдо-Эратосфена (Eratosth. Katasterismoi, 6) и др. Другие подробности мифа в различных источниках также отличаются, что позволяет говорить о наличии множества его версий.

Лишь Афиней в «Пирующих знатоках» (XIII, 74) объясняет страсть Федры влиянием Афродиты, но при этом напрямую ссылается на Еврипида и даже цитирует его сохранившуюся трагедию, так что этот источник нельзя считать независимым. Кроме того, в письме «Федра – Ипполиту» из цикла Овидия «Героини» и в трагедии Сенеки «Федра» страсть жены Тесея объясняется местью Венеры, но не Ипполиту, а потомкам Соля (Гелиоса), к числу которых принадлежит Федра, за то, что Соль предал огласке внебрачную любовную связь Венеры с Марсом. Другими жертвами мести Венеры при этом называются бабка Федры Европа, ее же мать Пасифая и сестра Ариадна – все также потомки Соля (Ov. Her. IV, 53–62, Sen. Phaed. 124–128. См. тж. [2, с. 399]).

Интересно, что у Еврипида также присутствуют следы данной версии: Федра у него говорит, что она станет «третьей добычей смерти» наряду с Пасифаей и Ариадной (Eur. Hipp. 337–341). Это не согласуется с мотивом мести Ипполиту, поскольку несчастья Пасифаи и Ариадны никак не могли серьезно повредить этому юноше. Создается впечатление, что Еврипид поставил мотив мести Ипполиту на место более

древнего мотива мести роду Гелиоса, не сумев, однако, полностью убрать упоминания об этом последнем.

Известно, что до сохранившейся трагедии «Ипполит, увенчанный венком» Еврипид написал на тему того же мифа трагедию «Ипполит, закрывающийся плащом», которая была отвергнута афинской публикой как «развратная» и не дошла до нас. Источники сообщают, что во второй трагедии драматург пошел на существенные переделки сюжета [см. 5, с. 10–17, 26, 29–45]. Уже это заставляет усомниться в том, что сохранившаяся вторая трагедия отражает изначальное содержание греческого мифа. Вполне возможно, что мотив мести Ипполиту был искусственно привнесен во вторую трагедию, дабы заменить фривольную историю с местью за раскрытый адюльтер. Что касается произведений римских авторов, то специалисты полагают, что они были написаны под влиянием не дошедших до нас греческих произведений, в т. ч. несохранившейся трагедии Еврипида [2, с. 397; 5, с. 43; 10]. Именно благодаря этому мотив мести Гелиосу мог сохраниться.

Впрочем, обилие версий, в которых страсть Федры вообще лишена сверхъестественного объяснения, может указывать на то, что даже этот мотив мог не быть изначальным или обязательным. История Ипполита вполне могла рассматриваться как история несчастной жертвы чужой порочной страсти без сверхъестественных мотивировок.

Можно сделать вывод о том, что сходство сюжета «Ипполита, увенчанного венком» Еврипида и вышеназванных ближневосточных мифов является случайным, возникшим в результате авторской переделки греческим драматургом изначального сюжета греческого мифа. Следовательно, ставить миф об Ипполите в один ряд с мифологией Кибелы и Иштар преждевременно. Вполне возможно, что связь данного греческого мифа с вышеупомянутыми ближневосточными мифами отсутствует.

Данный пример весьма поучителен. Для исследователя бывает соблазнительно упростить задачу и построить свой анализ на данных лишь одного источника, который кажется наиболее выдающимся по сравнению с прочими – например, как в нашем случае, одновременно наиболее художественно сильным и наиболее ранним (по крайней мере, из числа тех, которые излагают миф полностью и дошли не в пересказе). Но это ведет к ошибкам. Всегда необходимо учитывать весь спектр источников, даже несмотря на кажущееся неравенство их достоинств (за исключением, разумеется, явно недостоверных источников, которых в нашем случае нет).

1. Зайцев, А.И. Греческая религия и мифология / А.И. Зайцев – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 208 с.
2. Рабинович, Е.Г. Примечания / Е.Г. Рабинович // Сенека Луций Анней. Трагедии. – М.: Наука, 1983. – С. 382–426.
3. Тахо-Годи, А.А. Ипполит / А.А. Тахо-Годи // Мифологический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1992. – С. 255–256.
4. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер. – Москва: Политиздат, 1980. – 831 с.
5. Barrett, W. S. Euripides' Hippolytus / W. S. Barrett. – Oxford: Clarendon Press, 1964. – 470 p.
6. Bremmer, J. Greek Religion / J. Bremmer – Oxford: University Press, 1994. – 121 p.
7. Burkert, W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual / W. Burkert– Berkeley etc.: University of California Press, 1982. – 226 p.
8. Des Places, E. La religion grecque / E. Des Places – Paris: Picard, 1969. – 397 p.
9. Gantz, T. Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources / T. Gantz. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 584 p.
10. Graf, F. Hippolytus / F. Graf // Brill's New Pauly [Electronic resource]. – Mode of access: http://brillonline.nl/entries/brill-s-new-pauly/hippolytus-e514840. – Date of access: 19.05.2013.
11. Herter, H. Hippolytos und Phaidra // Herter, H. Kleine Schriften / H. Herter. – München: Ernst Vogt, 1975. – S. 119–156.
12. Karahashi, F. Love Rejected: Some Notes on the Mesopotamian Epic of Gilgamesh and the Greek Myth of Hippolytus / F. Karahashi, C. López-Ruiz // Journal of Cuneiform Studies. – Vol. 58. – 2006. – P. 97–107.

13. Vernant, J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs / J.–P. Vernant – Paris: Maspero, 1965. – 331 p.
14. Waldner, K. Phaedra / K. Waldner // Brill's New Pauly [Electronic resource]. – Mode of access: http://brillonline.nl/entries/brill-s-new-pauly/phaedra-e917550. – Date of access: 19.05.2013.
15. Wotke, F. Phaidra / F. Wotke // Paulys Real-Encyclopädie der classicshen Altertumswissenschaft. – B. XIX, Hbd. 38. – Stuttgart: Metzler. – S. 1543–1552.

Лазарєва В.Т.

ТЕОРЕТИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ ДЕРЖАВОТВОРЧОГО ПОТЕНЦІАЛУ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИХ ПОГЛЯДІВ П. КУЛІША

Дослідження державотворчого потенціалу соціально-філософських поглядів П. Куліша обумовлюється кількома аспектами: вагомістю внеску П. Куліша у розвиток соціально-філософських основ формування державотворчої думки в другій половині XIX ст.; по-друге, неперервністю і важливістю державотворчого процесу в суспільному житті взагалі, і в Україні, зокрема; по-третє, багатогранним змістом державотворчого потенціалу соціально-філософських поглядів П. Куліша і їх місцем у формуванні й розвитку етнонаціональної спільноти в Україні; та по-четверте, потребою наукового осмислення поглядів митця у сьогоденні.

Аналіз поглядів П. Куліша важливий не тільки в пізнавальному плані, вони постають актуальними своєю значимістю для розвитку науки самопізнання, формування її теоретичної бази. Така оцінка творчості П. Куліша стала домінантною у ННДІУВІ під час проведення ювілейних читань, присвячених подвижнику [1, с. 224]. Було зазначено, що «життя і творчість Пантелеймона Олександровича – це шлях великих здобутків, а то й подвижницьких звершень» [2, с. 13]. Спадок П. Куліша став об'єктом обговорення на численних конгресах, конференціях, наукових читаннях. Видаються монографії, присвячені життю і творчості українського діяча. Особливо повно його набуток досліджено Є. Нахліком у його двотомній монографії [3, 463, 462].

Серед перших, хто усвідомив погляди П. Куліша були його сучасники, знавці української історії та письменства: М. Максимович, М. Костомаров, Т. Шевченко, І. Пулюй, М. Драгоманов та ін., які надали об'єктивну оцінку його творчості. Зокрема М. Максимович звернув увагу на те, що роман «Чорна рада. Хроніка 1663 року» (1857), це перший історичний твір рідною мовою, який є «цінним дарунком» [20, с. 215] українському народу в поширенні знань про Україну. Головну увагу М. Костомаров звернув на висвітлення митцем доби козаччини [16, с. 28]. Дослідники творчості П. Куліша дещо скептично сприймали бачення автором ролі козацтва в українській історії та Національно-визвольній війні під проводом Б. Хмельницького (1648–1657), вважали, що автор переоцінював впливи російських та польських керманичів у минулому.

На противагу до такої думки виступав М. Драгоманов, який схвально поставився до авторських суджень П. Куліша щодо внеску козацтва в українську історію, підтримував розпочати ним критичні погляди стосовно місії міщанства у підтримці національних інтересів України. У ґрунтовних критичних Кулішевих оцінках учений побачив нестандартний науковий «в європейському контексті» [9, с. 348] підхід.

На думку Т.Шевченка, П.Куліш першим глибоко висвітлив цілісний образ України [35, с. 8]. Як зазначав І. Пулюй, зробив переклад головної книги для народу Святого Письма з думкою про те, як здобути для приниженої хлопської мови належне їй місце не лише «в церкві і на амвоні» [9, с. 59] а й у науці.

З відродженням національного руху в Україні, який супроводжувався становленням наукової системи знань про Україну та відзначенням 100-ї річниці від дня народження П. Куліша, дослідження його творчості значно активізувалося. Зокрема, Б. Грінченко звернув увагу на символічну назву твору П.Куліша «Україна»,

його державницьку сутність. Він зазначив, що вчений завжди відстоював самобутній розвиток українського народу, його окремішність, хоча був прибічником державної консолідації України з Росією [5, с. 5].

На висвітлення П. Кулішем державницької еліти, зокрема постаті Байди, який своєю відвагою справив сильне враження на сучасників [6, с. 108] звернув увагу М. Грушевський. У своїй праці «З історії релігійної думки на Україні» (1925) він окреслив митця гуртівником нації «на ґрунті культури» [8 с. 92] та відзначив цінність його наукових праць, в яких висвітлено історію початків козацтва в Україні. На його думку, український діяч аналізував процес формування українського козацтва у тісному зв'язку з укладом життя українського народу на широкому соціальному тлі, намагаючись уникнути міфологічних несунітніць, які були в основі «нашого відродження» [7, с. 9]. Вчений побіжно відзначив напрям творчості митця, пов'язаний з проблемами освіти і релігії.

20-ті роки XX ст. виражені працями таких кулішезнавців, як М. Хвильовий, М. Зеров, С. Єфремов, В. Петров. М. Хвильовий, аналізуючи творчість П. Куліша, вказав на європеїзм митця – гуртівника українців у спільноту [34, с. 53]. М. Зеров розширив думку М. Хвильового, зазначивши, що П. Куліш-хуторянин, збагатив ідею України і «в Європі ставив свій курінь» [11, с. 282].

На парадокси долі П. Куліша, поєднання в одній особі «хуторянина» та «європейця» звернув увагу В. Петров. На його думку, вчений запропонував концепцію культурного розвитку українського народу [17, с. 572]. У літературно-критичній статті «Провіяний Куліш» (1927) С. Єфремова йдеться про внесок П.Куліша у справу духовного і національного розвитку народу [10, с. 287].

У 30-70-ті роки XX ст. фактично припиняється дослідження життя і творчості П. Куліша. У цей час із ідеологічних причин на його творчість було накладено табу. Інформація про нього друкувалася в енциклопедичних виданнях лише в анотованому вигляді, майже без нових доповнень, де його названо «шаленим реакціонером». Як виняток назвемо Г. Сергієнка, який досліджував діяльність Кирило-Мефодіївського товариства (членом якого був П.Куліш). У своєму твори автор ідентифікував митця з носіями ідеї самостійного існування України як частини «загальнослов'янського», яке «ставилося в залежність від утворення республіканської федерації слов'янських народів» [20, с. 300]. Заслуговує на увагу стаття П.Гончарука, в якій науковець характеризував П. Куліша як дослідника, якому було властиве демократичне розуміння історії [4, с. 17].

Із кінця 80-х років XX ст. розпочалося відновлення духовного життя народу в Україні. Збільшувалося видання творів П. Куліша. Також у літературно-критичних журналах стали виходити друком розвідки, статті, присвячені окремим аспектам життя і творчості українського діяча.

Важливий внесок у вивчення підоснов державотворчого потенціалу соціально-філософських поглядів П. Куліша зробили вчені діаспори, зокрема Д. Дорошенко, С. Томашівський, Б. Лепкий, О. Дорошкевич, Д. Чижевський, Є. Маланюк та ін. Так, Д.Дорошенко зазначив, що не останню роль у формуванні поглядів митця відіграв період 1864–1867 років, коли він перебував на службі у Варшаві й долучився до польських архівів. Відтоді, за словами науковця, козаків він побачив не захисниками правди, а «руїнниками» [12, с. 30] культурних здобутків. Д. Дорошенко наголосив, що вчений відстоював думку, висловлену ним в епілозі до «Чорної ради», про неспроможність українського народу на той час до самостійної державності, тому і вважав за потрібне об'єднання «північної» й «південної» Руси [13, с. 105].

С. Томашівський зауважив, що вчений не зумів створити яскравий національно-державницький ідеал [32, с. 94]. Проте Б. Лепкий у передмові до творів П. Куліша

(1922–1923) вказав на думку митця щодо обов'язкового засвоєння уроків і досвіду історії, щоб у майбутньому не втратити власної держави [19, с. 11].

Відомий філософ Д. Чижевський висловив переконання, що П. Куліш ще на початку своєї діяльності поєднав «... українську національність з християнством» [35, с. 17] на романтичному принципі, в якому «внутрішнє» визначало духовність людини, а для митця воно порівнювалося з Україною, народом, мовою [35, с. 120]. На думку Є. Маланюка, вся діяльність П. Куліша була державницька [21, с. 187].

У період незалежної України (1991 р. – до сьогодення) дослідження теоретичних основ проблем державотворчого потенціалу поглядів П. Куліша пов'язано з окремими аспектами історичної, культурної, філософської спадщини митця як інтегративної системи знань про Україну і українців. Це передусім наукові праці О. Копиленка, І. Огородника, С. Гелея, Є. Нахліка, в яких автори звернули увагу на П. Куліша як речника української ідеї, що окреслив корені української державності [28, с. 149], на послідовність митця «в ідеї України, її відродженні» [23, с. 156], а також причини його відмови від політичної боротьби та зосередження уваги на культурно-освітню діяльність, як основу «для вироблення елементарних форм державності» [15, с. 122]. Було висловлено твердження, що П. Куліша хвилювали проблеми державотворення, саме тому він запропонував нову політизовану історію України [22, с. 462].

Відомий філософ В. Крисаченка назвав П.Куліша серед засновників Кирило-Мефодіївського братства, які разом працювали «над ідеологією Братства, формуванням його програмових засад, мети, принципів діяльності тощо» [17, с. 246]. О. Гомотюк зазначила, що наукову спадщину П. Куліша пронизує ідея України [3, с. 141].

Відчутно підвищилася кількість досліджень творчості П. Куліша у філософському напрямі [1]. Особливо маємо відзначити Кулішеві читання, які відбулися в Інституті українознавства [1]. У виступах науковців-українознавців П. Кононенка і Т. Кононенка йшлося про те, що «Чорна рада» П. Куліша «була присвячена процесам і проблемам в еволюції української нації та державності» [14, с. 14]. На думку В. Погребенника патріоту-історіософу «належить честь закладання наукових основ студіювання України в синтезі її історіографії, етнології та культурології» [34, с. 41]. На художню трансформацію Кулішем української ідеї [35, с. 27] акцентував увагу А. Погрібний. Л.Токар, аналізуючи листи українського діяча, зазначив, що він стояв біля витоків «духовного відродження українського народу» [36, с. 75]. Оптимістичний погляд П. Куліша у створенні у майбутньому власної держави [18, с. 66] побачив Б. Лазоренко.

З'являються статті у періодичній пресі. Так, в альманасі «Молода нація» у розвідці «Авторский список другого видання "Истории воссоединения Руси"» (2004) Я. Федорук вказав на вплив П. Куліша на формування суспільно-політичної думки [33, с. 93].

Отже, у результаті проведеного дослідження вдалося встановити, що творчість П. Куліша більш цілісно розглядалася попередниками за історичним, мовознавчим, літературним і частково філософським та українознавчим напрямками.

Ураховуючи попередні напрацювання дослідників, констатуємо, що й до цього часу окремого дослідження державотворчого потенціалу соціально-філософських поглядів П. Куліша ще немає. Зважаючи на особливу роль українського діяча в розумінні державотворчих питань як на теоретичному так і практичному рівні, автор переконана, що з'ясування його поглядів буде корисним, насамперед, для історіософського осмислення буття українського народу у сучасному державотворенні.

1. Бойко, М.П. Суспільно–політичні та філософські погляди П.Куліша: дис. …канд. філос. наук: 09.00.05 / М.П. Бойко. – Д., 1998. – 172 с.; Поперечна Г.А. Філософська антропологія та історіософія Пантелеймона Куліша: дис. …канд. філос. наук: 09.00.05 / Г.А. Поперечна – К., 1998. – 158 с.; Сініцина А.В. Історико-філософські ідеї українського романтизму (П.Куліш, М.Костомаров): дис.

…канд. філос. наук: 09.00.05 / А.В. Сініцина. – Івано-Франківськ, 2001. – 194 с.
2. Гелей, С. Консервативна течія в суспільно-політичній думці України XIX ст. / С. Гелей. – Львів, 1996. – 122 с.
3. Гомотюк, О. Злет і трагедія українознавства на зламі епох (90-ті рр. XIX – перша третина XX ст.) / О. Гомотюк. – Тернопіль: Економічна думка, 2007. – С. 141.
4. Гончарук, П. Історичні погляди П.О. Куліша під час його перебування в Кирило-Мефодіївському товаристві / П. Гончарук // Український історичний журнал. – 1969. – № 8. – С. 17–22.
5. Грінченко, Б.Д. П.А. Кулиш [Текст]: биогр. очерк / Б.Д. Грінченко. – Чернигов: Тип. губ. земства, 1897. – С. 5–6.
6. Грушевський, М.С. Байда Вишневецький в поезії й історії // Записки Українського Наукового товариства в Києві / М.С. Грушевський. – К., 1909. – Т. 3. – С. 108.
7. Грушевський, М. В тридцяті роковини П.Куліша. Соціально-традиційні підоснови Кулішевої творчості / М. Грушевський // Україна. – К., 1927. – Кн. 1–2. – С. 9.
8. Грушевський, М. З історії релігійної думки на Україні / М. Грушевський. – К.: Освіта, 1992. – С. 92.
9. Драгоманов, М. Чудацькі думки про українську національну справу / М. Драгоманов // Літературно-публіцистичні праці: В 2 т. – К.: Наук. думка, 1970. – Т. 2. – С. 348.
10. Єфремов, С. Провіяний Куліш. Характер і завдання дослідів про Куліша / С. Єфремов // Літературно-критичні статті. – К.: Дніпро, 1993. – С. 287–293.
11. Зеров, М.К. Поетична діяльність Куліша // Українське письменство XIX ст. Від Куліша до Винниченка (нариси з новітнього укр. письменства): статті / М.К. Зеров. – Дрогобич: Відродження, 2007. – С. 282.
12. Дорошенко, Д. Пантелеймон Куліш / Д. Дорошенко. – Київ-Лейпциг, Українська накладня [б.р.]. – 1918. – С. 30.
13. Дорошенко, Д. Розвиток етнографічних дослідів і їх зв'язок з історіографією. «Народ» як об'єкт історії / Д. Дорошенко // Огляд української історіографії. – Прага, 1923. – С. 105–114.
14. Кононенко, П. Могутній талант / П. Кононенко, Т. Кононенко // Творчі та ідейні шукання П.О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П.Кононенка та І.С.Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – С. 8–26.
15. Копиленко, О.Л. Українська ідея: перші речники / О. Копиленко. – НАН України, Український інститут національних етнонаціональних відносин ім. В. Кураса. – К, 1994. – С. 112–130.
16. Костомаров, Н. Рецензія. Чорна рада. Хроніка 1663 року / Н. Костомаров // Современник. – СПб., 1857. – Т. LXVII. – Кн. 1. – Отд. 2. – С. 28.
17. Крисаченко, В.С. Українознавство. Хрестоматія. – В 2 кн. / В.С. Крисаченко – К.: «Либідь», 1996. – Кн. 1. – 352 с.
18. Лазаренко, Б. Пантелеймон Куліш як філософ / Б. Лазаренко, // Творчі та ідейні шукання П.О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П. Кононенка та І.С. Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – С. 65–67.
19. Кулиш, П. Твори: в 2 т. Т. 1. / П. Кулиш ; передмова Б. Лепкого. – Берлін, 1923. – Т. 1. – С. 11.
20. Максимович, М. Лист до Г.Галагана / М. Максимович // Русская бесіда. – Т. 1. – 1857. – С. 215.
21. Маланюк, Є. В Кулішеву річницю // Книга спостережень: Статті про літературу / Є. Маланюк – К., 1997. – 187 с.
22. Нахлік, Є. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель: У 2 т. / Є. Нахлік / НАН України. Львівське відділення Інституту літератури імені Т.Г. Шевченка; Міжнародний фонд Пантелеймона Куліша — К.: Український письменник, 2007. – (Серія «Літературознавчі студії» / 12; Вип. 11). – Т. 1: Життя Пантелеймона Куліша. – 463 с. – Т. 2.: Світогляд і творчість Пантелеймона Куліша. – 462 с.
23. Огородник, І.В. Куліш Пантелеймон Олександрович (1819–1897) / І.В. Огородник / Українська філософія в іменах / за ред. М.Ф. Тарасенка. Навч. посіб. – К.: Либідь, 1997. – 328 с.
24. Петров, В. Пантелеймон Куліш у п'ятдесяті роки. Життя. Ідеологія. Творчість / В. Петров. – К., 1929. – Т. 1. – 572 с.
25. Погребенник, В. Образ України в поезії Пантелеймона Куліша // Творчі та ідейні шукання П.О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П. Кононенка та І.С. Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – С. 41–45.
26. Погрібний, А. Гарячий Куліш / А. Погрібний // Творчі та ідейні шукання П. О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П. Кононенка та І.С. Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – С. 27–38.
27. Пулюй, І. Молитовник. Псалтир / І. Пулюй. – К., 1978. – С. 17.
28. Радянська історична енциклопедія України: в 4-х т. – К.: Головна редакція УРЕ, 1970. – Т. 2. – С. 584.
29. Сергієнко, Г.Я. Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. 1826–1850 /

Г.Я. Сергієчко. – К., 1971. – 300 с.
30. Творчі та ідейні шукання П.О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П.Кононенка та І.С.Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – 224 с.
31. Токар, Л. Духовна спадщина П.Куліша як джерело українознавства / Л. Токар // Творчі та ідейні шукання П. О. Куліша в контексті сьогодення: зб. наук. праць до 180-річчя від дня народження Пантелеймона Куліша / за заг. ред. П.П. Кононенка та І.С. Плюща. – К.: МП «Леся», 2000. – С. 75–81.
32. Томасівський, С. Куліш і українська національна ідея / С. Томасівський // Під колесами історії. – Берлін. – 1922. – № 1–3. – С. 94–102.
33. Федорук, Я. Авторский список другого видання «Истории воссоединения Руси» / Я. Федорук // Молода нація. – К., 2004. – № 1. – С. 93–98.
34. Хвильовий, М. Думки проти течії / М. Хвильовий. – Х., 1926. – 53 с.
35. Чижевський, Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. – Мюнхен, 1983. – С. 17.
36. Шевченко, Т. Щоденник / Т. Шевченко // Зібрання творів у 6 т. – К.: Наук. думка, 2003. – С. 18.

Некрасова Н.В.

ОЧЕРК КАК ВИД ИСТОРИОПИСАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. КОЛОСОВА (1854–1919)

Источниковедение историографии является актуальным направлением современного источниковедения, дающим возможность историку исследовать историческую культуру и историческое сознание [см.: 4, с. 7–18]. Понимание многоуровневости исторического знания, сосуществования его научного и социально ориентированного типов позволяет избежать оценочности суждений и приближает нас к более широкому пониманию истории как науки о человеческом мышлении [см.: 5, с. 24]. Актуализация проблем исторической памяти, ориентация современной историографии на изучение исторического *знания* делают, в свою очередь, важным изучение местного историописания (это более удачное, на наш взгляд, определение, заменяющее бытовавшее ранее определение «провинциальная историография»). Отметим, что источниковедение историографии находится в процессе разработки теоретического аппарата. В настоящее время стоит выделить две основные проблемы: понятие историографического источника и классификация историографических источников. С точки зрения феноменологической парадигмы источниковедения, разработанной Научно-педагогической школой источниковедения [1], базовое понятие *историографический источник* – это произведение историка (историописателя). Классификация историографических источников происходит по видовому признаку. Основным критерием классификации является целеполагание автора историографического источника.

Особым периодом в российском местном историописании была последняя четверть XIX – начало XX в. В этот период в губерниях сформировались локальные интеллектуальные сообщества, занимавшиеся историческими исследованиями, организовывались научные учреждения и общества, деятельность которых носила ярко выраженную историческую направленность. Личность местного историописателя имела некоторые особенности, связанные с отсутствием университетского исторического образования, диссертационного исследования и университетской практики преподавания.

Владимир Иванович Колосов окончил Тверскую духовную семинарию и церковно-историческое отделение Петербургской духовной академии. Преподавал всеобщую и русскую гражданскую историю в Тверской духовной семинарии, женской учительской школе Максимовича и в женской Мариинской гимназии.

С 1886 года В.И. Колосов состоял членом Тверской ученой архивной комиссии (в 1896 г. назначен товарищем председателя комиссии). С 1898 г. являлся

председателем Совета Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. С 1899 г. до января 1919 (до конца жизни) был хранителем Тверского историко-археологического музея.

В.И. Колосов с 1887 года по 1919 год написал более 50 работ по местной и церковной истории. На протяжении сорока лет (с конца 70-х годов XIX в. и до своей смерти) В.И. Колосов публиковал свои сочинения в московских, петербургских и тверских типографиях отдельными изданиями, а также в Журнале Министерства народного просвещения, журналах «Русская старина» и «Тверская старина», в неофициальной части «Тверских губернских ведомостей», «Тверских епархиальных ведомостей», в отдельных изданиях Тверской ученой архивной комиссии, в сборнике «Общества любителей археологии, истории, естествознания», Трудах второго областного Тверского археологического съезда. Это дает нам возможность говорить о нем как о местном историописателе.

В процессе анализа творчества Колосова представляется важным решить две исследовательских задачи: классифицировать его труды по видам (и, возможно, разновидностям); выявить тип историописания, присущий В.И. Колосову.

Итак, мы полагаем, что историографические источники – это группа видов исторических источников. Исходя из этого, определяем видовую структуру историографических источников. Считая, что историографические источники – это произведения историописателей, а не только научные труды – произведения историков, предлагаем рабочую классификацию трудов В.И. Колосова. В творчестве В.И. Колосова можно выделить следующие виды историографических источников: *очерк, обзор, научная статья в журнале, научная статья в сборнике, научная статья в энциклопедии, доклад, рецензия, реферат, некролог*.

Для того, чтобы выявить в творчестве историописателя такой вид историографического источника как *очерк*, необходимо дать определение очерка с точки зрения источниковедения историографии. Целесообразно, на наш взгляд, определить очерк через отличие его от научной статьи. Итак, целеполагание автора научной статьи – это постановка и решение определенной научной проблемы, что подразумевает использование научных терминов, ссылок на источники и научный дискурс. В очерке же, напротив, автор ставит своей целью популярно изложить свои взгляды на какой-либо вопрос или проблему (не обязательно научную), не придерживаясь научного стиля, не используя ссылки на предшествующую историографию проблемы. Таким образом, очерк характеризуется: 1. отсутствием постановки научной проблемы; 2. отсутствием историографического анализа проблемы; 3. отсутствием научных терминов; 4. отсутствием ссылок; 5. дискурсом, отличным от научного.

Исходя из рабочего определения очерка возможно выявление этого историографического источника в творчестве В.И. Колосова. Свой выбор мы остановим на наиболее характерных для творчества Колосова произведениях.

Первое – «Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем» [2]. Сочинение было прочитано в виде доклада на заседании Тверской ученой архивной комиссии, затем напечатано отдельной брошюрой. Предполагаю, что целью автора было, сделав небольшой исторический экскурс, привлечь внимание сначала слушателей, а затем и читателей к современному им состоянию истока Волги. Заголовок, в котором говорится о «прошлом» и «настоящем» без определения хронологических рамок не соответствует научному дискурсу. Первая фраза утверждает ненаучный, публицистический стиль, используемый автором в данном сочинении: «Верховья Волги, этой царицы русских рек, понятно, издавна обращали на себя внимание Русских людей». Далее В.И. Колосов пытается определить, когда же русскому народу «…сделалось известно, что здесь

именно и начинается р. Волга…» [2, с. 1]. Автор указывает на XVII столетие: «Подлинного указа царя Алексея Михайловича до нас не дошло, но весьма вероятно, что в это только время дошли до Москвы точные сведения об истоках р. Волги и что благочестивый царь соизволил на устроение здесь, в этой знаменательной для России местности, монастыря» [2, с. 2]. На протяжении всего очерка автор, говоря об истории Волговерховского монастыря и его «плачевной судьбе», подводит читателя к выводу о том, что необходимо восстановить монастырь на истоке Волги: «В таком жалком состоянии находится теперь исток Волги, несмотря на ясно выраженную двумя великими монархами мысль освятить истоки главнейшей Русской реки Христианскою святынею» [2, с.10]. В конце очерка автор предлагает устроить подписку и соорудить на месте истока часовню, «…соответствующую значению реки и современному развитию России…» [2, с. 11]. В рассматриваемом сочинении В.И. Колосов использует архивные документы, опубликованные источники по истории Тверской губернии, но цель их использования не научная, а весьма прагматичная – сформировать «место памяти», доказать, что на месте истока Волги был монастырь, который необходимо восстановить. Вышесказанное дает нам основание считать сочинение В.И. Колосова «Верховья Волги в их прошлом и настоящем» очерком, а не научной статьей. Привлечение исторических источников без их критического осмысления не делает текст научным.

Второе рассматриваемое сочинение – «Тверь в царствование императрицы Екатерины II» [3]. Написано оно было «по поводу столетия со дня кончины» императрицы. Название произведения также предполагает популярный стиль изложения. В начале работы автор заявляет: «Взяв на себя смелость еще раз напомнить о деятельности этой Императрицы для г. Твери и Тверской губернии, я заранее прошу извинения в том, что это мое сообщение будет содержать в себе не много нового, доселе еще неизвестного науке: составляя его, я руководствовался правилом: “лучше что-нибудь, чем ничего”» [3, с. 2]. Дальнейшее изучение этой работы позволяет предположить, что целью автора являлось создание панегирика «хорошей императрице». Колосов подробно описывает образование Тверской губернии, благоустройство Твери, восхваляет императрицу, говоря о ее «милости», «заботе», «щедрости» [3, с. 18]. Использование опубликованных источников, а также архивных документов не придает тексту научности, т.к. источники используются без критического анализа, как иллюстративный материал. Отсутствие научной проблемы, анализа историографии вопроса, научных терминов и научного дискурса позволяют классифицировать это сочинение как очерк.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Изучение творчества историописателей, источниковедческий его анализ, а также выяснение типа историописания, присущего автору, возможны через классификацию его сочинений по видам. Объединение видов историографических источников по типу историописания дает возможность выявить тип, преобладающий в определенной социокультурной ситуации.

Установив, что основной вид сочинений В.И. Колосова – это очерк, можно предположить, что в его творчестве преобладает социально ориентированный тип историописания. Для проверки этой гипотезы необходимо выявить весь корпус сочинений В.И. Колосова, провести классификацию, определив характерные признаки каждого вида историографических источников. Не стоит, однако, забывать, что для местных историописателей конца XIX – начала XX в. характерно также создание исторических очерков, содержащих в себе некоторые признаки научной статьи (попытка поставить научную проблему, ссылки на историографию и исторические источники).

1. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. Школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. Школа источниковедения. – Электрон. Дан. – [М.: Б. и.], сор. 2010–2013. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/.
2. Колосов, В.И. Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем / В.И. Колосов. – Тверь, 1893. – 13 с.
3. Колосов, В.И. Тверь в царствование императрицы Екатерины II / В.И. Колосов. – Тверь, 1896. – 26 с.
4. Маловичко, С.И. Актуальные вопросы изучения истории [истории] / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Библиотека в контексте истории: материалы 9-й международной науч. конф., Москва, 3–4 октября 2011 г. – М.: Пашков дом, 2011. С. 7–18.
5. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

Гронский А.Д.

ОБРАЗ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. В РАЗНЫХ ИЗДАНИЯХ КНИГИ В.М. ИГНАТОВСКОГО «КАРОТКІ НАРЫС ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Научные исследования и вообще литература, посвящённая историческим событиям, несёт на себе отпечаток идеологических предпочтений автора. Даже если текст написан достаточно корректно, в большинстве случаев отношение автора к описываемому событию угадывается. Именно поэтому книги могут служить источником изучения политико-идеологических взглядов автора и даже идеологического состояния общества в определённый момент его бытия. Отдельный интерес представляют книги, выдержавшие несколько переизданий, если в последующие издания вносились исправления и дополнения. По этим исправлениям можно проследить, как менялись предпочтения автора. А если исследовать исправления на фоне исторической эпохи, в которой они производились, тогда возможно более объективное понимание реальных процессов, протекавших в стране.

Интерес представляет рассмотрение описания одного и того же события одним и тем же автором в различных изданиях. Если учитывать контекст, в котором писалась или корректировалась книга, тогда можно проследить за формированием определённых идеологем, отражавшихся в различных изданиях одной и той же книги. Наиболее часто идеологемы отражаются в учебной литературе. Одной из таких учебных книг был «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» – курс лекций, которые читал В.М. Игнатовский в различных учебных заведениях.

В.М. Игнатовский, один из немногих белорусских историков первой волны, имевших высшее профильное образование, буквально за несколько лет совершил разительный разворот в собственной оценке событий 1863 г. Книга Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», изданная впервые в 1919 г. в период польской оккупации Минска была конфискована поляками, но не уничтожена. Впоследствии она переиздавалась несколько раз как в Минске, так и в Вильне, причём не всегда сам автор знал о готовящихся переизданиях.

Итак, в первом издании Игнатовский, описывая события 60-х гг. XIX в., указывал, что западные революции оказывали влияние на польское общество, вновь побуждая его к восстанию. В результате этих побуждений было организовано тайное национальное польское правительство. Что касается белорусских земель, то Игнатовский пишет: «В Белоруссии польский элемент не был сильный, потому что он состоял из небольшого количества панов и зависимых от них людей» [3, с. 126]. Именно потому, что «польская интеллигенция, стоявшая во главе восстания», понимала роль массы, появилась белорусскоязычная пропаганда. Крестьянин не мыслил национальными категориями, он мог поддержать только такую Польшу, в которой ему обеспечена воля и экономическая самостоятельность. Игнатовский указывает, что

повстанческие воззвания готовились именно с учётом этих особенностей крестьянского мировосприятия. Т.е. повстанцы не выступали за белорусско-литовский суверенитет, белорусские крестьяне им были нужны в качестве массы, «пушечного мяса». Для этого создавался миф о том, что смысл всех русско-польских войн в том, что «народу поляк хотел дать свободу», что «мужики, как станут поляками, будут равны панам», «только поляки есть настоящие друзья белорусского мужика, только они дадут ему вольную и счастливую жизнь в Польше, независимой от России» [3, с. 126].

Игнатовский однозначно заявляет, что крестьяне не поддержали восстание, «потому что в повстанцах видели только крепостников. Хоть они [имеются в виду крестьяне – А.Г.] были и тёмной массой, но понимали, что восстание было не их социально-мужицким делом, а делом только политическим» [3, с. 126]. Наоборот, крестьяне ждали улучшение своего положения не от повстанцев, а от русского императора [3, с. 127].

В 1921 г. в Вильне вышло без ведома Игнатовского переиздание его книги [4]. За исключением небольших мелочей, виленское издание полностью повторяло издание 1919 г. В том же 1921 г. в Минске вышло 2-е издание книги Игнатовского. Оно было дополнено и в описании событий восстания 1863 г. В частности, Игнатовский к немногочисленному в Белоруссии польскому элементу помимо помещиков и зависимых экономически он них людей добавил «близкую к ним [помещикам – А.Г.] интеллигенцию» [5, с. 121]. Ответ на вопрос, почему повстанцы писали белорусскоязычные тексты, у Игнатовского в этом издании также однозначен: «Польское панство и интеллигенция, к которым нужно добавить ещё и католических ксендзов, хорошо понимали, что мужик только тогда может и будет сочувствовать делу, когда оно будет полезно для него и затронет его интересы. Мужик совсем не интересовался политическим восстановлением Речи Посполитой, ему нужна была свобода от крепостничества и экономическая обеспеченность» [5, с. 121]. Призывы переходить в «веру отцов», «под которой понимается униатство или католичество», по мнению Игнатовского, «есть уже дополнение ксендзовское» [5, с. 121]. Далее Игнатовский повторяет основные тезисы из первого издания. Чтобы проиллюстрировать польскую пропаганду в отношении белорусских крестьян во втором издании автор цитирует отрывок из «Гутаркі старога дзеда» [5, с. 121 – 122]. Тем не менее, крестьяне «в повстанцах видели только панов и крепостников. Хоть они были и тёмной массой, но понимали социальным чувством, что восстание было только политическим делом, которое совсем не затрагивало их» [5, с. 122]. Интересно также отметить, что если в 1919 г. Игнатовский писал, что белорусские крестьяне в своей борьбе за достижение социально-экономического благополучия делали ставку на русского императора, то в 1921 г. эта фраза исчезла из книги. Видимо, чтобы лишний раз не разрушать миф о том, что «при царе» белорусам жилось плохо.

Ещё более однозначно по поводу того, какая пропаганда велась повстанцами, Игнатовский высказывается в книге «Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэньня Беларусі», изданной всё в том же 1921 г. Здесь Игнатовский анализирует литературу «времён польского восстания 1863 года» [7, с. 23–26]. Анализу подверглись «Мужыцкая праўда», «Гутарка старога дзеда» и «Перадсьмертны разгавор пустэльніка Пятра». В конце Игнатовский делает однозначный вывод: «В таком польском, клерикально-шляхетском направлении написаны и все другие воззвания поляков-повстанцев к мужикам белорусам». Крестьяне понимали, что восстание было «делом только политическим той самой Польши, которая была им хорошо известна своим панским образом жизни» [7, с. 28]. Таким образом, В.М. Игнатовский однозначно определяет повстанцев как поляков, а их белорусскоязычную пропаганду относит к

попытке втянуть белорусских крестьян в дело возрождения Польши, но никак ни белорусско-литовского государства.

Однако в издании 1925 г. риторика Игнатовского очень резко меняется. Несмотря на то, что он называет восстание 1863 г. польским, тем не менее, пишет, что «в Белоруссии оно стало с одной стороны крестьянским движением, направленным против панов, с другой стороны политико-освободительным движением, направленным против царизма» [6, с. 156]. Получается, что повстанцы, которые ранее, по мнению Игнатовского, боролись за восстановление Польши, сейчас боролись против панов, т.е. против идеи восстановления Польши. Кроме того, Игнатовский утверждает, что существовало некое «литовско-белорусское правительство, которое делилось на “красных” и “белых”» [6, с. 156]. «Белые» состояли из «белорусских панов» [6, с. 157], которые в ранних изданиях описывались как поляки. Тем не менее, эти «белорусские паны» выступали «за создание великой Польши». «Красные» выступали за «радикальное решение в Белоруссии крестьянского вопроса и создание независимой от России и Польши Белорусской республики» [6, с. 157]. Когда «во главе восстания в Белоруссии […] становится революционер-народник, красный диктатор Кастусь Калиновский», тогда «движение принимает выразительный антишляхетский характер». Калиновский призывает уничтожать дворян и «не желает слушать Варшаву», а крестьяне «принимают деятельное участие в восстании». «Белые» начинают сотрудничать с М.Н. Муравьёвым, и К. Калиновский сражается на два фронта. Естественно, восстание затухает [6, с. 157]. Стоит обратить внимание и на то, что фигура К. Калиновского появилась только в издании 1925 г. В ранних изданиях никто из повстанцев вообще не упоминается.

Интересно также и то, что именно в это время изменение отношения к восстанию 1863 г. и его участникам наблюдается ещё у одного автора – М.И. Горецкого. В различных изданиях своей книги «Гісторыя беларускай літаратуры» он также вдруг в то же время, что и что и Игнатовский начинает по иному трактовать события 1863 г. В частности, в издании «Гісторыі беларускай літаратуры» 1921 г. говорится, что под влиянием К. Калиновского польское правительство издало манифест к белорусскому народу. Т.е. Калиновский, участвуя в восстании, подчинялся польскому правительству. О «Мужицкой правде» и «Письмах из-под виселицы» М.И. Горецкий пишет, что они «никакого литературного значения не имеют, да и написаны они были с целями далёкими от целей художественной литературы» [1, с. 76]. Остальные тексты повстанцев написаны «с тем же антимосковским, антиправительственным направлением» [1, с. 77]. Вообще, оценивая как повстанческую, так и антиповстанческую литературу первой половины 60-х гг. XIX в., М.И. Горецкий пишет: «рассмотренная тенденциозная литература обоих направлений антилитературная и **не искренне-белорусская** [выделено нами – А.Г.], расширялась в нашем народе организованным способом и создала в нём вредный взгляд на своё печатное слово; кроме того, она углубляла раздел на “русских” и “поляков”» [1, с. 78]. Т.е. белорусские опыты К. Калиновского М.И. Горецкий рассматривал именно как элемент пропаганды, за которой стоял практичный расчёт.

Однако, как и В.М. Игнатовский, М.И. Горецкий в переиздании 1924 г. [2] уже по-другому оценивает деятельность К. Калиновского. Он определён как самая выдающаяся и мощная фигура из белорусских революционеров-повстанцев [2, с. 212]. В издании 1924 г, как и в издании 1921 г., указывается, что «произведения Калиновского написаны были с целями очень далёкими от целей художественной литературы» [2, с. 214], но фраза из раннего издания о том, что «никакого литературного значения не имеют» в 1924 г. уже исчезла из книги – у национального героя не должно быть текстов, не имеющих литературного значения. Кроме того, в издании 1924 г. нет упоминания, что вся

пропагандистская литература периода восстания «не искренне-белорусская» и создающая «вредный взгляд на своё печатное слово». То есть в издании 1924 г. наблюдается попытка создания более эталонного образа повстанца.

Таким образом, к середине 20-х гг. XX в. В.М. Игнатовский (и не только он один) резко меняет свою позицию в отношении восстания. Белорусская культура и публицистика (именно они, а не наука) этого периода создали лубочный образ Калиновского-белоруса. Видимо, советской белорусской пропаганде был необходим белорус-революционер, его образ предложила культура, а наука была вынуждена подстраиваться. Сам В.М. Игнатовский, являющийся государственным функционером, быстро сориентировался (или был вынужден сориентироваться) и поменял взгляды, обосновывая тем самым появление нового белорусского героя. Однако не вся белорусская наука воспринимала творческое воображение культурных деятелей и публицистов как исторические факты. Тем не менее, образ Калиновского-белоруса к середине 20-х гг. закрепился в белорусской пропаганде и обслуживающей её культуре, публицистике и науке.

1. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускае літэратуры. / М. Гарэцкі. Выд. другое (папраўленае). – Вільня: «Віленскае выдавецтва» Б. Клёцкіна, 1921. – 208 с.
2. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускае літаратуры / М. Гарэцкі. / Выданьне трэцяе, перародленае і дапоўненае разглядам вуснае народнае поэзіі. – М., Л.: Дзяржаўнае выдавецтва, 1924. – 382 с.
3. Ігнатоўскі, Ў. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Лекцыі, чытаныя настаўнікам пачатковых школ Меншчыны. Выдаецца на правах рукапісу групаю студэнтаў Менскага Педагагічная Інстытуту / Ў. Ігнатоўскі. – Менск: Друкарня Я. Грынблята, 1919. – 127 с.
4. Ігнатоўскі, У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. / У. Ігнатоўскі. – Выд. 2-е. – Вільня: Выдавецтва У. Знамяроўскага, 1921. – 112 с.
5. Ігнатоўскі, Ў. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Лекцыі, чытаныя на курсах лектараў беларусазнаўства. / Ў. Ігнатоўскі. – Выд. 2-е. – Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1921. – 128 с.
6. Ігнатоўскі, Ў. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. / Ў. Ігнатоўскі. – Выд. 4-е, перароблене. – Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. – 176 с.
7. Ігнатоўскі, У. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэньня Беларусі (лекцыі, чытаныя для студэнтаў Менскага Педагагічнага інстытуту у г. Яраслаўлі ў 1917 – 1918 року). / У. Ігнатоўскі – Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1921. – 80 с.

Краснодемська І.І.

УКРАЇНА І УКРАЇНЦІ ЯК ОБ'ЄКТ НАУКОВИХ СТУДІЙ НІМЕЦЬКИХ ВЧЕНИХ (30-ті РОКИ XX ст.)

Як цілісна система наукових інтегративних знань про Україну і світове українство в усьому часопросторі українознавство на всіх етапах розвивається двома річищами: у вітчизняних та зарубіжних джерелах [2]. У 30-х роках XX ст. після розквіту, зумовленого створенням української державності (УНР, Гетьманат, Директорія) за умов більшовицького режиму в Україні відбувалося поступове знищення науки самопізнання українського народу, зникає навіть сам термін «українознавство». В цей час для його розвитку характерна своєрідна двоколісність: заідеологізованість на материковій Україні та науковість в діаспорі. Протистояння між двома його течіями, їх своєрідність змагальність і перевірка на життєвість дали поштовх для аргументації точок зору, водночас засвідчили глибоку кризу і безперспективність радянського тоталітаризму. Натомість українознавці Західної України і діаспори оприлюднили «Українську загальну енциклопедію» в 3-х томах під реакцією І. Раковського, ряд історичних, демографічних та філологічних праць [1, с. 96].

Крім вчених української діаспори, феномен України, територію, яку заселяв український етнос, природу, мову, культуру (матеріальну й духовну), міжнародні

зв'язки у своїх лекціях, наукових та публіцистичних працях, дискусіях висвітлювали і зарубіжні вчені.

В цій статті ми торкнемося як українознавча тематика була представлена у викладах та розвідках німецьких вчених в 30-ті роки XX ст. Так, виступаючи в Українському науковому інституті в Берліні відомий німецький вчений-географ доктор Альбрехт Пенк, який ще в період I Світової війни виступав як оборонець географічної незалежності України, підкреслював велику роль для культури українців степу і лісів, які займають значну територію України [4, арк. 309]. Археолог, професор Кенісбергзького університету Фрайгер фон Ріхтгофен зробив виклад «Прабатьківщина слов'ян у новітній літературі», а доктор З. Турин про українсько-німецькі зносини [4, арк. 315–318].

Професор К. Маєр у виголошеній 26 травня 1933 р. лекції «Роль України як посередника в культурі Сходу» доводив, що культурна роль України в житті Східної Європи досить значна. Зокрема, офіційне прийняття християнства у 988 р. започаткувало дуже важливу культурницьку епоху на сході Європи. Київ став культурним центром. В X–XII ст. тут постали такі архітвори, як «Повість минулих літ» Нестора Літописця, «Слово о полку Ігоревім», билини тощо. Коли з середини XIV ст. і впродовж трьох століть Україна перебувала в складі Польської та Литовської держав, вона також опинилася в сфері діяння другої великої культурної течії, що йшла з Риму, Франції, Німеччини, і мала змогу сприймати європейську культуру. Таким чином, ренесанс і гуманізм, а особливо реформація й протиреформація, дійшли лише до українців з-поміж усіх православних слов'ян. В Києві розвивалася наука, зокрема теологія, філологія, історія [3, арк. 53].

Про історичне значення для України Собору святої Софії, який займає одне з найвидатніших місць серед пам'яток середньовічної архітектури не лише Східної, а й Центральної Європи, йде мова в статті Альберта Пенка та Ганса Коха «Собор святої Софії в небезпеці» («Вісті», №3(16) за 10 квітня 1935 р.).

З усіх українських церков візантійсько-романської доби свята Софія є найбільшою, найпишнішою та збереглася до нашого часу порівняно найліпше. Її значення полягає також у довготривалому впливі на монументальне будівництво. Ґрунтовно описуючи собор, його внутрішні й зовнішні декорації, куполи, фрески, мозаїки, скульптури, автори переконливо говорять про недопустимість знищення цієї унікальної архітектурної пам'ятки [4, арк. 370–372].

Д-р З. Турин подав історичний нарис про українсько-німецькі політичні, торгівельні, культурні зносини. Ці зв'язки були поширеними не лише між пануючими родами, але й між звичайною шляхтою обох країн. Досить динамічними в ті часи були походи галицько-волинських князів в союзі з німецьким орденом, спрямовані проти Польщі. Культурному співробітництву України й Німеччини сприяло швидке розповсюдження Магдебурзького права в Україні. В XVI ст. починається рух українських студентів до Європи, зокрема до Німеччини, пожвавлюються торговельні відносини, основними транзитними пунктами стають Бреслав, Данціг та Кенісберг. Багато німців служили в козацькому війську, а німецькі ремісники працювали в металевій індустрії. Видатні українські діячі були в Німеччині, а німці здобували славу в Україні. Зокрема, Печерський архимандит Інокентій Гізель, автор «Синопсису» або Шедель – будівничий Лаврської дзвіниці [3, арк. 75].

16 липня 1933 р. проф. Р. Травтман виступив з лекцією про «Повість врем'яних літ» Нестора Літописця, яку він переклав німецькою мовою. Доповідач порівняв цей твір з аналогічними працями Грегора з Тура та Космоса Празького і показав зв'язок і архитонічну послідовність продовжуваної патріотичної концепції староруського твору. Особливо підкреслюється цілісний світогляд автора – печерського монаха, вихованого

на аскетично-грецькій культурі, з виявленими князівсько-династичними симпатіями та релігійним почуттям [4, арк. 251].

Густава Шпехта в своїй лекції в УНІ 29 листопада 1933 р. про українську історію й культуру вчений високо оцінив діяльність І. Мазепи, «Руську правду», Нестора Літописця, «Енеїду», Г. Сковороду, Т. Шевченка. «Коли європеєць прочуває чар «російського степу, то він має на увазі степ український. Одушевляється він танцями «російськими народними», то завше можна сумніватися, чи не уявляється йому український «козачок» або «гопак». Коли європеєць хвалить і подивляє «російський» церковний спів, то хай знає, що українець О. Бортнянський зі Глухівської співочої школи був творцем цієї божественної культури співу. Так само століттями раніше власне українці перейняли європейську традицію церковних драм і розвинули в чисто народний слов'янський вид літератури» [4, арк. 298].

12 червня 1936 р. в Берлінському університеті професор, доктор Карл фон Лєш у викладі «Границі української етнографічної території в порівнянні з територіями інших великих народів» з'ясував історичний розвиток української нації, підкреслив нерозривну тяглість державно-національної думки з Київської Русі через Галицько-Волинську, Литовсько-Руську держави, Козаччину, Гетьманщину аж до Української Держави найновіших часів. Прямою спадкоємницею Київської Русі була Галицько-Волинська держава, й обидві ці держави були українські. Весь час свого існування Україна мала почесне, водночас незвичайно тяжке й відповідальне завдання – стояти на сторожі європейської культури [5, арк. 89].

Професор Ф. Ріхтофен вважає українців автохтонами на власних землях і розглядає історію України у зв'язку з українською культурою, підкреслюючи її характерні риси й цінності. Не обмежуючись характеристикою доісторичної культури українських земель, автор намагається дослідити і ствердити її расово-національну основу та виявити її генетичний та історичний зв'язок з творцями або носіями різних типів і проявами культур на українських землях [5, арк. 134–135].

Говорячи про україніку в німецьких виданнях, зауважимо, що в них розглядалися в основному три питання: по-перше, цілісність української проблеми як міжнародно-політичної справи; по-друге, тогочасне положення українського народу, розшматованого кількома державами; по-третє, стан підсовєтської України та національно-визвольна боротьба українців в СРСР [5, арк. 167]. Автори намагаються справедливо та зважено підходити до висвітлення справ українського народу.

Зокрема, в публікації «Німецька преса кінця XVIII ст. як історичне джерело до історії України» йдеться про те, що в берлінських газетах («Постіліон», «Меркуріус», «Фама») з 1657 р. вміщено ряд описів нещасливого походу Голіцина і гетьмана Самойловича в Крим. З них дізнаємося, що козаки активізувалися на Чорному морі, наносячи значну шкоду туркам. Це був єдиний позитивний наслідок походу, на що німецька преса звернула увагу.

В пруській і саксонській пресі 80-х рр. XVII ст. опубліковано чимало відомостей про гетьмана Правобережної України А. Могилу (1684–1688 рр.). Ці відомості цікаві, оскільки заповнюють прогалину, яку залишили українські, польські та російські джерела. Зокрема, в цих дослідженнях ім'я його зникає, як зазначає М. Антонович, у 1686 р., але згадується пізніше – в 1687, 1688 і на початку 1689 р. на сторінках німецьких часописів. Зокрема, Лейпцігська газета «Пост-унд-Ордінал-Цайтунг» сповіщає своїх читачів на поч. 1689 р. про смерть А. Могили, на підставі чого можна встановити, що він помер у грудні 1688 р. внаслідок нещасного випадку або помсти з боку незадоволених козаків [3, арк. 153].

У 20-30-х рр. XX ст. в німецькій пресі публікувалися статті К. Кігельгена, А. Шмідта, Е. Бергеля, Й. Маркварта, фельєтони А. Русінова про Україну й українські питання, про страждання українських переселенців на Півночі Росії [5, арк. 103].

Про Україну найбільш глибоко, прихильно і зі знанням справи писала «Völkischer Beobachter» («Фелькішер Беобахтер»). 12 листопада 1937 р. тут надрукована стаття «Політична доля України», в якій подаються відомості про населення, територію України, державні утворення на Україні від найдавніших часів до поч. XX ст., економічний, культурний розвиток: зокрема, наголошується на відмінностях від Москви, великоросів і українців [5, арк. 178]. А 22 січня 1938 р. в цьому ж часописі з'явилася розвідка «Українська річниця», присвячена 20-річчю проголошення Української держави.

Проблемам національної політики в СРСР були присвячені журнальні статті Акселя Шмідта про неросійські народи в СРСР. Варто також згадати фольклорні досліди доктора Ернста Баргеля про карпатсько-українських верховинців в Польщі, Румунії, УСР в різних німецьких часописах, які майже завжди супроводжувалися чудовими ілюстраціями. В газеті «Berliner Börsen-Zeitung» («Берлінер Берзен-Цайтунг» була опублікована розвідка «Чи русини пробудяться?» Особливе місце в тогочасній німецькій україніці посідає твір українського священика Олекси Пилипенка «Україна плаче». Ця повість про боротьбу українців проти більшовиків. Обидва герої повісті – священик Никандер і селянський повстанець Комар – палкі патріоти і гинуть за Україну [5, арк. 189–189 зв.].

У щоденній газеті «Франкфуртер фольксблят» вміщені розвідки Густава Штебе про політичні проблеми та соборну Україну [5, арк. 189 зв.–191].

У 1933 р. побачила світ нова книжка К. Маєра – переклад німецькою мовою «Слово о полку Ігоревім» для широкого загалу, студентів, славістів, в якій справедливо зазначено, що ця поема є українською, а не російською [3, арк.10].

У праці «Центральна проблема російської історії» Аксель Шмідт на основі найновішої літератури висвітлив становлення Київської держави, пов'язуючи його з українським народом і українською історією. Дослідник використовує не лише твори М. Грушевського та інших українських істориків, а й відомі праці В. Ключевського, С. Платонова та нові студії Д. Зеленіна, О. Преснякова й М. Любавського, що поставилися критично до теорії М. Карамзіна про походження Московської держави з Київської Русі і пов'язували останню тільки з Україною.

При цьому А. Шмідт розглядає терміни «Русь», «руський», «Росія», «російський», «Україна», «український» і критикує погляди тих німецьких учених (Геч, Штелін), що всупереч правді трималися російської об'єднувальної теорії про походження Русі [4, арк. 395].

В рецензії на нову книжку Роджера Тіссеранди (Roger Tisseranda) «La vie d'un people. L'Ukraine. Edition G.P.Maisonsonneuve» (Paris, 1933, 298 s.) М. Антонович відзначив, що автор в легкій поетичній формі подав французькому читачеві нарис історії України і цілого культурного життя українського народу. З позитивних моментів рецензент відмітив те, що всі ділянки культури знайшли в ній своє місце. Такі непрості й дискусійні періоди нашої історії, як Литовська доба, Переяславська угода, культурна місія України на півночі в XVIII ст. тощо подані цілком об'єктивно. Як позитив можна також розглядати пояснення термінів «Русь», «Україна», «Росія», дуже доречним є подання давньої французької літератури про Україну і взагалі висвітлення українсько-французьких взаємин. В книзі вміщено багато цитат з української літератури (К. Туровського, Нестора Літописця, К. Смотрицького, С. Величка, Г. Сковороди та ін.). Не забуто й народну словесність з давніх часів.

До недоліків вищезазначеної праці М. Антонович зарахував фактичні помилки в хронології, поясненні слів «козак», «хозар» та ін., деякі гіпотези, зокрема про організацію Київського князівства варягами, з історії мистецтва тощо. Але, на думку рецензента, вони не зменшують ролі книжки, в якій виразно виокремлюються національні моменти [4, арк. 285].

У 1933 р. в Празі вийшла друком праця К. Коберського «Україна в світовому господарстві», в якій автор на початку к подав короткий огляд основних статистичних даних про Україну та її природні багатства [4, арк. 320].

Італієць Магніні Карло (Magnini Carlo) підготував розвідку «Il comlesso etnico dei Carpati. Escursioni nelle Rutenia Carpatica» (Roma, 1933, 191 с.). Для автора Підкарпатська Русь – це найцікавіша країна в Європі, єдина, де на вузькім просторі переплітаються багато найрізноманітніших племен, але не зливаються в одне, хоча спільні умови, психологічні й побутові риси, попри расову й людську відмінність дають загальну картину.

Щодо дискусійних питань, то в книзі мало місце відведено лемкам, бойкам, гуцулам та має місце однобічність у підборі джерел. Тому, хоча автор і має цікаві спостереження й висновки, та найцікавіші з них не пов'язані з Підкарпаттям. Заслугою автора є те, що він знайомить італійців з підкарпатським питанням в області етнографії й антропології, – та, на жаль, дає хибну картину, яку навряд чи бажав би бачити котрийсь народ, пов'язану з популяризацією його території й населення [5, арк. 100–102].

В грудні 1937 р. під назвою «Нова італійська література про Україну» опублікована інформація про книжку Лавро Майнарді «Симон Петлюра. Три брошури "Ми і Україна"». В першій брошурі автор підкреслює міць і культуру старої української держави, з симпатією висвітлює життєвий шлях і подає характеристику С. Петлюри, гостро засуджуючи перебіг паризького процесу; в другій торкається українсько-польських відносин, а в третій намагається виправдати приналежність західноукраїнських земель до Польщі та примирити українців і поляків з існуючим станом речей. Це пояснюється світоглядом автора, який можна коротко охарактеризувати так: Москва – не Європа, кожне просування на схід українців, як і поляків, відбувається в інтересах європейської культури, а примирення цих двох народів є надзвичайно важливою справою, що вимагає щирості та оцінки дійсності. Зрештою, українцям потрібна допомога від головного ворога свого й Європи – проти Москви [5, арк. 182–183].

В 30-х роках XX ст. вийшли друком також дослідження С. Зукермана «Wirtschaftspolitisohes aus der Ukraine», O. Daskaljuk «Die Ukraine als Arbeitsfeld fur Deutsche und deutsches capital», збірник «Das Neue Russland», «Die Ukraine unter Fremdherrschaft», «Ukraine von gestern und heute», «Das geistige leben der Ukraine in Vergangenheit und Gegenwat», «Ukraine und die Kirchliche Union», «Ukraine», M. Euke «Ukraine-Tragodie», збірка «Die Deutsche Berufserziehund. Ausgabe B. Kaufmannisches Schulwesen». В них висвітлювалися питання зовнішньої політики, економіки, географії, освіти, науки, культури (мистецтво, бібліотечна справа, релігійні зносини) України, а їх детальний аналіз дає підстави зробити висновок, що найширше й найкраще в німецьких виданнях представлені питання української культури. Чимало статей присвячено 20-й річниці Берестейського миру, І. Мазепі та його союзникам, українським козакам тощо [5, арк. 208-212].

1. Калакура, Я.С. Українознавче дослідження: теорія та методологія / Я.С. Калакура. – Тернопіль: Джура, 2012. – 292 с.
2. Кононенко, П.П. Українознавство. Підручник / П.П. Кононенко. – К.: Міленіум, 2006. – 870 с.
3. ЦДАВО України. – Ф. 4158. – Оп. 1. – Спр. 9.
4. ЦДАВО України. – Ф. 4158. – Оп. 1. – Спр. 26.
5. ЦДАВО України. – Ф. 4158. – Оп. 1. – Спр. 27.

Губський С.І.

СТВОРЕННЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ АРМІЇ УНР ПЕРІОДУ ДИРЕКТОРІЇ: ДО ІСТОРІОГРАФІЇ ПРОБЛЕМИ В НЕЗАЛЕЖНІЙ УКРАЇНІ

В сучасних умовах розбудови Української держави вивчення процесу державотворення та збройної боротьби Директорії УНР, її урядів та армії (листопад 1918 – листопад 1920 рр.) на українській території за вкрай несприятливих внутрішньо- та зовнішньополітичних умов української революції 1917–1921 рр. має велике практичне значення для сьогодення, оскільки цей досвід може стати у нагоді при визначенні стратегії та тактики державного будівництва та зміцненні обороноздатності держави. Аналіз колізій сучасного державотворення в Україні свідчить, що багато нинішніх проблем значною мірою ідентичні проблемам доби Директорії УНР, виключаючи, звичайно, збройну боротьбу, яка точилася в той час.

Період національно-демократичної революції 1917–1921 рр. належав до одного з доленосних етапів боротьби небайдужих представників українського народу за створення власної держави, який хоча й закінчився поразкою, але залишилась в новітній історії України як подія, після якої все життя українського народу вже ніколи не поверталося до попереднього стану.

У радянській історіографії цей етап української історії був малодосліджений. Об'єктивних наукових досліджень, присвячених українській революції не було. Ще в другій половині 80-х рр. дослідження цієї тематики велося в руслі «Великої Жовтневої соціалістичної революції», в яких подіям в Україні відводилася другорядна роль щодо вирішальних змін в Петрограді й Москві, а головними дійовими особами в революції завжди були більшовики. В той же час українські вчені та громадсько-політичні діячі, що перебували в еміграції на Заході, намагалися об'єктивно донести до світової громадськості інформацію про події в Україні 1917–1921 рр.

Доба Директорії УНР або другої УНР (листопад 1918 – листопад 1920 рр.), була третім етапом української революції початку XX ст., після поразки якої українські політичні та військові структури були змушені емігрувати за межі України.

Як відомо, військо є одним з атрибутів державності, тому інтерес дослідників до українського війська того періоду був, є і буде залишатися достатньо значним. Відтворення справжньої мозаїки громадського, політичного, економічного життя України доби Директорії без належної уваги до української армії буде дуже збідненим. Армія для української державності відігравала на той час одну з вирішальних ролей. Хоча, як справедливо зауважує дослідник того періоду В.М. Яблонський, «за умов майже повної зовнішньої ізоляції та громадянської війни в країні суто військовими засобами зберегти українську державність було неможливо, а військова політика, яка насамперед виходила із політичної невизначеності керівництва УНР стосовно радянської Росії, Добровольчої російської армії ген. А. Денікіна, Польщі мала суперечливий характер» [22, с. 16].

Підходячи безпосередньо до проблем історіографічних досліджень формування Армії УНР доби Директорії можемо констатувати, що останнім часом з'явилося чимало цікавих праць присвячених цій проблематиці.

З сучасних відомих вчених, які займаються історіографічним дослідженням революції 1917–1921 рр., включаючи аспект формування та діяльності української армії, варто назвати В.Ф. Солдатенка, В.Ф. Верстюка, В.П. Капелюшного, С.Х. Литвина, Л.О. Радченко, Ю.Ю. Каліберду, М.В. Стопчака.

На нашу думку, одним із вагоміших внесків в історіографічну розробку питань української революції є фундаментальні праці відомого історика В.Ф. Солдатенка [14, 15, 17]. На основі праць ідеологів тогочасного українського визвольного руху,

документів політичних партій і організацій, матеріалів періодичної преси вчений вперше в історіографії здійснив спробу комплексно проаналізувати концепцію української революції, дати їй виважену оцінку. Основні події революційних перетворень досліджуються автором у хронологічних рамках 1917–1920 рр. та через призму творчого спадку політичних діячів, а згодом і авторів досліджень з історії української революції – М. Грушевського, В. Винниченка, С. Петлюри, Д. Дорошенка, П. Христюка, М. Шаповала, І. Мазепи. В. Солдатенко переконаний, що саме ці політичні діячі й талановиті вчені зробили найвагоміший внесок до історіографії проблеми [16, с. 14–66].

В.П. Капелюшний у своєму ґрунтовному дослідженні зазначає, що за роки незалежності історіографічна ситуація в Україні докорінно змінилася. Для дослідження подій 1917–1921 рр. домінуючою стала парадигма Української революції, яка трактується як процес модерного українського державотворення, метафорично відповідного княжій та козацькій державності [5].

Висвітленню діяльності С. Петлюри у національно-визвольній боротьбі українського народу, зокрема як організатора і керівника армії, Головного Отамана військ УНР, а пізніше і Голови Директорії присвячено наукові дослідження та дисертацію С.Х. Литвина, яка є першим комплексним узагальненням сучасної історіографічної та джерельної бази, що охоплює усі сфери життя С. Петлюри, на відміну від праць попередників, які висвітлюють цю проблему фрагментарно. Історик доводить, що С. Петлюра, ставши символом української державності, виявився, з-поміж сучасників, найбільш послідовним, самовідданим її творцем і оборонцем і під час збройної боротьби в Україні, і в 20-х роках на еміграції [8, 9].

Серед історіографічних досліджень української революції 1917 – 1920 рр. привертає нашу увагу і праця Ю.Ю. Каліберди, в якій на основі аналізу військової мемуаристики висвітлюється військове будівництво періоду Директорії УНР. Автор зазначає, що: «Головна цінність мемуарів полягає в тому, що вони як жодне інше історичне джерело передають емоційні настрої і особисті враження українських вояків при описі процесів українського військового руху…протягом всього періоду українських національно-визвольних змагань» [9, с. 14].

Дослідниця Л.О. Радченко в своїх роботах, хоча й частково, але теж розглядала організацію українських збройних сил та їх боротьбу з ворогами української державності [11]. Науковець М.В. Стопчак, розглядаючи і історичну літературу, і праці сучасних українських вчених констатує, що «…починаючи повстання проти гетьмана, Директорія не мала ані чіткого плану у сфері військового будівництва, ані розробленої воєнної доктрини. Армія УНР, яка тривалий час будувалась за «законами революційної доби», а не на фаховій основі, не уникнула впливу партійно-політичного доктринерства, що негативно позначилось на її загальному становищі і спричинилося до низки поразок на фронтах. У вітчизняній українській історіографії лише започатковано ґрунтовне дослідження цієї проблеми» [18, с. 41–42].

У своїй дисертаційній роботі, присвяченій історіографії утворення і діяльності Директорії УНР М.В. Стопчак зазначає, що нечисленні праці з неї лише окреслюють загальну схему реформування українських збройних сил. Для деталізації цієї схеми, наповнення її змістовним матеріалом, ґрунтовними висновками існує потреба в подальшій розробці низки мало розроблених проблем, а саме: розбудова національних морських сил, створення військового судочинства, діяльність військових спецслужб, форми і методи діяльності військових аташе тощо» [19, с. 27].

Відома українська дослідниця революційних подій 1917–1920 рр. О.Й. Щусь, аналізуючи на основі документальних джерел, зокрема архівних матеріалів, будівництво Армії УНР після перемоги над гетьманом П. Скоропадським справедливо зауважує, що:

«… перетворити ці розрізнені загони на боєздатні військові сили завадила відсутність глибокого усвідомлення українським народом необхідності національно-державного будівництва, відсутність національної єдності суспільства в Україні, розпорошеного за політичними уподобаннями і соціальними прагненнями, відсутність єдності в таборі українських політичних партій, що призвело до серйозних прорахунків у внутрішній і зовнішній політиці УНР» [21, с. 201]. Взагалі кінець 1990-х років – початок XXI ст. став періодом суттєвої активізації вивчення державотворчих процесів доби Директорії.

З залученням нових архівних матеріалів в них хронологічно вивчається бойовий шлях українських армій УНР та ЗУНР, аналізуються причини перемог і невдач українських вояків, вироблені практичні рекомендації з урахуванням набутого позитивного досвіду для розбудови сучасних Збройних Сил України.

Зокрема в дослідженні О.А. Мацагора зазначається, що період Директорії УНР виділяється динамічними процесами створення і протистояння широкого спектру українських політичних сил, які були виразниками різних державотворчих концепцій і принципів формування армії. Соціалістичні партії, представники яких складали ядро Директорії, стояли на позиціях відстоювання соціалістичної республіки і прагнули створити регулярне військо суто на національній основі. За тодішніх умов надто впливовим був політичний фактор. Характерним для діяльності багатьох керівників українських політичних партій було те, що вони намагалися використати українські військові формування для досягнення влади, що призводило до дестабілізації політичної ситуації в країні. Аналіз подій 1917–1920 рр. в Україні свідчить, що лише консолідація всіх політичних сил навколо ідеї державності, створення та функціонування регулярних боєздатних збройних сил є запорукою розбудови незалежної держави. Турбуватися про національне військо повинні як державні органи, так і суспільство в цілому [10, с. 3–5].

Різні аспекти військового будівництва в УНР періоду Директорії досліджує В.В. Задунайський. Автор аналізує заходи командування військ УНР по зміцненню військової дисципліни і правопорядку у військах, організації бойової підготовки у частинах і підрозділах, вихованню вояків, зупиняється на діяльності органів військового управління, робить порівняння щодо якості всієї військово-організаційної діяльності в УНР у 1919–1920 рр. [3].

Розглядаючи наукові праці про українську армію 1918–1920 рр., варто виділити і колективні дослідження, присвячені українській революції поч. XX ст.

Так, О. Уткін, В. Бережинський, В. Горєлов, В. Гриневич, О. Реєнт, О. Павленко, досліджуючи процес військового будівництва України в XX ст., в своїй книзі відвели поважне місце військовій проблематиці 1917–1920 рр., зокрема Армії УНР періоду Директорії, організації, озброєнню та військовому мистецтву українських збройних формувань. Також мова йде про заходи уряду УНР та командування української армії щодо зміцнення боєздатності військ, боротьби з погромами, діяльність військових судів. Автори не обійшли увагою діяльність військової інспектури, дали їй позитивну оцінку [1, с. 66–71, 87–95].

Враховуючи обмежений обсяг даної статті, ми не будемо детально зупинятися на аналізі праць О.Д. Левченка [7], О.Ш. Чіхрадзе [20], М.А. Ковальчука [6], П.М. Слюсаренка [13], О.М. Демчучена [2], В.В. Ромащенка [12], в яких автори відтворюють бойовий шлях українських армій кінця 1918–1920-х рр. і показують роль збройних сил як державотворчого чинника в національно-визвольних змаганнях цього періоду.

Отже, аналізуючи проблеми історіографічних досліджень формування, бойових дій Армії УНР та національно-культурної праці в армійському середовищі того часу і враховуючи все зроблене сучасними науковцями в дослідженнях української військової

тематики 1917–1921 рр., можна зробити висновок, що одним із першочергових завдань в роки революції постало питання відродження і захисту Української державності. Збройні сили в тій ситуації відіграли чи не ключову роль, продемонструвавши, що лише за умов належного до них ставлення з боку владних інституцій вони перетворюються на надійного гаранта існування і подальшої розбудови держави. Приклади державотворчої діяльності урядів Центральної Ради, гетьманату, Директорії УНР, ЗУНР і місця та ролі в ній військового чинника надають можливість керівництву сучасної України уникнути вірогідних помилок у забезпеченні національної безпеки держави.

1. Військове будівництво в Україні у XX столітті: історичний нарис, події, портрети / за заг. ред. О.І. Кузьмука. – К.: Вид. Дім «Ін Юре», 2001. – 448 с.
2. Демчучен, О.М. Формування Збройних Сил Української Народної Республіки доби Директорії: автореф. дис. … канд. іст. наук / О.М. Демчучен. – К., 2009. – 20 с.
3. Задунайський, В.В. Збройні сили УНР (1917–1920 рр.): дис. … канд. іст. наук / В.В. Задунайський. – Донецьк, 1995. – 224 с.
4. Калі берда, Ю.Ю. Військова мемуаристика як джерело вивчення історії українських військових формувань 1917–1921 рр.: автореф. дис. … канд. іст. наук / Ю.Ю. Каліберда. – К., 2003. – 19 с.
5. Капелюшний, В.П. Здобута і втрачена незалежність: Історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.) / В.П. Капелюшний. – К.: Олан, 2003. – 608 с.
6. Ковальчук, М.А. Війна Української Народної Республіки зі Збройними Силами Півдня Росії (осінь 1919 р.): автореф. дис. … канд. іст. наук / М.А. Ковальчук. – К., 2005. – 19 с.
7. Шевченко, О.Д. Бойова діяьність армії Української Народної Республіки (листопад 1918 – липень 1919 р.): дис. … канд. іст. наук / О.Д. Левченко. – К., 2002. – 198 с.
8. Литвин, С.Х. Суд історії: Симон Петлюра і петлюріана / С.Х. Литвин. – К.: Видавництво ім. О. Теліги, 2001. – 638 с.
9. Литвин, С.Х. Симон Петлюра у національно-визвольній боротьбі українського народу (1917–1926). Історіографічний та джерелознавчий аспекти: дис. … д-ра іст. наук / С.Х. Литвин. – К., 2000. – 448 с.
10. Мацагор, О.А. Програмові засади та діяльність українських політичних партій у сфері військового будівництва (березень 1917–1920 рр.): автореф. дис. … канд. іст. наук / О.А. Мацагор. – К., 2002. – 14 с.
11. Радченко, Л.О. Національно-демократична революція в Україні 1917–1920 років у новітній вітчизняній літературі: дис. … канд. іст. наук / Л.О. Радченко. – Харків, 1996. – 168с.
12. Ромащенко, В.В. Українські збройні сили як державотворчий чинник у національно-визвольних змаганнях 1917–1921 рр.: автореф. дис. … канд. іст. наук / В. В. Ромащенко. – Черкаси, 2011. – 20 с.
13. Слісаренко, П.М. Армія Української Народної Республіки в умовах боротьби за українську державність (вересень 1919 – листопад 1920 рр.): автореф. дис. … канд. іст. наук / П.М. Слюсаренко. – К., 2006. – 20 с.
14. Солдатенков, В.Ф. Новітні видання і дослідження з історії Української революції 1917–1920 рр. / В.Ф. Солдатенко // Актуальні проблеми вітчизняної історії XX ст. – Т. 1. – К.: Інститут історії України НАНУ, 2004. – С. 237–305.
15. Солдатенков, В.Ф. Новітні тенденції й актуальні проблеми історіографічного освоєння процесів революційної доби 1917–1920 рр. в Україні / В.Ф. Солдатенко // Україна в революційних процесах перших десятиліть XX ст. Міжнародна наукова конф., 20–21 листопада 2007 р. – К.: ІПіЕНД, 2007. – С. 5–24.
16. Солдатенков, В.Ф. Українська революція. Історичний нарис / В.Ф. Солдатенко. – К., 1999. – 975 с.
17. Солдатенков, В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.) / В.Ф. Солдатенко. – К., 1999. – 507 с.
18. Срібняк, І. Симон Петлюра на чолі держави та війська: До питання про польсько-українські взаємини 1919-1920 рр. / І. Срібняк // Симон Петлюра та українська національна революція: зб. праць Другого конкурсу петлюрознавців України. – К.: Рада, 1995. – С. 137–164.
19. Стопчак, М. Основні етапи військового будівництва за доби Директорії УНР (до історіографії проблеми) / М. Стопчак // Історичний журнал. – 2007. – № 5. – С. 30–43.
20. Стопчак, М.В. Утворення та діяльність Директорії Української Народної Республіки (1918–1920 рр.): історіографія проблеми: автореф. дис. … д-ра іст. наук / М.В. Стопчак. – К., 2011. – 40 с.
21. Чіхрадзе, О.Ш. Друга українсько-більшовицька війна (листопад 1918 – грудень 1919 р.): дис. … канд. іст. наук / О.Ш. Чіхрадзе. – Львів, 2003. – 223 с.

22. Щусь, О.Й. Будівництво збройних сил УНР наприкінці 1918 – на початку 1919 років / О.Й. Щусь // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1921 рр. Вип. 2 / НАН України, Інститут історії України; ред. кол.: В.Ф. Верстюк (відп. ред.) та ін. – К., 2007. – С. 191–202.
23. Яблонський, В.М. Директорія УНР: формування засад української державності в 1918–1920 рр.: автореф. дис. … канд. іст. наук / В.М. Яблонський. – К., 1998. – 18 с.

Гарматны В.П.

ПУБЛІКАЦЫІ МІЖВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ АБ ТЭХНІЧНЫМ АЖЫЦЦЯЎЛЕННІ КАМАСАЦЫІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Камасацыя – гэта адна з галоўных складовых частак аграрнай рэформы, якая ажыццяўлялася польскімі ўладамі на землях ІІ Рэчы Паспалітай, і найперш за ўсё Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны з мэтаю ліквідацыі цераспалосіцы і інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі. На пачатак 1920-х гг. у многіх заходнебеларускіх сялян налічвалася па некалькі невялікіх зямельных надзелаў, размешчаных у так званым шахматным парадку, аддаленых часам нават на некалькі кіламетраў. Гаспадаранне на такіх шматлікіх раскіданых надзелах зямлі, было вялікаю і марнаю стратаю сіл і часу селяніна, стварала падставу для ўзнікнення канфліктаў паміж суседзямі. У цэлым камасацыя вылілася ў аб'яднанне раскіданых надзелаў з улікам іх грашовай вартасці з перанясеннем сюды хаты і стварэннем такім чынам хутара [1, s. 162].

Першыя падрыхтоўчыя мерапрыемствы па камасацыі былі ажыццёўлены польскімі ўладамі на заходнебеларускіх землях яшчэ на працягу 1919 г., але сістэмнае яе правядзенне стала магчымым толькі пасля заключэння 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага міра, у выніку падпісання якога Заходняя Беларусь трапіла ў склад ІІ Рэчы Паспалітай (міжваеннай Польшчы). Галоўнымі законамі, якія рэгламентавалі ажыццяўленне камасацыі сталі закон ад 31 ліпеня 1923 г. "Аб аб'яднанні зямель" [17] і ад 14 студзеня 1927 г. "Аб аказанні дзяржаўнай крэдытавай дапамогі пры аб'яднанні зямель" [15]. Разам з тым, дзеля паспяховага ажыццяўлення камасацыі дзяржаўным уладам прыйшлося прыняць шэраг дадатковых удакладняючых пастаноў і распараджэнняў, якія былі сабраны ў спецыяльна выдадзеных зборніках [16; 18].

Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў для ажыццяўлення работ па камасацыі асобнай вёскі неабходна было як мінімум 1½-2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі патрабуемай нарматыўна-прававой і тэхнічнай дакументацыі і, пры магчымасці, па надзяленні дадатковаю ворнаю зямлёю мясцовых беззямельных і малазямельных сялян, а таксама тых, якія пераносілі на новае месца асабістыя гаспадарчыя будынкі. За сезон два кваліфікаваныя інжынеры-землямеры з дапаможным персаналам маглі ажыццявіць памер 1 000 га на абшары некалькіх гмін, у той час як для высвятлення ўсіх маёмасных абставін справы аб'яднання зямель патрабавалася б дзейнасць некалькіх юрыстаў [11, s. 127]. У сваёй дзейнасці землямеры ў першую чаргу павінны былі кіравацца тэхнічнай інструкцыяй Міністэрства сельскагаспадарчых рэформ (МСГР) ІІ Рэчы Паспалітай ад 13 лютага 1925 г., якая рэгламентавала працэдуру аб'яднання зямель, акрэслівала ўмовы дзейнасці землеўпарадчыкаў, умовы і характарыстыку неабходных дакументаў па камасацыі [14].

У працы Б. Дваракоўскага і Э. Ясінскага [3] на аснове закона ад 31 ліпеня 1923 г. падрабязна раскрываецца ход працэдуры аб'яднання зямель, прыведзены прыклады дакументаў, якія былі неабходны пры тэхнічным ажыццяўленні камасацыі, падкрэсліваецца, што без камасацыі немагчыма паляпшэнне агульнай аграрнай культуры [3, s. 3]. Як адзначалі самі аўтары разглядаемага выдання, да гэтага (да 1928 г.) не было выдадзена адзінай кнігі, якая б інфармавала вясковае насельніцтва аб спосабах і ўмовах ажыццяўлення камасацыі, таму мэтаю іх брашуры стала ліквідацыя гэтага прабела і падрабязнае інфармаванне зацікаўленых асоб аб перавазе камасацыі.

Неабходна адзначыць, што Б. Дваракоўскі і Э. Ясінскі цалкам выканалі пастаўленую перад імі задачу і іх даследаванне з'яўляецца самаю каштоўнаю крыніцаю звестак аб тэхнічным ажыццяўленні камасацыі.

У працы В. Крыштофіка [9] на прыкладзе вёскі Ясенюўка Сакольскага павета Беластоцкага ваяводства паказаны ход ажыццяўлення тэхнічных работ па камасацыі асобнай вёскі, разглядаецца станоўчы ўплыў хутарызацыі на далейшае развіццё мясцовай сельскай гаспадаркі дзякуючы канцэнтрацыі землеўладання і ўпарадкавання землекарыстання.

У. Кемпінскі разглядае ў сваёй брашуры [7] цяжкае становішча сельскай гаспадаркі II Рэчы Паспалітай, якое ў многім было выклікана захаваннем значнай колькасці перажыткаў з часоў паншчыны, адным з галоўных з якіх была цераспалосіца, адзначае, што камасацыя магла б вырашыць многія злабадзённыя праблемы, разам з тым для яе поспеху неабходна было надзяленне малазямельных сялян дадатковаю ворнаю зямлёю, але ва ўладаў адсутнічаў дастатковы зямельны фонд [7, s. 7-9, 17].

Ст. Клужняк падкрэслівае, што камасацыя з'яўляецца складанай, працаёмкай працэдурай, з дапамогай якой сельскай гаспадарка II Рэчы Паспалітай можа атрымаць значны штуршок для далейшага развіцця, паспрыяць ліквідацыі ранейшага "хаоса" ў землеўладанні [8, s. 57]. У азначанай працы паслядоўна распісана працэдура ажыццяўлення камасацыі, паказаны асноўныя цяжкасці, якія могуць сустрэць землямера на гэтым шляху. Даследчык падкрэслівае цесную сувязь камасацыі з парцэляцыяй – падзелам і продажам сялянам часткі зямель з памешчыцкіх маёнткаў, але магчымасці польскага ўрада ў гэтым плане былі вельмі істотна абмежаваны з-за дэфіцыту і высокага кошту ворнай зямлі.

Вялікую ўвагу камасацыі ў сваёй працы надае К. Касінскі [6], тагачасны дырэктар дэпартамента МСРГ II Рэчы Паспалітай. Як падкрэсліваецца ў даследаванні, камасацыя была адным са сродкаў, з дапамогаю якога можна было б выправіць памылковае становішча ў аграрнай сферы краіны [6, s. 3]. Дзеля поспеху палітыкі камасацыі неабходна было праводзіць яе комплексна, у цеснай сувязі з парцэляцыяй і меліярацыяй. Касінскі падкрэслівае, што ажыццяўленне камасацыі патрабавалася на абшары каля 10000000–12000000 га, пры чым азначаную справу ўлады планавалі выканаць на працягу не менш 20–25 гадоў, што было абумоўлена абмежаванымі гаспадарчымі і эканамічнымі магчымасцямі дзяржавы [6, s. 11]. Даследчык прааналізаваў ажыццяўленне камасацыі ў некаторых вёсках і паказаў выгады і магчымасці для далейшага рацыянальнага вядзення асабістай гаспадаркі, якія ўзнікаюць ва ўладальнікаў ужо скамасаваных гаспадарак [6, s. 14–15]. Аўтар азначанай кнігі падкрэслівае значную ролю і вялікую адказнасць ажыццяўляючых работы па камасацыі землямераў, у сувязі з чым звяртае асаблівую ўвагу на неабходнасць справядлівага і якаснага выканання імі сваіх абавязкаў для агульнай грамадскай карысці.

Надзвычай важнае значэнне ў выкананні работ па камасацыі павінны былі адыгрываць мясцовыя ўлады як найбольш набліжаныя да вясковага насельніцтва і ведаючыя яго ўмовы жыцця і асноўныя патрэбы. Дзейнасці нізавых зямельных камісій і гмінных упраў пры правядзенні работ па камасацыі прысвечана наступная праца К. Касінскага [5], дзе падкрэсліваецца, што калі першапачаткова ажыццяўленне камасацыі асобнай вёскі зацягвалася на 3–5 гадоў, то з цягам часу дзякуючы некатораму ўдасканаленню працэдуры камасацыі і назапашванню надзвычай карыснага вопыту тэрміны скараціліся да 1½ гадоў [5, s. 39]. Надзвычай карысным для сялян пры камасацыі было б іх надзяленне дадатковаю ворнаю зямлёю, але зрабіць гэта можна было далёка не заўсёды. Некаторыя аспекты дзейнасці гмінных камісій пры ажыццяўленні камасацыі раскрыты ў працы Б. Гілічынскага [4].

Значную цяжкасць пры камасацыі ўяўляла незадаволенасць заходнебеларускіх сялян атрыманым пры аб'яднанні зямель надзелам і спадзяванні атрымаць дадатковую зямлю, што значна зацягвала яе тэмпы. Як адзначалася ў 1935 г. у рэдакцыйным артыкуле часопіса "Wieś" ("Вёска", № 1-2): "Здавалася б, што гаспадарка дзяржаўная нічога на тым не згубіць, калі (пры камасацыі) Барташ штосьці страціць, а Мацей атрымае. Калі б праводзіць працу такім чынам, то яна б паскорылася ў некалькі разоў" [12, s. 22].

Б. Дэдэрка ў сваёй кнізе звяртае ўвагу, што некаторыя сяляне, ведаючы, што іх землі павінны ў выніку камасацыі перайсці да іншага ўладальніка, свядома ўдзялялі ім менш увагі і наогул запускалі, што стварала новым гаспадарам вялікія цяжкасці [2, s. 1]. Многія з вяскоўцаў лічылі, што камасацыя аўтаматычна паляпшае іх матэрыяльнае становішча і таму працягвалі на новым надзеле весці гаспадарку па-старому, у той час як на самой справе яна, перш за ўсё, стварала для гэтага надзвычай спрыяльныя ўмовы. Даследчык падкрэслівае неабходнасць павышэння агульнай сельскагаспадарчай культуры, заахвочвання сялян да ўкаранення перадавых метадаў апрацоўкі зямлі, а не механічнага павелічэння плошчы апрацоўваемых зямель.

У працы Е. Мейера [10] паказана становішча скамасаваных гаспадарак Заходняй Беларусі і ўплыў камасацыі на паляпшэнне матэрыяльнага становішча сялянства. Даследчык адзначае, што камасацыя спрыяла павышэнню ўраджайнасці дзякуючы магчымасці шырокага выкарыстання рознастайных угнаенняў і сельскагаспадарчай тэхнікі, акрамя таго, дзякуючы аб'яднанню апрацоўваемых надзелаў памяншалася колькасць неабходных для іх апрацоўкі сялянскіх працадзён.

У цэлым, як пісаў польскі інжынер Крыстын Астроўскі: "Камасацыя – сродак выпраўлення аграрнага ладу Польшчы, без якога нельга нават і думаць аб павышэнні ўраджайнасці і агульнай культуры апрацоўкі зямлі. Без яе (камасацыі) селянін не зможа стаць сапраўдным грамадзянінам дзяржавы, не будзе адукацыі і дабрабыту…" [13, s. 15]. Даследчык абгрунтоўваў вялікую адказнасць дзяржавы пры ажыццяўленні камасацыі і недапушчальнасць памылак, бо ўжо раз скамасаваныя гаспадаркі будзе немагчыма скамасаваць ізноў. Пры камасацыі суседніх вёсак лепш было б, каб іх цэнтр знаходзіўся на памежжы, а не паасобку, прапаноўвалася таксама веерападобнае размяшчэнне зямельных надзелаў, што на думку Астроўскага, спрыяла поспеху камасацыі і перашкаджала б далейшаму драбненню сялянскіх гаспадарак. Дзеля поспеху камасацыі неабходна добрая падрыхтоўка землямера, усебаковае веданне ім умоў вясковага жыцця і працы на зямлі, знаёмства з мясцовымі ўмовамі гаспадарання, вялікі вопыт і такт, каб сярод хаатычных і часта невыканальных пажаданняў удзельнікаў камасацыі знайсці найлепшы выхад [13, s. 17]. Даследчык падкрэслівае вялікае значэнне перабудовы аграрнага ладу і лічыць, што для поспеху камасацыі ў сувязі са значнаю раскіданасцю зямельных надзелаў і вялікаю колькасцю неабходных для афармлення дакументаў неабходна яе сістэмнае ажыццяўленне на як мага большым абшары, што патрабуе значных намаганняў, але адначасова як мага лепш упарадкуе ўмовы землекарыстання і будзе надзвычай карысным [13, s. 24]. Неабходнаю ўмоваю для поспеху камасацыі з'яўляецца рэгуляцыя дарожнай сеткі з мэтаю як мага лепшага праезда [13, s. 35]. Галоўным наступствам камасацыі стане стварэнне значнай колькасці эканамічна моцных і здольных для далейшага развіцця сялянскіх гаспадарак, а таксама ліквідацыя значнай колькасці праблем у аграрнай сферы і найперш за ўсё вырашэнне шматлікіх межавых спрэчак [13, s. 28-29].

Такім чынам, прааналізаваныя публікацыі ўтрымліваюць вельмі важную інфармацыю аб ходзе і ўмовах тэхнічнага ажыццяўлення камасацыі ў Заходняй Беларусі.

1. Гарматны, В.П. Правядзенне камасацыі ў Палескім ваяводстве II Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) / В.П. Гарматны // Białoruskie Zeszyty Historyczne (Беларускі гістарычны зборнік). – Беласток, 2008. – № 30. – С. 162–171.
2. Dederko, B. Organizacja gospodarstw i wsi świeżo scalonych / B. Dederko. – Warszawa : Muzeum Przemysłu i Rolnictwa, 1931. – 8 s.
3. Dworakowski, B. Wskazówki dla scalających grunty / B. Dworakowski, E. Jasiński. – Warszawa : Nakładem autorów, 1928. – 136 s.
4. Giliczyński, B. Prace urzędów ziemskich : poradnik dla członków Komisij Ziemskich ze szczególnem uwzględnieniem prac Komisij Gminnych / B. Giliczyński. – Warszawa : skład główny Gebethnera i Wolffa, 1920. – 174 s.
5. Kasiński, K. Działalność Ministerstwa Reform Rolnych i Urzędów Ziemskich w okresie od roku 1918 do 1. I. 1928 roku / K. Kasiński. – Warszawa : Przegląd Mierniczy, 1928. – 92 s.
6. Kasiński, K. Komasacje gruntów wiejskich / K. Kasiński. – Warszawa : [s. n.], 1929. – 24 s.
7. Kępiński, W. Komasacja jako podstawa naprawy ustroju rolnego / W. Kępinski. – Kraków : Towarzystwo Ekonomiczne, 1927. – 36 s.
8. Kluźniak, St. Komasacja i parcelacja / St. Kluźniak. – Lwów : Księgarnia Polska B. Polonieckiego, 1928. – 100 s.
9. Krysztofik, W. Jasienówka, wieś powiatu sokólskiego : monografia ze szczegolnem uwzględnieniem zmian wywołanych komasacją gruntów / W. Krysztofik. – Poznań : Ministerstwo Rolnictwa i Reform Rolnych, 1933. – 219 s.
10. Mejer, E. Gospodarstwa powstałe w wyniku przebudowy ustroju rolnego w województwach Wileńskim, Nowogródzkim i Poleskim w swietle cyfr z roku 1930/31 / E. Mejer. – Wilno : Księgarnia J. Zawadzkiego, 1936. – 102 s.
11. Mich, W. W obliczu wywłaszczenia: kwestia reformy rolnej w publicystyce ziemiańskiej, 1918–1939 / W. Mich. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. – 208 s.
12. Nowe drogi polskiego rolnictwa // Wieś (Kraków). – 1935. – № 1/2. – S. 21–23.
13. Ostrowski, K. Teorja i praktyka naszej komasacji / K. Ostrowski // Rolnictwo. – 1932. – Kwecień. – S. 15–38.
14. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 13 lutego 1925 r. o stosowaniu instrukcji technicznej do wykonywania prac pomiarowych, związanych z przebudową ustroju rolnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). – 1925. – № 29. – Poz. 205. – S. 240–246.
15. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów // DURP. – 1927. – № 6. – Poz. 36. – S. 45–47.
16. Scalanie gruntów (komasacja): w świetle ustaw i rozporządzeń obowiązujących na całym obszarze Rzeczypospolitej Polskiej z wyjątkiem województwa śląskiego / oprac. St. Gozdawa-Zdziarski. – Warszawa : Dom Książki Polskiej S. A., 1930. – 101 s.
17. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050–1056.
18. Zbiór przepisów o scalaniu gruntów / zebrał i opracował H. Maciejewski. – Białystok : Nakład Białostockiego Stowarzystwo Mierniczych Przysięgłych Rzeczypospolitej, 1938. – 372 s.

Андреева В.А.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ ФРГ (1949–1990)

Изучение культуры и культурной политики Советского Союза являлось стратегическим направлением западногерманской культурологической советологии. Являясь важным аспектом и своеобразным «сейсмографом» жизни в советском обществе и государстве, культура СССР вызывала большой интерес исследователей из ФРГ. Наблюдавшийся в период «холодной войны» дефицит достоверной информации об идеологическом противнике западногерманские ученые пытались компенсировать изучением феноменов культуры и культурной политики советского государства. Через призму особенностей «культурного климата» исследователи намеревались определить тенденции и динамику социально-политического развития СССР.

Для западногерманской историографии советской культуры и культурной политики периода 1949–1990 гг. характерно большое количество разнообразных источников. Особенности научной советологии ФРГ культурологического профиля

можно проследить, изучая такие источники, как монографии, коллективные труды, сборники публикаций, а также статьи из специализированных научных газет и журналов. Большое количество исследований по тематике советской культуры было создано учеными, являвшимися сотрудниками советологических центров, входивших в ФРГ преимущественно в структуру университетов. Некоторые учреждения советологического профиля являлись научно-исследовательскими институтами вне высших учебных заведений. Финансирование их деятельности осуществлялось из средств государственных министерств и ведомств или общественных фондов и инициатив.

К центрам такого профиля относились Институт по изучению СССР в Мюнхене, Федеральный институт восточных и международных исследований в Кёльне, Институт Восточной Европы при Свободном университете Берлина, Исследовательский институт Восточной Европы в Бремене и Институт русской и советской культуры им. Ю. Лотмана при Бохумском университете. Сотрудники этих институций создали большое количество специализированных исследований по тематике советской культуры и культурной политики [1; 3; 5].

Основными тематическими направлениями, интересовавшими западногерманских исследователей художественной культуры Советского Союза, были художественная литература и изобразительное искусство. Данной тематике было посвящено большинство трудов западногерманской культурологической советологии [2].

Ведущими западногерманскими журналами в сфере изучения культуры СССР являлись в период 1949–1990 гг. издания «Остойропа» (*Osteuropa*), «Ежегодники по истории Восточной Европы» (*Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*) и «Эстетика и коммуникация» (*Aesthetik und Kommunikation*).

Ежемесячный журнал «Остойропа» до настоящего времени является влиятельным периодическим изданием, публикующим аналитические материалы о политических и культурных процессах, а также по экономическому и социальному развитию стран Восточной и Центральной Европы. Журнал издается известной в ФРГ организацией «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» (*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V.*). Это авторитетное издание, насчитывающее более чем 80-летнюю историю [6, S. 3–4], в 1950-е – 1980-е гг. являлось одной из важнейших платформ для публикации научных статей о развитии культуры и культурной политики в СССР.

Особо следует отметить также журнал «Эстетика и коммуникация», издававшийся Институтом экспериментального искусства и эстетики во Франкфурте-на-Майне. Издание периодически публиковало обзоры советского изобразительного искусства и культурной политики Советского Союза в этой области. Кроме того, в нем содержалась информация об источниках и актуальных исследованиях по изобразительному искусству СССР.

Вокруг Института экспериментального искусства и эстетики сформировалось своеобразное объединение представителей различных специальностей, которые занимались изучением феноменов русского и советского изобразительного искусства. В состав данного исследовательского сообщества входили историки, социологи, педагоги, литературоведы, слависты, искусствоведы, а также исследователи и теоретики отдельных сфер культуры. Представители этого объединения организовывали ежегодные встречи, в которых могли принимать участие студенты и все заинтересованные лица. На встречах обсуждались актуальные вопросы исследований советского изобразительного искусства и художественной культуры в целом. Результаты ежегодных встреч сообщества представлялись широкой общественности в сборниках трудов их

участников. В частности, основные особенности исследовательской деятельности института можно проследить в объемном сборнике «Культура и культурная революция в Советском Союзе», вышедшем в 1978 г. [4].

Таким образом, можно утверждать, что исследования советской культуры и культурной политики, имевшие в ФРГ в период 1949–1990 гг. высокую степень актуальности и значимости, представлены большим количеством разнообразных источников. При этом основное внимание западногерманских ученых было сконцентрировано на развитии советской художественной литературы и изобразительного искусства, а также культурной политики СССР в этих областях.

1. Bericht der Forschungsstelle Osteuropa ueber die Foerderungszeit durch die Stiftung Volkswagenwerk (1982–1986) / o.A. – Bremen, 1987. – 94 S.
2. Beyrau, D. Angst und Neugier. Die Sowjetunion in der historischen Forschung der Bundesrepublik während des Kalten Krieges / D. Beyrau // Zeit im Spiegel. Das Jahrhundert der Osteuropaforschung / K. Schloegel [u.a.]; Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V.; hg. von M. Sapper [u.a.]. – Berlin, 2013. – S. 211–236.
3. Die Forschungsstelle [Electronic Resourse] / Forschungsstelle Osteuropa, Ueber uns. – Mode of access: http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/de/2/20110606110855/Die_Forschungsstelle.html. Date of access: 10.07.2013.
4. Kultur und Kulturrevolution in der Sowjetunion / E. Knoedler-Bunte [u.a.]; hg. von E. Knoedler-Bunte, G. Erler. – Berlin: Ästhetik und Kommunikation, 1978. – 131 S.
5. Lotman-Institut fuer russische und sowjetische Kultur. 15 Jahre (1989–2004) / Red. A. Olshevska. – Bochum, 2004. – 184 S.
6. Sapper, M. Zeitspiegel / M. Sapper; V. Weichsel // Osteuropa. – 2005. – Bd. 55, № 12. – S. 3–4.

Куделко С.М.

О ПРЕБЫВАНИИ СЕМЬИ В.И. ПИЧЕТЫ В ХАРЬКОВЕ

Жизнь и деятельность выдающегося историка – Владимира Ивановича Пичеты – в значительной мере изучены, а многочисленные воспоминания, в том числе и его собственные, дают возможность с достаточной полнотой и убедительностью реконструировать важнейшие вехи его судьбы. Между тем, практически малоизвестной остается страница, связанная с пребыванием в Харькове родственников ученого, их общеполезная деятельность, которая оставила след в истории «первой столицы» Украины.

В литературе больше освещается пребывание Владимира Ивановича Пичеты в Киеве, Полтаве, Екатеринославе (Днепропетровске), но практически мало известно о его харьковских связях. Между тем, его отец – Иоанн (в миру Иван Христофорович) – был видным харьковским церковным и общественным деятелем [3, с. 382]. Он родился в Герцеговине (Мостаре – теперь это Босния и Герцеговина), где и получил свое начальное образование. Как и многие другие выходцы из южнославянских земель, он в 1858 году отправился в Россию, где сначала воспитывался в пансионе при Херсонской семинарии, а после окончания семинарии поступил в старейшую Киевскую духовную академию [1]. Учился он с воодушевлением и окончил Академию со званием кандидата. Летом 1869 года он, серб по происхождению, принял российское подданство [2, с. 8].

Опуская подробности церковного служения отца Иоанна в Полтавской епархии, его преподавание в женском и мужском духовном училищах, отметим, что он в 1888 году был рукоположен в священники и получил назначение ректором Витебской духовной семинарии [1]. После пребывания в Белоруссии отец Иоанн вернулся в Украину и с 1903 года был священником церкви Петра и Павла в Харькове. Вскоре он был переведен настоятелем Иоанно-Усекновенской церкви при первом городском кладбище. Его проповеди отличались, как отмечают современники, большой эмоциональностью и глубиной [2, с. 9].

В начале XX века в Харькове немного было священнослужителей, которые столь много пеклись о своей пастве. Он был товарищем (заместителем) председателя Братства Озерянской иконы Божией Матери (покровительницы Слобожанского края), председателем пастырско-законоучительных собраний [7]. Рядом и Иоанно-Усекновенской церковью располагалось женское епархиальное училище, где с 1906 по 1909 годы он состоял членом Совета. Среди должностей, которые ревностно исполнял о. Иоанн – блюститель за преподаванием Закона Божия в средних мужских учебных заведениях Харькова. Еще более возросла известность этого даровитого священника после того, когда он стал председателем Совета и депутатом от духовного ведомства при Харьковской городской думе (1906–1910 гг.) [3, с. 383]. Бурные события революции 1917 года, конечно же, отразились на судьбе отца историка. Последняя его должность – председатель правления церковно-приходских советов Харькова (1918 г.). К сожалению, сведения о его жизни и деятельности после мая 1918 года отрывочны. Скончался он в 1929 году [8].

О заслугах о. Иоанна свидетельствуют его многочисленные церковные и светские награды, и среди них – орден Святой Анны I, II и III степени, Святого Владимира III и IV степени, Святого Станислава II и III степени и др. [1].

До нашего времени дошли почти все здания, связанные с жизнью и деятельностью о. Иоанна в нашем городе, в том числе и его дом, где бывал и его сын – выдающийся историк, академик В. И. Пичета. Этот дом сейчас не принадлежит церкви, а оба храма, где он служил, – действующие и сохранились до нашего времени. К сожалению, не дошла до нас могила священника, так как в 1972 году Первое городское кладбище было снесено, о чем сегодня глубоко сожалеет харьковская общественность. Среди детей о. Иоанна известность получил также Василий Иванович Пичета (1889 – период между 1919 и 1921 гг.), который родился в Витебске. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Был женат на Надежде Михайловне Синяковой – представительнице известной харьковской фамилии. Синяковы были связаны со многими деятелями отечественной культуры [8].

После короткого пребывания в Москве, где Василий Иванович работал в Управлении земледелия и государственных имуществ, а его жена училась в консерватории, семья вернулась в Харьков. В годы Гражданской войны Пичета проявил себя как яркий искусствовед, художник, культуролог и филолог. Он активно сотрудничал в журналах «Пути творчества», «Колосья» и др. В 1919 году был секретарем правления профсоюза деятелей «левого искусства». Среди работ этого периода – статьи «Забытая символика старого гадания» [4], «Несколько слов о пролетарском искусстве» [5], «О связи между некоторыми течениями живописи и народным искусством» [6] и др.

Таким образом, ближайшие родственники Владимира Ивановича Пичеты – отец, брат, невестка и др. – были несколько десятилетий связаны с Харьковом, где играли видную роль в его интеллектуальной жизни.

1. 25-летие священства протоиерея И.Х. Пичеты / [б.а.] // Харьковские губернские ведомости. – 1913. – 13 марта.
2. 25-летие священства протоиерея И.Х. Пичеты / [б.а.] // Вера и разум. – 1913. – №7. – С. 8–9.
3. Каплин, А.Д. Пичета Иоанн Христофорович / А.Д. Каплин // Православная энциклопедия Харьковщины / автор идеи и руководитель проекта В. В. Петровский. Сост., отв. ред. А. Д. Каплин. – Харьков : Майдан, 2009. – С. 382–383.
4. Пичета, В. Забытая символика старого гадания / В. Пичета // Колосья. – 1918. – №15. – С. 7–8.
5. Пичета, В. Несколько слов о пролетарском искусстве / В. Пичета // Пути творчества. – 1919. – №3. – С. 42–46.
6. Пичета, В. О связи между некоторыми течениями живописи и народным искусством / В. Пичета // Творчество: Журнал Художественного цеха. – 1919. – №3. – С. 30.

7. Соколовский, Л.Г. Протоиерей Иоанн Пичета / Л.Г. Соколовский // Московский журнал. – 1998. – №1. – С. 45.
8. Титарь В. П. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма / В.П. Титарь, А.Ф. Парамонов, Л.И. Фефелова. – Режим доступа : http://www.otkudarodom.com.ua/stat_Paramonova_16.html. – Дата доступа : 20.06.2013 г.

Дудка А.Л.

К ВОПРОСУ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время эффективные музейные научные исследования немыслимы без рациональной системы информационно-библиографического обеспечения. Формирование общего документного потока по музееведению, возникновение информационных потребностей ученых и специалистов данной отрасли в регулярном информировании о музееведческих документах являются важными показателями состояния развития музееведения.

Становление музееведческого знания находит отражение не только в практике работы различных музеев, но и в специальной литературе – учебной, справочно-энциклопедической, периодической, научной, информационно-рекламной. Также следует отметить, что музееведение имеет сложный интегративный характер, а его проблематика находится «на стыке» различных областей знания и связана с различными науками. Это, в свою очередь, вызывает сложности в формировании как первичного, так и вторичного документных потоков музейной сферы.

Видовое ранжирование первичного документного потока по музееведению можно представить следующими изданиями: диссертационными исследованиями, монографиями, сборниками статей, учебниками и учебными пособиями, справочными изданиями, методическими и практическими пособиями, научно-популярными, периодическими изданиями.

В 1960–1980-е гг. в СССР выходило достаточное количество научных публикаций по различным проблемам музееведения. Как правило, такие издания представляли собой сборники статей, среди которых можно отметить «Проблемы экспозиционной и научно-просветительской работы музеев» (1982 г.), «Музееведение. Вопросы теории и методики» (1987 г.), «Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности» (1989 г.) и другие. Значительное количество таких изданий готовилось Научно-исследовательским институтом культуры при Академии наук СССР.

Необходимо назвать и основополагающие монографии обозначенного периода. Среди них отметим работы А.И. Михайловской «Музейная экспозиция (организация и техника)» (1964 г.) и Р.Р. Кликса «Художественное проектирование экспозиции» (1978 г.) Особое значение имеет словарь музейных терминов «Терминологические проблемы музееведения» (1986 г.). И сегодня он остается наиболее полным изданием. Доля монографий в первичном документном потоке невелика. Однако наблюдается постепенное увеличение числа данного типа документов музееведческой проблематики. Например, в 2012 г. издана монография Н.В. Пивовара «Музеі Віцебска на пачатку XXI ст.», где в первой части размещен очерк музейного строительства в Витебске с XVIII до начала XXI ст., во второй части собрана информация про более чем сто музеев, галерей, экспозиций разного уровня. Книга доктора исторических наук, профессора А.А. Гужаловского «История музейного дела Беларуси» будет очень полезна и музееведам, и историкам. Автором в комплексе проанализированы юридические, административные, научные, образовательные и другие аспекты

деятельности музеев Беларуси. Среди российских монографий можно отметить книгу Т.П. Полякова «Как делать музей? (о методах проектирования музейной экспозиции)» (1997 г.), а также коллективный труд «Музейное дело России» (2003 г.), подготовленный под редакцией М.Е. Каулен.

Сборники научных статей и материалов научных конференций занимают заметное место в первичном документном потоке. Они значимы с научной точки зрения, информационно насыщены. Данный тип издания позволяет объединять научные статьи и материалы по различным признакам. Так, например, в 2003 г. Национальный исторический музей Республики Беларусь начал издавать сборник научных работ «Музейны веснік».

Справочные издания по музееведению представлены в первичном документном потоке в основном энциклопедиями и справочниками. Специальных отраслевых справочных источников по музееведению в Республике Беларусь не так много. Информация о государственных музеях Республики Беларусь и музейной деятельности размещена в справочнике «Музеі Беларусі» (Минск, 2001 г.) и энциклопедическом справочнике «Музеи Беларуси» (Минск, 2008 г.). Отражающие проблематику музейной деятельности справочные издания, это, прежде всего издания по смежным областям знания. Например, «Археалогія Беларусі» в 4-х томах, энциклопедия «Этнаграфія Беларусі» (Минск, 1989 г.), энциклопедические справочники «Беларускі саюз мастакоў» (Минск, 1998 г.) и «Народная культура Беларусі» (Минск, 2002 г.), биографический справочник «Оршанские краеведы» С.Г. Иванова (Орша, 2002 г.) и другие. Наиболее полным информационным изданием по различным направлениям и теоретическим проблемам музейного дела является «Российская музейная энциклопедия» (2001 г.), включающая порядка 1500 статей по теории музейного дела, о конкретных музеях и музейных деятелях. В энциклопедии имеется иллюстративный материал, а каждая словарная статья снабжена библиографическим списком.

Отдельную группу первичного документного потока по музееведению составляют учебники, учебные и учебно-методические пособия, предназначенные для преподавателей, аспирантов, соискателей и студентов вузов культуры и искусства, практиков учреждений культуры, руководителей. Информационные источники такого рода в Республике Беларусь издаются не так широко. Среди изданий Российской Федерации следует назвать учебник Т.Ю. Юреневой «Музееведение» (2003 г.), учебное пособие Л.М. Шляхтиной «Основы музейного дела. Теория и практика» (2005 г.), учебное пособие «Основы музееведения», изданное под редакцией Э.А. Шулеповой (2005 г.), пособие для высших учебных заведений С.И. Сотниковой «Музеология» (2004 г.).

В последние годы тематика первичного документного потока по музееведению значительно расширилась. Источники включает не только общетеоретические проблемы, вопросы экспозиционной и фондовой работы, но и маркетинговую и рекламную политику музеев, взаимосвязь музеев с туристическим бизнесом, внедрение новейших информационных технологий в музейное дело. Интерес к коллекциям музея возникает при знакомстве с такими информационными продуктами как каталоги музейных выставок, путеводители, художественные и фотоальбомы, представленные традиционными и электронными издания.

В ядре профильных и наиболее продуктивных изданий по музееведению находятся периодические издания, полностью или в значительной степени посвященные вопросам музейной деятельности, поскольку они остаются каналом наиболее оперативной информации. В Республике Беларусь издаются специализированные периодические издания, в которых в той или иной мере освещаются вопросы музейной деятельности. Это газеты – «Краязнаўчая газета»,

«Культура», «Літаратура і мастацтва», «Туризм и отдых»; журналы – «Беларускі гістарычны часопіс», «Мастацтва», «Искусство и культура». Необходимо отметить ряд периодических изданий Российской Федерации по музееведению: «Родина», «Мир музея», «Музей», «Антиквариат», «Музейные вести» и др.

Современный музей это сложный организм, функционирующий в рыночных условиях, внедряющий в свою деятельность современные информационные технологии, формирующий собственные информационные ресурсы, в том числе и библиографические. Так как информационные потребности субъектов музейной сферы не всегда могут быть удовлетворены непосредственно путем обращения к документным ресурсам, а музееведение представляет собой информационно-насыщенную деятельность, то определяется востребованность библиографической информации, которая отражается в библиографических указателях, каталогах, списках литературы и базах данных, относящихся к вторичному документному потоку.

Доминирующую позицию продолжают занимать краеведческие библиографические ресурсы, представленные краеведческими каталогами и картотеками, библиографическими пособиями, базами данных. Краеведческие указатели тематического характера – составная часть системы пособий, которая складывается в зависимости от традиций, возможностей и задач, в частности музейной библиотеки.

УК «Витебский областной краеведческий музей» входит в число старейших и богатейших музеев Республики Беларусь, в своей структуре имеющий библиотеку. В рамках научно-исследовательской работы по изучению истории нашего региона, проводимой сотрудниками музея, одним из важных направлений в 2012 г. была определена тема «Здравнёвский период жизни и творчества И.Е. Репина». Этот год стал 120-летним юбилеем приобретения знаменитым художником усадьбы Здравнёво. Это и определило важность и актуальность создания библиотекой музея библиографического указателя «Репин и Здравнёво». Тематика указателя ограничивается источниками, отражающими здравнёвский период жизни и творчества И.Е. Репина, истории усадьбы Здравнёво и пребыванию в ней близких художника, деятельности музея-усадьбы на современном этапе.

Поскольку, в 2001 году был издан библиографический указатель «Репин и Здравнёво» (хронологические рамки 1995–2001 гг.), составленный В.А. Шишановым, мы сохранили название указателя, включив источники по заданной теме с 2002–2012 гг. Однако, хочется надеяться, что вновь созданный библиографический указатель «Репин и Здравнёво», продолжая начатую традицию, все же откроет новые возможности перед исследователями репинской темы. Изучение темы велось с использованием первичных и вторичных документных источников, локальных информационных ресурсов и ресурсов удаленного доступа. При необходимости проводились консультации со специалистами-искусствоведами, историками, краеведами, музейными сотрудниками.

Указатель включает 498 библиографические записи, сгруппированные в алфавитно-хронологическом порядке, причем хронологический принцип формирования записей является основополагающим. Библиографические сведения представлены по годам в разделах: «Книги, сборники, статьи из сборников и энциклопедий», «Публикации в периодических изданиях: газеты, журналы», «Календари, открытки, карты». Библиографические записи составлены на языке оригинала. Для раскрытия содержания источника библиографические записи дополняют краткие аннотации. При описании источников на иностранных языках аннотация, раскрывающая содержание, приводится на русском языке. Нумерация записей на протяжении указателя сплошная.

Для оперативного поиска информации в структуру указателя мы включили справочный аппарат: именной алфавитный указатель фамилий и инициалов лиц, сведения о которых содержатся в библиографических записях, с отсылкой к номеру записи, а также указатель названий (в алфавитном порядке) периодических изданий, материалы которых включены в библиографический указатель.

Тематический ретроспективный библиографический указатель «Репин и Здравнёво» адресован искусствоведам, исследователям, историкам, краеведам, сотрудникам музеев, педагогам, студентам, всем, кто интересуется творчеством знаменитого художника И.Е. Репина.

С учетом существенных изменений, которые произошли в документном потоке музееведческой тематики, в частности краеведческого характера, и проводимой научно-исследовательской работы в музейных учреждениях, создание библиографических указателей является одним из ключевых направлений в работе музейной библиотеки.

В целом же состояние информационно-библиографического обеспечения музейной деятельности в Республике Беларусь характеризуется недостаточностью методологических и научно-практических разработок, что свидетельствует об актуальности проблемы исследования.

1. Буракова, Е. Составление библиографического пособия / Е. Буракова, Т. Круглик // Библиополе. – 2010. – № 8. – С. 21–24.
2. Каулен, М.Е. Музейное дело России / М.Е. Каулен, И.М. Коссова, А.А. Сундиева. – 2-е изд. – Москва: Издательство «ВК», 2005. – 614 с.
3. Музеі Беларусі: Праблемы. Перспекты. Інавацыі: Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць / уклад., агул. рэд. І.Б. Лапцёнак. – Мінск, 2012. – 231 с.
4. Музейны веснік [Тэкст] / укл. Н. Калымага. – Мінск: Юніпак, 2005. – Вып. 2. – 160 с.
5. Півавар, М.В. Музеі Віцебска на пачатку XXI ст.: манаграфія / М.В. Півавар. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2012. – 179 с.
6. Пятрова, Л. Краязнаўчы музей для нас і нашчадкаў / Л. Пятрова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 6. – С. 65–71.

Півавар М.В.

КРАЯЗНАЎЧЫЯ ІНТЭРНЭТ-РЭСУРСЫ

Вывучэнне пэўнай мясцовасці палягае на вывучэнні комплексу крыніц. Вылучаюцца матэрыяльныя і нематэрыяльныя крыніцы інфармацыі. У ліку матэрыяльных крыніц важнейшае значэнне належыць пісьмовым крыніцам. Новым сегментам пісьмовых крыніц з'яўляюцца электронныя дакументы. Значную іх частку цяпер можна адшукаць у Інтэрнэце. Аб'ём інфармацыі, які змяшчаецца ў сусветнай сетцы расце хуткімі тэмпамі. Разгледзім тую частку, якая даступна для даследчыкаў.

Большую частку рэсурсаў, якія змяшчаюць матэрыялы краязнаўчага характару ў Інтэрнэце можна падзяліць на тры ўмоўныя групы: 1) агульнабеларускія і тэматычныя рэсурсы; 2) сайты, прысвечаныя найбольш значным установам, помнікам гісторыі і культуры; 3) сайты, прысвечаныя пэўным рэгіёнам і месцам.

Да агульнабеларускіх маштабных рэсурсаў, якія ўтрымліваюць інфармацыю па ўсёй краіне аднясем такія сайты, як "Радзіма майго духа" [1], "Глобус Беларусі" [2]. На сайце Міністэрства культуры размяшчаюцца спісы гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі па абласцях, законы аб ахове помнікаў гісторыі і культуры і іншая прававая інфармацыя [3].

Каштоўную інфармацыю змяшчаюць тэматычныя сайты, прысвечаныя геральдыцы, генеалогіі, тапаніміцы і іншым дысцыплінам, якія неабходныя для

комплекснага вывучэння краю. Цікавую інфармацыю можна адшукаць на генеалагічных форумах, у тым ліку Генеалагічным форуме “Всероссийское генеалогическое древо” [4]. Значны комплекс эканамічнай, адміністрацыйнай, геаграфічнай інфармацыі па беларускіх губернях, якія ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі можна знайсці на сайце “Радзіма.net” [5].

Асобную частку складаюць сайты, на якіх змяшчаюцца кнігі, альбо комплексы дакументаў, якія маюць дачыненне да гісторыі пэўнага краю. напрыклад, «Библиотека Царское Село» [6], ці Лібрусек [7].

Другую групу складаюць сайты, прысвечаныя найбольш значным установам, помнікам гісторыі і культуры. Сярод іншых Полацкаму, Нясвіжскаму нацыянальным музеям-запаведнікам, Мірскаму замку, Бярэзінскаму біясфернаму запаведніку, Нацыянальнаму парку “Браслаўскія азёры”, “Белавежская пушча”, “Брэсцкая крэпасць-герой і іншым.

Трэцяю групу складаюць Інтэрнет-праекты краязнаўчага зместу, звязаныя з пэўнымі гарадамі і рэгіёнамі. Такіх сайтаў і старонак ужо сотні. Яны характарызуюцца розным узроўнем распрацаванасці і прафесійнасці (у сетцы прадстаўлены шырокі спектр аўтараў – ад кандыдатаў гістарычных навук і надзвычай эрудыраваных і абазнаных аматараў да дылетантаў). Ёсць сайты, якія маюць рэгулярнае абнаўленне, форумы, на якіх можна задаць пытанне ці абмеркаваць пэўную інфармацыю. Ёсць старонкі, інфармацыя на якіх не абнаўлялася з часу стварэння і якія не маюць зваротнай сувязі, а звесткі маюць суб’ектыўны характар. У ліку найбольш змястоўных: “Лідчына”, “Наш край: Віцебшчына”, “Победа. Витебск в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.”, “Vitebsk.chronos”, “Лепельскае возера”, сайты і старонкі прысвечаныя абласным і раённым цэнтрам, распрацаваныя раённымі органамі ўлады, а таксама аматарамі, “Таямніцы Віцебска” [8], “Стары Магілёў” [9], “Баранавічы ва ўспамінах” [10], “Тысяча паштовак з відамі старога Гродна”, “Архітэктура Гродна”, Партал горада Пружаны і сотні іншых.

Дадатковую інфармацыю пра рэсурсы, іх класіфікацыю можна пачарэпнуць ў некаторых артыкулах [11]. Адзначым, аднак, што выкарыстанне інфармацыі, якая ўзятая ў Інтэрнэце патрабуе праверкі. Нераўназначная па ступені даверу і праўдзівасці інфармацыя можа быць размешчана на сайце аматара, які стварыў рэсурс, прысвечаны роднай вёсцы, заснаваны на расповядах яе жыхароў і сайце абласной бібліятэкі, ці архіва. Адным з найлепшых на нашу думку сайтаў, які ўтрымлівае рэсурсы краязнаўчага характару, з’яўляецца сайт Віцебскай абласной бібліятэкі. Ён змяшчае электронную базу дадзеных “Прыдзвінскі край: гісторыя і сучаснасць” і электронную калекцыю “Віцебшчына: дакументальная спадчына”.

Інфармацыйны рэсурс “Прыдзвінскі край: гісторыя і сучаснасць” [12] надзвычай важная і каштоўная крыніца для даследчыка крыніца поўнатэкставая база дадзеных, у якой прадстаўлены звесткі па гісторыі, розных галінах эканомікі і культурным жыцці раёнаў Віцебскага краю. Матэрыялы падрыхтаваны супрацоўнікамі цэнтральных бібліятэк раённых цэнтраў вобласці, апрацаваны і дапоўнены спецыялістамі абласной бібліятэкі. Зараз змешчана інфармацыя пра большасць раёнаў Віцебскай вобласці. Работа над рэсурсам працягваецца.

У паспяховым пошуку патрэбнай інфармацыі ў Інтэрнэце істотную ролю іграе ўмелае выкарыстанне пошукавых сістэм, у тым ліку “Гугл”, “Яндэкс”, “Яаху” і іншых.

Такім чынам, электронныя крыніцы з’яўляюцца важным сродкам краязнаўчага вывучэння пэўнага рэгіёну. Аднак, выкарыстоўваць змешчаную на сайтах інфармацыю трэба крытычна.

1. Radzima.org. Адметнасці Беларусі, Літвы і Падляшша // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://www.radzima.org
2. Глобус Беларуси. Архитектурные и иные достопримечательности Беларуси // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://globus.tut.by
3. Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь // http://kultura.gov.by/page/zakanada-stva-sfery-kultury
4. Всероссийское генеалогическое древо // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://www.vgd.ru
5. Радзіма.net // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://www.radzima.net/ru
6. Библиотека Царское Село // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://book-olds.ru/
7. Либрусек // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://lib.rus.ec/
8. Таямніцы Віцебска // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://vk.com/photo-22959600_293742138?all=1#/tayamnicy_vicebska
9. Стары Магілёў // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://mogilev-3d.blogspot.com/
10. Баранавічы ва ўспамінах // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://baranavichy.at.tut.by/
11. Шымялевіч, Г.Г. Краязнаўства ў беларускіх інтэрнет-ресурсах / Г.Г. Шымялевіч // Краязнаўчая адукацыя і грамадзянскае выхаванне. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-метадычнай канферэнцы, г. Мінск, 26 красавіка 2006 г. / БДПУ імя М. Танка; рэдкал.: М.М. Круталевіч [і інш.]; А.Ю. Лозка [адк. рэд.]. – Мн.: БДПУ, 2006. – С. 100–104; Мацавіла, А. Кліо ў віртуальным абліччы. Як прадстаўлена ў Інтэрнэце гістрычная спадчына Беларусі / А. Мацавіла // Беларуская думка. – 2009. – № 3. – С. 50–54.
12. Віцебская абласная бібліятэка // Электронны рэсурс [Рэжым доступу] http://www.lib.vitebsk.net/PRIDVINIE-1

Раздел 3
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (до конца XVIII в.)

Пилипчук Я.В.

КУНЫ И КУМАНЫ: ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНИКОНОВ В ВЕНГЕРСКИХ ХРОНИКАХ

Одним из этниконов, обозначавших кыпчаков, был этноним кун. У современных венгров этникон kunok обозначает общеизвестный этноним кыпчаки. Этот этникон происходил от венгерского латиноязычного этникона кун. В данной статье мы рассмотрим вопросы относительно соотношения этникона куны венгерских источников с этниконом кун арабских исторических и географических трактатов. Также важно ответить на вопрос, какое смысловое наполнение этникона кун (куны).

Этникон кун использовали Тахир ал-Марвази и Мухаммед Ауфи. Они упоминали о переселении этого народа из земли Китай (Маньчжурия). Во второй половине XI в. куны прибыли в Европу под давлением племени кай и преследуя племя сари. Кунов упомянутых в арабских источниках многие исследователи считали кунов монголоязычным племенем [15, p. 29–30, 98–101; 7; 2, с. 460–462]. С. Кляшторный придерживается мнения о тюркоязычности кунов [5, с. 138]. Однако можно ли связать этот этникон с одноименным этниконом упомянутым в венгерских источниках?

Венгерский Аноним указывал, что куманы вместе с русами воевали против мадьяр, когда те были в Ателькузу. Продолжая свой рассказ, хронист указывал, что мадьяры победили русов и куманов и взяли дань с них. Нужно отметить, что Аноним был младшим современником Тахира ал-Марвази и старшим современником Мухаммеда Ауфи. Венгры не знали о странах, о которых рассказывали ал-Марвази и Ауфи. В поле зрения Анонима находились земли Восточной и Центральной Европы. Венгерский хронист упоминал о конфликтах венгров с куманами. Вероятно, этникон куманы был заимствован Анонимом у ромеев. Естественно, кыпчаки во время Обретения Родины венграми находились слишком далеко, чтобы доставить реальные неприятности мадьярам. Куда ближе должны были оказаться печенеги. Для обозначения печенегов у венгров был особый этникон бешенье, однако непонятно зачем вместо него был использован этникон куманы. Этниконы бесы (бешенье) и куны стали использоваться венграми несколько позже [12; 18; 6, Книга 7, Параграф 5].

Это вызывало некоторую терминологическую путаницу. Автор Пожоньской хроники и Симон де Кеза считали, что местности до Бихара и провинцию Нир опустошили бессы (бешенье, печенеги). Авторы Будской и Дубницкой хроник, а также Янош Туроци, сообщали, что на Венгрию напали именно куны. Поход датировался 1068 или 1070–1071 гг. Возглавлял кочевников вождь Озул. Один из венгерских хронистов называл его сервиентом князя кунов Дьюлы. Хронист сообщал, что Озул не ожидал нападения венгров. Венгры неожиданно напали и победили печенегов в битве [16, s. 142–144;11, с. 327; 14, s. 171–173; 13, s. 77–78; 17, p. 130–131]. Венгерские исследователи считали кочевников, которые осуществили нападение, огузами или печенегами. Это логично, поскольку кыпчаки только в 1071 г. начали беспокоить набегами Поросье. К тому же, Анна Комнина сообщала, что кыпчаки кочевали далеко от владений печенегов на Балканах [11, с. 326; 6, Книга 7, Параграф 5]. При описании событий, которые происходили в Подунавье в 1072 г. упомянуты печенеги. Они пришли в Венгрию через Болгарский Белград (Нандорфехервар, Альба Булгария, современный Белград в Республике Сербия). На помощь их призвали ромеи и болгары. Печенеги форсировали реку Саву и вышли на поле Бузиаш. Но они были

побеждены войсками бана Яна, а печенежский вождь Казар с немногими людьми еле спасся бегством [11, с. 329; 17, p. 131, 137]. Печенеги под давлением огузов и кыпчаков отступали из степей во владения венгров и ромеев. Печенеги уже в 1052 г. служили в войске Эндрэ I. Печенеги служили в войске короля Гезы и воевали против немецких союзников экс-короля Шаломона в 1074 г. [11, с. 329–330; 17, p. 127–128].

По предположению некоторых ученых, в 1085 г. произошло вторжение кочевников в Венгрию. В источнике их вождя Кутеска назвали Ducem Cunorum, то есть князем кунов. Привел кочевников с собой экс-король Шаломон. Куны атаковали Венгрию в районе Унга и Боршавы. При помощи Кутеска Шаломон хотел вернуть себе престол. Если Шаломону действительно оказали поддержку кыпчаки, то удивительным выглядит факт, что сразу после поражения Шаломон отступил в Болгарию, где и был побежден войсками Алексея Комнина. В Болгарии в конце XI в. находились владения печенегов, но никак не кыпчаков [16, s. 161–163; 11, с. 327; 14, s. 194–196; 13, s. 94–95; 17, p. 248–249].

Только поход кунов 1091 г., который осуществил хан Копульх сын Крула (Кола), можно напрямую связать с кыпчаками. Последние опустошили Трансильванию и дошли до местности Бечей (Стари Бечей в Сербии на Тисе). Рядом с Копульхом упомянут Енфем. По сведениям Симона де Кезы никто из кунов не спасся, кроме сервиента Есембу. В битве на Паганти был убит Копульх. Кыпчаки поклялись отомстить за смерть этого вождя, они требовали отпустить пленных кунов и осмеяли венгерского короля. Но Ласло I Святой одержал победу над кыпчаками князя Акуша и убил этого вождя в битве около Дуная. Попытка кыпчаков распространить свое влияние на территорию Алфёлда была неудачной. С этого времени границы кыпчакских владений на западе стабилизировались. Этностереотип кунов в венгерских хрониках имеет выразительно негативный характер, поскольку они изображены как язычники, которые к тому же кровожадны и горды [11, с. 327–329; 16, s. 163–164; 14, s. 196–197; 17, p. 249–250].

Есть также сведения относительно битвы около Перемышля. Сообщается, что куны (кыпчаки) напали ранним утром. Подробности столкновения не сообщались, но указывалось что куны Миркоды пришли на подмогу русинам. Возможно Миркода это венгерское наименование Алтунопы или Боняка о участии которых в битве известно из Ипатьевской летописи. По сведениям венгерских хроник венгры были обращены кыпчаками в бегство. При отступлении погибли епископы Лаврентий и Купан. Кыпчаки, преследуя войско короля, убили также графа Эвзу из рода Алмош. Кыпчак Маноч преследовал короля и ранил в ногу лучшего венгерского воина Матфея. Другой венгерский воин, Петр захватил Маноча в плен [1, с. 361–362; 16, s. 168; 14, s. 202–203; 8; 4, с. 245–247].

Этникон кун был впервые использован составителем Пожоньских анналов и из этой хроники был заимствован более поздними хронистами. Относительно значения этого этнонима среди исследователей не было единого мнения. Д. Немет считал, что этникон кун имел значение мужчина. Д. Дьёрфи считал кун производным от хун и утверждал, что этот этноним был общин для восточных кочевников [3, с. 475–476]. В результате же чего этноним кун получил распространение в венгерских латиноязычных источниках? Возможно этот этникон был производным от названия кыпчакского племени кунун вышедшего к границам Венгрии в конце XI в. Вероятно это племя возглавлял вождь Боняк [9, с. 541].

Таким образом, этникон кун первоначально обозначал не только отдельное племя конкретно и всех кыпчаков вообще, но и всех восточных кочевых соседей венгров. Только со временем этот этникон стал обозначать только кыпчаков. Этниконы кун в арабских источниках и кун в венгерских хрониках имели разное значения. Кун у арабов был названием одного из кочевых племен то ли монгольского, то ли тюркского

происхождения. Этникон куман не получил широкого распространения в венгерских хрониках, за исключением разве-что Венгерского Анонима и Рогерия. Более распространеным был этникон кун.

1. Венгерский хроникальный свод XIV века // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. – Т. IV. / составление, перевод и комментарий А.В. Назаренко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 353–372.
2. Голден, П. Религия кыпчаков средневековой Евразии / П. Голден // Степи Европы в Эпоху Средневековья. – Т.6.: Золотоордынское время. – Донецк: Донецкий нацональный университет, 2008. – С. 309–340
3. Голден, П. Формирование кумано-кыпчаков и их мира / П. Голден //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Крымское отделение Института востоведения НАН Украины, 2003. – Вып. X – С. 458–480.
4. Ипатьевская летопись/ воспроизведение текста издания 1908 г. // Полное собрание русских летописей – М.: Восточная литература, 1962. – Т.2. – XVI, 938, 87, IV с.
5. Кляшторный, С.Г. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов . 2-е изд. – СПб.: Петербургское Востоководение, 2004. – 368 с.
6. Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступит. статья, комм. Я.Н. Любарского – М.: Наука, 1965. – 688 с. // Alanica – история аланов – [Элетронный ресурс] – Режим доступа – http://www.alanica.ru/library/Komn/text.htm – Дата доступа: 30.06.2013.
7. Маркварт И. О происхождении народа куманов / Пер. А. Немировой. Электронная версия 2002. // Великая Степь [Элетронный ресурс] – Режим доступа – http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml – Дата доступа: 30.06.2013.
8. Пожоньские анналы. Перевод А.С. Досаева. Электронная версия 2010 года. – Режим доступа – http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Posoniens/frametext.htm // Восточная Литература. [Электронный ресурс] – Дата доступа: 30.06.2013.
9. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.I: Извлечения из сочинений арабских / В.Г. Тизенгаузен. – СПб.: Издано на иждевении С.Г. Строганова, 1884.— XVI, 563, [1] с.
10. Шушарин, В.П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья / В.П. Шушарин // История СССР. – №2. – М.: Институт истории Академии Наук СССР, 1978. – С. 38–53.
11. Шушарин, В.П. Ранний этап этнической истории венгров / В.П. Шушарин. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
12. Шушарин, В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. / В.П. Шушарин // Международніе связи России до XVII в. – М.: АН СССР, 1961 // Восточная Литература. [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Gesta_Hungarorum/frametext.htm. – Дата доступа: 30.06.2013.
13. Chronicon Dubnicense : Cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi picto et Budensi accurate collatum // Historiae Hungaricae fontes domestici. – Pars prima. Scriptores ; 3. – Quinque-Ecclesiis: [s.n.], 1884. – S. 1-207
14. Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. – Pars prima. Scriptores ; 2. – Lipsiae [s.n.], 1883. – P. 100-245
15. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – London: : Royal Asiatic Society, 1942. — 170, 53 p.
16. Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. Pars Prima. Vindobonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattnern, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCLXVI (1766). // Magyar elektronikus könyvtár – Mode of access – http://mek.oszk.hu/08800/08829/08829.pdf – Date of access: 30.06.2013.
17. Spinei, V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century / V. Spinei. – Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Istros Publishing House, 2003. – 546 p.
18. Rady, M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation / M. Rady // Slavonic and East European Review. –87 (4). – 2009 –// UCL. Discovery – Mode of access – http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf. – Date of access: 30.06.2013.

Подберезкин Ф.Д.

МЕЧЕНОСЦЫ И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ: БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЕГОРИИ В ХРОНИКЕ ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Хронист и общество: точки соприкосновения. Особенности положения исследователя крестовых походов состоит в том, что он ориентируется на информацию источника, созданного, говоря современным языком, «энтузиастом для энтузиастов и об энтузиастах». В ситуации с Ливонией мы имеем дело с добровольцами из северных областей Германии, организуемых посредством проповеди [1, с. 79], [2, с. 59], оставивших свои дома либо ради отпущения грехов, либо для личной славы. Большинство их возвращалось домой, и только небольшая группа рыцарей, принявших обет монашества (а значит, и неприятия материальных выгод) составляла оплот церкви на занятых территориях. Всё это позволяет судить о *высокой степени иррационального* (в понимании современника) в мотивации поведения пилигримов. Исполнение своего личного долга по отношению к Богу – это и было «рациональной», движущей силой крестоносца.

Путём сравнительного анализа священных текстов и хроники Генриха Латвийского мы попытаемся определить, как воспринимали свою миссию сами пилигримы, каково было их видение своего места в «провидении Божием».

Тождественность восприятия хронистов и крестоносцев. В книге Откровения Иоанна Богослова есть такие слова: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* [3]. Здесь говорится о неприемлимости для Церкви Христовой «тёплого» состояния, требуется «горячее» или деятельное отношение к действительности. Естественно, желаемый идеал далеко не всегда соответствует действительности. Можно заключить, что, между восприятием происходящего хронистом как духовным лицом и пилигримами как «ловцами» душ человеческих, существовала тождественность, т.е не было той дистанции, которая вынудила бы нас воспринимать религиозную терминологию хронистов как присущую только духовному сословию. В поведении участников описываемых событий мы отмечаем зеркальное отображение взглядов самого автора текста – т.к. пилигримы мыслили, как мне представляется, теми же категориями, что и хронист.

«Сыны Израилевы». В послании к Галатийской церкви ап. Павел писал: *«Познайте же, что верующие суть сыны Авраама»* [4]. Таким образом, в своём послании апостол утверждает духовную преемственность ветхозаветных израильтян и новозаветных христиан, т.е. церкви в широком смысле. Мышление средневекового человека, в особенности совершавшего некое духовное подвижничество, нуждалось в сакральных аналогиях, отождествлении себя с «ними» - только тогда подвижничество могло приобрести значимость и законченный смысл. Путём параллельного анализа текста «Хроники» Генриха и библейских текстов мы попробуем выяснить категории, которые помогали им отождествлять себя с «героями веры».

Ценное свидетельство, касающееся употребления библейских аналогий в повседневности мы находим в упоминании Генриха о мистерии в Риге: *«В ту же зиму устроено было в центре Риги прекраснейшее представление о пророках… Содержание этого представления весьма тщательно передавалось переводчиком присутствовавшим новообращённым и язычникам. Когда воины Гедеона стали сражаться с филистимлянами, язычники, боясь, что их убьют, побежали, но их успокоили и позвали назад… это самое представление было как бы началом и предвестием будущего: в этом представлении были войны – Давида, Гедеона, Ирода;*

было и учение ветхого и нового завета, оно должно было дать наставление, как придти к истинному миротворцу и жизни вечной»[1, с. 82].

Данное упоминание позволяет сделать следующие выводы: во-первых, библейские аналогии были не только «делом» хрониста, но применялись и в повседневной жизни, с целью воздействие на сознание «паствы»; во-вторых, выбранные из контекста сюжеты-идеи Ветхого и Нового заветов становились определяющими факторами в формировании отношений язычник-пилигрим и придавало смысл пребыванию крестоносцев в Ливонии. Американские герменевты Гордон Фи и Дуглас Стюарт, перечисляя принципы толкования повествований, отмечали: «*Повествование содержат запись того, что произошло – не обязательно, что должно было бы произойти или должно происходить каждый раз. Следовательно, не каждое повествование имеет отдельную идентифицируемую мораль… Повествования могут учить либо прямо (ясно утверждая что-либо), либо косвенно (ясно подразумевая что-либо без утверждения)»* [5, p. 73-74]. Сюжетов, подобных рижской мистерии, мы больше не встречаем на страницах хроники. Таким образом, нам придётся далее прямо либо косвенно искать «идентифицируемую мораль» путём поиска библейских сюжетов, прямо или косвенно цитируемых Генрихом.

Чаще всего в хронике встречаются аллегории на таких библейских «героев-воителей» как Давид, Саул, братья Маккавеи. В одном из сражений с рижанами старейшина ливов Дабрел говорит такие слова: «*Крепитесь и сражайтесь филистимляне, чтобы не стать рабами евреев*» [1, с. 89]. Соответственно в книге Царств, в эпизоде одной из битв, филистимляне говорят: «*Укрепитесь и будьте мужественны, филистимляне, чтобы нам не быть в порабощении у евреев…*» [6]. Естественно, язычник Дабрел вряд ли был знаком с текстами Ветхого Завета. Хронист таким образом намеренно провёл параллель-аллегорию: евреи-пилигримы – филистимляне-ливы. За пилигримов (сынов Израилевых) сражается сам Бог, а филистимляне-ливы, которые не хотят стать прозелитами, являются богопротивниками.

Пилигримы и Божественное провидение. В Евангелии от Луки есть история о чудесном улове рыбы, достигнутом благодаря вере апостола Петра: *«Когда же перестал учить [Иисус Христос – Ф.П.], сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть. Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась»* [7].

Наследник Петра, папа Иннокентий III, поучая крестоносцев, так толковал евангельский рассказ: «*Мои предшественники, хотя и много потрудились, однако почти ничего не уловили… Но когда во имя Божие забросили сеть – я и братья мои – мы захватили рыбы в изобилии – в Ливонии, обращая в христианство язычников…*» [8, с. 88]. В свете евангельских метафор, христиане, сидящие в лодке Петра-Иннокентия могли исполнять поручение Иисуса Христа (т.е. быть «ловцами человеков») только будучи направляемы Божественным провидением. Именно тогда, когда «во имя Божие» закидывалась сеть, достигался духовный эффект – расширялась паства. Любой успех или неудача чаще объяснялись средневековыми людьми как следствие Божественного изволения [9, с. 16]. В связи с этим, ещё большим сакральным смыслом наделялись события «браней Господних». Пилигримы, слушая проповедь Бернара Клервосского или Петра Пустынника, нуждались в целосном объяснении своей миссии в регионе, избранном Богом для осуществления своей роли. И такое объяснение находилось в русле восприятия ими категорий Божественного провидения.

Хронист Генрих начинает своё повествование с объяснения промысла Божия: *«Божественное провидение, помнящее о Раабе и Вавилоне, то есть о заблуждении*

язычников, вот каким образом в наше нынешнее время огнём любви своей пробудило от греховного сна идолопоклонников ливов» [1, с. 59].

Папа Урбан II после того, как его речь в Клермоне была прервана возгласами «Так хочет Бог!», использовал скрытый библейский мотив (сравним):

Урбан II	Книга Екклесиаст
Ибо если бы не Бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы столь единодушный глас ваш; и хотя он исходил из множества уст, но источник его был единым [10, с. 26]**.**	Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря [11].

Далее папа пояснил: *«Вот почему, говорю вам, что это Бог исторг из ваших уст такой глас, который Он же вложил в вашу грудь. Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено Богом».*

Таким образом, предопределение выступало в восприятии пилигрима сложной по своему характеру структурой его мышления. Во-первых, поход в регион, избранный Богом, воспринимался как воля Господа. Во-вторых, пилигримы могли осознавать, что все их мысли, вызывающие в сердце благое рвение, уже изначально предопределены свыше. Естественно, второй уровень восприятия был свойственен немногим - главным образом, руководителям и вдохновителям похода. При этом, сам характер крестовой проповеди, т.е. насыщенность её библейскими аллегориями, только укреплял энтузиазм верующих, придавал ему качественно новый уровень: пилигримы не рассматривали присущий им религиозный энтузиазм как собственный – они знали, что «так хочет Бог».

Вывод: ассоциативное восприятие действительности. Таким образом, определившись с смысловым наполнением самоназвания пилигримов, а также охарактеризовав такие категории их мышления, как «сыны Израилевы», «Божие провидение», мы можем заключить: монахи и братья-рыцари Ливонии начала XIII в. существовали как бы в особом микромире, наполняемом идеями, имевшими свою степень оригинальности в конкретном месте и в определённый промежуток времени. Что значит «своя оригинальность»? Дело в том, что перечисленные мной выше категории мышления крестоносцев по своей сути не были чем-то новым для людей средневековья, но в применении к новым условиям новая ментальная реальность возникала путём синтеза старых понятий. Ранее несовместимые понятия войны и монашеского обета, меча духовного и меча земного соединялись теперь в применении к конкретному региону. В этом смысле и возникала «своя оригинальность», которая, в свою очередь, предполагала возникновение мира идей, наполнявших мыслительные категории.

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М., 1938.
2. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. – М., 1962.
3. Откровение Иоанна Богослова, 3:15-16 (все тексты Библии даются в русском Синодальном переводе).
4. Послание к Галатам св. Ап. Павла, 3:7.
5. Fee, Gordon, D. Stuart, D. How to read the Bible For all its Worth: a Guide to Understanding the Bible. The Zondervan Corporation, Grand Rapids, Michigan. Copyright 1982.
6. 1 Книга Царств, 4:9.
7. Евангелие от Луки, 5:4–6.
8. Герье, В. Расцвет западной теократии. Иннокентий III / В. Герье. – М., 1916.
9. Фоссье, Р. Люди средневековья / Р. Фоссье. – Спб., 2010.
10. Речь папы Урбана II на Клермонском соборе // Брандедж, Дж. Крестовые походы. М., 2011.
11. Книга Екклесиаст, 12:11.

Гагуа Р.Б.

ЛЕТОПИСНЫЕ СООБЩЕНИЯ О БИТВЕ ПРИ ВОПЛАВКАХ 7 АПРЕЛЯ 1311 ГОДА

7 апреля 1311 года на территории современной Польши, в Вармийско-Мазурском воеводстве, близ деревни Воплавки Кетжинского повета состоялось сражение между армией Великого княжества Литовского и войсками Тевтонского ордена. Крестоносцы под командованием великого комтура Генриха фон Плоцке наголову разбили отряд великого князя литовского Витеня.

Сражение, без сомнения, являлось достаточно крупным по средневековым меркам. Его значимость понимали уже современники: битва при Воплавках нашла отражение в свидетельствах, как прусских хронистов, так и в польском летописании. Следует заметить, что сообщения польских летописей являются вторичными и опираются на свидетельства орденских хроник, что даёт основание отнести труды польских авторов не к источникам, а в область историографии.

Наиболее ранние летописные сообщения о битве при Воплавках включены в «Хронику земли Прусской» Петра фон Дусбурга, рифмованную «Хронику Прусской земли» Николая фон Ерошина, «Выписки о событиях в Пруссии» каноника Самбийского, которые были созданы в первой половине XIV столетия, а также Старшую хронику монастыря Олива, написанную предположительно в середине XIV века [8, S. 3–219; 3, S. 291–624; 1, S. 272–290; 4, S. 649–731].

Несмотря на то, что хроника Николая фон Ерошина является переводом и переработкой прозаического латинского текста Петра фон Дусбурга в рифмованную немецкоязычную версию, в ней содержатся, во-первых, иногда значительные расхождения с текстом оригинала, во-вторых такие подробности, которых в оригинале нет [3, S. 574–579]. Например, у Николая фон Ерошина содержится указание, что лагерь Витеня находился *«вверху на горе»*, которое отсутствует у Петра фон Дусбурга [3, S. 576]. Так же автор рифмованной хроники сообщает имя рыцаря Ордена, который командовал передовым отрядом прусской армии, и которого не упоминает Пётр фон Дусбург, а так же дополняет его хронику подробностями о тактическом ходе битвы [3, S. 574–579].

Автор Старшей Оливской хроники, по-видимому, пользовался независимыми от Петра фон Дусбурга источниками информации и ограничился краткой констатацией факта победы крестоносцев в сражении, поместив рассказ следующего содержания: «*…вступил король литовцев, именуемый Витень, в земли Пруссии и опустошал их 18 дней и великое множество христиан увёл из этих земель, большие страдания сопротивляющимся [причинив]. Он настолько поверил, в свою удачу, что вернулся, собрав насильно множество людей, заставлял их изменить веру. Его настигли господа с верными христианами и убили почти всю его армию, и сам с немногими едва смог бежать. Христиане по милости Божьей все спаслись, с похвалами и благодарностями всех пленных вернули обратно»* [4, S. 710].

Подобную лаконичную записку находим и у анонимного Самбийского каноника в главе шестой «О войнах прусских братьев»: *«В год Господень 1311 королём литовцев Витенем Самбия и Натангия опустошались дважды, и во время второго опустошения в среду после вербного воскресенья братья, встретившись с ними в поле Воплавки, три тысячи литовцев убили, приведённые комтуром де Плоцке»* [1, S. 282].

Свидетельства Петра фон Дусбурга и Николая фон Ерошина, в отличие от летописца из Оливского монастыря и каноника из Самбии, являются гораздо более подробными, занимают больший объём и, кроме прочего, имеют ярко-выраженную нравоучительную окраску. Так Пётр фон Дусбург представляет поражение Витеня, как результат

превосходства христиан над язычниками, оскорбляющих Бога и полагающихся на силу своей армии, то есть как победу католической религии над языческими заблуждениями, и в целом – как триумф небесного над земным [8, S. 176–177].

Николай фон Ерошин вообще начинает повествование о данных событиях с нравоучительных строк, в которых порицает гордыню, объявшую великого князя литовского Витеня:

«Удача ведёт к заносчивости, Заносчивость – нехороша,
Она приводит к чванству, И всех, бедняга, считает ничтожными.
Чем больше растёт гордыня, Тем ниже его падение;
Как это можно было увидеть На примере короля Витеня,
Столь превозносившего язычество; Как я должен вас уведомить».

Затем, включая иногда довольно значительные подробности, отсутствующие у Петра фон Дусбурга, как уже указывалось автором выше, повествуется о двух вторжениях Витеня в Пруссию и его поражении от армии под командованием Генриха фон Плоцке. Всё описание событий содержится в 427 рифмованных строках с 23470-ой по 23897-ую – в главе с названием «Как братья одержали победу над королём литовцев» [3, S. 574–579].

Следующим значительным источником о сражении при Воплавках является сочинение Виганда фон Марбурга, который исполнял обязанности герольда у великого магистра Ордена Конрада фон Валленрода, хотя сам не являлся членом Тевтонского ордена [7, S. 293–294]. В конце XIV века, вероятнее всего 1394 году, на территории Тевтонского ордена было закончено написание его рифмованной «Новой хроники Пруссии» [9, S. 78–79]. Особую ценность указанному источнику придаёт то обстоятельство, что он не являлся официальной летописью Ордена, в связи с чем его автор гораздо более широко использовал устную традицию, рыцарские предания и легенды. Кроме того, хроника Виганда фон Марбурга носит ярко выраженный светский характер.

Ряд исследователей полагает, что Виганд фон Марбург использовал в качестве основных источников для своей работы «Выписки о событиях в Пруссии» каноника Самбийского, Старшую хронику монастыря Олива и Торуньские анналы, в то время как труды Петра фон Дусбурга и Николая фон Ерошина ему не были знакомы [9, S. 11]. Однако как в первой, так и во второй группе перечисленных хроник отсутствует такая важная подробность, событий 1311 года у Воплавок, которую сообщает нам Виганд фон Марбург, а именно, свидетельство об осквернении великим князем литовским Витенем таинства святой евхаристии [5, S. 456].

Собственно, в Торуньских анналах свидетельство о битве под Воплавками сведено к одному предложению, в котором, ко всему прочему, сражение ошибочно датировано годом раньше, чем оно было на самом деле: *«В год 1310 литовцы были убиты в среду перед Пасхой»* [6, S. 64]. Как мы видели, сообщения, как Старшей Оливской хроники, так Самбийского каноника, практически, также сводятся лишь к констатации факта событий. Следовательно, Виганд из Марбурга пользовался каким-то другим, неизвестным нам источником при описании указанных событий.

Следует учитывать так же то обстоятельство, что оригинальный текст рифмованной хроники до нас дошёл лишь частично – сохранилось всего 542 рифмованные строки в девяти различных отрывках [10, S. 13]. При этом оригинальные строки о битве при Воплавках не сохранились.

Кроме этих отрывков некоторые фрагменты хроники Виганда фон Марбурга, были пересказаны со ссылками на автора прусскими летописцами XVI столетия Каспаром Шуцем и Станиславом Борнбахом [5, S. 291–624].

Уже в XVII веке, занимавшийся поисками текста хроники Виганда фон Марбурга профессор гимназии в Торуне Христоф Ян Харткнох констатировал в своей книге «Старая и новая Пруссия», что «хроника герольда великих магистров была утеряна после смерти Каспара Шуца» [10, S. 19]. Однако в 1821 году Кристианом Лукасом среди манускриптов, которые хранились в собрании библиотеки монастыря Ордена бернардинцев в Торуне, была найдена рукопись с прозаическим переводом «Новой хроники Пруссии» Виганда фон Марбурга на латинский язык [10, S. 19].

Впоследствии исследователями было установлено, что перевод был выполнен в 1464 году для краковского каноника и польского летописца Яна Длугоша священником церкви Святого Иоанна в Торуне Конрадом Гесселеном [10, S. 19–25]. Торуньский список был введён в научный оборот уже в XIX веке и опубликован впервые Иоханнесом Фойтом и Едвардом Рачиньским отдельным изданием, а затем включён во второй том масштабной публикации летописных источников по истории Пруссии «Scriptores rerum Prussicarum» [2; 5, S. 453–662].

В настоящее время мы располагаем двумя вариантами описания битвы у Воплавок, которое сделал Виганд фон Марбург: в латинском переводе Конрада Гесселена и в немецкоязычном прозаическом пересказе Станислава Борнбаха.

Повествования о сражении при Воплавках в версии Конрада Гесселена и пересказе Станислава Борнбаха, совпадая в общих чертах, имеют ряд расхождений. Так в переводе Конрада Гесселена при описании первого похода Витеня в Пруссию рассказывается обучастии в изгнании Витеня орденских отрядов из Рагниты и Инстербурга, хоругвей Святого Георгия, Девы Марии, а также витингов – местного прусского ополчения и, кроме того, даётся неопределённое указание на присутствие в армии крестоносцев «других знамён» (*«aliisvexillis»*) [5, S. 456]. Далее, при рассказе о повторном походе армии Великого княжества Литовского в Пруссию говорится, что *«…христиане… по Божьей воле собрав сильную армию, шли день и ночь с орденскими знамёнами вышеперечисленными и образом Богоматери из Холланда…»* [5, S. 456]. При этом фразу можно понять двояко, то ли они шли с образом Богоматери, который был из Холланда, то ли они шли из Холланда с изображением Богородицы. Затем приводится достаточно подробное описание богохульств, которые Витень совершал у Воплавок, последовавшего сражения с армией Генриха фон Плоцке и поражения великого князя литовского, который был ранен в бою в голову и сам чудом спасся [5, S. 456].

В пересказе Станислава Борнбаха упоминаются только хоругви из Рагниты, из Инстербурга, Святога Георгия, Девы Марии, а также добавляется хоругвь из Холланда [5, S. 456]. Во второй части пересказ Станислава Борнбаха является гораздо более кратким, чем перевод Конрада Гесселена и сводится к следующим словам: *«Король в Воплавках множество христиан захватил и заставил их принести таинство, которое Витень и топтал ногами и говорил: «Что признаёте своим Богом? Полагаете вы, что то им является, что ногами было растоптано, могущественным его считая?» На следующий день пришли сильные люди Ордена и ударили они, освободив пленников и поразив язычников смертью в поле Воплавки перед городом. Королю Витеню едва удалось вывернуться»* [5, S. 456]. Таким образом, во второй части повествования о битве Станислав Борнберг опустил подробности о ранении в бою великого князя Витеня в голову, которые присутствуют в переводе Конрада Гесселена [5, S. 456].

Все последующие, как орденские, так и польские летописцы, обращаясь к сражению при Воплавках, опирались в той или иной мере на вышеперечисленные хроники своих предшественников, составляющие и для нас основу для исследования битвы. При этом они либо передавали свидетельства одного из указанных авторов, либо, в той или иной мере компилировали информацию нескольких хроник.

1. Canonici Sambiensis epitome gestorum Prussie// Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. I. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. – S. 272–290.
2. Chronicon seu annales Wigandi Marburgensis, equitis et fratris Ordinis Teutonici / wyd. J. Voigt, E. Raczyński. –Poznań: w księgarninowej, 1842. – 379 s.
3. Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin// Scriptores rerum Prussicarum/ hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. I. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. – S. 291–624.
4. Die ältere Chronik und die Schrifttafeln von Oliva// Scriptores rerum Prussicarum/ hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. I. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. – S. 649–731.
5. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. II. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. – S.429–662.
6. Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 57–316.
7. Lohmeyer, K. Marburg, Wigand von / K. Lohmeyer // Allgemeine Deutsche Biographie. – Bd. 20. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1884. – S. 293–294.
8. Petride Dusburg Chronicon terrae Prussie // Scriptores rerum Prussicarum/ hrsg. vonT. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. I. – Leipzig: verlagvonS. Hirzel, 1861. – S.3–219.
9. Zonenberg, S. Kronika Wiganda z Marburga, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelnialnie Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy, 1994. – 106 s.
10. Барбашев, А.И. Летописные источники для истории Литвы в средние века. – С-Пб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1883. – 29 с.

Новоселова В.И.

«КНИГА ЗНАНИЙ»: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И МЕСТО ДАННОГО ИСТОЧНИКА В ЛИТЕРАТУРЕ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

Средневековый испанский трактат «Книга знаний» является далеко не первой книгой о путешествии. Европейская традиция подачи информации в рамках данного жанра восходит к «Одиссее» Гомера [9, с. 8]. Период расцвета Римской империи выявил таких писателей как Лукиан. Английский историк Джас Элснер (Jas Elsner) и испанский исследователь Хоан-Пау Рубьес (Joan-Pau Rubiés) считают, что работе Лукиана характерна «культура местного, в которой интерес путешественника направлен на глубокое погружение в отдельную область» [9, с. 10]. Основу текстов Лукиана составляют приобретенные знания, а «Одиссеи» – личный опыт путешественника. Данное противопоставление полезно для определения места «Книги знаний» среди книг о путешествиях, так как в данном трактате практически отсутствует элемент индивидуального восприятия пережитого путешествия, при этом он наполнен географической информацией и геральдическими данными.

Однако география в современном понимании отличается от географических описаний книг путешествий в античности, а вследствие этого и в средневековье, так как в текстах обоих периодов присутствуют элементы «виртуальной» географии. Вопрос о соотношении эмпирической и «виртуальной» географии в «Книге знаний» был рассмотрен нами ранее в статье «Исторический и географический дискурс в средневековых книгах о путешествиях (на примере испанского трактата «Книга знаний»)» [1]. В рамках данной категории справедливо говорить о противопоставлении реальности и фантазии. Американский исследователь Дженни Мезиемс (Jenny Mezciems) предлагает рассматривать эту отличительную особенность книг о путешествиях как способ их классификации. Исследователь подчеркивает, что цель не в том, чтобы доказать наличие некого хронологического прогресса от художественной литературы к описаниям реальности. Задача состоит в том, чтобы использовать простое поляризационное различие, которое поможет определить является ли путешествие реальным или вымышленным [5, с. 3]. Нельзя отрицать, что большинство средневековых книг о путешествиях могут быть разумно расположены в разных точках на континууме между «фактом» и «фантастикой», даже если они не всегда занимали эти позиции во времена их создания.

Существует ряд классификаций книг о путешествиях, основанных на различных характеристиках данного вида источников. Английские ученые Питер Халм (Peter Hulme) и Тим Янгс (Tim Youngs) подготовили фундаментальный труд «Кембриджский путеводитель по литературе путешествий». В предисловии к антологии, ученые отмечают, что «литературу путешествий лучше всего рассматривать как широкий и постоянно меняющийся жанр, со сложной историей, который до сих пор основательно не изучен» [8, с. 10].

В последнее время изучение средневековых трудов о путешествиях связано с тенденцией поиска характеристик, которые устанавливают ограничения при определении текстов как литературы путешествий. Американский ученый Майкл Харни (Michael Harney) в своем исследовании авторов путешествий позднего средневековья в Испанию указывает на то, что «путешествие подразумевает намерение вернуться домой» [4, с. 350]. Он также утверждает, что «оно отличается от литературы о навигации, открытиях и завоеваниях» и выделяет в качестве важного условия: путешествие как центральную тему [4, с. 349]. Португальский ученый Фернандо Кристобао (Fernando Cristóvão) приходит к аналогичной концепции, делая акцент на отличии литературы путешествий от путешествий в литературе [2, с. 11]. В испанском трактате «Книга знаний» путешествие является основной темой, однако по мнению американского историка Нэнси Ф. Марино (Nancy F. Marino) первичной мотивацией данного трактата является геральдическое описание всех владений [3, с. xlviii].

Особой группой представляются тексты, связанные с паломничествами. Майкл Харни рассматривает данный вопрос с точки зрения отличия литературы путешествий от «текстов посвященных религиозным паломничествам», которые он выделяет в отдельную категорию, но соотносит с работами о путешествиях. Исследователь считает путешествия к святыням информативными предшественниками и значимыми текстами, которые развивались одновременно с нарративами о путешествиях [4, с. 349].

Французский историк Жан Ричард (Jean Richard) подтверждает идею о том, что рассказы о путешествиях достаточно тесно связаны с рассказами о паломничествах. Ученый предлагает разделить жанр на семь отдельных категорий, основанных в первую очередь на цели путешествий. В «Книге знаний» есть элементы практически всех категорий.

Первые две категории: «путеводитель» для паломников и рассказы паломников. Несмотря на то, что «Книга знаний» не является нарративом о паломничестве, автор трактата, описывая различные территории ойкумены, делает акцент на религиозном статусе местного населения и указывает религиозно значимые места не только для христианского, но и для мусульманского вероисповедания, также он говорит о религиозном будущем [3, с. 80].

Третья категория согласно классификации Жана Ричарда – «рассказы о крестовых походах и далеких экспедициях». В качестве примера исследователь предлагает «Историю первого открытия и завоевания Канарских островов» начала XV века [6, с. 25]. Единственным основанием для включения в одну группу крестовых походов и других видов путешествий является фактор дальнего расстояния. Автор «Книги знаний» совершает путешествие за пределы Испании через три известных континента и возвращается в Севилью.

Четвертая категория по Жану Ричарду охватывает работы послов и миссионеров. Опять же, если мы хотим классифицировать тексты, основываясь на целях путешествий, то сбор информации об определенной территории и обращение местного населения в свою религию – это задачи, требующие отличных действий. Как образец ученый предлагает «Посольство к Тамерлану» [6, с. 29]. По одной из версий автором трактата «Книги знаний» является монах-францисканец, однако в тексте

отсутствует описание цели странствия и прямые указания на причастность путешественника к миссии.

Пятая категория включает тексты написанные «исследователями и искателями». Здесь Жан Ричард концентрируется на тексте Марко Поло [6, с. 33]. Поскольку «Книга знаний» – источник важной информации по географии Средневековья, то естественно говорить об авторе трактата как об исследователе. Он дал первое описание Канарских и Азорских островов, Африки южнее Сахары, отдаленных областей Азии и т.д. Ценность «Книги знаний» для исследователей, изучающих Восточную Европу периода Средневековья, состоит в том, что данный трактат является первым системным описанием этого региона. Авторитетный исследователь в области геральдики Мартин де Рикер (Martín de Riquer) в одной из своих статей утверждает, что «Книга знаний» – весомый источник по гербам и флагам европейских владений XIV века [7, с. 314].

Шестая категория связана с «путеводителями для купцов». В своем труде «Странствия и путешествия» Перо Тафур демонстрирует знания и интерес к торговой практике его времени. Автор же «Книги знаний» упоминает о купцах только как о спутниках, и не рассматривает Дамаск как крупный торговый центр.

Вымышленные путешествия–последняя категория, которую выделяет Жан Ричард. «Приключения Сэра Джона Мандевиля» является основополагающей работой данного жанра. Однако и в «Книге знаний» нашли свое место такие средневековые фантазии как королевство Пресвитера Иоанна, Земной Рай, загадочные острова, люди с необычайными физическими характеристиками и т.д.

Из проведенного анализа становится очевидно, что автор «Книги знаний» работал в рамках более широкой традиции и его труд отражает систему мировоззрения Средневековья. В книгах о путешествиях данного периода информация различного рода подавалась целым пластом, что привело к смешению факталогических сведений и фантазий авторов. Следовательно, для использования нарративов о путешествиях в качестве источников необходимо детальное их изучение, согласно существующим схемам и определению жанровых границ.

1. Новоселова, В.И. Исторический и географический дискурс в средневековых книгах о путешествиях (на примере испанского трактата «Книга знаний») / В.И. Новоселова // Берковские чтения – 2013. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Международной научной конференции (Минск, 16–17 мая 2013 г.). – Минск: ЦНБ НАН Беларуси; М.: ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, 2013. – С. 270–273.
2. Cristóvão, F. Introdução. Para uma teoria da Literatura de Viagens / F. Cristóvão // Condicionantes culturais da literatura de viagens: Estudos e bibliografias / ed. Fernando Cristóvão. – Lisbon: Cosmos, 1999. – P. 13–52.
3. El libro del conoscimiento de todos los reinos =The book of the knowledge of all kingdoms / ed., translation and study by N. F. Marino. – Tempe: Arizona Center for medieval and renaissance studies, 1999. – 138 p. – (Medieval and renaissance text and studies; 198).
4. Harney, M. Alfonso de Palencia 1424–1492 / M. Harney // Dictionary of Literary Biography: World Literature / ed.: A. Frank, G.D. Greenia Domínguez. – Detroit: Gale, 2004. – Vol. 286: Castilian Writers 1400 – 1500. – P. 368–380.
5. Mezciems, J. Tis not to divert the Reader: Moral and Literary Determinants in some Early Travel Narratives / J. Mezciems // The Art of Travel: Essays on Travel Writing / ed. Ph. Dodd. – London, 1982. – P. 3–15.
6. Richard, J. Les récits de voyages et de pèlerinages / J. Richard. – Turnhout: Brepols, 1981. – 84 p.
7. Riquer, M. La heráldica en el Libro del conocimiento y el problema de su datación / M. Riquer // Dicenda. – 1987. – № 6. – P. 313–319.
8. The Cambridge companion to travel writing / ed.: P. Hulme, T. Youngs. – Cambridge, U.K. ; New York : Cambridge University Press, 2002. – 343 p.
9. Voyages and visions: towards a cultural history of travel / ed.: J. Elsner, J.-P. Rubies. – London: Reaktion, 1999. – 344 p.

Польская С.А.

КОЛЛЕКЦИЯ АРТЕФАКТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОНЫ В ОПИСЯХ АББАТСТВА СЕН-ДЕНИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Бенедиктинское аббатство Сен-Дени является одним из самых известных памятников средневековой Франции, известным, прежде всего, как королевский некрополь и место хранения королевских регалий. Последнее обстоятельство выступило одной из причин формирования сокровищницы, представляющей собой наиболее значимое собрание артефактов, собираемых французской короной на протяжении практически всей её истории. Непосредственным местом их хранения выступало специально отведённое для этого помещение базилики, заполненное ценностями. Уже первые исследователи сокровищницы (монахи-эрудиты XVII–XVIII вв.) отмечают наличие шкафов (*les armoires*), аккумулирующих реликварии, королевские регалии для инаугурационных и похоронных церемоний, дары и пожертвования, приобретения наиболее могущественных и предприимчивых аббатов. Поскольку их перечень постоянно пополнялся, то начиная с последних десятилетий XIII в. общие картулярии аббатства преобразуются в реестры, сравнительное изучение содержания которых позволяет проследить динамику появления ценностей на протяжении достаточно долгого времени – от эпохи Людовика IX до событий Великой Французской буржуазной революции, как известно, национализировавшей (по сути, уничтожившей) большинство реликвий сокровищницы и надругавшейся над королевским некрополем [8].

Разумеется, количество и состав *les armoires* менялись. Так, в 1567 г. они были полностью заменены (равно как и в библиотеке аббатства) [2, p. 198], поскольку до этого их имелось только два [2, p. 240]. С 1568 г. *les armoires* дифференцировали, в зависимости от содержимого, на две группы: в первой хранились королевские регалии для инаугурационных, похоронных и ряда придворных церемоний; во второй размещались реликварии с мощами святых, прочие разнообразные предметы культа, восковые фигуры усопших королей, а также произведения декоративно-прикладного искусства, которые в большинстве случаев являлись подарками, хотя иногда могли быть и куплены или обменены. В отличие от первых, в случаях королевских похорон, дат рождения, тезоименитства, смерти монархов, членов их семей и аббатов обители или главных христианских празднеств, вкупе с важными для аббатства датами поминовения, например, Святого Дионисия, эти артефакты и реликвии выставлялись в базилике, но с наступлением ночи их возвращали в сокровищницу [2, p. 270–271]. Дабы оградить их от любопытства публики, *les armoires* отгораживались перилами на расстоянии около полутора метров.

Сохранность содержимого была исключительной прерогативой казначея аббатства, выступавшего одновременно и хранителем сокровищницы. Только он открывал дверцы для лицезрения их посетителями в два часа дня, по окончании дневной службы. Тогда же стали составляться регулярные описи сокровищницы, в том числе и печатные, среди которых следует выделить реестры: более ранние – францисканца Ж. Дубле 1625 г. [3], доминиканца Ж. Милле 1646 г. [7] и аноним 1659 г. [1], самый объёмный (536 страниц рукописи, хранящейся в Национальном архиве и опубликованной в 1977 г.) перечень 1634 г. [4, p. 47–330] и две публикации 1776 г. [6], одна из которых и является предметом нашего изучения [5].

К числу особенностей настоящей описи следует отнести её краткость и выборочность, исключившие наиболее знаменитые экспонаты сокровищницы: например, т.н. «кубок Птолемея», «камею Клавдия», «камею Тиберия», «кольцо Арнегунды», вазу «Алиенор» («*Vase de cristal d'Aliénor*»), «вазу Людовика»

(«*Louisrock-crystal*»), скипетр и «руку Правосудия» Карла V и т.д. Трудно сказать, чем вызвано это умолчание, возможно, общеизвестностью артефактов или их особенной ценностью. Кроме того, автор не утруждает себя подробным описанием перечисленных вещей, ограничиваясь краткими экскурсами об истории их появления и уточняя их принадлежность, хотя подлинность реликвий подтверждается как более поздними описаниями, так и экспонатами, рассеянными по музейным фондам, но в большей степени аккумулирующихся в Лувре и Национальной библиотеке. И всё же перед нами – путеводитель, описывающий месторасположение реликвий именно по их размещению в *les armoires*, которых насчитывается восемь. Порядок размещения тоже имеет определённый ранжир. Так, первый шкаф содержит наиболее значимые, с точки зрения их сакральной ценности, реликвии.

Приведём начало их перечня для максимальной репрезентации стиля и смысла излагаемого: «Сначала в первом шкафу, вблизи от входа в сокровищницу. Большой и ценный массивный золотой крест, весь покрытый рубинами, сапфирами и изумрудами, а также весь окружённый множеством прекрасных восточных жемчужин. Богато отделано даже в центре распятия, которое до середины длины деревянное и являет собой истинный крест. Эта реликвия была передана в 1203 г. Филиппу Августу, королю Франции, Балдуином, императором Востока, а затем предан в церковь Св. Дени тем же Филиппом Августом. Прекрасный золотой реликварий, в котором находится деревянное распятие из истинного Креста Господа Нашего, собственноручно вручённое папой Климентом III Филиппу Августу, который передал его во славу мученичества Св. Дионисия. Распоряжением того же Филиппа Августа великий реликварий был отделан золотом, покрыт снаружи бесчисленными драгоценными камнями; остальное (т.е. изнутри – *С.П.*) – позолоченным серебром. Там (т.е. в реликварии – *С.П.*) есть ещё тридцать четыре реликвии: названный истинный крест; Шип с [тернового – *С.П.*] венца Господа Нашего; губка с желчью (Точнее – со смесью уксуса и желчи, предложенной распятому Иисусу Христу римским солдатом для облегчения страданий – *С.П.*); одежды (распятого Христа, т.е. багряница – *С.П.*); маленький фиал, наполненный Кровью и Водой, которая окрасила их (одежды Христа – *С.П.*) с одной стороны (Т.е. от места подреберья, которое пронзила пика римского солдата. – *С.П.*); мирра, которую волхвы поднесли Ему в Вифлееме (т.е. смирна (камедистая древесная смола африканского или аравийского происхождений), в честь Рождества Спасителя, вручённая Ему волхвами – *С.П.*). [Кроме того. – *С.П.*], кости Св. Иоанна Крестителя, Св. Матфея, Св. Фомы, Св. Медарда, Св. Амбросия, священника Клавдия. Одна их слёз, которую пролил Господь Наш на кресте, была вручена Карлу Великому Константином V, императором Константинополя и затем передана церкви Сен-Дени Карлом Лысым, внуком Карла Великого. Она (слеза – *С.П.*) находится в большой скинии из позолоченного серебра, огранённой драгоценными камнями, покрывающими и прочие реликварии. Большой образ Богоматери из позолоченного серебра, держащий в правой руке золотой цветок лилии, в нём (в реликварии – *С.П.*) находятся её (Богоматери – *С.П.*) волосы, молоко и одежды. Этот реликварий передан Жанной д'Эврё, королевой Франции. Ещё один большой образ из позолоченного серебра Св. Иоанна Евангелиста, держащего в руке прозрачную колбу, оправленную в золото, в которой находится зуб этого Св. Апостола; эти реликвии были скреплены оправой и помещены в сокровищницу»[5, p. 5].

Второй шкаф аналогично заполнен реликвариями с мощами и предметами культа, а также: «… волосы и одежды Св. Маргариты… »; кожа, поражённая проказой, исцелённой сестрой Дагобера I Св. Энимией; и прочие драгоценности, принадлежащие Дагоберту – основателю аббатства, нашедшему здесь последнее пристанище: «Золотой орёл, украшенный прекрасным сапфиром и другими драгоценными камнями, который служил

аграфом для королевской мантии Дагоберу. Скипетр того же короля, который изготовлен из золота с эмалью» [5, p. 6–8]. Примечательны и походные кропильницы, принадлежащие самому знаменитому аббату Сен Дени – Сугерию: «Две маленькие вазы, очень драгоценные, названные Склянками Сугерия, которые были даны ему, одна – из горного хрусталя, вторая – из берилла, врезанного в алмаз» [5. p. 8].

Описание третьего шкафа подчинено культу Св. Дионисия Парижского, спорно отождествляемого со св. Дионисием Ареопагитом, но для автора реестра это обстоятельство совершенно очевидно, поскольку он перечисляет весь спектр реликвий и сакральных артефактов основателя обители, и поныне хранящихся в аббатстве: «Большая, помещённая в его золотой образ, голова Св. Дионисия Ареопагита, митра которого, вся из золота, полностью покрыта великолепными драгоценными камнями и восточным жемчугом: поддерживается двумя большими ангелами из позолоченного серебра, третий держит большую золотую ризу, всю украшенную драгоценными камнями, в которой находится плечевая кость того же святого. Эта искусная работа была передана Матьё де Вандомом в реликварий аббатства Сен-Дени. Чаша и склянки того же Св. Дионисия, частью из отделанного серебром хрусталя. Его (св. Дионисия. – С.П.) распятие, в котором находится щепка [Креста Господня. – *С.П.*], оно покрыто цельным золотом и драгоценными камнями. Его (св. Дионисия. – *С.П.*) золотое епископское кольцо, в центре которого имеется прекрасный сапфир. Его (св. Дионисия. – *С.П.*) посох для ходьбы; он из дерева, которое позже покрыли серебром и украсили хрусталём. Его (св. Дионисия. – *С.П.)* греческие чернила. Книга из пергамента, покрытая серебром с драгоценными камнями и фигурками из слоновой кости, содержащая его собственные труды (т.н. «Ареопагитики». – *С.П.*) и комментарии и описания св. Максима, отшельника: эта книга была подарена Мануилом Палеологом вторым, императором Востока» [5, p. 8–10]. Далее следуют реликвии, относящиеся к культу Людовика IX Святого (не считая его мощей, которые занимают весь шестой шкаф. – *С.П.* [5, p. 15]), как подчёркивает сам составитель, из-за того, что здесь же находится «Маленький реликварий в виде руки из позолоченного серебра, в котором находится кость Св. Дионисия Ареопагита, его Св. Людовик привёл из своих странствий» [5, p. 11].

Замыкает эту часть описи перечень, вероятно, позднеантичных ценностей (за исключением двух корон Людовика VI [5, p. 12] и артефакта, поименованного, как «Правая рука с плотью и костью Св. апостола Фомы, украшенная оправленными бриллиантами, большими рубинами и крупным жемчугом» [5, p. 10]). Следующий шкаф привлекает внимание описанием комплекса королевских регалий Карла Великого: «Корона того же Карла Великого, вся из золота, украшенная крупными рубинами, сапфирами и изумрудами. Она отправляется в Реймс, дабы служить для посвящения королей, вместе с другими королевскими украшениями, требующими особого обращения: скипетром, рукой Правосудия, шпорами того же Карла Великого, все [они. – *С.П.*] из золота; его (Карла Великого. – *С.П.*) мечом, рукоять и гарда которого из золота, а верхняя часть ножен украшена жемчугом (имеется в виду легендарный Жуайёз Карла Великого, датируемый от IX в. и до XIX в., включая последующие изменения. Он является единственно подлинной регалией, все прочие – хранящиеся в Лувре более поздние копии. – *С.П.*); аграфом для королевской мантии, который представляет собой один большой цветок лилии из золота, украшенного рубинами и алмазами с россыпью прекрасных восточных жемчужин; книгой, содержащей церемонии и обряды посвящения» [5. p. 13]. Наконец, завершая тему регалий, следует перенестись в седьмой шкаф, где «…обычно хранятся королевские одежды, которые служили каждому монарху на коронации, как в настоящее время

здесь хранятся одежды непобедимого Людовика XIV Великого. Посвящён в Реймсе в 1654 г.» [5, p. 15].

Не менее привлекательны уже упоминаемые описания античных ценностей [5, p. 14–15], за подлинность большинства из которых ручаться трудно, значительная часть на сегодняшний день утеряна, а оставшиеся артефакты датируются иными эпохами, но от этого ценность предпринятого описания не становится меньше, иллюстрируя совершенно определённые параметры исторической памяти своей эпохи.

В качестве некоторого итога, возможно резюмировать, что представленная инвентарная опись, составленная в правление Людовика XIV, т.е. время расцвета французского абсолютизма, в полной мере обнаруживает требования последнего, основанные, в том числе, и на репрезентации исторической памяти, присущей власти.

1. Abbrégé de l'Inventaire du Thresor de S. Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant. Les quelles on montre en chaque Armoire, pour la satisfaction des personnes curieuses. – Paris, 1659.
2. D'Ayzac F. Histoire de l'abbaye de Saint-Denis en France: 2 vol. / F. D'Ayzac. – Paris, 1961. – T.2.
3. Doublet J., fra. Histoire de l'abbaye de St Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les Fondations, Prérogatives et Privilèges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des roys, reynes, enfans de France, & autres signalez personnages qui s'y treunnent iusques à present. Le tout recueille de plusieurs histoires. bulles des papes, chartees des roys, princes, autres documens authentiques. – Paris, 1625.
4. Inventaire de 1634 / Éd. de Montesquiou-Fezensac B. de, Gaborit-Chopin D. // Le trésor de Saint-Denis. – T.1. – Paris, 1973.
5. Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont déclares brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir. – Paris, 1666.
6. Le Trésor de l'abbaye royale de S. Denis en France; qui comprend les Corps Saints et autres Reliques précieuses qui se voyent tant dans l'Eglise, que dans la Salle du Trésor. – Paris, 1776.
7. Millet G., dom. Le Trésor sacré, ou Inventaire des saintes reliques et autres précieux joyaux qui se voient en l'église et au trésor de l'abbaye royale de Saint-Denis en France: ensemble les tombeaux des rois et reines en sépulturés en icelle depuis le roy Dagobert, insques au roy Louys le Iuste. Avec un abrégé des choses plus notables arrivées durant leurs règnes – Paris, 1646.
8. Souchal, Fr. Le Vandalisme de la Révolution / Fr. Souchal. – Paris, 1993.

Мартынюк А.В.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ: НЕОЖИДАННЫЕ НАХОДКИ В НЕОЖИДАННЫХ МЕСТАХ

Средневековые изображения (книжные миниатюры, гравюры, фрески и т.д.) стали рассматриваться в качесте визуальных источников сравнительно недавно. О «визуальном повороте» историки заговорили на рубеже XX–XXI веков. Это было связано с новыми тенденциями в развитии исторической науки, а именно с завершением «Великой эпохи социологизирующей истории» (вторая половина XIX – конец XX века), эпохи поиска всеобъемлющих законов и закономерностей исторического процесса.

Для современных исследований в области изучения истории Средних веков характерно повышенное внимание к антропологической проблематике: интерес к вопросам «повседневной истории» (одежда, быт, материальная культура), репрезентации власти (образы правителей, символика власти, геральдика и др.), восприятия «своего и чужого» (иных народов, конфессий и культур) и т.д. Во всех этих случаях неоценимую помощь оказывают визуальные источники, т.к. именно они позволяют *взглянуть на мир* (в прямом смысле слова) глазами средневекового человека. Все это в полной мере относится и к изучению восточноевропейского Средневековья. Актуальной научной задачей продолжает оставаться выявление визуальных памятников, которые несут информацию по истории Восточной Европы.

Иногда такие находки удается сделать там, где их меньше всего можно было бы ожидать. Одной из таких находок посвящен данный доклад.

В австрийском монастыре Клостернойбург (*Klosterneuburg*), расположенном недалеко от Вены, находится замечательный визуальный памятник – т.н. «Генеалогическое древо Бабенбергов». Это масштабное живописное панно (его общий размер более четырех метров в высоту и более восьми метров в ширину) с изображением представителей династии Бабенбергов, которые правили Австрией почти три столетия (976–1246). Панно было создано в конце XV века в связи с канонизацией маркграфа Леопольда III Бабенберга (1095–1136), основателя монастыря Клостернойбург. В основу «Древа» легли исторические и генеалогические разыскания австрийского историка Ладислава Сунтхайма (*Ladislaus Sunthaym*, около 1440–1513 г.), работу по изготовлению панно выполнила артель мастеров под руководством Ханса Парта (*Hans Part*). В настоящее время «Генеалогическое древо Бабенбергов» доступно для изучения как в оригинале, так и в виде факсимильного издания [3].

Для нас представляет интерес изображение герцогини Гертруды, последней представительницы династии и обладательницы наследственных прав на герцогства Австрия и Штирия. В 1252 г. она вышла замуж за князя Романа, сына Даниила Галицкого. Однако попытка Романа и Гертруды овладеть Веной и герцогским престолом закончилась неудачно. В 1253 г. Роман вернулся домой и княжил впоследствии в Новогрудке, стольном городе «Черной Руси». Таким образом, своей персоной он довольно неожиданно связал историю средневековой Австрии с историей Украины и Беларуси. В австрийской исторической традиции Роман остался как «король из Руси» (*Roman künig von Reüssen*), в этом качестве он упомянут и на приписках к «Генеалогическому древу Бабенбергов».

К сожалению, принцессы из династии Бабенбергов изображены без своих мужей, это лишает нас возможности увидеть самого князя Романа. Однако на «Древе» сохранился его «геральдический след». Три брака герцогини Гертруды отразились на двух гербовых щитах, которыми снабдили ее портрет создатели «Древа». На первом из них представлены гербы герцогств Австрия и Штирия (красно-бело-красный щит и белая пантера на зеленом поле) и герб ее первого мужа Владислава Моравского (красно-белый орел на синем поле). На втором щите повторно представлен герб Австрии, герб ее второго мужа – Германа Баденского (красная диагональная полоса на желтом поле) и герб третьего мужа – Романа (золотой лев на голубом поле, появляющийся из пламени). Такой же герб воспроизведен и на геральдическом щите Марии, дочери Романа и Гертруды. Данное изображение еще не становилось предметом специального рассмотрения историков и специалистов по геральдике. Весьма неожиданным оказывается тот факт, что оно не является плодом фантазии художника, а имеет связь с реальной гербовой традицией Галицко-Волынской Руси, геральдическим символом которой был золотой лев на голубом поле [1, с. 256–259]. По-видимому, информация о гербе восходит к геральдической традиции Королевства Польского, в состав которого земли Галицко-Волынской Руси вошли в конце XIV века. Так, в «Анналах» Яна Длугоша львовская хоругвь в Грюнвальдской битве «имела на знамени желтого льва, восходящего как бы на скалу, на лазурном поле» [2, с. 88]. Репликой этого герба, несомненно, является рассматриваемое изображение на «Древе Бабенбергов».

Таким образом, перед нами редкий для данной эпохи случай рецепции информации о Руси в исторической традиции средневековой Австрии. Изображение геральдического символа Галицко-Волынской Руси на «Генеалогическом древе Бабенбергов» является свидетельством начала проникновения знаний о Восточной Европы на рубеже Средневековья и Нового времени, накануне дипломатической миссии Сигизмунда фон Герберштейна.

1. Гречило, А. Територіальні символи Галицько-Волиньскої держави другої половини XIII – початку XIV століть / А. Гречило // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. 240. – Львів, 2000. – С. 255–263.
2. Длугош, Я. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – СПб., 2007. – 216 с.
3. Röhrig, F. Der Babenberger-Stammbaum im Stift Klosterneuburg / F. Röhrig. – Wien, 1975. – 148 S.

Плавінскі М.А.

МІНІЯЦЮРЫ РАДЗІВІЛАЎСКАГА ЛЕТАПІСУ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЎСХОДНЕЕЎРАПЕЙСКАГА ЎЗБРАЕННЯ

Гісторыя вывучэння мініяцюр Радзівілаўскага летапісу (далей – РЛ) налічвае шматлікія даследаванні, частка з якіх непасрэдна датычыцца ўзбраення. Аднак, зыходзячы з сучаснага ўзроўню нашых ведаў па гісторыі сярэднявечнай зброі і разнастайнасці меркаванняў, якія выказваюцца ў літаратуры аб часе і месцы стварэння мініяцюр, новы зварот да гэтага пытання падаецца цалкам мэтазгодным.

Сёння цяжка ці нават практычна немагчыма ўявіць сабе якую-небудзь добра ілюстраваную кнігу па старажытнарускай гісторыі ці археалогіі, у якой не знойдзецца хаця б адной мініяцюры з РЛ. Гэтыя мініяцюры трывала занялі сваё месца ў якасці асноўнай іканаграфічнай крыніцы па гісторыі старажытнарускай матэрыяльнай культуры, вопраткі, узбраення і іншых аспектаў паўсядзённага побыту.

Большасць даследчыкаў сыходзіцца ў тым, што РЛ быў створаны ў самым канцы XV ст., верагодней за ўсё ў Смаленску. Як іншыя магчымыя цэнтры стварэння называюцца таксама Ноўгарад, Паўночна-Усходняя Русь, Навагрудак і інш. Разам з тым, самі мініяцюры застаюцца даследаванымі дастаткова слаба. Існуе некалькі асноўных поглядаў на пытанне аб тым, наколькі мініяцюры РЛ могуць быць выкарыстаны ў якасці крыніц па гісторыі матэрыяльнай культуры старажытнарускага часу.

Дарэвалюцыйныя даследчыкі пераважна дастаткова асцярожна ставіліся да магчымасці выкарыстання дадзенага помніка для рэканструкцыі старажытнарускага побыту. Так Н.П. Кандакоў, У.І. Сізоў, Д.В. Айналаў, А.А. Шахматаў адзначалі наяўнасць шматлікіх заходнееўрапейскіх запазычанняў на мініяцюрах [1; 6, с. 124–126; 9, с. 46–48; 10]. Узважанасцю і аргументаванасцю адрозніваўся падыход да ілюстрацый РЛ, прапанаваны М.І. Артамонавым. Ён прыйшоў да высновы, што мініяцюры адлюстроўваюць працэс узаемапранікнення візантыйска-старажытнарускіх і заходнееўрапейскіх мастацкіх традыцый [2].

Найбольш вядомай працай, прысвечанай аналізу мініяцюр РЛ, стала манаграфія А.У. Арцыхоўскага «Древнерусские миниатюры как исторический источник», выдадзеная ў 1944 г. Агульную выснову даследчыка можна звесці да таго, што мініяцюры з’яўляюцца паўнавартаснай крыніцай па матэрыяльнай культуры старажытнарускага часу, у тым ліку, і па гісторыі ўзбраення [3, с. 18–22].

В.І. Падабедава, якая ажыццявіла падрабязны аналіз мініяцюр РЛ, таксама меркавала, што яны захавалі найстаражытнейшыя традыцыі. Яна лічыла, што мініяцюры былі створаны двума цвярскімі альбо маскоўскімі майстрамі паміж 1485 і 1495 гг. Праца гэтых майстроў была адрэдагаваная трэцім чалавекам, які дзейнічаў у Маскве ў першай чвэрці XVI ст. Разам з тым, В.І. Падабедава таксама прызнавала наяўнасць шматлікіх германізмаў (у тым ліку ва ўзбраенні) на значнай частцы мініяцюр [7, с. 49–101].

Яшчэ большую вагу меркаванне аб тым, што мініяцюры РЛ з’яўляюцца паўнавартаснай крыніцай па гісторыі матэрыяльнай культуры старажытнарускага часу, набыло пасля прац Б.А. Рыбакова. Ён даводзіў ранняе старажытнарускае паходжанне мініяцюр і наяўнасць у іх значнай колькасці дробных аўтэнтычных падрабязнасцяў [8].

У выніку, у шматлікіх наступных публікацыях меркаванне аб тым, што мініяцюры РЛ адэкватна адлюстроўваюць ваенна-тэхнічныя рэаліі X–XIII стст., паўтаралася і працягвае паўтарацца. Аднак аргументацыя думкі аб дакладным узнаўленні старажытнарускай матэрыяльнай культуры ў мініяцюрах РЛ прадстаўляецца недастатковай. Улічваючы час стварэння летапісу – канец XV ст., схематызм выяваў, а таксама наяўнасць на мініяцюрах шматлікіх відавочных ваенна-тэхнічных рэалій, сінхронных часу яго напісання, пытанне аб магчымасці яго выкарыстання як крыніцы па гісторыі ўзбраення больш ранняга часу застаецца адкрытым.

Выявы асноўных відаў узбраення – мячоў, шабляў, коп'яў, лукаў на большасці мініяцюр надзвычай схематычныя. Засцерагальнае ўзбраенне таксама дастаткова аднастайнае, за выключэннем шэрагу відавочных познасярэднявечных рэалій. Мячы на мініяцюрах паказаны стандартна. Яны маюць прамыя крыжавіны і дыскападобныя навершы і адрозніваюцца толькі даўжынёй. Мячы могуць выкарыстоўвацца і як рубячая, і як колючая зброя. Усё гэта не дазваляе суаднесці выявы з пэўнымі тыпамі мячоў і колькі-небудзь вузка іх датаваць.

Практычна адзіная індывідуальная выява мяча маецца на аркушы 206. Верагодна, на дадзенай мініяцюры паказаны меч з навершам тыпу T альбо V (з варыянтамі) паводле тыпалогіі Р.Э. Окшота, выгнутай крыжавінай і доўгім чэранам рукаяці. Паводле агульных прапорцый меч можа быць аднесены да аднаго з познасярэднявечных тыпаў [12, p. 95–96, 107–109, 43, 63, 76].

Шаблі сустракаюцца на мініяцюрах радзей – на 220 мячоў даводзіцца 144 шаблі (паводле падлікаў А.У. Арцыхоўскага [3, с. 8]). Варта адзначыць шэраг асаблівасцяў у адлюстраванні шабляў, шмат якія з іх маюць рукаяці, аналагічныя мечавым – з прамой крыжавінай і дыскападобным навершам, у той час як рукаяці іншых адлюстраваныя цалкам рэалістычна. Прычым абодва варыянты выяўлення шабельных рукаяцяў могуць прысутнічаць на адной і той жа мініяцюры (напрыклад – аркуш 30 адварот). У цэлым шэрагу выпадкаў вызначыць, што паказана – меч ці шабля, надзвычай цяжка. Відавочна, што мініяцюрыстаў альбо не цікавіла дакладнае адлюстраванне клінковай зброі, альбо яны вырашалі, што менавіта будзе намалявана непасрэдна ў працэсе працы. Не выключана, што на шэрагу мініяцюр паказаны корды альбо цесакі, якія маглі з'явіцца ва ўсходнееўрапейскім комплексе ўзбраення не раней за XIV ст. [4, с. 35–36]. Аднак, улічваючы агульны схематызм выяваў, сцвярджаць гэта нельга.

Сякеры на мініяцюрах РЛ найчасцей выкарыстоўваюцца як прылады працы – падчас будаўнічых прац, штурму ўмацаванняў ці нават для капання зямлі. Сякеры, адлюстраваныя на 21 мініяцюры (усяго 34 экзэмпляры). На ўсіх мініяцюрах, за выключэннем двух, гэта вельмі схематычна намаляваныя прылады з адносна сіметрычным плаўна пашыраючымся лязом рознай шырыні. Прысутнічаюць як вузкалязовыя, так і шырокалязовыя сякеры. Прычым шырыня ляза, відавочна, не мела для ілюстратараў значэння і магла змяняцца падчас працы. У кожным выпадку, гэтыя сякеры не знаходзяць рэальных прататыпаў у матэрыяльнай культуры XI–XIII стст., калі цалкам пераважалі бародападобныя тыпы [5, с. 29–46].

Ад асноўнай масы сякер адрозніваюцца толькі экзэмпляры на адвароце аркуша 99 і ўверсе аркуша 106. Яны знаходзяць свае прататыпы сярод рэальных познасярэднявечных сякер. Датаванне сякер на аркушы 99 можа быць вызначана ў межах XIV – пачатку XVI ст. Сякера на мініяцюры ўверсе аркуша 106 можа датавацца XIV–XV стст. [11, s. 38–40, 43–49, 53–54], хаця не выключана, што ў дадзеным выпадку можа быць паказана алебарда з недамаляваным дрэўкам. Выява яшчэ адной алебарды маецца на адвароце аркуша 96.

Як зброя, сякера выкарыстоўваецца толькі двойчы (аркуш 22 верх, аркуш 103). Аднак і ў гэтых выпадках сякера выступае хутчэй як зброя экстрэмальных умоў.

Цалкам відавочна, што ілюстратары РЛ не ўспрымалі яе як тыповую масавую зброю і не змяшчалі яе ў батальных сцэнах.

Што тычыцца выяваў даспехаў, дык яны ў масе сваёй стандартныя і не могуць быць колькі-небудзь пэўна інтэрпрэтаваныя. Відавочна, што ў агульнай схеме адлюстравання засцерагальнага ўзбраення меліся нейкія візантыйскія прататыпы [1; 6, с. 115–116; 9, с. 31–34]. Але канкрэтныя асаблівасці такіх выяваў практычна цалкам страчаныя. У тых выпадках, калі мы маем справу з якімі-небудзь дастаткова добра чытальнымі рэаліямі, усе яны належаць да познасярэднявечнага часу. Да ліку такіх рэалій належаць выявы поўнага пласцінавага даспеха, шлемаў тыпу салада і капалін, гармат, і, верагодна, ручной агняпальнай зброі (аркуш 234 адварот, верх).

Разам з тым, цэлы шэраг элементаў засцерагальнага ўзбраення, адлюстраваных на мініяцюрах, уласцівы, у першую чаргу, для ваеннай тэхнікі паўднёва-ўсходняй часткі цыркумбалтыйскага рэгіёна XIV–XV стст. Да іх ліку варта аднесці шчыты-павезы невялікага памеру і шатровыя бацынеты.

Такім чынам, на падставе ажыццёўленага разгляду мініяцюр можна выказаць шэраг заўваг аб магчымасці іх выкарыстання ў якасці крыніц па гісторыі ўсходнееўрапейскага ўзбраення. Заўважу, што гэтыя заўвагі, натуральна, пакуль носяць самы папярэдні характар

1. Колькі б мастакоў не ўдзельнічала ў стварэнні мініяцюр РЛ, усе яны адлюстроўвалі рэаліі аднаго і таго ж часу, а менавіта часу стварэння самога рукапісу – канца XV ст. ці некалькі больш ранняга перыяду.

2. Нават, калі першапачатковая рэдакцыя мініяцюр ці іх часткі належыць да старажытнарускага часу і створана пад моцным візантыйскім уплывам, відавочна, што мастакі канца XV ст. не бачылі сэнсу ў сур'ёзнай рэдакцыі знешняга выгляду даспехаў і ўзбраення, прыўносячы ў іх толькі яўныя навацыі.

3. Усе колькі-небудзь дэталёва прамаляваныя ўзоры ўзбраення на мініяцюрах перадаюць рэаліі XV ст., верагодна, яго другой паловы, характэрныя для зоны актыўных кантактаў паміж заходнееўрапейскай і ўсходнееўрапейскай ваенна-тэхнічнай традыцыямі. Такой зонай было, у першую чаргу, Вялікае Княства Літоўскае, асабліва яго «рускія» землі, і часткова тэрыторыя Наўгародскай і Пскоўскай дзяржаў.

4. Гэта, у сваю чаргу, дазваляе выказаць вельмі перспектыўнае меркаванне аб самім характары ўзбраення дадзенага рэгіёна. Цікава, што мастакі пакінулі некранутым стандартнае ўзбраенне большасці ваяроў – канічныя ці сфераканічныя шлемы, круглыя і міндалепадобныя шчыты, стылізаваныя кальчугі ці пласцінкавыя даспехі. А гэта можа азначаць, што яны не надта супярэчылі ваенна-тэхнічным рэаліям эпохі стварэння рукапісу і сведчаць аб выкарыстанні дастаткова лёгкага комплексу ўзбраення з асобнымі цэнтральна- і заходнееўрапейскімі навацыямі, а таксама татарскімі запазычаннямі.

1. Айналов, Д.В. О некоторых миниатюрах Радзивилловской летописи / Д.В. Айналов // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – Т. XIII. – Кн. 2. – СПб., 1908. – С. 307–323.
2. Артамонов, М.И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи / М.И. Артамонов / Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – Т. X. – Вып. 1. – Л., 1931. – 28 с.
3. Арциховский, А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А.В. Арциховский. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1944. – 214 с.
4. Бохан, Ю.М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях / Ю.М. Бохан. – Мн.: Беларусь, 2012. – 151 с.: іл.
5. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Свод археологических источников / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – Вып. Е1–36. – М.–Л.: Наука, 1966. – 216 с.: ил.

6. Кондаков, Н.П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи / Н.П. Кондаков // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Издание Общества любителей древней письменности. – CXVIII. – Т. II. – Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. – СПб., 1902. – С. 115–127.
7. Подобедова, О.И. Миниатюры русских исторических рукописей XIII–XVI вв. К истории русского лицевого летописания / О.И. Подобедова. – М.: Наука., 1965. – 336 с., ил.
8. Рыбаков, Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки / Б.А. Рыбаков. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1984. – 240 с.: ил.
9. Сизов, В.И. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) / В.И. Сизов // Известия отделения русского языка и словесности. – Т. X. – Кн. 1. – СПб., 1905. – С. 1–50.
10. Шахматов, А.А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кёнигсбергского списка летописи) / А.А. Шахматов // Сборник в честь семидесятилетия профессора Д.Н. Анучина. – М., 1913. – С. 69–75.
11. Głosek, M. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich / M. Głosek. – Warszawa – Łódź: Scienta, 1996. – 144 s.
12. Oakeshott, R.E. The Sword in the Age of Chivalry / R.E. Oakeshott. – London: Lutterworth press, 1964. – 146 p.

Рыбчонак С.А.

ВЫКАРЫСТАННЕ ПАМЯННІКАЎ (СІНОДЗІКАЎ) У ГЕНЕАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ ПА ГІСТОРЫІ ВКЛ: ІНФАРМАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ І ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ЗВЕСТАК

Сінодзік у царкоўным праве мае два значэння: 1) назва асобнай царкоўнай службы, якая ўзнікла ў Візантыі ў памяць перамогі над іконаборцамі (843) і ў час якой славілі прыхільнікаў праваслаўнай царквы і праклiналі яе ворагаў, 2) назва спісаў памерлых, пададзеных у царкву для памінання. На землях былой Кіеўскай Русі сінодзік як асобная царкоўная служба з'явіўся ў канцы XIV ст. і атрымаў назву "чын праваслаўя". У другім значэнні сінодзікі ўзніклі напачатку ў выглядзе адзінкавых памінальных запісаў, часта на ўкладах (дараваннях) царкве. Вядомы, напрыклад, памінальны запіс на Друцкім Евангеллі, якое датуюць 2-й паловай XIV ст. З канца XV ст. такія запісы зводзяць у асобныя кнігі, якія называюць таксама памяннікі ці суботнікі. Вылучаюць сінодзікі манастырскія, царкоўныя, радавыя і г.д.

Памяннікі даўно вядомы гісторыкам ВКЛ. Яшчэ ў XIX ст. былі публікаваны тэксты памяннікоў Супрасльскага (1870) [1] і Кіева-Пячэрскай лаўры (1892) [2], а П. Гільтэбрандтам зроблена апісанне Жыровіцкага і Вялікарыцкага памяннікаў (1871) [3]. Але ў генеалогіі ўказаныя крыніцы сталі выкарыстоўваць актыўна зусім нядаўна [4; 5; 6]. Гэта дазволіла расійскаму даследчыку А. Кузьміну заявіць: "*Этот наиболее авторитетный источник о происхождении князей Друцких, как правило, совершенно напрасно игнорируется исследователями. Предпочтение ими отдается поздним генеалогическим штудиям XIX в. Охотно без тщательной проверки по источникам используются устаревшие труды П.В. Долгорукова, М.Д. Хмырова, П.Н. Петрова и др., некритично опиравшихся в своей работе на информацию поздних польских гербовников или на авторитет мнения польского генеалога Ю. Вольфа, который также грешил использованием без проверки указанных выше справочников*" [5, с. 54].

Указанае сцверджанне тычыцца генеалогіі менавіта кн. Друцкіх, але вельмі сімптаматычнае. Што тычыцца Ю. Вольфа, які, на нашую думку, быў проста выдаўцай прац графа Канстанціна Ажароўскага [7], то пры жыцці графа былі друкаваны толькі Супрасльскі памяннік і апісанні П. Гільтэбрандта. К. Ажароўскі на іх нідзе не спасылаецца, негледзячы на тое, што пра публікацыю крыніц безумоўна ведаў. Пэўна, таму што ён спрабаваў заснаваць вынікі сваіх доследаў на дакументальных крыніцах, якія лічыў больш верагоднымі, хаця браў на ўвагу і радаслоўныя справы (зразумела, менш крытычныя). Да такога меркавання мы прыйшлі, даследуючы радавод Валовічаў, у т.л. і рукапісныя матэрыялы К. Ажароўскага па іх генеалогіі. І ў іх няма спасылак на патрэбныя памяннікі, аб чым далей скажам.

Памянніка Кіеўска-Пячэрскай лаўры К. Ажароўскі, мяркуем, не бачыў. Сінодзік быў друкаваны ў 1892, калі граф ужо цяжка хварэў (памёр у лютым 1893) і нават, калі бачыў публікацыю, то рукапіс "Князі літоўска-рускія" ўжо не перарабляў, бо мусіў бы спаслацца і пераглядзець радавод князёў Друцкіх, якому прысвяціў многа ўвагі. У цэлым працы К. Ажароўскага, выдадзеныя Ю. Вольфам, трэба лічыць добрымі даследваннямі, негледзячы на тое, што ў іх, зразумела, сустракаюцца і памылкі, і недакладнасці.

У памянніку Кіева-Пячэрскай лаўры ёсць важны запіс, які тычыцца радавода кн. Друцкіх. Вось яго тэкст: "*Род князя Димитрия Ивановича Путятича, воеводы киевськаго … князя Данила Дрюцкого, князя Михаила, князя Михаила, князя Димитриа, князя Симеона, князя Иоанна…*" [2, с. 31]. Праблема аднак была ў тым, што першыя пакаленні радавода кн. Друцкіх не пацвярджаліся дакументальнымі крыніцамі, таму наконт іх этнічнага паходжання ў ВКЛ у гістарыяграфіі было выказана як мінімум дзве версіі. Адны даследчыкі (М. Карамзін, Ю. Вольф, В. Насевіч і інш.) лічылі іх адгалінаваннем Полацкіх Рурыкавічаў, іншыя (М. Гумоўскі, Ю. Пузына, С.-М. Кучыньскі, Н. Якавенка) – паходзячымі ад князёў літоўскіх з лініі Альгердавічаў. Нядаўна пытанне зноў стала актуальным, дзякуючы працам В. Вароніна і А. Кузьміна. А. Кузьмін, між іншым, адзначыў (яшчэ у 2007), што: "*При этом сторонниками литовской версии происхождения князей Друцких данные помянника Д.И. Путятича-Друцкого либо полностью игнорировались, либо, очевидно, они просто не знали о его существовании*"[5, с. 57].

Трэба адзначць, што яшчэ ў 2002 В. Варонін паспрабаваў уключыць гэтую крыніцу ў радавод Друцкіх. Выснова ў яго атрымалася вельмі нечаканая. Адна лінія Друцкіх (старэйшая) – сапраўды полацкія Рурыкавічы, і яны ў гісторыі ВКЛ практычна не задзейнічаны, другая (малодшая) лінія паходзіць насамрэч ад Альгердавічаў, яна ўкняжылася ў Друцку, дзякуючы шлюбу, і мела развіццё і уплыў у ВКЛ. Таму В. Варонін адзначыў у памянніку своеасаблівы збой: "*пераемнасць старой княскай дынастыі і нашчадкаў Дзмітрыя Альгердавіча, якія замацаваліся ў Друцку пазней, увасобіла жанчына*" [4, с. 23, 28–29]. Працу А. Кузьміна сёння падрабязна не разглядаем. Гэты даследчык паклаў звесткі з указанага памянніка ў аснову лініі Друцкіх і практычна пераглядзеў іх радавод. Урэшце рэшт лінія, паказаная ў памянніку, супала з радаводам кн. Друцкіх, адноўленым А. Кузьміным [5, с. 64–66].

Як бачым, змест адной крыніцы прывёў розных даследчыкаў да зусім супрацьлеглых вынікаў. Гэта толькі дадатковае сведчанне складнасці ўказанай гістарычнай крыніцы. Мяркуем, справа не ў самой крыніцы, а ў нашым разуменні яе. Не прэтэндуючы на поўнае асвятленне пытання, паспрабуем уважліва паглядзець на памяннікі. Нас цікавяць два аспекты: верагоднасць звестак у крыніцы і асаблівасці іх інтэрпрэтацыі.

Звычайна ў памянніках падаецца пералік асоб пэўнага роду, але ступень радства ці сваяцтва не пазначана. Лічыцца, што павінна быць зафіксавана зыходзячая прамая лінія па мячы (мужчынская) – ад родапачынальніка да патомка, які зрабіў запіс. Аднак генеалагічная расшыфроўка заяўленых у крыніцы звестак часта праблематычна.

Займаючыся радаводам Валовічаў, намі адшукана пра гэты род дзве згадкі ў памянніках. Адна змешчана ў Супрасльскім памянніку, другая – ў Жыровіцкім. Радавод Валовічаў, складзены намі, будзе неўзабаве друкаваны, а што тычыцца памяннікоў, то ўжо сёння скажам. Найперш адзначым розніцу ўпамінанняў. Супрасльскі памяннік быў друкаваны. Паводле публікатара (Андрэй Дзем'яновіч) памяннік быў даведзены да 1630. Па нашаму меркаванню копія перапісана не раней 1643 (год смерці Яраша Валовіча). Гэта яшчэ не значыць, што дата копіі ўстаноўлена дакладна. Жыровіцкі памяннік захаваўся ў копіі XVIII ст., датаваны 1763. Ён не быў друкаваны, але яго

падрабязнае апісанне даў П. Гільтэбрандт, прычым месцамі з уласнымі і даволі дакладнымі каментарыямі [3, с. 51–53].

Згадка з Супрасльскага памянніка тычыцца рода Івана Іванавіча Валовіча. Напачатку тэкст крыніцы: "*Родъ пана Григоріа Воловича Городничаго городенского. Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ. Тимофея. Феодора. Инокы Феклы. Григоріа. Марины Руфы. Лукы. Иоана конюшаго Троцького и жену его Пелагію. Павла. Марины. Ермолаа. Андрея. (бискупъ Виленскій). Андрея"* [1, с. 456].

Зусім нядаўна запіс паспрабавала расшыфраваць беларуская даследчыца Н. Сліж. Спроба, на нашу думку, аказалася не зусім удалай. Н. Сліж дакладна напісала: "*…У памянніку Супрасльскага манастыра ўнесены род Грынькі Ходкавіча. Пра яго напісана як Грыгорый Валовіч, гарадзенскі гараднічы. Згадваліся Цімафей, Фядора, манашка Фекла, Грыгорый, Марына, Руфа, Лука, Іаан, Пелагея, Павел, Марына, Ермалай, Андрэй, Астафей (віленскі біскуп, пам. у 1629), Андрэй. Цікава, што ў ім паміналіся нават каталікі, дзеці Івана Іванавіча, троцкага канюшага, - Андрэй і Астафей. З іх дакладна можна ідэнтыфікаваць наступных: манашка Фекла – дачка Г. Ходкавіча Зафея, якая прыняла пострыг, Лука – сын Г. Ходкавіча Лукаш, Андрэй – сын Лукаша, Павел і Марына – сын Павел і яго жонка, Грыгорый – сын Г. Ходкавіча, Іаан, троцкі канюшы, і Пелагея – Іван і яго жонка Філія. Зыходзячы з парадку падачы імёнаў верагодна Цімафей, Марына, Фядора, Руфа былі дзецьмі Грынькі, а Ермалай – унукам, можа быць сынам Паўла ці Андрэя*" [8, с. 137].

Тут маем рэдкі выпадак, у якім сваяцтва ўказана. У канюшага троцкага Івана Валовіча дакладна вядома адна жонка, у крыніцах яна згадваецца як Філея. Пелагія, пэўна, яе царкоўнае імя. Вядома, што Філея памерла ў 1570–1571. Гэтая акалічнасць дазволіла прыблізна датаваць запіс, зразумець, хто мог быць хадайнікам для спаміну, і амаль расшыфраваць змест. Такім чынам, мяркуем. Цімафей – старэйшы брат Фёдара (Ходкі), Фёдар – бацька Грынькі (Грыгорыя) Ходкавіча. Фёкла – жонка Фёдара. Марына-Руфа – 1-я жонка Грынькі Ходкавіча (пакуль была невядома). Адпаведна другая Марына – гэта Мялешкаўна (павінна была быць запісана перад Паўлам), 1-я жонка Івана Іванавіча Валовіча, маршалка гаспадарскага (сын Івана і Філеі), і далей дзеці апошніх. Тут трэба дадаць, што Іван Іванавіч (яго ў запісе чамусьці няма, верагодна, забыліся ці прапусцілі) меў дзвюх жонак, першай была Мялешкаўна, другой – Ганна Капцёўна. Адпаведна лічыцца, што з першай жонкі быў сын Яраш ці Геранім, а астатнія - з Капцёўны. Чарговасці ў запісе дзяцей не назіраецца. Называем іх з дадатковымі звесткамі. Павел, староста гродзенскі (†1630), Ермалай – гэта Яраш ці Геранім, пісар ВКЛ, староста жамойцкі (†1643), біскуп Андрэй – гэта Еўстахі, біскуп віленскі (†1630), Андрэй, харужы земскі ВКЛ (†1614). Паколькі з усіх сыноў Івана Іванавіча пазней усіх памёр Яраш (адзіны сын Івана Іванавіча і Мялешкаўны), то, мяркуем, што запіс быў зроблены Ярашам перад смерцю ці яго ўпаўнаважанымі ўжо пасля.

Другі запіс падобны. Гэта Жыровіцкі памяннік (копія пачатку XVIII ст.), у якім ёсць наступны тэкст: "*Род пана Воловича, старосты Куиявского. Помяни господи Григория, Марину, Луку, Порфирия, Игнатия, Романа*" [3, с. 135]. Вядомы два Грыгорыя Валовічы: Грыгоры Грынькавіч, кашталян навагрудскі, і Грыгоры Багданавіч, ваявода смаленскі. Відавочна, што тут запісаны род Грыгорыя Багданавіча Валовіча, ваяводы смаленскага. Бо, 1) "староста куяўскі" – гэта перакручанае "староста каняўскі", ім быў Грыгоры Багданавіч, 2) запісаны апошнім Раман адназначна ідэнтыфікуецца як Раман, сын Грыгорыя Багданавіча, Валовіч, староста рагачоўскі, ён памёр пасля 1620. Лічыцца, што ў Грыгорыя былі дзве жонкі: 1-я – пакуль невядома, 2-я – Кацярына Юрлаўна. Мяркуем, што за Грыгорыем запісана яго першая жонка і дзеці ад яе, г.зн. Раман дакладна быў сынам ад першай жонкі. Лукаш, Парфіры і Ігнат, верагодна, браты Рамана, якія памерлі раней. Па нашых доследах, раней Рамана

памерлі Грыгоры (зг. 1564), Ян (†1571), Юзаф (†1583) і Мікалай (†1592). З іх першыя тры, мяркуем, і згаданы ў памянніку з царкоўнымі праваслаўнымі імёнамі. Мікалай, хутчэй за ўсё, быў сынам Грыгорыя ад Юрлаўны. Ёсць, канешне, варыянт, што гэтых дзяцей мы навогул не ведаем, але ўсё адно яны павінны быць братамі Рамана. Запіс маглі зрабіць: сам Раман перад смерцю, яго 2-я жонка Галена Сапяжанка, брат Пётр (†1624) і г.д.

Якія ж высновы можна падвесці пра памяннікі (сінодзікі). Звесткі ў іх дастаткова дакладныя, лепш сказаць, верагодныя, але паколькі сваяцтва звычайна не пазначана, таму яго трэба разгадаць і пацвердзіць іншымі незалежнымі крыніцамі. Выкарыстанне звестак з памянніка карысна больш пасля рэканструкцыі радавода на падставе іншых крыніц. Пачынаць лепш з ідэнтыфікацыі асобы, якая магла зрабіць запіс, і ўстанаўлення прыблізнай даты запіса. Гэтай асобай мог быць сам чалавек, які зрабіў уклад перад смерцю, яго жонка, дзеці, родзічы ці іншыя упаўнаважаныя асобы (духоўнік і г.д.). Адпаведна дата запіса не можа быць раней, чым год смерці апошняга (пазнейшага) з зафіксаваных у запісе.

Трэба памятаць, што ў памянніку можа быць прадстаўлена непоўная генеалагічная лінія (часта толькі па прамой лініі). Некаторыя асобы маглі быць не родзічамі ці сваякамі, а, прыкладам, духоўнікамі, слугамі і г.д. Асобныя імёны па радаводу маглі быць перастаўлены (знаходзіцца не на сваім месцы) ці прапушчаны, як бачылі на прыкладзе памянніка Івана Іванавіча Валовіча. Магчыма, сам укладальнік назваў лінію ў такім парадку, гэта ж тычыцца і яе паўнаты. Магчыма, нешта згубілі ці перайначылі пры перапісванні тэкста (складанні копіі). Назіраецца розніца паміж свецкімі і царкоўнымі імёнамі (Філея=Пелагея). Варыяцыі імён сустракаюцца і пры змене веравызнання, напрыклад, з праваслаўнага на каталіцкае, што ў ВКЛ было даволі распаўсюджана.

1. Субботник или поминник С. монастыря // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильна, 1870, т. IX. – С. 454–459.
2. Голубев, С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) / С.Т.Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1892. Кн. 6. – Отд. III.
3. Гильтебрандт, П. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки / П. Гильтебрандт. Вильна, 1871. Вып. 1. – С. 51–54.
4. Варонін, В. Друцкія князі XIV стагоддзя / В. Варонін // Беларускі гістарычны агляд. Т. 9. Сш. 1-2 (16–17). – Менск, 2002. – С. 3–30.
5. Кузьмин, А.В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. / А.В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – Москва, 2007. – № 2 (28). – С. 50–68.
6. Скепьян, А. Родовая и историческая память в роду князей Олельковичей-Слуцких / А. Скепьян // Генеалогія. Зб. наукових праць. Вип.1. – К.: Простір, 2013. – С. 239–254.
7. Рыбчонак, С. Граф Канстанцін Ажароўскі (1823–1893), знаўца генеалогіі ВКЛ, у святле архіўных фактаў / С.Рыбчонак // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / скл.: Д.У. Караў, В.В. Масненка. (Серыя “Гістарыяграфічныя даследаванні”). – Гродна: ЮрСаПрынт, 2013. – С. 78–87.
8. Сліж, Н. Гісторыя роду Валовічаў на Гарадзеншчыне ў XV–XVII стст. / Н. Сліж // Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV–XX стст. / пад. рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Гродна, 2013. – С. 133–186.

Жарын Д.В.

ГАНЗЕЙСКАЯ КАНТОРА Ў КОЎНЕ XV СТАГОДДЗЯ: АПУБЛІКАВАНЫЯ КРЫНІЦЫ “ГАНЗЕЙСКАЙ АКТАВАЙ КНІГІ”

Гісторыя Ганзы, росквіт і дабрабыт яе гарадоў карэнным чынам звязаны з дзейнасцю на ўсходзе Еўропы. У сярэднія вякі ганзейскія купцы накіроўваліся ў землі Вялікага Княства Літоўскага, дзе мелі гандлёвыя стасункі з такімі гарадамі, як Полацк, Віцебск, Смаленск, Гродна, Брэст, Трокі, Коўна і Вільня. Відавочна, нямецкія купцы

наведваліся і ў іншыя гарады Вялікага Княства Літоўскага. Ганзейскія канторы (замежныя пасяленні ганзейскіх купцоў) знаходзіліся не толькі ў вядомых нам Лондане, Бергене, Вялікім Ноўгарадзе, Бругэ, але і ў такіх гарадах Вялікага Княства Літоўскага, як Полацк і Коўна. Не ў апошнюю чаргу праз ганзейскі гандаль Вялікае Княства Літоўскае далучылася да гандлёва-эканамічных і дыпламатычных працэсаў тагачаснай Еўропы.

Ганзейскія купцы для ажыццяўлення гандлю з гарадамі Вялікага Княства Літоўскага карысталіся воднымі і сухапутнымі шляхамі зносін. Раней за ўсё яны пачалі выкарыстоўваць водны шлях па рацэ Заходняя Дзвіна (канец XII – пачатак XIII стст.). Гэты водны шлях быў звязаны ў першую чаргу з Полацкам, Віцебскам і Смаленскам. Іншы водны шлях, так званы "Нёманскі гандлёвы шлях", пачаў інтэнсіўна выкарыстоўвацца нямецкімі купцамі з канца XIV стагоддзя. Галоўным цэнтрам ганзейскіх купцоў на Нёманскім гандлёвым шляху з'яўляўся горад Коўна [1, с. 97]. Праз гэты горад тавары з зямель Вялікага Княства Літоўскага ішлі ў Кёнігсберг, Мэмель (Клайпеду) і Данцыг (Гданьск), а адтуль ужо траплялі на заходнія рынкі. У адваротным кірунку ганзейскія купцы пастаўлялі тавары з Паўночнай і Заходняй Еўропы. Ганзейская кантора ў Коўне была адчынена для ўсіх ганзейскіх купцоў, але лідарства ў ёй належала гораду Данцыгу. Калі разглядаць крыніцы, можна пераканацца, што інстытуцыянальна кантора Ганзы ў Коўне праіснавала з 1441 па 1532 гады. Аднак з гандлёвымі мэтамі ганзейскія купцы, а перадусім купцы з прускіх гарадоў, карысталіся водным шляхам па Нёмане яшчэ з часоў Вітаўта.

Безумоўна, карціна ганзейскай гісторыі на ўсходзе Еўропы з'яўлялася б няпоўнай без даследавання крыніц пра ўзнікненне і развіццё ганзейскай канторы ў Коўне. Асноўныя апублікаваныя крыніцы пра дзейнасць ковенскай канторы Ганзы знаходзяцца ў так званай "Ганзейскай актавай кнізе" [2]. У гэтым шматтомным выданні знаходзяцца дакументы, што тычацца дзейнасці канторы, але яны размешчаныя ў розных тамах выдання. Прадметнай сістэматызацыі крыніц у выданні не назіраецца, але, што вельмі важна, крыніцы там размешчаныя ў адпаведнасці з храналагічным прынцыпам. Непасрэдна перад друкаваным тэкстам крыніцы даецца спасылка на тое, дзе захоўваецца яе арыгінал. У асноўным арыгіналы крыніц па гісторыі ганзейскай канторы ў Коўне захоўваюцца ў архівах Данцыга і Кёнігсберга. Надрукаваныя ў выданні дакументы ілюструюць дзейнасць ковенскай канторы Ганзы з сярэдзіны XV стагоддзя.

Па першапачатковым этапе дзейнасці канторы дакументы можна адшукаць у кнізе нямецкага даследчыка Тэадора Хірша "Гісторыя гандлю і рамяства Данцыга пад уладай Нямецкага Ордэна" [3]. У дадатку VII да старонкі 169 сваёй кнігі Хірш апублікаваў "акты па гісторыі літоўскага гандлю" [3, S. 280–282]. Тут ён прапанаваў чытачам усяго тры крыніцы пад нумарацыяй лацінскімі літарамі a, b, c. Але малая колькасць надрукаваных крыніц кампенсуецца іх значнасцю для даследчыкаў гандлёвых зносін Ганзы і Вялікага Княства Літоўскага. Усе гэтыя крыніцы напісаныя на сярэдненіжненямецкай мове. Першая крыніца тычыцца пачаткаў афармленай дзейнасці немцаў у Коўне і ўяўляе сабой прывілей вялікага князя Казіміра на розныя свабоды, нададзенныя прускім купцам у гэтым горадзе. Прывілей быў выдадзены 22 студзеня 1441 года ў Вільні. Нагода выдання гэтага прывілея заключалася ў тым, што немцы, якія гандлявалі ў Коўне, скардзіліся вялікаму князю на парушэнне іх правоў. Казімір загадаў кіраўніцтву і жыхарам горада Коўна не перашкаджаць купцам з Прусіі ў гандлі, не парушаць старых правоў купцоў, але, наадварот, пільнаваць гэтыя правы па старым звычаі, як тое было ў часы Вітаўта. Дадзены прывілей гісторыкі лічаць афіцыйным пачаткам дзейнасці ганзейскай канторы ў Коўне.

Другая крыніца, прыведзеная Хіршам, тычыцца прызначэння для нямецкай канторы ў Коўне кіраўнікоў. Магістрат горада Данцыга 15 лістапада 1448 года на пасаду эльтэрманаў (старэйшын) канторы зацвердзіў двух нямецкіх купцоў Ганса Мэйнрыка і Нікласа Рунава. Гэты крок з'яўляўся вельмі важным з пункта гледжання інстытуалізацыі канторы, надання дзейнасці ганзейскіх купцоў у Коўне арганізаванай формы.

Трэцяя крыніца тычылася ўжо непасрэдна тавараў, якімі Вялікае Княства Літоўскае гандлявала з Ганзай. Гаворка ў прыватнасці ішла пра паведамленне магістрата Данцыга ў горад Кёнігсберг адносна попелу, які ў апошнім горадзе падвяргаўся бракоўцы, гэта значыць праверкі на якасць і расфасоўцы па дробных партыях. Гэта паведамленне было датавана 4 сакавіка 1450 года.

Крыніцы, прыведзеныя Хіршам у вышэйазначанай кнізе, змяшчаюць для даследчыкаў вельмі карысны матэрыял па гісторыі першапачатковага этапу дзейнасці ганзейскай канторы ў Коўне, да сярэдзіны XV стагоддзя. Але больш поўна і змястоўна крыніцы па дзейнасці ковенскай канторы з другой паловы XV стагоддзя прадстаўленыя ў Ганзейскай актавай кнізе.

Крыніцы па гісторыі ковенскай канторы Ганзы можна ўмоўна падзяліць на некалькі тыпаў: скаргі купцоў з абодвух бакоў, правы і прывілеі, дадзеныя ганзейскім купцам з боку вялікіх князёў літоўскіх, гандлёвая перапіска па актуальных справах паміж магістратамі гарадоў Коўна і Данцыга. Крыніцы па дзейнасці ганзейскай канторы ў Коўне другой паловы XV стагоддзя змяшчаюцца ў асноўным у тамах 8, 9, 10, 11 Ганзейскай актавай кнігі. Так, у 8 томе першы дакумент, які тычыцца зносін Вялікага Княства Літоўскага з нямецкімі купцамі, датуецца 1451 годам [4, S. 75, 76, № 104]. Вялікі князь літоўскі і кароль польскі Казімір адказваў вялікаму магістру на скаргі прускіх купцоў, якія мелі гандаль у Коўне і Вільні, а таксама дамаўляўся наконт узнаўлення перамоў па гандлёвых справах і дзяржаўных межах. Гэты дакумент быў напісаны на лацінскай мове. Астатнія дакументы Ганзейскай актавай кнігі, што непасрэдна тычыліся дзейнасці ганзейскай канторы ў Коўне, былі напісаныя на сярэдненіжненямецкай мове. Напрыклад, скаргі літоўскіх і польскіх купцоў да горада Данцыга на нямецкіх купцоў у Коўне і Вільні, таксама датаваныя 1451 годам, былі напісаныя на гэтай мове. Яны ўтрымлівалі 7 пунктаў абвінавачанняў і патрабаванняў. У гэтым жа годзе быў дадзены падрабязны адказ з боку прускіх купцоў па ўсіх пунктах абвінавачанняў [4, S. 79–81, № 110, 111]. Арыгіналы гэтых дакументаў былі знойдзены ў архіве горада Данцыга, сучаснага польскага горада Гданьска. Далейшыя дакументы 8 тома Ганзейскай актавай кнігі ўтрымліваюць скаргі прускіх купцоў супраць Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага. Датуюцца гэтыя скаргі 1452 годам. Напрыклад, дакументы паведамляюць, што купцы Вялікага Княства Літоўскага выстаўлялі на продаж няякасны воск, які для большай вагі меў дадатак пяску ці камянёў. Таксама скардзіліся нямецкія купцы на несправядлівыя дзеянні мытнікаў у Коўне [4, S. 124–126, № 166].

Цікавымі для гісторыкаў будуць і дакументы з 9 тома Ганзейскай актавай кнігі [5]. У гэтым томе ўтрымліваюцца не толькі скаргі купцоў з абодвух бакоў, але і гандлёвыя прывілеі. Асаблівую ўвагу даследчыкам трэба звярнуць на прывілей, ці так званы ардананс, які каля 1470 года ганзейскім купцам выдаў вялікі князь літоўскі і кароль польскі Казімір. Ардананс Казіміра складаўся з 26 артыкулаў і тычыўся дзейнасці ганзейскай канторы ў Коўне [5, S. 625–628, № 688]. Відавочна, што сам дакумент быў складзены па ініцыятыве магістрата і купцоў горада Данцыга, а Казімір яго ўжо зацвердзіў. Пасля заключэння Другога Торунскага міру 1466 года Данцыг скарыстаўся спрыяльнай знешнепалітычнай сітуацыяй і зрабіў захады для таго, каб узмацніць дзейнасць ганзейскай канторы ў Коўне. Ганзейскія купцы атрымалі пацверджанне з боку Казіміра на права сваёй арганізацыі, права збірання агульнага сходу, права мець старэйшын, а таксама магчымасць збіраць штрафы за парушэнне

статута канторы. Безумоўна, арданнанс не мог абыйсці ўвагай і такія канкрэтныя гандлёвыя справы, як парадак набыцця тавараў (напрыклад, англійскіх тканін), фрахтоўку караблёў, ажыццяўленне пагрузкі-разгрузкі тавараў. Да таго ж усталёўваўся тэрмін знаходжання ганзейскіх купцоў у Коўне не больш за адзін год. Каб падтрымаць парадак і прыстойнасць у канторы, нямецкім купцам забаранялася гуляць на грошы ў азартныя гульні. Увогуле, арданнанс быў даволі падрабязным дакументам, які рэгуляваў дзейнасць ганзейскай канторы ў Коўне.

У 10 томе Ганзейскай актавай кнігі ўжо сустракаюцца скаргі кіраўніцтва канторы на парушэнне ўдзельнікамі яе статута. Так, з крыніц можна даведацца, што ў ліпені 1473 года эльтэрманы канторы скардзіліся на непаслухмянасць і дрэнныя паводзіны ганзейскіх купцоў Паўля Дорэнхайма і Грэгара Мэлемана [6, S. 134, 135, № 231]. Таксама кіраўніцтва канторы скардзілася на тое, што нягледзячы на забарону з боку Ганзы, купцы канторы гандлююць з мясцовымі купцамі ў крэдыт. У 70-я гады XV стагоддзя працягваліся скаргі на ўсялякія перашкоды, якія ганзейскім купцам рабілі жыхары і кіраўніцтва горада Коўна. Напрыклад, у 1476 годзе ганзейская кантора скардзілася ў Данцыг сярод іншага на забарону броварства і вырабу алкагольных напояў: *“І затым мы не можам набыць мёду, каб зварыць з яго бочку медавухі (eyn tonne mede) і паставіць яе ў свой пограб ці адаслаць нашым сябрам”* [6, S. 299, № 473]. У 1480 годзе такая скарга з боку ганзейскай канторы ў Данцыг ізноў паўтарылася: *“Затым, паважаныя нашы паны, яны забаранілі нам варыць піва і мёд для ўласнай патрэбы ў нашых дварах”*[6, S. 501, № 791]. У 1482 годзе скаргі па пытаннях броварства працягваліся [6, S. 591, № 956].

Далей, пад 1483 годам, у 10 томе гісторыкі могуць знайсці скаргу самой канторы да магістрата горада Данцыга на свайго непаслухмянага купца Фрыдрыха Кліпінга (*Fredrick Clippynck*) [6, S. 631, 632, № 1031]. Перапіска па “справе Кліпінга”, дарэчы, працягвалася ў 1484, 1485 і нават у 1488 і 1489 гадах.

Яшчэ адзін цікавы дакумент уяўляе сабой ліст ад кіраўніцтва Коўна, дасланы ў 1484 годзе ў магістрат Данцыга з тлумачэннямі па спрэчных гандлёвых момантах. Магістрат Коўна ў гэтым годзе паведамляў Данцыгу, што пры вымярэнні збожжа ганзейскія купцы павінны заплаціць з кожнай бочцы па 1 пфенінгу, спасылаючыся на даўніну гэтых выплат і дазвол караля і вялікага князя Казіміра.

У 11 томе Ганзейскай актавай кнігі ўтрымліваюцца акты, якія адносяцца да поздняга перыяду дзейнасці ковенскай канторы Ганзы. Унутраныя супярэчнасці ў самой канторы значна зніжалі яе моц. Да гэтага далучыліся яшчэ і знешнія фактары яе аслаблення. Колькасць скаргаў з боку купцоў канторы на жыхароў Коўна ў 80-я гады XV стагоддзя павялічылася. З крыніц 11 тома вядома, што ў 1487 годзе нямцы скардзіліся на ўзмацненне ціску на іх з боку гарадскога кіраўніцтва і купцоў Коўна [7, S. 121, № 136]. У тэксце гэтай скаргі ўзгадваюцца таксама прадукты, якімі вялі гандаль, такія як воск, соль, піва, збожжа. У гэтым жа годзе Коўна дало Данцыгу адказ на скаргу, абвергла ўсе абвінавачанні і нагадала, што Данцыг сам робіць перашкоды купцам з Вялікага Княства Літоўскага, асабліва ў гандлі соллю [7, S. 140, № 174]. У 1488 годзе абмен скаргамі і ўзаемнымі патрабаваннямі працягваўся. Дайшло нават да таго, што ганзейскія купцы павінны былі весці перамовы з прадстаўнікамі Коўна перад каралём і вялікім князем літоўскім у Гародні. На сустрэчы было вырашана правесці новыя перамовы, і, калі Данцыг не паставіцца да справы сур’ёзна і не будзе спрыяць урэгуляванню спрэчак, нямецкія купцы павінны будуць пакінуць Коўна [7, S. 158–159, № 201].

У 1489 годзе Данцыг у рэшце рэшт прымусіў купца Фрыдрыха Кліпінга падпарадкавацца правілам ганзейскай канторы ў Коўне і заплаціць штрафныя грошы. Але ўжо яго сябар, ці нават сваяк, Ганс Кліпінг адмовіўся падпарадкоўвацца статуту канторы [7, S. 232, 233, № 320]. Уцягнутая ва ўнутраныя супярэчнасці стагоддзя

ганзейская кантора ў канцы XV стагоддзя павінна была наводзіць парадак не толькі ў шэрагах сваіх удзельнікаў, але і супрацьстаяць знешняму ціску жыхароў Коўна. Крыніцы Ганзейскай актавай кнігі сведчаць пра аслабленне пазіцый канторы на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. У прыватнасці, у 1492 годзе немцам дазваляўся продаж солі толькі ў Коўне і Вільні [7, S. 369, 370, № 554]. Таксама ў 1492 годзе Коўна забараніла ганзейскім купцам набываць драўніну і попел на месцах іх непасрэднага вырабу. Гэтыя тавары можна было купіць у Коўне толькі праз купцоў Вялікага Княства Літоўскага [7, S. 399, 400 № 618]. Абмежаванне правоў ганзейскай канторы ў Коўне праходзіла паступова і планамерна. Але, нягледзячы на абмежаванні, ганзейскія купцы да 30-х гадоў XVI стагоддзя працягвалі праз кантору гандляваць з купцамі Вялікага Княства Літоўскага.

Крыніцы па гісторыі ганзейскай канторы ў Коўне XV стагоддзя, надрукаваныя ў Ганзейскай актавай кнізе, прапануюць гісторыкам каштоўны матэрыял для вывучэння гісторыі міжнародных гандлёвых працэсаў позняга Сярэдневякоўя. Можна з ўпэўненасцю сцвярджаць, што Ганза і Вялікае Княства Літоўскае выступалі ў гэтых працэсах як раўнапраўныя ўдзельнікі. Ажыццяўленне гандлёвых зносін абапіралася на адпаведную сістэму лагістыкі і інфармацыйнага забеспячэння. Само развіццё гандлю патрабавала вядзення перапіскі паміж гандлюючымі бакамі. Дакументы Ганзейскай актавай кнігі, такія як арданансы, скаргі, запрашэнні на перамовы, лісты ў Данцыг самой ганзейскай канторы ў Коўне, з'яўляюцца карыснымі для гісторыкаў, патрабуюць перакладу на беларускую мову і больш дэталёвага вывучэння.

1. Жарын Д.В. "Нёманскі гандлёвы шлях" і яго значэнне для гандлю Ордэна і Ганзы на ўсходзе Еўропы ў канцы XIV – першай палове XVI стст. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 4. – Минск: РИВШ, 2011. – 344 с.
2. Hansisches Urkundenbuch, bearb. von K. Höhlbaum, K. Kunze, W. Stein, H.G. von Rundstedt u. a., 11 Bde. – Halle, Leipzig, Weimar 1876–1939.
3. Hirsch, T. Danzigs Handels- und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. – Leipzig: S. Hirzel, 1858. – 344 S.
4. Hansisches Urkundenbuch. Bd.8, 1451 – 1463 / Hrsg. vom Verein für hansische Geschichte. Bearb. von W. Stein. – Leipzig: Duncker u. Humblot, 1899. – 857 S.
5. Hansisches Urkundenbuch. Bd.9, 1463–1470 / Hrsg. vom Verein für hansische Geschichte. Bearb. von W. Stein. – Leipzig: Duncker u. Humblot, 1903. – 751 S.
6. Hansisches Urkundenbuch. Bd.10, 1471–1485 / Hrsg. vom Verein für hansische Geschichte. Bearb. von W. Stein. – Leipzig: Duncker u. Humblot, 1907. – 796 S.
7. Hansisches Urkundenbuch. Bd.11, 1486–1500 / Hrsg. vom Verein für hansische Geschichte. Bearb. von W. Stein. – Leipzig: Duncker u. Humblot, 1916. – 899 S.

Дзярновіч А.І.

РЫЖСКІЯ АРХІЎНЫЯ КАЛЕКЦЫІ ЁГАНА ХРЫСТАФА БРОЦЭ: ДАКУМЕНТАЛЬНАЯ І ІКАНАГРАФІЧНАЯ СПАДЧЫНА ПА ГІСТОРЫІ ЛІВОНІІ І БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ

Ёган Хрыстаф Броцэ (Johann Christoph Brotze, 1742–1823) нарадзіўся ў Гёрліцы ў Саксоніі. Ён вывучаў тэалогію і філасофію ва ўніверсітэтах Лейпцыга і Вітэнберга. У 1768 г. Броцэ пераехаў у Рыгу, у якой і пад расійскім уладаннем віталася міграцыя нямецкіх спецыялістаў. Наступныя 46 гадоў жыцця Ёган Хрыстаф правёў на пасадзе выкладчыка, а потым і рэктара (дырэктара) Рыжскага Імператарскага ліцэя.

Броце належаў да плыні позняга гуманізму, так званыя школы эрудытаў. Прадстаўнікі Эрудыцкай школы бачылі галоўную задачу сваёй працы найперш у зборы і публікацыі гістарычных крыніцаў [14, с. 27]. Броцэ таксама меркаваў, што збор і апрацоўка гістарычных крыніц па гісторыі старажытнай Лівоніі, а найперш Ліфляндыі, і ёсць яго галоўнай місіяй поруч з педагагічнай дзейнасцю. Броце мэтанакіравана збіраў

гістарычныя матэрыялы і звяртаў увагу на ўсё тое, што здавалася важным для яго: людзей, будынкі, манеты, гербы, планы гарадоў, тэхнічныя інавацыі і г. д. Фіксуючы ўсё з вялікай дакладнасцю і заўсёды дадаючы пісьмовыя тлумачэнні, якія могуць часам утрымліваюць усяго пару радкоў, а часам і займаць некалькі старонак. Многія з артэфактаў і дакументаў, зафіксаваныя Броцэ, загінулі або зніклі без вестак у ходзе часу, інфармацыя пра іх захавалася толькі ў чарцяжах і апісаннях нямецкага даследчыка, якія былі зведзеныя ў яго найбольш значную працу, вядомаю пад назвай "*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente*" ("Збор разнастайных ліфляндскіх помнікаў"). Броцэ стварaў выявы старажытных дакументаў і артэфактаў, якія мелі дачыненне да мінулага Ліфлянцкага краю – пераважна той часткі даўняй Лівоніі, якая складае паўночную частку сённяшняй Латвіі і паўднёвую Эстоніі.

Гэтая калекцыя змяшчае 10 тамоў у скураных вокладках кожны з якіх складаецца з 2–3 частак (3246 аркушаў фармату 33 х 21 см). Сёння калекцыя захоўваецца ў Латвійскай Акадэмічнай Бібліятэцы [1, Nr. BM01000A – BM10214B.]. Большасць малюнкаў калекцыі ўяўляюць сабой арыгіналы, але ёсць таксама планы і малюнкі, выкананыя іншымі мастакамі і скапіяваныя Броцэ. Шмат арыгінальных малюнкаў Броце выкананыя ў адным колеры пяром. Каляровыя малюнкі выкананыя акварэллю ці пяром і таніраваныя акварэллю. На жаль, некаторыя з колераў у гэтых малюнкаў XVIII–XIX стст. на сённяшні дзень пабляклі, напрыклад, блакітныя і жоўтыя, а ў некаторых выпадках ад фарбаў засталіся асобныя кропкі.

Зразумела, што напрацоўкі Броцэ прыцягваюць найперш даследчыкаў балтыйскіх краін. Ужо ў канцы XX ст. быў распачаты праект па выданні гэтых збораў – з 1992 г. у Латвіі выйшлі 4 тамы матэрыялаў калекцыі [16; 17; 18; 19]. Замалёўкі, якія адлюстроўваюць матэрыялы па Эстоніі, былі выдадзеныя ў Таліне ў 2006 г. [20].

Але Броцэ ажыццяўляў і іншыя даследчыя праекты, звязаныя з фіксацыяй уласна дакументальнай спадчынай старажытнай Лівоніі. Да гэтай дзейнасці маюць адносіны некалькі калекцый копій актавых матэрыялаў, падрыхтаваных нямецка-балтыйскім даследчыкам. З копій дакументаў і адбіткаў пячатак, зробленых Броцэ, быў ўтвораны кодэкс "*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*" ("*Збор дакументаў для асвятлення гісторыі Лівоніі*"), які захоўваецца ў Акадэмічнай бібліятэцы Латвіі [1, Nr. 4979—4980]. Гэтыя вялікія тамы *in folio* былі складзеныя з копій дакументаў, якія захоўваліся, пераважна, ва "Унутраным архіве" горада Рыгі [9; 10], пазней таксама былі далучаны матэрыялы са "Знешняга архіву" горада Рыгі [12] і розных прыватных збораў. Як пісаў сам Броцэ, ён жадаў зрабіць даступным для гісторыкаў дакументы, якія "заставаліся ў цемры" [2, p. [2]]. Такім чынам, асноўнай задачай працы Броцэ была эўрыстычна-прыкладная.

Практычна адначасова, як мяркуе латвійская даследчыца Айя Тайміня [22, S. 120.], са складаннем кодэксу "*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*" Броцэ падрыхтоўваў копіі дакументаў для іншага свайго сістэматызаванага збору крыніц – "*Diplomata Rigensia descripta*". Гэты кодэкс змяшчаў копіі актаў, датычных ужо гісторыі ўласна горада Рыгі, а не ўсёй Лівоніі. І дакументы гэтыя былі ўзятыя менавіта з архіву Рыгі. Кодэкс складаўся з чатырох тамоў, скампанаваных выразна паводле храналагічнага прынцыпу: Vol. I: 1220–1300; Vol. II: 1304–1399; Vol. III: 1403–1479; Vol. IV: 1481–1667. Зараз гэты кодэкс захоўваецца ў Латвійскім Дзяржаўным Гістарычным Архіве [5; 6; 7; 8]. Памеры аркушаў кодэксу досыць вялікія: 28,8 х 45 см. Тэксты дакументаў і малюнкі заключаны ў рамкі, якія маюць у сярэднім памеры: 22,8 х 38,2 см.

Архіўная і крыніцазнаўчая дзейнасць Броцэ прыпала на перыяд абуджэння цікавасці нямецкага дваранства Балтыі да мінулага краю і сацыяльна-прававога статусу нямецкіх каланістаў у ім. Рэчы у тым, што пад расійскім скіпетрам нямецкая

супольнасць Балтыі захоўвала прывілеяванае становішча і правінцыйную аўтаномію (Landesstaat), але знакі будучай сацыяльнай і нацыянальнай напружанасці ў краі пачыналі паступова нарастаць. Апазіцыя палітыкі саступкам немцам мелася і ў Пецярбурзе. Менавіта таму нямецкае дваранства, а таксама бюргерства, імкнуліся знайсці гістарычна-прававое абгрунтаванне свайго *status quo* ў Ліфляндскай, Курлядскай і Эстляндскай губернях Расійскай імперыі. XIX стагоддзе стала перыядам росквіту архівістыкі і археаграфіі ў Балтыі.

Паводле даручэнняў ліфляндскага дваранства Броцэ дзейнічаў і на пачатку XIX ст., калі даследаваў рыжскія архівалі [13, с. 20]. У 1808 г. у адпаведнасці з рашэннем ліфляндскага дваранскага канвента пачалося капіяванне лівонскіх дакументаў з архіва Нямецкага ордэна ў Кёнігсбергу, якое арганізаваў ландрадца Вільгельм Фрыдрых барон фон Унгерн-Штэрнберг (1752–1832). Працы па перапісцы дакументаў працягваліся да 1816 г. і за гэты час было скапіявана 3 713 дакументаў [4, с. 86, 137]. Гэты збор, што змясціўся ў 28 тамоў in folio, і ёсць знакаміты "*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*" ("*Збор гісторыка-дыпламатычных старажытнасцяў Лівоніі*"), які і сёння захоўваецца ў Дзяржаўным Гістарычным Архіве Латвіі [11, Nr. 454–482]. Збор мае яшчэ падназву – "Sammlung von Urkunden zur alten Geschichte Livlands, theils aus dem königl. Preussischen geheimen Archive zu Königsberg, theils auch aus einheimischen Archiven in getreuen Abschriften zusammengeschtellt" ("Збор актаў па даўняй гісторыі Лівоніі, складзены часткова з каралеўскага Прускага Таемнага Архіву ў Кёнігсбергу, часткова таксама з мясцовых архіваў у дакладных копіях"). Параўнанне складу копій старажытных кірылічных дакументаў "*Diplomata Rigensia descripta*" і "*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*" дазваляе сцвярджаць, што ў апошні збор копіі смаленскіх грамат патрапілі менавіта з альбому копій Броцэ. Але на падрыхтоўцы новых копій раней ужо адшуканых матэрыялаў трансляцыя здабытай Броцэ інфармацыі не скончылася. На парадку дня стаяла пытання публікацыі звестак з ужо сабраных зборах. Адлік гэтага ўжо публікатарскага засваення матэрыялу варта весці ад двухтамовага выдання "*Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae*" [21], падрыхтаванага Карлам Эдуардам Наперскім. Гэта быў рэестр лівонскіх архіваліяў, якія знаходзіліся не толькі ў архівах даўняй Лівоніі, але таксама і ў Кёнігсбергу. Сам Наперскі меў несумненныя археаграфічныя заслугі [15, с. 96; 22, S. 124]. У прыватнасці, ім былі выяўленыя і апублікаваныя акты па зносінах Полацка, Ноўгарада і Вялікага Княства Літоўскага з Рыгай і Гоцкім берагам [3]. У "*Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae"*, апроч уласных здабыткаў, Наперскі ўключыў таксама матэрыялы з "*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*". Гэта значна павялічыла магчымасці карыстання сабранай прыбалтыйска-нямецкімі гісторыкамі інфармацыяй і, у тым ліку, зрабіла вынікі працы Ёгана Хрыстафа Броцэ больш вядомымі па-за межамі Рыгі і Ліфляндыі.

Можна канстатаваць, што Ёган Хрыстаф Броцэ стаў першым даследчыкам, які пачаў сістэматычна вывучаць рыжскія архівалі, у тым ліку і кірылічная граматы XIII–XVI стст., якія паходзілі з Беларускага Падзвіння.

1. Акадэмічная бібліятэка Латвійскага Універсітэта, Аддзел рукапісаў і рэдкай кнігі (LU Akadēmiskā bibliotēka, Rokrakstu un reto grāmatu nodaļa). – Johann Christoph Brotze, "Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente". – Nr. BM01000A – BM10214B.
2. Акадэмічная бібліятэка Латвійскага Універсітэта, Аддзел рукапісаў і рэдкай кнігі. – Johann Christoph Brotze, "Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium". – Tomus secundus [Riga, 1806]. – Nr. 4980.
3. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII, и XIV веке. / Найдены в Рижском архиве К.Э. Напиерским и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1857. – 26 с.

4. Дзярновіч, А.І. “…in nostra Livonia”. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз / А.І. Дзярновіч. Інстытут гісторыі НАН Беларусі. – Мн.: Athenaeum, 2003. – Т. І. – 374 с.
5. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі (ДГАЛ). – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42 (Johann Christoph Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. I: 1220–1300).
6. ДГАЛ. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42A (J. C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. II: 1304–1399).
7. ДГАЛ. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42B (J. C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. III: 1403–1479).
8. ДГАЛ. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42C (J. C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. IV: 1481–1667).
9. ДГАЛ, Рыга (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs, Rīga). – F. 8. – 3. apr. (“Унутраны архіў”).
10. ДГАЛ. – F. 8. – 4. apr. (“Унутраны архіў”).
11. ДГАЛ. – F. 214. – 6. apr. – Nr. 454–482.
12. ДГАЛ. – F. 673. – 4. apr. (“Знешні архіў”).
13. Енш, Г.А. Из истории архивного дела в Латвии. / Г.А. Енш. ЦГИА Латв. ССР. – Рига: Авотс, 1981. – 212 с.
14. Зейд, Т.Я. Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии / Т.Я. Зейд // Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. – Рига: Зинатне, 1968. – С. 27–33.
15. Иванов, А.С. “Moscowitica–Ruthenica” в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот. Важнейшие публикации документов комплекса “Moscowitica—Ruthenica” / А.С. Иванов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4. – С. 94–106.
16. Broce, J.K. Zīmējumi un apraksti. / J.K. Broce. – 1. sējums Rīgas skati, ļaudis un ēkas / Se□juma red. T. Zeids. – Rīga: Zinātne, 1992. – 452 p.
17. Broce, Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti. / J.K. Broce. – 2. sējums Rīgas priekšpilsētas un tuvākā apkārtne. – Rīga: Zinātne, 1996. – 585 p.
18. Broce, J.K.. Zīmējumi un apraksti. / J.K. Broce. – 3. sējums Latvijas mazās pilsētas un lauki. Se□juma red. T. Zeids. – Rīga: Zinātne, 2002. – 488 p.
19. Broce, J.K. Zīmējumi un apraksti. / J.K. Broce. – 4. sējums Latvijas mazās pilsētas un lauki. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007. – 483 p.
20. Brotze, J.C. Estonica. / J.C. Brotze; Resp. Ants Hein. – Tallinn: Estopol, 2006. – XXXVI, 619 p.
21. Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: Kurze-Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-Estn- und Kurlands [...] von den Ritterschaften Liv-, Ehst- und Kurland's zusammengebracht worden ist. – Riga; Dorpat: Eduard Frantzen, 1833–1835. – Theil 1–2.
22. Taimiņa, Aija. “... aus ächten und unverfälschten Quellen”: Ernst Hennig, Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg, Johann Christoph Brotze und ihre Arbeit an den Dokumenten aus dem Geheimen Archiv in Königsberg / A. Taimiņa // Forschungen zur baltischen Geschichte. – 2009. – Bd. 1. – S. 115–144.

Филькин К.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ БЕНГАЛЬСКОГО ВАЙШНАВИЗМА XVI–XVII вв.

В изучении истории Индии существуют значительные отличия от сложившейся практики в отношении европейской истории. Анализируя методологию и подходы к изучению индийского средневековья, Е.Ю. Ванина указывает на проблематичность применения подхода, сложившегося при исследовании европейского средневековья и состоящего в изучении истории и социума по источникам, зафиксировавшим экономико-политическую ситуацию [1; 2], поскольку индологии известно лишь незначительное число подобных источников. При этом большинство средневековых источников, с которыми работают сейчас индологи, не столько содержат описание реальных исторических фактов и социальных взаимоотношений, сколько посвящены дискурсу о принятых в обществе ценностях. Поэтому Е.Ю. Ванина делает акцент на том, что данные источники, даже не являясь исторически строгими в нашем современном понимании, могут фиксировать значительные изменения в ценностных ориентирах, социально-этических нормах, мировосприятии и духовных исканиях людей, что, несомненно, всегда указывает на какие-то важные сдвиги в базисных сферах социальной жизни.

Одним из основных направлений индуизма является вайшнавизм, выделяющийся среди индуистских течений самой большой численностью последователей и характеризующийся монотеистическим поклонением Вишну или его различным проявлениям. Форма вайшнавизма, распространенная в исторической Бенгалии, получила наименование «бенгальский вайшнавизм» или «*гауда-вайшнававада*» [2; 3, с. 289–291]. Основоположником данной школы является Чайтанья (1486–1533). Как отмечают исследователи, как раз XVI в. стал временем значительной религиозной реформы, сопровождающейся прогрессом в философии и культуре [4, с. 61]. Бенгальский вайшнавизм оказал большое влияние на литературу и традиции Индии (в первую очередь Бенгалии, Ориссы, Уттар-Прадеша, Манипура, Ассама). Сам основатель школы не оставил после себя собственноручно записанных трудов (за исключением поэтического текста на санскрите под названием «Шри Шикшаштака»), но своей деятельностью дал огромный импульс движению *бхакти* в культуре Индии и стал причиной появления огромного комплекса литературы по данной тематике. Это влияние столь значимо, что, например, А. Бэшем оценивает концепцию *бхакти* как наиболее выдающийся вклад в культуру средневековой Индии [6, с. 95].

Богатое литературное наследие как одна из наиболее ярких черт движения Чайтаньи имело свои особенности. Языком литературы помимо санскрита («академического языка» индуизма) стали бенгали (как родной язык области зарождения движения) и другие местные языки регионов, где распространялось движение (ория, брадж и т.д.). Использование местных языков, а не только санскрита, было достаточно революционным, сделав процесс самопознания доступными не только для высших социальных групп (*брахманов*), но и для широких слоев населения, в т.ч. низших сословий системы *варнашрамы* и даже находящихся вне нее. Это стало для бенгальского вайшнавизма одним из проявлений его универсализма, стремления показать открытость *бхакти* для всех людей.

Среди вайшнавских текстов можно выделить несколько групп [3, с. 50–54; 7, с. 123–147; 8, с. 556–649]: 1) агиографические работы (*чарита-кавйа*); 2) философские работы; 3) комментаторские работы (*тика-грантха*); 4) дидактические работы (практические наставления по различным аспектам повседневной жизни); 5) грамматики и работы по поэтике; 6) драматические произведения (*натака*); 7) поэмы (*кавйа, чампу*); 8) гимны (*стотра, гита и вируда*).

Агиографические произведения имеют в данной классификации текстов особое значение в качестве исторического источника. Они представляют собой жизнеописания Чайтаньи и его ближайших спутников, а также последующих поколений бенгальского вайшнавизма. Многие из агиографических работ являются грандиозными эпопеями и играют фундаментальную роль в развитии школы. Жизнеописание Чайтаньи и его окружения в основном связано с тремя географическими областями: это непосредственно сама Бенгалия (прежде всего Навадвипа), Орисса (Джаганнатха-пури) и современный штат Уттар-Прадеш (Вриндаван).

Наиболее известны среди многочисленных агиографий: «Чайтанья-чарита» (1513) Мурари Гупты, «Чайтанья-бхагавата» (1548) Вриндавана Даса, «Чайтанья-мангала» (1576) Лочана Даса, «Чайтанья-Чаритамрита» (около 1612) Кришнадаса Кавираджа Госвами. Агиографические трактаты, хотя на первый взгляд и являются вторичными по отношению к философско-теологическим трактатам современников Чайтаньи и последователей данной школы ввиду своего более позднего создания, тем не менее, имеют первостепенное значение. Прежде всего это относится к «Чайтанья-чаритамрите» Кришнадаса Кавираджа Госвами.

В российской исторической науке, в которой критическая агиография христианства (православия в первую очередь) весьма развита, исследования по

агиографии индуизма, и в частности бенгальского вайшнавизма, практически отсутствуют. Таким образом, актуальна задача исследования всего комплекса агиографических источников бенгальского вайшнавизма, в том числе как материала для изучения жизни индийского общества, его ценностных ориентиров, исторических событий, а также межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

При этом комплексное источниковедческое исследование письменных источников сопряжено с рядом проблем. Сохранившиеся письменные и вещественные источники, относимые по времени своего создания в т.ч. к периоду XVI–XVIII вв., продолжают оставаться в среде сообщества гаудия-вайшнавов предметом культа – т.е., как правило, данные источники носят сакральный характер, они скрыты от постороннего доступа, иногда публично открываются только на период каких-либо праздников, зачастую запрещена их съемка. Вследствие этого затруднен их полноценный источниковедческий анализ. Более того, многие письменные источники находятся в многочисленных небольших разбросанных по значительной территории храмах, где в условиях специфического индийского климата зачастую просто невозможно обеспечить надлежащее хранение. В результате этого, как можно предположить, огромное количество манускриптов и других вещественных источников находится на грани существования.

Но даже с письменными источниками, находящимися в тех или иных институтах, занимающихся сохранением наследия Индии (прежде всего это многочисленные библиотеки и университеты), ситуация обстоит не намного лучше, поскольку рукописи в огромном количестве оказываются «погребены» в архивах без изучения.

Поэтому в современных индологических исследованиях различного профиля (исторического, филологического, философского) в качестве источника используются не оригинальные источники (в том числе оригинальные собственноручные записи тех или иных исторических фигур движения вайшнавизма), а имеющиеся публикации данных источников, выполненные в XIX–XXI вв.

Сохранением манускриптов– их сбором, консервацией, хранением и оцифровкой – в Индии занимаются различные проекты и институты. Самым глобальным является запущенный Министерством по туризму и культуре Правительства Индии в 2003 г. проект «National Mission for Manuscripts» (http://www.namami.org). По оценке Д. Харрисона (директора «Bhaktivedanta Research Centre», о котором будет сказано ниже), собранная проектом коллекция составляет более двух миллионов единиц. Проект взаимодействует с огромным числом партнерских институтов по всей стране. Среди них необходимо отдельно отметить «Vrindavan Research Institute» (http://www.vrindavanresearchinstitute.org), основанный во Вриндаване (штат Уттар-Прадеш) в 1968 г. и занимающийся сохранением и исследованием наследия индийской культуры и в особенности наследия Вриндавана, где вайшнавизм играет ключевую роль. Примечателен еще один проект – «Bhaktivedanta Research Centre» (http://brcindia.com), находящийся в Калькутте (штат Западная Бенгалия). Официально открытый всего лишь в 2009 г., центр поставил своей целью сохранение наследия именно школы бенгальского вайшнавизма, для достижения которой сотрудники объезжают храмы Западной Бенгалии, проводя оцифровку хранящихся там манускриптов.

В современной историографии вайшнавизма отдельно можно отметить исследовательскую работу Э. Димока, Т.К. Стюарта и Р. Менринг, посвященную исследованию бенгальских агиографических источников. Э. Димок (1929–2001) огромную часть жизни он посвятил изучению Бенгалии, ее языку и литературе, в том числе изучению бенгальского вайшнавизма [9; 10]. Около 50 лет он занимался

переводом на английский «Чайтанья-чаритамриты» Кришнадаса Кавираджа Госвами, опубликовав его буквально за пару лет до окончания жизни [11]. Редактором данной публикации стал Т.К. Стюарт, другой заметный индолог, тоже занимающийся историей религий Бенгалии. Диссертационное исследование на тему «The Biographical Images of Krsna-Caitanya: A Study in the Perception of Divinity» [12] и многие статьи и книги посвящены истории, философии и литературе бенгальского вайшнавизма, в особенности его агиографии [13]. Изучением биографий Адвайта Ачарьи в настоящее время занимается Ребекка Менринг, профессор отделения религиоведения Indiana University Bloomington, которая опубликовала по ним несколько книг [14; 15].

Исследования Э. Димока, Т. Стюарта и Р. Менринг в области агиографии бенгальского вайшнавизма являются наиболее значительными современными академическими исследователями вайшнавской агиографии. В своих исследованиях данные ученые также придерживаются точки зрения, что агиографические источники данной школы, несмотря на их религиозную природу, несут определенную долю и исторической информации – прежде всего о жизни самого вайшнавского сообщества. Это делает имеющиеся сакральные биографические тексты с их изначально неисторическими элементами эффективным инструментом для исторической реконструкции.

1. Ванина, Е.Ю. Индийское средневековье – проблемы формирования представлений о человеке и обществе, времени и пространстве: автореф. дисс. … доктора исторических наук / Е.Ю. Ванина. – М., 2006. – 52 с.
2. Ванина, Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант / Е.Ю. Ванина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2007. – 375 с.
3. Ватман, С.В. Бенгальский вайшнавизм / С.В. Ватман; под ред. С.В. Пахомова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 403 с.
4. Индийская философия: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. – М.: Вост. лит.; Академический Проект; Гаудеамус, 2009. – 950 с.
5. Dutt, R.C. The literature of Bengal; a biographical and critical history from the earliest times, closing with a review of intellectual progress under British rule in India / R.C. Dutt. – Calcutta, 1895.
6. Basham, A.L. Medieval Hindu India / A.L. Basham // A Cultural History of India / Ed. by A.L. Basham. Oxford, 1975.
7. Kennedy, M.T. The Chaitanya Movement: A Study of the Vaishnavism of Bengal / M.T. Kennedy. – Calcutta, 1925.
8. De, S.K. Early History of the Vaishnava Faith and Movement in Bengal. – 2d ed. / S.K. De. – Calcutta: K.L. Mukhopadhyay, 1961.
9. Dimock, E.C. The Place of the Hidden Moon: Erotic Mysticism in the Vaisnava-sahajiya Cult of Bengal / E.C. Dimock // With a new foreword by Wendy Doniger. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 299 p.
10. Dimock, E.C. Doctrine and Practice among the Vaisnavas of Bengal / E.C. Dimock // History of Religions, Vol. 3, No. 1 (Summer, 1963), pp. 106–127.
11. Caitanya caritamrta of Kṛṣṇadasa Kaviraja: a translation and commentary // Kṛṣṇadasa Kaviraja Gosvami; Edward C Dimock; Tony Kevin Stewart. Publisher: Cambridge, Mass.: Dept. of Sanskrit and Indian Studies, Harvard University: Distributed by Harvard University Press, 1999.
12. Stewart, T.K. The Biographical Images of Krsna-Caitanya: A Study in the Perception of Divinity. / T.K. Stewart. – Chicago: University of Chicago, 1985. – 536 p.
13. Stewart, T.K. The Final Word: The Caitanya Caritamrta and the Grammar of Religious Tradition / T.K. Stewart. – New York: Oxford University Press, 2010.
14. Manring, R. Reconstructing Tradition: Advaita Acarya and Gaudiya Vaisnavism at the Cusp of the Twentieth Century / R. Manring. – New York: Columbia University Press, 2005.
15. Manring, R. The Fading Light of Advaita Acarya: Three Hagiographies / R. Manring. – New York: Oxford University Press, 2011.

Великая Н.Н.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РАННЕЙ ИСТОРИИ ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Одной из ранних групп казачества на юге России является гребенское. Более 300 лет гребенцы проживают на левобережье р. Терек. Письменные источники умалчивают об их происхождении. Первые упоминания о гребенцах датируются началом XVII века (о казаках на Тереке – второй половиной XVI века) и повествуют о военно-политических событиях в регионе и активном участии в них казаков. По мнению Е.Н. Кушевой, сведения письменных источников о т.н. вольном периоде крайне скудны и противоречивы, а надежд на новые источники нет [4, с. 28]. Археологические раскопки гребенских городков до сих пор не производились.

В этих условиях важнейшее значение приобретают фольклорные произведения гребенцов, запечатлевшие ранние этапы их истории. Сбор легенд и преданий казаков начался еще в XIX веке, в том числе в связи с написанием полковых историй. Интерес к ним проявил и великий русский писатель Л.Н. Толстой, проходивший службу на Кавказе и 2,5 года проживший в гребенской станице Старогладковской. Нельзя не согласиться с мнением О.В. Матвеева о том, что скептическое отношение к устной традиции неоправданно, поскольку фольклорные материалы создавались гораздо раньше письменных и поэтому являются самыми ранними историческими источниками, в которых, зачастую, не больше вымысла, чем в письменных документах. И, кроме того, в них отразились особенности самосознания казаков, их восприятие окружающего мира [5, с. 114].

Проблемой, давно волнующей исследователей, является определение отправной точки, откуда русские люди появились в Притеречье. В преданиях эта предистория рисуется весьма туманно. В одной из легенд рассказывается о неком обозе, который шёл в Архангельск, но сбился с пути и вниз по Волге пришёл на Терек. В другой упоминается средняя полоса России – Калуга, Рязань. Казаки-де ушли сначала в Астрахань, а уже оттуда на Гребень (в горы). Ещё одна легенда рассказывает, что предки гребенских казаков были некогда казаками Ермака. Когда он пошёл в Сибирь, от него отделился некто Андрей (Шадра) с казаками и поселился за Тереком [8, с. 166, 169]. Упоминаемые в преданиях средне-северорусские ориентиры вполне согласуются с аналогичными элементами материальной и духовной культуры гребенцов. Путь по Волге – Каспию – Тереку – его притокам, уходящим в горы, также представляется весьма реальным.

О времени поселения казаков в горах предания сообщают как об очень давнем. Приведём в этой связи запись, сделанную в середине XIX века Л.Н. Толстым. В ней говорится о прибытии на Терек Ивана Грозного с войском, который «по самое море землю забрал и столбы поставил... Только пришло ему время домой идти, вот он и говорит: «Земля эта мне полюбилась. Кого мне тут на границе оставить». Ему и сказывают, что, мол, есть тут за рекой казаки, на Гребне живут, им землю отдай, они стеречь тебе её будут. «Поди, говорит, приведи мне этих стариков-казаков, я с ними говорить буду». Приехали старики, человек сто приехало верхами...». На призыв царя служить ему старики ответили так: «Мы вольные казаки, отцы наши вольные были, и мы никакому царю не служили, да и детям нашим закажем. А коли ты, мол, нам земли отдать хочешь, мы перейдём, только ты нашу казацкую волю не тронь. А мы из-за Терека татар не пустим» [12, с.31].

Упоминание Ивана Грозного в этом и многих других фольклорных произведениях гребенцов неслучайно, поскольку именно с ним связан выход границ российского государства на Терек, строительство здесь первых городков и острогов.

Иван Грозный на Тереке не был, но терские воеводы его именем осуществляли политику в регионе. Предание определённо указывает, что казаки проживали на гребнях задолго до появления российской администрации на Тереке. Одно поколение сошло с исторической арены, другое состарилось. Конец XV в. – такова глубина исторической памяти гребенцов. В этой связи можно предположить, что «исход» населения из средне-севернорусской зоны на юг был связан с присоединением к Москве Новгородских (1477 г.), Тверских (1485 г.) и Вятских (1489 г.) земель, что не исключает наличия в регионе восточнославянского населения ещё в домонгольский период, о чём свидетельствуют разрозненные находки древнерусских предметов (кресты, иконы-складни, подвески и др.) с территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

Предания гребенцов (отчасти чеченцев) указывают на следующие места расселения казаков в Затеречье: по рекам Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ, Сунжа, в Воздвиженском и Татартупском ущельях, по Качкалыковскому хребту, в окрестностях деревни Андреевой (Эндери) [1, с. 41], там, где ныне Владикавказ [14] и др. Если суммировать эти сведения, то мы получим чрезвычайно большой регион (предгорные и горные районы нынешних Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана). Однако в период позднего средневековья эта территория не пустовала, а в той или иной степени была заселена горскими народами. Но всё становится на свои места, если учесть указания письменных источников о «кочующих» в гребнях казаках. Впервые на этот термин обратила внимание Л.Б. Заседателева [3, с. 23]. Он, на наш взгляд, является показателем большой мобильности казачьих групп, ориентирующихся в тот период, согласно преданиям, на присваивающие отрасли хозяйства (охоту, рыболовство). В разное время казачьи «общины» могли находиться в той или иной части Северо-Восточного Кавказа. Это позволяет, на наш взгляд, снять саму проблему, связанную с поиском мест первоначального поселения гребенцов, указывая лишь на регион, в котором происходили их постоянные передвижения.

Так как казаки стали жить на гребнях (в горах), отсюда и пошло их название (эндо- и экзоэтноним). Горы часто присутствуют в фольклоре гребенцов. Там, по преданиям, помещались рай и ад, там былинные богатыри бились с ангелами и превращались в камни [8, с. 191]. В песнях горы также упоминаются: «Набелившись Дуня /На гору пошла /С горы-то Дуня /Усё видела» [11]. Песня о девушке, которую выдают замуж за казака-недоростка, заканчивается словами: «Повезу я казаченка во синие горы, /Столкну я казаченка в глубоку пропасть» [13, с. 77]. Очевидно, что все эти сюжеты не могли зародиться в начале XVIII века, когда гребенцы прочно обосновались на равнинном левобережье Терека.

Легенды рассказывают об отношениях гребенцов с соседними затеречными народами. В частности, в предании упоминается некий хан, с которым гребенцы «по соседству жили хорошо» [8, с. 169]. Скорее всего, речь идёт об аксаевском, костековском или брангунском ханах, с которыми гребенцы и в дальнейшем поддерживали тесные военно-политические отношения [9, с. 88, 118]. Согласно другому преданию, горские народы увидели в пришельцах «людей отважных и предприимчивых, стали жить с ними дружески, и связь свою подкрепляли связью родства, выдавали их девок в замужество за казаков» [6, л. 7]. В то же время казаки пускались на добычу в горы и «возвращались не с пустыми руками, а с лошадьми, скотом, оружием, а подчас и пленницами» [7, л. 38]. Это предание стало известно в 1847 году от 90-летнего казака станицы Червлённой. А по легенде, записанной Г. Ткачёвым в начале XX века, Кара-Иван (Чёрный Иван) брал даже подать с окружающих народов, имел на Тереке заставу (переправу) и контролировал всех проезжающих [10].

О демографической ситуации в т.н. вольный период предания сообщают

следующее: «Когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жён. Они здесь жён воровали». Поэтому у жителей станицы Червлённой, например, «чисто русских нет» [8, с. 167]. Эти взгляды вполне согласуются с общими закономерностями миграционных процессов, активной стороной которых выступали именно мужчины. Семейные предания сохранили сведения о предках гребенцов: кабардинцах, ногайцах, кумыках, чеченцах, тавлинцах (народах Дагестана). Это нашло отражение в синкретической культуре казаков, где тесно переплелись средне-севернорусские и северокавказские черты.

Однако со временем (возможно, с усилением исламизации горских народов) «чеченцы и кумыки стали нападать на городки, отгонять скот, лошадей и полонить людей» [7, л. 38], что заставило казаков переселяться с юга на север, с правого берега Терека на левый. Предания называют до четырёх переселений гребенцов [8, с. 167] прежде, чем они оказались в местах нынешнего проживания. Накануне перехода на Терское левобережье казаки проживали по р. Сунже (в фольклоре гребенцов она именуется Сунжей-матушкой) [8, с. 51].

Таким образом, предания о времени, местах расселения и других аспектах жизни гребенцов на Северо-Восточном Кавказе в далёком прошлом не выглядят противоречивыми. Они находят подтверждение в письменных, этнографических и других видах источников.

1. Великая, Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. / Н.Н. Великая. – Ростов-на-Дону, 2001. – 278 с.
2. Виноградов, В.Б. «Гребенский казак» А. Шидловского в контексте архивных и фольклорных данных / В.Б. Виноградов // Дикаревские чтения (6). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. – Краснодар, 2000. – С.49–52.
3. Заседателева, Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе (в сер. XVI – нач. XX века) (динамика этнокультурных процессов): дисс. ... д.и.н. в форме научного доклада / Л.Б. Заседателева. – М., 1996. – 70 с.
4. Кушева, Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков / Е.Н. Кушева // Историческая география России XVIII века. Ч.II Источники и их характеристика. – М., 1981. – С. 28–43.
5. Матвеев, О.В. «Дэ диды, прадиды служилы...» «Служилое» начало в этногенетических представлениях кубанских казаков / О.В. Матвеев // Из истории дворянских родов Кубани. – Краснодар, 2000. – С.113–136.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 503.
7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 644. Оп.1. Д. 117.
8. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе. (В записях 1972–1975 гг.). /публикация, вступ. статья и коммент. В.С. Кирюхина. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980. – 244 с.
9. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док-тов. – М.: Наука, 1988. – 356 с.
10. Ткачёв, Г. Искажённая история (по поводу статей Гассиева) / Г. Ткачёв // Терские ведомости. – 1909. – № 109.
11. Ткачёв, Г. Откуда вышло гребенское войско и где было первоначальное место его поселения / Г. Ткачёв // Терские ведомости. – 1910. – № 114.
12. Толстой, Л.Н. на Кавказе в записях современников // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т.III. / Л.Н. Толстой. – Грозный, 1961. – 87 с.
13. Фарфоровский, С. Из фольклора терских казаков (остатки былевого эпоса) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. / С. Фарфоровский. – Владикавказ. – 1914. № 3. – С.72–77.
14. Юдин, П. Первые поселения гребенцов / П. Юдин // Терские ведомости. – 1913. – № 7.

Тимошенкова З.А.

БЕЛОРУСЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В XVII в.

На протяжении XVII в. Северо-Запад России и Беларусь связывали многомерные контакты, получившие отражение, как в русских, так и в белорусских источниках, отложившихся в архивах государственных учреждений и вотчинных. Среди частновладельческих архивов особое место занимает хорошо сохранившийся архив

Иверского монастыря. Иверский монастырь – один из трех, построенных Никоном в начале 50-х годов XVII в. и в годы его патриаршества находившийся на особом положении. Система договорных оброков и льгот, учет традиций привлекали на монастырские земли русских, белорусских и карельских крестьян и посадских людей. Столь же разнообразным в национальном отношении являлся и состав братии монастыря. Формирование братии производилось Никоном монахами из Беларуси, в первую очередь из Кутеинского монастыря, что под Оршей. Никону была известна издательская деятельность монастыря, а также строгий образ жизни в этой обители. По сообщению К.В. Харламповича еще в 1651 г. насельники трех белорусских монастырей: Дисненского Воскресенского, Полоцкого Богоявленского и Лукомского сообщили о намерении перейти в новгородские монастыри как наиболее близкие к ним. События 1654–1655 гг. еще более способствовали этому желанию. Кутеинские старцы стали появляться в России в качестве просителей милостыни в 1639 г. [9, с. 262, 263]. Но первоначально у кутеинских монахов были другие планы. Во время встречи с Алексеем Михайловичем под Смоленском наместник монастыря просил об ограждении грамотами их монастырских деревень и дозволения на время военных действий удалиться в Бизюковский или Болдинский монастырь. От царя и Никона это разрешение они получили. Кутеинский монастырь был многолюден (в 1647 г. число братии в монастыре было 200 человек). Но вскоре новое посольство монахов попросило о постоянном проживании в России в связи с опасением мести поляков за сочувствие военным успехам русских. Они были переведены в Иверский монастырь в начале 1655 г. Сначала перешли не менее 30 человек. Вскоре Никон посылает наместника Филофея пригласить остальных старцев, а также перевезти типографию. Филофей и старец Далмат должны были посетить и другие монастыри с целью приглашения монахов в Иверскую обитель. В результате этого в монастырь переселились около 70 человек. Выходцами из Беларуси, Украины и Литвы монастырское братство пополнялось и в последующие годы. Однако их приход уже не был массовым. Среди монахов был иеромонах Исакий Полоцкий – брат Симеона Полоцкого. В письмах Симеон благодарил архимандрита за то, что «за родственником моим Исаакием по-отцовски нежно и благосклонно присматривать изволишь» [6, с. 16]. После переезда в Иверский монастырь монахи не порывали с родиной. Им разрешалось отлучиться, чтобы повидать родных. Деньги на дорогу они получали из кассы монастыря [2, л. 223]. Несмотря на противоречия, которые периодически возникали между выходцами из Беларуси и русской частью монастырского братства, при выборах архимандрита они выступали едино, настаивая на праве избрания архимандритов «из себя, с собору, по древнему кутеинскому обыкновению». Чтобы отстоять это право в конце XVII в. братии пришлось дважды обращаться к патриарху.

Вотчинная переписная книга Иверского монастыря 1668/69 г. показывает, что около 34 % населения старорусской вотчины – центральной части владений монастыря – белорусы, поселившиеся в ней в период с 1655 по 1668 гг. [7, с. 73]. И это, несмотря на строгое запрещение, содержащееся в 1660 г. в наказе старцу Гермогену, данном ему архимандритом Филофеем, старцем Иосифом с братею и приказным великого государя … Никона «чтоб никаких прихожих людей белорусцев и иноземцев и белорусских жен и детей отнюдь не принимали». Но этот процент значительно повысится, если учесть, многие из них до этого проживали в Псковской земле, а выходцы из Псковской земли составили 23 %. Для большинства их Псковская земля, вероятно, была местом временного пристанища по выходе из-за польско-литовского и немецкого рубежей после успешных походов русских войск в пределы Литвы и Польши. Они выходили «на государево имя» спасаясь от кровопролитных войн и экономического гнета («от беспрестанные работы и великих платежей») в надежде на более спокойную жизнь.

Крестьян, вышедших на русскую сторону велено было селить подальше от границы в государевых дворцовых селах, мещан – в замосковных городах. Однако, часть их оставалась жить в Псковской земле. По псковским кабальным и крестьянским записным книгам с 60-х годов XVII века зарубежные выходцы составляли «добру половину, если не большинство новопорядных крестьян». М. Дьяконов указывает, что в псковских записных книгах 1669/70 и 1670/71 гг. при записи порядных и служилых кабал на польских и литовских выходцев постоянно делалась приказная помета: «а жить ему за ним (за тою вотчиною) до государева указа». Он считал, что помета вызвана была специальным указом, изданным по поводу условий с Польшей об обмене полоняниками или о предполагаемой выдаче выходцев. Сами же порядные грамоты ничем ни отличаются от обычных, то есть заключены с условием «жить во крестьянстве вечно или безвыходно» [4, с. 86, 87].

Белорусы селились в иверской вотчине совместно с коренными жителями и пришлыми карелами. Селения населенные только белорусами отмечены в районе Выдропуска, где они были связаны круговой порукой. Процент бобылей среди белорусов был выше по сравнению с карелами, так как последние поселялись на землях монастыря после получения государева жалования, игнорируя свои обязательства по поселению на дворцовые земли. В Вельевском погосте, «отказанном» в мае 1669 г. за Воскресенский монастырь «польские выходцы» жили в дворах крестьян-карелян в подсоседниках:

Деревень	Крестьянских дворов	В них				
		крестьян-карелян	подсоседников, «польского выходу»	бобылей	Захребетников	крестьян «польского выходу»
4	12	34	6	8	2	2

Источник: Российский государственный архив древних актов. – Фонд 1209. – Кн. 988. – Л. 276.

Белорусы могли получить подмогу от монастыря при заключении порядной грамоты, но такие сведения единичны. Белорусы, поселившиеся на Выдропуске, получали в конце 50 – начале 60-х гг. XVII в. подмогу хлебом и орудиями труда. Это было связано с тем, что в селении, расположенном на дороге в Москву, монастырские власти решили завести свое хозяйство, «дворец». В это время Выдропуск был «место пустое, вотчин нигде не подошло, а которые крестьяне небольшое место живут на Выдропуске и Вышнем Волочке и тем дана в том же селе Выдропуске монастырская десятинная урочная пашня, пахать и сено косить опроче того, что преже сего годовые меденского дворца работники сена косили и пашню пахали». Значительная часть крестьян были новоприходцами и нуждались в ссуде хлебом [3, стлб. 400, 401], «а из села Выдропуска ныне нам … никакого хлеба ничего не пришло, потому что многие проезжие люди все белорусцы поели, и ныне на белорусцов хлеба на корм и семена займует в торжку». В этой ситуации по распоряжению архимандрита монастыря весной 1658 г. хлеб из монастырских житниц, «что останетца за нашими монастырскими семенами и за еменами», также раздавался крестьянам-белорусцам на семена, «чтоб им … хлебом завестися». При нехватке собственного хлеба посельский старец должен был у кого-нибудь занять, чтоб «им белорусцам на семена в займы дать как мочно». Вновь поселившимся давались также сохи из расчета 1 на двоих, затем было прислано дополнительно еще 11 сох. Во время работ на монастырь их кормили монастырским хлебом [3, стлб. 325 – 326].

Белорусы составляли значительную часть населения с. Валдай, куда были переселены мещане из белорусских городов. А.Г. Маньков отмечал, что мещане с. Валдая – первое упоминание о мещанах, населявших русские села и связанных с сельским хозяйством. Первые мещане были переселены сюда вероятно, в 1654 г., по

указу Алексея Михайловича. Весной – летом 1655 г. монастырские власти изымали у них «ружье, пищали, сабли, бердыши». А.Г. Маньков считал, что в ходе переселения мещане оказали вооруженное сопротивление. Однако на самом деле никаких выступлений не было [3, стлб. 169]. В Беларуси, на родине валдайских мещан, все горожане в обязательном порядке должны были иметь у себя какое-либо оружие и в случае нападения неприятеля являться с ним на защиту города (мещанам, не приобретшим оружия, запрещалось проживать в своих домах) [5, с. 170]. Изъятие оружия в Валдае связано не только с отсутствием такого обычая в русском государстве, но и событиями русско-польской войны и с вполне понятным недоверием к мещанам как бывшим подданным Речи Посполитой. В последующем подавляющее большинство иверских сельских мещан либо сами были зарубежными выходцами (из Беларуси), либо происходили от таковых. Так, слуга Иверского монастыря Лучка Федоров в 1700 г. в расспросе сказал, что его отец Фетка Козмин родом из польских людей. Был взят в с. Валдай по указу государя «как мещан привезли в с. Валдай из Польши, и жил в Валдае в мещанской слободе и постригся в Иверском монастыре, и помре» [1]. Но в их среду проникали и представители местного торгово-ремесленного элемента и даже крестьянства [8, с. 194–206].

Таким образом, население северо-запада России пополнялось на протяжении XVII в. выходцами из Беларуси, которые в русских источниках зачастую скрываются под терминами «польские выходцы», «литовские выходцы». Документы из монастырских архивов позволяют проследить их судьбу на протяжении длительного времени, а также отметить некоторое влияние их на характер самоуправления, название общинных сходов (суйм).

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 181. Оп.1. Д. 5207.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 181. Оп.2. Кн. 39.
3. Русская историческая библиотека. – Т. V. – СПб. – 1878. – 655 с.
4. Дьяконов, М.А. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.) / М.А. Дьяконов – СПб: 1898. – 360 с.
5. Мелешко, В.И. Очерки аграрной истории Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII вв.) / В.И. Мелешко – Минск: Наука и техника, 1975. – 246 с.
6. Подтергера, И.А. Письма и послания Симеона Полоцкого: автореферат диссертации … к. ф.н. / И.А. Подтергера. – СПб, 2000. – 34 с.
7. Тимошенкова, З.А. Формирование населения Старорусской вотчины Иверского монастыря во второй половине XVII века / З.А. Тимошенкова // Новгородский край. – Л.: Лениздат, 1984. – 269 с.
8. Тимошенкова, З.А. Село Валдай во второй половине XVII – начале XVIII в. / З.А. Тимошенкова // От Древней Руси до современной России. Сборник научных статей в честь 60-летия Александра Якимовича Дегтярева. – СПб.: Наука, 2006. – 589 с.
9. Харлампович, К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. / К.В. Харлампович. – Т. I. – Казань, 1914. – 980 с.

Таранеўскі В.У.

“ДЫЯРЫУШ” ЯНА АНТОНІЯ ХРАПАВІЦКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

“Той, хто даследуе гісторыю даўняй Рэчы Паспалітай, знаходзіцца ў складаным становішчы, бо мае адносна вузкія, пададзеныя друкам, гістарычныя крыніцы. Многія пазіцыі выдадзены даўно і нестаранна. З памылкамі і скарачэннямі, без адпаведнага крытычнага суправаджэння”, – пісаў ва ўступе да навейшага выдання часткі “Дыярыуша” віцебскага ваяводы Яна Антонія Храпавіцкага польскі медыявіст Тадэвуш Васілеўскі, і меў рацыю. Вартасць і значнасць мемуарнай крыніцы вынікае толькі тады, калі вызначана і асэнсавана асоба яе аўтара, яго заінтарасаванні, палітычная пазіцыя і значнасць удзелу ў грамадскім і культурным жыцці, дакладнасць і, урэшце, спосаб

запісвання па старонках дыярыуша ці іншага мемуарнага тэксту. “Дыярыуш” Я.А. Храпавіцкага цалкам ахоплівае перыяд з 1656 па 1685 гады. Па сённяшні дзень у Польшчы апублікаваны дзве яго часткі: фрагменты за 1656–1664 і 1668–1672 гады.

Сам мемуарыст паходзіў з сярэднезаможнай кальвінскай сям’і, якая асела ў віцебскім ваяводстве, у пастаяннай рэзідэнцыі бацькі, Падбярэззі, якая і сёння ляжыць па Дзвіне недалёка ад Віцебска. Ян нарадзіўся 1 кастрычніка 1612 года, а свой жыццёвы шлях даканаў у 1685. Школьныя гады правёў у Кракаве, найхутчэй у слынным калегіуме Навадворскага, пасля якога паступіў на службу ў двор магната Мікалая Глябовіча, віленскага кашталяна, свайго блізкага сваяка і апекуна. Служба ў Глябовіча была перарвана нечакана, у сувязі са смерцю апошняга.

Занепакоены лёсам сына, яго бацька, Крыштаф Храпавіцкі, пісаў 29 студзеня 1633 года да Крыштафа Радзівіла, князя ў Біржах і Дубніках: “… сын мой, які служыў яго міласці пану віленскаму і яшчэ застаецца на пахаванне, мае запрашэнне ад многіх, але радзячыся з бацькам, бачу я яго годным да паслуг Вашай Княжацкай міласці…” [1, с. 22].

Так, напэўна, не сталася, бо ўжо ў 1635 годзе знаходзім мы Яна ля боку Ежы Караля Глябовіча. І менавіта тут яму надарылася аказія адбыцця загранічных навукаў, бо малады віленскі кашталян і граф на Данброве выбіраўся, тагачасным звычаем, у падарожжа па Заходняй Еўропе. Таварышавалі яму Андрэй Казімір Завіша, Ян Аляксандр Млодзкі, Ян Мікалай Рудаміна-Дысяцкі, Ян Зяновіч. Функцыю педагога і маршалка двара падарожнікаў выконваў Лукаш Ставецкі. Ян Храпавіцкі за мяжою вучыўся ў Амстэрдамскай акадэміі, а потым адведаў Англію, Бельгію і Францыю, у якой коратка здабываў веды ў Сарбоне, у Парыжы.

З Францыі будучы мемуарыст падарожнічаў у Італію, пабываў у Рыме, Балоні, Падуі. Менавіта ў Падуі 27 ліпеня 1636 г. ён запісаўся ў альбом польскай нацыі, а хутка па агульным сходзе быў абраны на адзін год сакратаром гэтай арганізацыі. У гэты ж час ён і перайшоў з кальвінізму на каталіцызм, акт быў праведзены 18 студзеня 1637 года каля труны святога Антонія. Многа гадоў пазней студэнты-езуіты ў Гародні сыгралі ў прысутнасці Храпавіцкага, які быў ужо віцебскім ваяводам, тэатральную пастаноўку пад назваю “Дыялог”, у гонар той даўняй падзеі.

У Падуі, акрамя ўсяго, Храпавіцкі вучыўся ва ўніверсітэце легатаў. Менавіта тут ён атрымаў грунтоўную адукацыю, якая пазней дапамагала яму актыўна ўдзельнічаць у працы сеймаў Рэчы Паспалітай. Кар’ера парламентарыя дазволіла Храпавіцкаму дасягнуць сенатарскага крэсла, даходаў, пасады віцебскага ваяводы, якую ён і займаў аж да 3 лістапада 1685 года, да часу сваёй смерці ў Лукішках, пад Віцебскам.

Цяжка сёння ўявіць пісьменніцкую або, хутчэй, пісарскую тэхніку віцебскага ваяводы, незвычайнага аўтара незвычайнага дыярыуша. Многія даследчыкі, найперш польскія, сцвярджаюць, што вазіў мемуарыст кніжачку дыярыуша пастаянна з сабой, і запісваў нагарача і штодзённа, што, здаецца, можа падцвердзіць захаваны аўтограф, бо фрагменты, напісаныя падчас аднаго пасяджэння, адрозніваюцца ад суседніх інтэнсіўнасцю, а часам нават колерам атраманту. Адзінае выключэнне – сакавік 1672 года. Выбраўшыся на некалькі дзён у Полацк, Храпавіцкі пакінуў свій “дыярыушык” дома, але, вярнуўшыся, тут жа выправіў сітуацыю.

“Дыярыуш” быў для Храпавіцкага не толькі рэтраспекцыяй у мінулае, гэта была настольная, падручная запісная кніжка, silva rerum. Змяшчаў ён у ім свое рахункі, старанна натаваў выплаты слугам, чэлядзі, свае закупы і выдаткі на інвентар, збожжа, на падарожжы. Пісаў пра некаторыя дамашнія працы і сваю гаспадарку. Можна здагадацца, якая была прычына такога стараннага запісвання і такога пастаяннага выкрэслівання неактуальнасцей. Магчыма, іх было дзве: выкрэсліваў Храпавіцкі свае запісы па меры іх дэактуалізацыі, напрыклад, калі чаляднік, які браў залічку, разлічыўся, як зазначаў тое сам аўтар “Дыярыуша”. Але навошта мемуарыст старанна

закрэсліваў запісы пра “забіццё вала” ці “прыгатаванне мёду”. Думаецца, што ён меў намер пазней перапісаць дыярыуш, зрабіць яго новую рэдакцыю, чыставую.

Не думаецца, што патрэбна тут нам апісваць усе віды выпраўленняў, зробленых у тэксце дыярыуша рукою аўтара. Але здзіўляе адзінае: лічаныя памылкі выступаюць у яго запісах, а гэта сведчыць пра тое, што Я.А. Храпавіцкі быў у вялікай ступені пазбаўлены пачуцця дыстанцыі часу, які яго дзяліў у моманце перагляду “Дыярыуша” ад першых гадоў працы над ім.

Захаваны аўтограф “Дыярыуша” сёння дае нам права гаварыць пра некалькі рэдакцый, якія былі зроблены мемуарыстам, бо за асноўнай рэдакцыяй ідзе тэкст, закончаны аўтарам нагарача, а нататкі, заўвагі, адзіна ўказваюць, што былі яны дапісаны да тэксту ex post. Пасля смерці аўтара аўтограф “Дыярыуша” перайшоў, напэўна, ва ўласнасць удавы і яе сына Стэфана Храпавіцкага. Зацікавіўся ім праз 10 гадоў пасля смерці аўтара яго праўнук і апошні нашчадак па мечу Антоні Храпавіцкі (памёр пасля 1793 г.), стараста старадубаўскі і пасол на вялікі сейм, кавалер ордэна святога Станіслава.

Па жаданні старасты капіісты перапісалі цэлы “Дыярыуш”, і ён у працэсе іх працы паўстаў у сямі тамах: Том 1, 1656–1664, 349 старонак; Том 2, 1665–1669, 300 старонак; Том 3, 1670–1673, 263 старонкі; Том 4, 1674–1676, 271 старонка; Том 5, 1677–1679, 270 старонак; Том 6, 1680–1682, 295 старонак; Том 7, 1683–1685, 267 старонак.

Аўтограф дыярыуша захаваўся цэлым і ў добрым стане. Недахоп запісаў са студзеня 1670 года вытлумачаны капіістамі наступным чынам: “ на пачатку гэтага volumna некалькі старонак alias цэлы месяц januari папсаваў час” [1, с. 64], такой жа, прыблізна, манерай капіісты тлумачаць і адсутнасць запісаў за 10–13 верасня 1669 года, а ў 6 томе былі вырваны старонкі ад 3 лютага да 12 мая 1682 года.

Галоўны капііст (а ідэнтыфікаваць яго не ўдалося) даводзіў, што “Дыярыуш” абуджае цікавасць з пункту погляду на яго вартасці каштоўнай гістарычнай крыніцы. Антоні Храпавіцкі, здабываючы “Дыярыуш” з забыцця, кіраваўся тымі ж самымі матывамі, якія схілілі Адама Нарушэвіча да працы над сваімі занакамітымі Tekami, якія ўключалі ў сябе выпісы з архіўных крыніц бібліятэк і некаторых прыватных збораў [2].

У прадмове да перашага тома перапісчык зазначыў, што ў гэтым томе найцікавейшым з’яўляецца тое, як “манарх наш Ян Казімір, адшукваючы шведскую карону у Карла Густава, шведскага караля, – вайну распачаў”. Таксама падкрэсліў, што тут “можна бачыць ганьбу дамоў Радзівілаў, Любамірскіх, Катоўскіх, Невяроўскіх, якія замагаюцца супраць сваіх людзей, наўзаем, Чарнецкіх, Апалінскіх, Гансеўскіх etc., мужоў, адвагай і справамі рыцарскімі ўславёных. Апасля пераліку публічных спраў, якія ёсць у першым томе, пісар дадае, “і акрамя гэтага болей пісьмо нічога не перадае, толькі прыватныя рэчы” [1, с. 65].

У другім томе падаюцца справы Рэчы Паспалітай, гэта чыстая “Otia publica”, як і ў пятым, што пераказвае ход двух сеймаў, якія, на думку перапісчыка, ніякага шчасця не прынеслі Айчыне, а толькі з часам могуць пагражаць ёй небяспекай.

Шосты і сёмы тамы вельмі падобныя, падобныя і характарыстыкі, якія ім далі перапісчыкі: “Няма тут нічога, што магло ўганараваць Айчыну, лёс яе складаны, а звады вядуць народ да загубы” [1, с. 66].

І тым не менш, мы не пагаджаемся з капіістамі, бо сярод пяску заўсёды можна знайсці золата, а “Дыярыуш” Яна Антонія Храпавіцкага без ніякага перабольшання мы называем дыярыушам не прыватнай асобы, а дыярыушам Рэчы Паспалітай пэўнага перыяду, выдатнай гістарычнай крыніцай.

1. Jan Antoni Chrapovicki. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1666. Opracowali Wstępem poprzedził Tadeusz Wasilewski. Warszawa, 1978. – 664 s.
2. Graboski S. Teki Naruszewicza. Wrocław – Kraków – Warszawa, 1960.

Дулов А.Н.

ОСНОВАНИЕ ВИТЕБСКА КНЯГИНЕЙ ОЛЬГОЙ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ ЛЕТОПИСНОЙ ЛЕГЕНДЫ

В последнее время развернулись оживленные дискуссии о роли киевской княгини Ольги в начальной истории Витебска, связанные с идеей установки памятника легендарной основательнице города и упоминанием её имени в утвержденном весной 2013 г. тексте городского гимна. Некоторые исследователи и представители общественности склонны считать легенду вымыслом, историческим мифом, который абсолютно безоснователен. В этой связи возникает необходимость выяснить возможный источник легенды, зафиксированной в *Витебской летописи* (*Dzieje miasta Witebska*) XVIII в.

Витебская летопись представляет собой объединение текстов нескольких авторов: витебских мещан Михаила Панцырного, Яна Чарновского, использовавшего записи своего деда, а также Гавриила Аверко и его сына Стефана. Именно С. Аверко объединил в 1768 г. труды предшественников, переписав их в одну тетрадь и дописав концовку. Оригинал летописи написан на польском языке с вкраплениями белорусского. Источник был введен в научный оборот в 1880-е гг. [8, с. 219].

Легенда об основании Витебска княгиней Ольгой открывает летопись и служит для автора первой ее части витебского мещанина Михаила Панцырного (Michała Pancernego) точкой отсчета истории города: «*Roku 974. Zbiwszy Olha iaćwingow i piczyngow y, przeprawiwszy sie przez rżeke Dzwina zanocowawszy z woyskiem, y upodobawszy gure założyła zamek drewniany, nazwała od rżieki Widiby Wittebskiem, wmurowała cerkicu w Wysznim zamku swienteho Michała, a w Niżnim Zwiastowanie. Dwa roki zmieszkawszy odiechała do Kiowa*» [5, с. 572]. Текст легенды содержит ряд исторических несоответствий, на что указывали многие исследователи, начиная с А.П. Сапунова, опубликовавшего источник в 1883 г. Так, Ольги в 974 г. уже не было в живых (умерла в 969 г.). Не могла княгиня прибыть на место будущего города после победы будь-то над ятвягами или над печенегами, так как в любом случае ей не было нужды двигаться через Витебск. К тому же, Русь еще не стала христианской, а традиции каменного зодчества отсутствовали. Замки в Витебске были возведены гораздо позже.

Наличие в тексте несоответствий и анахронизмов может указывать на позднее происхождение легенды и подтверждать вымышленный характер сведений. Возникают вопросы, когда и в связи с чем мог появиться исторический миф? Ответить на них не представляется возможным. По крайней мере, у нас нет оснований обвинить самого М. Панцырного или С. Аверко, который утверждает, что дословно переписал текст М. Панцырного, в историческом мифотворчестве.

Возможно и другое объяснение многочисленных неточностей летописной легенды. Еще накануне празднования Тысячелетия Витебска (1974 г.) признанные специалисты по истории Древней Руси академик Б.А. Рыбаков и Л.В. Алексеев сформулировали гипотезу, согласно которой Ольга могла посетить место будущего города, а тогда кривичского центра Витебска, в 947 г. во время похода на север, о котором сказано в *Повести временных лет* (но о Витебске упоминания нет). Целью визита княгини было установление здесь погоста (центра обложения данью). Дата 974 г. появилась в результате ошибки переписчика XVIII в., который правильно перевел дату с летоисчисления «от сотворения мира» на летоисчисление «от Рождества Христова», но при записи поменял цифры 4 и 7 местами [7]. Чуть более подробно Л.В. Алексеев объяснил основание Ольгой погоста Витебска в своей монографии [1,

с. 106]. Таким образом, исследователи признали, что легенда из Витебской летописи отражает факт прошлого.

Вопрос об источнике легенды остался в стороне. Л.В. Алексеев высказал предположение, что легенда могла быть почерпнута из Полоцкой летописи XII в., которой еще в XVIII в. пользовался российский историк В.Н. Татищев, вскоре безвозвратно утраченной [2, с. 2]. Данная гипотеза небезынтересна, однако, на наш взгляд, недостаточно обоснованна (видимо, понимая это, сам ученый к ней в дальнейшем не возвращался). Во-первых, нельзя с уверенностью утверждать, что в Полоцкой летописи содержались сведения о ранней истории вошедших в её состав волостей и их центров. Во-вторых, если такие сведения присутствовали, Полоцк был заинтересован обосновать свои права на земли, и вряд ли в летописи акцентировалось внимание на основании Витебска киевской княгиней. В-третьих, если бы М. Панцырный пользовался записью, сделанной в XII в., сведения в его тексте были более точны и информативны. И, наконец, почти никаких известий об истории Полоцкой земли в летописи нет, кроме упоминания об основания князем Владимиром Полоцкой архиепископии («*Ten Włodzimierz fundował arcybiskupstwo Połockie. Bywszy wnukiem xienżny Olhy*») и о постройке Евфросинией Полоцкой церкви Святого Спаса [5, с. 572].

Выдающийся белорусский источниковед Н.Н. Улащик на основании выявленных в летописной легенде ошибок, отметил: «Ясно, что М. Панцырный пользовался каким-то поздним источником, содержащим путаные данные относительно первых этапов существования Витебска» [8, с. 222]. Ученый подразумевает источник, написанный кириллицей. Что же это за источник? Скорее всего, летописания в Витебске до появления Витебской летописи не было [8, с. 218], на что явственно указывает ее текст, в котором сведения об истории Витебска древнерусского периода, за исключением рассматриваемой легенды, отсутствуют.

На наш взгляд, можно допустить, что источником для Панцырного послужила устная традиция. Вероятно, в основу предания был положен факт, оставивший яркий след в народной памяти: посещение киевской княгиней Витебска в 947 г. и основание ею здесь погоста. В пользу историчности события свидетельствует принадлежность Витебска до 1021 г. киевским князьям, а также результаты исследований археологов, которые позволяют утверждать, что Витебск стал складываться как раннефеодальный город на рубеже X–XI вв. в связи «со стремлением княжеской власти укрепить свой контроль над Днепро-Двинским торговым путем» [4, с. 148].

Сведения о посещении княгиней Ольгой Витебска передавались из поколения в поколение в устной форме. При этом, естественно, возникали искажения и позднейшие наслоения, чем и объясняются неточности. Некоторые из них имеют, очевидно, идеологическую окраску. Так, приписывание Ольге постройки церквей можно воспринимать не только как отзвук сведений о крещении княгини в Константинополе, но и как указание на то, что Витебск с момента основания был христианским городом. Сведения о том, что княгиня прожила здесь два года, подчеркивало его значимость. В то же время, упоминание о замках носило вспомогательный характер и служило для четкой локализации храмов, понятной современникам. Устное свидетельство было записано во второй половине XVII – начале XVIII в. М. Панцырным, который, как и летописцы Руси, наряду с письменными источниками, пользовался в работе над летописью устной традицией.

Существуют и более поздние источники, в которых говорится об основании Витебска киевской княгиней, что указывает на распространенность легенды. Показательно, что невельский учитель Петр Котловский в своём *Описании Витебской губернии* (1808 г.) называет дату – 947 г. [3, с. 157]. В путевых записках неизвестного о Витебске говорилось следующее: «*Город сей начало свое имеет от российской княгини*

Ольги, которая проезжая в Киев чрез сие место в 914 году, ночевала на горе, где и велела после построить город, и по речке Витьбе назвала его Витебском» [6, с. 37]. Если в первом случае автор мог пользоваться неким письменным источником, скажем, неизвестным ныне списком *Витебской летописи* с правильной датой, то во втором, очевидно, путешественник слышал устный рассказ от местных жителей (отсюда и вновь-таки ошибочная дата). Показательна близость этих известий летописному тексту. Легенда продолжала бытование в среде мещан, возможно, получив вторую жизнь после письменной фиксации.

Таким образом, летописная легенда об основании Витебска киевской княгиней Ольгой, скорее всего, основана на предании, возникшем еще в древнерусский период и отражающем историческое событие. Неточности и наслоения разновременной информации указывают на длительность бытования предания, прежде чем оно попало на страницы летописи.

1. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
2. Аляксееў, Л. Віцебску – тысяча год / Л. Аляксееў // Віцебскі рабочы. – 1970. – 24 чэрв. – С. 2.
3. Апісанне Віцебскай губерні Пятра Катлоўскага 1808 года / публікацыя Я. Анішчанкі // Віцебскі сшытак. – 1997. – № 3. – С. 148–160.
4. Бубенько, Т.С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.): монография / Т.С. Бубенько. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 276 с.
5. Летапіс Пацырнага і Аверкі // Летапісы і хронікі Беларусі / уклад. В. Варонін. – Мінск, 2010. – С. 572–589.
6. Любезный мне город Витебск…: мемуары и документы: конец XVIII – начало XIX в. / вступ. ст., науч. коммент., сост., публик. В.А. Шишанова. – Минск: Асобны Дах, 2005. – 40 с.
7. Рыбакоў, Б.А. Калі быў заснаваны Віцебск / Б.А. Рыбакоў, Л.В. Аляксееў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. – № 2. – С. 12–13.
8. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 264 с.

Потока И.В.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ МОГИЛЕВСКОЙ (БЕЛОРУССКОЙ) ЕПАРХИИ В 1686–1755 гг.

Могилевская (Белорусская) епархия была основана в 1632 г. К рассматриваемому периоду она осталась практически единственной православной на территории не только ВКЛ, но и всей Речи Посполитой (Перемышльская епархия стала униатской в 1692 г., Львовская – в 1700 г., Луцкая – окончательно в 1715 г., Киевская – в 1685–1686 гг. окончательно вошла в состав России). Поэтому можно считать, что источники и документы, относящиеся к православной церкви, во многом касаются именно территории Могилевской епархии.

Для изучения истории православной церкви в Беларуси этого периода в целом и Могилевской епархии в частности ценным источником является Volumina legum. Volumina legum является собранием законов Речи Посполитой начиная с 1387 г. и заканчивая временем Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.). Изданы Volumina legum в 9 томах. Недавно Volumina legum были оцифрованы, существует свободный доступ к ним в интернете, что облегчает работу с этим источником. Для истории Могилевской епархии 1686–1755 гг. представляют интерес V и VI тома. V том содержит постановления сеймов с 1669 по 1697 гг. [4]. VI том – с 1697 по 1736 гг [5].

В V томе содержится постановление сейма 1696 г. В этом постановлении не содержится новых ограничений прав православных по сравнению с прошедшим временем, однако было подтверждено право избирать королем только католика и всеми силами стоять на страже прав и привилегий римо-католиков (которые называются Orthodoxae) и униатов (Graeci Unitorum Ecclesiae). Термином «диссиденты» начали

называть не только протестантов, но и православных, и основным законом по их правам оставались постановления сейма 1674 г., который, в свою очередь, подтверждал положения сема 1668 г [4, с. 407–408].

На конвокационном сейме в 1697 г. новоизбранный король Август обязался в pacta conventa не изменять никаких предыдущих постановлений, что соответствовало традициям pacta conventa предыдущих королей [5, с. 8]. Относительно униатов и дезунитов ничего нового не постановлено, однако обещано в скором времени (на будущем коронационном сейме) принять решение на их счет, привести к успокоению по давним правам той и другой стороны. Это обещание стало тоже своего рода традицией – так делали и Михаил Вишневецкий, и Ян Собеский [3, с. 267, с. 275]. Также обещается возвращение киевской митрополии отторгнутых земель [5, с. 15]. При раздаче должностных мест новый король обязался не отходить от практики предшественников, а они постановили разноверцев к управлению не допускать [5, с. 15]. После коронации на коронационном сейме король обещает относительно религии ничьих прав не нарушать и из-за религии не преследовать [5, с. 8–9], а также пользоваться теми законами, которые установили до него. Относительно православных (диссидентов) указано, что им гарантируется ненарушимый мир и спокойствие [5, с. 9–10]. Также в постановленных сеймом конституциях две направлены против православной церкви. Первая, которая запрещала жить православным в Каменце-Подольском, Могилевской епархии не касается [5, с. 35], однако вторая касалась напрямую. Она лишала православие поддержки мещанства путем запрета православным горожанам занимать должности в городах [5, с. 35]. Так как к концу XVII в. практически не осталось православной шляхты, а основной социальной силой православия стало мещанство, понятно, что это постановление сильно ударило по церкви. Также восстанавливалось право патроната [5, с. 35]. По этому праву приход отдавался священнику по прихоти владельца. А так как владельцами имений были почти исключительно католики, они отдавали приходы либо католикам, либо униатам, либо тем, кто собирался в него перейти.

Во время Северной войны в Речи Посполитой приобретает все большее влияние Россия. В 1710 г., после изгнания шведских войск, был созван вальный сейм, который постановил признать Августа польским королем. Он также принял условия Вечного мира 1686 г., которые были до сих пор не ратифицированы, по которым провозглашалась неприкосновенность веры обоих обрядов [5, с. 73]. Там содержались в том числе и постановления, по которым православные кафедры не могли занимать униаты.

«Пацификацийный» сейм 1717 г. подтвердил старые постановления конфедераций 1632, 1648, 1668 и 1674 гг., которые запрещали диссидентам строить новые сборы [5, с. 124]. Также запрещалось в войске иметь офицеров-диссидентов в ущерб католикам [5, с. 127–128]. Сейм 1718 г. подтвердил это [5, с. 204]. Православные до 1696 г. не назывались диссидентами, однако католики применяли эти правила и против православных [2, с. 301].

На конвокационном сейме в 1733 г. были подтверждены все права и запрет причинять ущерб католической и униатской церкви, а вместе с тем и отстранение прочих церквей от управления. Диссидентам обещались мир и неприкосновенность, однако запрещается полностью занимать различные должности, в том числе в посольской избе, созывать собрания и трибуналы, занятие коронных, литовских, воеводских, земских и городских урядов (за исключением уже занимающих их), и, наконец, запрет просить помощи у иностранных государств. Таким образом, их лишали всех политических прав [2, с. 304]. Относительно православия говорилось следующее: «Всеми силами хранить привилегии и права униатов и католиков, но не иного другого» [5, с. 286]. Однако при избрании короля поляки поделились на две партии, и под

давлением России и Пруссии разобщенные поляки согласились на некоторые уступки в пользу диссидентов. В частности, вопрос о притеснении диссидентов предполагалось отложить до коронации короля и впоследствии решить в присутствии депутатов от католиков и диссидентов [5, с. 301–309]. Король Август также обещал не чинить притеснений из-за религий [5, с. 312].

Таким образом, из материалов Volumina legum следует, что положение православия в течение 1686–1755 гг. неуклонно ухудшалось, что и отмечалось ранними исследователями [2, с. 10]. Однако так как по условиям Вечного мира 1686 г. король обязался не принуждать православных к унии и католичеству, и гарантом этого постановления выступала Россия, получившая право вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, то короли были вынуждены как-то реагировать на многочисленные жалобы православных на притеснения.

Много подобных документов по истории православия в Могилеве и Могилевской епархии 1686–1755 гг. содержатся во II томе «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» [1]. Он состоит из 111 актов, почти все из которых относятся к истории православия и униатской церкви. Акты, относящиеся к истории Могилева, начинаются со времени заключения унии и заканчиваются временем первой половины XIX в.

В 1686 г. король Ян Собеский выдал охранительную грамоту игумену Гедеону Климовичу и Буйницкому монастырю. Монастырь подвергался нападкам со стороны католической церкви в рамках судебного дела, по всей видимости, о нападении на сборщиков налогов. Король обещал этой охранной грамотой не чинить никаких трудностей для обитателей монастыря и защищать от всяких преследований [1, с. 84–85]. Под 1695 г. находится жалованная грамота короля Буйницкому монастырю на мельницу и еще некоторые угодья [1, с. 88–90].

4 декабря 1697 г. новый король Август II выдал подтвердительную грамоту земскому судье о непрепятствовании Буйницкому монастырю на владение пожалованными угодьями. Упоминается о том, что нынешний земский судья не выполняет приказаний короля и чинит препятствия монастырю. В документе содержится требование не нарушать спокойствия монастыря под страхом наказания [1, с. 90–92]. В 1701 г. король выдал подтвердительную грамоту Могилевскому братству на создание типографии «для свободного печатания всякого рода польских и русских книг». Король подтверждал выданный предшественником в 1676 г. привилей. Противникам открытия типографии назначался штраф в 1000 коп грошей, хотя из этого списка и исключались представители местной власти римско-католической церкви [1, с. 92–93]. В 1715 г. король выдал грамоту магнату Юрию Сапеге о нечинении притеснений Буйницкому и Борколабовскому монастырям [1, с. 99–100].

Также часть документов, содержащихся в «Археографическом сборнике», говорит о непростых отношениях внутри самой православной общности. В ноябре 1707 г. Слуцкое братство направило Могилевскому братству письмо о притеснениях со стороны белорусского епископа. Последний пытался силой подчинить себе Слуцкое Свято-Спасское братство, которое было выведено из непосредственного управления православной иерархии [1, с. 94–95]. В 1718 г. Могилевское братство направило посланников к киевскому митрополиту с жалобой на архидиакона Каллиста Оловяшку. Сообщается, что последний занимался вымогательством (брал гораздо больше денег за свадебный обряд, чем брали ранее, под видом сбора на строительство кафедрального собора), отменил некоторые церковные традиции (крестные ходы), похитил серебряную утварь Спасского кафедрального собора и перелил в слитки, которые забрал себе, и творил прочие беззакония [1, с. 103–111]. Более того, упоминаются несколько имен священнослужителей, которые «держатся его образа мыслей», с требованием наказать их [1, с. 109]. В 1725 г. король направил грамоту

могилевскому епископу Сильвестру Четвертинскому о невмешательстве его в избрание игумена для могилевского братского монастыря [1, с. 102–103]. Обидчику назначался штраф в 4000 коп грошей.

13 мая 1752 г. монахи Буйницкого монастыря направили жалобу на монахинь Борколабовского по делу о заезде с села Костянку и Холмы [1, с. 116–122]. Нападавшие творили беззакония, потоптали посевы, избили нескольких людей.

Под 1753 г. находится удостоверение о добровольном переходе Соломерецкого монастыря в униатство [1, с. 123–125]. Настоятель объясняет это тем, что его начальство в преклонных годах и плохом здоровье бросило в неприспособленный для жизни и богослужения монастырь, и он, видя это запустение, решил перейти в униатство.

Также во II томе «Археографического сборника» вошли «Записки игумена Ореста» [3]. Они составляют часть большой рукописи, которая называется «История Могилевского монастыря». Эти «Записки» составлены в 40-х гг. XIX в. на основании изучения бумаг и документов, хранящихся в монастырской кладовой до 1843 г. В «Записках» есть сообщение на тему напряженных отношений в православной церкви. Так, в 1745 г. священник Луполовской церкви Иоанн Мамонович, который недавно поучаствовал в драке, из страха наказания перешел в унию, однако затем он, мучимый совестью, убежал в Украину [1, с. LXVI]. В «Записках» отмечается, что притеснения к православным происходили не только со стороны католиков, но иногда даже и со стороны войск православной России.

В 1692 г. в Могилеве происходили притеснения православных со стороны иезуитов, на православных «происходили непрестанные налоги и принуждения … к унии», также несколько церквей переделали в костелы при покровительстве Литовского гетмана Сапеги и некоторых других польских сенаторов, разорили Петропавловскую церковь и склонили ее к принятию униатства. Когда в городе оказался король, могилевские мещане попросили того дать им епископа (епископская кафедра пустовала с 1677 г.), однако Ян Собеский ответил, что может дать только униатского епископа, а православному никогда в Могилеве не быть [3, с. XXVIII].

В 1708 г. шведы разорили Буйницкий монастырь [3, с. LVII]. Шведский король Карл XII приказал зачинщиков покарать. Однако могилевчане были вынуждены отдать в качестве контрибуции серебряную утварь из православных церквей [3, с. LIX]. В наказание за то, что могилевчане помогли Карлу с провиантом и отдали серебряную утварь, российский царь Петр I приказал город выжечь, и в огне пострадали многие церкви.

Таким образом, на основании документов «Археографического сборника» и «Записок игумена Ореста» можно сделать вывод, что вопрос о статусе православных был вопросом во многом политическим, и в нужное для себя время представители различных государств вели себя по отношению к православным так, как им подсказывала политическая ситуация.

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. – Вильня: Тип. Губернского правления, 1867. – Т. 2. – 258 с.
2. Беднов, В.А. Православная церковь в Польше и Литве / В.А. Беднов. – Мн.: Лучи Софии, 2002. – 430 с.
3. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна: Тип. Губернского правления, 1867. – Т. 2. – С. I – CI.
4. Volumina Legum. – Petesburg: Nakładem i drukiem Jozafa Ohryzki, 1860. – T. V. – 480 s.
5. Volumina Legum. – Petesburg: Nakładem i drukiem Jozafa Ohryzki, 1860. – T. VI. – 330 s.

Михеева И.Б.

ИГНАТИЙ ЯКУБ МАССАЛЬСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ВКЛ

Первой в Европе государственной централизованной школьной властью, которая не подчинялась никакому министерству, но зависела исключительно от Сейма (парламента), стала Комиссия народного просвещения (Komisja Edukacji Narodowej – KEN). Деятельность KEN явилась самой прогрессивной в европейском регионе того времени в плане реформирования образования и повсеместно получила высокую оценку своей работы. Первым председателем Национальной Комиссии по образованию в 1773–1778 гг. был епископ Вильнюса Игнацы (Игнатий) Якуб Массальский (1726–1794).

Следует констатировать, что литературное и пастырское наследие Массальского в белорусской науке изучено мало и фрагментарно [1; 2], в связи с чем представляется необходимой комплексная работа историков, религиоведов, философов и других специалистов как по изучению уже доступных для исследователей, так и по введению в научный оборот еще неизученных и непереведенных авторских текстов.

Основной их корпус находится в различных европейских библиотеках и фондах и, в первую очередь, в Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе (ранее – *Библиотека Врублевских / Wróblewskich*), Библиотеке Вильнюсского Университета, Государственном архиве в Вильнюсе, Отделе рукописей польской Национальной библиотеке (*Biblioteka Narodowa*), Библиотеке Варшавского Университета (*Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie*), библиотеках Люблина, Кракова, Вроцлава, Познани.

Пастырское наследие Массальского охватывает многочисленные тексты духовного характера, посвященные, в том числе, просветительским и образовательным вопросам того времени. В этом контексте следует говорить, прежде всего, о его Пастырских посланиях (*Listach pasterskich*) и Поучениях (*Rozporzadzeniach*). Всю совокупность указанных первоисточников можно сгруппировать в несколько проблемно-тематических блоков.

К первому блоку можно отнести Пастырские послания, ориентированные на регламентацию жизни епархии (*diecezji*), т.е. касающиеся вопросов епархиальной администрации, костельной дисциплины, литургии и проч. К ним относятся послания и поучения Массальского от 1775, 1781, 1784, 1781, 1792 гг., особенно послания, датируемые 04.02.1764 г. (об анкетировании прихожан); 24.07.1766 г. (о повышении уровня религиозной жизни прихода); 30.08.1775 г. (о фальшивых проявлениях набожности). Далее, следует выделять перечень Пастырских посланий, направленных на разъяснение и популяризацию решений и документов Святого Престола (Ватикана). К ним относится, например, послание Массальского, датируемое 13.03.1775 г. (об избрании папы Пиуса VI и о посвященных этому событию торжествах). Особую группу составляют Пастырские послания социально-экономической тематики. Наконец, в-четвертых, отдельно нужно говорить о Пастырских посланиях патриотической тональности, причем нередко–с выраженным политическим подтекстом, свидетельствующим об активном участии Массальского в деятельности по возрождению Речи Посполитой.

Необходимо подчеркнуть определенную условность данной классификации и отметить ее целесообразность, в первую очередь, с методологической точки зрения, поскольку она дает возможность первичной систематизации и предметного изучения пастырского наследия Массальского. В целом же подавляющее большинство текстов его авторства структурно политематичны и содержательно полисемантичны.

В научный оборот, как нам представляется, целесообразно ввести следующие тексты Массальского, соответственно из трех выше обозначенных групп

первоисточников. Прежде всего, это Послание, датируемое октябрем 1792 г. В этом тексте автор выражает озабоченность фактом распространения в среде духовенства просветительских идей, их использования в проповедях. Он отмечает: «…излагающий Христову науку обязан быть очень внимателен, дабы… при разъяснении истин божьих не осмеливаться ссылаться на максимы современных писак, своевольно размышляющих о религии и, следовательно, признанных апостолами фальши и скандальности» [3]. Автор подробно обосновывает опасность чтения книг, «подозрительных с точки зрения обычаев и религии», говорит о пагубных последствиях подобной литературы, особенно для молодых людей, «часто неспособных сорвать маску фальши в лицемерных писаниях…».

Не меньший интерес для исследований представляет Послание, датируемое 30.01.1771 г. Вообще в текстах, посвященных социально-экономическим вопросам, Массальский выступает как заботливый попечитель и бережливый хозяин вверенной ему епархии. Одним из серьезных обстоятельств, которые склонили епископа к этой тематике, стала эпидемия чумы 1770–1771 гг. В своем Послании от января 1771 г. он, прежде всего, отметил, что обрушившееся несчастье следует рассматривать как божью кару за прегрешения, как знак и призыв к покаянию, молитве и преображению. Квинтэссенцией первой части данного Послания является следующее предостережение автора: «Не прекращается неправедность наша, потому не прекращаются мучения наши […] усиливаем свой гнев гневом, и потому Бог усиливает наказание наказанием». В качестве «приложения» к своему посланию Массальский дал целый ряд практичных и профессиональных (а в условиях сельской малообразованности – доступных и простых для реализации) рекомендаций по избеганию заражения и обеспечению нераспространения болезни. Особенное внимание он уделил разъяснению профилактических мер для священнослужителей, которые практически ежедневно исполняли свое духовное служение среди больных прихожан.

Послания, датируемые 15.03.1792 г. и 11.05.1792 г., являются еще одним доказательством ответственного и заботливого отношения епископа к своим прихожанам. Так, первое из них он написал в связи с катастрофическими ливнями и угрозой голода. Автор не только призвал всех к совместной молитве, но и настоятельно предостерегал от досрочного сбора урожая (недозревшего зерна). В этом же обращении к прихожанам и священнослужителям Массальский поднял весьма болезненную тему ремонта дорог, мостов и переправ, которые на территории Виленской епархии (по причине отсутствия государственных и общественных средств на эти цели) находились в плачевном состоянии. Здесь же Массальский демонстрирует активную заинтересованность в реформировании больниц и всей системы тогдашнего здравоохранения для бедных. Для поддержания этой реформы епископ использовал весь свой авторитет и власть. Так, в продолжение отмеченного выше послания, в своем обращении к соседним епархиям от мая 1792 г. Массальский призывает оказать помощь брошенным новорожденным и малолетним детям, которые содержались в Общей Больнице Младенца Иисус (Generalny Szpital Dzieciątka Jezus).

Большое внимание Массальский уделял проблеме больных и бедных, о чем, в частности, свидетельствует содержание его Послания от декабря 1786 г. В этом тексте основной целью ставилось обозначение категории людей, которым епископ позволял на прошение подаяния у костелов, и одновременно – осуждение тех, кто был физически здоров, но от лености и праздного образа жизни занимался попрошайничеством.

Наконец, в Посланиях Массальского, датируемых 30.06.1767 г. и 16.07.1788 г., очевидна его активная гражданско-патриотическая позиция. Особенным драматизмом отмечены те послания, которые были посвящены печальным датам польской истории – датам военных поражений и общегражданских катастроф. Поднимая в своих текстах

общенациональные вопросы, епископ старался привлечь к ним внимание простых прихожан. Этой проблематике было посвящено одно из первых посланий Массальского – от июня 1767 г. В нем, накануне первого раздела Польши, осознавая свои пастырские обязанности и волнуясь за уязвимое положение страны, он писал: «Вознесенная для кары рука Божья требует от каждого из нас большего покаяния и искупления посредством добра и милосердных поступков». Далее, реализуя сформулированную мысль, Массальский назначил на территории всей епархии трехдневный пост, призвал к совместной молитве во время сорокачасовой службы. В своих последующих посланиях, уже после состоявшегося раздела Польши, епископ выражал свою глубокую печаль в связи с трагедией народа и страны, а в Послании от июня 1788 г., посвященному собирающемуся Большому Сейму (Sejmu Wielkiemu), он писал: «Приближающийся сейм – повод для нас умолять Господа, вместе с вами, дорогие братья, чтобы наделил нас духом мудрости, согласия и осторожности на благо родины…»

1. Масальскі Ігнацій Якуб // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік / гал. рэд. Б.І. Сачанка. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. – 672 с. – С. 255–256.
2. Шалькевіч, В. Масальскі Ігнацій Якуб / В. Шалькевіч // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 3 т. / рэд. Г.П. Пашкоў і інш. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – С. 274.
3. Здесь и далее – цитирование в переводе И.М. по книге: Ks. Tadeusz Kasabuła Ignacy Massalski biskup wileński, [wyd.] RW KUL, Lublin 1998, ss. 626.

Гладкова Г.А.

КАРЭСПАНДЭНЦЫЯ ІГНАЦІЯ БЫКОЎСКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Мастацкая творчасць І. Быкоўскага падмацавана дастаткова карыснай у літаратуразнаўчым і гістарычным планах эпісталярнай спадчынай асветніка. Як вядома, карэспандэнцыя звычайна дазваляе даследчыку ўдакладніць абставіны прыватнага жыцця і літаратурнай дзейнасці пісьменніка, даведацца пра яго стасункі з сучаснікамі, сімпатыі, грамадскія і асабістыя прыярытэты; ліставанне з'яўляецца дадатковай карыснай крыніцай гістарычных звестак.

Вядомая на сёння эпісталярная спадчына І. Быкоўскага знаходзіцца пераважна на тэрыторыі Польшчы. У якасці аб'екта аналізу намі выкарыстаны апублікаваныя Т. Мікульскім чатыры розныя па змесце і гістарычнай каштоўнасці лісты з перапіскі І. Быкоўскага, датаваныя канцом XVIII – пачаткам XIX стагоддзяў.

З мемуараў пісьменніка вядома, што ў 1788 годзе ён прысвяціў і перадаў праз пасрэднікаў польскаму каралю Станіславу Аўгусту другую частку ўласнага літаратурнага зборніка «Wieczory wiejskie». У 1792 годзе І. Быкоўскі даслаў каралю віншавальны ліст, які характарызаваўся празмерным панегірызмам і афіцыйнасцю.

Арыгінал ліста Do Stanisława Augusta захоўваецца ў бібліятэцы Чартарыйскіх у Кракаве. На першай старонцы дакумента ніжэй загалоўка пазначана дата «de 16 Apr.1792». Тэкст суправаджаюць некалькі малюнкаў і панегірычны верш «Do Najjaśniejszego Stanisława Augusta, Króla polskiego, Wielkiego Książęcia Litewskiego etc. w dzień trzeci maja roku 1792».

Ліст пачынаўся з ветлівага звароту да караля і агульнай абмалёўкі дзейнасці Станіслава Аўгуста на карысць польскага народа. Адрасант апісваў усеагульную радасць нацыі з прычыны панавання караля, не забываў узгадаць складаную міжнародную палітычную сітуацыю, у якой апынулася Рэч Паспалітая, падкрэсліваў годнасць жыхароў слонімскага павета, ад імя якіх пісьменнік звяртаўся да адрасата. І. Быкоўскі жадаў каралю здароўя і найдаўжэйшага панавання, не шкадаваў эпітэтаў

для стварэння вобраза лідара нацыі, напрыклад, Станіслаў Аўгуст ім названы «najlepszy z królów», «Ojciec ojczyzny» [1, с. 507].

Прычынай узнікнення ліста паслужыла гадавіна знамянальнай падзеі – прыняцця Канстытуцыі 3 мая 1791 года. І. Быкоўскі адзначаў, што ў слонімскім павеце на грамадзянскім сходзе 14 лютага 1792 года адбылася прысяга новаму дзяржаўнаму закону. Гэта сведчанне дазваляе разглядаць ліст Быкоўскага як унікальную крыніцу каштоўнай гістарычнай інфармацыі.

Той факт, што І. Быкоўскі шчыра вітаў прыняцце Канстытуцыі 3 мая 1791 года, сведчыць пра пісьменніка як чалавека прагрэсіўных поглядаў, грамадзяніна, які разумее неабходнасць рэформаў для дзяржавы. Аднак узрушанасць адрасанта не пазбаўлена, відавочна, асабістых інтарэсаў пісьменніка. Напрыклад, Т. Мікульскі адзначаў, што хвалебнай прамовай у лісце І. Быкоўскі прагнуў звярнуць увагу караля-мецэната на ўласную творчасць, атрымаць выдавецкую, а магчыма, і жыццёвую дапамогу [1, с. 504]. Заўвага Т. Мікульскага становіцца тым больш апраўданай, калі ўлічыць неспрыяльныя абставіны, у якіх знаходзіўся правінцыйны польскамоўны пісьменнік Беларусі канца XVIII стагоддзя: адсутнічала прафесійная крытыка, існавалі цяжкасці з выданнем твораў, былі недастаткова выніковымі ўзаемасувязі паміж мясцовымі літаратарамі і г.д.

У польскіх архівах захаваўся адказ караля Быкоўскаму (Stanisław August do Bykowskiego) ад 25 красавіка 1792 года. Чарнавік ліста (магчыма, копія адказу) напісаны рукой каралеўскага сакратара, без подпісу, але, несумненна, ад імя і па ўказанні Станіслава Аўгуста. Ліст захоўваецца ў бібліятэцы Чартарыйскіх у Кракаве. Кароль адказаў на ліст І. Быкоўскага ветліва і стрымана, некалькімі агульнымі сказамі, пры гэтым адзначыў, што адзінства нацыі, пра якое дбае І. Быкоўскі, – гэта мэта і для самога караля. Адчуваецца, што ў пачуццёвым плане гэта быў няроўны дыялог пісьменніка і ўладара, аднак такое ліставанне можа мець вартасць як дадатковы гістарычны матэрыял адносна эпохі Асветніцтва ў польскай і беларускай культуры.

Заслугоўвае ўвагі ліст І. Быкоўскага, адрасаваны Яну Альбертрандзі (Do Jana Chrzciciela Albertrandiego), якога пісьменнік непакоіў сваёй літаратурнай творчасцю. Ліст напісаны 2 лютага 1805 года, захоўваецца ў Курніцкай бібліятэцы Польскай акадэміі навук. Існуе верагоднасць, што да гэтага ліста І. Быкоўскі мог далучыць матэрыялы свайго сябра і літаратурнага настаўніка Ф. Князьніна, пра што ёсць згадванне ў мемуарах пісьменніка. І. Быкоўскі пісаў, што ў 1805 годзе даслаў матэрыялы Ф. Князьніна ў варшаўскае Таварыства сяброў навук (ТСН) [1, с. 487]. Пісьменнік прыгадваў гэты факт у лісце да князя А.К. Чартарыйскага ў 1811 годзе. Аднак у паперах варшаўскага ТСН, змешчаных у Галоўным архіве старадаўніх актаў, няма ўпамінання пра паперы Ф. Князьніна, прымацаваныя да ліста І. Быкоўскага.

Верагодна, прычынай узнікнення перапіскі з Я. Альбертрандзі паслужыў настойлівы пошук пісьменнікам крытыка ўласных літаратурных твораў. Ян Альбертрандзі – польскі гісторык, старшыня ТСН, намаганнямі якога ў 1800 годзе ў Варшаве ўзнікла згаданае аб’яднанне, – быў вымушаны па просьбе І. Быкоўскага стаць літаратурным крытыкам яго творчасці. Адрасант быў упэўнены, што ТСН клапоціцца пра пашырэнне асветы і прэстыж айчынных навукоўцаў, таму яно павінна быць аб’ектыўным у ацэнках і пазбаўленым шкоднай паблажлівасці да аўтараў.

Ліст быў дасланы з Хільчыц (сучасны Жыткавіцкі р-н Гомельскай вобл. Беларусі). Ніжэй знаходзім прыпіску пісьменніка, што адказ яму можна даслаць у Шчучын Сцыпіёнскі ці Літоўскі. Верагодна, маецца на ўвазе Шчучын (сучасная Гродзенская вобл. Беларусі), які ў XVIII стагоддзі перайшоў ад Радзівілаў ва ўладанне надворнага маршала ВКЛ Ёзафа Сцыпіё дэль Кампа (Józef Scipio del Campo). Па гэтай прычыне І. Быкоўскі ўсё яшчэ называў Шчучын Сцыпіёнскім, хаця на момант

напісання ліста шчучынскія землі знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі ў якасці мястэчка Літоўскай губерніі, а з 1801 года – Гродзенскай губерніі.

Такім чынам, ліст І. Быкоўскага да Я. Альбертрандзі не толькі дазваляе ацаніць ролю, якую адыграла ТСН у развіцці асветы і культуры, але і пабачыць незайздроснае становішча правінцыйнага пісьменніка, які шукаў аўтарытэтнай крытыкі. Дадаткова карэспандэнцыя дазваляе ўстанавіць месца знаходжання І. Быкоўскага ў адзначаны перыяд, што, безумоўна, дапаўняе біяграфію літаратара.

Арыгінал ліста Do Adama Kazimierza Czartoryskiego, датуецца 7 мая 1811 года і захоўваецца ў бібліятэцы Чартарыйскіх у Кракаве. Выбар паважанага адрасата невыпадковы: стрыечны брат С. Панятоўскага А.К. Чартарыйскі быў вядомы як уплывовая дзяржаўная асоба, асветнік, літаратар, мецэнат, дапамогі якога шукаў правінцыйны пісьменнік. Аб'ёмны ліст тэматычна падзяляецца на дзве часткі: першая прысвечана паведамленню прыватнай інфармацыі, другая – пытанням літаратурнай дзейнасці. Як становіцца зразумелым з тэксту, мэтай звароту да князя Чартарыйскага паслужыў клопат Быкоўскага-бацькі пра далейшы лёс сына Януша: пісьменнік замаўляў перад князем слова за сына, стараўся яго хаця б часова ўладкаваць пры княжацкім двары ў Пулавах.

Ліст пацвярджае некаторыя біяграфічныя факты, змешчаныя ў мемуарах літаратара. Найперш эпізод службы ў расійскай арміі пад камандаваннем А. Суворава, удзел у ваеннай кампаніі на Дунаі падчас руска-турэцкай вайны 1773–1774 гг. Пры гэтым аўтар ліста наракаў, што не атрымаў ніводнай узнагароды за час нялёгкай службы. І. Быкоўскі апавядаў пра перыяд жыцця ў Воўчыне ў князя Чартарыйскага, не забываў выказаць князю асабістую прыязнасць, называў гэты час шчаслівым. Нарэшце, адрасант згадваў цеснае сяброўства з Ф. Князьніным, пісаў, што менавіта гэты паэт першым заўважыў літаратурныя здольнасці Быкоўскага і заахвоціў яго да практыкавання ў паэзіі. І. Быкоўскі пісаў, што ў дадзены момант жыве на радзіме, недалёка ад Мінска на спадчыннай зямлі, мае сямнаццацігадовага сына Януша. Пісьменнік акцэнтаваў увагу на тым, што сын атрымаў прыстойную адукацыю і цяпер паўстала пытанне пра яго далейшы лёс. І. Быкоўскі прызнаваўся, што не раіць Янушу звязваць жыццё з ваеннай справай (відавочна, у пісьменніка захаваўся горкі ўспамін пра ўласную вайсковую кар'еру), і ласкава прасіў князя прыняць сына пад апеку на два гады.

Наступны фрагмент ліста прысвечаны апісанню літаратурных праблем, звязаных з выданнем мастацкай спадчыны. Аўтар паведамляў, што напісаў некалькі твораў, якія хацеў бы надрукаваць, акрамя гэтага, пераклаў на польскую мову «Новую Элаізу» Ж.Ж. Русо, але пра гэты пераклад у бібліяграфічных крыніцах звестак няма. З просьбай выдання твораў І. Быкоўскі звяртаўся ў Віленскі ўніверсітэт, які хаця даў дазвол і рэкамендацыю на друк, але матэрыяльна дапамагчы не мог. Сам пісьменнік наракаў, што не мае магчымасці аплочваць выдаткі, звязаныя з публікацыяй літаратурных тэкстаў.

Апошняй магчымасцю ў справе выдання літаратурнай спадчыны І. Быкоўскі назваў зварот да князя Чартарыйскага, прасіў яго паспрыяць, тым больш што, як пісаў адрасант, да рэкамендацыі князя прыслухаецца віленскі друкар і ўладальнік друкарні пры Віленскім універсітэце Юзаф Завадскі. Нарэшце пісьменнік паведамляў, што адказ князя будзе чакаць у спадчынным маёнтку пад Мінскам.

Такім чынам, разгледжаная частка карэспандэнцыі І. Быкоўскага дазваляе сцвярджаць, што адрасант сур'ёзна ставіўся да літаратурных заняткаў, імкнуўся выкарыстаць усе магчымасці для выдання мастацкай спадчыны, настойліва шукаў дарадцаў. Разам з гэтым, на аснове карэспандэнцыі мы бачым пісьменніка як грамадзяніна-патрыёта з актыўнай жыццёвай пазіцыяй, якога непакоіў трагічны лёс нацыі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. І. Быкоўскі вёў перапіску з аўтарытэтнымі

дзяржаўнымі асобамі свайго часу хутчэй з мэтай вырашэння ўласных праблем, але з мемуараў пісьменніка вядома і пра прыватную перапіску з роднымі па сямейных справах. Такі рознаўзроўневы спектр карэспандэнцыі тлумачыцца тым, што ліставанне на той час належным чынам падтрымлівала сувязі ў грамадстве.

Стылістычная манера І. Быкоўскага грунтуецца на старадаўніх традыцыях ветлівасці, стыль яго лістоў кансерватыўны, празмерна надзелены «пышным» шматслоўем, імкненнем дагадзіць адрасату. Нават эмацыянальнасць, характэрная для сталай літаратурнай творчасці пісьменніка, у лістах больш стрыманая, відавочна, гэтага вымагалі афіцыйнасць стылю і значнасць для аўтара вырашаемых пытанняў. Рэалізацыя фатычнай функцыі ў эпісталярнай спадчыне праяўляецца праз традыцыйны ўплыў літаратурнага этыкету эпохі, што ў карэспандэнцыі адлюстравана праз выкарыстанне трафарэтных ветлівых зваротаў, эмацыянальна афарбаванай лексікі, складаных сінтаксічных канструкцый, традыцыйных формул пачатку і заканчэння напісанага.

Відавочна, што на сучасным этапе эпісталярны этыкет, калісьці строга захоўваемы, знікае, як саступае свае пазіцыі рукапісны ліст увогуле. Пры гэтым узмацняецца адчуванне каштоўнасці эпісталярнай спадчыны творчай асобы, у лістах якой раскрываюцца асаблівыя бакі пісьмовых узаемаадносін людзей пэўнай эпохі, стыхійнае ці, наадварот, прадуманае выяўленне думак і пачуццяў, трапятлівае чаканне адказу і інш.

Можна з поўным правам канстатаваць, што карэспандэнцыя І. Быкоўскага – гэта дадатковы бібліяграфічны і гісторыяграфічны матэрыял, які не толькі дадае штрыхі да творчага партрэта пісьменніка, але дазваляе ацаніць маштаб намаганняў творцы, які ў сталым узросце ўсё яшчэ чакаў літаратурнага прызнання. Колькасна небагатая захаваная эпісталярная спадчына І. Быкоўскага служыць узорам эпісталярнага этыкету XVIII стагоддзя, лісты ўдакладняюць некаторыя гістарычныя, біяграфічныя і бібліяграфічныя факты, адлюстроўваюць характар ўзаемаадносін аўтара з адрасатамі.

1. Mikulski, T. Ze studiów nad Oświecenem. Zagadnenia i fakty / T. Mikulski. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956. — 555 s.

Раздел 4
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ (конец XVIII – начало XX в.)

Прохоров Д.А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАРАИМСКИХ ОБЩИН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX в.)

Исследованию прошлого караимов посвящено значительное число публикаций как дореволюционных, так и современных зарубежных и отечественных авторов. Однако следует отметить, что специально проблема истории караимских общин Северо-Западного края Российской империи в контексте гражданского кодекса ранее не рассматривалось. Целью статьи является анализ некоторых аспектов, связанных с трансформациями российского законодательства в отношении караимов в конце XVIII – середине XIX вв.

Термин «караим» обозначает как этнос, так и приверженца караимской веры. Караимы (с иврита «карай» означает «читающие», или «люди Писания») – возникшая в Багдаде в начале VIII в. религиозная секта, доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции. Ее основателем считается Анан бен Давид. Непосредственно сам термин «караимы» впервые упомянут в трудах теолога IX в. Биньямина бен Моше На Гавенди. Основная характеристика данного движения – почитание Ветхого Завета как единственного и прямого источника религиозной истины. Судя по дошедшим до нас письменным источникам, первые свидетельства о пребывании караимов на Крымском полуострове датированы серединой XIII в. Традиционными местами проживания караимов до конца XVIII в. являлись Крым, а также территории вновь образованных после трех разделов Речи Посполитой западных губерний Российской империи, куда часть караимов попала, по некоторым сведениям, еще в конце XIV в. Великий князь Литовский Витовт после успешного похода в Крым в 1398 г. (по другим данным – в 1388 г.) увел с собой небольшую орду татар и несколько сотен семейств караимов, которые осели в Троках; позже часть литовских караимов попала в Польшу и на Волынь (Луцк).

После присоединения в 1783 г. Крыма к России караимы принимают активное участие в процессах, связанных с оформлением их гражданско-правового статуса, где основной целью стала борьба за признание караимов этноконфессиональной общностью, принципиально отличающейся от евреев-раввинистов. Главным доводом в этой борьбе караимов за гражданские права был тезис о непризнании ими Талмудического учения. 8 июня 1795 г., в соответствии с рескриптом императрицы Екатерины II, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т.н. «рекрутских» денег и солдатского постоя – таким образом, они были освобождены от дискриминационного налога, установленного для российских евреев; караимам также было разрешено приобретение земельной собственности [1, с. 705, 706].

В отличие от российских евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого в начале XIX в. царским правительством антиеврейского внутриполитического курса (ведение двойного налогообложения, т.н. «черты оседлости» и т.п.), действовавшего вплоть до конца XIX в., караимы пользовались режимом наибольшего благоприятствования в сфере гражданского законодательства. Развитие промышленности и торговли в итоге привело к тому, что вскоре после присоединения Крыма к России караимы избирают новые территории для своей экономической деятельности, переселяясь из традиционных мест проживания в

крупные города юго-западных губерний Российской империи. Проникновение в караимскую среду просветительских идей, активная интеграция, начиная со второй половины XIX в., караимской молодежи в русское культурное и образовательное пространство, появление среди караимов крупных землевладельцев, фабрикантов, промышленников стало причиной возникновения караимских общин практически во всех губерниях России.

Одновременно с этим караимы активно занялись укреплением своего правового статуса и материального благосостояния. В первой половине XIX в. они продолжают направлять в правительственные круги различные прошения и ходатайства, причем следует подчеркнуть, что большинство из них было удовлетворено властями [10, с. 109–206]. А 13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии – во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (т.н. «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться вновь в 50-верстной пограничной полосе. Что касается караимов, то их гражданские права специально оговаривались в § 21 1-ой главы «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» [3, с. 311].

В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин; затем он было переименовано в «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» (ТОКДП). В процесс гражданского законотворчества включились и караимы западных губерний Российской империи. Например, основываясь на ранее им данных польскими королями привилегиях, трокские караимы неоднократно выступали перед российскими властями с ходатайствами о предоставлении им права исключительного проживания в Троках. Вызвано это было тем, что в 1804 г. евреи-раввинисты, выселявшиеся в соответствии с «Положением о евреях» 1804 г. из сельской местности, стали селиться в этом городе [10, с. 120, 121]. Наблюдая за успехами, достигнутыми крымскими караимами в конструировании новой этноконфесиональной идентичности в контексте российского законодательства, караимы Трок, Вильно и Поневежа в сентябре 1829 г. вновь направили властям ходатайство, основанное на «праве, выданном им прежними польскими королями». В частности, в этом документе шла речь о разрешении караимам проживать в Троках [2, с. 638, 639; 10, с. 1–53]. Правительствующий Сенат 6 сентября 1829 г. подтвердил льготы и права трокских караимов; что касалось проживания в городе евреев-раввинистов, то это дело было передано на рассмотрение 1-го Департамента Сената [10, с. 113–115]. 7 января 1835 г., по решению Государственного Совета в Департаменте законов и по определению Общего Собрания первых трех департаментов Правительствующего Сената, все прежние привилегии караимов были подтверждены, а евреям было рекомендовано «избрать себе другое место пребывания» [4, с. 18, 19]. Тем из евреев, которым было разрешено оставаться в г. Вильно, дома и лавки на двух улицах города, где проживали караимы, власти иметь запретили. Это высочайше утвержденное положение Комитета министров было объявлено 20 октября 1836 г. [5, с. 124, 125]. Несколько позднее, «Уставом о паспортах и беглых» (1857 г.) вышеуказанные привилегии вновь получили свое подтверждение [10, с. 121]. В 1835 г. 192 еврея-ашкеназа вынуждены были покинуть Троки, в котором тогда проживало 172 караима (отметим, что евреям вновь было разрешено селиться в Троках лишь в 1862 г.) [9, кол. 30].

В 1840 г. Комитет министров утвердил заключение министра финансов об освобождении трокских караимов от уплаты акцизного сбора (в связи с упразднением Трокского уезда и снятии с города статуса уездного) [6, с. 289, 290; 10, с. 137, 138]. А 13 ноября 1850 г. Государственный Совет, рассмотрев представление министра внутренних дел, постановил: причислить караимов западных губерний Российской империи к ведомству ТОКДП [7, с. 203, 204; 10, с. 155]. Завершением первого этапа борьбы караимов за гражданские права стал закон, принятый 8 апреля 1863 г., который гласил: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» [8, с. 303]. Этот документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее; с этого момента они официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п.

2 мая 1863 г. орган конфессионального самоуправления караимов был создан и в Троках, получив название «Трокского караимского духовного правления» (ТрКДП). «Местопребывание одного гахама должно быть в Евпатории, – гласило Высочайше утвержденное мнение Госсовета, – а другого в Троках (Виленской губернии)» [10, с. 183]. Что касается ТрКДП, то под его юрисдикцией находились караимские общины в Луцке, Поневеже, Троках, Вильно, Пскове, Смоленске и Острове (Кукизове). По установленной иерархии, Трокский караимский гахам подчинялся Таврическому и Одесскому караимскому гахаму. Финансовое обеспечение последнего возлагалось на караимские общины Таврической и Херсонской губернии; что же касается духовного главы трокских караимов, то он мог пользоваться казенными землями, выделенными специально для содержания ТрКДП (160 десятин). Официально оба гахама находились в подчинении Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД [8, с. 303].

Подводя итоги, можно констатировать, что после присоединения Крыма к России караимы начинают активную деятельность, направленную на уравнивание караимского населения в гражданских правах с титульной нацией страны, занимаясь конструированием новой этнической и конфессиональной идентичности и добиваясь ее официального признания. Многочисленные прошения, ходатайства, письма и личные встречи караимских лидеров с представителями власти преследовали одну цель – на уровне российского законодательства закрепить за караимами права и привилегии, которых были лишены российские евреи. Прежде всего, им удалось добиться признания караимов общностью, отличающейся от евреев конфессионально и этнически; если в первой половине XIX в. внутреннюю политику России можно охарактеризовать как «антиеврейскую», то караимам, напротив, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования. В итоге российское законодательство стало рассматривать караимов как отличную от евреев-раввинистов этноконфессиональную общность, проживавшую на территории империи и пользовавшуюся всеми правами и привилегиями, которыми обладали ее русские подданные.

1. № 17340. Июня 8 [1795 г.]. Именной, данный Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому Генерал-губернатору Платону Зубову. Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев податей // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. – Т. XXIII, Отд. I. 1830. – С. 705–706.
2. № 3136. Сентября 6 [1829 г.]. Сенатский. О привилегиях, выданных бывшими Польскими королями Евреям Караимам города Трок, коим представлено им жить и заниматься в оном городе промыслами // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. IV, Отд. II. 1829. – С. 638–639.

3. № 8054. Апреля 13 [1835 г.]. Высочайше утвержденное Положение о Евреях, распубликованное 13 мая. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – Т. X, Отд. I. 1835. – С. 308–323.
4. № 7733. Января 7. [1835 г.]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О праве Евреев Караимов на исключительное от Рабанитов жительство в городе Троках // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – Т. X, Отд. I. 1835. – С. 18–19.
5. № 9625. Октябрь 20 [1836 г.]. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, распубликованное 20 ноября. – О жительстве евреев в городах Вильне и Троках // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – Т. XI, Отд. II. 1836. – С. 123–124.
6. № 13394. Апреля 16 [1840 г.]. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. – Об освобождении Караимского общества города Трок от содержания там акцизного сбора // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. – Т. XV, Отд. I. 1840. – С. 289–290.
7. № 24634. Ноября 13 [1850 г.]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 11 декабря. – Об устройстве духовной части у Караимов Западных губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. – Т. XXV, Отд. II. 1850. – С. 203–204.
8. № 39460. Апреля 8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 2 мая. О постановлениях касательно прав Караимов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. – Т. XXXVIII, Отд. I. 1863. – С. 302–306.
9. [Гессен Ю.] Троки // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под ред. Каценельсона. – СПб.: б.м., 1912. – Т. XV: «Трани–Шемини Ацерет». – Кол. 29–32.
10. [Фиркович З.А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / Изд-ие З.А. Фирковича. – СПб.: паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. – XXXVI, 223 с.

Юрчак Д.В., Юрчак Ю.В.

ПУБЛИКАЦИИ ИГНАТИЯ МАНЬКОВСКОГО НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XIX ВЕКА

Игнатий Антонович Маньковский – достаточно заметная личность в истории Беларуси и Витебщины. Этот выходец из небогатой шляхетской семьи сумел пройти сложный путь от рядового чиновника до витебского вице-губернатора. На его судьбу выпали многочисленные испытания. Несмотря на это, И.А. Маньковский продолжал активно заниматься общественной деятельностью и оставил после себя ряд интересных и оригинальных работ в российской периодике XIX века.

Белорусский публицист и просветитель, мыслитель Игнатий Маньковский родился на Витебщине в 1765 году в семье шляхтича Антона Маньковского. После учёбы у иезуитов, скорее всего, в коллегиуме, И.А. Маньковский поступил на службу в витебскую канцелярию. С 1783 года Игнатий Антонович находился на государственной службе. Сначала был советником белорусского губернского правления, в конце XVIII века работал в Могилёве (был уже коллежским асессором и служил председателем департамента в Могилёвском губернском магистрате).

В дальнейшей судьбе молодого чиновника решающую роль сыграла любовь. К тому времени уже 30-летний коллежский асессор И. Маньковский влюбился в Рахиль – дочь статского советника Антона Маковецкого (бывшего камергера последнего короля Речи Посполитой). Чувства оказались взаимными, но отец девушки был категорически против этих отношений, считая, что И. Маньковский не пара для его дочери.

Это вынудило И. Маньковского на отчаянный поступок: он отправился в Петербург, сумел пробраться к императору Павлу I, когда последний гулял по парку в

своей резиденции, стать перед ним на колени, возложив себе на голову письменное обращение к самодержцу. Будучи в хорошем расположении духа Павел I прочёл текст и показал его супруге, которую эта романтическая история очень растрогала. 17 февраля 1797 года было издано письмо-рескрипт (впоследствии опубликованное в журнале «Русская старина»), в котором говорилось о присвоении Маньковскому чина придворного советника и передаче в пожизненное владение Буёвского казённого имения. Одновременно решился вопрос о женитьбе на Рахиль Маковецкой, так как покровителем брачного союза стал сам император.

Чуть позже уже за собственные деньги у местного шляхтича по фамилии Талька (Талькэ) Игнатий приобрёл деревню Мазолово, где в 1801–1806 гг. построил собственное имение, названное в честь сына Антоновка (Antonowka), а впоследствии переименованное в «Милое». В это же время (с 1801 г.) И.А. Маньковский стал витебским губернским прокурором, а 8 апреля 1813 г. был официально назначен на должность витебского вице-губернатора, которую занимал до 1817 г. Кроме государственной службы Игнатий Антонович активно занимался общественной деятельностью, владел коллекцией древностей, увлекался литературой и даже рассматривался современниками и исследователями в числе наиболее возможных авторов белорусской «Энеиды».

К сожалению, до нас дошло не так много публикаций, автором которых является эта неординарная личность. На сегодняшний день мы можем уверенно говорить только о двух публикациях И.А. Маньковского, которые, тем не менее, представляют интерес для современных историков. Первой подобной публикацией витебского вице-губернатора стало «Письмо изъ Витебска», опубликованное в 1913 г. в журнале «Сынъ Отечества». Предыстория появления этого публицистического произведения следующая: в 1812 г. губернский прокурор Маньковский одним из последних покинул Витебск в связи со стремительным наступлением Наполеона. Также он был одним из первых государственных служащих, кто вернулся в город после отступления французских войск. Именно на долю Маньковского выпало руководство восстановительными работами в Витебске и окрестностях, что впоследствии (в 1813 г.) стало основанием для его назначения вице-губернатором.

В письме автор резко негативно оценивает деятельность армии Наполеона в России и иных европейских государствах. При этом он характеризует французов как безжалостных захватчиков, которые грабят местное население, жгут дома, вскрывают могилы в поисках «сокровищ». Но конкретных фактов такого варварства в письме, к сожалению, не приводится. Есть в данной публикации Игнатия Антоновича и биографическая информация. В частности, он описывает и обосновывает свои действия, пишет о своем сыне, который добровольно пошел в армию воевать с французами. Также акцентирует внимание на том, что его супруга Рахиль осталась на занятой силами Наполеона территории в собственном имении «Милое» «на тотъ случай, ежели сынъ будетъ раненъ» [2, с. 9].

Кроме того, в «Письме изъ Витебска» автор очень высоко оценивает российскую власть, делая при этом акцент на то, что это не попытка «выслужиться» и показать свою лояльность как «нового подданного России», а результат глубокого анализа сложившейся ситуации. Затем И.А. Маньковский плавно переходит на критику действий поляков, которые, по его мнению, были использованы Наполеоном в своих целях, и зря мечтают о восстановлении утраченной государственности. «Существованіе и слава Польши прошли», – заключает Маньковский, а славные страницы прошлого польского народа никто не перечеркнет, но они стали историей [2, с. 11].

Второй публикацией И.А. Маньковского стала его конкурсная работа, опубликованная уже после смерти. Дело в том, что в 1830 г. он принял участие в

конкурсе Вольного экономического общества (ВЭО) на лучший проект исправления крестьянских построек северной и средней полосы России, за который был удостоен золотой медали, а его произведение опубликовано в Трудах Вольного экономического общества. Однако вместо обещанной премии в 50 золотых автору дали только 30. Это, по мнению исследователей, было обусловлено большим количеством слов «простонародного» «белорусского наречия» в тексте проекта. Само же имение произвело на приехавшую из столицы комиссию огромное впечатление своими прогрессивными идеями.

В своей работе И. Маньковкий критикует некоторых публицистов начала XIX века, считающих, что чёрная изба (топящееся «по чёрному», или «курник») для русского крестьянина более полезная, чем белая с каменой печью, оборудованной дымоходом. Главным аргументом таких «специалистов» была сырость в белых избах. Но Игнатий Антонович не соглашался с этим. Он утверждал, что местные крестьяне ничем не отличаются от других людей: «русский крестьянин в физическом его образовании не имеет ничего особенного от людей других наций» [1, с. 190]. Не отличаются они и от горожан, которые живут в белых избах и не жалуются на сырость. Критикует он и проекты Г. Герарда, предлагавшего строить для крестьян избы из кирпича. При этом, толщина стен по данному проекту должна была быть в «пол кирпича», что не гарантировало прочности такого строения.

Поддерживая идею строительства для крестьян белых изб, И.Маньковский приводил следующие аргументы в пользу этого варианта. Во-первых, белая изба не такая сырая, как чёрная. Сырость обычно бывает в первые годы после постройки, может появляться от земляного пола, либо новой глиняной печи. Но в дальнейшем белая изба по количеству сырости, безусловно, выигрывает у курника. Во-вторых, белая изба куда более полезна для здоровья. Дымоход позволяет не дышать крестьянам вредными испарениями от процесса горения. Кроме того, при топке курных хат приходилось выходить из избы, что в большие морозы приводило к большим перепадам температуры и влияло на здоровье. В курниках И. Маньковский видел причины большой детской смертности и низкой продолжительности жизни в северных и центральных губерниях Российской империи в сравнении с южными.

В-третьих, одним из важнейших аргументов в пользу белых изб автор конкурсной работы считал безопасность их от огня. Правда, делал оговорку, что это достижимо только при правильном размещении печей вдали от стен и при регулярной прочистке дымоходов. У себя в имении И.Маньковский заставлял крестьян это делать раз в неделю (по субботам). Также среди доводов против курников автор приводит аргумент сохранения лесов при увеличении численности населения (долговечность белых изб и экономия дров на их обогрев). Ещё одним важным аргументом в пользу белых изб, при их значительно большей стоимости, является срок службы. По данным Игнатия Антоновича, чёрная изба из-за негативного воздействия открытого огня и отсутствия дымохода прослужит в среднем 10–12 лет (берёзовая или осиновая всего 7–8 лет) [1, с. 211].

Как пишет сам И.Маньковкий с 1800 г. в своём имени «Милое» (сейчас д. Мазолово Витебского района и окрестности) он начал строить исключительно белые избы для крестьян. Первоначально они сопротивлялись, так как это противоречило их традициям. Но впоследствии уже не хотели жить в курниках [1, с. 193].

Ещё одним новаторским предложением И. Маньковского является строительство сруба засечными отверстиями вниз, которые будут ложиться на цельные брёвна, что убережёт сруб от попадания влаги в высеченные пазы, а соответственно, не будет способствовать гниению стен дома.

Для оптимизации животноводства Игнатий Антонович предлагал больше внимания уделять ветеринарии (даже сам предлагал некоторые рецепты лекарств), а также строить хорошо проветриваемые каменные и деревянные хлева (оборы). Проекты подобных хлевов автор прилагал к своей работе (они также опубликованы), что позволило современным историкам доказать, что один из них сохранился до наших дней (хотя и был впоследствии перестроен). Сейчас это мастерская Мазоловского ПМС.

Таким образом, хотя до нас дошли только две публикации И.А. Маньковского, они позволяют судить о нём как об очень талантливом и неординарном человеке, который имел свой взгляд на политические события, происходившие в его время, и старался максимально оптимизировать помещичье хозяйство, думая и об интересах крестьянства.

1. Отвѣтъ на задачу, предложенную Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ: "Какимъ образомъ легко и дешево исправить крестьянскія сельскія строенія, или сдѣлать въ оныхъ полезныя усовершенствованія" / И.А. Манковскаго // Труды императорскаго вольнаго эканомическаго общества. – 1833. – С. 183–263.
2. Письмо изъ Витебска / И.А. Манковскаго // Сынъ Отечества, историческій и политическій журналъ. – 1813. – Часть шестая. – С. 3–17.

Анофранка Н.В.

ІДЭАЛАГІЧНАЯ БАРАЦЬБА ПАДЧАС ПАЎСТАННЯ 1830–1831 гг. НА СТАРОНКАХ ПОЛЬСКАМОЎНАЙ ПРЭСЫ

З пачаткам паўстання ў Царстве Польскім 17 (29) лістапада 1830 г. перад расійскім урадам паўстаў шэраг задач – даць палітычную ацэнку падзеям у Польшчы, абгрунтаваць крокі накіраваныя на падаўленне паўстання, распаўсюдзіць урадавую пазіцыю сярод насельніцтва Расійскай імперыі і накіраваць грамадскую думку ў пажаданае для ўраду рэчышча. Ацэнка падзей у Царстве Польскім была дадзена ў снежаньскіх маніфестах Мікалая I. У маніфесце ад 5 (17) снежня 1830 г., які быў адрасаваны войскам і народу Царства Польскага, імператар ахарактарызаваў паўстанне ў Варшаве “як гнюснае злачынства” і заклікаў палякаў падпарадкавацца манаршай уладзе, а салдатаў польскай арміі “ўзгадаць клятву вернасці” расійскаму трону [2]. У маніфесце ад 12 (24) снежня 1830 г., які быў адрасаваны насельніцтву Расійскай імперыі, Мікалая I ахарактарызаваў польскае паўстанне як “гнюсную здраду, якая пахіснула аб’яднанае з Расіяй Царства Польскае” [5]. Імператар быў абураны няўдзячнасцю палякаў Царства Польскага ў адносінах расійскіх манархаў, пры гэтым асаблівы акцэнт быў зроблены на ролі Аляксандра I ў стварэнні Царства Польскага [6].

У выказваннях Мікалая I асноўнай прычынай паўстання ў Царстве Польскім быў замежны ўплыў. Так, прымаючы з аўдыенцыяй Ф. Выляжынскага (пасла дыктатара Ю. Хлапіцкага), расійскі манарх выказаўся наступным чынам: “скажыце палякам, што я ўпэўнены, што на іх уздзейнічае замежны ўплыў, каторы я лічу галоўнай падставай гэтай рэвалюцыі, рускі народ абражаны і абураны учынкам палякаў, і мне з цяжкасцю ўдаецца стрымліваць яго законнае абурэнне” [3, с. 51]. Аднак Галоўны начальнік III аддзялення А. Бенкендорф падчас сустрэчы з тым жа Ф. Выляжынскім даў больш разгорнуты пералік прычын паўстання ў Царстве Польскім. На яго думку прычынамі былі: “па-першае замежны ўплыў; затым рэспубліканская партыя, зрабіўшая такія поспехі ў Еўропе, натуральна знайшла паслядоўнікаў і ў вас; гэта партыя абвясціла вайну гасударам, жадае знішчыць манархічны прынцып, прапаведуе ўсеагульную роўнасць, дэмагогію, якабінства і ўсе агідныя наступствы. Па-трэцяе, – і гэта самае важнае, – гэта ўвогуле вайна нягоднікаў супраць чэсных людзей: усялякія абадранцы, якія зайздросцяць багатым, жадаюць сесці на іх месца; пры гэтым ўсе сродкі, якія спрыяюць дасягненню гэтай мэты, для іх добрыя; яны

нічым не грэбуюць, каб толькі завалодаць маёмасцю і пасадамі паважаных людзей. Для дасягнення гэтай мэты яны ўзбуджаюць народныя страсці, страсці натоўпу, пры гэтым, натуральна, дабро для народу ёсць толькі добрапрыстойная падстава для іх злачыннай карыснай дзейнасці, і яны з захапленнем разбураюць усё, каб толькі відазмяніць свой уласны стан" [3, с. 35-36].

Адносіны Мікалая I да патрабаванняў паўстанцкай адміністрацыі ў Варшаве знайшло адлюстраванне ў маніфесце ад 5 (17) снежня 1830 г. да жыхароў і войска Царства Польскага, у якім катэгарычна заяўлялася: "хто жадае схіліць нас да саступак хутка ўбачаць ілжывасць гэтых злачынных спадзяванняў" [2]. У маніфесце да расіян ад 12 (24) снежня 1830 г. у сувязі з патрабаваннямі паўстанцаў Царства Польскага гаварылася: "Расіяне! Вы ведаеце, што мы іх адрынем з абурэннем. Сэрцы вашы гараць рэўнасцю да трону, разумеюць пачуццё нашага сэрца <…> На ўсім абшары нашай імперыі мы бачым адзін рух, ўсе натхняюцца адным жаданнем не шкадаваць працы, ахвяраваць станам і жыццём за гонар Цара свайго, за цэласнасць дзяржавы" [5]. А. Бенкендорф наступным чынам пракаментаваў бескампрамісную пазіцыю Мікалая I: "як гасудар пойдзе на саступкі; найперш за ўсё для гэтага няма ніякіх падстаў <...> калі дапусціць, што ён пажадаў гэта зрабіць, нельга забываць, што ён найперш рускі імператар <...> што сказалі б на гэта іншыя падданыя? Не значыць лі гэта заахвоціць і іншыя народы яго вялізарнай імперыі да падобных жа дзеянняў? Што падумалі б пра яго ў Еўропе, калі б пры найдрабнейшых беспарадках законная ўлада пайшла на саступкі ?" [3, с. 34].

Для ўкаранення ў грамадскую свядомасць пазіцыі расійскага ўраду да падзей у Царстве Польскім была задзейнічана прэса, якая "ў мікалаеўскую эпоху не выражала, а фарміравала або, як тады казалі, "накіроўвала" грамадскія меркаванні ў пажаданае для ўлады рэчышча" [8]. Улічваючы знешні фактар было вырашана паставіць максімальна магчымы заслон пранікненню інфармацыі з-за мяжы, а таксама забяспечыць некалькі ўзроўняў кантролю над друкаванай прадукцыяй, якая выдавалася ўнутры імперыі [4, с. 49]. З пачаткам паўстання ў Варшаве Галоўнае ўпраўленне цэнзуры распарадзілася, каб з асаблівай пільнасцю разглядаліся артыкулы на замежных мовах. Асаблівая ўвага павінна была быць засяроджана на польскамоўных перыядычных выданнях. 5 снежня (23 лістапада) 1830 г. А. Бенкендорф загадаў Міністру асветы, каб самая пільная ўвага была звернутая на "Штотыднёвік Пецярбургскі" ("Tygodnik Petersburski") [29, s. 33], які быў прызначаны для "польскай шляхты зямель забраных" [29, s. 25]. Таксама па ініцыятыве А. Бенкендорфа пачала распаўсюджвацца практыка артыкулаў па замове. Асноўнай задачай такіх "палітычных і маральных" публікацый было інфармаванне грамадства пра ўсе важныя падзеі, падаючы звесткі і навіны ў неабходным ураду рэчышчы.

З 1830 г. III аддзяленнем актыўна ствараліся артыкулы на польскую тэматыку, пры гэтым яны насілі ананімны характар і часам падаваліся ў жанры сяброўскага ліставання [1, с. 264; 8]. Першы "сяброўскі ліст" з'явіўся на старонках "Штотыднёвіка Пецярбургскага" 10 снежня (28 лістапада) 1830 г. пад назвай "Ліст паляка пражываючага ў Пецярбургу да брата ў Любліне". Рэдакцыя штотыднёвіка, каб апраўдаць ананімнасць і ўзмацніць эмацыйнасць публікацыі, змясціла прыпіску: "што выдаўцы атрымалі гэты ліст на польскай мове з вялікай просьбай змясціць яго ў газеце" [29, s. 32]. У публікацыі гаварылася пра росквіт Царства Польскага пад праўленнем дома Раманавых і "няўдзячнасць бунтаўшчыкоў, якія сваімі дзеяннямі наносяць шкоду Польшчы" [29, s. 30]. Паўстанне характарызавалася як "бунт маладых", а на прыканцы публікацыі сцвярджалася, што "паўстанне не можа быць справай народнай. Польскі народ любіць свайго караля" [29, s. 32].

У "Штотыднёвіку Пецярбургскім" публікаваліся тэксты маніфестаў Мікаля I з нагоды паўстання ў Царстве Польскім за 1830 год, а таксама маніфест ад 25 студзеня

1831 г., у якім імператар інфармаваў падданых пра дэтранізацыю Раманавых у Польшчы, а таксама пра тое, што "прыйшоў час выкарыстаць сілу супраць тых, хто не ведае раскаяння", і што ён, імператар, "загадаў нашым верным войскам ісці на мяцежнікаў" [6; 29, s. 34]. У наступных нумарах штотыднёвіка рэгулярна змяшчаліся звесткі пра баявыя дзеянні арміі І. Дзібіч-Забалканскага ў Царстве Польскім ў 1831 г., а таксама ананімныя публікацыі, сэнс якіх зводзіўся да пытання – ці варта было пачынаць паўстанне, бо кошт страт аказаўся вельмі вялікі [29, s. 38, 44–45].

У беларуска-літоўскіх губернях асноўнай рэгіянальнай польскамоўнай газетай быў "Літоўскі Кур'ер" ("Kuryer Litewski"), якая выдавалася ў Вільні. Функцыі гэтага перыядычнага выдання ў час паўстання 1830–1831 гг. заключаліся ў распаўсюджванні дзяржаўнай прапаганды, а таксама апавяшчэнне насельніцтва пра мерапрыемствы ўраду і магчымых санкцыях у выпадку непадпарадкавання. Так, для ўздзеяння на грамадскую свядомасць у "Літоўскім Кур'еры" змяшчаліся прапагандысцкія публікацыі ў падтрымку імператарскіх маніфестаў. Пры гэтым, такія артыкулы не з'яўляліся прадуктам дзейнасці мясцовых публіцыстаў, а перадрукоўваліся з пецярбургскіх выданняў. Напрыклад, пасля маніфесту Мікалая І ад 25 студзеня 1831 г. аб пачатку руска-польскай вайны ў "Літоўскім Кур'еры" за 6 лютага 1831 г. быў перадрукаваны артыкул са "Штотыднёвіка Пецярбургскага", у якім сцвярджалася, што вынікі бунту могуць прывесці да згубы цэлага краю і "зрабіць цэлы народ адказным за злачынствы некалькіх асоб". Гаварылася аб супрацьстаянне дыктатара Ф. Хлапіцкага соймавым "дэмагогам", калі яны "ў самых дзёрзкіх выразах" склалі маніфест супраць Расіі. Прыводзіліся словы Ф. Хлапіцкага аб тым, што ён "не хоча кідаць суайчыннікаў у няроўную бітву з Расіяй, што народ польскі не мае ніводнай прычыны парушаць прысягі, дадзенай на вернасць Цару і Каралю". Аднак, 8 студзеня пасол Раман Солтык унёс прапановы аб адхіленні прысягі расійскаму манарху і аб абвяшчэнні вакантнасці польскага трону. У выніку, 13 студзеня 1831 г. адбылося агалашэнне "дзёрзкага акту" аб незалежнасць Польшчы. Напрыканцы артыкула ананімны аўтар пісаў: "Так бунтаўшчыкі пераўтварылі сябе ў прадстаўнікоў польскага народа, дадалі абразы Расіі, выставілі радзіму на ўсе няшчасці вайны". Таксама ён папярэджваў, што "брацкі народ рыхтуецца да вайны і выдае пракламацыі да расійскіх правінцый, заклікаючы да бунту" [15].

Наступная ананімная публікацыя ў жанры "сяброўскага ліставання" была надрукавана ў "Літоўскім Кур'еры" за 6 сакавіка 1831 г. пад назвай "Ліст да прыяцеля, які знаходзіцца за мяжой". Гэта публікацыя была прысвечана хлуслівасці замежнай журналістыцы і выкрывала няпраўду, якая змяшчалася ў часопісах і газетах тых краін, дзе "не абмежавана свабода слова". Ананімны аўтар пісаў, што большая частка публікацый у свабоднай прэсе "з'яўляюцца вынікам разваг людзей неспакойных, аднак іх нацэленая зброя бяссільна супраць Расіі і звязаных з ёю ў цесным саюзе іншых манархаў <…> Мы, расіяне, бачым толькі полымя і адчуваем смуродны пах дыму і попелу. Лава дасягнула падножжа той вялізарнай гары і заліла легкадумную Польшчу. Гэта няшчасце не ёсць няшчасцем Расіі. Але мужныя расійскія сыны, з рызыкай для ўласнага жыцця, спяшаюцца на дапамогу сваім братам дзеля іх уласнага ратунку. Расія далёкая ад непакою, ад усяго таго, што прыводзіць да шаленства людзей, якія хацелі запаліць цэлую планету" [19].

У двух нумарах "Літоўскага Кур'ера" ад 25 і 27 мая 1831 г. быў апублікаваны вялікі артыкул пад назвай "Некалькі разваг над апошняй польскай рэвалюцыяй". Асноўны сэнс гэтай публікацыі зводзіўся да падрабязнага пераліку даброт і ласк, якія зрабіў для палякаў імператар Аляксандр І і няўдзячнасць жыхароў Царства Польскага, якія паддаліся на замежныя ўплывы і здрадзілі расійскаму манарху [22].

У "Літоўскім Кур'еры" ва ўрадавай інтэрпрэтацыі падавалася інфармацыя пра паўстанне ў Варшаве [13; 14]. Як і ў "Штотыднёвіку Пецярбургскім", у "Літоўскім

Кур'еры" рэгулярна друкавалася хроніка баявых дзеяння расійскай арміі ў Царстве Польскім [11; 16; 17; 25] і лісты галоўнакамандуючага. Гэтыя публікацыі таксама насілі прапагандысцкі характар. Напрыклад, 30 студзеня 1831 г. у газеце быў надрукаваны ліст з галоўнага штаба да часовага Літоўскага ваеннага губернатара пра ўступленне расійскай арміі ў межы Царства Польскага. У ім гаварылася: "Войскі дзеючай арміі 24 і 25 студзеня на 11 розных пунктах уступілі ў межы Царства Польскага. Яго жыхары паўсюдна сустракаюць нашу армію прыязна і прапануюць харчаванне, якое мы знаходзім у вялікай колькасці. Гвалтам ўзятыя рэкруты пры нашым з'яўленні разбегліся. Зброю, якую яны вымушаны былі ўзяць, паўсюдна складаюць добраахвотна. Добрае стаўленне нашых салдат нараджае да нас давер. Шмат добрапрыстойных памешчыкаў жывуць спакойна ў сваіх маёнтках і не бяруць ніякага ўдзелу ў цяперашніх падзеях у Польшчы". Напрыканцы ліста часоваму Літоўскаму ваеннаму губернатару загадвалася распаўсюдзіць гэту інфармацыю ў падпарадкаваных губернях [11].

Частку публікацый "Літоўскага Кур'ера" складалі апавяшчэння насельніцтва беларуска-літоўскіх губернях ці жыхароў Вільні аб мерах, якія прымаюцца цэнтральнай і мясцовай адміністрацыі ў сувязі з паўстаннем у Царстве Польскім. Так, 9 студзеня 1831 г. у паведамлялася аб адміністратыўных пераўтварэннях–імператарскім указам ад 3 студзеня 1831 г. часовым Віленскім і Гродзенскім ваенным губернатарам быў прызначаны генерал-ад'ютант М. Храпавіцкі, які надзяляўся ўсімі адміністратыўнымі паўнамоцтвамі для кіравання Віленскай і Гродзенскай губернямі [12]. У сувязі з гэтым прызначэннем 23 лютага 1831 г. у надзвычайным дадатку "Літоўскага кур'ера" была надрукавана абвестка ў якой гаварылася, што шмат жыхароў Віленскай губерні дасылаюць да Літоўскага ваеннага губернатара прашэнні з мноствам дакументаў на польскай мове. Аднак "ваенны губернатар не ведае польскай мовы да такой ступені, каб дасланыя лісты і дакументы не чынілі складанасці". Гарадской і земскай паліцыі прадпісвалася праінфармаваць жыхароў Віленскай губерні, каб яны прашэнні на імя М. Храпавіцкага дасылалі на рускай і французскай мове, а асатнія дакументы перакладалі на рускую мову. Гэту інфармацыю было загадана тройчы агучыць у парафіяльных цэрквах і касцёлах з амбона, а таксама ў яўрэйскіх і караімскіх школах [18].

У надзвычайным нумары "Літоўскага кур'ера" за 10 студзеня 1831 г. была надрукавана прамова галоўнакамандуючага рускай арміі фельдмаршала І. Дзібіч-Забалканскага да палякаў, якую ён зрабіў 1 студзеня 1831 г. ў Гродна. Фельдмаршал заклікаў насельніцтва Царства Польскага "слухаць голас свайго манараха" і супрацоўнічаць з расійскай арміяй. Ён казаў: "Спакойныя жыхары, якія будуць нас прымаць як прыяцеляў і братоў, атрымаюць узаемнасць. Салдаты будуць плаціць за пастой ці жыхары атрымаюць распіскі, якія будуць прымацца ў падатковай касе". Далей фельдмаршал загадваў жыхарам мястэчак і вёсак здаць зброю. І. Дзібіч-Забалканскі папярэджваў, што мястэчкі і вёскі, якія будуць аказваць супраціў, у залежнасці ад ступені супраціву, будуць абкладацца большай альбо меншай кантрыбуцыяй. Жыхары, якія не здадуць зброю і будуць аказваць узброены супраціў расійскімі войскамі будуць аддадзены пад ваенны суд. За паўторны бунт або дзеянні ў тыле расійскай арміі – кіраўнікі будуць пакараны смерцю, а астатнія будуць сурова пакараныя. Фельдмаршал раіў, каб пазбегнуць нечаканасцяў пры набліжэнні расійскіх войск высылаць дэпутаыю з харугваю. Гэта будзе азначаць, што жыхары аддаюцца на літасць імператара, і што зброя ў гэтым месцы складзена. "Палякі, гэта прынцыпы, якімі будзе кіравацца расійскае войска" [9]. У некаторай ступені гэты зварот І. Дзбіч-Забалканскага датычыўся і жыхароў памежных з Царстам Польскіх губерняў, бо яны аказаліся ў тыле расійскай арміі. Таксама з мэтай папярэджання насельніцтва аб наступствах у выпадку непадпарадкавання ваеннай адміністрацыі і дзеянняў

накіраваных супраць расійскага ўрада 9 лютага 1831 г. у “Літоўскім Кур’еры” былі надрукаваны артыкулы Ваенна-крымінальнага статута [16].

З інфармаваннем насельніцтва беларуска-літоўскіх губерняў “Літоўскі Кур’ер” спраўляўся не вельмі аператыўна. Напрыклад, толькі 4 мая 1831 г. была надрукавана копія найвышэйшага загаду Мікалая I ад 22 сакавіка 1831 г. адносна бунту, які адбыўся ў трох паветах Віленскай губерні (Тэльшэўскім, Шавельскім, Расенскім) і пра намер імператара здзейсніць над бунтаўшчыкамі прыклад заслужанага пакарання, якое “ўстрымае тых, хто вагаецца і верне да абавязацельств і прысягі” [20]. Толькі 29 мая 1831 г. у газеце з’явілася перадрукоўка з дадатку да “Рыжскай газеты” за 30 красавіка 1831 г. пра “падаўленне літоўскіх бунтаўшчыкоў на Жмудзі”. Таксама ў артыкуле гаварылася пра вяртанне сялян да сваіх гаспадарак і пра абарону іх ад шляхты рускай арміяй. Паведамлялася пра ўвод расійскіх войск у Палангу і прадухіленне захопу яе мяцежнікамі. Адзначалася, што Цяльшанскім павеце яшчэ шмат бунтаўшчыкоў [20].

Канкрэтная інфармацыя пра хваляванні ў паветах Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай губерняў на старонках “Літоўскага Кур’ера” практычна адсутнічла. Такое замоўчванне інфармацыі цалкам адпавядала пазіцыі расійскай адміністрацыі, якую найбольш дакладна сфармуляваў Магілёўскі грамадзянскі губернатар М. Мураўёў: “Не рабіць нічога асабліва галоснага альбо большую важнасць заключаючую. Так як звяртанне ўвагі на які-небудзь прадмет з боку ўраду не спыняе розумы грубыя і неадукаваныя, але часам утрымлівае іх яшчэ больш у сваёй упартасці. Наадварот, усякая недарэчнасць, пакінутая без увагі знішчаецца сама сабой” [7, арк. 3адв.-4]. Нават у загадах і зваротах да насельніцтва ў сувязі з небяспекай захопу Вільні паўстанцамі цывільная адміністрацыя і ваеннае начальства аддавала перавагу “размытым” фармулёўкам (“розныя месцы”, “розныя паперы”, “розныя асобы”, “некаторыя жыхары”, “іншыя паветы”). Напрыклад, 18 мая 1831 г. у газеце быў надрукаваны зварот Літоўскага ваеннага губернатара. У ім гаварылася, што “пры прыбыцці бунтаўшчыкоў, якія знаходзяцца ў розных месцах Віленскай губерні, былі адабраныя розныя паперы. Аказалася, што розныя асобы мысляць з непрыхільнасцю да ўраду, забылі ўсялякія законы людскія <...>. Дбаюць больш пра ўласныя галовы, чым пра кроў тысяч людзей, якія за іх яе праліваюць. Імкнуцца памножыць лічбы сваіх ахвяр і прынесці спусташэнні дзе толькі можна. Некаторыя жыхары Вільні ўзяўшы сабе тытул патрыётаў, заклікаюць бунтаўшчыкоў іншых паветаў, каб набліжаліся да Вільні, каб здабыць горад штурмам” [21].

У той жа час інструкцыі і папярэджанні жыхароў горада з боку М. Храпавіцкі былі дастаткова канкрэтнымі: “Ваша першая павіннасць захоўваць супакой, быць пільнымі ў адносінах да ўсіх асоб, якія сваім уплывам могуць парушыць супакой, прынесці неспакой і разбурэнні <...> Калі будзе выступленне войск пад маім камандаваннем, жыхары Вільні павінны спакойна заставацца ў дамах. Усе асобы, якія будуць знаходзіцца на вуліцах, будуць лічыцца парушальнікамі парадку і войскі з імі будуць паступаць па-непрыяцельску” [21]. Таксама М. Храпавіцкі заявіў, што пры першых жа стрэлах ён перастане ручацца за войска, і ўсе няшчасці будуць на сумленні бунтаўшчыкоў. У гэтым жа распараджэнні М. Храпавіцкі паведаміў, што з гэтага моманту ніхто з Вільні без яго асабістага на то дазволу выехаць не зможа. Напрыканцы Літоўскі ваенны губернатар адзначыў: “Мне застанецца сведчыць перад Тронам ці пра захаванне вашай вернасці, у праціўным выпадку, быць сведкай вашай пагібелі” [21]. У тым жа нумары газеты ад 18 мая 1831 г. быў надрукаваны зварот галоўнакамандуючага рэзервовай арміяй графа Талстога. У ім гаварылася: “Па вышэйшаму загаду імператара выступаю з часткамі войска даручанай мне рэзервовай арміі да Віленскай губерні, каб пакласці канец бунту. Войскі ўжо ідуць. Да ўступлення іх у межы губерні, звяртаюся да мірных жыхароў і заклікаю іх, каб дапамагалі мне наладзіць супакой і парадак. Хай

сяляне вяртаюцца дахаты і выкарыстоўваюць пару года, хай займаюцца земляробствам. Згуба часу пагражае ім нястачай і беднасцю”. Галоўнакамандуючы адзначыў, што той, хто быў уцягнуты ў тлум бунтаўшчыкоў, здасць зброю і вернецца да свайго дома, знойдзе справядлівую ахову і захаваную ўласнасць. Бунтаўшчыкоў жа чакае пакаранне” [21]. У сувязі з эканамічнымі спагнаннямі віленская губернская адміністрацыя адаслала ў “Літоўскі Кур’ер” указ Мікалая I ад 6 мая 1831, які быў надрукаваны ў газеце 1 чэрвеня 1831 г. У дакуменце гаварылася, што “ў выніку бунта ў некаторых паветах вернутых ад Польшчы губерняў, шмат жыхароў аказаліся яўнымі ворагамі Дзяржавы. Сілаю указу ад 22 сакавіка 1831 г. іх маёнткі павінны быць забраны ў казну, каб не ўкараняць злачынцаў, а таксама захаваць маёнткі ад руйнавання” [24]. Паўторна ўказ пра секвестр маёнткаў быў надрукаваны ў газеце 3 чэрвеня 1831 г. [25].

У час падаўлення хваляванняў у паветах беларуска-літоўскіх губерняў расійскі ўрад у выкарыстоўваў не толькі “бізун”, але і “пернік”, што знайшло адлюстраванне на старонках “Літоўскага Кур’ера”. Важным палітычным момантам было тое, каб праціўнікі Расійскай імперыі прызналі памылковасць сваіх пазіцый і пакаяліся перад расійскім манархам за здраду. Гэта давала магчымасць Мікалаю I прадэманстраваць сваю міласэрнасць, а ўдзельнікам хваляванняў выратаваць сваю маёмасць. У якасці паказальнага прыкладу ў “Літоўскім Кур’еры” ад 12 чэрвеня 1831 г. была змешчана інфармацыя аб тым, што жыхары Віленскай губерні Адам Горскі і Напалеон Пшэвлоцкі, адстаўны паручнік Стэфан Білевіч і князь Гедройц добраахвотна склалі зброю і здаліся расійскім уладам. Яны напісалі прашэнні на імя імператара, у якіх тлумачылі, што “гвалтам і толькі бояззю смерці былі прымушаны да ўдзелу ў бунце”. Мікалай I не толькі дараваў ім прабачэнне, але загадаў інфармацыю пра тое, якім шляхам паўстанцы могуць атрымаць манаршую міласць распаўсюдзіць праз пошту, газеты, паліцыю, цэрквы [26]. Важнасць гэтай інфармацыі пацвярджалася яе паўторнай публікацыяй у газеце ад 15 чэрвеня 1831 г. [27].

Услед за артыкулам, які быў прысвечаны прабачэнню Мікалаем I пакаяўшыхся ўдзельнікаў паўстання, 19 чэрвеня 1831 г. у “Літоўскім Кур’еры” быў змешчаны імператарскі ўказ ад 4 чэрвеня 1831 г., у ім гаварылася: “Вынікам нашага ўказа ад 6 мая стала тое, што некаторыя жыхары ўхіляюцца ад падтрымкі паўстанцаў. Сталі добраахвотна даваць паказанні ваенным начальнікам, што яны толькі пад страхам былі ўцягнуты ў бунт і прасілі аб памілаванні”. Імператар загадаў такіх людзей адпускаць да іх маёнткаў. Людзей ніжэйшых саслоўяў, якія ўдзельнічалі ў бунце, але здаліся, таксама вяртаць да іх дамоў і дараваць прабачэнне. У той жа час імператар загадаў паступаць у адпаведнасці з ваенным крымінальным статутам з тымі “хто атрымаюць прабачэнне, але застануцца ўдзельнікамі любых бунтаўніцкіх замыслаў <...> хто не скарыстае манаршай міласці і застанецца ў бандах бунтаўшчыкоў, або будуць нападаць і забіраць пошту, кур’ераў або праязджаючых, альбо чыніць іншыя бяспраўя” [28].

Такім чынам, разам з сілавымі метадамі для падаўлення паўстання 1830 – 1831 гг. расійскі ўрад актыўна выкарыстоўваў прапаганду. Адным з важных інструментаў антыпаўстанцкай прапаганды быў польскамоўны друк. На старонках гэтых перыядычных выданняў (сталічных і губернскіх) змяшчаліся не толькі імператарскія маніфесты і паведамленні аб ходзе баявых дзеянняў ў Царстве польскім. Значная частка публікацый (ананімныя артыкулы, ананімныя “сяброўскія лісты”) навязвала чытачам адносіны да падзей і да асобаў у Царстве Польскім і ў іншых еўрапейскіх краінах, укараняла ў свядомасць месіянскую ролю расійскіх манархаў і Расійскай імперыі ў цэлым. Таксама на старонках польскамоўнай прэсы друкаваліся загады і распараджэнні губернскай адміністрацыі і ваеннага начальства, якія папярэджвалі жыхароў беларуска-літоўскіх губерняў аб небяспецы рэпрэсіўных дзеянняў у выпадку любых антыўрадавых дзеянняў.

1. Бибиков, Григорий Н. А.Х. Бенкендорф и политика Николая I / Григорий Бибиков. – М.: Три квадрата, 2009. – 424 с.
2. Воззвание к войскам и народу Царства Польского // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе / С 1825 по 1881 гг. СПб.: Типография II Собственной ЕИВ канцелярии, 1840–1884. –Т. 5. – № 4183.
3. Вылежынский, Ф.И Император Николай Первый и Польша в 1830 году / предисловие и перевод с французской рукописи К.А. Военского. – Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1903. – 62 с.
4. Загорнов, А.А. Цензура в Беларуси: законодательство и практика в первой половине XIX века / А.А. Загорнов. – Брест: БрГУ, 2006. – 118 с.
5. О возмущении произошедшем в Варшаве. // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе / С 1825 по 1881 гг. СПб.: Типография II Собственной ЕИВ канцелярии, 1840–1884. –Т. 5. – № 4183.
6. О вступлении действующей армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе / С 1825 по 1881 гг. СПб.: Типография II Собственной ЕИВ канцелярии, 1840–1884. – Т. 6. – № 4285
7. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Арк. 3 адв. – 4.
8. Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение (1826–1855). // Журнальный зал. [Электронныя рэсурс]. – 2012. – Рэжым доступу: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/reitbl.html. Дата доступу: 22.10.2012.
9. Kuryer Litewski. (dadatak nadzwyczayny). – 10.01.1831 r.
10. Kuryer Litewski. (dadatak nadzwyczayny). – 30.01. 1831 r.
11. Kuryer Litewski. (dadatak nadzwyczayny) – 3.03.1831 r.
12. Kuryer Litewski. – № 4. – 9.01.1831 r.
13. Kuryer Litewski. – №6. – 14.01. 1831 r.
14. Kuryer Litewski. – № 9. – 20.01.1831 r.
15. Kuryer Litewski. – № 16. – 6.02.1831 r.
16. Kuryer Litewski. – №17. – 9.02.1831 r.
17. Kuryer Litewski. – №21. – 18.02.1831 r.
18. Kuryer Litewski – № 23. – 23.02.1831 r.
19. Kuryer Litewski. – № 28. – 6.02.1831 r.
20. Kuryer Litewski. – № 53. – 4.05.1831 r.
21. Kuryer Litewski. – № 61. – 18.05.1831 r.
22. Kuryer Litewski. – №64. – 25.05.1831 r.
23. Kuryer Litewski. – №65 – 27.05.1831 r.
24. Kuryer Litewski. – № 67. – 1.06.1831 r.
25. Kuryer Litewski. – № 68. – 3.06.1831 r.
26. Kuryer Litewski. – № 72 – 12.06.1831 r.
27. Kuryer Litewski. – № 73. – 15.06.1831 r.
28. Kuryer Litewski. – № 75. – 19.06.1831 r.
29. Od Napoleona do Stalina: studia z dziejów XIX i XX wieku / pod red. Teresy Kulak. – Toruń, Adam Marszałek, 2007. – 310 *s*.

Луговцова С.Л.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА 1839 г.

В июле 1839 г. в Вилейской почтовой конторе было получено письмо на имя местного помещика Викентия Корсака. Узнав о корреспонденции на свое имя, Корсак в присутствии почтмейстера Кузнецова вскрыл письмо, публично вытряс конверт, демонстрируя, что в нем ничего не содержится, кроме сложенного листа. А затем вслух прочитал текст, причем при этом присутствовал в качестве свидетеля Вилейский уездный предводитель дворянства Петровский. Последний подтвердил правильность перевода, так как письмо было написано на польском языке, которого почтмейстер не понимал. Почему же присланный конверт был вскрыт с такой предосторожностью, как будто в нем содержалось некое взрывоопасное вещество? Письмо, действительно, представляло опасность для получателя, так как было отправлено одним из

«главнейших злоумышленников» [2, л. 24] против российской власти Михаилом Ходько.

М. Ходько (1808–1839) успел заслужить такую репутацию задолго до происходивших событий. Ещё студентом Виленского университета он был участником обществ филоматов и филаретов. В 1830–1831 гг. принял самое активное участие в восстании, получил чин капитана. После поражения восстания бежал за границу, провел несколько месяцев под арестом в Клайпеде, затем удалился в эмиграцию. Во Франции стал сторонником взглядов И. Лелевеля и остро критиковал политиков из аристократического лагеря А. Чарторыйского [5, с. 388]. В апреле 1832 г. в г. Безансон было основано Общество Братского Единения (Towarzystwo Zjednaczenia się Braterskiego). М. Ходько вошел в руководство организации [4, с. 60]. Объединение было идейно близко созданному в декабре 1831 г. в Париже Обществу Литовскому и Земель Русских (Towarzystwo Litewskie I Ziem Ruskich). Как свидетельствует Устав общества, главными его целями были: сбор материалов по истории восстания в Литве и русских землях, описание этих территорий с исторической и статистической точки зрения и исследование их населения [4, с. 48–49]. В 1835 г. М. Ходько опубликовал воспоминания «Экспедиция в Польшу в 1833 г. одного из эмиссаров» [1, с. 74]. Из Безансона он переехал в Париж, где в мае 1832 г. вступил в Общество Литовское и Земель Русских, одновременно принадлежал к международной масонской ложе и обществу парижских карбонариев [5, с. 388].

В конце 1832 г. М. Ходько вступил в общество “Месть народа”, а в 1833 г. участвовал в экспедиции Ю. Заливского. Последний считал, что население бывших польских провинций, захваченных Российской империей, готово вновь начать борьбу, ему только необходимо дать толчок. Этим толчком должен был стать приезд эмиссаров из эмиграции и формирование ими партизанских отрядов. Определенные надежды возлагались также на европейские революции, которые начнутся одновременно с новым восстанием и не дадут прусской и австрийской монархиям вмешаться в польские дела [4, с. 79].

М. Ходько был назначен в экспедиции командиром пинско-слуцкого округа. Однако ему не удалось одновременно с другими эмиссарами перейти границу, а после возвращения Заливского из Царства Польского в этом уже не было смысла. Он остался в Галиции и совместно с другими эмиссарами занимался организацией карабинерского движения и подготовкой продолжения экспедиции. Однако и в Галиции ему не удалось задержаться на длительное время. Уже в 1834 г. он был вынужден вернуться во Францию [4, с. 95]. В Париже М. Ходько продолжал активно участвовать в деятельности Общества Литовского и Земель Русских. В 1838–1839 гг. стал соредактором демократического издания “Полюс” [5, с. 389].

Раскрыв только самые яркие факты из биографии М. Ходько к 1839 г., становится ясно, что получить письмо от такого человека в Российской империи в 30-е гг. XIX в. было крайне опасным. Таким образом, В. Корсак постарался максимально оградить себя от переписки с братом (со стороны матери, происходившей из рода Корсаков). Казалось, его тактика имела успех. Минский гражданский губернатор Н.В. Сушков нашел рассказ о происшествии “истинно преданного престолу и истинно природного россиянина” почтмейстера Кузнецова правдивым [2, л. 24]. И посчитал возможным оставить В. Корсака на свободе, “дабы к подобным предъявлениям приохотить и других” [2, л. 41 об.].

В чем же собственно состояло содержание письма М. Ходько? Это текст лирического характера с рассказом о новостях, с попытками узнать что-то новое о родных и близких. Письмо переполнено ностальгией по родине, автор не стесняется признаться, что это самые дорогие его вспоминания, но и самые горькие, каждый раз

вызывающие слезы и печаль: «Восемь лет, длинных горьких, а мне кажется, что я вас вчера оставил, столь сильно представляется памяти моей всякий предмет родимого уголка, не только каждое милое живущее творение. Кажется, что после стольких слез, после стольких вздохов, источник слез уже должен был иссякнуть… но человек плачет и вздыхает всякий день, всякий час... В минуты свободнейшие от занятий люблю переноситься между вами, забывая о своем несчастии. Отрада единственная и потому милая, хотя горькая, есть свойство чувствительного сердца. Люди зовут меня идеалистом, но я не отдал бы моего идеала ни на одну минуту за их действительность, где без идеала, без всей власти нравственной жизни, ни одной минуты человек честный прожить не в состоянии» [2, л. 5–6].

М. Ходько рассказывает о себе и своих родных братьях Станиславе и Феликсе. Все они не получали никакой материальной помощи из дома и вынуждены были зарабатывать на жизнь собственным трудом, чем автор гордиться: «…и поверь, друг мой, что хотя трудимся, но нисколько не завидуем тем, кои имеют из дому денежное пособие, ибо они возвратятся такими же, как и прибыли, а вы сами знаете, что нам должно очень перемениться, в противном случае беда нам и вам!» [2, л. 7]. Надо сказать, что Ходько принадлежал к тому кругу шляхетских революционеров, которые мучительно переживали итоги восстания 1830–1831 гг., искали причины поражения в отсутствии поддержки в среде крестьянства, считали необходимым отказаться от шляхетских привилегий и выступить единым фронтом со вчерашними крепостными против общего врага. Исследуемое письмо подтверждает, что мысли и слова М. Ходько не расходились с его делами. В частности, он поддерживал дружеские отношения со своими бывшими слугами Иоахимом и Климентом, бежавшими с ним за границу, с радостью сообщал в письме, что они не только сумели найти себе хорошую работу, но и научились читать и писать по-французски [2, л. 9 об.]. Отметим, что такое содружество слов и поступков было скорее исключением, чем правилом в шляхетской среде. Например, один из наиболее известных эмиссаров Ш. Конарский, активно призывавший говорить с крестьянами как с равными и готовить их к совместной борье с российским самодержавием, сам так и не сумел преодолеть шляхетскую спесь и найти общий язык с крепостными, как в австрийской Галиции, так и в пределах Российской империи [3].

В своем письме М. Ходько сожалеет о поведении родной сестры Софьи, которая забыла о его существовании, хочет узнать, жива ли мать, вздыхает о некой Эвелине, передает привет «Карлу В.», просит В. Корсака через виленского книгоиздателя Ю. Завадского выслать ему вышедшие произведения знаменитого «Яна из Свислочи» (на самом деле, своего отца Яна) [2, л. 7–9 об.].

Минский губернатор Н.В. Сушков нашел содержание письма «мечтательным» и не опасным и посчитал возможным считать инцидент в Вилейской почтовой конторе исчерпанным. Однако у Виленского военного губернатора и генерал-губернатора Гродненской и Минской губерний П.А. Долгорукова оказалось иное мнение. Последний решил, что В. Корсак публично вскрыл письмо не столько «по доверию и откровенности к правительству», сколько из опасения подвергнуться ответственности и с намерением «отвлечь подозрения в сношениях с означенным злоумышленником» [2, л. 42]. В связи с чем, у Корсака был произведен обыск (ничего не дал), он был допрошен и уверял, что никакого Завадского не знает и никаких отношений с эмигрантами не поддерживает. Тем не менее, по требованию генерал-губернатора за помещиком был учрежден “бдительный надзор полиции” [2, л. 42 об]. Были также допрошены упоминавшиеся в письме Эвелина Грегорович, Софья Неборовская (фамилия сестры М. Ходько в замужестве) и Карл Ванькович.

Софья утверждала, что она действительно получала от брата четыре письма, но предъявила их бывшему Минскому губернатору А. Дребушу, что подтвердилось записями в губернаторской канцелярии. Эвелина Грегорович согласилась, что была знакома с М. Ходько до восстания 1830–1831 гг., однако никакой переписки впоследствии с Михаилом она не вела и о любви, питаемой к ней, ничего не знает. Помещик К. Ванькович признался, что был знаком с Ходько ещё в те времена, когда Михаил служил в губернаторской канцелярии, однако переписки с ним никогда не вел. Он также отметил, что М. Ходько имел не только родителей, но и многих родственников в Вилейском уезде, был знаком практически со всеми чиновниками Минска, так что бывал не только в его доме, но и практически во всех минских домах [2, л. 43–44]. В апреле 1840 г. Н.В. Сушков вновь предлагал генерал-губернатору прекратить дело [2, л. 45]. Решающим в этом вопросе стало мнение самого А.Х. Бенкендорфа. Глава III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии ознакомился с делом в сентябре 1839 г. и вынес вердикт, что в письме М. Ходько «не заключается ничего особенного» [2, л. 16 об.].

Несмотря на столь весомое мнение, дело было закрыто далеко не сразу. Во-первых, переписка между ведомствами заняла определенный промежуток времени. Во-вторых, все произведения Яна Ходьки были повторно отправлены на изучение виленскому цензору П. Кукольнику. Последний не только не нашел в книгах “Яна из Свислочи” антиправительственных мыслей, но и высоко оценил их простоту, легкий стиль, а также “в высшей степени народность изображаемых лиц” [2, л. 31–32 об.].

Таким образом, исследование письма М. Ходьки дает нам представление: о функционировании местного государственного аппарата Российской империи, где мнение чиновника столь высокого ранга, как губернатор, легко не принималось в расчет вышестоящим начальником (генерал-губернатором), который собственно и принимал окончательное решение по делу; о высокой централизации управления, когда переписку эмигранта читал лично шеф III-го Отделения; об образе жизни и мыслей «идеалиста» Ходько. И ещё. Письмо вызывает сложные раздумья о дружбе и предательстве, любви и верности, нежности к близким и ответственности за их благополучие. Но это уже источник не только для исторической науки.

1. Аўсяная, М. Ходзька Міхал / М. Аўсяная. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын; Дадатак / Беларус. Энцыкл.: рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2003. – С. 73–74.
2. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Ф. 378 (Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, г. Вильно). Политический отдел. 1839 г. Д. 95 на 70 л.
3. Луговцова, С.Л. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838–1839 гг. / С.Л. Луговцова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 5 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.] – Минск: БГУ, 2010. С. 262–272.
4. Матвейчык, Д.Ч. Выгнаныя з роднага краю: Паслялістападаўская эміграцыя з Беларусі і Літвы (1830–1870-я гады) / Д.Ч. Матвейчык. – Мінск: Лімарыус, 2011. – 200 с.
5. Rębalski, W. Chodźko Michal Borejko / W. Rębalski // Polski Słównik Biograficzny: W. Konopczynski (redaktor główny). – T. III (Brożek Jan – Chwalczewski Francisyek).–Krakow: Drukarnia Uniwersitety Jagiellonskiego, 1937. – S. 388–389.

Игнатовец Л.М.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (1829–1850 гг.)

Белорусский учебный округ (далее–БУО) являлся учебно-административным подразделением Министерства народного просвещения Российской империи, в ведении которого находились общеобразовательные начальные и средние, а также женские и еврейские учебные заведения. БУО функционировал не только в целях повышения уровня

образования местного населения, но и являлся инструментом проведения русификации системы образования на белорусских землях в 1829–1850 гг.

Источники по истории БУО можно разделить на законодательные акты, материалы делопроизводства, статистические сведения и мемуары.

Законодательные акты, относящиеся к регулированию деятельности БУО, содержатся во втором собрании «Полного собрания законов Российской империи» [16]. Это собрание законов дополняется и дублируется тематическими сборниками законодательных актов, регулировавших сферу образования Российской империи: «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» [18], «Собрание постановлений по Министерству народного просвещения с 1 января 1829 по 21 марта 1833 г.» [21], «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» [20], «Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения» [4]. Названные сборники включают не только указы и утвержденные императором положения, но также документы, обусловившие их появление (доклады министров и генерал-губернаторов, постановления Комитета министров и Комитета устройства учебных заведений и др.), что позволяет проследить все ступени подготовки того или иного законодательного акта. В сборниках опубликованы, в частности, указы: об образовании БУО; о включении в его состав Минской, Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области; о ликвидации округа; об открытии, закрытии и реорганизации учебных заведений округа. Опубликованные в сборниках документы отражают не только факт принятия решений, но, в ряде случаев, и их идеологические мотивы, которые в отношении деятельности БУО заключались в русификации входивших в его состав губерний. В сборниках содержатся и общероссийские нормативные акты, которыми руководствовались в своей деятельности попечитель, административные органы управления БУО и различные типы учебных заведений округа: Устав гимназий, уездных и приходских училищ, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского (1828 г.), который был взят за основу реорганизации системы образования в БУО в 1830 г.; Положение об учебных округах Министерства народного просвещения (1835 г.), распространенное на БУО в 1836 г.; Положение о частных учебных заведениях (1835 г.) и другие.

Указы о назначении, увольнении, награждении попечителей (Г.И. Карташевского, Э.А. Грубера) и других чиновников БУО опубликованы в Журнале Министерства народного просвещения за 1835 и 1842 гг.

Материалы делопроизводства представлены различного уровня отчетами, журналами заседаний коллегиальных органов, служебной перепиской, учебной документацией.

Ежегодные отчеты министра народного просвещения, публиковавшиеся в Журнале Министерства народного просвещения начиная с 1834 г., отражают основные мероприятия, проводившиеся по ведомству министерства, дают довольно подробную характеристику состоянию системы образования в каждом учебном округе. Аналогичную информацию, но уже по каждой губернии, содержат отчеты дирекций училищ, отправлявшиеся попечителю БУО, на основании которых он составлял сводный по округу отчет, представлявшийся, в свою очередь, министру народного просвещения. Отчеты попечителя и дирекций училищ хранятся в фонде 567 Управление Виленского учебного округа (далее – фонд 567) в Государственном историческом архиве Литвы (далее – ГИАЛ) и в фонде 3157 Канцелярия попечителя Белорусского учебного округа (далее – фонд 3157) в Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ).

Важным источником по истории образования обозначенного периода является отчет министра народного просвещения С.С. Уварова за десятилетие управления им министерством (1833–1843 гг.), вышедший отдельным изданием в 1864 г. [3]. Этот

документ отражает основные направления деятельности министерства (в указанном десятилетии) и достигнутые им результаты, в контексте которых оценивается и деятельность БУО.

Ценным источником для понимания причин и цели образования БУО является отчет профессора Санкт-Петербургского университета О.И. Сенковского о визитации учебных заведений Витебской и Могилевской губерний в 1826 г., а также разработанный им проект устройства системы образования в двух белорусских губерниях [2]. Эти документы хранятся в фонде 567 ГИАЛ. Многие из предложений О.И. Сенковского легли в программу деятельности округа по русификации системы образования в белорусских губерниях: в частности, его предложение о закрытии учебных заведении, содержавшихся католическим и униатским духовенством, и создания сети светских учебных заведений, финансируемых правительством. Именно О.И. Сенковскому принадлежит идея об учреждении на территории Беларуси лицея – высшего учебного заведения, «одним только градусом ниже университета».

Другим видом делопроизводственной документации являются журналы заседаний Комитета устройства учебных заведений и Комиссии рассмотрения проекта устава учебных заведений, хранящиеся в делах фонда 733 Департамент Министерства народного просвещения (далее – фонд 733) Российского государственного исторического архива (далее – РГИА). На заседаниях этих совещательных органов рассматривались проект устройства системы просвещения в белорусских губерниях, разработанный О.И. Сенковским, и вопрос о назначении для этих губерний особого попечителя, – решения по этим вопросам были оформлены в пунктах Указа от 17 января 1829 г. «О дополнительных правилах к устройству Белорусских учебных заведений», согласно которому фактически был создан БУО.

Такой вид источников как служебная переписка отражает процесс и результаты применения законодательных норм на практике, а также вскрывает причины, инициировавшие издание того или иного законодательного акта. Дела фонда 3157 НИАБ содержат документы, отражающие ход реорганизации системы образования в БУО в первый период его деятельности, когда округ состоял из учебных заведений Витебской и Могилевской губерний: разработанный первым попечителем Г.И. Карташевским проект устройства системы образования в округе, который лег в основу Указа от 9 сентября 1830 г.; переписку попечителя с министром об открытии лицея в Орше, о закрытии учебных заведений, содержавшихся католическим и униатским духовенством, об открытии светских учебных заведений в Витебской и Могилевской губерниях. Документы, отражающие подобные процессы в Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской области хранятся в делах фондов 567 ГИАЛ и 733 РГИА. В фонде 733 РГИА находится докладная записка министра народного просвещения С.С. Уварова, которая проливает свет на действительные причины отмены решения об учреждении лицея в Орше, которые до недавнего времени не были освещены в историографии. Дела фондов 1297 Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского (НИАБ), 1430 Канцелярия Витебского гражданского губернатора (НИАБ), 295 Канцелярия Минского гражданского губернатора (НИАБ) содержат переписку генерал-губернатора и губернаторов с попечителем БУО по поводу решения вопросов, связанных с финансовым и материальным обеспечением деятельности учебных заведений округа, а также по усилению надзора за учителями и учениками [9; 11; 9; 10; 12; 13; 14].

Как отдельную подгруппу источников можно выделить служебные записки официальных лиц по актуальным вопросам общественной и государственной жизни, содержавшие и пропагандировавшие различные политические идеи, оценки, прогнозы и предложения. Некоторые из этих документов опубликованы. Это записка генерал-

губернатора Витебского, Могилевского, Смоленского и Калужского Н.Н. Хованского [18, с. 1783–1788], которая привлекла внимание правительства к проблемам системы образования двух белорусских губерний (Витебской и Могилевской), и в которой впервые прозвучала идея о необходимости русификации учебного процесса в этих губерниях. Эту идею, уже в процессе ее реализации, поддерживал Могилевский гражданский губернатор М.Н. Муравьев в своих записках о способах сближения «Северо-Западного края» с Российской империей [8]. В одной из этих записок М.Н. Муравьев выказывал полное одобрение деятельности попечителя БУО Г.И. Карташевского по русификации системы образования края. Особый интерес представляет и записка Витебского губернатора С.А. Долгорукова «О причинах неприязненных действий помещиков Витебской губернии в отношении к православию» [18, л. 4–7 об.], представленная императору 18 марта 1849 г., в которой губернатор дает негативную оценку деятельности БУО по русификации системы образования.

Учебная документация представлена учебными планами и программами, расписаниями занятий, ведомостями успеваемости учащихся, реестрами книг и учебных пособий. Сюда относятся и списки учителей, исходя из которых, можно судить об уровне их квалификации, и соответственно, об уровне преподавания. Документы, содержащие подобную информацию, находятся в фондах: 567 ГИАЛ, 3157 НИАБ, 2507 Витебская дирекция народных училищ НИАБ, 2254 Могилевская дирекция народных училищ НИАБ, 991 Дирекция школ Виленской губернии ГИАЛ. Кроме того, программы экзаменов в гимназиях БУО были опубликованы в отдельном издании [17].

К статистическим материалам относятся таблицы, содержащие информацию о количестве учебных заведений, числе чиновников, учителей и учащихся в учебных заведениях БУО. Эти таблицы публиковались с 1834 г. в Журнале Министерства народного просвещения вместе с ежегодными отчетами министра народного просвещения. В эту же группу источников можно отнести и списки чиновников и учителей БУО за определенный год, опубликованные в «Месяцеслове и общем штате Российской империи на 1839 год» [6].

Такая группа повествовательных источников как мемуары представлена воспоминаниями попечителя Виленского учебного округа князя А. Чарторыйского [22], Виленского генерал-губернатора Ф.Я. Мирковича [7], публициста Ф. Булгарина [1], мирового посредника И.Н. Захарьина [5], ознакомление с которыми дает более ясное представление об исследуемой нами эпохе и ее актуальных проблемах, в том числе и в сфере образования.

Таким образом, источники по истории функционирования БУО многообразны и репрезентативны, что позволяет с достаточной степенью достоверности выявить причины создания и ликвидации округа, определить направления его деятельности и оценить ее итоги.

1. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года / Ф.В. Булгарин // Выбранае. – Мінск: “Беларускі кнігазбор”, 2003. – С. 171–223.
2. Государственный исторический архив Литвы. – Ф. 567. – Оп. 2. – Д. 2255.
3. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. Докладная записка министра народного просвещения царю от 1843 года. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. – 161 с.
4. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. – СПб., 1867.
5. Захарьин, И.Н. Воспоминания о службе в Белоруссии в 1864–1870 годах / И.Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – № 3. – С. 538–565; Захарьин, И.Н. Воспоминания о службе в Белоруссии в 1864–1870 годах / И.Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – № 4. – С. 56–96.
6. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 год. – СПб: Императорская Академия наук, 1839.
7. Миркович, Ф.Я. Из записок Ф.Я. Мирковича / Ф.Я. Миркович // Русский архив. – 1890. – № 3. – С. 395–434.

8. Муравьев, М.Н. Четыре политические записки о Северо-Западном крае. 1830 г., 1831 г., 1864 г., 1865 г. / М.Н. Муравьев // Русский архив. – 1885. –№ 6. – С. 161–199.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1297. – Оп. 1. Д. 7459.
10. НИАБ. – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 10253.
11. НИАБ. – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 10582.
12. НИАБ. – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 8346.
13. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 2260.
14. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 2432.
15. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 2474.
16. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: в 55 т. – СПб.: в Типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830–1884. – Т. 3: 1828–1830. – 1642 с.; – Т. 4: 1829–1830. – 1656 с.; – Т. 6: 1831–1832. – 846 с.; – Т. 7: 1832–1833. – 1492 с.; – Т. 9: 1834–1835. – 891 с.; – Т. 25: 1850–1851. – 762 с.
17. Программы для производства испытаний в гимназиях Белорусского учебного округа. – Вильна: в типографии Ф. Гликсберга, 1847. – 340 с.
18. Российский государственный исторический архив. – Ф. 733. – Оп. 66. – Д. 918.
19. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1875. – Т.1: Царствование императора Александра I, 1802–1825. – 1875. – 1864 с.; – Т.2: Царствование императора Николая I, 1825–1855, отделение 1: 1825–1839. – 1875. – 1576 с.; – Т.2: Царствование императора Николая I, 1825–1855, отделение 2: 1840–1855. – 1875. – 1648 с.
20. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866–1904. – Т.1: 1802–1834. – 1866. – 988 с.; – Т.2: 1835–1849. – 1866. – 1104 с.; – Т.3: 1850–1864. – 1867. – 1118 с.
21. Собрание постановлений по Министерству народного просвещения с 1 января 1829 по 21 марта 1833 г. – СПб.: императорская Академия наук, 1833. – 340 с.
22. Чарторыйский, А.Е. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: т. 1–2 / А.Е. Чарторыйский. – Т. 1. – 1912. – [2], X, 388 с.

Лякишева С.И.

КОЛЛЕКЦИЯ ПЕЧАТНЫХ СХЕМ ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»: НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В разнообразии объектов исследования в историческом источниковедении, к которым относятся документы, письма, денежные знаки, оружие, картины и т.д., существует еще один, не являющийся характерным, объект с большим информационным потенциалом для многоаспектного исследования – печатные схемы для вышивания. Их можно отнести к области источниковедения, занимающейся изучением нетекстовой информации в сочетании с текстовой. Большой интерес, проявленный на конференции «Музеи, библиотеки и архивы как институты исторической памяти» 14–15 мая 2013 года в Орловском государственном институте искусств и культуры к докладу «Немецкие печатные схемы для усадебной вышивки в яснополянском музее», подтвердил мысль о необходимости развития этой темы.

Мнение о вышивании как всего лишь о виде бесхитростного досуга достаточно устойчивое: чем еще можно было заниматься в усадьбах за несколько сотен верст от столицы, в окружении вышколенных слуг? Однако видовое разнообразие зарубежной и отечественной печатной продукции по рукоделию позволяет взглянуть на усадебную вышивку иначе. Дворянские женские библиотеки в конце XVIII – начале XIX в. благодаря почтовым услугам систематически пополнялись продукцией по рукоделию. Ежедневно по несколько тысяч схем для вышивания доставлялось в Россию из Франции, Германии, Бельгии, Италии; стремительно, в связи с повышенным спросом, увеличивался выпуск и своих, отечественных. Уникальную продукцию везли из путешествий: русские дворяне, находясь, например, в Париже, заходили в «Магазин для барышень» на Монмартре, 25, где можно было купить ноты и 300 рисунков для вышивки, перечень которых приводился в рекламных буклетах магазина. Постепенно в

дворянских усадьбах формировался уникальный печатный фонд по рукоделию, позволивший выделить усадебную вышивку в специфичный вид декоративно-прикладного искусства, отличающийся от других видов вышивки особым целевым назначением и символико-смысловой нагрузкой.

Беречь такой фонд было непросто: бумажные схемы переходили из рук в руки, быстро ветшали и приходили в негодность. Примером образцового хранения печатной продукции по рукоделию является яснополянский дом, где строгую систему в содержании бытовых вещей соблюдала Софья Андреевна Толстая. Дом Л.Н. Толстого хранит не только память о писателе, но и семейный уют, который на протяжении многих десятилетий создавался руками маменьки, тетушек, жены и дочерей, поскольку рукоделие являлось одним из главных и почитаемых предметов домашнего воспитания, основанного на строгости, образованности и благодетельности. В яснополянском музее печатная продукция по рукоделию хранится в закрытых фондах; постепенно, по мере изучения, у нас появляется система общей теории по усадебной вышивке, изучаются ее элементы: теория идентификации и теория диагностики специализированных печатных схем как основы усадебной вышивки.

Рассмотрим потенциал исторического источниковедения в схемах по вышиванию, касаясь в целом печатной продукции по рукоделию. Исходная информация этих музейных предметов, казалось бы, минимальная и примитивная: на схемах обычно представлен узор, который можно было разным способом передать на ткани. Как правило, не обращается внимания на информацию, данную мелким шрифтом где-нибудь в углу схемы. Однако при детальном изучении музейные предметы удается систематизировать по художественному исполнению, географическому признаку, целевому и идеологическому назначению, выявляя не столько прикладное, но, прежде всего, эстетическое, познавательное, философское и символическое значение.

Интерьеры усадебной эпохи неслучайно оформлялись с использованием разных видов вышивки. Героиня любимого всеми русскими дворянками романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» берет в служанки жену Клода Анэ и учит ее «всяким рукоделиям, какие полагается знать горничной» [1, с. 413]. Речь идет, разумеется, не о видах техники рукоделия, а о смысловой стороне «работы», как называл дамскую вышивку в своих произведениях Л.Н. Толстой. С XVIII в. в России женщины становились все более образованными, изучали иностранные языки, знакомились с направлениями разных культур, – всему этому, в частности, способствовали появляющиеся схемы для вышивания, дающие целостное представление о женском рукоделии как высоком искусстве, основанном не только на разнообразном практическом умении, но и глубоком знании библейских сюжетов, мифологии, флористики и умении «читать» символику иллюстративного материала. Не так просты печатные схемы с сюжетной картиной, где крестьянская девушка с шестью кувшинами на коромысле остановилась у барского дома (инв. № 1574/39); существовали целые серии с изображением плотников, шляпочниц, торговцев птичьими перьями, оружейников, белошвеек, корсетниц; вполне объяснима печатная схема с изображением притаившегося охотника с ружьем на фоне роскошного горного пейзажа (инв. № 1574/38), столяра с обечайкой от круглого стола и киянкой в кармане; другая тема – перекрещенные горн и скипетр, овитые двумя змеями на фоне лиры с розами (инв. № 1574/40). Это вовсе не примитивные изображения – схемы предстают как объективный исторический источник для изучения основных тенденций развития моды, посуды, домашней утвари, одежды, военных атрибутов, архитектурных сооружений, масонских знаков и т.д. Неслучайно они подвергались строгой цензуре.

При изучении формирования фонда печатных схем в усадебном доме возникает вопрос о подлинности источников: кто создавал эти схемы, кто являлся автором идей, художественным исполнителем, соответствует ли информация, заключенная в них, тому, что реально имело место в действительности. Таким образом устанавливается степень достоверности сведений источников. Характерно, что во многих немецких схемах указывались сведения о наборщике или литографе, и, со свойственной немцам точностью, – полное имя и местожительство издателя, так как именно через него приобретались схемы, розничные или объединенные в альбом, что также позволяет наиболее достоверно определить предпочтения приобретателей продукции по рукоделию.

Печатные схемы для вышивания ценны по содержанию. В вышивке часто использовалась тайнопись, являющейся, по сути, средством выражения собственной философии в форме художественной записи. Зафиксированная в них информация об исторической реальности не просто скрыта – закодирована, и для ее прочтения необходима дешифровка. Удалось установить, что дети дворян могли учиться грамоте, вышивая алфавиты и цифры. Мы любуемся цветочным вышитым букетом, не подозревая, что перед нами своего рода учебное пособие по изучению иностранного языка: в букете 12 вплетенных цветов, начальные буквы названия которых на немецком языке образуют слово «Freindschaft» (дружба). Венок с подбором других цветов означал иные слова – постепенно можно было опосредованно выучить целый немецкий ботанический атлас, а заодно накопить речевую основу для дальнейшего изучения иностранного языка; вышивки на основе печатных схем предстают перед нами не только как произведения искусства, но и исторический источник по выявлению методов дворянского образования в русских усадьбах.

При изучении музейных предметов важны любые детали, например, один предмет запечатлел пикантную особенность владельческого хранения. На печатной схеме с тремя вариантами цветочных бордюров, возможно, для вышивания книжных закладок (инв. № 1574/40) привлекает внимание метка, поставленная черными чернилами тетушкой Л.Н. Толстого Татьяной Александровной Ергольской: «Т.Е.». Это житейский момент того времени – схемы зачастую подписывались именем их владелицы, поскольку представляли такую ценность, что, как ни странно, нередко являлись предметом воровства гостями дома. В историческом аспекте метки на схемах являются важным материалом для изучения владельческих записей, стиля, особенностей почерка, грамотности.

Печатные схемы для вышивания помогают изучить исторический пласт, связанный с работой отдельных типографий. Масштаб выпуска схем для вышивания в берлинском издательстве Л.В. Виттиха можно представить благодаря наличию порядковых номеров отдельных серий. Например, на одном из оттисков серии «Franzosische Str. № 43» с цветным изображением мирно пасущегося стада овец, отдыхающей собаки и пастуха, играющего на свирели (инв. № 1574/22), порядковый номер: «2306»; на схеме с цветочным букетом и надписью «Bon Appetit» (инв. № 1575/34) порядковый номер: «1471», – это означает, что ассортимент отдельной темы исчислялся тысячами вариантов изображений. К 1849 г. в этом издательстве производилось уже около 14000 различных рисунков, которые в так называемых «рисовальных комнатах» вручную раскрашивались за мизерную плату девушками из бедных семей – весьма трудоемкая работа. Обратим внимание, что крупное издательство «Berlin bei L.W. Wittich», прежде всего, было ориентировано на выпуск пользующихся спросом научных книг, например, «Heilkunde der Erfahrung» («Опыт медицины»), однако оно делало особый акцент на печатных схемах для вышивания, – в

то время беспроигрышный маркетинговый ход для массового привлечения покупателей к основной и сопутствующей продукции.

Печатная продукция помогает рассмотреть усадебное рукоделие как разновидность декоративно-прикладного искусства в мировом масштабе. Благодаря изображению медалей на схеме, выпущенной объединенным издательским предприятием «Heinrich Kuehn» (Vereinigte Stickmuster-Verläge, Berlin), узнаем о международных выставках того времени в Берлине в 1879, в Вене в 1873, в Сиднее в 1879 и в Филадельфии в 1876 годах, где большое внимание было уделено продукции, способствующей развитию дворянского рукоделия. Неслучайно при усадьбах устраивали мануфактурные фабрики, вышивально-ткацкие мастерские, где для дома помещика и на продажу изготовляли лучшие образцы вышитых, вязаных и кружевных изделий.

В результате изучения складывается общая исторически-философская картина создания и восприятия вышивок в усадебном доме, где умели изъясняться особым художественно-бытовым языком, передающим и объясняющим чувства людей, недосказанные словом. Владельцы усадеб были знакомы с символикой религиозных знаков, геометрических фигур, цветов, античных героев. Максимально объективно реконструировать культуру усадебного вышивания можно благодаря сохранившимся печатным схемам. Тетка писателя графиня А.И. Остен-Сакен в 1824 г. писала упомянутой уже Т.А. Ергольской, заменившей маленькому Леве мать после ее смерти: «Посылаю тебе узоры вышивок; я только сегодня получила их по почте» [2, с. 78]. В этих посылках находились и выписываемые по интересам книги. Несмотря на то, что вышивки отдалены от нашего понимания значительным интервалом времени и разрывом в традициях, усадебное рукоделие можно реконструировать как уникальное явление культуры, обращаясь к печатным изданиям, книгам и схемам того времени. Например, если истоки цветочной символики русские дворянки изучали по книгам, выходившим в большом ассортименте, исчисляемом в сотнях и тысячах названий: Б. Деланше «Азбука Флоры, или Язык цветов» (Париж, 1811), Ш.-де Латур «Язык цветов» (Париж, 1819), Г. Филипс «Эмблемы цветов) (Англия, 1825), Д.П. Ознобишин «Селам, или Язык цветов» и т.д., они и сейчас должны составлять источниковедческую основу изучения феномена распространения цветочного орнамента на портьерах, скатертях, салфетках, диванных подушках. В этих руководствах описаны несколько сотен наиболее популярных растений, которые имели определенное символическое значение.

Добавим, что печатная продукция по рукоделию, хранящаяся в музеях иногда вместе с «родной» почтовой бумагой и конвертами, может служить источником сведений по истории развития почтовых услуг и учреждений, поможет сориентироваться в знаках почтового обращения – марках и почтовых штемпелях.

В печатных схемах для вышивания наблюдается типологическая близость с разными характеристиками источника: *хронологическая* помогает определить время создания музейного предмета – здесь важны даты, особенность бумаги; *региональная* определяет схемы, выпущенные в отдельно взятой стране; *персональная* выявляет специфическую *деятельность* художников, граверов, литографов, типографов; *владельческая*, благодаря пометам, помогает более зримо представить личность, эмоциональное состояние человека, грамотность, предпочтения в интересах, что для музейщика мемориального музея всегда важно.

Таким образом, в музееведении как науке, изучающей процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов, интересным историческим источником восстановления социально-политической и культурной картины усадебного периода становятся ранее лишенные внимания печатные схемы для вышивания. Содержащие разнохарактерную

информацию, они могут служить основой для научных исследований разных направлений. Исторические источники субъективны в своей разобщенности, но в целостной системе, в синтезе они позволяют представить наиболее достоверное, объективное знание о прошлом. Такие музейные предметы, как печатные схемы по вышиванию, представляют историко-культурную ценность с большим источниковедческим потенциалом.

Суммируя понимание термина «исторический источник» разными учеными, можно определить печатные схемы как музейные предметы, извлеченные из бытовой усадебной среды, депонированные в музее и являющиеся носителями уникальной исторической, семантической, философской, культурологической и эмоциональной информации. Они помогут нам постичь суть высокого искусства изысканной дворянской вышивки, обогатят представления искусства гармонизации пространства вокруг себя и в очередной раз дадут понимание истинной глубины усадебной культуры.

1. Руссо, Ж.- Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж.- Ж. Руссо. – М.: Худож. литература, 1968. – С. 413.
2. Толстой, С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого: очерки жизни, дневники, записи и письма по неизданным материалам / С.Л. Толстой. – М.: Федерация, 1928. – С. 78.

Никитина Н.П.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в[*].

Северо-Запад России во второй половине XIX – начале XX века включал в себя территорию трех губерний: Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской. В состав Санкт-Петербургской губернии входило 8 уездов, столько же насчитывалось и в Псковской губернии и 11 уездом приходилось на Новгородскую губернию. Уезды делились на волости. Общее количество волостей, приходящееся на все три губернии, равнялось 513. Волости состояли из сельских обществ, которых было 8 731 и общин – 11 456 [2]. На Северо-Западе России община, как поземельная организация, не совпадала с общинной, как административной единицей, т.е. сельским обществом. Сельское общество являлось более крупной единицей и включало в себя несколько общин. В среднем на одно сельское общество на Северо-Западе России приходилось 1,3 общины. В Санкт-Петербургской губернии этот показатель был равен 1,7, Псковской – 1,5, а в Новгородской – 1,2. Община, как мелкая организация, чем сельское общество, также не совпадала в своих рамках с населенным пунктом. В среднем по Северо-Западу России на одну общину приходилось 2,3 селения. По Санкт-Петербургской губернии этот показатель был равен - 2, по Псковской – 3,6, а по Новгородской – 1,6.

Устройство и функции крестьянского сельского и волостного крестьянских управлений определялись «Общим Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. Многие сельские общества на Северо-Западе России объединяли в себя несколько селений. Например, в Псковской губернии имелись сельские общества, которые объединяли в себе до 6 деревень [3, с.13]. Каждое селение, входящее в состав сельского общества, имело свой сход, который носил название селенного или малого схода. Селенные сходы как элемент крестьянского

[*] Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Государственного комитета по культуре администрации Псковской области, грант № 12-11-60008 «Трансформация сельского самоуправления на Северо-Западе России в XIX –XX в.: исторический опыт и практические перспективы».

самоуправления были признаны распоряжением Сената лишь в 1887 году, а юридически закреплены законом от 23 июня 1899 года.

Источники по истории крестьянского самоуправления разнообразны и включают в себя как архивные материалы, так и опубликованные источники. Довольно известно известным из них являются описания общин, созданные на основе обследования 1877-1880 гг. Программа данного обследования была разработана совместно Вольным экономическим и Русским географическим обществами. Данная программа предусматривала выяснение перемен, происходивших в жизни общины в пореформенное время. Краткий анализ данного вида источников был дан Л.И. Кучумовой [4]. В целом по России было собрано 145 ответов. По губерниям Северо-Запада России было сделано 9 описаний, из них только 5 опубликованы на настоящий момент. В Российском государственном историческом архиве в фонде 91 (Труды вольного экономического общества) нами были обнаружены еще 4 описания. Это описание общины деревни Сковородка (Петербургская губерния) и деревень Заозерье, Заборовье и Крутец (Новгородской губернии) [5]. Последнее, выполненное Геннадием Вороновым считалось утраченным. Достоинством данных описаний как источника является то, что они составлялись современниками и отражали все процессы, тенденции и явления, которые развивались в различных общинах в пореформенный период. Материалы для обследования собирались священниками, учителями, помещиками и губернской администрацией. В них уделялось внимание всем сторонам жизни общины: хозяйственной, административной, повседневной. Специфика данного источника заключается в том, что авторы описаний фиксировали в соответствии с программой не только свои наблюдения, но и опрашивали самих крестьян. Однако все описания несут на себе отпечаток субъективности и представляют собой в большей степени взгляд со стороны, чем изнутри.

В 1870-е гг. Министерство государственных имуществ так же проводило обследование различных местностей Европейской России с целью изучения положения землевладельцев. Результаты были опубликованы в виде «Материалов для изучения современного положения землевладельцев и сельскохозяйственной промышленности в России» [6]. Данный источник хронологически сопоставим с обследованиями Вольного экономического и Русского географического обществ. В основном он касается экономической стороны деятельности крестьянской общины, в нем имеются данные и о крестьянском самоуправлении. Крестьянское самоуправление Северо-Запада России нашло отражение в данных материалах только по трем уездам: Лужском и Ямбургском Петербургской и Новгородском Новгородской губерний. Как и в первом обследовании сведения были представлены помещиками, а не самими крестьянами и поэтому так же представляли собой взгляд со стороны.

Источником не часто привлекаемым для описания крестьянского самоуправления являются Памятные книжки, которые выпускались в двух губерниях Псковской и Новгородской, памятная книжка по Санкт-Петербургской губернии не выходила. В данном периодическом издании представлен персональный состав волостных старшин, что дает возможность проследить длительность их пребывания в должности и выявить текучесть или стабильность кадрового состава волостного уровня крестьянского самоуправления.

Значительный вклад в пополнение источниковой базы по исследованию крестьянского самоуправления внесло земство. Так в декабре 1880 года Петербургское губернское земское собрание приняло решение об обследовании народного хозяйства во всех уездах губернии. Данные были собраны путем подворного опроса населения через земских учителей. Итоги обследования были опубликованы несколькими выпусками [7]. Авторы публикации данных материалов (Н. Пудовиков, Н. Дроздов,

А.В. Гизетти, С. Южаков, Я. Абрамов) отмечали недостаток данной переписи, который состоял в том, что «многие учителя оказались не подготовленными для производства статистических изысканий» отсюда возникла и неполнота сведений. Хотя основной комплекс полученной информации касался хозяйственной деятельности крестьянства, однако удается выявить довольно ценный материал о крестьянском самоуправлении прежде всего на общинном уровне, в частности о способах регулирования пользования землей, лесными угодьями, выплате различного вида сборов, организации совместных помочей. Однако это по прежнему был взгляд не членов крестьянского самоуправления, не лишенный своих субъективных оценок.

В архивах хранится достаточно большой комплекс дел, затрагивающий все стороны жизни крестьянского самоуправления. Эти материалы сосредоточены в различных фондах: канцелярии губернаторов, губернских правлений, губернских по крестьянским делам присутствий, уездных съездов, мировых посредников, земских начальников и др.

Решения принимаемые сельскими и волостными сходами как распорядительными органами крестьянского самоуправления письменно фиксировались в специальной книге приговоров. К сожалению, в ходе революции и войн архивы Северо-Запада России сильно пострадали и таких книг сохранились единицы, что не дает возможность рассмотреть в целом деятельность крестьянского самоуправления на территории волости или сельского общества на продолжительном периоде времени. Сохранились в большей степени приговоры волостных сходов, чем сельских и селенных. Данное обстоятельство не удивительно, т.к. волостное правление в обязательном порядке нанимало писаря, а то не одного, еще и помощников, т.к. документооборот в волостном правлении был значительным. Современники отмечали, что «…в волостных правлениях ведутся дела из области ведения всех министерств за исключением иностранных дел и Морского» [8, с. 384] . Сельское самоуправление могло обходиться без писаря, фиксируя содержание приговоров в волостном правлении. Такая ситуация была характерна для Северо-Запада России, при этом книги приговоров сельских сходов, куда записывались и приговоры селенных сходов хранились в волостном правлении. Приговоры отражают не только численный, но и персональный состав схода. Возможно, что приговоры сельского уровня составлялись задним числом и в основном фиксировали только постановку вопроса и принятое решение. Вся степень противоречий и обсуждения крайне редко возникает на страницах книг приговоров, лишь в случаях каких-то нестандартных решений, например, удаление члена сельского общества или лишение наследства. Очень часто приговоры нескольких сельских обществ представляют собой кальку, особенно это касается вопросов о ходатайстве по поводу получения ссуды со стороны земства. О страстях, кипевших на сходах, о противоположности мнений свидетельствуют жалобы крестьян, обращенные в различные инстанции: мировому посреднику, уездное по крестьянским делам присутствие, земскому начальнику. Жалобы крестьян были обращены не только на неправомерное решение схода, но и на действия должностных лиц крестьянского самоуправления (сельских старост, волостных старшин, смотрителей запасных магазинов и др.). Интересными являются жалобы, связанные с взаимными претензиями отдельных деревень, входящих в состав одного сельского общества друг к другу. Собственно жалобы и весь комплекс документации, связанные с ее рассмотрением и принятием решения дает ценную информацию о механизме работы крестьянского самоуправления и отражает взгляд на него уже собственно его участников.

Достаточно информативным источником по истории крестьянского самоуправления являются и приговоры волостных судов. Волостные суды являлись

составной частью волостного уровня крестьянского самоуправления. Волостной суд осуществлял судебную власть «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» [9, с. 59]. В 1872 г. под председательством М.Н. Любощинского была учреждена комиссия по преобразованию волостных судов. Хотя по итогам ее работы и не было принято никакого законодательного акта, комиссия собрала довольно ценный материал о функционировании волостных судов. Из трех губернии Северо-Запада России: Псковской, Новгородской и Петербургской, данная комиссия собрала материал о деятельности волостных судов только Новгородской губернии [10]. Обследование волостных судов Псковской губернии было проведено в первой половине 90-х гг. XIX в. псковским губернатором Пащенко Константином Ивановичем. Обследование судов осуществлялось в рамках ревизии губернского присутствия, уездных съездов и волостных правлений. Хронологические рамки ревизии волостных судов местными властями пришлись на период сразу после введения института земских начальников, в связи с этим был внесен и ряд изменений законодательную базу деятельности волостных судов, были приняты «Временные правила о волостном суде». В ходе ревизии была обследована деятельность 18,7% волостных правлений и судов. Материалы данной ревизии дают информацию об особенностях организации управления отдельных волостей. Данные по ревизии волостных судов с примерами решения спорных вопросов дают информацию о функционировании сельского уровня самоуправления. В архивах сохранился незначительный комплекс приговоров волостных судов Северо-Запада России, представленный в них материал дает возможность увидеть живую сторону жизни крестьянской общины, отражает наличие в селениях неформальных лидеров – деревенских старост, дает представление о неписаном праве каждого отдельного сельского общества, которое оказывало влияние на официальное крестьянское самоуправление.

На наш взгляд довольно интересным источником, отражающим поземельную функцию крестьянского сельского самоуправления, хозяйственную сторону его деятельности являются нотариальные материалы, которые представляют собой крепостные свидетельства, акты, внесенные в нотариальные книги (договоры об аренде, выполнении работ). К сожалению, сохранность нотариальных фондов крайне фрагментарна, т.к. в первые годы советской власти нотариальные архивы были уничтожены.

Подводя итог, следует указать, что комплекс источников по истории крестьянского самоуправления на Северо-Западе России во второй половине XIX - начале XX в. довольно разнообразен. Источники дополняют друг друга и позволяют дать общее описание функционирования крестьянского самоуправления. В то же время дать детальное описание деятельности отдельного сельского общества или волости целиком на указанный хронологический период не представляется возможным. Кроме того проблемной стороной остается выявление не формального уровня деятельности крестьянского самоуправления, указание на это приходится выуживать из различных источников.

1. Подсчеты автора на основе данных: Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. VII. Губернии приозерной группы. – СПб., 1885.
2. Статистические очерки. Вып.2. – Псков, 1883.
3. Документы по истории крестьянской общины 1861-1880 гг. / Сост. Л.И. Кучумова. – М., 1983.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп.2. Д. 774 и 782.
5. Материалы для изучения современного положения землевладельцев и сельскохозяйственной промышленности в России – СПб., 1880.
6. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. I. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. – СПб., 1882; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. II. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском

уезде. – СПб., 1885; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. III. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. – СПб., 1886; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. IV. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. – СПб., 1886; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. V. Ч. II. Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. – СПб., 1887; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. VI. Крестьянское хозяйство в Лужском уезде. Ч.2. – СПб., 1891; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. VII. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. – СПб., 1892; Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. VIII. Крестьянское хозяйство в Новоладожском уезде. Ч.2. – СПб., 1896.

7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXV. Новгородская губерния. – СПб., 1903.
8. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости// Российское законодательство X – XX вв. Т.7. – М., 1989.
9. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. – СПб., 1874.

Фірыновіч А.Э.

ВЫЯЎЛЕНЧЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ПА ГІСТОРЫІ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 гг. З НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ

Па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. у архівах Рэспублікі Беларусь маецца даволі вялікая колькасць нявыкарыстаных дакументальных матэрыялаў, што адрозніваюцца арыгінальнасцю, навізной і грунтоўнасцю фактуры. Можна вылучыць 5 архівасховішчаў, у якіх змешчаны тэматычныя калекцыйныя зборы: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ), Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБГ), Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (АРКР ЦНБ), Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ), Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). Кожная з выяўленых калекцый валодае пэўнай спецыфікай. Так, дакументы НГАБ, НГАБГ выконваюць асноўную інфармацыйную функцыю ў вывучэнні гісторыі паўстання 1863–1864 гг. на беларуска-літоўскіх землях. Фактaлагічны ж патэнцыял матэрыялаў АРКР ЦНБ, ЦНА НАНБ і БДАМЛіМ складае сістэму гістарычных фактаў не самой падзеі, а працэсу яе даследавання айчыннымі навукоўцамі, чым дазваляюць дапоўніць гістарыяграфію праблемы.

Як вядома, у працы з аб’ёмістым дакументальным комплексам нельга абысціся без яго класіфікацыі. Агульнапрынятым спосабам першапачатковага групавання крыніц з’яўляецца дзяленне іх па форме фіксацыі інфармацыі, г. зн. па знешняй форме крыніцы. У сучасных айчынных, расійскіх і ўкраінскіх крыніцазнаўчых даследаваннях гэтая традыцыя захавалася [2; 3; 8; 18; 19]. У залежнасці ад аўтара і яго пошукавых мэтаў найбольш ужывальнымі з’яўляюцца класіфікацыі Л. Пушкарова і А. Пранштэйна, І. Кавальчанкі, С. Шміта. Л. Пушкароў і А. Пранштэйн прапанавалі 7 тыпаў крыніц: пісьмовыя, рэчавыя, этнаграфічныя, вусныя, лінгвістычныя, фонадакументы, фотакінадакументы [16; 17]. І. Кавальчанка выдзяліў толькі 4 тыпы: рэчавыя, пісьмовыя, фонадакументы, выяўленчыя (мастацка-выяўленчыя і графічна-выяўленчыя) [7]. Больш падрабязную класіфікацыю па знешняй форме крыніц стварыў С. Шміт. Ён абазначыў наступныя тыпы і падтыпы: рэчавыя, выяўленчыя (мастацка-выяўленчыя, выяўленча-графічныя, выяўленча-натуральныя), моўныя (размова, помнікі вуснай творчасці, пісьмовыя),канвенцыянальныя (знакі, сімвалы–ноты і г. д.), паводзінавыя (звычаі, абрады), гукавыя і аўдыяльныя [19].

Другі ўзровень класіфікацыі засноўваецца на выяўленні відава-родавых асаблівасцей гістарычных крыніц (аналіз унутранай формы) і вызначаецца аўтарскім падыходам. З аналізу дысертацыйных прац апошняга дзесяццігоддзя вынікае, што

найбольш папулярнымі з'яўляюцца прадметна-тэматычная [1; 5; 6; 15] і відава-функцыянальная [4; 9]. Сустракаюцца таксама і іншыя прынцыпы падзелу (па паходжанні, жанру, храналогіі, аўтарству і г. д.), што абумоўлена спецыфікай саміх крыніц і тэмай даследавання. Заканамерна, што калі аб'ект вывучэння прадстаўлены адным тыпам крыніц, то перавага надаецца прадметна-тэматычнай класіфікацыі, а калі некалькімі, то відава-функцыянальнай. Ні адзін з даследчыкаў не абмяжоўваецца адным спосабам класіфікацыі. Звычайна прынята даваць некалькі класіфікацыйных сістэм, якія заснаваны на пэўным прынцыпе, характэрным толькі адпаведнай групе дакументаў. Гэта дае магчымасць даць найбольш поўны крыніцазнаўчы аналіз калекцый матэрыялаў, ахапіць усе іх бакі. Відавочна, што ўсе класіфікацыі носяць умоўны характар і прызначаны для зручнасці аб'ектыўнага вырашэння пастаўленай навуковай праблемы.

Зыходзячы з відавай напаўняльнасці сабранага тэматычнага дакументальнага корпусу і яго родава-тыпавой спецыфікі (па спосабу фіксацыі інфармацыі) вылучаюцца наступныя *тыпы* крыніц: а) пісьмовыя; б) выяўленчыя з падтыпамі графічна-выяўленчых (схемы, планы, фотаздымкі) і мастацка-выяўленчых (малюнкі) дакументаў.

Абсалютную большасць складаюць пісьмовыя крыніцы. Па традыцыйна ўсталяванай у гістарычнай навуцы формуле ў іх выяўлены два *роды*: апавядальныя і дакументальныя. На трэцім этапе класіфікацыі (унутрыродавым) найбольш прыймальным крытэрыем выбраны *відавы,* бо, як зазначыла вядучы расійскі крыніцазнаўца В. Медушэўская, "Классификация по видам является наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения. Источники возникают в целенаправленной человеческой деятельности как облеченные в материальную форму произведения, как средства для достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных, человеческих потребностей. Вот эту цель, эту направленность, назначение произведения и следует положить в основу классификации" [10].

У выніку структура выяўленых крыніц па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. з беларускіх архівасховішчаў выглядае наступным чынам: апавядальныя падзяляюцца на: 1) эпісталярыю; 2) літаратурныя і гістарычныя або ўласна-навуковыя творы; 3) грамадска-палітычную публіцыстыку. Каб падкрэсліць спецыфіку апошняга віду, правядзем яго падзел на дзве падгрупы паводле наступных прынцыпаў: паводле мовы дакумента (рускамоўная і польскамоўная публіцыстыка) і адпаведна паводле аўтарскага паходжання (афіцыйная або ўрадавая і апазіцыйная). Дакументальныя: 1) дакументы афіцыйнага справаводства; 2) заканадаўчая дакументацыя. У сваю чаргу дакументы афіцыйнага справаводства ўнутры віду згрупаваны па функцыянальнаму прызначэнню і прадстаўлены: а) арганізацыйна-распарадчай дакументацыяй; б) дзелавой перапіскай; в) судова-следчымі справамі; г) справаздачнымі дакументамі; д) уліковай; е) пратакольнай; ж) планавай дакументацыяй. Такім чынам, атрымоўваецца трохузроўневая (тып – род – від) лінейная схема класіфікацыі сабранага корпусу дакументаў.

Асаблівай цікавасцю вылучаецца група выяўленчых матэрыялаў, дзе маюць наяўнасць, як адзначалася вышэй, выяўленча-графічныя (фотаздымкі і схемы-праекты) і мастацка-выяўленчыя дакументы (малюнкі). У параўнанні з пісьмовымі крыніцамі вылучанай калекцыі іх колькасць вельмі мізэрная (8 адзінак). Аднак у рамках распараджэння М. Мураўёва, згодна з якім такія матэрыялы бясспрэчна знішчаліся, захаванасць чатырох *фотаздымкаў* з'ява неверагодная. Яны належаць да дакументаў асабістага паходжання і прадстаўляюць выявы недобранадзейных асоб з Варшавы, а менавіта доктара Рыгора Корсака, фартэпіяніста Чарапана, ксяндза Лабенскага [11, арк. 15], а таксама западозранага ва ўдзеле ў паўстанні 1863–1864 гг. выхаванца Санкт-Пецярбургскага тэхналагічнага інстытута Дзмітрыя Кашына [13]. Першыя тры

фотаздымкі, выкананыя ў поўны рост, знойдзены пад час вобшуку ў полацкага двараніна Каспера Кашырскага, што праходзіў па справе садзеяння паўстанню ў Віцебскай губерні. Апошняе фота ў форме анфаснага профілю дадавалася да распараджэння Віцебскага губернатара аб пошуку палітычнага злачынца Кашына. Стан захаванасці фотаздымкаў вельмі добры. Акрамя свайго непасрэднага функцыянальнага прызначэння (зберагчы памяць) яны валодаюць скрытай інфармацыяй (выявы вопраткі, абсталявання, антрапалагічныя асаблівасці), якая з'ўляецца цікавай для біяграфістыкі, гісторыі штодённасці і культуры XIX ст.

Незвычайным у сваім родзе з'яўляецца *малюнак*, сюжэт якога быў наступны – аднагаловы белы арол трымае ў кіпцюрах чорнага двухгаловага. Малюнак расклейваўся разам з памфлетам у жніўні 1861 г. на будынках цэнтральных вуліцах г. Пінска. Ён выкананы ў эскізным варыянце. Па сутнасці, акрамя эстэтычнай вартасці, у ім утрымліваецца ідэалагічны напрамак антыўрадавай дзейнасці, які сведчыць пра праявы патрыятычнага настрою, выказаныя моладдзю беларуска-літоўскіх зямель яшчэ задоўга да пачатку адкрытай узброенай барацьбы ў студзені 1863 г. [14, арк. 6]. А таму паводле функцыянальнага прызначэння ўмоўна яго можна залічыць у групу агітацыйнай прадукцыі.

У графічнай форме прадстаўлены *праекты помнікаў* для магілы салдат Інваліднай Горацкай каманды, загінуўшых ноччу 23 красавіка 1863 г. Два першыя праекты М. Мураўёў палічыў дарагімі і па яго грашовых разліках быў сканструяваны і зацверджаны праект помніка № 3, які афармлены не ў выглядзе схемы, а паўнавартасным малюнкам. На чарцяжах змяшчаецца маштабная разметка, што дае магчымасць вызначыць сапраўдныя памеры помніка, а таксама папярэдні баланс фінансавых расходаў на матэрыялы і працу па ўзвядзенню [12, арк. 8, 9, 35]. Гэтая інфармацыя каштоўная не толькі для дэталізацыі гістарычных рэаліяў 1863–1864 гг., але і для гісторыі архітэктуры XIX ст.

Такім чынам, група выяўленчых матэрыялаў вызначаецца пэўнай фенаменальнасцю. Па-першае, такі іх від, як фотаздымкі 1860-х гг., для крыніцазнаўства з'ява вельмі рэдкая. Па-другое, іх інфармацыйны патэнцыял носіць двайную накіраванасць: а) культурную; б) навуковую. Як помнікі мастацтва, яны не проста выконваюць сваю практычную функцыю эстэтычнага задавальнення, але і ўтрымліваюць скрытую факталагічную базу, якая дэталізуе падзеі 1863–1864 гг. на ўзроўні чалавечага светаўспрыняцця, а таксама вызначае новыя прадметы даследавання для сумежных дысцыплін. Зразумела, працэс выяўлення аб'ектыўнай інфармацыі, якая зафіксавана імі незалежна ад усведамлення стваральніка, дастаткова складаны. Аднак неабходна і лагічна выкарыстоўваць яе ў якасці дадатковай асновы пры зборы, дапаўненні, пацвярджэнні фактаў па гісторыі паўстання 1863–1864 гг.

1. Белявский, А.М. Произведения фольклора как исторический источник (на примере ирландских исторических песен): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А.М. Белявский. – Минск, 2004. – 134 с.
2. Гурьева, С.А. Типология современной прессы Южной Украины: автореф. дис. ... канд. филологич. наук: 10.01.08 / С.А. Гурьева; Университет им. Т. Шевченко. – Киев, 2006. – 18 с.
3. Еленская, И.Э. Документы немецко-фашистских окупационных органов управления как исторический источник: по материалах Госархива Брестской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / И.Э. Еленская; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 1999. – 18 с.
4. Ермалович, В.И. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны (1941-1944) как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / В.И. Ермалович; АН, Ин-т истории. – Минск, 1993. – 24 с.
5. Казакова, М.А. Воспоминания об Октябрьской революции 1917 г. в Среднем Поволжье как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / М.А. Казакова; Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1994. – 21 с.

6. Кан, В.С. Становление и развитие газетной периодики Тувы (1921-1985): исторический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.С. Кан; Омский ун-т гуманитарных исследований им. Ф. Достоевского. – Омск, 2007. – 22 с.
7. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 439 с.
8. Магидов, В.М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. ... док-ра ист. наук: 07.00.09 / В.М. Магидов; Российский гуманитарный университет. – М., 1993. – 36 с.
9. Маркевич, А.М. Солдатские письма в Центральные советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. / А.М. Маркевич; Ин-т рос. истории РАН. – М., 2002. – 26 с.
10. Медушевская, О.М. Источниковедение: Теория, История, Метод / О.М. Медушевская // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/meduschevskaja. – Дата доступу: 06.12.2012.
11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (Мінск) (далей НГАБ). – Ф. 1430. – Воп. 1. – Спр. 31521.
12. НГАБ. – Ф. 2001. – Воп. 2. – Спр. 84.
13. НГАБ. – Ф. 2500. – Воп. 1. – Спр. 341.
14. НГАБ. – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 1435.
15. Павлов, Д.Г. Нижнегородские исторические песни как исторический источник: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07. 00. 09. / Д.Г. Павлов; Арзамасский гос. ун-т им. А.П. Гайдара. – Нижний Новгород, 2006. – 31 с.
16. Пронштейн, А.П. Методика исторического источниковедения / А.П. Пронштейн. – Рн/Д.: Из-во Ростовского университета, 1976. – 480 с.
17. Пушкарев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. – М.: Наука, 1975. – 281 с.
18. Соловьева, Г. Материалы Российского государственного архива о лютеранских приходах Северо-Западной Росси XVIII – начала XX веков как исторический источник: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Г. Соловьева; СПб-й гос. ун-т. – СПб., 2008. – 24 с.
19. Ходин С.Н. История и теория источниковедения: учебное пособие / С.Н. Ходин, В.П. Грицкевич, С.Б. Каун. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 254 с.
20. Штакельберг, Ю.И. Фонды личного происхождения в хранилищах Советского союза как источник для изучения восстания 1863 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Ю.И. Штакельберг; АН СССР, Ин-т славяноведения. – М., 1967. – 21 с.

Яковенко Г.Г.

ОБРАЗЫ ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЕЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

История профессиональной группы домашних учителей не получила достаточного освещения в опубликованных источниках. Документы, освещающие изучаемую проблему, не отложились и в отдельных архивных фондах. В то же время для получения целостного образа домашних учителей необходимо применение такого исследовательского алгоритма: личные характеристики (социальное происхождение, возраст, семейное положение) и профессиональные (трудовая и профессиональная мобильность, социальное обеспечение, размер зарплаты). Эти данные содержатся в разных документах и потому для выполнения данной задачи важно изучить комплекс исторических источников.

Материалом для написания статьи стали опубликованные и архивные делопроизводственные документы, а также мемуарные источники, которые были исследованы при помощи историко-сравнительного, историко-системного, историко-генетического методов, а также аксиологического и просопографического подходов. Цель данного исследования – раскрыть информационный потенциал источников по истории домашнего образования для получения объективной характеристики профессиональной группы домашних учителей.

Информация о домашних учителях, работающих в городских гимназиях, содержится в списках чиновников Харьковского учебного округа за 1886–1914 гг. и представляет особую ценность для изучения истории домашнего образования[1]. Изучив списки личного состава коллективов харьковских гимназий, были составлены

списки домашних учителей, работающих в учебных заведениях. Они дают ценную личную и профессиональную информацию о каждом педагоге: фамилия, имя, отчество; предмет, который он преподавал; уровень образования или звание; длительность стажа работы, награды за успехи в трудовой деятельности и размер оплаты труда. Применение историко-статистического, историко-сравнительного и статистического методов дало возможность определить общую численность педагогов с квалификационным уровнем домашних учителей, а также педагогов с образовательным уровнем «домашнее образование» в средних учебных заведениях Харковской губернии в конце XIX в.

Длительность педагогического стажа определялась по информации из граф «с какого времени в ведомстве» и «с какого времени в должности». Часто эти две даты совпадали, когда занимаемая должность была первым рабочим местом. По отдельным фактам можно восстановить общую картину трудовой деятельности некоторых домашних учителей, а также определить общие тенденции их трудового пути.

На основании анализа списков можно сделать выводы о том, что домашние учителя, работавшие в гимназиях, редко меняли место работы. Начальницами гимназий становились домашние учительницы, длительное время работающие в учебном заведении. Также домашние учителя создавали частные гимназии.

Таким образом, изучение списков чиновников и преподавателей дало возможность определить возраст, социальное происхождение и длительность педагогической деятельности учителей, а также, в отдельных случаях, наличие работы по совместительству и родственных связей в коллективах гимназий среди квалификационной группы домашних учителей.

Списки чиновников и преподавателей дополняются циркулярами по Харьковскому и Киевскому учебному округам. Использование этого круга документов дает возможность уточнить хронологические рамки должностных перемещений. Особенная ценность циркуляров состоит в том, что здесь публиковались списки лиц, получивших звание домашних учителей. Это дает возможность проследить трудовой путь домашних учителей – служба в частном доме или работа в гимназии.

Годовые отчеты Харьковского товарищества вспомоществования учительниц и воспитательниц за 1895–1913 рр. содержат списки домашних учителей, которые нуждались в получении рабочего места[3]. С помощью методов анализа и синтеза, а также историко-генетического, историко-системного, клиометрического освещены разные аспекты деятельности этой организации и определены вопросы, требующие дальнейшего изучения. По этой группе документов можно установить общее количество учителей, нуждающихся в получении рабочего места. По количеству и содержанию поданных родителями заявлений можно установить их образовательные потребности: учителя каких предметов пользовались наибольшим спросом, а также проследить неравномерность распределения домашних учителей–часть мест в губернии оставались вакантными.

Мемуарные источники – воспоминания бывших студентов Императорского Харьковского университета о преподавателях и воспоминания самих ученых[3]. Важным источником стали биографические справочники ученых университета – историко-филологического, медицинского, химического факультетов, опубликованные в начале XX в., к столетнему юбилею университета. Современные ученые университета систематизировали разрозненные воспоминания профессоров и воспитанников, которые были опубликованы в разных периодических изданиях до 1917 года, а также составили биобиблиографические словари. Особенная ценность этих источников состоит в том, что к написанию биографий привлекались ранее не опубликованные архивные материалы, а также комплекс документов из личных архивов. Главным

недостатком для исследования документов является несистематичность поданного в них материала. Биографические сведения составлялись в произвольной форме. В некоторых биографиях указываются гимназическое и университетское образование. Можно только предположить, что предыдущим к этому уровнем образования было домашнее обучение. Потому точные числовые данные о наличии или отсутствии домашнего образования установить невозможно.

Дополняют полученную информацию архивные источники [4]. К архивным деловодным источникам относятся формулярные списки домашних учителей с определением их личностных и профессиональных данных, что дает возможность определить возрастное, национальное, имущественное положение и уровень профессиональной квалификации этой категории педагогических работников. Важным документом в трудоустройстве являлось свидетельство об их благонадежности, утвержденное представителями полиции и предводителями местного дворянства.

Комплекс архивных деловодных источников составляют:

–отчеты о деятельности домашних и частных учителей;

–рапорты, донесения, прошения, разрешения о назначении на должность;

–ведомости и формулярные списки лиц, которые занимались домашним обучением;

–служебная переписка Дирекций народных училищ губерний с канцелярией гражданских губернаторов.

В формулярных списках домашних учителей содержится информация личного характера, но отсутствуют данные о размере заработной платы, пенсионном обеспечении и организаторской деятельности в сфере образования. Из содержания прошений видно, что домашние учителя, работающие в домах частных лиц, стремились получить постоянное место работы, потому что оно обеспечивало наличие социальных гарантий – пенсии.

Таким образом, для объективной характеристики профессиональной группы домашних учителей необходимо привлекать комплекс исторических источников (делопроизводственных и мемуарных), которые по отдельности не дают исчерпывающей информации.

1. Список чиновников и преподавателей Харьковского учебного округа. – Х.: тип. Университета, 1886. – 700 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1890. – Х.: тип. В.С. Бирюкова, 1890. – 518 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1894. – Х.: тип. Зильберберга, 1894. – 604 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1898. – Х.: – Паровая типография Зильберберг, 1898. – 620 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1901. – Х.: – тип. Зильберберг и с-вья, 1901. – 114 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1902. – Х.: – тип. Зильберберг и с-вья, 1902. – 120 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1903. Вып.2. – Х.: тип. Печатное дело кн. К.Н. Гагарина, 1903. – 642 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1910. Вып. 1 – Х.: тип. Зильберберг и с-вья, 1911. – 340 с., прил. 20 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1914. Ч.2. Женские гимназии и прогимназии. – Х.: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченко, 1914. – 590 с., прил. 34 с.; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1913. Ч.1. – Х.: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченко. – 1913. – 480 с.
2. V Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1895 год. – Х.: Типография М. Зильберберг, 1896. –38 с.; VII Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1897 год. – Х.: Типография Иванченка, 1898. – 38 с.; IX Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1899 год. – Х.: Паровая типография и литография М. Зильберберг, 1900. – 30 с.; X Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1900 год. – Х.: Типо-Литография М. Зильберберг, 1901. – 30 с.; XI Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1901 год. – Х.: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1902. – 32 с.; XII Годовой отчет Харьковского общества взаимного

вспоможения учительниц и воспитательниц за 1902 год. – Х.: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1903. – 32 с.; XIII Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1903 год. – Х.: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1904. – 32 с.; XIV Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1904 год. – Х.: Типо и литография Н.В. Петрова, 1906. – 32 с.; XV Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1905 год. – Х.: Типо-Литография Н.В. Петрова, 1907. – 26 с.; XVII Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1907 год. – Х.: Типография журнала «Мирный труд», 1908. – 30 с.; XVIII Годовой отчет Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1908 год. – Х.: Типография Мирный труд, 1904. – 22 с.; XXII и XXIII Годовые отчеты Харьковского общества взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц за 1912 и 1913 гг. – Х.: Типография Мирный труд, 1904. – 22 с.

3. Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета. Т.1. Ректоры (1805–1919, 1933–1995)/Сост. В.Д. Прокопова, Р.А. Ставинская, М.Г. Швалб, Б.П. Зайцев, С.М. Куделко, С.И. Посохов. – Х.: НФТИ, 1995. – 130 с.; Иностранные професора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Биографический словарь/ под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. – 207 с.; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования 1805 – 1905 под. ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея; Вступ. статья Т.Г. Павловой. – Х.: САГА, 2007. – 45, 168, 390, XII с.; Кафедра химии. – б/и, б/г. – 36 с.; Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 – 1905) /под. ред. И.П. Скворцова и Д.И. Багалея, изд. ун-та, Тип. Печатное дело кн. К.Н. Гагагина. – 472; 31; XVI/; Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785 – 1815). – Х.: В университетской типографии, 1868. – 236 с.; Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2-х тт. Т.1/Уклад. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; Вступ стаття В.Ю. Іващенко; Науковий редактор С.І. Посохов. – Харків: САГА, 2008. – 540 с.; Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2-х тт. Т.2/Уклад. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; Вступ стаття В.Ю. Іващенко; Науковий редактор С.І. Посохов. – Харків: САГА, 2010. – 550 с.

4. Ф.71.Дирекция народных училищ Волынской губернии. Оп.1. Д.975. Переписка Житомирской городской полиции с канцелярией Волынского гражданского губернатора о запрещении французскому подданному заниматься частным обучением.1835–1836 г., 24 л.; Ф.71. Оп.1. Д. 266. Прошение дворянина Порчинского о допуске его к екзаменам на звание частного учителя и о выдаче свидетельства.1835 г., 3 л.; Ф.71. Оп.1. Д.263. Переписка с Киевским учебным округом по прошению дворянина Ковальского А. о разрешении ему заниматься частным обучением юношества.1837 – 1840 гг., 64 л.; Ф.266. Дирекція народних училищ Харковской губернии. Оп.1. Д.97. О доставлении к г. попечителю извлечений из отчета о домашних учителях и учительницах за 1839 г. 1839 г.,13 л.

Власова Н.В.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ Н.С. БРЯНЧАНИНОВА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Николай Семенович Брянчанинов принадлежал к древнему дворянскому роду Брянчаниновых, родоначальником которого был Михаил Андреевич Бренко, боярин великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича Донского [19, с. 186; 25, с. 531]. Н.С. Брянчанинов родился 17 сентября 1844 г. в семье Семёна Александровича Брянчанинова и Надежды Петровны, урождённой Сомовой, которые владели с. Покровским в Грязовецком уезде Вологодской губернии. Службу он начал в 1867 г. унтер-офицером в Кавалергардском полку. Дослужившись до чиновника для поручений VII класса при начальнике Главного штаба, в 1882 г. Н.С. Брянчанинов был причислен к Министерству внутренних дел с отчислением от занимаемой должности и с оставлением по гвардейской кавалерии. В 1885 г. он был уволен из военной службы в чине генерал-майора и в том же году откомандирован в распоряжение петербургского губернатора. В дальнейшем был великолукским уездным предводителем дворянства, состоял почетным мировым судьею по Великолукскому уезду Псковской губернии, занимал пост псковского вице-губернатора (1890–1893) и рязанского губернатора

(1893–1904). В 1896 г. Н.С. Брянчанинов был пожалован в шталмейстеры Двора Его Императорского Величества. В 1904 г. он покинул Рязань по причине назначения его присутствующим в Правительствующем Сенате.

Таким образом, 11 лет жизни Н.С. Брянчанинова были связаны с Рязанской губернией. Его служебная и общественная деятельность на протяжении этого периода пребывания в Рязанском крае нашла отражение в различных документах, которые сохранились в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО). Среди них – формулярные списки о службе Н.С. Брянчанинова.

История возникновения формулярных (послужных) списков восходит к XVIII в. 31 января 1764 г. был издан сенатский указ «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода, по приложенной форме». Указ предписывал «<…> всем присутственным местам, каждому о состоящих в ведомстве своем чинах немедленно прислать, и впредь присылать в Правительствующий Сенат чрез каждые полгода списки, описывая в оных именно, кто какими чинами происходил и добропорядочно ль поступал, также не были ль в каких штрафах, во всем по примеру тому, как о воинских такие списки делаются <…>» [21]. При указе был образец списка, состоявший из 9 граф: 1) чины и имена; 2) сколько кому от роду лет; 3) из каких чинов и сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах; 4) вступление в службу (годы, месяцы и числа); 5) какими чинами и когда происходил (чины, годы, месяцы и числа); 6) участие в военных походах и сражениях; 7) был ли в штрафах, под судом; 8) к продолжению статской службы способен или нет; 9) к повышению чинами достоин или нет. В последующие десятилетия XVIII – первой половине XIX в. структура формуляра не раз видоизменялась. 16 июля 1849 г. указом Правительствующего Сената вводилась новая форма послужного списка для гражданских лиц, которая почти в неизменном виде просуществовала вплоть до 1917 г. [22, 23]. Она состояла из 15 граф, в которых указывалось следующее: чин, имя, отчество, фамилия, должность чиновника, возраст («лета от роду»), вероисповедание, знаки отличия, получаемое содержание, происхождение («из какого звания происходит»), имущественное положение («есть ли имение, у него самого и у родителей (родовое, благоприобретенное); у жены буде женат (родовое, благоприобретенное)»), образование («где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»), поступление на службу и продвижение по ней, награды, участие в походах и сражениях против неприятеля, взыскания по службе («был ли в штрафах, под следствием и судом»), способен ли к продолжению статской службы и достоин ли повышения чином, время нахождения в отпусках и в отставке, семейное положение («холост, или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания»). К началу XX в. некоторые графы формуляра несколько изменились. В частности, в 1905 г. была дополнена последняя графа, где указывались сведения о семье, и с этого времени необходимо было «…означать в послужном списке тех из чинов гражданских ведомств, кои состоят в браке, год, месяц и число вступления их в брак и рождения жены <…>» [24].

Несмотря на проблемы, связанные с использованием формулярных списков, основными среди которых исследователи называют проблемы достоверности и полноты содержащихся в них сведений [16, 17, 18, 20, 26], они являются одним из основных источников при изучении чиновничества конца XVIII – начала XX вв.

В ГАРО формулярные списки о службе Н.С. Брянчанинова отложились в фонде «Рязанское губернское правление» (Ф. 4). При этом следует отметить, что были выявлены как формулярные списки, так и дополнительные листы к формуляру о службе (всего было выявлено 7 формуляров [1, 6, 7, 11, 13, 14] и 7 дополнительных листов [2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12]). Самый ранний из указанных формуляров был составлен в 1893 г. (т.е. в год назначения Брянчанинова рязанским губернатором), самый поздний

– в 1904 г. (в год, когда чиновник был назначен присутствующим в Сенате и уехал из Рязани). В фонде «Канцелярия рязанского гражданского губернатора» (Ф. 5) было обнаружено дело, которое содержит выписки из формуляра о службе Н.С. Брянчанинова, касающейся его деятельности в Российском обществе Красного Креста и по Ведомству учреждений Императрицы Марии. Из них одна выписка напечатана, другая представляет собой рукописный текст [15]. Также по описи было найдено 1 дело с указанием на формулярный список Брянчанинова, но, согласно пометке в описи, несколько лет назад это дело было списано [3].

Формуляры из фондов ГАРО дают возможность проследить служебную карьеру Н.С. Брянчанинова с 1867 до 1904 г. Анализ сведений о возрасте (в выявленных документах указано количество полных лет на момент составления формуляра) показывает их соответствие подлинной дате рождения чиновника. Вероисповедание (православное) указано в 11 формулярах. Данные о дворянском происхождении чиновника имеются в 11 формулярных списках, при этом в 9 из них записано «из потомственных дворян», в 2 – «из дворян». Формуляры отразили изменения в имущественном положении Н.С. Брянчанинова. Формулярный список за 1893 г. содержит сведения о родовом (221 дес. земли в Грязовецком уезде Вологодской губернии) и благоприобретенном имении (406 дес. 342 саж. земли в Великолуцком уезде, 1752 дес. 692 саж. – в Холмском уезде Псковской губернии; запись о наличии 10 дес. 1011 саж. земли в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии зачеркнута). В формуляре за 1894 г. зафиксированы изменения в благоприобретенной собственности (добавляется запись об 1/7 части дома в Санкт-Петербурге и имении в Псковской губернии в пожизненном владении). В списках за последующие годы (1896–1899 гг.) данных о доме нет, но появляется запись о том, что в Островском уезде Псковской губернии было 1200 дес. земли в пожизненном владении. В итоге в формулярных списках, составленных в период с 1899 по 1904 гг., зафиксировано следующее: имеется родовая (221 дес. земли в Грязовецком уезде Вологодской губернии) и благоприобретенная собственность (406 дес. 342 саж. земли в Великолукском уезде, 1752 дес. – в Холмском уезде и 1200 дес. – в Островском уезде Псковской губернии в пожизненном владении).

Авторы как дореволюционных, так и современных работ, посвященных Н.С. Брянчанинову, указывают, что он обучался в Вологодской гимназии, а потом поступил в Петербургский университет, который не закончил в связи с тем, что учебное заведение было закрыто по причине происходивших в нем беспорядков, и затем (в 1867 г.) вступил в службу в Кавалергардский полк. Данные об образовании Брянчанинова имеются в 5 формулярных списках и в них зафиксировано образование, полученное только в Вологодской гимназии [1, 6, 11, 13, 14].

Сведения о семейном положении чиновника есть в 5 формулярах [1, 6, 11, 13, 14]. В них указывается, что Брянчанинов вдов, имеет сыновей Александра (род. 6 июня 1874) и Владимира (род. 15 сентября 1875), дочь Марию (род. 10 октября 1879), дети вероисповедания православного. В более поздних формулярных списках (за 1901–1903 гг.) добавляется запись: «<…> дочь Мария фрейлина Их Императорских Величеств находится при нем, а сыновья состоят на государственной службе» [6, 13].

Итак, несмотря на то, что информационный потенциал и полнота сведений формулярных списков различны, они являются ценнейшим историческим источником, который в комплексе с другими видами источников незаменим для генеалогических, биографических исследований, а также при изучении социального облика российского дореволюционного чиновничества.

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 6. – Д. 4860. – Л. 1–14.
2. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 6. – Д. 5084. – Л. 3–6.

3. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 7. – Д. 5324.
4. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 7. – Д. 5381. – Л. 12–12 об.
5. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 7. – Д. 6. – Л. 7–10 об.
6. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 7. – Д. 5486. – Л. 1–43 об., 52.
7. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 9. – Л. 3–37.
8. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10031. – Л. 27–28.
9. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10102. – Л. 8–14.
10. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10112. – Л. 8–10 а.
11. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10121. – Л. 1–4.
12. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10195. – Л. 33–35 об.
13. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 11. – Д. 10196. – Л. 1–37.
14. ГАРО. – Ф. 4. – Оп. 803. – Д. 81. – Л. 1–5 об.
15. ГАРО. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 2168. – Л. 25–28.
16. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – С. 9–13.
17. Иванов, В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки / В.А. Иванов. – Калуга, 1994. – С. 9–35.
18. Иванов, В.А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. / В.А. Иванов // Вестник архивиста. – 2012. – №4. – С. 30–39.
19. История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778–2008 / П.В. Акульшин [и др.]; под ред. П.В. Акульшина. – Рязань: Изд-во Ряз. обл. тип., 2008. – С. 186–191.
20. Козельчук, Т.В. Содержательная неполнота исторического источника как элемент его критического анализа (на примере формулярных списков) / Т.В. Козельчук // V Емельяновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Курган, 21 мая 2010 г. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – С. 32–35.
21. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1-е. – Т. 16. – №12030.
22. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 24, отд. 1. – №23401.
23. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 24, отд. 2. – Приложения. К №2340.
24. ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 25, отд. 1. – №25782.
25. Шафранова, О. Предки, современники, потомки. К истории рода Святителя Игнатия Брянчанинова / О. Шафранова // Полное собрание творений Святителя Игнатия Брянчанинова.– М.: Паломник, 2006. – Т. 3. – С. 531–604.
26. Шилов, Д.Н. Биографический справочник о государственных деятелях Российской империи XIX – начала XX века: источниковедческий аспект работы / Д.Н. Шилов // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиограф. справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 8–22.

Сидоренко Б.И.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК МОГИЛЕВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.С. ДЕМБОВЕЦКОГО (1872–1893 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Имя талантливого управленца-администратора и исследователя, внесшего огромный вклад в развитие Могилевского края, известно главным образом благодаря его антикризисным мерам, получившим известность во всей Российской империи в пореформенный период и выводившим губернию в число самодостаточных провинций страны, и выпуску трехтомного «Опыта описания Могилевской губернии» – издания, которого не имел ни один на тот момент столичный, губернский и университетский город. Между тем о самом сановнике, занимавшем на протяжении двадцатилетия кресло высшего чиновника губернии, сведений сохранилось очень немного. В этой связи обнаруженный автором статьи в фондах Российского Государственного исторического архива Санкт-Петербурга формулярный список А.С. Дембовецкого позволяет пролить свет на многие интересные страницы жизни государственного деятеля и отмести кривотолки, возникшие в силу различных обстоятельств вокруг губернаторского имени. О том, что представляет собой этот ценный документ как исторический источник и пойдет речь в данной статье.

Полное название послужного перечня – «Формулярный список о службе бывшего Могилевского губернатора Тайного советника Александра Станиславовича Дембовецкого», внизу имеется приписка – «По 30 августа 1893 г.» [1, лл. 266–271], которая наряду с определением «бывшего» позволяет предполагать, что сам список составлялся уже «задним» числом, когда губернатор 30 августа был «Всемилостивейше назначен к присутствованию в Правительствующем Сенате». Многочисленные подчистки и исправления свидетельствуют о том, что список составлялся на основе более ранних документов, и чья-то рука другим почерком вносила поправки в основной текст. Оригинал списка хранится в «Отделе департамента общих дел» «Фонда Министерства внутренних дел» [2, с. 27]. Основательное знакомство автора с российской и белорусской историографией последних двух десятилетий позволяет утверждать, что этот документ практически неизвестен современным исследователям, поэтому он и помещен в авторской монографии о неординарном Могилевском губернаторе [3, с. 165–183].

Главная интрига вокруг имени А.С. Дембовецкого связана с его происхождением. Еще в 70-е гг. прошлого века А. Мальдис обнаружил интересный мемуарный источник под названием «Семьдесят лет воспоминаний», в котором пан «на Герононах и Лаздунах» Ипполит Корвин-Милевский объявлял А.С. Дембовецкого «внебрачным сыном Александра II» [4, с. 86]. Это ничем не подтвержденное, но и не опровергнутое утверждение спокойно перекочевало в XXI в. и попало буквально во все статьи и заметки о губернаторе, а Илья Курков даже назвал его «наследным принцем» [5, с. 26], вероятно, в порыве авторского воображения. О родителях могилевского губернатора в формулярном списке ничего не сказано, также как и о месте его рождения. Известно лишь то, что он «из дворян». Дворянская фамилия Дембовецкие (Дембовские, Дзиковские, Дзевульские) была широко распространена на Волыни, вошедшей в 1793–1795 гг. в состав Российской империи и административно включенной в состав Волынской губернии с главным городом Житомиром. В «Списке дворян Волынской губернии» (1906 г.) имеется любопытная запись: под № 6271 указов и определений Дворянского Собрания за 1859 г. Июля 8 значится: «Дембовецкие: Григорий, сын Андрея, внук Семена Фомина с сыном Станиславом и внуком Александром Станиславовым» [3, с. 17].

Обращает на себя внимание отраженная в формулярном списке система награждения и чинопроизводства, через которую прошел могилевский губернатор, начав карьеру чиновником Хозяйственного департамента МВД 1 июня 1860 г. и уже к исходу года 22 декабря получившего чин коллежского секретаря. Весной 1862 г. молодой чиновник переводится в канцелярию Рижского военного Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губернатора, с 17 мая 1863 г. он уже титулярный советник, с 1 июня 1863 г. – коллежский асессор, а с 30 августа 1865 г. – надворный советник и, через год, в 1866 г. – коллежский советник, и затем, с 31 марта 1868 г. – статский советник. Еще одна запись заставляет думать, что быстрый рост А.С. Дембовецкого не обходился без высочайшего покровительства, в подтверждение чего отмечается: «С 21 августа по 5 октября 1871 г. с Высочайшего соизволения и в свите Государя Императора сопровождал Шефа жандармов в Высочайшем путешествии по Волге, на Кавказ и в Крым».

30 марта 1872 г. А.С. Дембовецкий «Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату назначается могилевским губернатором с производством в действительные статские советники». Накануне отъезда в губернский центр чиновник был удостоен высочайшей аудиенции, на которой царь-освободитель Александр II обратился с напутствием: «Могилевская губерния давно уже находится в расстроенном положении; сделай всё возможное для восстановления ее сил» [6, с. 4]. Молодой

губернатор достаточно быстро освоился на новом месте и неплохо исполнял свои обязанности. Разработанные им меры (долговая рассрочка крестьянским хозяйствам, удешевление волостного управления, развитие кредитования, внедрение передовых методов землепользования наряду с улучшением здравоохранения, народного просвещения, совершенствование городского и сельского самоуправления) стимулировали деятельность губернской администрации [7, с. 223–224] и дали положительные результаты. Министр финансов М.Х. Рейтерн в своем письме от 8 мая 1878 г. за № 2421 считал, что реформаторская деятельность могилевского губернатора достойна изучения и распространения на недоимочные губернии Европейской России [6, с. 16].

Новый император Александр III понимал, что А.С. Дембовецкий перерос свою губернаторскую должность и сделал его сенатором. Из Могилева в столицу бывший губернатор уезжал тайным советников, чин, который присваивался лично царем [8, с. 850–851] и камергером Двора Его императорского Величества, а также почетным Мировым судьей по Лидскому уезду Виленской губернии.

Источниковый анализ формулярного списка позволяет проследить не только карьеру конкретного лица, находящегося на государственной службе, но и проиллюстрировать путь к успеху и видному положению чиновников в целом, особенно если им сопутствовала протекция или чье-либо покровительство. А.С. Дембовецкий сумел дослужиться до чина III класса, что даже в губернаторской среде было явлением нечастым, да и чин X класса (коллежский секретарь) он получил, прослужив полгода, чины же IX–VI классов он получил явно не по выслуге лет. То же можно сказать и о придворном звании камергера Двора Его Величества [9, с. 48].

Служба высших чиновников оплачивалась весьма щедро. По официальной ведомости 20-го числа каждого месяца он получал обычное жалованье, кроме того ему полагались квартирные деньги (на найм квартиры), столовые (для питания), разъездные, прогонные, фуражные. Чиновники, служившие на окраинах (в том числе и в западных губерниях) получали дополнительные прибавки к жалованью. На момент составления формулярного списка могилевский губернатор получал годового жалованья – 3430 рублей и столовых денег – 3465 рублей.

Практика поощрения служебного рвения подпитывалась единовременной денежной выдачей, награждением орденом или «Высочайшим благоволением». Если первая денежная награда А.С. Дембовецкого составляла 80 рублей (1861 г.), то в должности могилевского губернатора, главным образом «за полезную деятельность по взиманию податей и других окладных денежных сборов», «окладных платежей и недоимок» он получал 2000 рублей (1876 г.), 800 рублей (1879 г.), 2000 рублей (1881 г.). Могилевский губернатор был пожалован орденом Св. Владимира 3 ст. (1874 г.), орденом Св. Станислава 1 ст. (1876 г.), орденом Св. Владимира 2-й степени (1885 г.), орденом Св. Анны 1 ст. (1879 г.), орденом Белого Орла (1889 г.). «Высочайшие благоволения» и просто «благодарности» не поддавались никакому учету, но главная из них, безусловно, была «За составление описания Могилевской губернии» (1882 г.).

Информационный потенциал формулярного списка А.С. Дембовецкого позволяет уточнить и некоторые неточности, прочно засевшие в справочной и научной литературе, что находит подтверждение и в других источниках. Так, Г.А. Кохановский дату смерти А.С. Дембовецкого определяет «около 1914 г.» [10, с. 208], тогда как «Адресная и справочная книга Петрограда» [3, с. 248–249] однозначно указывает, что бывший губернатор и сенатор был жив и в 1917 г. Не меньшее недоумение вызывает искажение отчества А.С. Дембовецкого (Степанович вместо Станиславович) и его принадлежность к «военной службе», встречающееся в работе Л.В. Алексеева и В.П. Богданова [11, с. 139].

Таким образом, формулярный список могилевского губернатора А.С. Дембовецкого позволяет в значительной степени детализировать особенности прохождения службы чиновника высокого ранга и уточнить состояние общих закономерностей службы чиновничьего сословия в целом. Введение в широкий научный оборот этого ценного источника позволит значительно расширить круг представлений о социально-экономическом и политическом положении одной из западных губерний Российской империи.

1. Российский Государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 44. – Д. 238.
2. Фонды Российского Государственного исторического архива. – Краткий справочник. – СПб.: РГИА, 1994. – 120 с.
3. Сидоренко, Б.И. Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилев: Амелия Принт, 2012. – 252 с. Приложение № 1.
4. Мальдзіс, А.І. Таямніцы старажытных сховішчаў. Да гісторыі беларускай літаратуры XVII – XIX стагоддзяў / А.І. Мальдзіс. – Мінск: «Маст. літ», 1974. – 176 с.
5. Курков, И. Тайна книги «наследного принца» / И. Курков // 2004. – № 16 (86) от 23.04.2004 г.
6. Опыт описания Могилевской губернии. В трех томах, составленный по программе и под редакцией председателя Могилевского губернского статистического комитета А.С. Дембовецкого. – Кн. 1. – Могилев на Днепре: Типография Губернского правления, 1882. – 778 с.
7. Ерошкин, Н.П. история государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М.: «Высшая школа», 1983 . – 352 с.
8. Сахаров, А.Н. История России с древнейших времен до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин. – М.: АСТ: Апрель, 2011. – 1263 с.
9. Ерошкин, Н.П. Самодержавие накануне краха / Н.П. Ерошкин. – М.: «Просвещение», 1975. – 160 с.
10. Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя / пад рэд. В.В. Гетава, У.Ф. Ісаенкі, Я.В. Малашэвіч і інш. – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі», 1993. – 702 с.
11. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении / Л.В. Алексеев, В.П. Богданов; Ин-т археологии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: «Наука», 2009. – 336 с.

Кравченко Е.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. В АРХИВАХ УКРАИНЫ

Одним из важных направлений общественной и частной благотворительной деятельности в Российской империи в XIX – начале XX вв. можно по праву назвать призрение несовершеннолетних, в особенности сирот, детей из бедных семейств, больных и обездоленных. При изучении данной проблемы возникает ряд сложностей, связанных, в том числе, с выявлением и объективным анализом исторических источников. В Центральном государственном историческом архиве Украины г. Киева (ЦГИАК), Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГА АРК), в областных государственных архивах и городском государственном архиве г. Киева (ГАК) сосредоточен значительный пласт материалов, посвященных истории призрения детей на территории Украины периода существования Российской империи.

Деятельность сиротских учреждений Приказов общественного призрения (ПОП), которые открывались в Российской империи с 1775 г. по Закону «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», наиболее полно представлена в фондах Государственных архивов Житомирской области (ГАЖО, Ф. 160), Черниговской области (ГАЧО, Ф. 131), Одесской области (ГАОО, 362), Черниговской области (ГАЧО, Ф. 131), Автономной Республики Крым (ГА АРК, Ф. 115), Хмельницкой области (ГАХмО, Ф. 232) и городского архива Киева (ГАК Ф. 102). В фондах Приказов общественного призрения сосредоточены документы, раскрывающие процесс создания, функционирования и финансирования сиротских домов ПОП, ежегодные отчеты о деятельности учреждений [2; 12,], сведения о воспитанниках [24].

Документы содержат сведения о пожертвованиях от разных лиц для учреждения детских приютов [21], списки подкидышей, призреваемых ПОП [4], а также именные списки служащих ПОП [22]. Создание сиротского дома при Одесском ПОП отражено в фонде Одесского строительного комитета [11].

На территории Украины создание губернских детских приютов, подчинённых Комитету главного попечительства детских приютов, а позже – Ведомству учреждений императрицы Марии (ВУИМ), начинается в 1840-е гг. В начале XX в. активно открывались уездные и сельские попечительства детских приютов. Заведения были рассчитаны на дневное пребывание детей из беднейших семейств. В конце 1840-х гг. при приютах стали учреждаться ночные сиротские отделения для круглых сирот. В украинских архивах сохранились немногочисленные фонды губернских попечительств детских приютов – Таврического (ГА АРК, Ф. 525), Подольского (ГАХмО, Ф. 39), Херсонского (ГАХерО, Ф. 243). Документы представляют собой Циркуляры Комитета главного попечительства детских приютов [18], постановления, отчеты, рапорты о санитарном состоянии приютов [19], материалы о приёме детей [20], сведения о служащих попечительств [17]. Кроме того информация об открытии и деятельности губернских, городских, уездных и сельских попечительствах и детских приютах ВУИМ сосредоточена в фондах канцелярий генерал-губернаторов (ГАОО Ф. 1, ГА АРК, Ф. 26), городских дум (ГАОО, Ф. 4). Строительство зданий детских приютов ВУИМ в Харьковской губернии освещено в фонде губернского правления [13].

Во второй половине XIX в. активизировалась деятельность общественных организаций и частных лиц по созданию детских сиротских учреждений. Многочисленные прошения частных лиц о разрешении учредить детские приюты можно найти в фонде Волынского губернского по делам об обществах и союзах присутствия (ГАЖО, Ф. 329) [3]. Фонд Харьковского губернского по делам об обществах и союзах присутствия (ГАХО, Ф. 29) содержит материалы об утверждении уставов и отчёты различных благотворительных обществ. Например, устав общества патроната над несовершеннолетними, утвержденный в 1912 г., об открытии комитетов Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества в 1915 г., общества призрения детей полусирот воинов в 1916 г. Прошения об открытии обществ призрения еврейских детей встречаются в фонде Подольского губернского по делам об обществах присутствия [23].

В Украине существовало несколько детских приютов для сирот, основанных на пожертвования по завещанию и названных в честь жертвователей. В 1864 г. по завещанию тайного советника А.Я. Фабра был основан приют для мальчиков-сирот в Симферополе. В 1879 г. в Одессе был открыт приют для мальчиков имени купца М.Р. Гладкова. В Сумах с 1888 г.–приют имени Н.М. Харитоненко, супруги известного сахарозаводчика И.Г. Харитоненко, а в 1895 г. М.Н. Сухановой был основан Параскеевский приют для девочек-сирот в память о дочери П.Д. Сухановой. С 1902 г. в Киеве действовали два приюта имени купца М.П. Дегтерева и его супруги Е.И. Дегтеревой.

Отчеты о состоянии Симферопольского сиротского дома находятся в фонде Симферопольский детский приют имени А.Я. Фабра (ГА АРК, Ф. 120). [1]. В фонде Одесского градоначальника находятся материалы о рассмотрении проекта устава приюта имени М.Р. Гладкова [8], о проведении ревизии в заведении [9]. Деятельность сумских приютов освещена в фондах Сумской городской управы Государственного архива Сумской области (ГАСО, Ф. 1), Сумской городской думы (ГАСО, Ф. 354). Материалы об организации киевских приютов хранятся в фонде Киевской городской управы (ГАК, Ф. 163). Среди документов – отчеты о содержании заведений [6], списки

членов совета по заведыванию благотворительными учреждениями [5], прошения разных лиц о приеме детей в приюты [7].

Для второй половины XIX в. было характерно открытие десятков различных обществ и учреждений, ставивших своей целью призрение, воспитание, исправление, образование и оказание трудовой и медицинской помощи несовершеннолетним, малолетним преступникам, нищим, беспризорным и покинутым детям и подросткам. Сложность изучения деятельности этих организаций связана с распорошенностью источников по различным фондам и архивам. Уставы и ежегодные отчеты благотворительных обществ находятся в фондах управлений Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора (ГАОО, Ф. 1), временного Одесского генерал-губернатора (ГАОО, Ф. 5), канцеляриях Одесского (ГАОО, Ф. 2) и Керчь-Еникальского градоначальников (ГА АРК, Ф. 162), канцеляриях Таврического (ГА АРК, Ф. 26), Херсонского (ГАХерО, Ф. 1), Харьковского губернаторов (ГАХО, Ф. 3), Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора (ЦГИАК, Ф. 442), губернских правлений: Харьковского (ГАХО, Ф. 4) и Черниговского (ГАЧО, Ф. 127), Одесского статистического комитета (ГАОО, Ф. 274), Харьковского полицмейстера (ГАХО, Ф. 52.).

Учебная часть функционирования детских приютов отражена в фондах канцелярии попечителя Одесского учебного округа (ГАОО, Ф. 42) и управления Киевского учебного округа (ЦГИАК, Ф. 707).

Деятельность отдельных благотворительных организаций отражена в самостоятельных небольших фондах: Одесский городской приют для призрения младенцев (ГАОО, Ф. 96), Керченское общество «Ясли» (ГА АРК, Ф. 595), Черниговская земледельческо-ремесленная исправительная колония для несовершеннолетних (ГАЧО, Ф. 230), Правление Харьковского общества исправительных приютов для малолетних преступников (ГАХО, Ф. 489) Киевское общество предоставления помощи бедным больным детям (ГАК, Ф. 248), Харьковское общество призрения бесприютных малолетних сирот (ГАХО, Ф. 202), Харьковское общество физического воспитания и защиты детей (ГАХО, Ф. 509).

Деятельность земских и городских сиротских учреждений представлена в фондах губернских и уездных земских (ГАЧО, Фонды 140, 187; ГАХО, Ф. 304) и городских управ (ГАОО, Ф. 16; ГАХО, Ф. 45). Попечительный отдел Харьковского губернского земства до 1911 г. оказывал денежную помощь благотворительному обществу призрения бесприютных малолетних сирот, которое имело в своем ведении детских приюты. С 1911 г. призрение сирот было передано Харьковскому земству и все приюты перешли в ведение отдела призрения покинутых детей при земстве. В фонде земской управы находятся также анкетные сведения Комитета попечения о беспризорных детях Временного правительства [15], протоколы совещаний и переписка с правительствами Петлюры и Скоропадского об организации призрения сирот, стариков и инвалидов [16]. Фонды городских управ свидетельствуют о назначении стипендий при детских сиротских приютах [14]. При Одесской городской управе существовало специальное благотворительное отделение [10]. Фонд управы содержит документы о принятии детей в сиротские учреждения, отчеты еврейских благотворительных обществ, яслей, о призрении подкидышей.

Фонды православных духовных консисторий содержат многочисленные сведения о сборах пожертвований в пользу сиротских учреждений (ГАХО, Ф. 40; ЦГИАК, Ф. 127). Создание сиротского дома при лютеранской церкви освещено в фонде Евангелическо-лютеранский приход церкви Св. Павла в Одессе (ГАОО, Ф. 630).

Организация помощи детям-сиротам воинов русско-японской войны представлена в фонде Харьковского губернского комитета призрения детей лиц, погибших в период русско-японской войны (ГАХО, Ф. 315). Фонд Черниговского

губернского по земским и городским делам присутствия (ГАЧО, Ф. 145) содержит сведения о выдаче пособий от Алексеевского Главного комитета на воспитание детей офицерских и нижних чинов [25]. В фонде приюта Киевского попечительства о малолетних детях военнослужащих за 1905–1913 гг. (ЦГИАК, Ф. 232) сохранились сведения об обследовании семейного положения погибших в русско-японскую войну о поиске средств для финансирования детских приютов [26].

Деятельность детских сиротских учреждений, яслей и приютов для детей беженцев в годы Первой мировой войны нашла своё отражение в фондах Харьковского губернского комитета Всероссийского земского союза (ГАХО, Ф.312), Черниговского губернского отдела Всероссийского общества призрения беженцев (ГАЧО, Ф. 730), Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза (ЦГИАК, Ф. 715), Подольского отдела Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (ГАХмО, Ф. 235).

Таким образом, документы и материалы различного происхождения, сосредоточенные в архивных хранилищах Украины являются ценнейшим источником для изучения истории благотворительности и призрения детей в досоветской России. Письменные источники дают возможности проследить динамику создания обществ и заведений, оказывающих помощь несовершеннолетним, выяснить сущность государственной политики в этом вопросе, проанализировать частную и общественную инициативу, установить контингент воспитанников сиротских учреждений. Сравнительный анализ архивных источников позволяет утверждать о наибольших масштабах организации призрения детей в таких городах как Одесса, Харьков и Киев.

1. Государственный архив Автономной Республики Крым. – Ф. 120. – Оп. 1. – Д. 40.
2. Государственный архив Житомирской области (Далее – ГАЖО). – Ф. 160. – Оп. 1 доп. – Д. 551.
3. ГАЖО. – Ф. 329. – Оп. 1 доп. – ДД. 17, 18, 67.
4. Государственный архив Киева (Далее – ГАК). – Ф. 102. – Оп. 6. – Д. 1.
5. ГАК. – Ф. 163. – Оп. 35. – Д. 1.
6. ГАК. – Ф. 163. – Оп. 35. – Д. 30.
7. ГАК. – Ф. 163. – Оп. 35. – Д. 42.
8. Государственный архив Одесской области (Далее – ГАОО). – Ф. 2. – Оп. 1. – ДД. 1096, 2482.
9. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 4. – Д. 9251.
10. ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 102.
11. ГАОО. – Ф. 59. – Оп. 102. – ДД. 168, 213, 218, 221, 225, 266.
12. ГАОО. – Ф. 362. – Оп. 1. – Д. 8.
13. Государственный архив Харьковской области (Далее – ГАХО). – Ф. 4. – Оп. 145. – Д. 78; Оп. 174. – Д. 217.
14. ГАХО. – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 3415.
15. ГАХО. – Ф. 304. – Оп. 1. – Д. 3443.
16. ГАХО. – Ф. 304. – Оп. 1. – Д. 3453.
17. Государственный архив Херсонской области. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1.
18. Государственный архив Хмельницкой области (Далее – ГАХмО). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 2.
19. ГАХмО. – Ф. 39. – Оп. 1. – ДД. 5, 7, 26.
20. ГАХмО. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 6.
21. ГАХмО. – Ф. 232. – Оп. 1. – Д. 1695.
22. ГАХмО. – Ф. 232. – Оп. 1. – Д. 1800.
23. ГАХмО. – Ф. 629. – Оп. 1. – Д. 6, 114.
24. Государственный архив Черниговской области (Далее – ДАЧО). – Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 771.
25. ГАЧО. – Ф. 145. – Оп. 3. – ДД. 956–958.
26. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. – Ф. 232. – Оп. 1. – ДД. 1, 3.

Церашкова К.С.

МАТЭРЫЯЛЫ ПАЗЯМЕЛЬНЫХ ПЕРАПІСАЎ ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ ГІСТОРЫІ МЯШЧАНСКАГА ЗЕМЛЕЎЛАДАННЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Адной з ключавых праблем унутранай палітыкі Расійскай імперыі з'яўлялася аграрнае пытанне, у сувязі з чым вялікая ўвага надавалася збору дадзеных аб землеўладанні. Для вывучэння мяшчанскага землеўладання, якое па сутнасці з'яўлялася адной з форм непрывілеяванага прыватнага землеўладання, значную цікавасць уяўляюць апублікаваныя Цэнтральным статыстычным камітэтам МУС афіцыйныя дадзеныя па беларуска-літоўскіх губернях Расійскай імперыі. Звесткі аб землеўладанні, сабраныя і апублікаваныя Цэнтральным статыстычным камітэтам, з'яўляюцца найбольш масавымі па сваім складзе, сацыяльным і тэрытарыяльным ахопе крыніцамі па вывучэнні землеўладання ў акрэслены перыяд. Сярод мерапрыемстваў, праведзеных Цэнтральным статыстычным камітэтам, асаблівае месца займаюць перапісы пазямельнай уласнасці Еўрапейскай Расіі, якія згодна з першапачатковым планам прадугледжвалася праводзіць з перыядычнасцю да 10 гадоў, разам з тым на практыцы было рэалізавана ўсяго тры перапісы − у 1877, 1887 і 1905 гг. [9, с. 28]. Публікацыі матэрыялаў пазямельных перапісаў з'яўляюцца найбольш значнымі выданнямі Цэнтральнага статыстычнага камітэту па статыстыцы землеўладання.

Пры распрацоўцы матэрыялаў першага пазямельнага перапісу старшынёй статыстычнага савета П.П.Сямёнавым (у далейшым − П.П.Сямёнавым-Цян-Шанскім) прымянялася схема шырокамаштабнага і дэталёвага эканамічнага раяніравання Еўрапейскай Расіі, згодна з якім 49 губерняў былі зведзены ў 12 асобных груп [19, с. 15]. Выпуск V "Губернии литовской и белорусской групп" выдання "Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России" складзены на аснове дадзеных першага ў Расійскай імперыі пазямельнага перапісу 1877 г. і ўключае звесткі аб сямі заходніх губерняў, а менавіта: Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай, Смаленскай [18]. Для аналізу мяшчанскага землеўладання важную ролю маюць дадзеныя па кожнай губерні табліц I "Общее количество поземельной собственности с разделением по главным ея категориям (в десятинах)", III "Земли в частной собственности дворян, купечества, мещан и крестьян, по размерам владений (в десятинах)".

Матэрыялы другога пазямельнага перапісу Расійскай імперыі, выкарыстаныя пры вывучэнні мяшчанскага землеўладання беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі, апублікаваны ў выпусках IV, V, XVII, XI, XXII, XXIII выдання "Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года" [1–6]. Дазеныя па мяшчанскім землеўладанні размешчаны ў параўнальнай табліцы II "Процентное отношение числа владений и количества земли по главным сословиям частных владельцев в 1877 и 1887 годах", табліцах за 1887 г. па губернях II "Поземельная собственность по главным категориям владений (в десятинах)", III "Земли частных владельцев по сословиям". Матэрыялы дадзенага перапісу выкарыстоўваліся ў выданні "Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам" [8].

Апрацаваныя і згрупіраваныя ў табліцы па асобных губернях Расійскай імперыі матэрыялы трэцяга пазямельнага перапісу апублікаваны ў спецыяльнай серыі "Статистика землевладения 1905 г.", у тым ліку па беларуска-літоўскіх губернях − выпускі XI, XIII, XIX, XXVII, XXIX, XXXIV [11–16]. Пры вывучэнні мяшчанскага землеўладання цікавасць уяўляюць табліцы II "Частная земельная собственность по главным ея категориям в 1905 и 1877 годах (в десятинах)", III "Частная земельная

собственность в 1905 году по размерам владений (в десятинах)", V "Земли крестьян и мещан в 1905 году (в десятинах)", а таксама табліцы ў тэксце важнейшых высноў па кожнай губерні. Акрамя таго, абагуленыя дадзеныя па Расійскай імперыі прадстаўлены ў выданні "Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России", у якім сярод іншых прадстаўлены Паўночна-заходні раён у складзе Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай губерняў, а таксама ў іншых публікацыях матэрыялаў пазямельнага перапісу 1905 г. [7; 17].

Матэрыялы пазямельных перапісаў характарызуюцца высокім інфарматыўным патэнцыялам і выступаюць у якасці асноўных статыстычных крыніц па вывучэнні мяшчанскага землеўладання на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў другой палове XIX − пачатку XX ст. На аснове матэрыялаў дадзеных перапісаў, зведеных ў адпаведныя табліцы, магчыма падлічыць такія паказчыкі, як колькасць мяшчан-землеўладальнікаў, агульная колькасць зямлі і колькасць ворыўнай зямлі ў дзесяцінах; размеркаванне зямлі ў дзесяцінах па размерах ўладанняў, а таксама па колькасці мяшчан-землеўладальнікаў; зямельная ўласнасць мяшчанскіх таварыстваў з размеркаваннем па колькасці ўладанняў, зямельных надзелаў, сярэдніх памераў зямельных надзелаў па кожным з паветаў і па губерні ў цэлым. Адной з каштоўнейшых асабівасцяў гэтых статыстычных крыніц з'яўляецца магчымасць вывучэння мяшчанскага землеўладання ў акрэслены перыяд па ўсіх беларуска-літоўскіх губернях у дынаміцы.

Ступень дакладнасці і верагоднасці дадзеных пазямельных перапісаў у значнай меры вызначаны метадам іх збору і крыніцамі паходжання. Пры правядзенні пазямельных перапісаў Расійскай імперыі 1877 г. і 1887 г. выкарыстоўваўся так званы анкетны (карэспандэнцкі) метад, пры якім пры запаўненні апытальных лістоў інфармацыя прадстаўлялася самімі землеўладальнікамі, а таксама валаснымі праўленнямі [9, с. 28−29]. Такім чынам, матэрыялы першага і другога перапісаў ўяўляюць сабой апрацаваныя зводы дадзеных, сабраных Цэнтральным статыстычным камітэтам, шляхам рассылкі апытальных фармуляраў прыватным землеўладальнікам і валасным праўленням. Пасля праверкі атрыманых звестак у губернскіх статыстычных камітэтах дадзеныя былі распрацаваны і зведзены ў адпаведныя табліцы асобна па кожнай губерні, па групах губерняў і па ўсіх губернях Расійскай імперыі, якія былі ахоплены дадзенымі перапісамі. Трэба падкрэсліць, што анкетны метад, выкарыстаны пры зборы дадзеных першага і другога пазямельных перапісаў, адрозніваецца значна меншай ступенню верагоднасці і дакладнасці інфармацыі ў параўнанні з экспедыцыйным метадам, пры якім спецыяльна падрыхтаваныя асобы ажыццяўлялі збор і праверку дадзеных на месцы.

Асаблівасцю правядзення пазямельнага перапісу 1905 г. з'яўляецца фактычны адыход ад анкетнага метаду збору дадзеных. У сувязі з тым, што спосаб збору дадзеных пакідаўся на выбар губернатараў, на практыцы прывяло да таго, што матэрыялы аб землеўладанні, прадстаўленыя ў Цэнтральны статыстычны камітэт, складаліся на аснове акладных кніг і іншай дакументацыі аб землеўладанні. На аснове атрыманых дадзеных былі выдадзены пагубернскія зводкі і агульная зводка па ўсіх губернях, у якіх быў праведзены перапіс. Неабходна адзначыць, што ў Цэнтральным статыстычным камітэце звярталі ўвагу на недахопы ў правядзенні перапісу, пры апрацоўцы дадзеных некаторыя матэрыялы нават накіроўваліся на месцы на дапрацоўку [17, с. 2−3]. Разам з тым, вынікі даследавання землеўладання ў цэлым прызнаваліся Цэнтральным статыстычным камітэтам задавальняючымі.

Пры выкарыстанні матэрыялаў пазямельных перапісаў як асноўных статыстычных крыніц па вывучэнні мяшчанскага землеўладання ў другой палове XIX − пачатку XX ст. узнікае неабходнасць вызначэння аднастайнасці і магчымасці

суаднясення дадзеных за розныя гады. Вызначэнне памераў і дынамікі развіцця мяшчанскага землеўладання па матэрыялах пазямельных перапісаў звязана з аднаго боку з аднароднасцю тых паказчыкаў, якія вызначаны ў праграме, а з іншага боку − з вызначэннем крытэрыяў ўдзельных зямель, якія былі ахоплены перапісамі.

Па-першае, мэтай правядзення трэцяга пазямельнага перапісу 1905 г. з'яўлялася ў тым ліку выяўленне змяненняў у землеўладанні ў параўнанні з дадзенымі за 1877 г., у сувязі з чым яго праграма паўтарала праграму першага пазямельнага перапісу 1877 г. Другі пазямельны перапіс, праведзены ў 1887 г. характарызаваўся меншай ступенню арганізаванасці і скарочаным планам правядзення, а распрацоўка матэрыяла абмяжоўвалася больш вузкім колам пытанняў. Па-другое, пазямельны перапіс 1877 г. ахопліваў як "удобные", так і "неудобные" землі, аднак пры далейшай апрацоўцы дадзеных у разлік прымаліся звесткі ў асноўным па першай катэгорыі; пазямельны перапіс 1905 г. праводзіўся па падобным прынцыпе і закрануў толькі "удобные" землі. У адрозненні ад перапісаў 1877 і 1905 гг. другі пазямельны перапіс 1887 г. уключыў усе катэгорыі зямель [19, с. 31–32]. Такім чынам, дадзеныя перапісаў 1877 і 1905 гг. суадносныя па сваіх паказчыках, што прадстаўляе шырокія магчымасці для вывучэння мяшчанскага землеўладання.

Матэрыялы пазямельных перапісаў з'яўляюцца адной з найважнейшых статыстычных крыніц па вывучэнні мяшчанскага землеўладання на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў другой палове XIX − пачатку XX ст. Тэрытарыяльны ахоп, адначасовасць правядзення перапісу па розных губернях, інфарматыўнасць дадзеных, суадносная па сваім характары інфармацыя перапісаў 1877 г. і 1905 г. прадстаўляюць магчымасць вызначыць структуру і дынаміку мяшчанскага землеўладання ў акрэсленых губернях. Неабходна адзначаць таксама, што ў сувязі з нязначным месцам у структуры землеўладання такой сацыяльнай катэгорыі як мяшчане, даследаванню мяшчанскага землеўладання ў цэлым не надавалася значнай увагі ў Расійскай імперыі, што надае матэрыялам перапісаў у кантэксце вывучаемага пытання сапраўды ўнікальны характар.

1. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск IV: Виленская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1897. − 15 с.
2. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск V: Витебская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1898. − 11,19 с.
3. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск XI: Гродненская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1896. − 15, 19 с.
4. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск XVII: Ковенская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1896. − 17, 15 с.
5. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск XXII: Минская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1896. − 15, 19 с.
6. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск XXIII: Могилевская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Типография П.И.Бабкина, 1893. − 15, 19 с.
7. Землевладение в 50 губерниях Европейской России за 1905 г.: Статистический справочник. Дополнение к I выпуску. − СПб.: типография "Т-ва Худож. Печати", 1907. − 16 с.
8. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам: Статистический справочник. Выпуск I. − СПб.: Типография Н.П.Собко, 1906. − 64 с.
9. Святловский, В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861 − 1908 гг.) / В.В.Святловский. − СПб.: Типография Акционерного о-ва тип. дела, 1911. − 150 с.
10. Статистика землевладения Европейской России по уездам / Г.Логанов. − Спб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906. − 154 с.
11. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XI: Гродненская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − 47 с.

12. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XIII: Могилевская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная типография М.Я.Минкова, 1906. − 51 с.
13. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XIX: Минская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная типография М.Я.Минкова, 1906. − 47 с.
14. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XXVII: Витебская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная типография М.Я.Минкова, 1907. − 57 с.
15. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XXIX: Ковенская губерния/ Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная типография М.Я.Минкова, 1906. − 47 с.
16. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XXXIV: Виленская губерния / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная типография М.Я.Минкова, 1906. − 47 с.
17. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России / Центральный статистический комитет МВД. − СПб.: Центральная Типо-Литография М.Я.Минкова, 1907 г. − 199 с.
18. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Выпуск V. Губернии литовской и белорусской групп. − СПб: Типография МВД, 1882. − 208 с.
19. Тарасюк, Д.А. “Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России” как исторический источник: автореф ... канд.ист.наук: 07.00.09 / Д.А.Тарасюк; Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. − Москва, 1973. − 37 с.

Воднева И.П.

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОРОДУ ПОЛОЦКУ 1910 ГОДА» ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В современном источниковедении письменные исторические источники относят к числу наиболее распространённых. Этот вид памятников истории как продукт социальной деятельности людей непосредственно отражает сам исторический процесс, отдельные его факты и уже свершившиеся события. В контексте развития современных гуманитарных наук письменные источники рассматриваются не только с целью обнаружения в них общезначимых фактов истории, но и как документы, в которых широкое отражение нашли разнообразные стороны жизнедеятельности человека. Иногда именно этот вид исторических памятников является единственным носителем фактической информации о прошлом, изучение которого позволяет события минувших столетий сделать достоянием последующих поколений [3].

К числу наиболее уникальных письменных исторических памятников из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника относится «Путеводитель по городу Полоцку». Брошюра поступила в фонды НПИКМЗ в 1973 г. от Агафьи Константиновны Готовской, жены председателя Полоцкого уездного комитета РКП(б), уездного военного комиссара, председателя Полоцкого гарнизона в 1918−1919 гг. К.Ф. Готовского [4, с. 96].

Данное издание было выпущено в 1910 г. на деньги Полоцкого церковного братства «къ торжеству перенесенія св. мощей пр. Евфросиніи, княжны Полоцкой, изъ г. Кіева в г. Полоцкъ» [7]. Дочь полоцкого князя Святослава-Георгия Предслава, в монашестве Евфросиния, в конце своей жизни совершила паломничество в Святую Землю. В Иерусалиме настоятельница полоцкого монастыря после непродолжительной болезни скончалась и была похоронена в православной Феодосьевской обители. В 1187 г. после захвата города мусульманами за выкуп останки Евфросинии были перевезены в Киево-Печерскую Лавру. Известно, что полочане на протяжении XIX в. не раз поднимали вопрос о возвращении мощей преподобной на родину. В 1871 г. в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, основанный полоцкой княжной в XII в., была возвращена частица мощей. Но только в 1910 г. император Николай II подписал указ о перенесении святых останков из Киева на родину Евфросинии [5, с. 149].

К торжествам, которые проходили с 19 апреля по 23 мая 1910 г., были организованы многочисленные подготовительные мероприятия, которые подробно освещались на страницах печатных изданий. К перенесению мощей в большом количестве печатались книги, брошюры, листовки, буклеты, открытки как светского, так и религиозного содержания. В Полоцке ожидали приезда большого количества паломников и высокопоставленных гостей. Для общего ознакомления с городом и был подготовлен специальный путеводитель-справочник.

Брошюра была выпущена в местной типографии Хаима Вульфовича Клячко. Известно, что родился он в Вильне, где и получил домашнее образование. После смерти супруги Х.В. Клячко женился на её младшей сестре Басе Лазаревне, которая родила ему 4-х сыновей. В 1874 г. Хаим Клячко получил разрешение на открытие типографии в Полоцке, которая разместилась на ул. Витебской недалеко от центральной площади. В конце XIX–начале XX вв. типография выпускала визитные карточки, афиши, брошюры, книги и другие виды продукции. В годы Первой мировой войны владелец типографии наладил выпуск сводок о ходе военных действий на фронтах. Достоверных сведений о работе типографии после 1916 г. не сохранилось. Вполне возможно, что в 1920 г. она была национализирована, а владелец её или умер, или был расстрелян большевиками [6, с. 10].

«Путеводитель по городу Полоцку» 1910 г. имеет размеры 17,8x11,3 см и состоит из 24 страниц, к нему прилагается план города на отдельном листе [1, с. 77−78]. Цена издания указана на 1-й странице обложки и составляет 20 копеек (столько же стоил в то время 1 десяток куриных яиц). Все деньги от продажи путеводителя предполагалось перечислить в пользу сиротского приюта в г. Полоцке, который располагался в то время в районе Заполотья на улице Махировской в собственном доме [7, с. 17–18].

«Путеводитель по городу Полоцку. Къ торжеству перенесенія св. мощей пр. Евфросиніи, княжны Полоцкой, изъ г. Кіева въ г. Полоцкъ» имеет следующее содержание: 1) Краткий очерк г. Полоцка; 2) Монастыри, храмы и молитвенные дома; 3) Гостиницы, меблированные комнаты и заезжие дома; 4) Столовые и чайные; 5) Булочные и пекарни; 6) Учебные заведения и инспекция начальных классов; 7) Книжные магазины, читальни и типографии; 8) Правительственные учреждения; 9) Общественные и сословные учреждения; 10) Нотариальные конторы; 11) Благотворительные учреждения; 12) Фотографии; 13) Врачебная помощь; 14) Торговля; 15) Бани и парикмахерские; 16) Пути сообщения; 17) Такса на съестные продукты; 18) План г. Полоцка и его окрестностей.

Подробные сведения об учреждениях и организациях города, их владельцах и местонахождении, а также некоторые другие сведения позволили активно использовать путеводитель как в исследовательской, так и научно-экспозиционной работе.

В 1998 г. на основе текста «Путеводителя по городу Полоцку» 1910 г. была создана и открыта музейная экспозиция «Прогулка по Нижне-Покровской». Творческая группа под руководством заведующего Краеведческим музеем О.Д. Краско разработала концепцию и тематико-экспозиционный план будущей стационарной выставки, целью которой стало знакомство посетителей музея с историей города Полоцка через показ нескольких учреждений и заведений, располагавшихся в начале XX в. в зданиях на улице Нижне-Покровской. После утверждения на методическом совете документации было решено представить на выставке 6 тематических комплексов: дом городского головы Николая Лосковича, женскую гимназию, городской общественный банк, торговую лавку Минца, аптеку Бояринблюма и заезжий дом Довида Арлеевского. Художественное решение музея подготовил и осуществил минский художник В.И. Глива.

За 10 лет работы музей посетило большое количество туристов. В 2008 г. музей стал дипломантом VI Республиканского туристического конкурса «Познай Беларусь» в номинации «Музей. Незабываемые впечатления в памяти».

В 2009 г. было принято решение о ремонте здания, в котором располагался музей. Памятник архитектуры конца XVII в., известный в Полоцке как Домик Петра I, был закрыт на реставрацию до весны 2012 г. После демонтажа выставки руководство НПИКМЗ решило восстановить экспозицию в обновлённом виде. Под экспозицию было отведено два зала общей площадью 100 кв.м., в которых должно было разместиться шесть тематических комплексов. 20 ноября 2012 г. музей встречал своих первых посетителей.

В экспозиции, дополненной новыми документами и музейными предметами, нашли применение и новейшие информационные технологии. С 18 апреля 2012 г. любой индивидуальный посетитель, воспользовавшись системой QR-кодов, может получить пока на двух языках – русском и белорусском, а в планах – на трёх языках (ещё и английском), дополнительную информацию об экспозиции и предметах, представленных на выставке, прослушать небольшие звуковые файлы по каждому отдельному блоку.

При создании обновлённой экспозиции также было использовано направление информационной поддержки [2]. На мониторе, установленном во 2-м зале, демонстрируется коллекция почтовых карточек с видами города Полоцка конца XIX–начала XX вв., многие из которых поступили в фонды НПИКМЗ от Готовской А.К. Данный вид деятельности помогает познакомить посетителя с коллекцией письменных источников из фондов НПИКМЗ, дополнив текстовый материал путеводителя видеорядом.

С 1990 г. «Путеводитель по городу Полоцку» 1910 г. находится в постоянной экспозиции Музея белорусского книгопечатания (зал 2, витрина 12). Но этот памятник истории всегда вызывал неподдельный интерес у исследователей. В 2003 г. в «Полоцком книжном издательстве» вышла брошюра, в основу которой был положен текст путеводителя. Составители книги А. Судник и Л. Данько дополнили своё издание новыми сведениями, дающими возможность сопоставить историческое прошлое с сегодняшним днём. Новое издание стало популярным как среди полочан, так и у гостей города. В 2010 г. оно было переиздано.

Интерес у туристов вызывает и сам памятник истории. В 1999 и 2012 гг. на оборудовании НПИКМЗ было выпущено репринтное издание путеводителя 1910 г.

Таким образом, сохраняя и исследуя письменные исторические источники, мы получаем ценные сведения об историческом прошлом нашей земли, даём возможность познакомиться с содержанием уникальных документов всем посетителям музеев, сохраняем историческую память нашего народа, передавая её последующим поколениям.

1. Ашуева, В.Я. Беларускія выданні на рускай мове к. XIX – пач. XX стст. у фондах НПГКМЗ / В.Я. Ашуева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2002 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2003. – С. 77–78.
2. Заславец, Н.Н. Информационное обеспечение музейной экспозиции: на примере Государственного исторического музея: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03 / Н.Н. Заславец; Санкт-Петербургский государственный университет. - [Электронны рэсурс]. – Санкт-Петербург, 2008. – Рэжым доступу: http://cheloveknauka.com/informatsionnoe-obespechenie-muzeynoy-kspozitsii#ixzz2Wk07wxF8. – Дата доступу: 13.06.2013.
3. Исторические источники. Их роль и значение. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://books.hi-electres.ru/index.php/vse-stati/8-istoricheskie-istochniki/2-istoricheskie-istochniki-ikh rol?showall=&start=2. – Дата доступу: 13.06.2013.
4. Манис, Н.А. Память о них жива в Белоруссии / Н.А. Манис. – Минск : Полымя, 1988. – С. 87–119.

5. Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские торжества 1910 года. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 440 .: ил. – С. 149.
6. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года / сост., примеч. и вступ. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судник. – Полоцк : А.И. Судник, 2006. – 48 с.: ил. – (Наследие Полоцкой земли; Вып. 4). – С. 10.
7. Путеводитель по городу Полоцку / Полоцк : Типография Х.В. Клячко, 1910. – 24 с.

Петров Д.Н.

БЮДЖЕТ ГУБЕРНСКОГО МОГИЛЕВА НА 1914 ГОД КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Характерной особенностью развития белорусских губернских центров вообще и Могилева в частности во 2-й половине XIX – начале XX вв. стало введение городского самоуправления на основе Городового положения от 16 июня 1870 г. и такого же Положения от 11 июня 1892 г., не имевшего от прежнего принципиальных отличий [1, с. 835]. Городовое положение начало действовать в Могилеве с 1876 г. [2, с. 79–81] и предоставляло возможность не только избирать собственные органы управления – Городскую думу и ее исполнительный орган – Городскую управу, но и формировать городской бюджет. В силу этого определенный интерес представляет бюджет Могилева на 1914 г. как финансовый документ, исторический текст, экономическая и правовая категория.

Полное название данного документа – «Смета доходов и расходов города Могилева губернского на 1914 год» [3, с. 1], в котором на 133 страницах напечатан полный реестр денежных поступлений и их затрат и издержек на нужды города. Отдельные данные из «Сметы» уже попадали в публикации, однако в целом источниковый и информационный потенциал данного документа остается не реализованным. Более того, если в белорусской справочной литературе минимальные сведения о «смете» на 1914 год все же имеются, наряду со «Сметами» 1910 – 1913 гг. [4, с. 515–516], то в известном справочнике П.А. Зайончковского о ней ничего не сказано [5, с. 484], поэтому речь идет не только о ценном источнике, но и о раритетном издании.

«Смета доходов и расходов города Могилева губернского на 1914 год» печаталась по распоряжению могилевского Городского головы, данные из этого документа попадали в Могилевский статистический комитет и ежегодный губернаторский отчет, направляемый по линии Министерства внутренних дел в Санкт-Петербург, входили в «Памятные книжки Могилевской губернии», «Обзоры Могилевской губернии», «Могилевские губернские ведомости» и «Вестник Могилевского земства», широко освещаясь газетой «Могилевский вестник» (в разделе «Заседания Городской думы»).

Начинает данный реестр «Объяснительная записка к проекту сметы доходов и расходов г. Могилева губернского на 1914 год», согласно которой средства по смете доходов поступали в городской бюджет на основе: оценочного сбора, сборов с торгов и промыслов, пошлин различных наименований, доходов с городских имуществ и оброчных статей, доходов с городских сооружений, пособий городу и возврата расходов, разных доходов. «Бюджет города Могилева – указывается в «Смете» – на 1914 год исчислен по проекту сметы в 538 000 рублей, более против сметы 1913 года на 31 378 рублей (бюджет 1913 года равнялся 506 622 рубля), но если принять во внимание, что в смету 1913 г. были внесены поступления, имеющие случайный характер, как-то: от займов 105 600 рублей и от недоимок 14 331 рубль, т.е. в общем менее на 39 058 рублей, то окажется, что обыкновенные доходы города увеличились на 70 436 рублей» [3, с. I].

По смете расходов средства распределялись следующим образом: участие в расходах по содержанию правительственных учреждений, содержание Городского общественного управления и Сиротского суда, воинская квартирная повинность, содержание городской полиции, содержание пожарных команд, благоустройство города, содержание городских сооружений, народное образование, общественное призрение, медицинская, ветеринарная и санитарная части, уплата налогов, содержание и устройство принадлежащих городу недвижимых имуществ, уплата долгов, разные расходы. Далее следует «Перечень сметы доходов и расходов города Могилева губернского на 1914 год по сравнению со сметою 1913 года», за ним идет «Смета доходов города Могилева губернского на 1914 год», представленного с соответствующим «Приложением» и такая же «Смета» расходов, также сопровождаемая «Приложением». В документе очень подробно расписаны в числовом выражении все статьи доходов и расходов, сопровождаемые ссылками на «Постановления Думы», «уведомления министра Внутренних дел», «Городовое положение», «уведомления Губернского жандармского управления» и другие официальные письменные свидетельства, в круг которых входили и отдельные «Высочайше утвержденные Положения», выходящие из императорской канцелярии. Кроме этого указаны дополнительные «Приложения» по расходам с указанием компенсаций из общеимперского бюджета по отдельным министерствам и ведомствам, «расход по содержанию принадлежащих городу зданий в 1914 году» и «Смета доходов и расходов по специальным капиталам, находящимся в заведовании Могилевского Городского общественного управления». Под общей городской «Сметой» на 1914 г. стоят подписи Городского головы И.А. Семковского, членов Городской управы М.А. Феофилова, И.А. Хозерова, П.А. Маркова, секретаря М.М. Маковецкого и бухгалтера М.К. Венкневича-Зуба.

Ценность «Сметы» 1914 года как исторического источника заключается главным образом в том, что она представляет исчерпывающие сведения о хозяйственной инфраструктуре губернского города и его достижениях в социальной и культурной сферах, о чем советская и современная историография, как правило, замалчивали [6, с. 110–125, 150–163]. Так, из «Сметы» можно узнать, что в Могилеве исправно действовали водопровод, скотобойня, утилизационный завод, конно-железная дорога. Благодаря городской электростанции центр города имел электрическое освещение, на которое выделялось 350 лампочек и еще 50 планировалось приобрести к новым фонарям, успешно функционировали асфальтовый и кирпичный заводы, благодаря чему улицы имели вид, достойный губернского центра. На благоустройство города выделялось почти 39 000 рублей, общественный порядок в нем поддерживали 100 городовых первой, второй и третьей полицейской части. Предусматривалось создание четвертой полицейской части в составе еще 22 человек.

Социальная часть бюджета предусматривала выплату пенсий и единовременных пособий лицам, служившим в учреждениях, содержащихся на городские средства. На эти же средства содержались городской архитектор, техники, торговая депутация, исполнительная и ревизионная комиссии. Предусматривалась выплата пособий на содержание городских приходских и церковно-приходских школ. Могилев содержал городскую чайную и ночлежный приют, столовую, выдавал средства «Обществу пособия бедным евреям г. Могилева», находил деньги на выдачу пособий на погребение бедным жителям христианского вероисповедания и на раздачу бедным перед праздником Св. Пасхи. На уровне своего времени находились ветеринарная и санитарная части, на содержание которых выделялось более 9000 руб.

Культурная сфера предусматривала деятельность городской публичной библиотеки с отоплением и электрическим освещением, работу музея, драматического

театра, электрических театров, выдачу пособия на издательство журнала «Городское Дело».

Анализ «Сметы» позволяет не только исследовать инфраструктуру губернского Могилева, но и выяснить особенности формирования самого бюджета в части его законодательного обеспечения общеимперским законодательством, связанным с генезисом особой городской формы собственности – экономической основы деятельности Городской думы и ее Управы. Смета позволяет оценить среди прочего результаты городской реформы 1870 г. – по ней можно проследить, что функции органов самоуправления претерпели коренные изменения. Если прежде их задача сводилась к взиманию налогов и выполнению разнообразных повинностей, то теперь на первый план выдвинулось решение чисто муниципальных задач. Государственный аппарат освободил себя от вопросов, связанных с развитием и управлением городским хозяйством, передав их решение органам городского самоуправления. В задачи городского самоуправления входили: забота о благоустройстве города (водоснабжение, канализация, уличное освещение, транспорт, градостроительные проблемы), оказание содействия в обеспечении населения продовольствием (организация рынков, базаров), принятие мер против пожаров и других стихийных бедствий, забота о «сохранении народного здравия» и призрения нуждающихся (учреждение и содержание благотворительных заведений, больниц, проведение санитарно-гигиенических мероприятий), участие в развитии народного образования и культуры (открытие школ, библиотек, театров, музеев), попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве бирж, кредитных учреждений и т.д.

В деятельности городского самоуправления предусматривалось наличие собственного бюджета. Законодательство предусматривало формирование городского бюджета на основе налогов и сборов с недвижимости, доходов от эксплуатации городского имущества, пошлинных сборов, проведения аукционов, а также отчислений из государственной казны. Вместе с тем в доходной части бюджета устанавливался максимальный предел взимания разрешенных городу сборов. Всё это позволяет говорить о наличии определенного финансового суверенитета местного самоуправления.

Таким образом, «Смета доходов и расходов города Могилева губернского на 1914 год» как источник исторический, правовой и экономический информации позволяет проанализировать состояние городско хозяйства, способ и характер финансового управления, классифицировать расходы и доходы, проследить приоритеты бюджетного ассигнования и сделать выводы об эффективности административно-финансовой сферы местного управления и самоуправления.

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе. – Т. XIV. – Отд. I. – № 48498. – Гл. V. – СПб.: В Типографии Канцелярии Его Императорского Величества, 1870. – 1024 с.
2. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1876 год. Составлен Могилевским Губернским статистическим комитетом. – Могилев на Днепре, 1876. – 164 с.
3. Смета доходов и расходов города Могилева губернского на 1914 год. – Могилев губернский: Городская типография, 1913. – 133 с.
4. Кніга Беларусі. 1517–1917: зводны каталог / Дзярж. б-ка БССР імя У.І. Леніна, БелСЭ; склад. Г.Я. Галенчанка і інш. – Мн.: БелСЭ, 1986. – 615 с.
5. Справочник по истории дореволюционной России. Библиографический указатель. Изд. 2-е. – под ред. проф. П.А. Зайончковского. – М.: «Книга», 1978. – 638 с.
6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Магілева / Беларус. Энцыкл.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: 1998. – 496 с.

Василенко В.В.

ОТОБРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО СОЮЗОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЗАПАДНОМ ФРОНТАХ В МЕМУАРАХ

В деятельности Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на территории белорусских губерний в период Первой мировой войны остаётся много малоизученных сторон. Поэтому мемуары и воспоминания лиц, которые имели отношение к этим организациям и работали в них, имеют огромный интерес для исторической науки. Мы обратимся к воспоминаниям В.А. Оболенского и С.Е. Трубецкого, которые работали на территории Северо-Западного фронта. Первый возглавлял санитарный отряд Союза городов, второй работал в Контрольном отделе Комитета Северо-Западного фронта. С другой стороны используем материалы, для контраста мнений, которые оставили после себя представители государственной власти на местах – В.И. Гурко и В.А. Друцкой-Соколинский. Демократический лагерь представят в нашем исследовании большевик Н.С. Каржанский (настоящая фамилия Зезюлинский) и В. Солский, член Польской социал-демократической партии некоторое время сотрудничавший с большевиками. Эти люди различны по своему социальному происхождения, складу ума, своим политическим взглядам. Отсюда и их отношение и характеристика работы общественных организаций.

Рассматривая деятельность ВЗС и ВСГ через призму воспоминаний, обратимся сначала к характеристике главноуполномоченного ВЗС Г.Е. Львова, которую дают ему непосредственно подчинённый С.Е. Трубецкой и другие лица. Трубецкой говорит о Львове как о человеке способном, энергичном и в некотором роде «ловком». Но он не преувеличивает, а наоборот преуменьшает качества личности Львова. По его мнению, он был не то что «великим», даже просто «крупным человеком». «На самые высокие посты он определённо и совершенно не годился. Его «ловкость» и умение пускать людям «пыль в глаза» позволяла ему, однако, подняться выше нормального для него уровня» [12, с. 106]. В.И Гурко характеризует Львова ещё более критично и отрицательно, говоря о нём как честолюбивом человеке: «Кн. Львову важна была одна лишь вещь – пускать пыль в глаза общественности с одной стороны и быть носимым на руках всеми своими сотрудниками, с другой. Предела при этом его попустительству, безусловно, не было. Львов был лишен всяких задерживающих начал, и это, тем более что легкомыслию его не было пределов» [3, с. 647]. Причина такой характеристики со стороны В.И. Гурко кроется в соперничестве государства с общественными организациями в деле оказания помощи армии. Власти, откровенно говоря, не справлялись в этом деле. Князь Г.Е. Львов хотел показать им, что общественность лучше решает вопросы [12, с. 108]. Это раздражало многих государственных деятелей и власти видели в земстве конкурента.

Общественные организации развили бурную работу. Сравним только 2 направления деятельности. По оборудованным койкам в лечебных учреждениях Военное ведомство уступало союзам. К 1 января 1916 г. им было оборудовано около 160000 коек, а Земсоюзом свыше 173000 [7, с. 11]. Союз городов к 1 ноября 1915 г. располагал 174442 койками в лечебных заведениях [10, с. 62]. С формированием санитарных поездов для эвакуации больных и раненых Военное ведомство также не справилось. По мобилизационному плану предполагалось сформировать 100 поездов. К началу войны было в наличие только 46 [2, с. 42]. Земсоюз к весне 1915 г. сформировал 51 санитарный поезд [7, с. 16]. Союз городов в это же время имел 13 санитарных поездов [10, с. 51]. Таким образом, государство здесь уступало, не говоря уже о других направлениях деятельности.

Другой аспект, к которому обращаются авторы воспоминаний – это их непосредственная работа и повседневная жизнь на фронте. В.А. Оболенский столкнулся с трудностями подборки персонала для отряда. После набора на службу вольнонаёмных, выяснилось, что они неприспособленны к фронтовым будням и тяжёлой работе. Многие быстро развратились: стали воровать, пьянствовать. Поэтому ему пришлось большинство уволить и набрать на работу в отряд солдат из слабосильных команд (т.е. после ранения). Они были дисциплинированы и добросовестно исполняли свои обязанности [9, с. 463–464]. На работу в отряд просилось много желающих. Одна из причин заключалась в том, что служащие общественных организаций освобождались о службы в армии [9, с. 465–466]. Н. Каржанский, нелегал-большевик, служивший в санитарном поезде ВЗС, писал, что среди санитаров много было крупных торговцев, кулаков и домовладельцев [6, с. 72]. Многие просто уклонялись от службы в армии. Служба в общественных организациях военнообязанных вызывала недовольство у военных властей. Например, после проверки на Западном фронте законности нахождения на службе в общественных и частных организациях военнообязанных выяснилось, что более чем 14000 человек незаконно состояли на службе и подлежали призыву в армию [8, л. 143]. Служащие ВЗС и ВСГ и других общественных и частных организаций при увольнениях не сдавали свои документы и удостоверения. Они пользовались этими документами для уклонения от воинской службы и получения отсрочек [8, л. 142].

С.Е. Трубецкой и В.А. Оболенский затрагивают в своих воспоминаниях вопрос о взаимоотношениях с военными властями. В.А. Оболенский долго не мог получить для своего санитарного отряда назначение работать на фронт. В начале войны военные с подозрением относились к общественным организациям, считая их революционными, и не хотели пускать работать в армию санитарные отряды: «Никаким уставом они не были предусмотрены и вклинивались в привычную сеть полковых, дивизионных, корпусных и армейских санитарных учреждений как посторонние тела». Военные начальники писали друг другу запросы по поводу предоставления работы. А отряд В.А. Оболенского в ожидании ответов сидел без работы [9, с. 467]. С другой стороны С.Е. Трубецкому не пришлось налаживать хорошие отношения с военными властями. Они были уже налажены В.В. Вырубовым [12, с. 124]. В.В. Вырубов занимал должность председателя Комитета Северо-Западного фронта и был человеком таким же «ловким», как и князь Г.Е. Львов. Следует сказать, что сначала к общественным организациям было недоверие. Но когда военные увидели, какую громадную работу делают союзы по оказанию помощи армии, их отношение изменилось. Начальник снабжения армий Северо-Западного фронта Н.А. Данилов относился к союзам хорошо, обращался за помощью, субсидировал их деятельность. Генерал А.А. Брусилов писал в своих воспоминаниях, что Всероссийский земский и городской союзы с начала войны приносили большую пользу армии [1, с. 186].

В деятельности общественных организаций были и отрицательные явления. А именно: расточительность, бесхозяйственность и воровство. Об этом писали как люди сторонние, так и те, кто работал в союзах. В.И. Гурко писал о расточительности в Земсоюзе так: «…не было на Руси от века такого учреждения, где бы безумные траты и, скажу прямо, расточительность приняли такие размеры, как в общеземской организации…» [3, с. 646-647]. С.Е. Трубецкой охарактеризовал работу В.В. Вырубова с финансами такими словами: «Казёнными и общественными деньгами Вырубов буквально бросался, эта сторона вопроса его совершенно не интересовала…» [12, с. 113]. Губернатор В.А. Друцкой-Соколинский говорил о сотнях миллионов казённых денег, которые бесконтрольно тратили союзы [5, с. 136].

Служащие организаций, имеющие отношения к закупкам и материально-технической части были искушены заработать «левые деньги». Подрядчики,

сотрудничавшие с заготовительным отделом Земсоюза «чуя возможность огромной наживы, искушали взятками некоторых работников закупочного аппарата. Большинство, но не все, могли этому противостоять» [12, с. 119]. Это слова С.Е. Трубецкого, который сам работал в Контрольном отделе Комитета фронта и не мог этого не видеть. Друг русского философа Л.А. Тихомирова, работавший в Земском союзе на Западном фронте, рассказывал ему много нехорошего. Вот что записал Л.А. Тихомиров в своём дневнике: «Хищения невероятные, от больших до малых людей. Вся эта масса интеллигентов нахватывает денег, где только попадутся… Все деятели кутят и шикарят, останавливаются в лучших гостиницах, расхаживают и расшвыривают деньги возмутительным образом» [4, с. 207].

Как известно ВЗС и ВСГ были настроены антиправительственно. В организациях работало много разного рода революционных элементов. По этому поводу В.И. Гурко писал, что Земский союз вобрал в себя множество революционных агитаторов [3, с. 648–649]. В.А. Друцкой-Соколинский будучи минским губернатором сам столкнулся с антиправительственной деятельностью союзов. В своих воспоминаниях он пишет, что «оба союза и земгора вели на фронте, на самой его линии, и во всей прифронтовой полосе плохо маскированную антигосударственную революционную пропаганду…». Для этого использовались медицинские учреждения, питательные пункты, склады, лавки. Особенно недовольство вызывали солдатские лавки: «Чины штаба фронта неоднократно говорили мне, что продажа там солдатам спирта и раздача нелегальной и революционной литературы являются точно установленными» [5, с. 141].

О своей работе в Земсоюзе писал большевик Н. Каржанский. Будучи на нелегальном положении, он пытался попасть на фронт в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей». Поначалу его не взяли на работу, узнав, о его партийной принадлежности. Летом 1915 г. он встретил в Москве Н.Н. Хренникова, заведующего на фронте санитарными поездами союза. Он устроил его санитаром в поезд № 197, с которым тот выехал на фронт. Н. Каржанский договорился с начальником поезда, которая выдала ему «липовые» командировочные документы для поездок по фронту с потребностями для поезда. Он ездил по фронту уже как корреспондент и собирал всю нужную информацию и использовал, если нужно было документы служащего Земсоюза. В учреждениях ВЗС и ВСГ ему везде оказывали помощь, предоставляя ночлег, питание, информацию и транспорт [6, с. 71–73]. Таким образом, служба в ВЗС использовалась для попадания на фронт, в армию агитаторами революционных партий.

В. Солский, член Польской социал-демократической партии, работал в ВЗС на Западном фронте. Он пишет, что на работу в Земсоюз попал благодаря своим подпольным связям. Ему помог устроиться большевик Ю.М. Стеклов, служивший в Главном комитете ВЗС. Непосредственную протекцию Солскому оказывал А.П. Розенгольц, член партии большевиков, в будущем крупный советский партийный функционер. Он занимал пост заведующего банными и санитарными отрядами на Западном фронте. Он то и взял к себе на работу, на фронт Солского. Местом его работы стали Полочаны [11, с. 22–23].

Касательно характеристики Земсоюза В. Солский говорил, что он был демократической и антиправительственной организацией. В союзе на более низких должностях работало много членов революционных партий. Более высокие посты занимали либеральные деятели. Служащие ВЗС и «даже Земсоюз в целом» принимали активное участие в Февральской революции в Западной области [11, с. 23–24]. Работая в союзе, В. Солский занимался революционной деятельностью. А.П. Розенгольц посоветовал однажды ему и другим шофёрам «поработать» среди артели плотников.

Солский вёл с ними беседы, помогал писать письма, а однажды помог составить жалобу. Она не помогла, и артельщики решили провести забастовку. О забастовке доложили военным властям. Кто-то доложил о роли служащих ВЗС и В. Солского в этой забастовке. После разбирательств по решению Начальника Минского военного округа В. Солскому было запрещено нахождение в прифронтовой полосе и Западной области. Мягкое наказание он объясняет заступничеством начальства Земсоюза, перед которым хлопотал А.П. Розенгольц [11, с. 25–26].

Таким образом, авторы представленных источников показывают некоторые стороны деятельности Земского и городского союзов. Затрагиваются как положительные, так и отрицательные стороны деятельности. Союзы в организации помощи фронту проделали громадную работу, обслуживая различные потребности армии. Отрицательные явления в деятельности ВЗС и ВСГ также были. Бесхозяйственность, расточительство и воровство не красили союзы и давали повод для критики со стороны правых сил. Особенное недовольство – это работа в союзах представителей революционных партий. На их революционную пропаганду в союзах смотрели «сквозь пальцы». Служащие Земсоюза и Согора сыграли не последнюю роль в революционной пропаганде на фронте и приняли участие в Февральской революции в Западном крае.

1. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов / сост. В.А. Авдеев, С.Г. Нелипович. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. – 446 с.
2. Будко, А.А. Преодолевая страх и опасность, российские медики с честью выполняли свой долг / А.А. Будко, Е.Ф. Селиванов, Н.Г. Чигарёва // Военно-исторический журнал. – 2004. – №9. – С. 42–48.
3. Гурко, В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественности в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко / вступ. статья Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и комент. Н.П. Соколова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 810 с.
4. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.
5. Друцкой-Соколинский, В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора (1914–1918) / В.А. Друцкой-Соколинский. – Орёл: РКФ «3 июля»; РИГ «Невероятный мир», 1994. – 406 с.
6. Каржанский, Н. Записки военного корреспондента / Н. Каржанский // Знамя. – 1940. – Книга № 4–5. – С. 58–120.
7. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 г. / Главный комитет Всероссийского земского союза. – М., 1916. – 52 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 700. – Оп. 1. – Д. 108.
9. Оболенский, В.А. Моя жизнь. Мои современники / В.А. Оболенский. – Париж: YMCA-Press, 1988. – 754 с.
10. Очерк деятельности Всероссийского союза городов в 1914–1915 гг. – М., 1916 – 239 с.
11. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С.Н. Хомич. – Мн.: Тесей, 2004. – 224 с.
12. Трубецкой, С.Е. Минувшее / С.Е. Трубецкой. – Москва: «ДЭМ», 1991. – 328 с.

Синельников С.П.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСОВ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В МОСКВЕ (1–12 ИЮНЯ 1917 г.)

Самым значительным и масштабным по числу участников событием в церковно-общественной жизни России в первой половине 1917 г. стал разрешённый Св. Синодом и состоявшийся в Москве 1–12 июня Всероссийский съезд духовенства и мирян. В ряду других церковно-общественных форумов (Всероссийского законоучительского съезда, собранного в июле 1917 г. в Петрограде и Священного Собора Православной Российской Церкви, открывшего свои заседания 15 августа в Москве), съезд впервые на общероссийском уровне поставил и обсудил жизненные вопросы церковно-

государственного взаимодействия в условиях изменившегося государственного строя, и предложил коллективно выработанные решения.

На съезд со всей России собралось более тысячи делегатов – представителей духовенства и мирян. Состав съезда определялся следующим образом: от каждой епархии на съезд направлялись – по одному делегату от духовенства и от мирян от каждой сотни церквей, один делегат от монашествующего духовенства епархии и один делегат от духовно-учебных заведений. Программа работы съезда включала обсуждение вопросов: а) Организация Всероссийского союза духовенства и мирян, б) Отношение к переживаемым событиям, в) О составе Всероссийского церковного Собора, г) Об епископе и каноническом основании епископата, д) Об епархиальных учреждениях, е) О реформе прихода, ж) О духовной школе, з) О взаимоотношении Церкви и государства [1, с. 299–300]. Остро ставились и в горячих дискуссиях обсуждались на съезде вопросы православного образования – о судьбе церковно-приходских школ и об обязательности преподавания Закона Божия в начальной и средней школе.

Съезд был созван в условиях, когда Временным правительством готовились важнейшие решения по церковно-государственным вопросам, поэтому Церковь считала, что её мнение будет учтено при выработке постановлений, относящихся к церковным школам и религиозному воспитанию. Подготовка к съезду, его работа и состоявшиеся на нём обсуждения важнейших вопросов, связанных с деятельностью Церкви в изменившихся условиях нового государственного строя, широко освещались в епархиальной и общероссийской церковной периодической печати [2, с. 1; с. 22–23; с. 263–271; с. 285]. Надо сказать, что поднятые Всероссийским съездом темы, входили в повестку дня работы епархиальных съездов духовенства и мирян, происходивших в мае–июле 1917 г. [3, с. 287–296; с. 1–62; с. 3; с. 4; с. 4; с. 1–224; с. 179–184]. Помимо проведения съездов на местах организовывались союзы духовенства и мирян, одним из направлений деятельности которых было религиозное образование в церковно-приходских школах, министерских начальных училищах и средних учебных заведениях [4, с. 330–335].

В архивохранилищах Москвы содержатся документы, представляющие материалы по работе Всероссийского съезда духовенства и мирян, с достаточной полнотой раскрывающие ход обсуждений и дискуссий, разногласия среди делегатов. В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в фонде Канцелярии комиссара Временного правительства по г. Москве (Ф. 2261) – имеется сообщение Обер-Прокурора Св. Синода Комиссару Временного правительства по г. Москве от 5 мая 1917 г. о созыве 1 июня 1917 г. в Москве Всероссийского съезда духовенства и мирян [5, л. 9]. В архиве Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) отдельный фонд посвящён Всероссийскому съезду духовенства и мирян в Москве (Ф. 60), в котором рассматривается подготовка к съезду, выработка повестки работы, показаны присылаемые председателю съезда прот. Н. Цветкову материалы, проекты, предложения, ходатайства, а также протоколы заседаний секций и принятые в отношении церковно-приходских школ и изучения Закона Божия резолюции. Назовём лишь некоторые из этих материалов, наиболее существенные и значимые, раскрывающие ход обсуждения вопросов, предлагаемые решения и выработки окончательных текстов резолюций и постановлений.

Вопрос о церковно-приходских школах и религиозном образовании впервые получил своё оформление на епархиальных съездах, а затем прозвучал на Всероссийском съезде духовенства и мирян. Здесь же сформировалась оппозиция проектам Временного правительства. К таким документам относятся журналы и протоколы епархиальных экстренных и чрезвычайных съездов духовенства и мирян с вынесенными резолюциями о положении церковно-приходских школ, в большей части

требовавших оставления этих школ в ведении Церкви, с условием их обязательного реформирования и передачи приходу согласно определению Святейшего Синода за № 3096 от 8–18 мая 1917 г. о реформе церковно-приходских школ применительно к новому строю государственной жизни [6, л. 1–2].

Противоположная позиция зафиксирована в протоколе заседания учащих церковно-приходских школ Московской губернии от 16 апреля 1917 г. и в телеграмме съезду от председателя Тамбовского губернского учительского съезда и исполнительного бюро союза учащих о приостановлении передачи церковных школ приходу от 9 мая 1917 г. [7, л. 1; л. 1–2].

Большую группу документов составляют письма и предложения, направленные в бюро и председателю Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве прот. Н.В. Цветкову по конкретным вопросам. К примеру, предложение съезду делегата крестьянина и церковного старосты П.А. Гребенникова о церковно-приходских школах, письмо священника И. Покровского «председателю клира Московского» [прот. Н.В. Цветкову] от 17 мая 1917 г. по вопросу об участии автора в работе съезда для прочтения доклада о духовной школе, с приложенным текстом объёмного доклада, имеющего значительный подзаголовок «о постановке религиозного воспитания в начальной школе, как основе благоплодного восприятия богословских наук в духовной школе и о необходимости реставрировать Закон Божий», или письмо в бюро съезда свящ. Л. Бутырева по вопросу о реорганизации епархиальных училищ [8, л. 1–4; л. 1–2; л. 1–3; л. 1–8; л. 1–2].

В ходе работы съезда поступали отдельные предложения – от проф. Титлинова о женских епархиальных училищах и предложения делегатов съезда по вопросам реорганизации духовных школ разных типов, доклад И.П. Николина по вопросу о преобразовании средней духовной школы. Основные согласованные подходы в отношении требований к духовной школе были оформлены в тезисах по реформе духовной школы и к докладу по женским школам духовного ведомства [9, л. 1–12; л. 1–5; л. 1].

В протоколах основной и параллельной секций съезда по вопросу о церковно-приходских школах продемонстрированы разные подходы и взгляды на подчинённость этих школ [10, л. 1–5; л. 1–4], хотя обе подсекции одинаково были озабочены их будущим – обеспеченностью и жизнеспособностью в изменившихся условиях. Отдельный вариант материалов из протоколов заседания 7–8 июня 1917 г. параллельной секции съезда содержится в фонде Н.Н. Иорданского (Ф. 20) в Научном архиве Российской академии образования (НА РАО) [11, л. 12–13].

В журналах законоучительской подсекции съезда, в докладе её председателя прот. В.Ф. Лебедева и в резолюции подсекции обстоятельно обосновывалось единодушное мнение большинства участников съезда о сохранении обязательности преподавания Закона Божия во всех образовательных начальных и средних учебных заведениях [12, л. 1–6; л. 1–2; л. 1].

Участниками съезда был разработан проект резолюции о преподавании богословия в высшей богословской школе. От делегатов поступило предложение об учреждении при всех университетах богословских факультетов и вообще о постановке преподавания богословия в высшей школе [13, л. 1; л. 1–3; л. 6]. Однако, вопрос этот был отложен и предложения о преподавании богословия в высших учебных заведениях остались без развития в качестве проекта.

Окончательные резолюции Всероссийского съезда духовенства и мирян по вопросам религиозного образования были сформулированы в принятых постановлениях о церковно-приходских школах [14, л. 1], по реформе мужской духовной школы и епархиальных женских училищ [15, л. 1; л. 2], а также 3) о преподавании Закона Божия в школах [16, л. 1–2; л. 5]. Решения съезда о церковных

школах и обязательности Закона Божия послужили основой для резолюции Всероссийского законоучительского съезда и определений Священного Собора по тем же вопросам [17, л. 41 об.– 42; л. 40; с. 14–15].

Постановления Всероссийского съезда духовенства и мирян, равно как и определения Св. Собора в отношении православного образования, выражали мнение не только духовенства, но и мирян, как подавляющего большинства русского народа. Однако решения съездов были проигнорированы Временным правительством.

Исторический и общественно-политический контекст, в котором проходила работа Всероссийского съезда, состоял в подготовке Временным правительством постановления о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, закона «О свободе совести» и Временного положения о преподавании Закона Божия [18, л. 79; с. 247–248; л. 31]. В указанных постановлениях по-новому формулировалась конфессиональная и образовательная политика правительства, носившая светский и безрелигиозный характер.

1. Всероссийский съезд духовенства и мирян [Известия и заметки] // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10 (1–16 мая). С. 299–300.
2. Программа задач и цели Всероссийского Союза демократического православного духовенства и мирян // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 17 (4 июня); Московский Всероссийский съезд духовенства и мирян [1–10 июня 1917 г.] // Орловские епархиальные ведомости. 1917. № 25–26 (1 июля); На Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве // Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 15 (1 августа); Горский. Всероссийский съезд духовенства и мирян // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 13 (11 июня).
3. Епархиальный съезд (6 мая 1917 г.) // Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. № 10 (15 мая); Журнал Астраханского епархиального 40-го съезда духовенства и мирян (2–10 мая 1917 г.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1917. № 11 (30 мая). [приложение]; Епархиальные съезды [Полоцкой и Курской епархий] // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 39 (2 июня); Петроградский епархиальный собор о церковно-приходских школах // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 42 (6 июня); Тульский епархиальный съезд духовенства и мирян // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 42 (6 июня); Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии 17–25 июня 1917 года. Петрозаводск, 1917. 224 с. [Приложение к № 16 «Олонецких епархиальных ведомостей» за 1916 г.]; [П.В.П.] Свет и тени церковной жизни (Впечатления от съездов духовенства и мирян) // Рижские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8 (июль–август).
4. Деятельность Союза духовенства и мирян в г. Архангельске // Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 16 (1 сентября).
5. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2261. Оп. 1. Д. 370.
6. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 60. П[апка]. 4. Д. 2, 3, 4, 10; П. 7. Д. 5.
7. Там же. П. 18. Д. 21/3; П. 7. Д. 7.
8. Там же. П. 2. Д. 17; П. 7. Д. 6; Д. 2; Д. 3; Д. 4.
9. Там же. П. 18. Д. 23/2, 24; Д. 25; Д. 22/1; Д. 23/1.
10. Там же. Д. 21/1; Д. 21/2.
11. Научный архив Российской академии образования (НА РАО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 71.
12. НИОР РГБ. Ф. 60. П. 18. Д. 35, Д. 37/1; Д. 37/2; П. 17. Д. 12.
13. Там же. Д. 13; П. 18. Д. 11; [Проект] постановления Всероссийского съезда духовенства и мирян по вопросу о преподавании богословия в высших учебных заведениях // Там же. П. 18. Д. 19.
14. Постановление Всероссийского съезда духовенства и мирян по вопросу о церковно-приходских школах // Там же. Д. 19.
15. Постановление съезда по реформе мужской духовной школы // Там же. Д. 20/2; Постановление Всероссийского съезда духовенства и мирян по вопросу об епархиальных женских училищах и женских училищах духовного ведомства // Там же. Д. 19.
16. Резолюция законоучительской подсекции [Всероссийского съезда духовенства и мирян], без даты // Там же. Д. 37/2; Постановление Всероссийского съезда духовенства и мирян по вопросу «О преподавании Закона Божия в низших и средних школах всех типов» // Там же. Д. 19.
17. Резолюции о постановке Закона Божия в школе, принятые Всероссийским законоучительским съездом [12 июля 1917 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1803. Оп. 1. Д. 22; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об обязательном преподавании

Закона Божия в школе, 28 сентября 1917 г. // ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 397; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о церковных школах [2 октября 1917 г.] // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 2-й. Приложение к «Деяниям» второе [Репринт. изд. 1918 г., вып. 2]. М., 1994.
18. Постановление Временного правительства «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения от 20 июня 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 144; Постановление Временного Правительства «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. // Церковные Ведомости. 1917. № 31. 29 июля; Временное положение о преподавании Закона Божия в правительственных, общественных и частных с правом правительственных, учебных заведений Министерства народного просвещения [заслушано на заседании Государственного комитета 29 июля 1917 г.] // ГАРФ. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 22.

Антановіч З.В.

ВЕДАМАСЦІ АБ СТАНЕ КАСЦЁЛАЎ, ФІЛІЙ, КАПЛІЦ МАГІЛЁЎСКАЙ АРХІДЫЯЦЭЗІІ XIX – ПАЧ. XX ст. ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ І СУМЕЖНЫХ КРАІН (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ НГАБ)

Уваходжанне беларуска-літоўскіх зямель у склад Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. адбілася таксама на канфесіянальнай арэне згаданых тэрыторый. З аднаго боку, у выніку шэрагу рэформ рымска-каталіцкая царква была падпарадкавана дзяржаве праз стварэнне неканонічных інстытутаў, такіх як рымска-каталіцкія кансісторыі, што значна абмяжоўвала канфесіянальнае кіраўніцтва ў дзеяннях і выпрацоўцы ўласнага пункту гледжання на ўнутрыпалітычныя падзеі. З другога боку, ва ўмовах свабоднага празелетызму праваслаўнай царквы і адсутнасці легальных магчымасцяў для распаўсюджвання веравызнання і захавання пазіцый на грамадска-палітычнай арэне краіны, кіраўніцтву царквы неабходна было асабліва ўважліва адсочваць стан сваіх адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, у тым ліку іх фінансавую забяспечанасць, наяўнасць святара, стан пабудоў і інш. У першай чвэрці XIX ст. гэтыя звесткі збіраліся канцылярыстамі Магілёўскай кансісторыі падчас апрацоўкі інвентароў і візітаў [14; 1, арк. 77–80]. Персанальныя звесткі аб вышэйшым кліры і парафіяльным святарстве (імя, прозвішча, пасады, найбольш значныя ўзнагароды і інш.) публікаваліся ў штогодніках інфармацыйна-рэкамендацыйнага характару для духавенства і прыхаджан Directorium officii divini ac missarum pro Archidioecesis Mohileviensis (Каталог для набажэнстваў і парафіян магілёўскай архідыяцэзіі) [14]. З пачаткам выдавецкай дзейнасці губернскіх статыстычных камітэтаў у другой палове XIX ст. звесткі аналагічнага характару ў скарочаным варыянце (імя, прозвішча і пасада святара) з'яўляюцца таксама на старонках Памятных кніжак па беларуска-літоўскіх губернях [12].

З павелічэннем дакументапатоку канцылярыі рымска-каталіцкай кансісторыі, рэарганізацыямі адміністрацыйна-тэрытарыяльнай структуры канфесіі і ўзмацненнем ціску самаўладдзя Магілёўскай кансісторыяй выпрацоўваюцца адмысловыя фармуляры дакументаў – ведамасці ўлікова-статыстычнага характару аб стане касцёлаў, філій і капліц архідыяцэзіі. Сёння у фондзе "Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя" у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей – НГАБ) захавалася дзесяць такіх спраў. Увядзенне гэтых відаў дакументаў у справаводства ўстановы дазволіла рэгулярна збіраць звесткі аб стане касцёлаў, філій і капліц на тэрыторыі архідыяцэзіі для іх прадстаўлення вышэйшым органам улады і адстойвання інтарэсаў канфесіі на грамадска-палітычнай арэне. Ведамасці складаліся пробашчамі і адміністратарамі касцёлаў па выпрацаваным у кожным канкрэтным выпадку фармуляры прывабным для аналізу і абагульнення. Падрыхтаваныя дакументы накіроўваліся дэканам, якімі прадстаўленыя звесткі спраўджаліся перад адпраўленнем у кансісторыю, дзе ведамасці апрацоўваліся першапачаткова служачымі трэцяга стала (аддзела канцылярыі), а з

1873 г. – першага стала [3]. Ведамасці аб стане касцёлаў, філій і капліц фарміраваліся ў справы разам з копіяй указа аб зборы звестак і, часта, рапартамі дэканаў і святароў аб іх прадстаўленні. Пры гэтым калі ў сярэдзіне XIX ст. фарміраваліся звесткі па ўсёй архідыяцэзіі [2, 4, 5], то у апошняй чвэрці стагоддзя фарміраваліся асобныя кнігі па губернях [6–10].

Першыя з захаваўшыхся ведамасцяў аб стане касцёлаў, філій і капліц збіраліся па распараджэнні Магілёўскага арцыбіскупа ад 20 чэрвеня 1840 г., а пасля іх абагульнення ў кансісторыі накіроўваліся: два экземпляра ў Рымска-каталіцкую калегію (адзін з якіх перадаваўся ў Дэпартамент іншаземных веравызнанняў Міністэрства ўнутраных спраў) і па аднаму – мясцовым кіраўнікам губерняў і генерал-губернатарам. Неабходнасць іх складання выклікана падрыхтоўкай адміністрацыйна-тэрытарыльнай рэарганізацыі дэканатаў. Акрамя таго, паводле ўказа імператара Мікалая I ад 5 студзеня 1840 г. ліміцiравалася колькасць святароў пры касцёлах у залежнасці ад колькасці парафіян: 100 – 150 двароў (па чатыры чалавека ў адным двары) адзін святар, 200 – 250 – два, да 300 двароў – тры [5, арк. 1–4 адв.].

У ведамасцях 1840 г. запаўняліся наступныя звесткі: колькасць парафій; назва парафіяльных касцёлаў і належачых да іх асобных алтарый, філій і капліц; колькасць святароў у касцёлах, альтарыях і філіях; час правядзення набажэнстваў у альтарыях і філіях пры адсутнасці ў іх пастаянных святароў; назвы населеных пунктаў і іх частак, якія ўваходзяць у парафію; колькасць парафіян у кожным населеным пункце [5, арк. 13]. Гэтыя ведамасці дазвалялі прааналізаваць як тэрытарыяльную разлегласць парафій і дэканатаў, колькасць духавенства ў іх, так і колькасць асоб рымска-каталіцкага веравызнання ў населеных пунктах, а таксама фіксіравалі тэрміны правядзення набажэнстваў у альтарыях і капліцах, што пазней выкарыстоўвалася для іх зачынення. Напрыклад, Фашчоўскі Унебаўзяцця Найсвяцейшай Марыі Панны касцёл ў 1840 г. знаходзіўся ў Магілёўскай губерні. Да яго былі прыпісаны драўляныя капліцы ў мызе Вуглы памешчыка Менжынскага і мызе Кардзеева памешчыка Казменскага. Парафія ахоплівала тэрыторыі Магілёўскага, Капыскага, Чавусаўскага паветаў (м. Фашчоўка, мыза Заходцы, в. Меньшыя Сліжы, в. Аніковічы, в. Навасёлкі, в. Селішча і інш.), дзе пражывала 1823 парафіяніна, духоўныя патрэбы якіх забяспечваліся двума святарамі [5, арк. 18–19]. Звесткі за 1840 г. адлюстроўваюць стан прадстаўніцтваў каталіцтва ў Магілёўскай губерні (25 парафій).

Рэарганізацыя дэканатаў праводзілася ў 1844 годзе на падставе ўказу Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі ад 27 снежня 1843 г. № 5159 і адначасова ўводзілася дзяленне парафій на класы ў адпаведнасці з іх значнасцю. Зямельнымі валоданнямі рымска-каталіцкай царквы былі зацікаўлены як кансісторыі, так і органы дзяржаўнай улады. У залежнасці ад атрыманага класу вызначалася колькасць святароў у парафіі і памеры іх утрымання. У ведамасцях, складзеных для абгрунтавання адміністрацыйна-тэрытарыяльнай структуры, падаваліся, акрамя назвы касцёла і месца яго знаходжання, даходы духавенства ад дамоў, пляцаў і іншых нерухомых маёмасцяў, якія знаходзяцца ў яго распараджэнні, і памеры ўтрымання ад казны, што дазваляла перавесці парафіі, якія мелі ўласныя даходы, на частковае самаўтрыманне [2, арк. 12–13 адв.]. Так, Веліжскі касцёл знаходзіўся ў Віцебскай губерні, адносіўся да 3-га класу (1548 парафіян). Яму належала штатнае ўтрыманне ў адпаведнасці з класам у памеры 400 рублёў з казны, таму што іншых даходаў ён не меў [2, арк. 176 адв.]. Адначасова Ляшчылаўскі касцёл Дрызенскага павету Віцебскай губерні адносіўся да 4-га класу (678 парафіян) і ад сваіх маёмасцяў атрымліваў 210 руб. даходу. Утрыманне для касцёлаў 4-га класу складала 275 руб., таму ад казны яму належала 65 руб. [2, арк. 178]. У выніку рэарганізацыі да 1-га класу было аднесена – 3 парафіяльных касцёла (утрыманне – 600 руб.), да 2-га – 5 (500 руб.), да 3-га – 39 (400 руб.), да 4-га – 74 (275 руб.), да 5-га – 101 (230 руб.) [2]. Усяго адзначана 227 парафіяльных касцёлаў, з іх

40 па Магілёўскай і 86 – Віцебскай губернях, а астатнімі ахоплены тэрыторыі еўрапейскай і азіяцкай частак Расійскай імперыі і украінскія землі [2].

На 31 ліпеня 1854 г. фарміравалася ведамасць аб стане касцёлаў Магілёўскай архідыяцэзіі. Відавочна, захавалася вокладка, зробленая ў архіве кансісторыі: яна выраблена са скуры, аздоблена цісненнем, а назва справы напісана пазалочанымі літарамі [4]. Акрамя таго, да ведамасці складзены алфавітны паказальнік, хаця звесткі пададзены па алфавітным прынцыпе [4, арк. 1–4 адв.]. Ведамасць уключала агульныя звесткі аб касцёле, а таксама яго прыналежнасць да класу па штаце і колькасць парафіян. Асаблівую ўвагу звяртае наяўнасць інфармацыі аб працэсе разбору парафіян з праваслаўным духавенствам, ступені яго завершанасці і нумары справы ў архіве кансісторыі аб гэтым, што дазволіць выявіць гэтыя справы пры суаднясенні з вопісамі архіва XIX ст. Акрамя таго пазначана, ці маюцца справы аб пабудове і рамонце касцёла, надзяленні землямі і інш. і іх нумары. Напрыклад, Гомельскі касцёл знаходзіўся Гомельскім павеце Магілёўскай губерні, уваходзіў у склад Беліцкага дэканату і адносіўся да 3-га класу (1406 парафіян). Прыпісана да яго было дзевяць капліц. Разбор з праваслаўным духавенствам аб прыналежнасці парафіянаў да каталіцтва быў скончаны 1 жніўня 1846 г. Акрамя таго, у архіве кансісторыі мелася справа аб неправільным продажы дома гэтага касцёла за 1852 год № 180 [4, 16 адв.–17]. Усяго ў дадзенай справе ўтрымліваюцца звесткі аб 169 парафіяльных касцёлах, з якіх 42 з Магілёўскай і 93 – Віцебскай губерняў [4].

Ведамасці аб стане касцёлаў, філій і капліц архідыяцэзіі за 1873–1876 гг. складаліся па фарамуляры аналагічным 1840 г. [6, спр. 1475, арк. 6 адв.–7], аднак імі ахоплены большыя тэрыторыі. Паводле іх у Магілёўскай губерні налічвалася 25 парафіяльных касцёлаў, Віцебскай – 83, у Еўразійскай частцы Расійскай імперыі – 23, Маскве – 4, а Санкт-Пецярбурзе – 11 [5–10].

Апошнімі з захаваўшыхся, з’яўляюцца ведамасці, якія прадстаўляліся дэканамі да 1 мая 1893 г. і уключалі наступныя звесткі: нумар, назва касцёла, агульная плошча касцёльнай зямлі, спасылкі на дакументы, якімі пацвярджаюцца правы на яе, колькасць здадзенай у арэнду, імя арандатара, наяўнасць кантракту, дата яго заключэння і зацвярджэння кансісторыяй, памеры штогадовай арэнднай платы, характарыстыка пабудоў на гэтай зямлі і заўвагі [11, арк. 87–89]. Нажаль, яны носяць фрагментарны характар і не адлюстроўваюць распаўсюджанасць каталіцтва на тэрыторыі архідыяцэзіі.

Такім чынам, складанне ведамасцяў аб стане касцёлаў, філій і капліц Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі сведчаць як аб удасканаленні працы канцылярыі кансісторыі праз уніфікацыю форм асобных відаў дакументаў, што было выклікана ростам справаводства на працягу XIX ст., так і аб увазе, якая надавалася кіраўніцтвам канфесіі стану падначаленых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак. Улічваючы межы Магілёўскай архідыяцэзіі, якая ахоплівала прадстаўніцтвы царквы ў Віцебскай і Магілёўскай губернях, а таксама парафіяльныя і філіяльныя касцёлы, капліцы на тэрыторыі Расійскай імперыі, якія не ўваходзілі ў склад іншых дыяцэзій (Іркуцкая, Ліфлянцкая, Чарнігаўская губерні і інш.), улікова-статыстычны характар разглядаемых крыніц і дэталізаванасць унесеных звестак, іх крыніцазнаўчы патэнцыял не выклікае сумніву. Гэтыя крыніцы могуць быць выкарыстаны для ўдакладнення адміністрацыйна-тэрытарыяльнай структуры рымска-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі, колькасці духавенства, яго асабістага складу, эканамічнага стану касцёлаў, сацыяльнай структуры каталіцкага насельніцтва на тэрыторыі архідыяцэзіі, а таксама даследавання гісторыі асобнага касцёла.

1. Антановіч, З.В. Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.): дыс. … канд. гіст. навук: 05.25.02 / З.В. Антановіч. – Мінск, 2010. – 148 с.

2. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 2. – Спр. 3261.
3. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 2. – Спр. 6172.
4. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 25. – Спр. 33.
5. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1444.
6. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1475–1476.
7. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1477.
8. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1478.
9. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1479.
10. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 26. – Спр. 1480.
11. НГАБ. – Ф. 1781. – Воп. 28. – Спр. 7.
12. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. – Витебск: Губернская типография, 1914. – 406 с.; Памятная книжка Могилевской губернии на 1914 год. – Могилев: Губернская типография, 1914. – 588 с.
13. Управление духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – Кн.1. О управлении духовных дел христиан римско-католического и армяно-католического исповеданий // Свод законов Российской империи / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – Санкт-Петербург: Русское книжное товарищество «Деятель», 1896. – Т. XI. – С. 1172–1202.
14. Directorium officii divini et missarum Generale pro utroque clero archdioecesis Mohilevensis in Annun Domini MDCCCXXI auctoritate et mandato illustrissimi, excellentissimi AC reverendissimi Domini Domini Stanislai Siestrzencewicz a Bohusz. – Mohilevie: Typis palatii metropolitani Rom. Catholic., 1820. – 73 k.; 1824 – 75 k.; 1825 – 75 k.; 1828 – 75 k.; 1830 – 75 k.; 1831 – 75 k.; 1832 – 80 k.; Directorium officii divini ac missarum ad ussum utriuque Cleri Archi-Dioecesis Mohileviensis pro anno Dni MDCCCXXXIII. – Mohilevie: typis consistorii Rom Catholic, 1832. – 75 k.; 1833 – 75 k.; 1834 – 75 k.; 1837 – 75 k.; 1838 – 76 k.; 1840 – 61 k.; 1841 – 70 k.; 1842 – 70 k.; 1843 – 63 k. і інш.
15. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў). – F. 694. – Ap. 1. – B. 3634. – Статыстычныя ведамасці па Магілёўскай архідыяцэзіі, 1823 г.

Мяньчэня С.В.

ДАКУМЕНТЫ ГУБЕРНСКІХ КАМІТЭТАЎ ПАПЯЧЫЦЕЛЬСТВА АБ НАРОДНАЙ ЦВЯРОЗАСЦІ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА (ПА МАТЭРЫЯЛАХ НГАБ)

Пытанні дзяржаўнай палітыкі расійскіх уладаў па рэалізацыі дзяржаўнай манаполіі на вытворчасць і продаж алкагольных напояў (1894–1917 гг.) і асаблівасці яе рэалізацыі на Беларусі з'яўляюцца мала даследванымі ў айчыннай гістарычнай навуцы. Між тым вывучэнне гістарычнага вопыта па абмежаванню спажывання алкаголя мае не толькі навуковае, але і важнае практычнае значэнне.

Практычная рэалізацыя дзяржаўнай палітыкі Расійскай Імперыі ў дадзенай галіне была ўскладзена на мясцовыя камітэты папячыцельства аб народнай цвярозасці, што дзейнічалі пад кантролем Галоўнага ўпраўлення неакладных збораў і казённага продажу піцей Міністэрства фінансаў. Губернскія камітэты пад кіраўніцтвам губернатара, а павятовыя на чале з мясцовым прадвадзіцелем дваранства займаліся пытаннямі арганізацыі чайных, бібліятэк-чытальняў і "народных дамоў" (комплекс, дзе знаходзіліся чайная, сталовая, бібліятэка-чытальня, крама па продажу канцэлярскіх прадметаў, зала для народных чытанняў і канцэртаў, гасцініца), правядзеннем народных чытанняў на антыалкагольную тэматыку і іншыя тэмы, сачылі за выкананнем правіл дзяржаўнай "віннай" манаполіі, ажыццяўлялі арганізацыю культурнага дасуга насельніцтва, садзейнічалі адкрыццю і ўтрыманню лячэбных устаноў для хворых на алкагалізм і пакутваючых ад запояў [8, арк. 3].

У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваюцца дакументы Віцебскага, Мінскага і Магілёўскага губернскіх камітэтаў. Дакументы Віцебскага губернскага камітэта папячычельства аб народнай цвярозасці і яго павятовых аддзяленняў аб'яднаны ў 3 асноўныя фонды: ф. 2709 – дакументы ўласна губернскага камітэта (97 спраў), ф. 2555 – дакументы Віцебскага павятовага камітэта (247 спраў), ф.

3283 – дакументы Гарадокскага павятовага камітэта (1 справа). Дакументы ахопліваюць час з утварэння камітэтаў (1897 г.) да 1913 г. Большая частка дакументаў дачытыцца перыяду найбольшай актыўнасці камітэтаў 1897–1903 гг. Фонд Гарадокскага павятовага камітэта ўяўляе сабой усяго адзін дакумент за 1903 г. Дакументы Мінскага губернскага камітэта: ф. 57 – губернскі камітэт (22 справы), ф. 132 – Мінскі павятовы камітэт (65 спраў), ф. 1412 – Рэчыцкі павятовы камітэт (1 справа), ф. 1098 – Ігуменскі павятовы камітэт (1 справа). Часовыя рамкі – 1897–1917 гг. Дакументы Магілёўскага губернскага камітэта: ф. 2296 – Магілёўскі павятовы камітэт (11 спраў). Часовыя рамкі – 1897–1912 гг.

Як бачна, большая частка дакументаў датычыцца Віцебскай губерніі, і таму дзейнасць Віцебскага губернскага і павятовага камітэтаў прадстаўлена больш поўна. На разглядзе гэтых матэрыялаў спынімся больш падрабязна. Сярод архіўных дакументаў можна выдзяліць наступныя групы: справаздачы камітэтаў, журналы паседжанняў, перапіска з дзяржаўнымі ўстановамі і прыватнымі асобамі, бухгалтерскія кнігі.

Штогадовыя справаздачы віцебскага павятовага і губенскага камітэта, прызначаныя для Міністэрства фінансаў, ахопліваюць амаль час да 1913 г., калі іх дзейнасць паступова не прыпынілася, а у гады Першай сусветнай вайны страціла сваю актуальнасць у сувязі з заканадаўчымі абмежаваннямі продажу і ўжывання алкаголю. Штогадовыя справаздачы іншых губернскіх камітэтаў у архіве адсутнічаюць.

Справаздачы камітэтаў складаюцца з некалькіх раздзелаў: інфармацыя аб складзе камітэта, колькасць членаў, іх сацыяльны склад і ўзровень актыўнасці; асноўныя накірункі дзейнасці (дадзеныя па чайным і сталовым, бібліятэкам, народным спектаклям, чытанням і гулянням), фінансавыя рахункі, спіс маёмасці і т.д. Асобна вызначаліся адносіны мясцовага насельніцтва да мерапрыпрыемстваў камітэта, аналізаваліся прычыны няўдалых мерапрыемстваў [11, арк. 2–5]. Падобным чынам складаліся і справаздачы мясцовых ўстаноў – чайных, “народных дамоў”, бібліятэк.

У справаздачах загадчыкаў чайных указваліся цэны на прадукты, смета прыбытку і расходаў (арэндная плата, заробак персанала, прытак ад продажу габраты, цукра, папірос і закусак), колькасць наведвальнікаў па месяцах, асобна мужчын і жанчын, культурна-асветніцкія мерапрыемствы. Асобую цікавасць выклікаюць прыватныя яўрэйскія чайныя, якія адчыняліся былымі ўладальнікамі вінных крамаў, дзе прадавалася гарбата самых горшых гатункаў і дазвалалася распіваць прынесеныя з сабой гарэлку і віно, а часам і купляць іх [1, арк. 35]. Негледзячы на відавочнае парушэнне заканадаўства, улады так і здолелі іх ліквідаваць, з прычыны асцярожнасці ўладальнікаў і наведвальнікаў.

Бібліятэкі і чытальні, якія падпарадкоўваліся камітэтам забяспечвалі мясцовых жыхароў кнігамі, якія ці выдаваліся на абанемент, ці чыталіся на месцы. Загадчыкі бібліятэк-чытален у сваіх справаздачах адзначалі колькасць наведвальнікаў і абанементаў (асобна хрысціян і яўрэяў), вызначалі найбольш папулярныя літаратурныя жанры і вялі ўлік чытачоў па ўзросту [7, арк. 18].

Асобна можна вызначыць асабістыя дадзеныя членаў камітэтаў. Статут камітэта вызначаў колькасць абавязковых членаў з ліку службовых асоб і духавенства. Астатнім стаць членам камітэта можна было пасля асабістага прашэння, але часцей, улады рассылалі запрашэнні, абапіраючыся на спісы благанадзейных асоб, якія складаліся паліцэйскімі органамі[9, арк. 2-14]. Прыналежнасць да камітэта вызначалася ці актыўнай працай, ці 5-рублёвым шгогадовым членскім узносам.

Цыркуляры галоўнага ўпраўлення па неакладных збораў і казённага продажу піцей Міністэрства фінансаў датычацца арганізацыйнай дзейнасці камітэтаў. Гэта разнастайная інфармацыя ад узору знакаў адрознення членаў камітэта да вызначэння правіл арганізацыі чайных і паводзін іх наведвальнікаў [2, арк. 27; 3, арк. 141].

Выкананне гэтых норм было абавязковым, што часцей за ўсё перашкаджала эфектыўнай дзейнасці і не спрыяла развіццю ініцыятывы на месцах.

Акрамя антыалкагольнай дзейнасці камітэт займаўся асветніцтвам і арганізацыяй дасуга насельніцтва. Так у Віцебску была арганізавана зона адпачынку на Юр'евай Горцы, дзе праводзіліся народныя гулянні, пад час якіх працавалі каруселі, выступалі фокуснікі і гімнасты, праводзіліся кінапаказы і веласіпедныя спаборніцтвы [5, арк. 3]. Зімой на Заходняй Дзвіне дзейнічаў каток з лядовымі горкамі, які павінны быў адцягнуць насельніцтва ад кулачных баёў, якія праводзіліся тут жа [5, арк. 4]. Ладзіліся народныя гулянні з прычыны дзяржаўных урачыстасцей: 100-годдзя з дня нараджэння А.С. Пушкіна (1899 г.), 50-годдзя адмены прыгоннага права (1911 г.), 100-годдзя Айчыннай вайны 1812 года, 300-годдзя дома Раманавых (1913 г.). На Каляды і Новы год камітэт арганізоўваў ёлкі для дзяцей з бедных сямей.

Частка дакументаў датычыцца гісторыі віцебскага гарадскога тэатра. Гэта перапіска паміж камітэтам, гарадскімі ўладамі і кіраўніцтвам тэатра аб арганізацыі народных спектакляў і неабходнасці ў сувязі з гэтым рамонту тэатра; пералік спектакляў і тэатральнага рэквізіта [1, арк. 28]. Народныя спекталі праводзіліся да верасня 1903 г. і былі спынены ў сувязі з адсутнасцю інтарэса з боку "простага народу", большасць наведвальнікаў складалі яўрэі [6, арк. 5].

Сярод прыватнай перапіскі адзначаюцца лісты з просьбамі аб арганізацыі чайных і прыёме на працу. Працаваць у чайной з сярэднім заробкам 180 рублёў у год, выказвалі жаданне асобы рознага сацыяльнага стану: настаўнікі на летні перыяд, члены сямей святароў, жонкі чыноўнікаў [10, арк. 5].

Даволі актуальна і сёння гучаць лісты насельніцтва да губернатараў, з просьбамі не зачыняць чайныя. Так, напрыклад, ліст ад насельніцтва горада Сураж у сувязі з рашэннем закрыць з 1 красавіка 1907 г. гарадскую чайную: "…Трезвое же и просвещённое население более способно и к угождению Богу, и к исправному отбытию государственных повинностей, что в общем вполне способно пополнить государственному казначейству быть может получаемый какой-либо сравнительный недобор" [4, арк. 28].

Такім чынам, фонды губернскіх камітэтаў папячыцельтсва аб народнай цвярозасці могуць быць карыснымі як для даследчыкаў дзяржаўнай палітыкі ў галіне барацьбы з алкагалізмам, так і для даследчыкаў гісторыі дзяржаўных устаноў, гандлю, прадпрымальніцтва і паўсядзённага жыцця на мяжы XIX–XX стст.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 9.
2. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 109.
3. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 113.
4. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 146.
5. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 200.
6. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 201.
7. НГАБ. – Ф. 2555. – Воп. 1. – Спр. 241.
8. НГАБ. – Ф. 2709. – Воп. 1. – Спр. 2.
9. НГАБ. – Ф. 2709. – Воп. 1. – Спр. 10.
10. НГАБ. – Ф. 2709. – Воп. 1. – Спр. 21.
11. НГАБ. – Ф. 2709. – Воп. 1. – Спр. 85.

Раздел 5
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Кукса А.Н.

АНАЛИЗ УКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ 1917–1918 гг. В ЗАПИСКАХ КАНЧЕРА

На сегодняшний день в отечественной историографии немного внимания уделялось как личности Е.С. Канчера, так его творчеству и архивному наследию. В то же время в период выбора представителями белорусского народа вариантов дальнейшего развития событий на территории Беларуси, именно Е.С. Канчер оказался во главе Белорусского областного комитета Совета крестьянских депутатов, выступившего в декабре 1917 г. соучредителем Всебелорусского съезда в Минске. Из рукописей Е.С. Канчера следует, что именно он, пользуясь личным знакомством с В. Лениным, И. Сталиным и др. активно пропагандировал идею Белорусской советской республики. Красной нитью через его воспоминания проходит неприязнь к представителям Облискомзапа и, в отдельности к А. Мясникову, которые сорвали национальный проект Белорусской советской республики, реализуемый в декабре 1917 г. БОК совместно с представителями Великой Белорусской рады. Таким образом, Е.С. Канчер–это представитель течения пытавшегося объединить идеалы национальной белорусской государственности и идеи мировой пролетарской революции в одно целое, в связи с чем еще больший интерес вызывают его попытки анализировать параллельно развивавшиеся процессы в Украине.

Наиболее известной является работа Е. Канчера «Белорусский вопрос» [1], изданная в 1919 г., в которой он обращает внимание только на ключевые моменты истории белорусской государственности и того влияния, которое оказывало украинское национальное движение в моменты выбора дальнейшего пути развития. Идя, так сказать, по горячим следам, Е. Канчер, правда, преувеличивал влияние украинских событий на Беларусь, а иногда упрощенно воспринимал официальные версии. Так объективно подходя к выделению причин провозглашения независимости Белорусской республики «разгоном I Всебелорусского съезда и занятием части Белоруссии немцами», в то же время преувеличивает влияние украинской рады: «Опыт украинской национальной рады не давал покоя белорусской национально настроенной интеллигенции, и мы видим, как эта группа форсирует Белорусский Вопрос до отделения Белоруссии от России и до образования независимости Белорусской Республики» [1, с. 21]. Официальную же информацию, поступившую от Облискомзапа, при разгоне Центральной белорусской войсковой рады (ЦБВР) в январе 1918 г., «за связь с украинской радой», он трактует как попытку «вступить в союз с Украиной и даже образовать тройственный юго-славянский союз: Украины, Польши и Белоруссии» [1, с. 51]. Хотя на самом деле до таких проектов еще было рано.

Белорусским историком В.В. Скалабаном впервые упоминается предоставленная Е. Канчером в Секретариат истории Гражданской войны в 1937 г. рукопись «Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917-1920 гг.», которая так и не была издана и хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории. В фрагментах этой рукописи, опубликованных В. Скалабаном в 2010 г. в «Белорусской думке», также прослеживается большой интерес Е. Канчера к влиянию украинских событий на Беларусь. Учитывая ту обстановку, в которой создавалась эта рукопись, нельзя не заметить ее тенденциозность: возвышение роли Сталина и позиции Мясникова при принятии решения о проведении Всебелорусского съезда. Просто какое-то фатальное влияние Украинской рады на события в Минске, из воспоминаний Е. Канчера, при соответствующем критическом подходе, представляется как попытка оправдаться перед Сталиным за свои собственные

ошибки. Да и сам съезд, в этой рукописи, – это уже не стремление к проявлению воли белорусского народа, а попытка БОК взять под свой контроль национальное движение «иначе Белорусская рада, в союзе с Украинской радой, укрепит свои позиции и приведет к восстанию» [2, с. 96] против большевиков.

В то же время большую историческую ценность представляют собой записки Е. Канчера, созданные в 1960-х гг. и хранящиеся отдельным фондом № 311 в Национальном архиве Республики Беларусь: «Война и изучение государственного новообразования Украины и Белоруссии в 1914–1922 гг.», «Центральная Рада», «Украинцы» [3] и др.

Вопрос об истоках популярности большевистских настроений в массах в 1917 г. до сих пор вызывает интерес у исследователей. Практически все однозначно указывают на социальный аспект: конфликт бедных и богатых. На этом фоне тем больший интерес вызывает сравнительный анализ событий в национальных регионах Российской империи. В своей записке «Политические партии 1917 г.» Е. Канчер обратил внимание на то, что на территории Украины еще до 1917 г. проявились и начали доминировать антирусские настроения. За этим фактом следует однозначный вывод: «вот почему на Украине не имели успеха большевики» [4]. Но Канчер не останавливается на истоках этого явления, а интерпретирует известный ему факт в необходимой идейной оболочке. Для историка общеизвестно, что западные украинские регионы входили в состав Австро-Венгрии, которая воспитывала антирусские настроения с целью присоединения остальных частей Украины. На украинской же почве эти тенденции трансформировались в идею создания собственного государства. Центром украинского возрождения в нач. XX в. становится Галиция, которую общественные деятели того времени называли «украинским Пьемонтом». Проводя параллели с белорусским движением надо заметить, что у белорусов не было такого сильного побудителя национального фактора. Хотя М. Довнар-Запольский видит эти проявления в южных регионах Беларуси, но, несмотря на все надежды современников, Полесье не стало «белорусским Пьемонтом».

В этом контексте большой интерес у белорусских исследователей должен вызвать доклад Найденкова, озвученный в июне 1918 г. в Смоленске при обсуждении вопроса о судьбе Западной области. Одной из причин сохранения области он назвал бедность края: «Белоруссия представляет из себя голодный стан рабочих, готовых идти куда угодно и на какую угодно работу лишь бы избавить семью от лишнего рта» [5, л. 20]. По его мнению, более 75% насыпей железных дорог от Варшавы и до Амура были сделаны руками белорусов. Такое положение дел не могло не сказаться на формировании национального самосознания, как толерантного и безконфликтного к другим народам. Создавало это благодатную почву и для популяризации идей большевизма. Но не это имело определяющее значение в расстановке политических сил на территории Беларуси в 1917 г. В первую очередь необходимо учитывать значение Западного фронта, на котором солдат-белорусов практически не было.

В записке «Центральная Рада» Е. Канчер указывает на разительное отличие в формировании системы исполнительных органов власти от общероссийских тенденций, которое охватило Украину. В марте 1917 г., когда по всей России возникают губернские и уездные Советы рабочих и солдатских депутатов, в Украине «самостийники пошли своими путями: они начали с организации своих национальных «рад»: «малая Рада», «Центральная Рада» и т.д.». В развитии украинской государственности выделяет три этапа: Центральная Рада Украины, правительство гетмана П. Скоропадского и Директория Украины во главе с С. Петлюрой. Таким образом, он выделил схему, которая сейчас является классической в украинской историографической традиции.

В записке «Украинцы» особую роль в подогревании стремлений национальных организаций к самостийности Украины Е. Канчер отводит В. Ленину. В апреле 1917 г. «Ленин поощряет сепаратистское движение вообще и украинское в частности. Но не потому, что Ленину нужно было «счастье» украинцев, а потому, что Ленин на каждом шагу вредил Временному правительству» [3]. В мае 1917 г., когда Временное правительство отказало и представителям Беларуси и Украины в решении вопроса о самоопределении до Учредительного собрания, В. Ленин потребовал со стороны украинцев проведения национального восстания.

Надо заметить, что на Украине оказали решительное сопротивление этим настроениям Временного правительства и уже 10 июня 1917 г. издали I Уставную грамоту, в которой провозглашалось право украинского народа на национально-территориальную автономию. В Беларуси же национальные страсти угасают и только в июле 1917 г., после фактической победы Украинской рады в противостоянии с Временным правительством пытаются провести реорганизацию Белорусского национального комитета в Центральную раду белорусских организаций. Но в данном случае произошла механическая перестановка в руководстве, что не оказало положительного эффекта на национальное движение в целом.

В записке «Война и изучение государственного новообразования Украины и Белоруссии в 1914–1922 гг.» Е. Канчер акцентирует внимание на том, что планы России и Германии в годы Первой мировой войны способствовали развитию национальных идеалов. На оккупированной части территорий Российской империи Германия способствовала реализации права народов на самоопределение, вплоть до создания независимого государства. В ответ на это Временное правительство признало независимость Польши и обещало вскоре освободить эти территории, что заставляло правительство Керенского, несмотря на все неудачи, вести войска в наступление. Поддержка местного населения требовалась как одним, так и другим, что предоставляло национальным силам некий простор в выборе вариантов реализации своих стремлений к самоопределению. В связи с этим Е. Канчер пришел к следующей методике при рассмотрении вопроса о развитии белорусской государственности и параллельно украинской государственности, что проявилось в требовании «обязательно предварительно исследовать стремления, замыслы, планы Германии на завоевание земель на своем востоке в пределах: Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Молдавии…» [3]. Из этого следует, что Е. Канчер как и другие современники тех событий геополитический фактор ставил выше местных условий, настроений населения и их жизненных нужд и потребностей.

Таким образом, призыв к самоопределению звучал и от Временного правительства (но с условием проведения Учредительного собрания), и от большевиков (но национальные партии в Украине вступили с ними в конфликт), и от США (но Америка далеко, а программа Вильсона распространялась только на самостоятельные субъекты). Наиболее реальным союзником национальных партий в этих условиях становится Германия. Первой на путь сближения с Германией и ее союзниками стала Украина, а за ней Литва, получившие признание своей независимости. На этот путь попытались встать и белорусские национальные силы, но признания добиться не сумели. Хотя, по мнению Е. Канчера, эта возможность появилась после ноябрьской революции 1918 г. в Германии, которая укрепляла против большевиков «республики Эстонию, Латвию, Литву и разговор вела с Белорусской радой о Белорусской незалежной республике» [3].

1. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос. Сб. ст. / Е.С. Канчер. – Петроград: Изд. бел. отд. комиссариата по делам национал. СКСО, 1919. – 132 с.
2. Скалабан, В. Яўсей Канчар – палітык, гісторык, мемуарыст / В. Скалабан // Беларуская думка. – № 1. – 2010. – С. 88–97.

3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 311.
4. НАРБ. – Ф. 311. – Оп. 4. – Д. 21.
5. НАРБ. – Ф. 59 п. – Оп. 1. – Д. 18.

Бароўская В.М.

АГЛЯД КРЫНІЦ ПА ПРАБЛЕМЕ ПОЛЬСКА-САВЕЦКІХ ПЕРАГАВОРАЎ 1919–1921 гг. У АРХІВАХ РАСІЙСКАЙ ФЕДЭРАЦЫІ

Абсалютная большасць дакументаў, звязаных з ходам польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг., з агульным міжнародным становішчам, унутранай і знешняй палітыкай Польшчы і Савецкай Расіі, утрымліваецца ў архівасховішчах суседніх Рэспублікі Беларусь дзяржавах (Расійскай Федэрацыі, Польшчы, Літве). Прапануем агляд крыніц па праблеме польска-савецкіх перагавораў ў сховішчах Расійскай Федэрацыі: Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ГАРФ), Расійскім архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі (РГАСПИ), Архіве знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АВП РФ), Архіве Расійскай акадэміі навук у г. Масква (Архіў РАН у г. Масква).

Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ўтрымлівае фонды вышэйшых органаў дзяржаўнай улады і кіравання агульнасаюзнага і расійскага значэння: Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (УЦВК, 1917–1936): фонд 1235 (вопісы 6, 7, 22, 23, 37, 38, 55, 56, 94, 95), Савета народных камісараў РСФСР (1917–1991): фонд 130 (вопісы 3, 4, 5, 22, 23, 25, 29), Расійскага тэлеграфнага агенцтва (РАСТА) пры Савеце Народных Камісараў РСФСР: фонд 391 (вопісы 1, 2, 8), Народнага камісарыята па справам нацыянальнасцяў (Наркамнац)РСФСР 1917–1924 гг.: фонд 1318 (вопісы 2, 20, 22, 23, 24, 25).

Найбольш буйным і значным для вывучэння тэмы польска-савецкіх узаемаадносін з'яўляецца фонд Савета Народных Камісараў (фонд 130). СНК РСФСР належала агульнае кіраванне палітыкай і эканомікай краіны, дзеля гэтай мэты выдаваліся дэкрэты, распараджэнні і інструкцыі. СНК РСФСР аб'ядноўваў цэнтральныя ведамствы рэспублікі і кіраваў іх дзейнасцю. Пастаянным органам СНК РСФСР з'яўлялася упраўленне справамі. Ва ўпраўленне справамі ўваходзілі сакратарыяты Вялікага і Малога Саўнаркома, канцылярыя, фінансава-гаспадарчы аддзел, прыёмная, аддзел сувязі.

У склад фонда ўваходзяць пратаколы пасяджэнняў Вялікага Савета народных камісараў 1919–1921 гг.: дэкрэты, пастановы, інструкцыі СНК РСФСР 1917–1923 гг., пратаколы пасяджэнняў СНК РСФСР за лістапад 1917 г. – май 1920 г., студзень 1921 г. – снежань 1921 г., пратаколы пасяджэнняў Малога СНК РСФСР за студзень 1918 г.– снежань 1919 г. (копіі), студзень 1920 г. – снежань 1923 г. (аўтэнтык) і дакументы да іх; дакументы старшыні СНК РСФСР (1918–1920 гг.) – лісты, тэлеграмы на імя У.І. Леніна. Акрамя таго, варта ўзгадаць рознага віду перапіску і звязаныя з ёй матэрыялы: з УЦВК – аб накіраванні дэкрэтаў на ўзгадненне, даклады аб працы агітацыйных цягнікоў УЦВК (1920 г.), пратаколы пасяджэнняў Прэзідыума УЦВК (1919 г., 1920 г, аўтэнтыкі, копіі); з НКЗС – заключэнні перамір'я паміж РСФСР і Украінай (1918 г.), мірных перагаворах з Фінляндыяй (1920 г.), гандлёвага дагавора с Вялікабрытаніяй (1921 г.); з Наркамнацам РСФСР – аб становішчы на Украіне, фінансавым пытанням.

Неад'емнае месца фонда СНК РСФСР складаюць дакументы Бюро інфармацыі СНК РСФСР (1918–1922 гг.): агентурныя паведамленні і інфармацыйныя бюлетэні аб становішчы на фронце, у прыфрантавой паласе, па Наркамату па ваенным справам РСФСР, па НКЗС РСФСР–паведамленні, інфармацыйныя бюлетэні, паведамленні замежнай прэсы, радыёграмы аб становішчы за мяжой, міжнародных падзеях (1918–

1922 гг.); тэлеграмы і бюлетэні РАСТА, веснікі РАСТА, правінцыйнай і замежнай інфармацыі, агляды замежнай прэсы (1919–1922 гг.).

У рамках фонда варта звярнуць увагу на дакументы Бюро тэлеграм СНК РСФСР (1917–1922 гг.): тэлеграмы наркаматаў, розных ведамстваў, мясцовых Саветаў і устаноў аб міжнародным становішчы, узаемаадносінах РСФСР з краінамі Прыбалтыкі, Украінай, Беларуссю (1918–1919 гг.), Польшчай (1920 г.), становішчы ў нацыянальных рэгіёнах. У фондзе адклаліся: пратаколы Прэзідыума УЦВК (1921–1922 гг., аўтэнтыкі, копіі), бюлетэні аддзела друку НКЗС РСФСР (жнівень-снежань 1919 г.); матэрыялы па арганізацыі сістэмы дзяржаўных устаноў (наркаматаў і іншых ведамстваў) (1918–1921 гг.), пратаколы розных устаноў Беларусі, Украіны (1921 г.).

Фонд Расійскага тэлеграфнага агенства (РАСТА) пры Савеце Народных Камісараў РСФСР: фонд 391 (вопісы 1, 2, 8) утрымлівае звесткі аб абмене інфармацыяй з карэспандэнтамі РАСТА ў Германіі, Англіі, ЗША, Францыі і іншых краін, з карэспандэнтамі мясцовых аддзяленняў РАСТА; зводкі РАСТА, спецыяльныя інфармацыйныя зводкі замежных карэспандэнтаў РАСТА аб міжнародным становішчы; тэлеграмы РАСТА аб становішчы на франтах грамадзянскай вайны ў 1919 г.

Фонд Наркамнаца РСФСР 1917–1924 гг.: фонд 1318 (вопісы 2, 20, 22, 23, 24, 25) прадстаўлены пратаколамі пасяджэнняў камісарыята з 1918 г. па 1921 г., у тым ліку рашэнні аб стварэнні Беларускага нацыянальнага камісарыята, змене кадравага складу камісарыята, рашэнне аб яго ліквідацыі. Адначаныя арганізацыйна-распарадчыя дакументы могуць служыць карыснай крыніцай вывучэння беларускага нацыянальнага руху, у тым ліку і працэса вядзення польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг., ходзе беларуска-савецкіх перагавораў з пачатку 1919 г. паміж прадстаўнікамі БНР (А. Луцкевічам, А. Смолічам і прадстаўнікамі РСФСР).

З фонду Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага камітэту Савета рабочых, сялянскіх, чырвонаармейскіх дэпутатаў: фонд 1235 найбольшую цікавасць прадстаўляюць стэнаграмы і пратаколы пасяджэнняў Усерасійскіх з’ездаў Саветаў (VII (5–9 снежня 1920 г.), VIII (22–29 снежня 1920 г.), IX (23–28 снежня 1921 г.); даклады СНК і наркаматаў РСФСР, тэксты дакладаў і выступленняў У.І. Леніна і іншых дэлегатаў з’ездаў, спіскі, анкеты, мандаты і пасведчанні дэлегатаў. Акрамя таго, у рамках фонда варта адзначыць, пратаколы і стэнаграмы пленарных пасяджэнняў і сесій УЦВК; дэкрэты, пастановы, рэзалюцыі і звароты УВЦК, “Зварот да польскіх працоўных, сялян і салдат у сувязі з інтэрвенцыяй Польшчы (2 лютага 1920 г.), Зварот УЦВК ад 23 верасня 1920 г.; пратаколы пасяджэнняў Сакратарыята УЦВК.

Праблематыка польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг. прадстаўлена дакументамі Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі: так званага “архіва У.І. Леніна”, які ўключае непасрэдна ленінскія дакументы, рукапісы У.І. Леніна (фонд 2), матэрыялы яго сакратарыята (фонд 5), пратаколы СНК РСФСР (фонд 19). Варта адзначыць фонды дакументаў РКП(б)–КПСС: пратаколы пасяджэнняў VII Усерасійскай канфрэнцыі РКП(б) у снежні 1919 г. (фонд 42), IX з’езда РКП(б) у верасні 1920 г. (фонд 44), X з’езда РКП(б) (фонд 45). Найбольш буйным з’яўляецца фонд ЦК КПСС (фонд 17, 1898 г., 1903–1991 гг., 684 543 адз. зах.). Фонд сістэматызаваны ў 162 вопісы, які ахоплівае дакументы калектыўных органаў ЦК – Пленумаў, Палітбюро, Аргбюро, Сакратарыята і апарата ЦК (аддзелаў, упраўленняў, камісій). Да гэтага спісу неабходна дадаць асабістыя фонды членаў бальшавіцкай партыі і савецкай дзяржавы, такіх як Г.В. Чычэрын (фонд 159), М.І. Калінін (фонд 78), Л.Б. Красін (фонд 137), Ю.Ю. Мархлеўскі (фонд 143), С.С. Пясткоўскі (фонд 300), К.Б. Радэк (фонд 326), С.М. Кіраў (фонд 80), Л.Д. Троцкі (фонд 325) і іншых дзеячоў.

Падчас вывучэння праблемы непасрэдная ўвага была звернута на агляд і збор архіўных крыніц на базе Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, прадстаўленага

фондамі рэферэнтуры па Польшчы (122 і 0122), сакратарыята Г.В. Чычэрына (4, 04), паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР (СССР) у Польшчы (188 і 0188), рэферэнтуры па Літве (151, 0151).

Важнае месца займаюць крыніцы фонда 122 і 0122 (раней засакрэчанага). Значная частка з іх да гэтага часу не была ўведзена ў навуковы зварот. У фондзе захоўваюцца матэрыялы рознага кшталту: лісты Г.В. Чычэрына вышэйшаму савецкаму кіраўніцтву, у тым ліку У.І. Леніну, І.В. Сталіну, дыпламатычная перапіска з польска-савецкіх перагавораў з Мінску (з К. Данішэўскім), Рыгі (з А.А. Іофэ, Я.С. Ганецкім, В.В. Абаленскім), перапіска Чычэрын-Іофэ (за перыяд з студзеня 1919 г. па сакавік 1921 г.), справаздачы паўнамоцтных прадстаўнікоў РСФСР у Польшчы, якія былі накіраваны на адрас НКЗС РСФСР, дакументы па выкананні Рыжскага мірнага дагавора, матэрыялы аб ўзаемаадносінах Польшчы і БССР (1919 г, 1921 г.), дакументы аб спецыяльнай місіі А.І. Вянцкоўскага (сакавік-красавік 1919 г.), дыпламатычныя ноты і іншыя матэрыялы, накіраваныя ад імя БССР на адрас Польшчы, матэрыялы аб дзейнасці Польска-расійска-ўкраінскай узгадняльнай ваеннай камісіі, змешанай памежнай камісіі. У фондзе 122 прадстаўлены інфармацыйныя рэфераты паўнамоцнага прадстаўніцтва аб Польшчы, эканамічныя агляды, звесткі аб перагаворах паміж РСФСР і Польшчай, узаемныя ноты НКЗС РСФСР і польскага Міністэрства замежных спраў Польшчы, агляды ўзаемаадносін і г.д. Значную частку матэрыялаў фонда складаюць агляды польскай і еўрапейскай прэсы, якая датычыцца праблем міжнароднай і знешняй палітыкі Польшчы.

У склад фонда Сакратарыяту Г.В. Чычэрына (4, 04) уваходзяць дакументы, раней не публікаваныя, нотнай перапіскі Чычэрына, А.А. Іофэ і К. Данішэўскага з польскімі прадстаўнікамі Л. Васілеўскім, Я. Домбскім, Я. Сапегай; перапіска па палітычным пытанням мірнай дэлегацыі падчас перагавораў у Мінску (жнівень-верасень 1920 г.), і Рызе (верасень 1920 г. – сакавік 1921 г.), агляды польскай і еўрапейскай прэсы, якія непасрэдным чынам закранаюць беларускую праблематыку на польска-савецкіх перагаворах. Акрамя таго, у фондзе 4 і 04 утрымліваюцца пратаколы пленарных пасяджэнняў мірных канфрэнцый у Мінску і Рызе, пратаколы пасяджэнняў рабочых камісій, створаных падчас рыжскіх мірных перагавораў: юрыдычна-прававой, тэрытарыяльнай, па абмене ваеннапалонных, фінансава-эканамічнай; аб станаўленні і дзейнасці Літоўска-Беларускай ССР, развіцці ўзаемаадносін паміж РСФСР і БССР, БССР і Польшчай, праблеме ўзбуйнення БССР у 1924 г. і 1926 г., развіцці беларускага нацыянальнага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі, Латвіі, Літвы з 1921 г. па 1926 г.

Фонд паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР (СССР) у Польшчы (188 і 0188) прадстаўлены перапіскай бюро друку пры польскім прадстаўніцтве РСФСР у Польшчы, агляды польскай прэсы, дакументы па пытаннях мірных перагавораў з Польшчай у Мінску і Рызе (дыпламатычная перапіска Г.В. Чычэрына з А.А. Іофэ і К. Данішэўскім); матэрыялы аб дзейнасці Польска-расійска-ўкраінскай узгадняльнай ваеннай камісіі.

Падчас вывучэння праблематыкі польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг., асабліва, апошняга рыжскага этапа сустрэч, нельга абмінуць фонд У.І. Пічэты (фонд 1548, вопіс 2), які ўтрымліваецца ў сховішчах Архіва Расійскай акадэміі навук у г. Масква. У.І. Пічэта, як член расійска-ўкраінскай мірнай дэлегацыі падчас перагавораў у Рызе і ўдзельнік юрыдычна-прававой камісіі, пакінуў поўныя ўспаміны аб ходзе канферэнцыі: працы галоўнай камісіі, правядзенні пленарных пасяджэнняў, выпрацоўцы “Дагавора аб перамір’і 12 кастрычніка 1920 г., дзейнасці іншых рабочых камісій. Акрамя таго, пад аўтарствам Пічэты спецыяльна для тэрытарыяльнай камісіі быў складзены гістарычна-краязнаўчы агляд беларускіх, украінскіх, літоўскіх зямель з выкарыстаннем шырокага кола статыстычнага матэрыялу.

Шишанов В.А.

«АДРЕС ПРОФЕССОРА РЕПИНА НЕИЗВЕСТЕН…» (К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПЕРЕПИСКИ ВОКРУГ УСАДЬБЫ ЗДРАВНЕВО)

Небольшая усадьба Здравнево неподалеку от Витебска стала для великого русского художника Ильи Репина местом, где его талант обрел новое дыхание. Здесь на протяжении 1892–1902 гг. художник создал ряд картин, вошедших в сокровищницу русского и мирового искусства: «Осенний букет» (1892), «На Западной Двине. Восход Солнца» (1892), «Белорус» (1892), «Лунная ночь» (1896), «Дуэль» (1896), «На солнце» (1900) и другие. Однако еще в 1899 году художник приобрел под Петербургом новую усадьбу – «Пенаты», где позже жил постоянно.

После Октябрьской революции и провозглашения независимости Финляндии «Пенаты» оказались оторванными от России. Репин невольно становится эмигрантом. В 1918 г. в Здравнёво из голодного Петрограда перебирается младшая дочь художника Татьяна Репина-Язева со своей дочерью. С этого момента события в былом месте отдыха на Витебщине становятся источником тревог и хлопот для Ильи Ефимовича. Действительно, близкие художника, по классификации большевиков, попадали в разряд «бывших помещиков» и «классово чуждых элементов», что ставило их в полную зависимость от милости верхов. Поэтому и Репин при всей вражде к Советской власти каждый раз должен был апеллировать к ним, чтобы как-то улучшить положение «родной ему семьи».

Так, в фондах Государственного архива Витебской области, Витебского областного краеведческого музея сохранилась достаточно обширная переписка 1923–1924 гг. (17 документов) по вопросу о помощи, проживавшим в Здравневе близким И.Е. Репина и охране усадьбы. Однако следы переписки уходят в «центр», в Москву. И не так давно, среди бумаг музейного отдела в фонде Главнауки Наркомпроса РСФСР в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ) нам удалось выявить новые документы. Безусловно, не все из них представляют интерес. В большинстве своем это распоряжения вышестоящих инстанций нижестоящим, отношения, сопроводительные записки которые, опускаясь по административной лестнице, порождают новый взаимообмен посланиями и, наконец, начинается подъем наверх полученных ответов с новыми сопроводительными записками. Таким образом, переписка, поступившая в организационный отдел ВЦИК в январе 1924 года насчитывает 16 листов [5, л. 3–19].

В июне 1921 года из Петрограда в Здравнёво на две недели приехала Вера Репина. В письме отцу она передает благодарность от младшей дочери за завещание ей Здравнева, но сообщает, что подобные завещания уже не имеют силы и советует: «<…> надо написать так, что: «Прощу Здравнёво оставить неприкосновенным, сохраняя и не разрушая его, как оно было – моего имени – охранителями же назначаю дочь Татьяну, внучку Татьяну и ее мужа Ивана Дмитр[иевича] Дьяконова. <…> Все крестьяне, волость и город Витебск помнят, вспоминают тебя за прошлое, и все сделают по желанию твоему» [7]. Обнаруженные документы заставляют усомниться в правомерности последней фразы. Ход, содержание и продолжительность переписки, последовавшей за обращениями о помощи, скорее можно отнести к курьезу, примеру бюрократической волокиты.

В публикациях уже приводились сведения о письмах отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР, отправленных 15 и 20 февраля 1923 года соответственно в Витебский губисполком и губкоммунотдел, в которых органы местной власти информировались о том, что Здравнёво находится под «особой охраной» отдела [6, с. 25–26]. 28 февраля жилищный подотдел Витебского губкоммунотдела информировал отдел по делам музеев, что «сделаны соответствующие

распоряжения об охране усадьбы “Здравнево” и находящихся в ней художественных произведений» [1, л. 45; 4, л. 82–89]. В мае Витгубоно также доносил президиуму губисполкома о принятии мер к охране художественных ценностей в усадьбе [2, л. 420]. Казалось бы, проблемы близких Репина, во всяком случае, факт существования семьи Т.И. Репиной-Язевой и место жительства должны были стать известными местным властям.

4 мая 1923 г. заведующая отделом музеев Н.И. Троцкая получила следующее письмо Ильи Репина: «Близ гор. Витебска, Верховской волости в принадлежавшем мне имении «Здравнево» с 1892 г. я жил почти безвыездно более 10-ти лет, имея 130 десятин земли, с лесом, на берегу Западной Двины. Приспособляя, пристраивая к искусству живописи, которой всегда занимался и хозяйствовал все это время, давая заработок крестьянам соседних деревень.

Мастерская, башня, и проч. с росписью стен, камина еще несколько уцелели. Со времени нового правительства, дочь моя, Татьяна Ильинична Язева (рожд. Репина) с моей внучкой Татьяной Николаевной Диаконовой, преподают в школе, учрежденной в нашем доме и несут все повинности на 4-х десятинах земли, всего оставленных им для прокормления.

Иван Диаконов, женившийся на моей внучке, с ее матерью, работают сверх сил, личным трудом, чтобы как-нибудь не умереть с голода.

100 десятин я уступил дешево крестьянам, по их неотступной просьбе еще раньше. Теперь при усадьбе оставлено им 4-е десятины.

Прошу Отдел Музеев, не найдет ли он возможным охранять, под непосредственным ведением моей дочери Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой, содействуя ей необходимым ремонтом, дома-школы, а также найти возможность прибавить им земли» [5, л. 285 и об.].

Спустя месяц, 5 июня Н.И. Троцкая посылает новое письмо в Витебский губисполком, в котором излагает содержание письма Репина и просит «обследовать при посредстве Ваших органов состояние дома художника и материальное состояние его семьи и в случае необходимости оказать семье мирового художника необходимое содействие» [5, л. 18 и об.]. Местные власти понимают буквально – нужно «помочь Репину» и спускают соответствующее указание уездному исполкому. Заместитель заведующего отделом управления уисполкома Герасименко, обнаруживая свою не осведомленность, 26 июня просит губисполком «сообщить местожительство такового [И. Репина – В.Ш.], в противном случае не представляется возможным произвести обследование его семейного и имущественного положения» [5, л. 16]. Секретарь Губисполкома в ответ сообщает: «Губисполкому адрес профессора Репина неизвестен, таковой можно узнать в УЗУ [уездном земельном управлении – В.Ш.]» [5, л. 15]. 16 июля Герасименко отправляет запрос в УЗУ. Резолюция на документе гласит: «Сам Репин находиться в Финляндии. Переписка о земле и постройках находится в Судебной комиссии. 17/VII-23» [5, л. 14].

28 июля ВитУЗУ возвращает в отдел управления Витуисполкома переписку на 6 листах и информирует, что семья – дочь и внучка, профессора живописи И. Репина проживают в имении Здравнево, Храповичской волости. Наконец, место нахождения здравневских страдальцев выяснено и следует резолюция: «Срочно направить Храповичскому ВИК для обследования и доставления материала президиуму со своим заключением. 31/VII» [5, л. 13]. Но волостной исполком не торопится и 12, а затем 14 октября следуют гневные письма секретариата Президиума Витуисполкома о немедленном проведении обследования дома И. Репина. Резолюция: «Т. Ивашеву. Срочно исполнить и дать объяснение, почему не исполнено 22/X с/г». Ответ – «За неимением времени, следует произвести обследование председ [ателю] сельсовета.

25/X 23 г.» [5, л. 11, 10]. 27 октября соответствующее распоряжение было послано председателю сельсовета [3, л. 112].

Наконец, спустя 7 месяцев после письма Н.И. Троцкой, 30 ноября 1923 года член Храповичского волисполкома С.И. Ивашнев, выехал в Здравнёво для проведения обследования. Составленный акт является важным документом для проведения реконструкции застройки усадьбы, в котором, что особенно ценно, помимо сведений о характере и состоянии построек, указываются их размеры [5, л. 8–9 об.].

11 декабря акт, вместе с сопроводительным письмом Храповичского волисполкома [5, л. 7], начал восхождение по бюрократической лестнице. Забавно, что в сопроводительных письмах сохранялась фраза – «переписка по поводу обследования семейного и имущественного положения профессора живописи Репина». И только в завершающем письме организационного отдела ВЦИК в отдел науки Наркомпроса от 17 января 1924 г. в машинопись от руки была внесена правка «<…> положения семьи профессора живописи Репина». Впрочем, и такая формулировка не вносила полной ясности, о какой семье идет речь [5, л. 3–6]. Материалы обследования были отосланы в отдел музеев «по принадлежности» и, как можно заключить из дальнейшего развития событий, ни каких мер по ремонту построек усадьбы предпринято не было. Семье Т.И. Репиной-Язевой удалось, в конце концов, решить только земельный вопрос, а новый дом для себя строить собственными силами.

Впереди семью Репиных-Дьяконовых ждали несколько относительно спокойных лет, прошедших в заботах о хозяйстве и детях и со своими маленькими семейными радостями. Но в 1929 г. началась новая волна репрессий по отношению к «бывшим» и только благодаря заступничеству А.В. Луначарского удалось избежать, казалось, неминуемого раскулачивания и выселения [8, с. 104–115]. В конце концов, близкие художника в июле 1930 г. покинули Здравнёво и выехали в Финляндию. К моменту отъезда главный дом усадьбы пришел в такое жалкое состояние, что его пришлось продать на дрова.

1. Витебский областной краеведческий музей. – Научный архив. – Ф. 3. – Д. 4.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 232.
3. ГАВО. – Ф. 94. – Оп. 1. – Д. 124.
4. ГАВО. – Ф. 1231. – Оп. 1. – Д. 52.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-2307. – Оп. 3. – Д. 297.
6. Кичина, Е.М. И.Е. Репин и Здравнёво. В обретении и разлуке / Е.М. Кичина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Витебск, 1994. – 112 с.
7. Научно-библиографический архив Российской Академии художеств. – Ф. 25. – Оп. 2. – Ед. хр. 424. – Л. 26–27. Письмо В.И. Репиной И.Е. Репину 24 июля 1921 г. В.И. Репина эмигрировала в Финляндию в апреле 1922 г.
8. Шышанаў, В. Невядомае Здраўнёва / В. Шышанаў // Віцебскі сшытак. – 2000. – №4. – С. 90–115.

Давідоўская В.М.

АГЛЯД ФОТАДАКУМЕНТАЎ З ДАВАЕННАГА ЗБОРУ ВІЦЕБСКАГА АБЛАСНОГА КРАЯЗНАЎЧАГА МУЗЕЯ (1924–1941 гг.)

У зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (далей ВАКМ) калекцыя «Фотадакументы» з'яўляецца адной з самых інфармацыйна насычаных. Прадметам, якія ўваходзяць у яе склад, уласцівы адначасова і вобразна-выяўленчыя якасці, і дакументальнасць; яны не толькі маюць эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку, перадаючы інфармацыю зрокавым спосабам, але і ўтрымліваюць звесткі аб рэальных падзеях, фактах у жыцці людзей і грамадства, аб існаваўшых і існуючых прадметах, відах мясцовасцей, з'явах прыроды і г.д. У апошні час назіраецца павялічэнне ўвагі да фотадакументаў як з мэтай выкарыстання іх у навуковых даследаваннях, так і для

ўжывання ў экспазіцыйнай дзейнасці музея. Зразумела, перш чым выкарыстоўваць фотаздымкі ў якасці гістарычнай ці музейнай крыніцы, неабходна правесці атрыбуцыю гэтых прадметаў адпаведна патрабаванням музейнай навукі. Зыходзячы з вялікай колькасці прадметаў калекцыі «Фотадакументы» у зборы ВАКМ, з іх тэматычнай і жанравай разнастайнасці, а таксама з асаблівасцяў дзейнасці і развіцця музея ў цэлым, намі быў абраны шлях паэтапнага вывучэння фотадакументаў згодна храналагічнаму крытэрыю адпаведна паступленню іх ў музейныя фонды.

Агляд фотаздымкаў, якія ўвайшлі ў склад музейнага збору на пачатковым этапе яго стварэння і існавання (1919–1924 гг.), быў намі зроблены ў 2011 г. [4]. Як было вызначана, да 1924 г. у складзе музейнага фонду налічвалася 1070 фотаздымкаў, якія паступілі са збораў А.П. Сапунова, В.П. Федаровіча, Віцебскай вучонай архіўнай камісіі і Віцебскага царкоўна-археалагічнага старажытнасховішча. Да сённяшняга часу захавалася 59 фатаграфій.

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца працяг вывучэння гісторыі фарміравання калекцыі «Фотадакументы», вызначэнне асаблівасцяў камплектавання і правядзенне атрыбуцыі прадметаў, трапіўшых у музейны збор на працягу 1924–1941 гг.

Пры выяўленні фотаздымкаў, якія паступілі ў музей за гэты час, узніклі пэўныя цяжкасці, звязаныя з адсутнасцю дакладных уліковых дакументаў адзначанага перыяду. Частка фотадакументаў выяўлена адпаведна «Кнізе паступленняў музейных экспанатаў Віцебскага аддзялення Беларускага Дзяржаўнага музею» [10]. Другая частка даваеннага збору ўстаноўлена дзякуючы захаваўшымся старым уліковым нумарам на фотаздымках, а таксама звесткам з асобных вопісаў і спісаў, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці (ДАВО) і навуковым архіве ВАКМ. Т.ч., на сённяшні дзень удалося выявіць 49 фатаграфій, захаваўшыхся з даваеннага збору ВАКМ і паступіўшых у перыяд з 1924 па 1941 гг.

Асноўныя накірункі камплектавання музейных прадметаў у гэты час адпавядалі нарматыўным дакументам, якія тычыліся дзейнасці музея, а таксама існуючым аддзелам экспазіцыі. У 1925 г. у музеі былі выдзелены 4 аддзелы: гісторыка-археалагічны, прамыслова-эканамічны, аддзел мастацтва, этнаграфічны. Да 1930 года аддзел мастацтва параўтвораны ў куток малюнкаў, прамыслова-эканамічны – у аддзел сучаснай прамысловасці, з'явіліся грамадска-дзяржаўны аддзел, пададзел «Стары і новы Віцебск», антырэлігійны куток [11]. Да 1937 г. была створана новая экспазіцыя, якая складалася з аддзелаў старажытнай гісторыі, сярэднявяковай гісторыі, сацыялістычнага будаўніцтва і сталінскай канстытуцыі [12].

Безумоўна, рэарганізацыя аддзелаў музея і стварэнне новых экспазіцый не магло абыйсціся без выкарыстання фотаздымкаў. Згодна справаздачам і планам работы музея, у к. 1920-х – 1930-х гг. адбывалася вывучэнне фотаздымкаў і планавалася папаўненне музейных фондаў гэтымі прадметамі. У прыватнасці, «Перспектыўным планам працы Віцебскага беларускага дзяржаўнага музею на 4-гадовы адрэзак пяцігадовага плану 1928-29 – 1932-33» прадугледжвалася пашырэнне аддзелу мясцовай прамысловасці за кошт экспанатаў новых фабрык і заводаў Віцебшчыны, у т.л. фотаздымкаў, а таксама папаўненне створанага пададдзелу «Стары і новы Віцебск» фатаграфіямі, «характарызуючымі камунальную гаспадаркку і рост гораду ў разрэзе 5-гадовага плану» [5; с. 64].

Крыніцы папаўнення калекцыі фотаздымкаў у 1924–1941 гг. былі розныя: спецыяльна арганізаваныя выставы дасягненняў прамысловасці і сельскай гаспадаркі Віцебшчыны, паступленні ад прыватных асоб і прадстаўнікоў розных устаноў і арганізацый Віцебска і акругі.

Зыходзячы з тэматычнай разнастайнасці фатаграфій, захаваўшыхся з даваеннага збору ВАКМ, іх можна раздзяліць на некалькі груп. Сярод апошніх выдзяляецца

найперш група фотаздымкаў, якія адлюстроўваюць развіццё прамысловасці Віцебшчыны. Асноўнай крыніцай паступлення гэтых прадметаў былі выставы, якія ладзіліся пры непасрэдным удзеле музея. У траўні 1925 г. пасля выставы, арганізаванай для 1-га Акруговага з'езду саветаў Віцебшчыны, у фонды музея былі перададзены прадметы фабрычна-завадской прамысловасці Віцебскай акругі ў ліку 605 экспанатаў і 162 дыяграм [2]. 86 з іх – фатаграфіі з выявамі знешняга выгляду, розных аддзяленняў і вырабаў віцебскіх прадпрыемстваў: піваварнага завода, алейнага завода, іголкавай фабрыкі, дзяржаўнай фабрыкі акуляраў, а таксама здымкі Лужаснянскай сельскагаспадарчай школы і яе гаспадарства [10]. Да сённяшняга часу ні адзін здымак не захаваўся.

Пасля правядзення ў 1927 г. юбілейнай выставы, прысвечанай 10-годдзю Кастрычніцкай рэвалюцыі, у фонды музея паступілі здымкі з выявамі віцебскіх фабрык–акулярнай, абутковай, швейнай «Прафінтэрн», папяровай «Чырвоная зорка», ільнопрадзільнай «Дзвіна» – агульнай колькасцю 35 адзінак [7; 8]. Да гэтага часу захаваліся дзве фатаграфіі: «Адзін з цэхаў ільнопрадзільнай фабрыкі «Дзвіна»» (зараз ААТ «Віцебскія дываны») і «Адзяленне па вырабу цвікоў абутковай фабрыкі імя Лекерта» (зараз існуе як ААТ «Чырвоны кастрычнік»). Выявы ўнутраных памяшканняў вышэйназваных фабрык могуць быць выкарыстаны ў якасці крыніцы пры вывучэнні тэхнічнага абсталявання прадпрыемстваў лёгкай прамысловасці БССР у 1920-х гг.

У калекцыі «Фотадакументы» ВАКМ выяўлена яшчэ 8 здымкаў з даваеннага збору, якія характарызуюць развіццё прамысловасці Віцебшчыны. Два з іх былі зроблены ў цэхах завода «Чырвоны металіст» (зараз ААТ «Вістан»), адзін – у цэху скуранога завода імя Еўсцігнеева (зараз Віцебскі мехавы камбінат). На іншых здымках – агульны від ільнопрадзільнай фабрыкі ў м. Высачаны (дзейнічала да 1941 г.), ільнопрадзільнай фабрыкі «Дзвіна» у Віцебску, агульны від аднаго з будынкаў віцебскага шчацінна-шчотачнага камбіната (існаваў да 1941 г.), будаўніцтва цаглянага завода ў раёне Гутараўшчына (зараз на гэтым месцы студэнцкі гарадок акадэміі ветэрынарнай медыцыны, завод шляхам пераўтварэнняў існуе як ААТ «Кераміка»), працоўная арцель «Картанаж». Фатаграфіі датуюцца 1930-мі гг. Нягледзячы на тое, што адсутнічаюць дакладныя звесткі пра крыніцы іх паходжання, не ўстаноўлены імёны фатографаў, здымкі маюць дастатковую інфарматыўную насычанасць і значна пашыраюць крыніцазнаўчую базу даследаванняў, звязаных з развіццём прамысловасці Віцебшчыны.

Пэўная частка фотаздымкаў з даваеннага збору музея прысвечана грамадска-палітычнаму жыццю Віцебска. Перыяд 1920–1929 гг. прадстаўлены фатаграфіямі з выявай савецкіх святаў–1-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Віцебску ў 1918 г., дэманстрацыі ў гонар гэтай падзеі ў 1920 г. Два здымкі зроблены ў 1929 г. падчас святкавання Дня кааперацыі: фатограф Окунеў занатаваў масавы мітынг на плошчы Свабоды ў Віцебску. Гэты ж фотамайстар прысутнічаў на старце велапрабегу Віцебск–Мінск 28 ліпеня 1929 г., аб чым сведчыць здымак з выявай удзельнікаў масавага спартыўнага мерапрыемства.

На некалькіх фатаграфіях з музейнай калекцыі адлюстраваны суботнікі, якія адбыліся ў 1920-х гг. па ачыстцы двара яўрэйскай бальніцы (зараз станцыя хуткай медыцынскай дапамогі) і ў садзе імя Свердлава (зараз парк культуры і адпачынку чыгуначнікаў). У пачатку 1920-х гг. у Віцебску, як і ў іншых гарадах Беларусі, праводзіліся «тыдні працоўнага фронту», «тыдні дапамогі фронту і транспарту». Падчас аднаго з падобных мерапрыемстваў у 1920 г. быў зроблены здымак з выявай работ па разгрузцы вагонаў з дровамі на чыгуначнай станцыі «Віцебск». Вышэйпералічаныя фатаграфіі павінны былі сведчыць аб самаахвярнай працы,

неабходнай для абароны заваёў рэвалюцыі і стварэння новага грамадства, аб адданасці ідэалам камунізму.

Занатаваныя на фотаздымках масавыя мерапрыемствы знаходзілі адбітак у газетных рэпартажах; пасля іх правядзення ладзіліся выставы, якія часта арганізоўвалі супрацоўнікі фатаграфічных устаноў горада. Напрыклад, з дакладной запіскі аб дзейнасці віцебскай 1-й Дзяржаўнай фатаграфіі вядома, што ў 1920 г. былі «произведены съёмки наиболее выдающихся моментов общественно-политической и военной жизни г. Витебска (съезды, конференции, отправка на фронт, демонстрации и проч.); устроены витрины для выставки произведенных снимков», а таксама выкананы здымкі, якія мелі дачыненне да рэвалюцыйнага руху і «изображающие моменты всех форм производства и строительства новой жизни в Витебской губернии» [6]. Можна меркаваць, што многія здымкі 1920-х гг. (у тым ліку тыя, што захаваліся ў музеі) былі выкананы ў 1-ай Дзяржаўнай фатаграфіі. Яна працавала ў Віцебску з 1919 г. Фатаграфаваннем розных грамадска-палітычных, культурна-масавых і іншых падзей таксама займаліся фатаграфія «Белдзяржкіно» (адкрыта ў 1924 г.) і арцель «Фототруд» (існавала ў 1930-х гг.). Здымкі гэтых устаноў таксама прысутнічаюць у музейнай калекцыі.

Яшчэ адна група захаваўшыхся фатаграфій (10 адзінак) прысвечана сельскай гаспадарцы. Здымкі былі зроблены ў калгасах Віцебскай акругі і датуюцца 1930-мі гг. Развіццё сельскай гаспадаркі было адным з важных накірункаў дзейнасці дзяржавы ў той перыяд. Хуткія тэмпы калектывізацыі, арганізацыя калгасаў і саўгасаў, дасягненні і поспехі ў іх дзейнасці не маглі застацца па-за ўвагай фатографаў і па-за межамі музейнай калекцыі. На захаваўшыхся здымках – конезавод, сіласная вежа і кухня калгаса «1 мая» Старасельскага сельсавета; скотны двор аднайменнага калгаса Бараўлянскага сельсавета. Невядомы аўтар сфатаграфаваў правядзенне інструктажу брыгадзіраў у калгасе «Бяроза» Вялікалятчанскага сельсавета, працэс даення кароў у калгасе «Страх ворагам» Старасельскага сельсавета і іншыя моманты працы і побыту калгаснікаў. На чатырох фатаграфіях маюцца штампы Віцебскага дзяржаўнага культурна-гістарычнага музея, на шасці–штамп фотастудыі «Белдзяржкіно», у якой былі зроблены здымкі (магчыма, па заказе музея).

Асобную групу складаюць здымкі з выявамі помнікаў і памятных месцаў, звязаных з архітэктурай Беларусі і ваеннымі падзеямі розных часоў на тэрыторыі нашай краіны. На фатаграфіях – помнік героям Айчыннай вайны 1812 г. у Віцебску; «французскі вал» і помнік У.І. Леніну ў Полацку; адзіночныя і брацкія могілкі партызан, загінуўшых у 1918 г. у барацьбе з нямецкімі акупантамі на тэрыторыі Аршанскага і Лепельскага паветаў; помнік у мяст. Бачэйкава на брацкай магіле 22 чырвонаармейцаў, загінуўшых у баях з белапалякамі ў снежні 1919 і студзені 1920 гг.; магіла камісара зямельнага аддзела па Высачанскай воласці Віцебскага павета П.М. Наследнікава, забітага ў 1918 г. кулакамі.

На васьмі фатаграфіях маюцца анатацыі: цытуюцца надпісы, зробленыя на помніках, падаюцца звесткі пра прозвішчы загінуўшых, якія ўдалося ўстанавіць, а таксама падаюцца спасылкі на працу Ю. Віцьбіча «Памятники революции, старины и искусства, взятые на учет правительственной научной экспедицией». Вядома, што падобныя экспедыцыі былі арганізаваны ў 1939 г. у розных рэгіёнах Беларусі. Адным з членаў Віцебскай экспедыцыі быў пісьменнік, грамадскі дзеяч Юрка Віцьбіч [1]. Для апісання помнікаў даўніны і мастацтва была распрацавана спецыяльная анкета, адным з пунктаў якой значылася «Фіксацыя аб’екту (планы, замалёўкі, здымкі)» [3]. Т.ч., анатацыі на здымках з музейнай калекцыі даюць падставу меркаваць, што яны з’яўляюцца часткай фотатэкі помнікаў, якая была складзена падчас работы экспедыцыі. Многія фатаграфіі існавалі ў некалькіх экзэмплярах, і некаторыя з іх (а магчыма, і ўсе)

пасля заканчэння экспедыцыі былі перададзены ў музей. На сённяшні дзень такіх фотаздымкаў выяўлена толькі 10.

Асобна хацелася б вылучыць фатаграфію з выявай палаца ў в. Бачэйкава. Апісанне гэтага помніка архітэктуры адпаведна ўсім пунктам анкеты ўтрымліваецца ў «Матэрыялах віцебскай навуковай экспедыцыі 1939 г.», апублікаваных у часопісе «ARCHE» (№ 4 за 2009 г.). Верагодная дата здымка – 1939 г., аўтар невядомы. Ю. Віцьбіч занатаваў у «Матэрыялах» кароткую гісторыю помніка, інфармацыю аб даце яго пабудовы і месцы знаходжання, аб функцыянальным прызначэнні і асобах, звязаных з палацам, і іншыя звесткі. У анкеце адзначаецца, што «дом цікавы як маёнтак памешчыка, як архітэктурны помнік, пабудаваны ў 1769 г. у стылі ракако… Экспедыцыя прапануе захаваць яго ад запланаванай на 1940 г. перабудовы і надбудоваў», а «парк настолькі цікавы, што заслугоўвае ўвагі спецыялістаў і павінен быць абаронены ад цалкам магчымых вырубак». Таксама ў анкеце пазначана, што маюцца два фотаздымкі палаца ў Бачэйкаве [3, с. 131]. Атрымліваецца, што адзін фотаздымак зараз знаходзіцца ў музеі, другі – у царкоўным архіве храма Св. Еўфрасінні Полацкай (г. Саўт-Рывер, ЗША), дзе пасля смерці Ю. Віцьбіча ў 1975 г. захоўваецца ўвесь яго ўласны архіў, у тым ліку частка матэрыялаў віцебскай навуковай экспедыцыі 1939 г. Дарэчы, сярод гэтых дакументаў маюцца фотаздымкі і анкетныя лісты з апісаннем помнікаў і памятных месцаў, якія знаходзяцца ў Віцебску, Полацку, Смалянах, Копысі, Бешанковічах, Оршы і іншых населеных пунктах. Не даючы адзнаку Ю. Віцьбічу як асобе, хацелася б заўважыць значнасць працы, якую зрабілі члены навуковай экспедыцыі па апісанні помнікаў архітэктуры і помнікаў, звязанных з ваеннымі падзеямі, і падкрэсліць несумненна вялікую краязнаўчую каштоўнасць гэтых матэрыялаў.

Заслугоўваюць увагі здымкі з выявамі Віцебска рознага перыяду. З тых, што паступілі ў даваенны час, захавалася няшмат. Дакладна вядома, што ў 1927 г. з Віцебскага гарадскога камунальнага аддзелу ў музей былі перададзены 75 фатаграфічных здымкаў з выявамі грамадзянскіх работ па плану 1925/26 гг. [10]. На жаль, гэтыя здымкі не захаваліся, адсутнічае нават іх апісанне. Дастатковай інфарматыўнасцю і экспрэсіўнасцю валодаюць фатаграфіі «Вароты яўрэйскіх могілак у 2-ой частцы Віцебска» (1920-я гг.), «Нікольская набярэжная» (1920-я гг.), «Паводка ў Віцебску» (1929 г.). Асобнае месца займае здымак «Панарама левага берага Зах. Дзвіны». Зроблены невядомым аўтарам у 1860-х гг. (да 1868 г.), ён з'яўляецца адным з самых ранніх з выявай Віцебска. Фатаграфія ўтрымлівае інфармацыю адразу пра некалькі культавых пабудоў розных канфесій, змешчаных на невялікай прасторы, а таксама пра забудову 2-ой часткі Віцебска. На здымку выразна бачны фарны касцёл XVIII ст., Дабравешчанская царква XII ст., пачатак вул. Замкавай, касцёл Св. Міхаіла (дамініканскі касцёл) XVIII ст., Харальная сінагога XIX ст. Усе гэтыя пабудовы былі разбураны ў розныя часы, вул. Замкавая да сённяшняга часу змяніла свой напрамак. Фотаздымак – неацэнная крыніца для вывучэння горадабудаўніцтва і архітэктуры апошняй трэці XIX ст.

Трэба адзначыць, што згаданая вышэй фатаграфія паступіла ў музейны збор у 1925 г. ад старшыні секцыі светазнаўства Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства (ВАТК) Б.М. Сямеўскага. У 1924–1932 гг. музей вельмі цесна ўзаемадзейнічаў з ВАТК, сябрамі гэтай арганізацыі былі супрацоўнікі музея Я.І. Васілевіч, У.Г. Краснянскі, В.В. Дабравольскі, А.Р. Брадоўскі і інш. Адной з агульных спраў ВАТК і музея было захаванне віцебскай царквы Св. Тройцы на Пескаватыку. На жаль, будынак выратаваць не ўдалося – у 1928 г. ён быў разабраны. У музей былі перададзены прадметы рэлігійнага культу, якія знаходзіліся ў царкве, а таксама два здымкі з выявай руін храма, зробленыя падчас яго агляду камісіяй пасля

абвалу (не захаваліся). На сённяшні дзень у зборы музея маецца фатаграфія з выявай царквы Св. Троіцы, якая датуецца 1920–1927 гг. Яна паступіла ў 1929 г. ад старшыні Полацкага акруговага таварыства краязнаўства С. Мялешкі, аб чым сведчыць даравальны надпіс на адваротным баку здымка. Тут жа змешчана прозвішча фатографа – А. Жудро. На здымку – частка інтэр'еру храма (левы бок) з выразна бачнымі дэталямі ўнутранага ўбранства, з фрагментам іканастаса.

Такім чынам, з даваеннага збору музея да сённяшняга часу захавалася 108 фатаграфій, у тым ліку 49 – якія паступілі з 1924 па 1941 гг. Невялікая колькасць гэтых музейных прадметаў кампенсуецца ўласцівымі ім экспрэсіўнасцю і эмацыянальнасцю. Тэматычная рознабаковасць і інфармацыйная насычанасць дазваляюць выкарыстоўваць іх пры вывучэнні развіцця прамысловасці і сельскай гаспадаркі Віцебшчыны, асаблівасцяў грамадска-палітычнага жыцця, архітэктуры і горадабудаўніцтва Віцебска. Фотадакументы нароўні з іншымі крыніцамі ўдзельнічаюць у пашырэнні крыніцазнаўчай базы, вывучэнне іх дае больш магчымасцяў для выкарыстання ў навуковых даследаваннях і экспазіцыйнай дзейнасці музея.

1. Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 4: Варанецкі – Гальфстрым / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн, 1997. – С. 237.
2. Васілевіч, Я. Віцебскі Дзяржаўны культурна-гістарычны музей / Я. Васілевіч // Віцебшчына: неперыядычны зборнік Віц. Акруговага Тав-ва Краязнаўства. Том II. – Віцебск, 1928. – С. 197–203.
3. Віцьбіч, Ю. Нататкі краязнаўца / Ю. Віцьбіч // Arche. – 2009. – № 4. – С. 81–134.
4. Давидовская, О.Н. Пути формирования коллекции фотодокументов Витебского областного краеведческогго музея (1919–1924) / О.Н. Давидовская // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка «Полоцко-Витебская старина», Віцебск, 6-7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2011. – С. 291–295.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1947. – Воп. 1. – Спр. 24.
6. ДАВВ. – Ф. 2268. – Воп. 3.
7. Навуковы архіў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (ВАКМ). – Ф. 11. – Спр. 9.
8. Навуковы архіў ВАКМ. – Ф. 11. – Спр. 11.
9. Навуковы архіў ВАКМ. – Ф. 11. – Спр. 12.
10. Навуковы архіў ВАКМ. – Ф. 17. – Спр. 2.
11. Навуковы архіў ВАКМ. – Ф. 42. – Спр. 1.
12. Навуковы архіў ВАКМ. – Ф. 938. – Спр. 1.

Алиева Л.В.

КОРПУС ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ 1920-х гг*.

История крестьянской поземельной общины Северо-Запада России в 1920-е гг., одного из важнейших субъектов региональных аграрных отношений, может быть изучена на основе комплекса различных источников, большая часть которых представлена в архивах изучаемого региона: Государственном архиве Псковской области, Государственном архиве новейшей истории Псковской области, Государственном архиве Новгородской области, Государственном архиве новейшей истории Новгородской области, Центральном государственном архиве г. Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов г. Санкт-Петербурга и др.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант № 12-11-60008 и Государственного комитета Псковской области по культуре.

В первую очередь, к характеризуемому корпусу источников следует отнести директивные акты руководящих органов партии и инструктивную документацию партийного аппарата, позволяющие оценить характер партийно-политических установок в отношении крестьянской общины рассматриваемого периода.

Вторую группу источников составляют в основном опубликованные нормативно-правовые документы, законодательные акты, документы и материалы государственных и народнохозяйственных органов и учреждений: ВЦИК и СНК РСФСР и СССР, комиссариатов земледелия и продовольствия, Центрального отдела землеустройства народного комиссариата земледелия РСФСР и др., которые позволяют получить представление о формировании аграрного курса правительства и государства, определить основные направления политики в отношении крестьянской поземельной общины и ее преломление на региональном уровне.

Следующая группа источников представлена делопроизводственными документами органов власти, партийных структур, снабженческих, заготовительных организаций, налоговых, плановых и земельных органов. Документы данной группы преимущественно не опубликованы, что несколько затрудняет работу с ними, но вместе с тем, они позволяют выявить общие тенденции развития крестьянской поземельной общины в 1920-е гг.

В отдельную группу следует выделить различные статистико-экономические материалы, которые, несмотря на справедливую критику в свой адрес, позволяют получить представление об уровне дифференциации крестьянских дворов в крестьянской поземельной общине.

Пятая группа источников состоит из материалов периодической печати, которые позволяют раскрывать социально-политические аспекты жизни крестьянской поземельной организации.

Наиболее четкое, на наш взгляд, представление об управлении и общественной жизни общины дают мирские приговоры, содержащие решения мирских сходов. Мирской приговор – это скрепленное личными подписями письменное решение крестьянского схода, носящее публично-правовой характер. Мирские приговоры 1920-х гг. по своему формуляру, как правило, состояли из трех частей: 1) преамбулы, в которой указывались дата и место созыва схода, часто поименный состав участников; 2) основной части, с указанием причины созыва схода и обсуждаемых вопросов; 3) результативной, содержащей формулировку решений. Приговор скреплялся подписями участников схода и составителей документа.

Ценность приговоров как источников состоит в том, что по ним, на основании перечня участвовавших в сходе и поставленных подписей, можно определить представительность сходки, по формулировкам их основной части и заключений выявляется круг вопросов, традиционно решаемых на сходах, а также типичность их решения, т.е. правовые нормы и их обоснование. Кроме того, при наличии наиболее полных (в идеале – годовых) комплектов приговоров возможно также выявление повседневных функций мирского схода. В ходе революции и войны архивы Северо-Запада России сильно пострадали, поэтому книг приговоров сохранилось относительно немного, что не позволяет рассмотреть в целом жизнедеятельность каждой отдельной общины. Однако и на имеющемся материале можно выявить основные тенденции развития мирской организации крестьян в изучаемый период времени.

Как правило, по своему формуляру приговоры состояли из трех частей:

1. Преамбулы, в которой указывались дата, место созыва схода, часто поименный состав участников. Например, «*Мы нижеподписавшиеся граждане Псковской губернии и уезда Жуковской волости Подвяского общества деревни Церковщины входящий состав в Подвяского общества сельсовета пользующей землей через полосна. Собравшиеся сего*

числа $25^{го}$ *Марта. Под председательством председателя Сельсовета тов. Петрова на сельском сходи в числе 15 человек…»* [2, л. 4 – 5].

2. Основной части, с указанием причины созыва схода и обсуждаемых вопросов: *«Выслушав объяснения уполномоченного нашего по земельным делам о недовольстве некоторых граждан существующим у нас распределением земли принимая во внимание неудобства пользования землею при существующей мелкополосице и устарелую форму полеводства, обсудив все преимущества перехода к улучшенным формам землепользования большинством голосов ЕДИНОГЛАСНО против — не согласившихся постановили…»* [4, л. 5 – 6].

3. Результативной части, содержащей формулировку решений: «*…мы, две семьи, составляющие более, чем 1/5 часть всех домохозяев селения имеем право получить причитающуюся нам долю земли из селения в одном месте»* [1, л. 20].

4. В конце приговора – подписи присутствовавших на сходе или выбранных уполномоченных, подпись и печать сельского старосты: «*Означенный приговор вступает в законную силу по зарегистрированию его в Волостном Исполкоме, на основании ст. 120 Земельного Кодекса или в Уездном Земельном Управлении на основании ст. 140 Зем. Код.*

К сему подписуемся: (подписи) Г. Краснов, В. Назаров, П. Петров, И. Власов, А. Краснов…» [3, л. 39 – 40].

Поскольку приговоры составлялись сельским сходом – органом крестьянского самоуправления – и являлись проявлением инициативы «снизу», то они, бесспорно, отражают общее настроение сельского населения, показывая, чем жила деревня в указанный период времени. Информация, содержащаяся в приговорах, не противоречила крестьянскому мышлению хотя бы потому, что крестьяне никогда не подписывали те приговоры, в которых что-либо было им непонятно. Участникам схода важно было, чтобы в приговоре фигурировало лишь то, что отвечало их чаяниям.

В целом приговоры являются универсальным источником. Содержание приговоров дает практически полное представление о жизни и быте крестьян северо-западной деревни 1920-х гг., их нуждах, мечтах, восприятии крестьянами окружающей их социальной действительности, суждениях крестьян о своем месте в обществе, их представлениях об идеальном порядке в России.

С различной степенью полноты приговоры раскрывают экономическое и социально-политическое положение крестьянских масс, многообразие конфликтных зон повседневной действительности, конкретные причины и поводы для народного недовольства и протеста, социальной агрессивности. Содержание большинства документов является комплексным; в них сочетается политическое и экономическое, общественное и бытовое, всероссийское и местное, революционное и мирное. Приговоры выявляют крестьянский кругозор, поскольку в них объективизировалось общественное сознание и настроение российского крестьянства.

Комплексное использование вышеперечисленных, а также иных групп источников, дает возможность определить базисные детерминанты развития крестьянской общинной организации в указанном регионе в 20-е гг. XX в. и провести комплексную историко-научную реконструкцию ее бытия.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-203. – Оп. 1. – Д. 28.
2. ГАПО. – Ф. Р-203. – Оп. 1. – Д. 63.
3. ГАПО. – Ф. Р-203. – Оп. 1. – Д. 293.
4. ГАПО. – Ф. Р-203. – Оп. 1. – Д. 295.

Карпекін К.Р.

СТАН АРХІВАЎ ІЎДЗЕЙСКІХ МЕТРЫЧНЫХ КНІГ У БЕЛАРУСІ Ў 1917–1929 гг.

Рэлігійныя абшчыны, якія дзейнічалі на тэрыторыі Расійскай імперыі ў XIX – пачатку XX стст., не толькі задавальнялі духоўныя патрэбы вернікаў, але і выконвалі шэраг грамадскіх функцый. Адной з іх з'яўлялася вядзенне метрычных запісаў, на аснове якіх органы дзяржаўнай улады адсочвалі дэмаграфічную статыстыку. Іўдзейскія абшчыны беларуска-літоўскіх губерняў не былі выключэннем: згодна з "Палажэннем аб яўрэях", прынятым у 1835 г., на рабінаў – кіраўнікоў рэлігійных аб'яднанняў – ускладаўся абавязак па вядзенні метрычных кніг з адлюстраваннем фактаў нараджэнняў, шлюбаў, разводаў і смерцяў членаў абшчын [12, с. 139].

Пасля ўсталявання савецкай улады ў кастрычніку 1917 г. і аддзялення царквы ад дзяржавы ў студзені 1918 г. урады савецкіх рэспублік пачалі ажыццяўляць мерапрыемствы па змяншэнні ролі рэлігійных абшчын у грамадстве, якія закранулі справу вядзення метрычных запісаў.

У цяперашні час указаныя метрычныя кнігі з'яўляюцца важнымі дакументальнымі крыніцамі, якія можна шырока выкарыстоўваць для гістарычных даследаванняў і генеалагічных пошукаў. З улікам таго, што ў канцы XIX ст. іўдзеі складалі 13,5% вернікаў беларуска-літоўскіх губерняў, іх метрычныя архівы складалі значную долю сярод агульнага комплексу метрычных запісаў. Мэта дадзенага артыкула – прааналізаваць стан іўдзейскіх архіваў Беларусі ў перыяд першых мерапрыемстваў савецкай улады.

Пытанне пра новы парадак вядзення метрычных запісаў было закранута ўжо ў першых заканадаўчых актах, прынятых урадамі савецкіх рэспублік. У прыватнасці, згодна з дэкрэтам УЦВК і СНК РСФСР "Аб грамадзянскім шлюбе, аб дзецях і аб вядзенні кніг актаў стану" ад 18 снежня 1917 г., усе рэлігійныя інстытуты, якія да гэтага былі адказнымі за ўнясенне запісаў пра нараджэнні, шлюбы і смерці ў спецыяльныя кнігі, абавязаны былі перадаць іх для захавання ў адпаведныя павятовыя і валасныя органы ўлады [1, с. 249]. У дэкрэце СНК РСФСР "Аб свабодзе сумлення, царкоўных і рэлігійных грамадах", які ўступіў у сілу 20 студзеня 1918 г., было дакладна ўказана, што акты грамадзянскага стану павінны весціся "выключна грамадзянскай уладай, аддзеламі запісу шлюбаў і нараджэнняў" [1, с. 372].

Пасля абвяшчэння БССР 1 студзеня 1919 г. і прыняцця СНК БССР дэкрэта "Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы" 11 студзеня 1922 г. аналагічны парадак усталяваўся і на тэрыторыі новаўтворанай рэспублікі [12, с. 156]. Згодна з цыркулярам НКУС и НКЮ БССР ад 26 жніўня 1922 г., рэгістрацыя актаў дакладна размяжоўвалася на афіцыйную частку, якая была перададзена ў веданне органаў савецкай улады, і культавую, якая засталася ў кампетэнцыі рэлігійных служыцеляў (яны мелі права выконваць усе абрады, звязаныя з нараджэннем, заключэннем шлюбу, разводам, пахаваннем, але выключна пасля іх рэгістрацыі ў пададдзеле ЗАГС) [14, с. 17].

Нягледзячы на дадзеныя нарматыўныя дакументы, органамі ўлады не былі прыняты належныя меры па стварэнні ў структуры выканаўчых камітэтаў пададдзелаў ЗАГС. На тэрыторыі Беларусі яны пачалі функцыянаваць з 1919 г. (у некаторых рэгіёнах – пазней). Акрамя таго, у 1919–1921 гг. ішла савецка-польская вайна, якая значна замаруджвала мерапрыемствы савецкай улады.

Па ўказаных прычынах многія рэлігійныя абшчыны, у тым ліку іўдзейскія, працягвалі весці метрычныя кнігі нават пасля прыняцця ўказаных вышэй заканадаўчых актаў. У прыватнасці, у 1918 г. рэгістрацыю нараджэнняў, шлюбаў, разводаў і смерцяў ажыццяўлялі рабіны Узды, Сянна, Гомеля, у 1918–1919 гг. – рабіны Бабруйска [13].

Савецкая ўлада была вымушана прызнаць такое становішча: 7 верасня 1921 г. Цэнтральны аддзел ЗАГС пры Народным камісарыяце унутраных спраў РСФСР выдаў цыркуляр, згодна з якім метрычныя кнігі, што вяліся рэлігійнымі служыцелямі той ці іншай мясцовасці да з'яўлення там пададдзела ЗАГС (незалежна ад часу з'яўлення), мелі юрыдычную сілу і на падставе іх магчыма было выдаваць афіцыйныя даведкі [7, арк. 3].

Адначасова савецкі ўрад прымаў захады па канцэнтрацыі метрычных кніг рэлігійных абшчын у архівах органаў улады. Пра парадак указанага мерапрыемства магчыма меркаваць па цыркуляры аддзела кіравання Віцебскага губернскага выканаўчага камітэта ад 30 жніўня 1921 г. У прыватнасці, выяўленнем метрычных кніг у малітоўных будынках займаліся пададдзелы ЗАГС павятовых, гарадскіх, местачковых і валасных выканкамаў. У іх жа абавязкі ўваходзіла арганізацыя вывазу метрычных кніг: капійных асобнікаў – ва ўласныя архівы, а арыгіналаў – у архівы пададдзелаў ЗАГС губвыканкама. Выманню з культавых будынкаў падлягалі ў першую чаргу дакументы за 1863–1917 гг. Пры выяўленні кніг за больш ранні перыяд іх арыгіналы і копіі неабходна было перадаць губернскаму ўпаўнаважанаму Галоўнага ўпраўлення архіўнай справы. Згаданы цыркуляр прадпісваў захоўваць архівы метрычных кніг у асобных, бяспечных памяшканнях, весці іх строгі ўлік. Установы і насельніцтва мелі права звяртацца ў пададдзелы ЗАГС па даведкі, пры гэтым прыватныя асобы маглі атрымаць толькі па адной выпісцы пра сваё нараджэнне, шлюб і развод. Для паўторнага атрымання даведкі неабходна было прадаставіць пісьмовае хадайніцтва з тлумачэннем, для чаго яна патрэбна. Выключэнне складалі толькі выпіскі пра нараджэнне мужчын, якія дасягнулі 18-гадовага ўзросту: дазвалялася бесперашкодна атрымаць любую колькасць даведак для прадстаўлення іх у ваенныя ўстановы [7, арк. 5].

У першыя паслярэвалюцыйныя гады працэс перадачы метрычных кніг ад іўдзейскіх абшчын органам савецкай улады праходзіў дастаткова складана. Напрыклад, Латыгаўскі валвыканкам у 1919–1920 гг. быў не ў стане арганізаваць ні канцэнтрацыю ў сябе копій метрычных кніг, ні перадачу іх арыгіналаў пададдзелу ЗАГС Магілёўскага губвыканкама [11, арк. 4, 5, 7, 10].

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, да пачатку 1920-х гг. мясцовымі органамі ўлады была сабрана значная колькасць метрычных кніг, канфіскаваных з сінагог і іўдзейскіх малітоўных дамоў. Напрыклад, у 1921 г. у пададдзеле ЗАГС Чашніцкага местачковага выканкама захоўваліся метрычныя кнігі Чашніцкіх сінагог [7, арк. 9–9 адв.], у Лепельскім павятовым выканкаме – архівы сінагог Лепеля, Бешанковічаў, Улы, Ушачаў, Кублічаў, Каменя, Бачэйкава, Бабінічаў, Пышна і Арэхава [8, арк. 12]. Да 1922 г. Красналуцкі і Зембінскі валвыканкамы завяршылі перавозку да сябе архіваў адпаведных іўдзейскіх абшчын [10, арк. 315]. Як бачна з прыведзеных фактаў, справа арганізацыі архіваў з метрычных кніг была наладжана недасканала: на практыцы не існавала дакладнага размежавання, у выканкаме якога ўзроўню павінны захоўвацца метрычныя кнігі. У сваю чаргу гэта выклікала ў насельніцтва цяжкасці пры запатрабаванні даведак, бо незаўсёды было зразумела, у які менавіта пададдзел ЗАГС неабходна звяртацца – местачковы, валасны ці павятовы.

Яшчэ адной асаблівасцю метрычных архіваў Беларусі ў пачатку 1920-х гг. было тое, што перадача ў Галоўныя ўпраўленні архіўнай справы дакументаў да 1863 г. была наладжана не ва ўсіх рэгіёнах. Напрыклад, што тычыцца Дрысенскага павета, то да снежня 1921 г. кнігі азначанага храналагічнага перыяду былі перададзены ва ўпраўленне толькі адным валвыканкамам [5, арк. 14]. У Астровенскім валвыканкаме іўдзейскія метрычныя кнігі за перыяд з 1843 г. захоўваліся да моманту ліквідацыі гэтага органа мясцовай улады ў 1924 г. [2, арк. 34].

З увядзеннем у 1924 г. адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу БССР на акругі, раёны і сельскія саветы пачало назірацца пэўнае ўпарадкаванне архіваў

мясцовых органаў улады, у тым ліку той іх часткі, якая складалася з метрычных кніг. У прыватнасці, адбылася іх канцэнтрацыя ў раённых выканаўчых камітэтах. Так, 21 жніўня 1924 г. пададдзел ЗАГС Бешанковіцкага валвыканкама перадаў аднайменнаму райвыканкаму 25 іўдзейскіх метрычных кніг, якія вяліся ў сінагогах Бешанковічаў [3, арк. 70–74 адв.]. 18–20 лістапада 1925 г. Барысаўскі акруговы выканкам накіраваў райвыканкамам для далейшага захоўвання шэраг метрычных кніг, якія да гэтага знаходзіліся ў яго веданні. Так, у архіў Бялыніцкага райвыканкама паступіла 2 кнігі за 1918 г. іўдзейскай абшчыны Эсьмонаў, у Халопеніцкі райвыканкам – 3 кнігі (пра нараджэнні і шлюбы за 1917 г., пра разводы за 1918 г.) абшчыны Халопенічаў, у Плешчаніцкі райвыканкам – 2 кнігі абшчыны Плешчаніцаў (пра нараджэнні і шлюбы за 1891 г.), у Зембінскі райвыканкам – 3 кнігі абшчыны Зембіна (пра нараджэнні за 1918 г., пра шлюбы за 1891 г. і 1917 г.), у Лагойскі райвыканкам – 5 кніг абшчыны Лагойска (пра нараджэнні і шлюбы за 1891 г., пра разводы за 1891 г. і 1918 г., пра смерці за 1917 г.), у Смалявіцкі райвыканкам–2 кнігі абшчыны Смалявічаў (пра нараджэнні і шлюбы за 1918 г.) [9, арк. 16–21].

У канцы 1920-х гг. адбылося чарговае ўпарадкаванне метрычных архіваў: з мэтай больш зручнага карыстання яны былі перададзены з райвыканкамаў у сельскія саветы (калі ў горадзе ці мястэчку функцыянавалі яўрэйскія нацыянальныя саветы, то іўдзейскія метрычныя кнігі перадаваліся менавіта ім). Напрыклад, 13 сакавіка 1929 г. з пададдзела ЗАГС Высачанскага райвыканкама метрычныя кнігі Бабінавіцкай іўдзейскай абшчыны былі перададзены ў Бабінавіцкі сельскі савет [6, арк. 32–32 адв.]. Аналагічныя захады ажыццявіў Лёзненскі райвыканкам: архівы Лёзненскай, Калышанскай і Дабрамыслінскай абшчын былі здадзены на захаванне адпаведна Лёзненскаму местачковаму, Калышанскаму нацыянальнаму яўрэйскаму і Дабрамыслінскаму сельскаму саветам [4, арк. 48, 49, 53].

Аналіз храналагічных межаў іўдзейскіх метрычных кніг, якія на працягу 1920-х гг. захоўваліся ў архівах мясцовых органаў савецкай улады, дазваляе сцвярджаць, што самыя раннія з іх, нягледзячы на згаданую вышэй рэгламентацыю, утрымлівалі звесткі за 1843 г., а самыя познія – за 1919 г. Захаванасць архіваў іўдзейскіх абшчын была не дастаткова добрай: пры параўнанні храналагічных межаў кніг пра нараджэнні, шлюбы, смерці адной і той жа абшчыны ў шэрагу выпадкаў заўважаюцца значныя прабелы. Кнігі пра разводы ўяўляюць пэўнае выключэнне, бо з’явы скасавання шлюбаў у асяроддзі вернікаў-іўдзеяў былі дастаткова рэдкімі. У якасці прыкладу можна прывесці архіў іўдзейскіх метрычных кніг, якія ўзніклі ў выніку дзейнасці Лёзненскай абшчыны і ў 1929 г. захоўваліся ў Лёзненскім местачковым савеце. Указаны архіў складаўся з кніг пра нараджэнні за 1854–1857, 1859–1860, 1864–1865, 1876–1877, 1881–1883, 1885–1886, 1888, 1890–1894, 1896–1900, 1902–1904, 1906, 1908–1911, 1913–1916 гг., пра шлюбы за 1860, 1863–1865, 1872, 1876–1877, 1879–1916 гг., пра смерці за 1854–1858, 1860, 1863–1864, 1871–1872, 1877–1912, 1914–1916 гг., пра разводы за 1878, 1892, 1900 г. [4, арк. 48].

Акрамя таго, частка кніг была папсавана: напрыклад, у метрычных кнігах пра нараджэнні за 1897–1899, 1902–1903, 1905 гг. Бешанковіцкай абшчыны не хапала некаторых аркушаў [3, арк. 73], а ў кнігах, складзеных рабінамі Астроўна, былі зроблены выпраўленні [2, арк. 34].

Такім чынам, пасля кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. функцыя вядзення метрычных кніг была перададзена ад рэлігійных абшчын да органаў савецкай улады. Згодна з устаноўленым парадкам, архівы метрычных кніг, якія ўтварыліся на працягу сярэдзіны XIX – пачатку XX стст. мусілі захоўвацца ў пададдзелах ЗАГС выканкамаў. У працэсе іх перадачы мясцовым органам улады магчыма вылучыць наступныя этапы: 1) 1917 г. – пачатак 1920-х гг. – выяўленне метрычных кніг у культавых будынках і першыя спробы іх упарадкавання ў савецкімі органамі ўлады, 2) 1924–1928 гг. –

перадача метрычных архіваў райвыканкамам, 3) з 1929 г. – знаходжанне метрычных кніг у архівах сельскіх і местачковых саветаў. Нягледзячы на ўсе прынятыя меры, поўная захаванасць метрычных архіваў забяспечана не была: іх частка была страчана і папсавана.

1. Декреты Советской власти: в 13 т. / ред. комисс.: Г.Д. Обичкин [и др.] – М.: Политиздат, 1957. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 625 с.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 104. – Воп. 1. – Спр. 99.
3. ДАВВ. – Ф. 118. – Воп. 1. – Спр. 573.
4. ДАВВ. – Ф. 160. – Воп. 1. – Спр. 40.
5. ДАВВ. – Ф. 289. – Воп. 1. – Спр. 10.
6. ДАВВ. – Ф. 591. – Воп. 3. – Спр. 12.
7. ДАВВ. – Ф. 1732. – Воп. 1. – Спр. 3.
8. ДАВВ. – Ф. 2282. – Воп. 1. – Спр. 108.
9. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 24.
10. ДАМВ. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 21.
11. Занальны дзяржаўны архіў у г. Оршы. – Ф. 1356. – Воп. 1. – Спр. 50.
12. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1520. – Воп. 4. – Спр. 2; Воп. 7. – Спр. 9; Ф. 3410. – Воп. 1. – Спр. 15а; Воп. 4. – Спр. 38 – 40.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. – 1922. – № 12.

Михальченко С.И.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» Е.В. СПЕКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ СЕРЕДИНЫ 1920-х гг.*

Выдающийся отечественный ученый и деятель образования Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) известен как автор многочисленных трудов по философии, теории и истории права, культурологии, социологии, истории и литературоведению. Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической работы – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в последние годы жизни в Свято-Владимирской Духовной академии в США. [1; 3; 4; 7; 8] Судьба распорядилась так, что бóльшую часть времени, отведенного на творческую жизнь, Спекторский провел за рубежом (31 год). Тем больший интерес вызывают новые источники, позволяющие подробней осветить этот период. Одним из таких источников являются «Воспоминания» Спекторского. «Воспоминания» долгое время считались утраченными при бегстве Спекторского из Любляны в Триест в конце апреля 1945 г. Однако, по счастливому стечению обстоятельств, это оказалось не так. Текст «Воспоминаний», наряду с другими сочинениями, был сохранен учеником Спекторского В.Боначем и куплен архивом Института Восточной Европы Университета Бремена (Германия) (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv) [6].

Сейчас они находятся в фонде 01-30.230 (Bonač, Vladimir), е.х.II «Воспоминания». Это хранящиеся в пяти коробках листы (пагинация лл. 42–929) тетрадного формата, причем заполнена рукописным текстом только левая половина

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00099 а.

каждого листа, правая сторона иногда содержит дополнения и исправления, оборот листа пустой. Текст хронологически обнимает собой всю жизнь Спекторского до начала 1930-х годов, причем изложение обрывается на полуслове. Текст содержит множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и событий эпохи, свидетелем которых он был.

Мемуары, судя по замечаниям в тексте, создавались автором в годы Второй мировой войны, когда он проживал в Любляне. До 1943 г. Спекторский был действующим профессором университета, но в 1943 г. университет был закрыт оккупационными властями и, вероятно, у Спекторского появилось время обобщить ведшийся им много лет дневник. Именно существование дневника («Летописи»), в настоящее время большей частью утраченного (в том же архиве сохранились только две тетради с записями за 1930–1932 гг.), позволяет объяснить высокую степень подробности, характерную для воспоминаний.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является русская эмиграция в Чехословакии по мемуарам Спекторского. Спекторский работал на Русском юридическом факультете в Праге с 1924 по 1927 год. В 1924 г. умер основатель и декан Русского юридического факультета в Праге П.И.Новгородцев. Спекторский был приглашен на освободившуюся таким образом кафедру энциклопедии права, желая, как он вспоминал, поработать для русской науки и образования, поскольку в Белграде он вынужден был преподавать по-сербски для местных студентов.

«Воспоминания» Спекторского изобилуют подробными характеристиками профессоров факультета, а равно и других представителей академического мира, оказавшихся в Праге. Здесь и декан факультета Д.Д.Гримм («строг, но справедлив по отношению к студентам. Они побаивались его, но и уважали своего «железного декана» [6, л. 597], и известный историк русского права М.В.Шахматов, больной туберкулезом позвоночника («Свою магистерскую диссертацию он писал на подвешенном пюпитре, лежа на животе. Он был трудолюбив и любил свою науку. Но у него не было строго научного духа. Он писал ad demonstrandum, non ad narrandum*. И это портило его исторические исследования. Так, например, он изображал Древнюю Русь какими-то сентиментальными и идиллическими чертами» [6, л. 599], и знаменитый П.Б.Струве («Недостатком П.Б.Струве было то, что он не прошел, как мы, систематического ученого стажа. Ему, по-видимому, было трудно прочесть законченный курс. Кроме того, его чересчур отвлекала политика. Однажды он в разгаре учебных занятий, не предупредив ни декана, ни студентов, помчался в Лондон и просидел там довольно долго. Должно быть, он считал, что для России это было необходимее, чем чтение регулярных лекций» [6, л. 602]. Вспоминался Спекторскому и «П.Н.Савицкий, талантливый, но и честолюбивый идеолог евразийства, из-за этого разошедшийся со Струве. Он жил в Мокропсах, где над его жилищем, как уверяли злые языки, будто бы развевался верблюжий хвост: ставка Чингисхана» [6, л. 603].

Наряду с юристами, на факультете преподавали историки и философы, так как Новгородцев, проектируя учебный план, кое-что позаимствовал из организации учебного процесса в Варшавском университете, где было много непрофильных дисциплин на юрфаке. Спекторский оставил одобрительную характеристику А.А.Кизеветтера («...Блестящий лектор. У него остатки кадетского духа, вызывавшие у некоторых студентов недовольство «крамольным стариком», сочетались с оскорбленным национальным чувством по поводу унижения, нанесенного нашей родине третьим интернационалом. Как и Струве, он решительно боролся против

* лат. ради доказательства, а не повествования. По смыслу, скорее, правильнее обратное ad narrandum, non ad demonstrandum, т.е. писание ради рассказа, а не для доказательства.

евразийства» [6, л. 610]; сочувственную – Г.В.Флоровского («несомненно, очень талантливый человек»), а также Н.О. Лосского, И.И.Ломшакова [6, л. 613–614] и других.

Наряду с характеристиками профессоров факультета, мемуары Спекторского полны метких и подробных описаний студенчества. «Объективно наши студенты были, конечно, несчастны, – подчеркивал он. – Без родины, без семьи, без обеспеченного будущего, они ели чужой хлеб, за что их попрекали с разных сторон: социалисты – потому что они не были социалистами, чехи из России – потому что хотели получить в возмещение понесенных ими убытков суммы, шедшие на иждивение и т.д. Здоровье их было в неудовлетворительном состоянии. Очень велик был процент склонных к туберкулезу. За четыре года умерло 62 студента. Морально наши учащиеся с трудом оправлялись от недавно перенесенных потрясений» [6, л. 621]. Удручало Спекторского снижение общего уровня студенчества («Среди наших студентов было немало талантливых молодых людей, работавших хорошо и даже с отличием. Но общеевропейское понижение общего образования сказывалось у большинства. Слушая ответы на экзаменах, нередко я вспоминал одну фразу Островского: «Эх ты, моя необразованность» [6, л. 623–624].

Спекторский не ограничился характеристиками профессоров, преподававших на факультете – мемуары полны портретов ученых, не связанных непосредственно с РЮФ, но живших в Праге. При этом, как гуманитариев, так и естественников. Спекторский описал академические организации, существовавшие в столице Чехословакии («В Праге существовал целый ряд наших ученых обществ, в которых постоянно читались доклады. Это создавало обстановку напряженной духовной жизни» [6, л. 639]. Подробно, с адресами, - условия жизни представителей науки, в том числе, бытовые («Мой друг В.А.Францев жил на Халковой улице. Он занимал две комнаты в пренеудобной квартире, без электричества, без ванны, с уборной на лестнице. В одной комнате жил опекавшийся им его племянник, студент, который пропитался левым духом, будучи гимназистом в Моравской Тшебове. Их хозяйкой была очень почтенная особа, дочь эконома в имении какого-то графа, обладавшая большим кулинарным талантом» [6, л. 637–638]. Есть у него и характеристики представителей эмиграции, живших в других городах страны (Пржибраме, Брно, Братиславе).

Спекторский оставил также краткие характеристики писателей, живших в Праге (В.И.Немировича-Данченко, Е.Н.Чирикова), журналистов, представителей военных (в частности, генерала А.П.Кутепова) и религиозных кругов.

Меньше в мемуарах характеристик чешских политиков и ученых. Из тех, что есть, наиболее подробна характеристика К.Кадлеца («Кадлец был чрезвычайно добросовестный и трудолюбивый ученый с наклонностью к крохоборству. Он усердно работал над огромным глоссарием, дававшим ему право считать себя Дюканжем славянского права. На нашем русском юридическом факультете он руководил занятиями молодых историков русского и славянского права» [6, л. 688].

Спекторский отмечал, что у русских эмигрантов «отношение к чехам колебалось между возмущением по поводу поведения их легионеров в Сибири и выдачи ими Колчака большевикам и признательностью за начавшуюся «русскую акцию» [6, л. 529] Вообще, в отличие от отношения к властям КСХС, к которым Спекторский относился с большим уважением (а короля Александра просто боготворил), чешские власти вызывали у него скорее, иронию, смешанную с раздражением. Он отмечал, что, например, после избрания Т.Масарика президентом «его превратили в легендарного героя, в демиурга республики, в «татичка», т.е. батюшку чешского народа, забыв, что место отца этого народа уже было предоставлено историку Палацкому». При этом «огромные суммы расходовались из средств государственного казначейства на рекламу

такого Масарика на всевозможных и притом не только европейских языках. Ему стали всюду поспешно ставить памятники еще при жизни» [6, л. 537]. Впрочем, Спекторский, конечно, не мог не признать, что «Масарик и его дочь Алиса не только не возражали против благотворительной «русской акции», но и деятельно помогали как целым эмигрантским учреждениям, так и отдельным лицам. Он много сделал для культурного подъема своей страны» [6, л. 540]. Достаточно скептически Спекторский относился и к Э.Бенешу. Единственным человеком в чешском истеблишменте, к которому мемуарист относился с симпатией, был лично ему знакомый К.Крамарж. «Мы видели в нем друга России, не изменявшего ей и тогда, когда она попала в беду, – подчеркивал Спекторский. – Мы знали, что он ездил к Деникину и, что именно он побудил правительство и представительство Чехословакии прийти на помощь русской эмиграции. И мы были уверены, что он всегда будет противиться признанию третьего интернационала и его агентов законным русским правительством, хотя бы из-за этого ему пришлось встретить противодействие в собственной партии» [6, л. 542].

В 1927 г. Спекторский покинул Прагу, так как начала сворачиваться «русская акция» и постепенно сокращалось количество студентов на РЮФ. «Галлиполийцы устроили мне прощальный ужин у Беранека. Францев назвал меня славистом, Шахматов уподобил солнцу, а Кизеветтер – Сызранскому мосту через Волгу. Епископ Сергий отслужил напутственный молебен» [6, л. 728].

Таким образом, несомненно, «Воспоминания» Спекторского являются важнейшим источником для изучения биографии ученого и – шире – истории русской эмиграции в Чехословакии середины 1920-х годов.

1. Билимович, А.Д. Профессор Е.В.Спекторский / А.Д. Билимович // День русского ребенка. – Сан-Франциско, 1952. – Вып. XIX. – С. 129–134.
2. Воспоминания Е.В. Спекторского. / публ. С.И. Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. – №3 (2010). – P 161–199.
3. Ермичев, А.А. Е.В.Спекторский (1875–1951). Биобиблиографическая справка / А.А. Ермичев // Спекторский, Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии / Е.В.Спекторский. – СПб.: Наука, 2006. – Т. II. – С. 506–521.
4. Михальченко, С.И. Евгений Васильевич Спекторский / С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко // Вопросы истории. – 2013. – № 1. – С. 31–53.
5. Михальченко, С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета / С.И. Михальченко // Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С.64–68.
6. Спекторский, Е.В. Воспоминания / Е.В. Спекторский // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. – FSO. 01-30.230.II (Bonač, Vladimir).
7. Ткаченко, Е.В. Общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского / Е.В. Ткаченко. – Брянск: РИО БГУ, 2009.
8. Ульяновський, В. Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський / В.Ульяновський, В.Короткий, О.Скиба. – Київ: КНУ, 2007.

Гуменюк Е.А.

ИСТОЧНИКИ ПО УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1920–1939 гг.

Страны Центрально-Восточной Европы являлись важными центрами для украинской и белорусской эмиграции в 1920–1930-е годы. Немалую часть среди эмигрантов составляли студенты. В период между двумя мировыми войнами наиболее благоприятной страной для студентов-эмигрантов была Чехословакия. Следует отметить, что в Чехословакии действовали украинские высшие учебные заведения: Украинский свободный университет в Праге, основанный в 1921 г.; Украинская хозяйственная академия в Подебрадах (УХА) с 1922 г.; Украинский высший

педагогический институт им. М. Драгоманов в Праге с 1923 г. и т.д., где имели возможность обучаться не только украинцы, но и представители других наций, среди которых было немало белорусских студентов.

Украинские и белорусские студенты активно сотрудничали на уровне организаций, проводили совместные культурные акции в Чехословакии, Польше, Германии и Австрии, часто выступали заодно на международных форумах и конференциях. По численности белорусская студенческая эмиграция уступала украинской, но ее деятельность имела большое значение для налаживания связей, как с эмигрантами, так и с народами тех европейских стран, где они проживали.

Больше всего украинских и белорусских студентов-эмигрантов проживало в Чехословакии. Среди архивных документов и на страницах прессы 1920–1930-х годов встречается довольно много упоминаний о белорусах, которые учились в Украинском свободном университете в Праге, Украинском высшем педагогическом институте им. М. Драгоманов, Украинской хозяйственной академии в Подебрадах. А так же документы содержат информацию о украино-белорусских организациях в Чехословацкой Республике, основным заданием которых была материальная помощь студентам.

Условия пребывания украинских и белорусских эмигрантов в разных странах Европы отличались. Но в плане материального обеспечения наилучшее положение было у эмигрантов в Чехословакии. Помимо различных международных организаций, которые предоставляли материальную помощь, чехословацкое правительство развернуло «русскую акцию» для помощи эмигрантам из бывшей Российской империи [7, с. 30–31]. Исходя из неплохих материальных условий и пользуясь благосклонным отношением чехословацкого правительства, украинская эмиграция смогла развернуть широкомасштабную культурно-образовательную деятельность в ЧСР, а так же обеспечить материальную поддержку студентам. С целью наилучшего материального обеспечения создавались специальные организации. В данном контексте следует упомянуть о украино-белорусских вспомогательных организациях. Среди архивных документов, которые иллюстрируют данную сторону сотрудничества украинцев и белорусов, стоит отметить документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), а именно фонд 3920 – Чешско-украинский комитет помощи украинским и белорусским студентам в Праге. Чешско-украинский комитет помощи украинским и белорусским студентам был основан в Праге в 1921 г. В статуте Комитета определялись его задачи: «нести материальную и моральную помощь студентам украинцам и белорусам» [6, л. 9].

Еще одной организацией, которая оказывала материальную помощь студентам, был Вспомогательный фонд украинских и белорусских студентов основан в Праге в 1931 г. Информация о деятельности данного Фонда содержится в фонде 19 Центрального государственного архива зарубежной украиники (ЦГАЗУ), фонде 4465 ЦГАВО Украины. В состав Фонда входили украинцы и белорусы, возглавлял его академик, профессор Станислав Днестрянский (украинец), а заместителем был Василий Захарка (белорус) [2, л. 1]. В уставе Вспомогательного фонда украинских и белорусских студентов в Праге отмечалось: «Целью Вспомогательного фонда является помощь (стипендии и другая помощь) украинским и белорусским студентам, которые обучаются в высших учебных заведениях Чехословацкой республики. Помощь может получить украинский или белорусский обыкновенный или равный ему в правах чрезвычайный слушатель высших учебных заведений Чехословакии.

Вспомогательный фонд получает материальные средства для осуществления своих заданий через: а) членские взносы; б) пожертвования, наследство, фундации, прибыль с акций организации и т.д. [5, л. 1–2]. Членские взносы составляли 60

чехословацких крон ежегодно или же 5 крон ежемесячно. Взнос члена-фундатора составлял 200 чешских крон [2, л. 1].

Обучаясь в украинских высших учебных заведениях, белорусы основывали не только совместные с украинцами организации, но и свои собственные. В фонде 3795 ЦГАВО Украины можно встретить информацию, что среди множества различных студенческих организаций при Украинской хозяйственной академии в Подебрадах был основан и действовал Белорусский студенческий кружок, который официально был зарегистрирован в феврале 1925 г. В уставе указан характер кружка как профессионально-национальный аполитический. Цель организации: объединение белорусского студенчества в Украинской хозяйственной академии в Подебрадах, взаимопомощь в учебе, материальная и моральная, средствами для чего являются: а) организация рефератов и научных лекций для членов и более широкой аудитории; б) организация концертов или праздничных собраний; в) создание библиотеки и читальни; г) издание журналов; д) организация научных экскурсий и пленарных заседаний [3, л. 198].

Главой Белорусского студенческого кружка был М. Абрамчик [3, л. 195]. Еще в 1923 г. Белорусский студенческий кружок при УХА в Подебрадах организовал выступление с рефератом на тему «Возрождение Беларуси» по поводу пятой годовщины провозглашение независимости Белорусской Народной Республики 25 марта [3, л. 14].

Так же пресса межвоенного периода является ценным источником по изучению украинской и белорусской студенческой эмиграции. На страницах печатных изданий рассматривались различные аспекты деятельности эмигрантов. В архивных и библиотечных фондах украинских государственных центральных архивов, а так же Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского и Библиотеке им. О. Ольжича хранятся важные для изучения студенческого эмигрантского движения газеты, журналы, бюллетени. В прессе публиковались не только заметки, но и развернутые статьи о белорусской эмиграции в европейских странах. А так же, можно встретить и белорусские эмиграционные печатные издания, например, в фонде 15 ЦГАЗУ хранятся отдельные номера «Селянкой доли» и «Бюлетэня Заграніччной групы белорускай партыі соцыялістау-ревалюцыянерау», где содержится информация о отдельных аспектах белорусской эмиграции в странах Европы в 1920–1939 гг. [1].

Еще одним источником по изучению украинской и белорусской студенческой эмиграции могут быть воспоминания бывших студентов, научные работы, очерки и т.д. самих эмигрантов. В данном контексте следует упомянуть работу С. Нарижного [4], в которой автор характеризует украинскую эмиграцию в европейских странах, вспоминая и о белорусской эмиграции, а так же большое значение имеет статистический очерк Л. Шрамченка [8] об украинских, белорусских и грузинских студентах в Чехословакии.

Источники по изучению украинской и белорусской студенческой эмиграции представляют собой архивные документы, публикации в прессе, воспоминания бывших студентов, научные работы самих эмигрантов. Особенностью данных источников является то, что они зачастую иллюстрируют сотрудничество украинских и белорусских студентов в странах Центрально-Восточной Европы и дополняют информацию о деятельности как белорусских, так и совместных украино-белорусских организаций.

1. Бюлетені українських білоруських політичних, студентських, кооперативних та інших еміграційних організацій. – ЦГАЗУ. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 53.
2. Відозви та звернення Допомогового фонду українських і білоруських студентів та Українського допомогового бюро у Празі до емігрантів про збір пожертв. – ЦГАЗУ. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 40.

3. Листування і статути різних організацій при Академії. – ЦГАВО Украины. – Ф. 3795. – Оп. 1. – Д. 118.
4. Наріжний С. Українська еміграція: культурна праця української еміграції між двома світовими війнами / С. Наріжний. – Прага, 1942. Ч.1. – 271 с.
5. Статут товариства Допомоговий фонд українських і білоруських студентів в Празі. – ЦГАВО Украины. – Ф. 4465. – Оп. 1. – Д. 269.
6. Статут Чесько-українського комітету допомоги українським та білоруським студентам в Празі. – ЦГАВО Украины. – Ф. 3920. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Сладек, З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции»/ З. Сладек // Славяноведение. – 1993. -№ 4. – С. 28 – 38.
8. Шрамченко Л. Українське, білоруське та грузинське студентство на високих школах в Чехословацькій республіці / Л. Шрамченко. – Подєбради, 1926. – 29 с.

Дедурин Г.Г.

«БЕЛАРУСКІ ХРЫСЬЦІЯНСКІ РУХ» АДАМА СТАНКЕВИЧА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БЕЛОРУСОВ

Адам Станкевич (1891–1949) – знаковая фигура белорусской истории XX века. Связав свою судьбу с костелом, он не ограничивался лишь религиозной деятельностью. Адам с детства проявлял интерес к истории, традициям, культуре своего народа и став ксендзом активно использовал церковный амвон для пропаганды идей белорусского национального возрождения, что было особенно актуально в годы пребывания Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой, проводившей политику полонизация белорусов.

К сожалению, политико-идеологическая конъюнктура долгое время не позволяла дать адекватную оценку А. Станкевичу и его творческому наследию. Белорусская советская историография обличала его, как «буржуазного националиста», «предателя трудового народа». Начиная с 1930-х годов немало критиков «белорусского национализма» делают Станкевича, едва ли не главным врагом «прогрессивных сил» национального движения [1; 9; 14; 16]. Такое внимание является своеобразным свидетельством не заурядности этой личности даже в глазах идейных противников. В послевоенное время его имя упоминалось лишь в контексте критики БХД (Белорусская христианская демократия) и других белорусских сил не просоветского направления [7; 13; 17; 20]. Не уделяли достаточно внимания Адаму Станкевичу и представители белорусской диаспоры. Это можно объяснить тем, что ее интеллектуальная элита состояла преимущественно из людей, которые оставили Беларусь во время революционных событий и гражданской войны в 1917–1920 гг., когда фигура Станкевича, еще находилась в тени.

В конце 1980-х годов в Беларуси начинают появляться работы, авторы которых пытались избавиться устаревших штампов в оценке белорусского движения и его лидеров. Непосредственно А. Станкевичу были посвящены работы А. Сидоревича, У. Конана, Л. Луцкевича [5–6; 8; 18]. Однако следует отметить, что ни одна из них не была написана профессиональным историком. Это объясняет их скорее публицистический, чем научный характер. Более взвешенными стали оценки лидера хадеков (сокращение от христианские-демократы – *авт.*) и в обобщающих работах по истории Беларуси XX века. Их авторы признают не только весомый вклад Адама Станкевича в белорусскую культуру, но и указывают на правильность многих политических альтернатив сформулированных ксендзом, даже в современных условиях [2, с. 199; 15, с.70].

Среди белорусских историков начала XXI века большое внимание исследованию деятельности А.Станкевича уделял Э. Мазько [10–12]. Он сумел достаточно убедительно доказать ведущую роль этого человека в процессе формирования идеологических основ

Белорусской христианской демократии. Большую работу провели гродненские историки А. Вашкевич и А. Пашкевич, которые несколько лет назад подготовили первое собрание трудов ксендза на историко-культурную и религиозную тематику [19]. Основные вехи жизненного и творческого пути Адама Станкевича попытался так же осветить и автор данных строк [4].

Многие публикации А. Станкевича до сегодняшнего дня не утратили актуальности и представляют значительный научный интерес для религоведов, филологов, философов, историков. В контексте интересов последней группы ученых, следует подробнее остановиться на книге идеолога БХД «Беларускі хрысьціянскі рух», долгое время являвшейся единственным источником информации по истории белорусского христианско-демократического движения и одним из немногих, дававшим представление о развитии национального движения белорусов в XIX – первой половине XX века в целом [21].

Данный исторический очерк был закончен незадолго до Второй мировой войны – в 1936 году и, по задумке автора, должен был обобщить основные достижения и обозначить наиболее острые проблемы белорусского движения за более чем вековую его историю.

Работа была поделена по проблемно-хронологическому принципу на 11 разделов. В первом из них А. Станкевич предпринял попытку поиска истоков белорусского национального возрождения в XIX веке и выяснения степени влиянии на этот процесс христианства в белорусских землях. Ксендз считал, что точкой отсчета национального возрождения, следует считать появление интереса к истории и культурным традициям своего народа отдельных представителей белорусской униатской и католической интеллигенции (В. Равинский, Я. Чечот, В. Дунин-Марцинкевич). Особо отмечается роль Ф. Богушевича, который выступил связующим звеном между белорусской национальной мыслью XIX и XX веков [19, с. 463]. Это вполне согласуется с современными взглядами на основные этапы становления нации, где в качестве первого этапа, как правило, отмечается обращение к культурному наследию народа и его «собирание» [3]. В этом же разделе, А. Станкевич отмечает значительно меньшую активность на ниве национального возрождения белорусских православных деятелей, которые оказались куда более подверженными денационализации, чем их католические собратья. В этом ксендз и видел одну из основных проблем на пути становления белорусской нации.

Во втором разделе речь идет о началах сознательного белорусского национального движения. Хронологически этот период автор обозначил 1900–1910 годами. Главным событием этого периода, священнослужитель, безусловно, считает появление Белорусской революционной громады, вскоре трансформировавшейся в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ). С этим событием А. Станкевич увязывает появление двух течений в белорусском движении – эволюционного, представители которого, как и ранее, отдавали предпочтение культурно-просветительской деятельности и революционного, стремившегося к более решительным действиям. Однако, при этом ксендз отмечает, что между этими течениями не было жесткой конфронтации и белорусский революционный социализм имел скорее не марксистскую, а народническую окраску. В этой связи он упоминает имена таких белорусских деятелей, как Карусь Каганец, Иван Луцкевич, Алоиза Пашкевич (Тетка) [19, с. 469].

Третий раздел рассказывает об организационных процессах, происходивших в среде белорусов-католиков накануне Первой мировой войны. А. Станкевич приводит многочисленные примеры организаторской деятельности ксендзов-белорусов по созданию кружков, ориентированных на объединение национально сознательной

молодежи и воспитанию ее в духе христианских заповедей и патриотизма. Одним из первопроходцев в этом отношении, он называет гродненского ксендза Ф. Гринкевича [19, с. 473]. Подобные кружки действовали не только на территории Беларуси, но и в других городах империи. В частности, одним из наиболее активных, считался Белорусский кружок при Духовной католической академии в Петербурге, который посещал и А. Станкевич.

Четвертый, пятый и шестой разделы посвящены бурным событиям, имевшим место на территории Беларуси в годы мировой и гражданской войн и роли в них представителей белорусского католического возрождения. В первые месяцы оккупации части белорусских земель, немцы проводили достаточно лояльную национальную политику. Это позволило активизировать отдельным белорусским ксендзам (Я. Германович, К. Стэпович, У. Толочко) национально-просветительскую деятельность [19, с. 487]. А. Станкевич справедливо признает, что в 1917–1918 гг. католический элемент белорусского движения не имел должного влияния на белорусское общество в целом, состоявшее преимущественно из православных. Поэтому, в момент распада Российской империи и, последовавшим за этим провозглашением Белорусской народной республики в марте 1918 года, ксендзы не могли существенно повлиять на ход этих процессов. Тем не менее, лидер БХД подчеркивал, что именно эти события послужили катализатором к переходу христианского движения на качественно новый этап и все более тесному его переплетению с национальным. В связи с этим, он выделяет такие события как создание в мае 1917 года в Петрограде Белорусской христианско-демократической злучности, у истоков которой стояли Ф. Абрантович и Л. Хвецька и принятие первой программы БХД в 1920 году, текст которой приводится полностью [19, с. 512–516]. Принятие программы, по мнению А. Станкевича, свидетельствовало о завершение организационного оформления христианско-демократического крыла национального движения и готовности его представителей к всесторонней деятельности в рамках отстаивания социальных, национальных и культурных прав белорусов.

1921 год вновь разделил белорусские земли и их западная часть, по условиям Рижского мира, отошла к возрожденному польскому государству. Именно на межвоенный период приходится наиболее плодотворный этап деятельности ксендза. Поэтому неудивительно, что значительное место в работе отведено анализу ситуации, сложившейся на западнобелорусских землях в 1921–1939 годах. Этому посвящены 7–11 разделы очерка. В них можно найти немало интересных сведений об особенностях национальной политики разных польских правительств, о попытках белорусских деятелей защитить права своего народа с трибуны польского сейма и при помощи организации массовых кампаний в поддержку белорусского языка и школы.

Нельзя оставить без внимания и те сведения, которые А. Станкевич приводит об отношениях между разными течениями белорусского движения. Ксендз осуждал его леворадикальное направление, небезосновательно считая, что оно лишено самостоятельности и лишь выполняет волю московского центра. Вместе с тем, он признавал успехи достигнутые в середине 1920-х гг. Белорусской-крестьянско рабочей громадой и указывал, что именно пример БКРГ стал толчком для дальнейшей эволюции христианского движения, что вылилось в принятии программы БХД 1926 года, в которой впервые речь шла о ее надконфессиональном характере [19, с. 531].

1930-е гг. стали серьезным испытанием для белорусов по обе стороны рижской границы. Отказ от политики белорусизации в БССР, начало массовых репрессий сталинского режима и переход к политике национальной ассимиляции в Западной Беларуси, делал особенно ценным существование таких организаций как БХД, продолжавших настаивать на своем «незалежніцкім» характере.

Хронологически последними событиями о которых идет речь в очерке, стали попытки создания единого народного фронта на основе БХД и КПЗБ, предпринимавшиеся в 1935–1936 гг. и завершившиеся неудачно. Автор очерка в полном объеме приводит документ принятый христианскими демократами в ответ на предложение ЦК КПЗБ [19, с. 563–565]. В качестве главной причины отказа, указывалась несамостоятельность местных коммунистов и диаметральная разница в идеологических основах двух политических сил. Как показал дальнейший ход событий и, прежде всего, роспуск КПЗБ по указке Коминтерна в 1938 году, утверждения лидера хадеков были небезосновательны.

Безусловно, автор, будучи заинтересованной стороной и непосредственным участником многих из описываемых в очерке событий, не избежал отдельных фактических неточностей, субъективизма в оценке своих политических оппонентов, некоторой идеализации христианско-демократического движения, которое, несмотря на все попытки его лидеров, все же так и не смогло стать объединительным центром для всего белорусского общества. Тем не менее, это не помешало Адаму Станкевичу вполне убедительно показать эволюцию, в течение ста с лишним лет, не только христианского, но и белорусского движения в целом.

1. Гарадоцкі, А. Як беларуская хадэцыя гандлюе крывёю рабочых і селян / А. Гарадоцкі. – Вільня, 1934.
2. Гісторыя Беларусі у кантэксце еурапейскай цывілізацыі / пад рэд. У.А. Сосны. – Мінск, 2003.
3. Грох, М. Нацыянальная гісторыя як канструкцыя: чэшскае выключэнне ці еўрапейская норма? / М. Грох // Homo historicus. – 2008. – С. 337–349.
4. Дедурін, Г. Адам Станкевич – ідеолог і практик білоруського національного руху у ІІ-ій Речі Посполитій / Г. Дедурін // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Т. 13. – Х., 2009 – С. 59–75.
5. Конан, У. Ксендз Адам Станкевіч і каталіцкае адраджэнне у Беларусі / У. Конан. – Мінск, 2003.
6. Конан, У. Лідэр беларускага каталіцкага адраджэння / У. Конан // Голас Радзімы, 1998. – 22 кастрычніка.
7. Ладысев, В. В борьбе за демократические права и свободы / В. Ладысев. – Мінск, 1988.
8. Луцкевіч, Л. Адам Станкевіч / Л. Луцкевіч // Партрэты віленчукоу. – Вільнюс, 2006.
9. Лучанін, М. Заходняя Бєларусь пад пануванням Польшчы / М. Лучанін. – Мінск, 1926.
10. Мазько, Э. Дзейнасць БХД па арганізацыі беларускага школьніцтва ў Заходняй Беларусі у 20–30-я гг. ХХ ст. / Э. Мазько // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіена Беларусі. – Брэст, 1998. – Ч. ІІ. – С. 130–135.
11. Мазько, Э. Ідэалагічныя падставы дзейнасці Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі (1917–1939 гг.) / Э.Мазько // Гістарычны альманах. – Гародня, 2000. – Т. 3. – С. 71–76.
12. Мазько, Э. Уплыў Беларускай хрысціянскай дэмакратыі на фармаванне культурнай сітуацыі у Заходняй Беларусі у 20 – 30 гады ХХ стагоддзя: дыс. … канд. гіст. навук / Э. Мазько. – Гродна, 2003.
13. Мараш, Я. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918 – 1939) / Я. Мараш. – Мінск, 1983.
14. Некрашэвіч, А. Беларускі нацыял-фашызм і нацыянал-дэмакратызм / А. Некрашевіч. – Мінск, 1930.
15. Нямкевіч, І. Гісторыя грамадсько-палітычных течій беларускага руха / І. Нямкевіч. –, 2006.
16. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. – Мінск, 1935.
17. Полуян, В. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии / В. Полуян. – Мінск, 1978.
18. Сідарэвіч, А. З Айчынай і богам у сэрці: Адам Станкевіч (1891–1949) / А. Сідарэвіч // Вяртання маўклівая споведзь. – Мінск, 1994. – С. 203–212.
19. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі. Збор твораў / за ред.: А. Пашкевіча; А. Вашкевіча. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.
20. Сташкевич, Н. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии в 1917–1925 годах / Н. Сташкевич. – Минск, 1985.
21. Stankiewic Ad. Bielaruski Chryscijanski ruch / Ad. Stankiewic. – Vilnia, 1939.

Швед В.В.

МАТЭРЫЯЛЫ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА Ў БЕЛАСТОКУ (ПОЛЬШЧА) ПРА ДЗЕЙНАСЦЬ Ю. ЯДКОЎСКАГА ПА ЗАХАВАННІ ГІСТАРЫЧНАЙ СПАДЧЫНЫ ГРОДНА

Ю. Ядкоўскі для горада Гродна – чалавек, які заслужыў помніка сваёй актыўнай дзейнасцю на пасадах Беластоцкага акруговага кансерватара, стваральніка і кусташа Гродзенскага дзяржаўнага музея, збіральніка і захавальніка гісторыка-культурных рэчаў на Гарадзеншчыне, аўтара папулярных артыкулаў і брашур па гістарычнай спадчыне Гродна і ваколіц. У дзяржаўным архіве ў Беластоку нам пашчасціла знайсці цікавыя і не выкарыстаныя дагэтуль матэрыялы пра дзейнасць Ядкоўскага, якія, на наш погляд, не страцілі актуальнасці і ў наш час, калі ідзе размова пра рэстаўрацыю помнікаў гісторыі і культуры Гродна.

Храналагічна ранейшым са знойдзеных дакументаў ёсць "Справаздача Камісіі апекі над забыткамі мастацтва і культуры пры кіраўніцтве Гродзенскага павета (14.03.1920 – 1.07.1921)". З яе бачна, што за год, не гледзячы на ваенныя падзеі 1920 г., Камісія разглядзела праблемы кансервацыі 11 помнікаў гісторыі і культуры Гродна і ваколіц: касцёлаў (уніяцкага, брыгіцкага, Фары Вітаўта – усе ў Гродна, Бераставіцкага, Азёрскага), гродзенскага Старога замка, будынкаў ("Баторыеўка" і дом Стурмака ў Гродне). Дзякуючы намаганням Камісіі, былі выратаваны кафля і іншыя прадметы са старых будынкаў, зруйнаваных падчас савецка-польскай вайны 1920 г., а таксама дакументы з былых савецкіх органаў улады, якія патрапілі ў рукі гродзенскіх гандляроў, пусціўшых іх на паперу для абгортвання тавараў. Камісія зберагла для будучага музея 5 крыжоў з дамініканскага касцёла, старые ключы з гродзенскай казны XVIII ст., рэшткі расійскага педагагічнага музея, 240 старых планаў (пераважна XVIII ст.) [zesp. 47, sig. 151].

Наступны архіўны дакумент "Спіс плошчаў, вуліц, аб'ектаў старой будоўлі г. Гродна, якія падпадаюць паводле дэкрэта ад 31.10.1918 (Дзеннік праў, № 16, 1918 г.) апецы права". Ён цікавы тым, што сярод пералічаных 24 аб'ектаў ёсць усе тыя, якія сёння выкарыстоўваюцца як турыстычныя рэсурсы (замкі, палацы, храмы, гістарычныя будынкі), а таксама названы помнікі гісторыі і культуры, якія ўжо не існуюць (а прайшло толькі 80 гадоў!): касцёл і кляштар бернардзінак, частка будынкаў па праваму ад замкаў боку вул. Маставой, дамініканскі касцёл, частка тызенгаўзаўскіх дамоў [zesp. 47, sig. 151, к. 35]. Звяртаю ўвагу на тое, што падпісаўшы гэты дакумент Ю. Ядкоўскі апекаваўся не толькі каталіцкімі і польскімі помнікамі, але і перыяду "варяжскага", ВКЛ, уніяцкім і праваслаўнымі – усе былі для яго помнікамі "крэсовымі".

У святле сённяшніх спроб рэстаўрацыі Старога замка цікава ведаць намаганні Ядкоўскага па яго рамонту, кансервацыі і пераўтварэнню ў музейны цэнтр у 1920–1930-х гадах. Дакументы беластоцкага архіва сведчаць, што ў студзені 1926 г. праводзіліся рэстаўрацыйна-кансерватыўныя працы. У ліпені 1927 г. Ядкоўскі скардзіўся на тое, што прыстасаванне Старога замка да патрэб музея ідзе павольна і праектант Бруна Збароўскі не быў у Гродне з 1925 г. Праект быў зроблены ў чэрвені 1928 г., але ў бюджэце 1929–1930 гг. грошаў на працы ў замку не было прадугледжана [zesp. 47, sig. 245, к. 11,13,46].

Паводле рашэння Міністэрства веравызнанняў і публічнай асветы Ядкоўскі быў агульным адміністрацыйным кіраўніком прац на Старым замку і адказваў за праект і дэталі унутраных прац памяшканняў, дзе будзе размешчаны Гродзенскі музей [zesp. 47, sig.245, к. 29–30]. З каштарыса прац 1928 г. бачна сума, якая прызначалася на капітальны рамонт і частковую перабудову левага крыла замка для патрэбаў ствараемага музея. На мурарскія, цяслярскія, сталярскія, слесарскія, малярскія працы,

тынкаванне, шкленне вакон і іншае планавалася выдадкаваць 46066.60 злотых [zesp. 47, sig. 245, к. 5–6].

У 1926 г. абвалілася частка замкавай гары каля Новага замку з-за дрэнна працуючай каналізацыі (утварыўся роў глыбінёю 6 м і шырынёю 10 м), а ў наступным годзе адбыўся абвал зямлі ў выніку падмыва водамі ракі і падкопаў насельніцтва, якое капала ў падножжа замка жвір і мела гароды. Ядкоўскі кінуў свае сілы на ратаванне замка і да восені 1928 г. Упраўленнем водных дарог быў пабудаваны ахоўны бульвар, так любімы сённяшнімі гродзенцамі. Падчас прац знайшлі драўляныя пабудовы часоў Ягелонаў. У 1929 г. планавалася рэканструяваць Сенацкую залу, зрабіць уваход з боку галоўнай лесвіцы, пабудаваць прыбіральню з боку Нёмана, адрамантаваць уязную браму. Ядкоўскі дабіўся закрыцця акруговага вайсковага шпіталю, які размяркоўваўся ў Новым замку, і размяшчэння музея ў Старым замку [zesp. 47, sig. 244, k. 1, 5; sig. 245, к. 17, 27–28, 38].

У 1927 г. Ядкоўскі выступіў супраць будаўніцтва стадыёна на месцы перадгістарычных могілак і сярэднявечага дзядзінца Барысаглебскай царквы, якое задумалі мясцовыя вайсковыя ўлады. Пра гэта ён не аднаразова пісаў у Міністэрства веравызнанняў і публічнай асветы ў 1928–1930 гг. Пераконваў, што праваслаўная кансісторыя часткова выкупіць гэтую тэрыторыю, часткова заменіць на іншую. Стадыён не быў пабудаваны! Ядкоўскі (як сябра Камітэту адбудовы царквы на Каложы) паспрыяў узнікненню новага плоту вакол царквы, раіў зрабіць яго са знешняга боку з каменя (што гарманавала з мураванай царквой), а з унутранага – з цэглы [zesp. 47, sig. 256, к. 9, 14, 19, 29].

Звярнуў сваю ўвагу Ядкоўскі і на Фару Вітаўта (тады гарнізонны касцёл), пра адраджэнне якой сёння шмат гаворыцца ў Гродне. З Пратакола паседжання Камітэта адбудовы касцёла ад 6.05.1922 г. вядомы яго склад на чале з ксяндзом дэканам Л. Зэброўскім. Паводле асабістага погляду акруговага кансерватара Ядкоўскага ад 22.10.1922 г. гэты помнік заслугоўвае ўвагі, бо мае багатую гісторыю ад часоў Вітаўта і Ягелонаў. Пацярпеўшы ад вайны 1920 г. ён патрабуе хуткай дапамогі: накрыцця дахам (абавязкова дахоўкай тыпу галанскай ці карпувкі), адбудовы тыльнай шчытовай сцяны [zesp. 47, sig. 250, к. 4, 5, 12].

14 жніўня 1922 г. Ядкоўскі пісаў гродзенскаму старасце К. Рагалевічу, што даведаўся пра тое, што з брігіцкага касцёла нейкія два галанскія манахі-капуцыны (адзін іх айцец Маркс) па дазволу біскупскай курыі ў Вільне вывезлі ў трох скрынях фундацыі Аляксандры з Сабескіх Весялоўскай (XVII ст.) гістарычныя каштоўнасці (18 абразоў, кнігі, старажытныя рэчы [zesp. 47, sig. 253, к. 11, 16, 18, 23, 26–28]. У поле зроку Ядкоўскага былі і іншыя касцёлы Гродна. Так, у 1922 г. ён прапаноўваў замест бляхі пакрыць галанскай дахоўкай дах францішканскага касцёла і прасіў акруговага кансерватара спыніць малярныя працы і хутка (з-за інфяцыі) выдзеліць грошы на рэстаўрацыю фрэсак 1740 г. (16 медальёнаў, раслінны арнамент) [zesp. 47, sig. 251, к. 10, 11, 22, 27, 30]. 31.08.1925 г. Ядкоўскі спыніў унутраны рамонт у паезуіцкім касцёле (Францішка Ксаверыя), бо ён мог знішчыць старажытныя фрэскі і галоўны алтар [zesp. 47, sig. 252, к. 7, 23]. У 1930 г. Ядкоўскі просіць дапамогі ў беластоцкага ваяводы для упарадкавання агароджы і тэрыторыі касцёла бернардзінак, указваючы, што грошы можна ўзяць з фундацыі гродзенскага магістрата для безпрацоўных [zesp. 47, sig. 255, к. 1].

Турбаваў Ядкоўскага і лёс такіх будынкаў, вядомых у Гродне, як: палац М.Валіцкага, дом пісьменніцы Ажэшкі і так званая Баторыеўка, якую цяпер звязваюць з іншым будынкам, чым Ядкоўскі. З падання праваслаўнага кансыстожа ў аддзел мастацтва ваяводскага ўпраўлення вядома, што будынак праваслаўнага кансыстажа (былы палац Валіцкага) атрымаў разам з вакольным паркам статус помніка. У доме Ажэшкі ў 1928 г. размяркоўвалася гандлёвая школа, якой кіраваў інжынер Радзіваноўскі. Баторыеўку на

паседжанні канферэнцыі (з удзелам Ядкоўскага), якая адбылася 19.02.1929 г., было вырашана выкупіць у цяперашніх шматлікіх уладальнікаў кватэр [zesp. 47, sig. 249, к. 4; 250, к. 5; zesp.353, sig. 5, k.2, 7].

Ядкоўскі выступаў супраць змен у гістарычным цэнтры Гродна. У дакументах беластоцкага архіва знаходзім яскравы прыклад такіх паводзін. Калі ў 1927 г. на плошчы Баторыя (цяпер Савецкай) запланавалі будаўніцтва аднапавярховай бетоннай вежы трансфарматара, Ядкоўскі выслаў ваяводскаму кансерватару тэлеграму з просьбай забараніць яго [zesp. 47, sig. 248, к. 4]. Адхіліў Ядкоўскі і дрэнна выкананую мастацкі мемарыяльную дошку Э.Ажэшкі, якую зрабілі для прымацавання на доме, у якім яна жыла апошнія гады і дзе памёрла [zesp. 47, sig. 247, к. 10].

Значную ролю адыграў Ядкоўскі ў збіранні і захаванні гістарычных артыфактаў у Гродзенскім дзяржаўным музеі, які існуе да сённяшняга часу. Пачаўся музей у красавіку 1920 г., дзякуючы Камісіі апекі над помнікамі мастацтва і культуры. Савецка-польская вайна 1920 г. перашкодзіла яго развіццю. Са "Справаздачы Камісі апекі над забыткамі мастацтва і культуры пры кіраўніцтве Гродзенскага павета (14.03.1920 – 1.07.1921)" вядома, што 9 скрынь са зборамі Камісіі былі эвакуаваны з Гродна 18 ліпеня ў Вроцлавек, а потым у Быдгошч, адкуль вырнуліся 30 чэрвеня 1921 г. [zesp. 47, sig. 151; 194, к. 35–36]. Музей ("скарбніца краёвых памятных рэчаў") быў адчынены 9.12.1922 г. у памяшканні гродзенскага староства. Кусташам яго стаў кансерватар беластоцкай акругі Юзэф Ядкоўскі Мы знайшлі прапанаваны Ядкоўскім Статут музея 1923 г., з якога бачна, што сваю дзейнасць ён распаўсюджваў на тэрыторыю, якая ў XIII – XV стст. Складала Гродзенскае княства, а пазней да XVIII ст. – Гродзенскі павет у ВКЛ [zesp. 47, sig. 194, к. 15–16, 19]. Многа намаганняў прыклаў Ядкоўскі для пераводу музея ў памешканні Старога замка, пра што мы пісалі вышэй.

Такім чынам, матэрыялы Дзяржаўнага архіва ў Беластоку дапамагаюць ацаніць яшчэ болей шматгранную дзейнасць Юзэфа Ядкоўскага ў Гродне і па-новаму звярнуць увагу на гродзенскую гістарычную спадчыну.

Дзмітрук А.П.

БЕСПАРТЫЙНЫ БЛОК СУПРАЦОЎНІЦТВА З УРАДАМ МАРШАЛА Ю. ПІЛСУДСКАГА (1928–1939) НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ: АСАБЛІВАСЦІ КРЫНІЦАЗНАЎЧАЙ БАЗЫ

Беспартыйны блок супрацоўніцтва з урадам маршала Ю. Пілсудскага (далей ББСУ) – польская ўрадавая палітычная групоўка, сфарміраваная ў 1928 г. і праіснаваўшая да 1935 г., якая дзейнічала і на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Па метадам і формам адлюстравання крыніц, якія датычаць генезісу і актыўнасці блока, асноўная іх маса – пісьмовыя. Крыніцазнаўчую эўрыстыку, як правіла, падзяляюць на архіўную і бібліяграфічную [1].

Пошук матэрыялаў, якія б датычылі вызначанай палітычнай арганізацыі сярод ужо апублікаваных крыніц вынікаў не прынёс. Выкарыстанне даведачнай літаратуры дазволіла на першых этапах працы выявіць не супадзенне напаўнення тэрмінаў у айчыннай і польскай навуковай літаратуры, таксама акрэсліць архівы, якія могуць змяшчаць інфармацыю аб партыі.

Асаблівасцю архіўнай крыніцазнаўчай базы па Беспартыйнаму блоку супрацоўніцтва з урадам з'яўляецца яе сціпласць (польскія даследчыкі выкарыстоўваюць нават тэрмін «убогасць»). Фактычна матэрыялы старшыні партыі – В. Славека па яго распараджэнню былі спалены ў канцы 30-х гг. XX ст. яшчэ да яго самагубства [2]. А тое, што знаходзім у Архіве новых актаў у Варшаве ў 62 фондзе –

гэта справаводства генеральнага сакратарыята ББСУ і парламенцкага клуба. Такім чынам, аб дзейнасці блока можна даведацца толькі на гэтым арганізацыйным узроўні.

Асноўная маса матэрыялаў – гэта справы шэрагу грамадскіх арганізацый пілсудчыкаў, якія ўваходзілі ў склад блока, дзейнасць парламенцкага клуба па змене Канстытуцыі – асноўнага накірунку прац ББСУ за 1928–1935 гг., справа аб унутраных супярэчнасцях і дзейнасці суда клуба. Інфармацыя аб выбарах у сейм і сенат дастаткова спецыфічная і нераўнамерная. Сур'езным яе недахопам з'яўляецца тое, што вылучыць з матэрыялаў дзейнасць блока на тэрыторыі Заходняй Беларусі – Віленскім, Навагрудскім, Палескім, Беластоцкім ваяводствах – амаль не магчыма. Яна фрагментарна, слаба паддаецца аналізу. Адзначаецца нарастанне матэрыялаў і разнастайнасць іх відаў па меры станаўлення партыі.

Вельмі нязначную, але найбольш каштоўную частку спраў фонду складаюць арганізацыйна-распарадчыя дакументы генеральнага сакратара: арганізацыі і прынцыпы дзеяння ББСУ, рэгламенты, распараджэнні генеральнага сакратара і старшыні блока, палітычна-гаспадарчыя камунікаты генеральнага сакратарыята. Яны даюць уяўленні аб пабудове групоўкі, функцыях на пэўных узроўнях, але ўсе яны вельмі фрагментарныя.

Важнымі крыніцамі з'яўляюцца асабістыя акты вядомых дзеячоў партыі і дзяржавы. У некаторых папках захоўваюцца чарнавікі прамоў, праекты законаў, нават партыйныя справаздачы. А вось рэшткі фонду старшыні ББСУ В. Славека расчароўваюць.

Больш ні ў адным архіве, дзе сабраны матэрыялы па Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду – Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўным архіве Брэсцкай і Гродзенскай вобласці, Дзяржаўным архіве грамадскіх арганізацый Гродзенскай вобласці, Занальным дзяржаўным архіве Мінскай вобласці ў г. Маладзечна, Літоўскім цэнтральным архіве ў г. Вільнюсе, дзяржаўным архіве ў Беластоку – асобнага фонду ББСУ не знойдзем.

Аднак спробы сістэматызаваць архіўны матэрыял, які датычыць гэтай урадавай групоўкі назіраюцца ў Брэсце. Нягледзячы на тое, што ББСУ не вылучаны з першага фонду – Палеская ваяводская установа – некалькі дзесяткаў спраў з назвай «фашысцкі Беспартыйны блок» у ім знайсці магчыма. Акрамя гэта традыцыйна найбольшую цікаўнасць ва ўсіх даследчыкаў выклікае 67 фонд – Камандаванне акруговага корпуса IX. Дзякуючы працы Т.Д. Ліберуўскай створана картатэка дастаткова фрагментарнага матэрыялу, якая датычыць арганізацыі і дзейнасці гэтай ўрадавай групоўкі.

Але і сярод гэтых дакументаў, партыйныя, гэта велізарная рэдкасць. Іх можна пералічыць па пальцах, усе яны асобныя, выпадковыя. Найбольшую цікаўнасць выклікае адна справа, у якой знойдзена фактычна 70% партыйных дакументаў [3]. Сабрана інфармацыя аб ББСУ з 1929 па 1934/1935 гг. Яе камплектацыя, змест застаўляюць уражанне, што перад намі своеасаблівая справаздача аб этапах станаўлення блока і ўзроўні яго развіцця ў Палескім ваяводстве.

У такой сітуацыі прываблівае бібліяграфія. Але і тут назіраюцца пэўныя цяжкасці. У сувязі з тым, што ў Беспартыйны блок увайшло шмат палітычных і грамадскіх арганізацый – ад левых да правых па сваёй арыентацыі, якія мелі свае праграмы, вызначыць якую з іх ён рэалізоўваў не магчыма. Тое ж датычыць і лідэраў: чыё выступленне, публікацыю лічыць за пазіцыю ўрадавай арганізацыі? Праграмы некаторых партый, якія ўвайшлі ў блок былі дыяметральна супрацьлеглыя. Аднак звяртаюць на сябе ўвагу прапагандысцкія брашуры, надрукаваныя ў рэгіянальных выдавецтвах напярэдадні выбараў 1928 г., дзе папулярызаваліся поспехі ўрада. Яны нешматлікія, занадта агульныя па зместу, таму малакарысныя, бо зразумець урадавую

праграму з іх увогуле не магчыма. А вось напярэдадні выбараў 1930 г. упершыню з'яўляецца шэраг брашураў пад маркай самой палітычнай групоўкі. Аўтары зусім розныя, матэрыялы таксама датычаць самых розных спраў, амаль усе папулярызуюць поспехі ўрада, а іх выдаўца – блок. Іх інфармацыйная карыснасць таксама невялікая. Але характар выданняў і іх колькасць змяняюцца ў 1933 г. Упершыню з'яўляюцца публікацыі пад назвай «З'езд грамадска-гаспадарчы …» з указаннем або павета, або ваяводства. У іх непасрэдна ідзе указанне на раду ББСУ, не зразумела толькі ці гэта аўтар, ці выдавецтва, але па зместу яны вельмі нагадваюць матэрыялы канферэнцыі. Былі знойдзены адпаведныя крыніцы па Віленскаму і Навагрудскаму, па Палескаму ваяводству. Іх каштоўнасць розная, але яны непасрэдна сведчаць аб дзейнасці палітычнай групоўкі. Такім чынам, фактычна крытэрыем адбору публікацый стала выдавецтва, прамое ўказанне на ББСУ. У сувязі з тым, што ініцыятарам стварэння блока быў урад, то актыўна выкарыстоўвалася інфармацыя надрукаваная ім, і адміністрацыяй у рэгіянальных выдавецтвах, каб скарэкціраваць агульнадзяржаўныя пастулаты з мясцовымі.

Мемуарная літаратура, за выключэннем двух аўтараў не датычыць Заходняй Беларусі [4; 5]. А калекцыі пракламацый і лістовак ББСУ цікавы момант яе дзейнасці, але малаінфарматыўны.

Пры аналізе ўрадавага друку таксама паўстаюць цяжкасці, па-першае, пры вызначэнні адпаведных выданняў, па-другое, у якасці галоўных рэдактараў у рэгіёнах выступалі ваяводскія сакратары ББСУ, якіх прызначаў ваявода. Фактычна змест артыкулаў, нават па стылю нагадваў, а то і непасрэдна паўтараў справаздачы адміністрацыі – «З дзейнасці ББСУ». Увогуле ў рэгіянальнай перыёдыцы пераважалі газеты-аднаднеўкі. Нешматлікія матэрыялы, якія датычаць ідэалагічных установак, сістэматызаваць вельмі цяжка настолькі яны разнародныя, як правіла, агульнага характару. Часцей за ўсё нагадваюць звыклыя перадвыбарчыя лозунгі, матэрыялы, якія прапагандуюць дзейнасць урада, яго поспехі, дасягненні на розных этапах, але вылучыць з іх праграму ці тэзісы немагчыма. Або ў якасці праграм на рэгіянальным узроўні вылучаюцца канкрэтныя справы – пабудаваць лазню ў вёсцы …, або грамадскі дом і г. д.

Выключэннем стала сакрэтнае, «на правах рукапісу» выданне генеральнага сакратарыята ББСУ, якое пры адсутнасці агульнай ідэалогіі і адпаведных праграм палітычнай групоўкі забяспечвала некаторае адзінства думак ва ўрадавым грамадска-палітычным руху. Фактычна большасць рэгіянальных артыкулаў, некаторых выступленняў – гэта частковыя перадрукоўкі з ёй. У ім папулярызаваліся законы, выдадзеныя ўрадам, ці тыя, якія яшчэ рыхтаваліся, тлумачылася з якой мэтай, якія карысці з іх прадугледжаны, адлюстроўвалася дзейнасць урада па некаторым накірункам. Але, асноўная частка гэтых матэрыялаў – асвячэнне дзейнасці ўлад.

Такім чынам, сярод партыйных крыніц з дакументальных матэрыялаў пераважна захавалася арганізацыйна-распарадчая дакументацыя (арганізацыйная, распарадчая, інфармацыйна-даведачная, бягучая), за выключэннем такой яе разнавіднасці як пратаколы, але ўся яна ўвогуле нешматлікая. Да 1933 г. фактычна адсутнічаюць справаздачы. Улікова-кантрольная справаводства настолькі адрывістая, што не дазваляе прааналізаваць ні колькасны, ні сацыяльны склад партыі. З апавядальнай літаратуры дастаткова шырока прадстаўлены публіцыстычныя творы, перыядычныя друкаваныя выданні, але з пункту гледжання інфармацыі аб дзейнасці самой палітычнай групоўкі малакарысныя для даследчыка. Як працаваць у такіх умовах? На многіх дакументах блока стаіць надпіс «сакрэтна», або «спаліць».

У выніку найбольш масавай крыніцай аб дзейнасці блока з'яўляюцца справаздачы грамадзянскай і ваеннай адміністрацыі. Аб'ектам для абодвух улад

з’яўляўся грамадска-палітычных рух, але перыядычнасць прадстаўлення і абшар дзейнасці ў іх былі рознымі. Ваявода складаў справаздачы па рэгіёну за тыдзень і месяц, а ваенныя ў межах сваёй акругі і як правіла квартальныя, або за паўгода (у залежнасці ад палітычнай напружанасці).

Пры выкарыстанне гэтага тыпу крыніц трэба мець на ўвазе, што ваявода стаяў на чале ўрадавага грамадска-палітычнага руху ў рэгіёне, што замацавана юрыдычна ў распараджэнні прэзідэнта Р П Польшчы аб арганізацыі і абшары дзейнасці ўлад агульнай адміністрацыі і нёс асабістую адказнасць за яго развіццё [6]. Такім чынам, ён — асоба зацікаўленая каб гэтыя справаздачы выглядалі як мага лепш. Рыхтаваў іх на падставе рапартаў паліцэйскіх органаў, інфармацыі старастаў, ад грамадскіх арганізацыі і г. д.

Застаецца надзея, што своеасаблівым спосабам праверкі інфармацыі ў такіх умовах могуць стаць справаздачы ваенных улад, якія не заўсёды супадаюць з інфармацыяй, якую падаваў ваявода. Яны больш аналітычныя, крытычныя і заўсёды выклікаюць найбольшую цікаўнасць даследчыкаў. І сапраўды неяк карэкціруюць дадзеныя ваявод, але да пэўнага ўзроўню.

Фрагментарнасць, дазіраванасць інфармацыі, што, з аднаго боку, акрэсліваецца і самім фармулярам справаздачы, з іншага спецыфічным стылем яе падачы. Фактычна і ваявода і ваенныя выконваюць сваю ролю: адны апісваюць арганізацыйную дзейнасць, выбарчую акцыю, другія – даюць ім ацэнку, улічваючы і правяраючы дакладнасць інфармацыі, але працуюць зыходзячы з адных мэтаў, прынцыпаў, на жаль не акрэсленых прама.

Вызначыць памер, ступень развіцця не толькі ББСУ, але і польскага грамадска-палітычнага руху на іх падставе немагчыма. Сфармуліраваных мэтаў, якія ставіліся перад блокам, ідэалагічных указанняў, установак амаль не аднатоўваецца. Увесь інфармацыйны матэрыял абумоўлівае фактычна высновы і самога даследчыка, які на іх абапіраецца. Яркім прыкладам некрытычнага выкарыстанне гэтых крыніц з’яўляецца шэраг артыкулаў блізкіх па тэме даследавання [7; 8; 9].

Узаемасувязь паміж крыніцамі назіраецца не столькі па іх відах, колькі па суб’екту, які іх выпрацоўваў, таму вельмі важна адлюстроўваюць ад каго зыходзіць інфармацыя. Акрамя гэтага на розных этапах развіцця блока партыйныя крыніцы, ды і адміністрацыйныя адрозніваюцца як па колькасці, так і па свайму ўзроўню. Фактычна магчыма класіфікаваць крыніцы і па храналагічнаму прынцыпу. А мэта даследавання дзейнасці ББСУ на тэрыторыі Заходняй Беларусі дазволіла сканцэнтраваць увагу і на рэгіянальным прынцыпе камплектацыі матэрыялаў. Можна сцвярджаць, што польскія ўлады самі за нас ужо сістэматызавалі гэтыя крыніцы, зрабілі неабходныя высновы ў справаздачах. Але цікава, што сістэматызацыя праведзена пры выкарыстанні амаль усіх яе прынцыпаў [1].

Такім чынам, аналізуючы дзейнасць ББСУ пры апоры на справаздачы адміністрацыі, даследчык павінен улічваць, што аб’ектыўныя дадзеныя ён атрымоўвае не толькі і не столькі аб генезісе і дзейнасці палітычнай групоўцы, колькі аб самім суб’екце, які іх выпрацоўваў, мэтах, якія ён праследуе і метадах, якія пры гэтым выкарыстоўвае, што выключае апісальны стыль.

Акрамя таго, інфармацыйную аддачу ад крыніц магчыма павысіць шляхам вылучэння скрытай інфармацыі са справаздач грамадскай і ваеннай адміністрацыі, бо вядома, што разам з той інфармацыяй, якую суб’ект імкнецца намерана атрымаць, вылучаецца і інфармацыя залішняя, якая зафіксавана міжвольна і таму невідавочная для суб'екта [10, с. 130]. Структурны характар гэтай інфармацыі дазваляе аналізаваць узаемасувязі, уласцівыя даследуемым з’явам і працэсам, на падставе непасрэдна выражаных у крыніцах дадзеных.

Усё гэта абумоўлівае прымяненне ў даследаванні палітычнай групоўкі сістэмнага падыходу, як найбольш эфектыўнага метаду.

1. Ходзін, С.М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне): вучэбны дапаможнік / С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 1999. – 193 с.
2. Chojnowski, A. Piłsudczycy u władzy. Dzieje BBWR / A. Chojnowski. – Wrocław-Warszawa [et al.]: Wyd-wo Ossolineum, 1986. – 294 s.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 2475.
4. Szymanowski, G. Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927–1939 / G. Szymanowski. – Toruń: Wyd-wo A. Marszałek, 1998. – 312 s.
5. Świtalski, K. Diarusz 1919–1935 r. / K. Świtalski. – Warszawa: Czytelnik, 1992. – 840 s.
6. Rozporządzenie prezydenta Rzeczypospolitej z 19 stycznia 1928 r. o organizacji w zakresie władz administracji ogólnej, poz. 86 // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – № 11.
7. Kabot, T. Z działalności BBWR w województwie Poleskim w latach 1928–1935 // Res historica. – 1999. – Z. 8. – S. 71–81.
8. Cichoracki, P. Wybory 1935 r. w okręgu nr. 55 (Pińsk, Łuniniec, Stolin) // Гістарычная брама. – № 1 (25). – 2010. – С. 31–39.
9. Ким, И. Парламентские выборы 1935 г. в Полесском воеводстве / И. Ким // Гістарычная брама. – № 1 (24). – 2009. – С. 42–51.
10. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 451 с.

Субоцін А.А.

КРЫНІЦЫ ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ ШТОДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ СТАХАНАЎЦАЎ БССР (1935–1941 гг.)

У працэсе разгортвання стаханаўскага руху назіраюцца карэнныя змены ў матэрыяльным становішчы працоўных, узнікаюць новыя стымулы да ўдасканалення працы, а яго ўдзельнікі вылучаюцца ў асобную сацыяльную катэгорыю, якая становіцца новым эталонам людзей працы. Адзначаныя абставіны патрабуюць больш глыбокага аналізу сацыяльных наступстваў разгортвання стаханаўскіх кампаній. Для асвятлення спецыфікі штодзённасці ўдзельнікаў стаханаўскага руху ў якасці сацыяльнай праблемы важным будзе прыцягненне як вядомых друкаваных крыніц, так і не выкарыстаных раней архіўных матэрыялаў, што дазволяць выявіць асаблівасці матэрыяльных ўмоў жыцця перадавікоў, формы арганізацыі іх вольнага часу, стратэгіі паводзін у задавальненні побытавых патрэбаў і асаблівасці ўспрымання свайго штодзённага акружэння. Мэта даклада: выяўленне асаблівасцяў выкарыстання крыніцавай базы для вывучэння штодзённага жыцця стаханаўцаў БССР у 1935–1941 гг.

Для даследавання штодзённага жыцця стаханаўцаў можа быць выкарыстаны комплекс дакументальных, апавядальных і выяўленчых крыніц, якія раскрываюць сацыяльныя характарыстыкі стаханаўцаў БССР, даюць інфармацыю пра асаблівасці іх матэрыяльна-бытавога і культурнага становішча.

Сярод дакументальных крыніц у першую чаргу варта выкарыстаць пастановы вышэйшых партыйных, дзяржаўных, прафсаюзных органаў СССР і БССР, апублікаваныя ў зборніках дакументаў і матэрыялаў [2, 3, 6]. Гэтыя дакументальныя крыніцы датычыліся розных аспектаў развіцця народнай гаспадаркі, арганізацыі мерапрыемстваў па разгортванні стаханаўскага руху ў галінах эканомікі, дзе асобнымі пунктамі вылучаліся задачы па паляпшэнню бытавых умоў удзельнікаў руху, матэрыяльнай падтрымцы жанчын-стаханавак. Асноўная ж канцэпцыя зменаў матэрыяльнага становішча насельніцтва СССР па выніках разгортвання стаханаўскага руху і роля гэтай формы сацыялістычнага спаборніцтва ў пабудове сацыялізму была вызначана ў стэнаграме выступленняў І. Сталіна на І Усесаюзнай нарадзе стаханаўцаў у Маскве 14–17 лістапада 1935 г. [4].

Для даследавання вялікае значэнне мае шэраг неапублікаваных дакументальных крыніц, што захоўваюцца ў архівах Беларусі рэспубліканскага, абласнога і занальнага ўзроўню: фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці (ДАВВ), Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці (ДАМВ), Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку (ЗДА у г. Полацку) і іншыя. У пераліку архіўных крыніц значная колькасць інфармацыі па тэме штодзённасці стаханаўцаў знаходзіцца ў дакументах партыйных органаў, найперш, справаздачных: дакладных запісках аддзелаў ЦК КП(б)Б, мясцовых партыйных арганізацый, кіраўнікоў прадпрыемстваў па пытаннях разгортвання руху. У іх змяшчаюцца падрабязныя звесткі аб заработнай плаце ўдзельнікаў стаханаўскага руху на асобных гаспадарчых адзінках, асаблівасцях увядзення прагрэсіўна-здзельнай аплаты працы, аказанні грашовай дапамогі стаханаўцам і выплаце прэмій. Асобнае месца ў партыйных дакументах займае інфармацыя пра матэрыяльнае становішча стаханаўцаў сельскай гаспадаркі, а менавіта пра ўзровень забяспечанасці іх прадуктамі харчавання і рэчамі штодзённага ўжытку.

Каштоўнай крыніцай з'яўляюцца зводкі органаў Народнага камісарыята ўнутраных спраў БССР. У іх змяшчаюцца факты недахопаў, якія назіраліся на асобных прадпрыемствах пры ажыццяўленні матэрыяльнага забеспячэння стаханаўцаў. Акрамя гэтага зводкі адлюстроўваюць характар узаемаадносін у калектывах паміж стаханаўцамі і астатнімі працоўнымі, адмоўнае стаўленне некаторых рабочых і калгаснікаў да лепшага матэрыяльнага становішча стаханаўцаў.

Вялікае значэнне для вывучэння стаханаўскага руху, матэрыяльна-бытавога забеспячэння яго ўдзельнікаў, правядзення культурнай працы з імі маюць дакументальныя крыніцы прафсаюзных арганізацый. Грунтоўныя звесткі, напрыклад, змяшчаюць у сабе дакументы Беларускага рэспубліканскага савета прафесійных саюзаў (НАРБ, фонд 265), Цэнтральнага праўлення прафесійнага саюза рабочых тарфяной прамысловасці БССР (НАРБ, фонд 277), Цэнтральнага праўлення прафесійнага саюза рабочых гарбарнай прамысловасці БССР (НАРБ, фонд 283), Беларускага рэспубліканскага камітэта саюза рабочых малочна-мясных саўгасаў (НАРБ, фонд 297), Мінскага абласнога камітэта прафесійных саюза рабочых МТС (ДАМВ, фонд 493), Віцебскага гарадскога савета прафесійных саюзаў (ДАВВ, фонд 1021) і іншыя.

У адзначаных архіўных фондах змяшчаецца бягучая перапіска паміж цэнтральнымі прафсаюзнымі органамі і прафсаюзнымі камітэтамі прадпрыемстваў, дзе адлюстраваны пытанні бытавога і культурна-масавага абслугоўвання стаханаўцаў і іх сем'яў, у прыватнасці багаты матэрыял па арганізацыі курортнага адпачынку перадавікоў. Вялікі пласт дакументаў прафсаюзных арганізацый займаюць справаздачныя матэрыялы, якія ўключаюць у сябе звесткі пра правядзенне мерапрыемстваў стаханаўскага руху, дакладныя запіскі пра стан руху па асобных прадпрыемствах і раёнах (у іх знаходзіцца інфармацыя, якая датычыцца ўзроўню заработнай платы стаханаўцаў, крыніц фарміравання бюджэту іх сем'яў, харчовага і жыллёвага забеспячэння перадавікоў, іх медыцынскага, культурнага абслугоўвання, цікавымі з'яўляецца вынікі апытанняў стаханаўцаў, па якіх можна прасачыць узровень матэрыяльнага становішча перадавікоў і характар іх побытавых патрэбаў). Важнай крыніцай у справаздачнай дакументацыі з'яўляюцца спісы стаханаўцаў па асобных гаспадарчых адзінках, рэгіёнах і БССР у цэлым, дзе ўказаны ўзрост, працоўны стаж, сацыяльнае паходжанне, а таксама адзначаны матэрыяльныя і маральныя ўзнагароды перадавікоў за працоўныя рэкорды. Інфармацыю пра сістэму аплаты працы стаханаўцаў і іх колькасны склад утрымліваць у сабе статыстычныя дадзеныя прафсаюзных арганізацый.

Сярод архіўных крыніц трэба вылучыць дакументы асобных прадпрыемстваў. Напрыклад, фонд Віцебскага шчацінна-шчотачнага камбіната (ДАВВ, фонд 96) утрымлівае улікова-кантрольную дакументацыю, прадстаўленную ў выглядзе індывідуальных картак стаханаўцаў з іх біяграфічнымі звесткамі, характарыстыкамі працоўнай і грамадскай дзейнасці, узроўнем заработнай платы.

Другую вялікую групу крыніц складаюць апавядальныя. Сярод іх важнае значэнне для даследавання штодзённасці маюць папулярныя брашуры, выдадзеныя ў другой палове 1930-х гг. [1, 5, 7–11], у якіх змяшчаюцца аўтабіяграфіі стаханаўцаў і іх расказы пра здзяйсненні сваіх працоўных рэкордаў, пра матэрыяльны стан. Нягледзячы на тое, што брашуры былі надрукаваныя з агітацыйнымі мэтамі для стварэння ідэальнага вобразу стаханаўцаў у грамадстве і ўтрымліваюць у сабе шмат савецкіх моўных штампаў, гэтыя крыніцы паказваюць на тое, як паляпшаліся ўмовы жыцця стаханаўцаў, і якую палітыку праводзіла дзяржава для павышэння іх культурнага ўзроўню.

Каштоўнай групай крыніц, якая сумяшчае рысы як апавядальнага, так і дакументальнага тыпу, з'яўляецца перыядычны друк. Пры правядзенні даследавання штодзённага жыцця стаханаўцаў вялікае месца займаюць матэрыялы рэспубліканскіх газет "Звязда", "Рабочий" і "Советская Белоруссия". Публікацыі ў пералічаных выданнях дазваляюць значна дапоўніць дакументальныя звесткі пра разгортванне стаханаўскага руху і становішча стаханаўцаў. У прыватнасці ў газетах быў надрукаваны шэраг пастаноў дзяржаўных і прафсаюзных органаў, што датычыліся паляпшэння матэрыяльных умоў жыцця стаханаўцаў і ўзнагарод за выдатную працу. Багаты матэрыял змяшчаюць у сабе артыкулы карэспандэнтаў газет: тут вызначаецца пэўная інфармацыя па харчоваму і жыллёваму забеспячэнню стаханаўцаў, арганізацыі іх адпачынку і вольнага часу, мерапрыемствах, звязаных з ўзбагачэннем ведаў перадавікоў. У прыватнасці шмат матэрыялаў у газетных публікацыях можна знайсці пра дзейнасць Універсітэта выхаднога дня для стаханаўцаў Мінска.

Важнае месца сярод газетных публікацый займаюць эпісталярныя матэрыялы – гэта індывідуальныя і калектыўныя лісты стаханаўцаў у рэдакцыі газет, у якіх пераважна змяшчаліся скаргі на недахопы працы мясцовых кіраўнікоў пры арганізацыі харчавання, адпачынку, забеспячэння жыллём, таварамі першай неабходнасці, а таксама прыводзіліся прапановы па лепшаму правядзенню вольнага часу. Хаця адзначаныя лісты былі строга адрэдагаваныя, яны змяшчаюць у сабе каштоўную інфармацыю пра асаблівасці ажыццяўлення дзяржаўнай палітыкі, накіраванай на матэрыяльную падтрымку стаханаўцаў і вызначаюць праблемы, якія ўзнікалі пры гэтым. Акрамя таго па адзначаных лістах можна вылучыць спецыфіку ўсведамлення "знатнымі людзьмі" свайго месца ў грамадстве і іх матэрыяльныя патрэбы.

Рэспубліканскія газеты таксама змяшчаюць у сабе шэраг выяўленчых матэрыялаў, прадстаўленых фотаздымкамі, якія адлюстроўваюць розныя бакі побыту стаханаўцаў прамысловасці і сельскай гаспадаркі. Безумоўна, што гэта былі ў большасці сваёй пастановачныя фота, што мелі агітацыйных характар, але, нягледзячы на гэта, яны даюць магчымасць вызначыць высокі статус стаханаўцаў у грамадстве і паказаць, як іх штодзённасць звязвалася з паказнымі бакамі тагачаснага грамадскага жыцця.

Такім чынам, для вывучэння штодзённага жыцця стаханаўцаў БССР можа быць выкарыстаны шэраг разнастайных крыніц: пастановы вышэйшых дзяржаўных і гаспадарчых органаў БССР і СССР, што датычыліся арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва, і дзе вызначаліся задачы па паляпшэнню матэрыяльнага становішча ўдзельнікаў стаханаўскага руху; справаводчыя дакументы партыйных і прафсаюзных арганізацый, у якіх знаходзіцца багаты матэрыял па заработнай плаце, харчоваму,

медыцынскаму і жыллёваму забеспячэнню стаханаўцаў, мерапрыемствах па арганізацыі іх вольнага часу; папулярныя брашуры аб стаханаўцах розных галін і прадпрыемстваў БССР з іх кароткімі аповядамі пра свой жыццёвы і працоўны шлях; публікацыі рэспубліканскіх газет, што даюць дадатковую інфармацыю пра розныя бакі штодзённасці стаханаўцаў, змяшчаюць лісты, фотаздымкі з побыту перадавікоў.

1. За стахановскую работу на стройках. – Мн.: Государственное издательство Белоруссии, 1936. – 84 с.
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. / Ин-т истории при ЦК КПБ. – Мн.: Беларусь, 1983–1987. – Т. 3: 1933–1945 / под ред. Г. Г. Барташевича и др. – 1985. – 551 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – М: Политиздат,1983 – 1990. – Т.6. – 1985. – 431 с.
4. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографических отчёт. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 397 с.
5. Радасная праца, радаснае жыццё. – Мн.: Дзяржнаўнае выдавецтва Беларусі, 1936. – 64 с.
6. Развитие социалистического соревнования в Белорусской ССР (1919–1941 гг.): документы и материалы / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР и др.; [Составитель Васильева Р.С. и др.]. – Мн: Беларусь, 1980. – 272 с.
7. Стаханаўкі льнаводства БССР. – Мн.: Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1936. – 35 с.
8. Стаханаўская змена на скурзаводзе “Бальшавік”. – Мн.: Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1936. – 64 с.
9. Стаханаўскім шляхам. – Мн.: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1936. – 64 с.
10. Стаханаўцы “Камунаркі”. – Мн.: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1936. – 64 с.
11. У калоне перадавікоў. – Мн.: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1936. – 64 с.

Кузнецова Т.И.

„ES VIŅU PAZĪSTU: LATVIEŠU BIOGRĀFISKĀ VĀRDNĪCA” (1939): ОПЫТ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКА

В основе данной работы лежит ряд не блещущих новизной, но для автора важных положений, которые определяют методы анализа исторических источников и, прежде всего, вербально-письменных. Во-первых, исторический источник – это любой текст, понимаемый как различного характера внешнее выражение человека, которое в силу этого является актом и результатом коммуникации. Поэтому текст можно определить как узел разнохарактерных и разноуровневых социальных связей. Во-вторых, текст является целостностным и качественно определенным. В-третьих, природа текста двойственна: он и творение, исторически, социально и индивидуально обусловленное в своем «рождении», и творец, обладающий социальным созидательно-разрушительным потенциалом. В-четвертых, ядром текста (в обоих его ипостасях) является воплощенная в нем, в его разного уровня структурных компонентах определенная картина мира, причем как отражающая наличные представления людей о себе и о мире, так и формирующая их. И в-пятых, любого характера текст есть составная часть социальной реальности – «физической», и эмоционально-ментальной, являющейся предметом исторической науки. И сама реальность предстает системой разнородных текстов, анализируя которые историк пытается увидеть, понять и в конечном итоге реконструировать социальное целое.

Для Латвии конца 30-х годов XX века особой значительностью обладал такой текст как биографический словарь «Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca/ Я его знаю: Латышский биографический словарь», изданный в 1939 году. Редактором этой книги стал человек достаточно молодой (родился в 1902 году), закончивший классическую гимназию в Елгаве, учительские курсы, изучавший в Латвийском университете теологию и юриспруденцию и рано начавший активную жизнь публициста: с 1923 по 1975 год он был членом редакции и редактором многих газет и журналов, опубликовав более 1000 газетно-

журнальных статей и написав 12 книг, – к 1979 же году заведовавший 10. Рижской городской библиотекой [1, с. 504] – Жанис Унамс. По его свидетельству, работа над составлением биографического словаря была начата в январе 1939 года и закончена в ноябре того же года. Сия книга уникальна как своей типичностью, так и экстраординарностью. Она типична, поскольку вписывается в известный ряд биографических изданий, дающих синхронический срез общества. Но одновременно и исключительна как по актуализации в ней структуры исторического календаря, ежедневно публикуемого на страницах газеты «Brīvā Zeme»/«Свободная Земля» [см.: 4], так и по придаваемому ей с самого начала статусу. Вдохновителем подготовки и публикации данного издания, а также автором его названия был Карлис Улманис – глава правительства и президент страны. Книга вышла для масштаба Латвии немалым тиражом в 6500 экземпляров и разошлась, по словам Ж. Унамса, за пять месяцев [1, с. 3]. Тотчас же приступили к разработке второго дополненного издания, в которое предполагалось включить уже около 8000 биографий. Оно должно было увидеть свет в ноябре 1940 года. При этом имело место намерение каждые 2 – 3 года переиздавать с дополнениями данный биографический словарь. Подобные замыслы указывают на статус действенного идеологического средства консолидации общества, его стабилизации, в чем оно весьма нуждалось в 1939 году. Это был год, когда, как отметил К. Улманис в своем обращении к народу 12 октября (причем опубликована было речь К. Улманиса как на латышском, так и на русском языках), «события на полях войны и в кабинетах государственных мужей происходят с невиданной прежде, невероятной стремительностью» [1, с. 1], когда уже начался отъезд балтийских немцев в Германию и об этом же стала думать часть латышей [1, с. 7], когда среди них в связи с заключением договора о взаимопомощи с Советским Союзом на фоне эмиграции немцев возникли панические настроения [1, с. 7]. Об идеологической, социально-созидательной значимости этой книги говорит и факт её переиздания в 1975 году в Мюнхене под редакцией того же Ж. Унамса.

Итак, какая модель осмысления и переживания общества формировалась биографическим словарем „Es viņu pazīstu”, обеспечивая его идеологическую функцию? Первостепенное значение в её выявлении имеют такие параметры текста как название книги и соотнесенный с ним отбор материала.

Название исследуемого текста – «Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca/ Я его знаю: Латышский биографический словарь» – указывает, во-первых, на людскую общность, скрепленную энергией личных отношений («я его знаю») и потому эмоционально окрашенную, причем подчеркивается активность, инициатива, исходящие от индивидуального я; во-вторых, на бытие в настоящем, поскольку личное местоимение «я» обнажает «вот-здешность» [5, с. 468]; в третьих, на этническую гомогенность социума. Однако содержание книги, отбор информации и характер её подачи не вполне соответствует задаваемым контурам образа латышского общества. Так, данная книга демонстрирует диахронический срез общества, включая в свой состав лиц как живших в IX веке, так и родившихся в веке XX. Например, с одной стороны, упоминается Локерс, бывший в конце IX в. правителем куршей и, по сведениям Саксона Грамматика, разбивший датчан, пленивший их вождя Хавдинга и даровавший ему после исцеления свободу [1, с. 317]. С другой же стороны, в биографическом справочнике находим данные о весьма молодом человеке – конькобежце Альфонсе Берзиньше, появившемся на свет в 1916 году [1, с. 68]. Подобный подбор персонажей утверждал укорененность латышей в мире, создавал временную перспективу, обнаруживал глубину настоящего и тем самым внушал представление о настоящем моменте как достигнутой цели на долгом пути. О

правомерности такого вывода свидетельствуют устойчивые обороты встречающиеся в характеристике лиц: «борец за права крестьян»[*], «участник борьбы за свободу»[†], «пал смертью героя»[‡] или «пал смертью мученика»[§]. Более того подобные лексические формулы, отмечающие акт жертво-приношения/самопожертвования, придают настоящему состоянию латышского общества оттенок сакральности и обещания экзистенциальной вечности.

Парадигмально такое видение человеческого мира связано с новозаветной концепцией истории. Однако очевидно существенное отклонение от неё: новозаветно-христианское представление об истории, признавая в ней цель, отрицает достижимость её сейчас и здесь и тем самым исключает абсолютизацию какого-либо земного сообщества, манифестирует её (цели) долженствование и одновременно принципиальную неизвестность сроков её исполнения. И, таким образом, наличный мир всегда предстает в состоянии становления [см., например, 3, с. 98].

Диахроничность содержания анализируемой книги состоит и в значительном удельном весе имен лиц, к 1939 году уже ушедших в мир иной: таковых 777 (из общего числа 6336), причем весома доля тех, кто жил и умер до 1900 года (280 из 777), т. е. тех, кто принадлежал к иным поколениям, не могущим встретиться во времена Первой Латвийской республики. Сочетание живых и мертвых в пространстве одной книги вкупе с принципиальной незавершенностью её (уже в первое издание в связи с уехавшими из страны немцами были внесены изменения) формировало представление об обществе как растущем органическом целом. Быть может, потому так существенен генеалогический момент в структуре сведений о включенных в биографический словарь людях, которй заставлял сообщать данные (имена, род занятий) об отцах, матерях, мужьях, женах, братьях.

Для этого «организма» важны все его члены, независимо от возраста (возрастной перепад составляет от 90 до 20 лет) и социальной значимости лица. Таким образом вырисовывается путь долгой напряженной борьбы, приведший к органическому единству, основание коего – этноцентризм, проявлявшийся двояко. По отношению к настоящему он сказался в тщательной фиксации (со всеми перемещениями на протяжении жизни) разного уровня должностных позиций, занимаемых латышами, и акцентированием их плодотворной деятельности в области науки, искусства и литературы. По отношению же к прошлому этноцентризм выразился в том, что большинство прежде живших на территории Латвии представителей инонациональных групп (особенно немцы) упомянуты в связи с их заслугами перед латышами или просто положительным отношением к последним.[**] При этом заданный названием рассматриваемого текста и очевидный в характере описания лиц этноцентризм сочетался с полиэтничностью состава этих лиц. Так, в книге упоминаются 129 немцев, 68 русских, 12 поляков, 8 литовцев, 8 евреев, а также датчане, голландцы, англичане, белорусы, венгр, «размещение» которых во времени различно. Заметны насыщенность прошлого немцами и необремененность его

---

[*] См., например: «Дзирна Тенис, 1735 – 1808, сельский хозяин, борец за права латышских крестьян» [1, с. 148].

[†] Например: «Бекерис Паулс, сельский хозяин, старейшина Баускской волости, родился в 1901 году, участвовал в борьбу за свободу Латвии 1, с. 61].

[‡] Например: «Эмберс Арнолдс, 1901 – 1920, солдат Резекненского полка, пал смертью героя у Мечан на Латгальском фронте» [1, с. 156].

[§] Например: «Фихтенбергс Карлис, 1886 – 1919, лейтенант, герой борьбы за свободу Латвии, пал смерть мученика» [1, с. 164].

[**] Например: «Бруинингс Карлис, 1782 – 1848, прибалтийский немец, хозяйственник, доброжелатель латышей» [1, с. 100].

присутствием других, что вкупе с подчеркиванием благих деяний немцев для латышей подводило к мысли о будущем скорее с немцами, чем с кем-либо другим, ибо залог тому – весьма гармоничное прошлое.

Кроме того, выявленный отбор материала и характер его подачи, во-первых, должен был снять определенное напряжение в отношениях с немцами в 1939 году, а во-вторых, открывали возможность расширительной интерпретации этнонима «латыш», который на фоне достаточно частого упоминания представителей инонациональных общностей становился обозначением гражданина Латвии.

Содержание книги не вполне отвечало заявленному в её названии принципу этнической гомогенности ещё и в том плане, что в ней значителен удельный вес имен иностранцев – подданных других стран, которые то благоволили латышам, Латвии (таких лиц 27), то были почётными консулами Латвии (таковых фигур 60). Подобным образом утверждалось присутствие Латвии в мировом, главным образом западном пространстве.

Итак, проведенный анализ книги «Es viņu pazīstu» позволяет определить предлагаемую ею модель осмысления и переживания социума как эмоционально-чувственную, для которой характерны следующие представления:

1) мы укоренены во времени и потому являемся историческим народом;

2) мы есть растущее органическое целое, состоящее из множества членов, заметных и почти неизвестных, но необходимых для существования целого;

3) мы находимся в западном, европейском пространстве.

Такая система представлений вела к определенной абсолютизации наличного состояния общества, вербальным воплощением которого и стала данная книга.

1. Es viņu pazīstu : Latviešu biogrāfiskā vārdnīca / Žanis Unāms. – [B. v.]: Raven Printing, 1975.
2. Uguns šķīsta zeltu, grūtības – cilvēku: Valsts Prezidenta K. Ulmaņa Vēstījums tautai 12. oktobrī 1979. g. – [B. v.]: Rota, [b. g.] – 1.–9. lpp.
3. Аверинцев, С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. Аверинцев. – Москва: Coda, 1997. – 343 с.
4. Кузнецова, Т. История на страницах «Brīvā Zeme» (1929): некоторые особенности подачи информации в историческом календаре / Т. Кузнецова // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātniskie lasījumi: Vēsture VI (1). – Daugavpils: Saule, 2003. – С. 100–109.
5. Топоров, В.Н. Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова / В.Н. Топоров. – Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического. – Москва: Прогресс; Культура, 1995. – С. 446–475.

Новікаў С.Я.

ФРАНТАВЫЯ БАЯВЫЯ ДЗЕЯННІ НА ВІЦЕБШЧЫНЕ ЛЕТАМ 1941 г. У АЙЧЫННЫХ І ЗАМЕЖНЫХ ДАКУМЕНТАХ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ

З мэтай стварэння комплекснай карціны баявых дзеянняў у ходзе двух танкавых контрудараў, праведзеных камандаваннем Заходняга фронту на лепельскім напрамку ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны, неабходна пачаць з Дырэктывы № 16 ад 4 ліпеня 1941 г. [1, с. 340]. У ёй новае камандаванне на чале з Маршалам С.К. Цімашэнка вызначыла мэты і ставіла задачы для вайсковых часцей фронту, у тым ліку для 5-га і 7-га мехкарпусоў 20-й арміі: ліквідаваць лепельскую групоўку праціўніка, якая наступала з раёна Лепеля, Полацка ў напрамку Віцебска. Для гэтага ў штабе арміі пад камандаваннем генерал-лейтэнанта П.А. Курачкіна быў распрацаваны план аперацыі, адпаведна якому: 7-му МК была загадана наступаць з раёна Віцебска ў напрамку Бешанковічы – Лепель; у далейшым нанесці ўдар па флангу і ў тыл полацкай групоўкі 3-й танкавай групы праціўніка; 5 МК нанесці ўдар ў напрамку Сянно – Лепель з мэтай

далейшага развіцця ўдару на захад, на Глыбокае і Докшыцы. Гэта азначала, што два цалкам самастойных контрудары ў напрамку Лепеля адначасова павінны былі правесці 5-ы і 7-ы МК, якія наносілі танкавыя ўдары па збежных напрамках на Лепель. У загадзе камандарма 20-й арміі ў якасці тэрміну пераходу ў контрнаступленне была вызначана дата 5 ліпеня 1941 года, 6 гадзін раніцы [1, с. 340].

Наступным крокам бачыцца выяўленне фактычнай укамплектаванасці танкамі савецкіх мехкарпусоў на момант пачатку нанясення котрудараў. З айчынных архіўных дакументаў* вынікаюць наступныя даныя: у 13-й і 17-й танкавых дывізіях (ТД) 5-га МК па стану на 7 ліпеня 1941 г. было 838 танкаў, тады як у 7-м МК (у 14-й і 18-й ТД) іх было толькі 507 баявых адзінак [1, с. 334, 347]. Адразу ж звернем увагу на неабходнасць карэляцыі даных, якія выкарыстоўваюцца ў айчынных даследаваннях, з аднаго боку, а з другога – прыведзеных паводле журнала баявых дзеянняў 5-га МК. У апошнім вялося штодзённае апісанне ходу баёў 13-й, 17-й танкавых і 109-й мотастралковай дывізій і прыводзілася ацэнка вынікаў "Лепельскай аперацыі з 6 па 11 ліпеня 1941 г.": корпус прыбыў на фронт па штатах мірнага часу. На 5 ліпеня ў танкавых дывізіях укамплектаванасць выглядала наступным чынам: па 2 батальёны танкаў БТ-7 (усяго 100 машын); па адным батальёне танкаў Т-26 (усяго па 31 машыне) і адным батальёне танкаў ХТ-26 (усяго па 31 танку). Як бачна, сярод названых лічбаў табліцы і фактаў дакумента найбольшая ступень карэляцыі назіраецца толькі ў апошнім выпадку. Узнікае пытанне, наколькі ўліковы штат танкавага парку быў задзейнічаны ў баявых дзеяннях у час Лепельскай аперацыі. У танкавым палку мотастралковай дывізіі па штату знаходзілася 158 танкаў, з якіх на фронт прыбылі толькі 70 танкаў, астатнія 88 танкаў да раёна выгрузкі на ўчастку Смаленск – Орша не дайшлі. Пры гэтым жа згадваецца, што ўсяго корпус быў укамплектаваны 802 танкамі [2, арк. 102].

З дакументаў бачна, што на пачатак нанясення контрудараў двумя механізаванымі карпусамі агульная колькасць баявых машын складала 1345 танкаў розных тыпаў, у тым ліку 96 танкаў КВ і Т-34. Таксама неабходна мець на ўвазе 153 бронеаўтамабілі, якія знаходзіліся на ўзбраенні 5-га механізаванага корпуса, і 70 танкаў, якія прыбылі разам з мотастралковым палком у раён Оршы. Дакументы сведчаць, што з баявых машын новых тыпаў большасць знаходзілася ў 7-м механізаваным корпусе, дакладна ў 14-й танкавай дывізіі, у якой на тэрыторыі Беларусі ваяваў сын Сталіна Я.І. Джугашвілі.

Аб колькасці танкаў з нямецкага боку існуюць частковыя звесткі. Паводле выяўленых на цяперашні час дакументаў можна ўбачыць наступную карціну укамплектаванасці танкамі 7-й і 12-й нямецкіх ТД у пачатку ліпеня 1941 г. Па стану на 1.7.41 г. на ўліку у іх знаходзілася 342 танкі, з якіх 71 Pz.II, 219 LT v. 38, 17 Pz. III і 35 Pz. IV [3, Bl. 13]. З параўнання прыведзеных у айчынных і нямецкіх дакументах лічбавых даных вынікае наступны вывад: танкавы парк 5-га і 7-га савецкіх МК значна пераўзыходзіў колькасць машын нямецкага баявога парку. Дакументальныя звесткі паказваюць суадносіны баявой тэхнікі з савецкага і нямецкага бакоў. Як пісаў пра гэта былы начальнік штаба 5 МК палкоўнік В.В. Буткоў [4, с. 63] па танках удзельнікі контрудару на лепельскі напрамку пераўзыходзілі нямецкі бок ў 3–4 разы. Апрача таго, неабходна мець на ўвазе фактар адначасовага ўдзелу баявых машын у танкавым баі на адной баявой прасторы. З дзённікаў баявых дзеянняў савецкіх танкавых дывізій вынікае, што баі ў асноўным вяліся з удзелам палкоў, але не дывізій, не кажучы пра адначасовы ўдзел танкаў усяго корпуса ў баях пад Сянно і Лепелем.

---

* Аўтар выказвае падзяку маскоўскаму ваеннаму гісторыку кандыдату гістарычных навук У.В. Фядзюніну за інфармацыйную падтрымку.

Аналіз як айчынных, так і замежных дакументальных крыніц дазваляе выявіць тыя аспекты баявых дзеянняў, якія раней заставаліся па-за ўвагай даследчыкаў. Звернем увагу на "Баявое данясенне № 8" ад 8 ліпеня 1941 г., у якім камандуючы 20-й арміяй даносіў аб выніках баявых дзеянняў 5-га і 7-га механізаваных карпусоў у першыя тры дні з моманту пачатку Лепельскай аперацыі [5, с. 325–326]. Ён дакладаў у Генеральны штаб пра тое, што 5 і 7 МК працягвалі выконваць задачу па знішчэнні лепельскай групоўкі праціўніка, наносячы ўдары ў напрамку Сянно, Лепель. Пры гэтым 7-ы МК пад прыкрыццём 153-й стралковай дывізіі і мотастралковых часцей 18-й танкавай дывізіі, якая займала раён Сянно, у 13 гадзін пачаў перагрупоўку да левага флангу. У той жа час танкі праціўніка пры падтрымцы авіяцыі атакавалі правы фланг 18-й танкавай дывізіі з лясоў на поўнач ад Сянно і перайшлі ў наступленне, заняўшы Новае Сяло (6 км на ўсход ад Сянно). Бой працягваецца. 5-ы МК да 9 гадзін раніцы заняў зыходнае палажэнне ў раёне саўгасу Федэратыўны, Лозы, ст. Клімавічы (10–15 км на поўдзень ад Сянно), маючы насупраць сябе 27-ю мотадывізію праціўніка, якая з артылерыяй абараняецца на рубяжы Вяцера, Дзідава. Адбіўшы а 13-й гадзіне на рубяжы Чырвоны Маяк, Азярышча атаку каля 100 танкаў, падтрыманых авіяцыяй, корпус перайшоў у наступленне, прычым 17-я танкавая дывізія на ўчастку Вялікія і Малыя Ліпавічы (20 км на паўднёвы захад ад Сянно) разграміла 36-ы мотастралковы полк 27-мотадывізіі, знішчыла цяжкую батарэю, пры лёгкія батарэі і пяць супрацьтанкавых гармат. На полі бою праціўнік пакінуў шмат трупаў. Рэшткі праціўніка на машынах адышлі ў напрамку на Чарэю, якія праследуюць часці 17-й танкавай дывізіі. У гэты ж час 13-я танкавая дывізія ў баях на поўдзень ад Сянно разграміла да двух батальёнаў 34-га мотапалка 27-й мотадывізіі. У якасці баявой задачы наступнага дня быў вызначаны працяг наступлення чатырма дывізіямі двух МК у агульным напрамку на Лепель з тым, каб разграміць лепельскую танкавую групоўку праціўніка [5, с. 326].

У адпаведнасці са "Справаздачай аб баявых дзеяннях 13-й танкавай дывізіі 5-га МК", да 9.00 раніцы 8 ліпеня ёй ставілася задача наступаць у напрамку Лукомль і Лепель, знішчыць праціўніка і да зыходу дня авалодаць паўднёвай часткай Лепеля. Выкананне баявой задачы забяспечвалі два танкавых палкі – 25-ы і 26-ы, 13-ы мотастралковы полк, 13-ы артылерыйскі полк. Атака пачалася ў 12.00 без артылерыйскай падрыхтоўкі, паколькі да таго моманту артылерыйскі полк, зенітны дывізіён і батальён цяжкіх танкаў знаходзіліся толькі на падыходзе да раёна зыходных баявых пазіцый. Таму першы дывізіён 13-га артылерыйскага палка заняў пазіцыі і адкрыў агонь толькі а 14-й гадзіне, тады як другі дывізіён дасягнуў раён агнявой падрыхтоўкі толькі ў 17 гадзін, таму фактычна не ўдзельнічаў у баявых дзеяннях. У раёне Навінкі, Толпіна дывізія сутыкнулася з моцна арганізаванай процітанкавай абаронай. Праведзеныя дывізіяй з 16.00 да 20.00 некалькі танкавых атак прывялі да вялікіх страт, але поспеху не прынеслі. Больш таго, на працягу другой паловы дня і да 20 гадзін вечара актыўна дзейнічала нямецкая авіяцыя і ад бесперапыннага ўздзеяння варожых штурмавікоў дывізія панесла значныя страты ў танках. Цяжкія танкі, якія складалі рэзерв дывізіі, былі выкліканы на месца бою, але прыбылі толькі ў 20.00. Таму дзённае наступленне сарвалася. Баявая матэрыяльная частка патрабавала папаўнення і боезапасаў. У дакуменце адзначаецца, што часці дывізіі панеслі вялікія страты: 26-ы танкавы полк страціў 47 танкаў, 25-ы – 27, батальён цяжкіх танкаў – 6 танкаў. На наступны дзень дывізія не вяла баявых дзеянняў, але трапляла пад удары нямецкай бамбардзіровачнай авіяцыі. 10 ліпеня 13-я дывізія апынулася ў нямецкім акружэнні [6, арк. 5–6].

Паводле "Справаздачы аб баявых дзеяннях часцей 17-й танкавай дывізіі з 4.7.41 г. да 19.7.41 г.", галоўнай задачай для дывізіі з'яўляўся захоп Лепеля [7, Арк. 27–32]. На працягу ўсяго дня 7 ліпеня 33-і і 34-ы танкавыя палкі дывізіі праводзілі запраўку

матэрыяльнай часці палівам, але сутыкненняў з праціўнікам не мелі. На раніцу 8 ліпеня праціўнік панёс страты ў раёне Вялікіх Ліпавічаў, дзе ўдалося захваціць 24 гарматы розных калібраў, 3 танкі, 4 трактары і 3 аўтамашыны. Аднак у 18 гадзін дывізія была атакаваная праціўнікам сілаю да 60 танкаў і 600 матацыклістаў, пасля чаго 33-і танкавы полк апынуўся ў акружэнні. Апроч таго, як падкрэсліваецца ў справаздачы, з 18.00 да 21.00 авіяцыя праціўніка бесперапынна наносіла ўдары па падраздзяленнях дывізіі ў раёнах Цэрэбені, Малыя і Вялікія Ліпавічы. Танкі, якія б маглі аказаць дапамогу палку, не маглі выканаць пастаўленую задачу па прычыне таго, што нямецкая авіяцыя літаральна палявала за кожнай савецкай баявой машынай. 34-ы танкавы полк страціў у выніку баёў 8–10 ліпеня 1941 г. 84 адзінкі баявой тэхнікі і 72 чалавекі, у тым ліку 41 чалавек малодшага і старшага начскладу. Так, адсутнасць своечасовых і дакладных даных ад разведкі прывялі да таго, што 8 ліпеня 34-ы танкавы полк загубіў большую частку сваіх танкаў, паколькі яны апынуліся ў балоце і былі знішчаны артылерыйскі агнём праціўніка. У дакуменце таксама адзначаецца, што ў выніку баёў у раёне Сянно, Ліпавічы, Ляды, Софнеўка і Потава праціўніку былі нанесены вялізныя страты: дывізія знішчыла 40 танкаў, 10 бронемашын, 89 грузавых аўтамашын, разграміла два штабы і цэлы шэраг іншых відаў узбраенняў. Асобна зазначым, што паводле справаздачы за перыяд з 7.7.41 г. па 5.8.41 г. часці 17-й танкавай дывізіі правялі толькі 4 (!) танкавыя атакі, і адзін раз былі атакаваны праціўнікам у колькасці 60 танкаў [7, арк. 32].

Зварот да нямецкіх дакументаў дазваляе ўбачыць з процілеглага боку асобныя баявыя падзеі. Звернемся да справаздачы 17-й нямецкай танкавай дывізіі, якая ўдзельнічала ў баях пад Сянно ў ходзе свайго маршу на Коханава. Нагадаем чытачу, што перад баямі пад Сянно дывізія з агульнай колькасці 239 танкаў мела толькі 80 баявых машын, якія складалі рухомы агнявы кулак баявой групы пад камандаваннем палкоўніка Ліхта. З дакумента вынікае, што за часам 6-дзённага (з 5 па 10 ліпеня) баявога рэйду праз Сянно ў напрамку Коханава (паміж Талачынам і Оршай. – С.Н.) на полі бою дывізіяй былі знішчаны звыш 250 танкаў 5-га савецкага танкавага корпуса, з якіх з удзелам баявога атрада дывізіі крыху больш за 100 машын, тады як большая частка пры дапамозе нямецкай авіяцыі [8, Bl. 6]. Значная частка танкавых страт была панесена ў раёне Толпіна, дзе дзейнічаў 39-ты танкавы полк 17-й ТД. У выніку баёў на працягу толькі аднаго дня 8 ліпеня ім былі знішчаны 68 савецкіх танкаў, з якіх 51 танк быў ліквідаваны ў выніку вядзення агню адным процітанкавым батальёнам [8, Bl. 6].

Важным падаецца нам і такі факт вядзення баявых дзеянняў як савецкімі, так і нямецкімі баявымі часцямі. Так, напрыклад, 7 ліпеня ў раёне Дубравы–Гняздзілавічы, дзе паміж Бешанковічамі і Астроўна вяла наступленне 14-й савецкая танкавая дывізія, 7-я мотапяхотная брыгада 7-й нямецкай танкавай дывізіі на працягу аднаго дня знішчыла 103 танкі, у тым ліку 2 танкі КВ і 4 танкі Т-34, тады як самі немцы пры гэтым страцілі 2 танкі, 1 цяжкую процітанкавую і 2 лёгкіх штурмавых гарматы, адну процітанкавую гармату калібрам 5,0 см (50 мм), 2 зенітныя гарматы калібрам 8,8 см (88 мм) і 2 аўтамабілі [9, Bl. 294]. Паводле данясення 39-га нямецкага армейскага корпуса, 7-я дывізія на працягу баёў пад Віцебскам з 6 па 12 ліпеня знішчыла 198 танкаў, 15 гармат, 14 процітанкавых гармат, 608 аўтамабіляў, 4 самалёты і ўзяла ў палон 620 палонных. Большая частка гэтых трафеяў былі ўзяты на паўднёвым захадзе ад Віцебска, каля Сянно і Дубровы. На долю 12-й танкавай дывізіі, якая значна пазней уступіла ў баявыя дзеянні пад Сянно, прыпадае 146 танкаў, большая частка з якіх былі знішчаны ў тым раёне. Усяго 39-м нямецкім армейскім корпусам на Віцебшчыне, у раёне Улы і каля Віцебска, быў знішчаны 371 танк, з якіх абсалютная большасць у ходзе баёў пад Сянно. Трэба мець на ўвазе, што баявыя дзеянні з удзелам 7-га і 5-га Мк працягваліся і пасля завяршэння баёў пад Сянно. Так, напрыклад, 14-я танкавая дывізія 7-га механізаванага корпуса страціла з 13 па 17 ліпеня ў раёне Лёзна яшчэ 89 танкаў [10, Bl. 464–465].

На аснове аналізу дзённікаў баявых дзеянняў 7-й, 12-й, 20-й танкавых і 20-й матарызаванай нямецкіх дывізій 3-й танкавай групы (з пачатку ліпеня 4-й танкавай арміі. – С.Н.), а таксама 17-й танкавай дывізіі 2-й танкавай групы атрымліваецца, што ў ходзе баявых дзеянняў у раёне Дубравы, Бешанковічаў, Сянно, а таксама Улы і Віцебска, а у таксама Лёзна да сярэдзіны ліпеня 1941 г. былі знішчаны 694 савецкія танкі, меншая палова якіх была страчана 13-й і 17-й савецкімі танкавымі дывізіямі 5-га механізаванага корпуса ў раёне Сянно [10, Bl. 464–465].

Страты асабовага складу 7-й і 12-й нямецкіх ТД з 30.6 па 13.7.41 г. склалі 2967 чалавек, з якіх забытымі 759, параненымі – 2108, зніклымі без вестак – 100 афіцэраў, унтэрафіцэраў і радавых [11, Bl. 149]. З нямецкіх дакументаў вынікае, што ў ходзе баявых дзеянняў на Віцебшчыне агульныя страты нямецкіх афіцэраў склалі амаль трэць ад агульных страт, панесеных баявымі часцямі з пачатку баявых дзеянняў на савецкай тэрыторыі. Суадносіны унтэрафіцэраў і радавых, страчаных на Віцебшчыне, у тым ліку ў час баявых дзеянняў пад Сянно і Лепелем, складалі крыху менш за чвэрць ад агульных страт. Паводле дакументаў 5-га савецкага механізаванага корпуса, у выніку баёў з 8 па 11 ліпеня агульныя страты ў жывой сіле з корпусе складалі 646 чалавек, у тым ліку 138 забітымі і 357 прапаўшымі без вестак [12, арк. 111]. Дакладных даных аб фактычных стратах, панесеных 3-й нямецкай танкавай групай у баявой тэхніцы, на гэты момант аўтарам не выяўлена. Вядома толькі тое, што ў 2-й танкавай групе па стану на 7.7.41 г. баяздольнымі ў танкавых парках нямецкіх дывізій лічылася: у 3-й і 18-й танкавых дывізіях баяздольнымі былі 35% машын; у 4-й і 17-й (якая ўдзельнічала ў баях пад Сянно. – С.Н.) – 60%; у 10-й танкавай дывізіі – 80% машын былі баяздольнымі. Фактычна страчанай за гэты час лічылася кожная 10-я машына [13, Bl. 149].

Аб аператыўна-тактычных выніках Лепельскай аперацыі, праведзенай у пачатку ліпеня 1941 г., выказваюцца самыя розныя ацэнкі. У першую чаргу, гэта звязана з беззваротнай стратай значнай колькасці баяздольнага парку савецкіх танкаў. Прычын гэтага было шмат. У тым ліку і такіх, пра якія выказваўся ў час допыту камандзір 14-га гаўбічнага палка 14-й танкавай дывізіі Я.І. Джугашвілі (17 ліпеня ў раёне Лёзна патрапіў у палон на ўчастку наступлення 5-га пяхотнага палка 12-й нямецкай танкавай дывізіі 3-й танкавай групы) [14, Bl. 1–3]. На яго думку, высокай ацэнкі заслугоўвае нямецкая танкавая тэхніка і тактыка яе выкарыстання на полі бою. У адносінах савецкіх танкавых часцей палонны савецкі афіцэр-артылерыст адзначаў, што Чырвоная Армія ўзяла на ўзбраенне вопыт нямецкіх танкавых падраздзяленняў з часоў вайны ў Францыі. Укамплектаванне танкавых часцей і выкарыстанне тактычнага вопыту нямецкіх танкавых баявых падраздзяленняў было цалкам запазычана звонку. Няўдачы з выкарыстаннем савецкіх танкаў звязаны не толькі з недахопам тэхнікі ці ўзбраенняў, колькі з-за няздольнасці камандзіраў і адсутнасці ў іх вопыту вядзення манеўранага бою. Тады як нямецкія танкавыя часці “ходзяць як гадзіннік”.

Прычыны, па якіх камандзірам не стае вопыту, Джугашвілі Я.І. бачыў у становішчы вышэйшага афіцэрскага корпусу Чырвонай Арміі: гэта стала горкай расплатай за знішчэнне вядучага каманднага складу ў ходзе рэпрэсій, праведзеных супраць маршала М.М. Тухачэўскага і іншых камандзіраў. У выніку такіх дзеянняў, як адзначаў на допыце выпускнік маскоўскай школы артылерыйскай падрыхтоўкі савецкіх афіцэраў, на ўзроўні ні брыгады, ні дывізіі, ні корпуса часам не маглі своечасова прыняць правільнага аператыўнага рашэння. На думку афіцэра, пра гэта сведчыць і наступальная аперацыя, праведзеная савецкім камандаваннем пад Віцебскам. Часам штабы цалкам гублялі сувязь са сваімі часцямі і паміж сабой. У такай сітуацыі сярод салдат узнікала паніка, калі без камандзіра самі салдаты не былі здольнымі арганізаваць адэкватнай абароны. У гэтай сітуацыі са зброяй у руках камандзіры і палітычныя камісары стрымлівалі тых, хто пакідаў пазіцыі. Як камандзір гаўбічнай

батарэі сам Джугашвілі адзначаў, што артылерысты вымушаны былі весці агонь па праціўніку без палявых карт [14, Bl. 1–3].

У гэтым плане важнымі нам падаюцца і іншыя факты, без уліку якіх на цяперашні час практычна нельга казаць аб стварэнні суцэльнай панарамы танкавых баталій на Віцебшчыне летам 1941 г. Звернемся да малавядомага архіўнага дакумента, якім з'яўляюцца вынікі інспектавання, па даручэнні камандуючага Заходнім фронтам С.К. Цімашэнкі праведзенага амаль па гарачых слядах членам Ваеннага Савета фронту першым сакратаром ЦК КП(б)Б П.К. Панамарэнкам. Падрыхтаваная ў жніўні месяцы на імя І.В. Сталіна, дакладная запіска ўтрымлівае шмат важных ацэнак, да таго, што адбылося ў ходзе правядзення контрудару на лепельскім напрамку. У дакуменце даецца характарыстыка прычын паражэння Заходняга фронту, звязаных са схільнасцю многіх военачальнікаў і камандзіраў да дзеянняў "лабавымі ўдарамі", "коннай лавай", "навалам", вядомых з арсеналу грамадзянскай вайны. Панамарэнка дае адказ і на пытанне аб тым, да чаго прывяла падобная тактыка ў 7-м механізаваным корпусе, якія меў 526 танкаў, у тым ліку новых канструкцый. Так, "з 9 па 20 ліпеня корпус прайшоў шлях з баямі [ў раёне] Рудня – Лёзна – Бешанковічы і назад у Лёзна. У гэтым рэйдзе корпус страціў усе танкі па прычыне таго, што ў першы дзень корпус распачаў без разведкі лабавую атаку на вузел абароны праціўнікі, у выніку страціў адразу 100 танкаў. Далей, зноў-такі ў выніку адсутнасці разведкі, корпус патрапіў пад перакрыжаваны агонь двух замаскіраваных танкавых калон праціўніка і таксама страціў шмат танкаў. Затым корпус адышоў у балота. Шмат танкаў завязлі, а астатнія былі страчаны па дарогах. Так злачынна быў загублены адзін з моцных карпусоў" [15, с. 42; 18, с. 51–65].

Такім чынам, Лепельская аперацыя, праведзеная па загаду камандавання Заходняга фронту сіламі двух МК у пачатку ліпеня 1941 года, насамрэч вызначалася фактам шырокага выкарыстання танкавых злучэнняў як з савецкага, так і нямецкага бакоў. Аднак называць тыя падзеі танкавай бітвай пад Сянно нельга па прычыне цэлага шэрагу фактаў, якія вынікаюць з навуковага аналізу дакументальнага матэрыялу.

Па-першае, паводле дакументаў аператыўнага аддзела штаба Заходняга фронту баявыя дзеянні 5-га і 7-га механізаваных карпусоў 20-й арміі былі названы "Лепельскай аперацыяй", крайнімі часовымі рамкамі якой з'яўляюцца даты 6–11 ліпеня 1941 года: калі два савецкіх танкавых корпусы пачалі баявыя дзеянні і калі апошнія былі фактычна завершаны для асноўнай часткі падраздзяленняў чатырох танкавых і адной матарызаванай дывізіі. З дакументаў вынікае, што крайняй датай для часцей 5-га механізаванага корпуса стала дата 11 ліпеня 1941 г. [12, арк. 111].

Па-другое, у дакументах нам не ўдалося выявіць факта адначасовага сутыкнення з двух бакоў буйных мас танкаў, агульная колькасць якіх перавышала б нават 300 адзінак, не кажучы пра лічбы ў амаль 3 тыс. баявых машын. Так, напрыклад, у ходзе баёў на лініі Дуброва – Гняздзілавічы з нямецкага боку былі адначасова задзейнічаны толькі 2 батальёны 25-га нямецкага танкавага палка ў складзе менш 100 танкаў, ў той час як з савецкага боку гэта лічба была ўдвая большая. Вывучэнне аператыўных дакументаў танкавых злучэнняў, якія з двух бакоў удзельнічалі ў баях пад Сянно, паказвае баявыя сутыкненні з удзелам аднаго – двух танкавых палкоў агульнай колькасцю ад 150 да 200 баявых адзінак [12, арк. 111].

Па-трэцяе, Лепельская аперацыя з удзелам двух механізаваных корпусаў фактычна распалася на 2 самастойных контрудары, якія, паводле плана, распрацаванага штабам 20-й арміі, наносіліся па розных напрамках, адпаведна: 7-ы МК у складзе 14-й і 18-й танкавых дывізій наступаў з раёна Віцебска на Бешанковічы–Лепель; 5-ы МК у складзе 13-й і 17-й танкавых і 109-й мотастралковай дывізій наносіў удар з раёна Оршы на Сянно–Лепель. Фактычна яны былі праведзены ў такой жа паслядоўнасці, але з

адтэрміноўкай у 2 дні. Канчатковай мэтай контрудараў з'яўляўся выхад у раён Лепеля дзеля нанясення ўдару ў фланг і тыл полацкай групоўцы праціўніка. Паводле аператыўнай зводкі Заходняга фронту ад 5 ліпеня 1941 г., войскі фронту наносілі ўдар па праціўніку маючы толькі адзін агульны напрамак – Лепель [5, с. 276].

Па-чацвёртае, у двух савецкіх танкавых злучэннях страты складалі 3/4 танкавага парку 5-га і 7-га МК. Пра страты асабовага складу сведчыць наступны дакументальны запіс з выніковай справаздачы 5-га МК: пасля завяршэння Лепельскай аперацыі ў корпусе было дастаткова асабовага складу для забеспячэння боегатоўнасці часцей [12, арк. 111].

Па-пятае, сярод галоўных фактараў амаль поўнага разгрому двух механізаваных карпусоў трэба мець на ўвазе іх аб'ектыўны і суб'ектыўны характар паходжання. Даволі дакладную карціну аб прычынах разгрому дае справаздача 13-й танкавай дывізіі, дзе гаворыцца пра тое, што ў ходзе баю ў раёне Толпіна два танкавых і адзін мотастралковы палкі выконвалі загад аб неадкладным уступленні ў бой, але пры гэтым былі вымушаны ўвесці ў бой свае баявыя часці без артылерыйскай падрыхтоўкі, без узаемадзеяння паміж сабой, без належнай разведкі мясцовасці, без выкарыстання пяхоты, і пры ўсім не ў поўным складзе, з парушэннем кіравання і не ў поўнай баявой гатоўнасці [17, арк. 3].

Па-шостае, нягледзячы на тактычныя няўдачы 5-га і 7-га МК, загад аб іх адыходзе з лепельскага напрамку на зыходныя пазіцыі, стаў вынікам не разгрому ў раёне Сянно і Лепеля, а ў сувязі са стратай Заходнім фронтам Віцебска 9 ліпеня 1941 г. Страты ў баявой тэхніцы, панесеныя 2 савецкімі карпусамі ў ходзе Лепельскай аперацыі, былі даволі адчувальнымі, але не сведчылі аб катастрофе [12, арк. 111], якая адбылася ў раёне Беластока–Мінска ў пачатку вайны. У той жа час як маштабныя баявыя дзеянні, прадстаўленыя ў сучаснай айчыннай гістарыяграфіі ў раёне Сянно "адной з буйнейшых танкавых бітваў пачатковага перыяду вайны", засталіся непрыкметнымі для камандуючага групай армій "Цэнтр", які 8 ліпеня знаходзіўся на камандным пункце 3-й танкавай групы ў Лепелі [18, с. 73].

І ў рэшце рэшт, выкарыстанне параўнаўчага метаду для даследавання гісторыі танкавых баталій на Віцебшчыне ў пачатку ліпеня 1941 г. сведчыць пра тое, што толькі на аснове айчынных і замежных дакументальных крыніц магчыма аб'ектыўная рэканструкцыя тых важных гістарычных падзей. Пры інтэрпрэтацыі вынікаў фактычных баявых дзеянняў важна мець на ўвазе наступны дакументальны факт: у 5-м механізаваных корпусе толькі 30% танкаў былі страчаны на полі бою ў ходзе сустрэчных танкавых баёў ці дзейнасці процітанкавай артылерыі праціўніка [12, арк. 112].

Такім чынам, аўтарская спроба навуковай рэканструкцыі баявых дзеянняў на аснове выкарыстання новых дакументальных крыніц пераконвае ў тым, што адной з актуальных задач на цяперашні час нам бачыцца правядзенне беларускімі гісторыкамі спецыяльнага даследавання аб Лепельскай аперацыі ў пачатку ліпеня 1941 года, прычым даследавання, у аснову якога будзе пакладзены прынцып супастаўлення дакументальных крыніц айчыннага і замежнага паходжання, іх крытычнага аналізу з мэтай правядзення аб'ектыўнага вывучэння тых гераічных і трагічных падзей пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі. Таму ўсё больш відавочнай становіцца такая аксіёма: перспектыву будзе мець тое даследаванне, у якім знойдзе месца двухбаковы разгляд баявых дзеянняў, максімальна поўнае прыцягненне дакументальных матэрыялаў, узважанае супастаўлення фактаў з савецкіх і нямецкіх архіўных крыніц, а таксамі іх крытычнага аналізу. Толькі такі падыход дапаможа беларускім гісторыкам даць адказы на пакуль малавядомыя пытанні, якія застаюцца адкрытымі ў гісторыі правядзення 5-м і 7-м механізаванымі карпусамі двух самастойных контрудараў у ходзе Лепельскай аперацыі 1941 г. Вынікае, што на

цяперашні час даследчыкам нельга аслабляць увагі да гэтай важнай гістарычнай праблемы.

1. Исаев, А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А.В. Исаев. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 480 с.
2. Цэнтральны архіў Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі (далей – ЦАМА РФ). Журнал боевых действий 5 МК: Лепельская операция с 6 по 11.7.41 г. – Ф. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80.
3. Федэральны ваенны архіў Германіі (далей – BA-MA). RH 21-3/732: Panzer AOK 3. Ia Nr. 520/42 geheim: Gefechtsberichte Russland 1941/42.
4. Бутков, В.В. Контрудар 5-го механизированного корпуса на лепельском направлении (6–11 июля 1941 года) / В.В. Бутков // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 9. – С. 59–65.
5. Боевое донесение № 8 командующего 20-й армией о результатах боевых действий 5-го и 7-го механизированных корпусов, 8 июля 1941 г. // 1941: т. 2: Документы и материалы к 70-летию Великой Отечественной войны. Выпуск первый в двух томах. Вып. 1 / сост.: Ю.А. Никифоров [и др.]. – СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина», 2011. – 579 с.
6. ЦАМА РФ. Подробное описание первого боя 13-й танковой дивизии в районе Толпино 8.7.41. – Ф. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80.
7. Отчет о действиях частей 17-й танковой дивизии с 4.7.41 по 19.7.41. – ЦАМО РФ. – Ф. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80.
8. BA-MA. RH 24-47/5: Anlage Nr. 248 zum Kriegstagebuch Nr. 2 des XXXXVII. Pz. Korps: Bericht über Marsch und Kampf der 17. Pz. Division von Borissow über Senno nach Kochanovo v. 11.7.41.
9. BA-MA. RH 21-3/433: Abschlußbericht über die Panzerkämpfe am 7.7.41 der 7. Panzer–Division, v. 8.7.41.
10. BA-MA. RH 21-3/433: Generalkommando XXXIX. A.K. Bericht über Gefangene, vernichtetes Gerät und Beute seit Beginn der Kamphandlungen v. 8.8.41.
11. BA-MA. RH 21-3/46: Panzergruppe 3. Gesamtaufstellung der bisher gemeldeten Verluste, Stand vom 13.7.41.
12. ЦАМА РФ. Лепельская операция с 6 по 11.7.41 г. – Ф. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80.
13. BA-MA. RH 21-2/927: Meldung der Pz. Gr. 2 an AOK über einsatzbereite Panzer vom 7.7.41.
14. BA-MA. RH 26-26/7a: Vernehmung des gefangenen russischen Oberleutnant Jacob Josifowitsch Dschugaschwili vom 14. Haub. Art. Regiment.
15. Платонов, Р.П. Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное: По документам Национального архива Республики Беларусь / Р.П. Платонов. – Мн.: БелНИИДАД, 2000. – 209 с.
16. Платонов, Р.П. О причинах поражения войск Западного фронта в первые месяцы войны (По материалам Национального архива Республики Беларусь) / Р.П. Платонов // Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы…: Материалы к заседанию «круглого стола», посвященного 60-летию начала Великой Отечественной войны (июнь 2001 г.) / отв. ред.-сост. Р.П. Платонов, В.В. Федосов. – Мн.: БелНИИДАД, 2000. – С. 51–65.
17. ЦАМА РФ. Отчет о боевых действиях 13-й танковой дивизии 5 МК за период с 4 по 19.7.41. – Ф. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80.
18. Бок Ф. фон. «Я стоял у ворот Москвы» / Ф. фон Бок. – М.: Вече, 2009. – 432 с.

Скурко П.Д.

ДЗЁННІКІ БРАНІСЛАВА ШПАКОЎСКАГА: ШТОДЗЁННАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ МОЛАДЗІ ПАЧ. 1940-х гг.

Дзённікі Браніслава Шпакоўскага (30.11.1921–21.03.1945), жыхара мястэчка Самахвалавічы (Мінскі раён), – унікальная і вельмі каштоўная крыніца па гісторыі 1940–1942 гг. на Беларусі. Малады чалавек падрабязна занатоўваў падзеі асабістага і грамадскага жыцця, дзякуючы чаму можна прасачыць успрыняцце гістарычных падзей іх непасрэднымі ўдзельнікамі і сведкамі (самім Браніславам, яго сям'ёй, сябрамі). Падчас вайны аўтар дзённікаў хаваў іх у коміне ў тайніку, які быў знойдзены ў 1970 г., пасля чаго дзённік быў перададзены сваякамі музею ДУА "Самахвалавіцкая сярэдняя школа", дзе ён і захоўваецца [8, с. 4]. Узгадка пра Б. Шпакоўскага прысутнічае ў кнізе "Памяць" Мінскага раёна, але звесткі, пададзеныя ў ёй, састарэлі [5, с. 452]. Дзённік (і біяграфія яго аўтара) быў часткова апублікаваны ў 2010 г. у газеце "Звязда" В. Мядзведзевай [6; 7], акцэнт у публікацыі быў зроблены на позніх запісах патрыятычнага зместу.

Тры дзённікі: за 1940, 1941, 1942 гг. – з'яўляюцца дакументам, які пралівае святло на перадваенную і ваенную паўсядзённасць беларускага мястэчка. Сам аўтар дзённікаў не перажыў вайну: прыняў рашэнне сыходзіць у партызаны, але не паспеўшы здзейсніць задуманае, быў арыштаваны ў сакавіку 1943 г. як партызанскі сувязны і трапіў у канцлагер "Равенсбрук" у горадзе Барт, дзе памёр ад запалення лёгкіх [8, с. 4]. Дзённік Б. Шпакоўскага ў нейкім сэнсе параўнальны з дзённікамі беларуса з Калінкавічаў Кастуся Ярмілава [4, с. 266–269], а таксама Ганны Франк з Нідэрландаў, Тані Савічавай з Ленінграда – усё гэта непасрэдныя сведчанні "пасіўных" удзельнікаў вайны, не змененыя і не рэдагаваныя пазней. Яны істотна адрозніваюцца ад успамінаў, пакінутых "дзецьмі вайны" ў эміграцыі або ў пасляваеннай БССР. Дзённік Шпакоўскага вылучаецца тым, што закранае не толькі ваенны час, але і папярэдні год.

У першым яго дзённіку прасочваецца паўсядзённасць маладога местачкоўца ў 1940 г., што складалася з вучобы (школа ўспрымалася юнакамі як адпраўная пляцоўка для будучых дасягненняў), грамадскіх спраў (сходаў, рэдагавання школьнай газеты), дапамогі бацькам, адпачынку. Адной з асноўных тэм дзённіка з'яўляюцца міжасабовыя стасункі, адносіны з дзяўчынамі. "О чем может быть больше мыслей у 17–18-летнего юноши! Только это у него и на уме" [1, арк. 10 адв.–11].

Падрабязна апісаныя формы адпачынку моладзі: узімку каталіся на лыжах, у цёплы час ладзілі "бяседы", прагулкі, танцы "в совхозе" ("хотя я, а также некоторые мои товарищи не танцуем, но все же посмотреть на других интересно") [1, арк. 20 адв.]. Моладзь хадзіла ў кіно "в совхоз"; чытала кнігі (асабліва шмат сталі чытаць у пачатку вайны, не маючы іншых заняткаў); слухала радыё ("придя домой со школы, всё время отдаю исключительно для слушанья радио. По целым часам не отхожу от приемника. Забываю иногда, что надо учить уроки… Приходят слушать ко мне радио иногда Костя с Леником"). Чытанне ратавала ад нуды і ў першыя месяцы вайны, аднак карыстацца радыё ўжо не выпадала: "Хотел кое как смастерить радио…, так вышел указ, согласно которого лица слушающие радио будут подвергатся расстрелу" [2, арк. 34].

Значная ўвага ў дзённіку нададзена апісанням святаў. У 1940 г. святы пачыналіся з грамадскіх мерапрыемстваў у школе, саўгасе, клубе, падрыхтоўка да якіх вялася школьнікамі працяглы час. На 23 лютага – "годовщина советской армии" – вучні школы ставілі п'есу, рабілі святочны вечар. 8 сакавіка святкавалі больш нефармальна, Бронік заўважаў: "Женщины празднуют здорово свой праздник. Везде беседы, музыка, танцы. Хотя мы и мужчины, но также решили маленько подкутить. С ребятами сложились и немножко дризнули. Некоторые едва шли" [1, арк. 13]. Значнае свята – 1 мая, падрыхтоўка праграмы пачынаецца за месяц; школьнікі малююць "лозунги в школу, с/совет, артели" [1, арк. 27], што дазваляе ім перад святамі "подхалтурить монету" [1, арк. 49]. Святкаванне пачынаецца напярэдадні з урачыстага вечара ў клубе: "доклад, потом художественная часть, а потом и общие танцы". 1 мая адбываецца нефармальнае святкаванне – "маёўка": "взяли водки, вина и ушли в сад справлять маевку. Вернулись от туда только вечером. Сильно болела голова. Не пришлось никуда итти гулять". Працяг свята – на наступны дзень: "везде веселье, смех, музыка, беседы" [1, арк. 27–28]. Яшчэ адным істотным святам для моладзі 1930–1940-х гг. быў дзень 7 лістапада – "когда можно будет пару дней забыть на учёбу и хорошенько погулять с друзьями" (святкаванне працягвалася 2 дні, да таго ж прыпадала на час канікул) [1, арк. 47]. Яно пачыналася 6 лістапада ўвечары з урачыстага даклада, працягвалася "мастацкай часткай" (песні, танцы, спектакль), а затым – "масавыя танцы". 7 лістапада свята працягвалася ў клубе мастацкай самадзейнасцю малодшых школьнікаў і кінапаказам. Дзень сканчаўся агульным вучнёўскім святкаваннем у чыёйсьці хаце. "А затем все вместе пошли в совхоз гулять. Но не повезло: пришлось расходится… по домам, ибо было здесь слишком много парней "под мухой" и танцы не ладились" [1, арк. 47]. Што цікава, новыя ўлады ў 1941 г. не ўсе святы змянілі: прыбралі камуністычныя,

дадалі рэлігійныя (Раство, Вялікдзень, Троіцу), аднак 1 мая засталося: “Нямецкія ўлады гэты міжнародны дзень рашылі ўсё ж адзначыць, хоць без урачыстасці”, – піша Бронік. Падобныя звесткі падае яго равеснік К.Ярмілаў з Калінкавіч: “1 Мая немцы также празднуют, только, не в честь между народной солидарности, а, как они говорят, в честь наступления лета, развития природы” [4, с. 268].

Ваеннай паўсядзённасці прысвечаныя два дзённікі: за 1941 і 1942 гг. Пачатак Вялікай Айчыннай вайны супаў з важнымі для Браніслава падзеямі: сканчэннем школы і паступленнем у ваеннае вучылішча. Пра наступленне вайны Браніслаў даведаўся ў цягніку у час вяртання з Ленінградскага вучылішча інструментальнай разведкі зенітнай артылерыі, куды паступіў і атрымаў дваццаць дзён канікул: “Складываем план нашей гульни дома. Едем в вагоне, смеемся… Вдруг настроение пало. Услыхали неприятную весть на станции Пушкино: говорят что Германия объявила войну Советскому Союзу. Сразу не верилось, но позже убедились, что это так… До самого Минска не пришлось доехать. Наш поезд начал обстреливать неприятельский самолет. Пришлось сойти в лес, а потом идти пешком домой” [2, арк. 32]. Кожныя некалькі дзён вайны ён робіць у дзённіку запіс, і можна прасачыць, як змяняецца яго стаўленне да савецкай улады, да ўлады немцаў. 28 чэрвеня нямецкія войскі ўступілі ў Самахвалавічы: “Только теперь я убедился, что Германия действительно сильная страна, что здесь действительно все механизировано. Нет ни одного германского солдата, чтобы шел пешком – все едут. И не случайно, что Красная Армия оказалась не способной дать бой немцам”. Тут жа Браніслаў даволі абыякава заўважае: “Пришел конец советской власти, которая существовала немного больше 20 лет” [2, арк. 32–32 адв.]. Асноўная праблема, якая хвалюе Броніка і яго сям’ю ў складзенай сітуацыі – безуладдзе: “Вся местная власть удрала. Творятся кругом беспорядки” [2, арк. 32 адв.]. 5 ліпеня хлопец з палёгкай зазначае: “Фронт отошел… Скоро должна наладиться кое-какая власть” [2, арк. 33]; 30 ліпеня: “Быстрее бы какая власть, быстрее бы взяться за какое дело” [2, арк. 34 адв.].

З дзённіка бачна, з чаго складалася паўсядзённасць беларускай моладзі на акупаванай тэрыторыі падчас вайны. Напачатку гэта адсутнасць працы, адно “безвластие, тишина, скука….” [2, арк. 34]. Па нядзелях дазваляліся гулянні і танцы: “С каким нетерпением ожидаю я теперь воскресного дня!” – піша Браніслаў 17 жніўня [2, арк. 40]. Абавязкам моладзі было пачарговае начное дзяжурства“ с милиционером местечка”. Паступова знаходзілася і праца: на млыне, на будоўлі моста, валцы лесу, у валасной управе; “хотел устроится учителем в нашу местную школу, но не удалось, так как теперь слишком много учителей безработных с высшим образованием”, – зазначае Бронік у кастрычніку 1941 г. [2, арк. 47]. Тады ж штодзённыя патрэбы вымушаюць Браніслава вучыць нямецкую мову, “ибо знать иностранный какой-нибудь язык очень полезно” [2, арк. 47 адв.].

13 снежня 1941 г. аўтар робіць запіс: “Из газет (раней у дзённіку ўпамінаецца “Менская газэта” – *аўт.*) сегодня узнал, что Америка вступила в войну с Японией… Весть довольно неприятная. Все шире и шире разгорается вторая всемирная война” [2, арк. 57 адв.–58]. У студзені 1942 г. пачынаюцца сумныя падзеі і ў асабістым жыцці Браніслава, а ваенная паўсядзённасць усё больш прыгнятае: “везде творятся ужасные картины… Не живешь, а гниешь…” [3, арк. 8]. У лютым 1942 г. у Самахвалавічах шырацца чуткі пра працоўную мабілізацыю моладзі, аднак Бронік пакуль не вельмі верыць чуткам і нават падсмейваецца з жанчын, якія “точно ничего еще не знают, а уже всхлипывают” [3, арк. 17]. Аднак ужо ў сакавіку чуткі становяцца сур’ёзнай навіной: “У суседніх валасцях ужо паехалі... Але-ж куды паехалі, хто ведае? Адны кажуць у Германію, другія кажуць у Афрыку біцца з англічанамі, а суседка Марыля гаворыць зусім, што вязуць у пекла” [3, арк. 25].

З красавіка 1942 г. значнае месца ў дзённіку адводзіцца апісанню працы, начальнікаў, розных працоўных здарэнняў: “Без працы цяпер жыць немагчыма, бо могуць загнаць туды, дзе камар цялят пасе” [3, арк. 44] Каб пазбавіцца небяспекі вывазу ў Германію, Браніслаў уладкаваўся на працы на торфараспрацоўку, затым перавёўся на дарожныя работы – “няма больш дурных, каб ехаць на цяжкую працу дарэмна працаваць” [3, арк. 34 адв., арк. 42–43]. Працаваць можна было не штодзень; лёгка было звольніцца, лёгка ўзнавіцца на працы. Так, звольнены Бронік падрабляў продажам агуркоў на мінскім базары, а затым зноў уладкаваўся дарожным рабочым – бо “безработных пасылаюць у Мінск на пастройку аэрадрома” [3, арк. 79].

На прыкладзе дзённіка Шпакоўскага бачна трапнае ўздзеянне нямецкай прапаганды з яе заклікам да нацыянальных пачуццяў беларусаў. З 11 сакавіка 1942 г. Браніслаў вырашыў весці дзённік па-беларуску, каб “не забыть своего родного белорусского языка… Праўда, пісаць буду такой мовай і такім правапісам, які я вывучаў у школе. Да такога правапісу і такой беларускай мовы, якая пачала існаваць толькі цяпер, за прыходам немцаў, я яшчэ не прывык і рабіў бы даволі многа памылак” [3, арк. 22].

З канца красавіка 1942 г. у дзённіку пачынаюць з’яўляцца заявы ў духу савецкай прапаганды: “Немцы так старанна брэшуць аб сваіх перамогах, аб канчатковым разгроме Чырвонай арміі. Брашыце, фашысты, але ваша пагібель немінуча” [3, арк. 32 адв.]. У гэты час на Міншчыне пачынаецца стварэнне партызанскіх брыгад, на акупаваную тэрыторыю пранікаюць савецкія газеты “За савецкую Беларусь”, “За свабодную Беларусь”, “Звязда” [9, с. 390, 436]. Напачатку нейтральна-насцярожанае стаўленне да нямецкай адміністрацыі, абыякавасць да лёсу самахвалавіцкіх яўрэяў змяняецца на варожасць у дачыненні да новых уладаў. Адначасова Бронік наракае на настроі і паводзіны мясцовай моладзі: “Вайна… Усюды распуста… П’янкі, гульня, карцёж, розныя любоўныя гісторыі… Гэтаму многія з моладзі пасвяцілі цяпер сваё жыццё. Яны ўжо не вераць больш ні ў вошта лепшае… Гэтыя людзі ўпалі ў песімізм… Зусім быць адарванаму ад гэтай моладзі немагчыма, а таму і мне прыходзіцца ў некаторых выпадках (толькі ў некаторых выпадках!) падражаць ім… І ўсё гэта з-за такой цяперашняй нуды, нэндзы і беззаняцця…” [3, арк. 81 адв.].

Прыкладна з чэрвеня 1942 г. у Браніслава і яго сяброў з’яўляецца ідэя сысці ў лес. Пра гэта сведчаць допісы пра таямнічае знікненне дзвюх дзяўчын, якія, пайшоўшы на вяселле, “прапалі безведама”, а потым выявілася, што “пайшлі ў партызаны” (“Зусім правільна паступілі. Такі доўг чэснага камсамольца”, – каментуе іх учынак Бронік [3, арк. 47]). А ўжо 25 чэрвеня ён зазначае: “І так. Рашылі: мы павінны пасвяціць жыццё за наша шчаслівае будучае, за наш народ, за нашу Радзіму… Чакаем таго моманту, калі мы зможам незаметна для нямецкіх уладаў і насельніцтва ўсе зарганізавацца і прыступіць к дзеянням” [3, арк. 50–50 адв.]. Прыняўшы рашэнне арганізаваць антыфашысцкі супраціў, самахвалавіцкія хлопцы паўсталі перад складаным выбарам: “Ніяк не можам рашыцца на тое, каб паступіць у паліцыю. Што-ж тады скажуць нашы бацькі… Што-ж тады скажа местачковае жыхарства? Усялякі падумае, што астаўся ў паліцыю толькі для сваёй нажывы…” [3, арк. 54 адв.]. У той жа час, праца ў паліцыі дала б хлопцам магчымасць атрымаць зброю, з якой можна было б сысці да партызанаў. З запісаў відаць, наколькі рознілася ўспрыманне грамадствам паліцыі і Корпусу Самааховы. З запісаў вынікае, што Бронік быў гатовы ахвяраваць гонарам і стаць паліцэйскім (але такога выпадку не прадставілася), аднак ён рашуча асудзіў стварэнне Корпусу Самааховы, магчыма, таму, што служба ў корпусе для местачковых хлапцоў падавалася адзінай альтэрнатывай адпраўцы ў Германію. Каментуючы навіны пра стварэнне Самааховы, Бронік піша: “Лепш памерці ў барацьбе з ворагам, чым быць яго рабом” [3, арк. 60–60 адв.].

Такім чынам, дзённікі сведчаць пра думкі і ідэі, што цыркулявалі ў беларускім грамадстве ў 1940–1942 гг., паказваюць штодзённыя клопаты і праблемы беларускіх местачкоўцаў гэтага часу.

1. Дневник №1 на 1940 г. Б. Шпаковского. Краязнаўчы музей ДУА "Самахвалавіцкая сярэдняя школа".
2. Дневник №2 на 1941 г. Б. Шпаковского. Краязнаўчы музей ДУА "Самахвалавіцкая сярэдняя школа".
3. Дневник №3 на 1942 г. Б. Шпаковского. Краязнаўчы музей ДУА "Самахвалавіцкая сярэдняя школа".
4. Памяць: Калінкавіцкі раён. Гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэд.-склад. Феранц В.Р. – Мінск: Ураджай, 1999. – 797 с.
5. Памяць: Мінскі раён. Гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Уклад. М.І. Курскі, Г.А. Маслыка. – Мінск: БелЭн, 1998. – 635 с.
6. Мядзведзева, В. "Едзем у вагоне, смяёмся… Раптам настрой упаў. Пачулі непрыемную вестку: кажуць, Германія абвясціла вайну Савецкаму Саюзу…" / В. Мядзведзева // Звязда. – 2010. – №118. – С. 4.
7. Мядзведзева, В. "І той, хто выжыве, успомніць мёртвых…" / В. Мядзведзева // Звязда. – 2010. – №119. – С. 4.
8. Мядзведзева, В. Помнік Броніку / В. Мядзведзева // Звязда. – 2010. – №119. – С. 4.
9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск.: БелЭн, 1996. – 527 с.

Куракова І.Я.

ДАКУМЕНТЫ ГЕРМАНСКІХ АКУПАЦЫЙНЫХ ОРГАНАЎ КІРАВАННЯ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ФІНАНСАВАЙ ПАЛІТЫКІ Ў АКРУЗЕ "БЕЛАСТОК" 1941–1944 гг. (НА МАТЭРЫЯЛАХ ДЗЯРЖАРХІВА ГРОДЗЕНСКАЙ ВОБЛАСЦІ)

Для даследчыкаў ваенна-эканамічных аспектаў гісторыі нацысцкай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг., у тым ліку фінансавай палітыкі германскіх цывільных акупацыйных органаў кіравання, цікавасць уяўляюць дакументы Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці. Комплекс акупацыйных фондаў архіва ўтрымлівае вялікі факталагічны матэрыял, які датычыцца толькі гэтай часткі беларускіх зямель, уключаных у склад новай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі – акругі Беласток. Гэтую тэрыторыю германскія ўлады планавалі далучыць да трэцяга рэйха і правесці яе германізацыю і анямечванне. Аднак крах "маланкавай вайны" і праблемы на фронце не спрыялі рэалізацыі гэтых намераў [1, с. 36–37].

Мэта працы: выявіць асаблівасці рэалізацыі фінансавых мерапрыемстваў на тэрыторыі акругі Беласток. Сярод комплексу акупацыйных дакументаў у фондах ДзАГрВ, матэрыялы па фінансавай палітыцы германскіх акупацыйных улад у акрузе "Беласток"займаюць даволі значнае месца. Яны прадстаўлены дакументамі ўстаноў, арганізацый і прадпрыемстваў. Найбольшая колькасць дакументаў прадстаўлена ў наступных фондах: ф. 1 – Гродзенскі павятовы камісар, ф. 2 – Гродзенскі бургамістр, ф. 5 – Гродзенскі павятовы фінансавы аддзел, ф. 6 – Гродзенскі павятовы мытны аддзел, ф. 8 – Палявая камендатура 815 ахоўнай дывізіі 403 тылавой ваеннай акругі г. Гродна, ф. 14 – Гандлёвая фірма ў г. Гродна "Warengrosshandlung", ф. 15 – Гродзенскае гарадское ўпраўленне Грамадзянскага кіравання Беластоцкай акругі, ф. 16 – Гродзенскае аддзяленне выдавецтва "Штурмферляг". Амаль усе дакументы на нямецкай мове, зрэдку сустракаюцца на рускай, польскай ці беларускай. Нямецкая мова прысутнічае і на афіцыйных бланках, як правіла, двухмоўных – на нямецкай і рускай ці беларускай мовах. Стан захаванасці крыніц даволі добры. Дакументы пераважна друкаваныя. Практычна ўсе з'яўляюцца арыгінальнымі крыніцамі, колькасць копій невялікая.

Паводле паходжання, мэтазгодна вылучыць дакументы акружных, гарадскіх і раённых камісарыятаў. Па змесце яны дзеляцца на дакументы, якая даюць звесткі аб

структуры органаў акупацыйнага кіравання і дакументы аб фінансавай палітыцы. Сярод апошняга віду крыніц спісы прамысловых і гандлёвых прадпрыемстваў; ведамасці аб зарплаце; рапарты кіраўнікоў прадпрыемстваў аб выкананні вытворчых паказчыкаў; прэйскуранты цэн для розных катэгорый паслуг насельніцтву; распараджэнні аб правілах продажу; дакументы, якія акрэсліваюць сістэму падаткаабкладання і функцыянавання банкаўскіх устаноў.

Згодна відавай класіфікацыі крыніц, яны падзяляюцца на: арганізацыйна-распарадчыя дакументы (распараджэнні, прадпісанні, прыказы, указанні, дырэктывы, рашэнні, цыркуляры); матэрыялы кадравага характару (спіскі працаўнікоў арганізацый, заявы аб прыняцці на працу, біяграфіі і анкеты служачых, перапіска па кадравых пытаннях); справаздачную дакументацыю (справаздачы, даклады, рапарты); даведчна-інфармацыйная дакументацыя (перапіска устаноў, прадпрыемстваў і арганізацый, даведкі і г.д.); фінансавую дакументацыю (бухгалтэрыя, бюджэты, ведамасці на выдачу зарплаты). Аднак не ўсе віды і групы дакументаў прадстаўлены ў дастатковым аб'ёме. Напрыклад, існуюць прабелы ў наяўнасці матэрыялаў, якія акрэсліваюць функцыянаванне банкаўскай сістэмы на тэрыторыі акругі Беласток.

Вялікую ўвагу германскае кіраўніцтва надавала планам фінансавай палітыкі, перш за ўсё, метадам эканамічнага рабавання, якія ажыццяўляліся праз розныя механізмы. Асаблівасці і маштабы яе рэалізацыі былі прадвызначаны адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам і адпавядалі патрэбам ваеннага часу і загадзя створаным планам. Гэтыя планы прадстаўлены ў дырэктывах, якімі кіравалася нямецкая адміністрацыя на тэрыторыі Беларусі (Зялёная папка" (для зоны акупацыі з ваенным кіраўніцтвам) [2, с. 338–390] і т.зв. "Карычневая папка" (з цывільным кіраўніцтвам) [3, арк. 1–39]. Аднак на тэрыторыі акругі Беласток яны не дзейнічалі. Інструкцыі "Карычневай папкі" выключна прызначаліся для РК "Остланд" і "Украіна" [4, арк. 58]. Што датычыць дырэктыў для зоны акупацыі з ваенным кіраўніцтвам, то адна з інструкцый Герынга ад 30.09.1941 г. паведамляла, што *" Раён Беласток не падлягае "дырэктывам для кіравання гаспадаркай на новазанятых усходніх абласцях" (Зялёная папка) ад чэрвеня 1941 г."* [5, арк. 2–2 адв.]. У дакуменце сцвярджалася, што з дзяржаўна-прававога пункту гледжання і эканамічна з гэтай тэрыторыяй трэба звяртацца як з часткай імперскай вобласці. Рэалізацыяй фінансавых планаў займаліся ўстановы і органы акупацыйных улад, пры якіх ствараліся фінаддзелы і працавалі так званыя рэферэнты. Ва ўсіх зонах акупаванай Беларусі гэта былі некваліфікаваныя работнікі, часцей з мясцовых жыхароў [6, с. 118–124.]. У акрузе Беласток нацысты былі зацікаўлены ў прафесіяналізме фінансавых кадраў. Іх правы і абавязкі вызначалі інструкцыі міністра фінансаў Германіі. Фінансавыя служачыя ў акрузе Беласток павінны былі быць нямецкай нацыянальнасці ці "фольксдойчэ" і прайсці спецыяльную школу [7, арк. 229.].

Генерыравалася фінансавая палітыка ў банкаўскіх установах. Структура іх дзейнасці і функцыі служачых адлюстроўваліся ў дырэктывах для муніцыпальнага банка і ашчаднай касы г. Гродна. Калі на тэрыторыі РК "Остланд" і "Украіна" ствараліся мясцовыя галоўныя банкі, то ў акрузе Беласток філіялы падпарадкоўваліся Рэйхсбанку ў Берліне [8, арк. 14–14 адв.]. Аналіз дакументаў паказаў, што тут як і з іншых зонах акупацыі, Германія атрымлівала матэрыяльныя рэсурсы. Праз крэдытаванне і ашчадныя аперацыі, а таксама кантроль грашовых сродкаў нацысты рэалізоўвалі праграмы рабаўніцтва і эксплуатацыі фінансавых рэсурсаў захопленай краіны.

Фінансавыя дакументы гродзенскага павятовага камісара (фонд 1) утрымліваюць інфармацыю аб асаблівасцях здзяйснення крэдытна-грашовай і валютнай палітыкі. На акупаванай тэрыторыі дзейнічалі спецыяльна створаныя ваенныя грошы – рэйхсмаркі ("Reichsmark", скарочана RM) [9, арк. 34.]. Паралельна з імі існавалі савецкія рублі, а на тэрыторыі РК "Украіна" з 1942 г. і карбованцы. У межах акругі Беласток такі грашовы

парадак быў забаронены. Распараджэннем Дзяржаўнай крэдытнай касы ў Беластоцкай акрузе ад 12 снежня 1941 г. "*...банкноты Дзяржаўнае Крэдытнае Касы, а таксама рубель перастаюць быць ў Беластоцкай акрузе законнымі разрахунковымі сродкамі. Адзіным ад гэтага часу з'яўляецца толькі рэйхсмарка"* [10, арк. 12 адв.]. Выкарыстанне і імпарт імперскай (нямецкай) маркі ў акрузе Беласток для мясцовага насельніцтва былі забаронены, а вось вываз гэтых банкнот падтрымліваўся [11, арк. 3–3 адв.]. У цэлым, па дакументах гродзенскага павятовага камісара можна выявіць дастатковую колькасць асаблівасцей у галіне грашовай і валютнай палітыкі, якія былі характэрны для акругі Беласток. Гэта і забарона хаджэння савецкіх банкнот, і больш шырокая сістэма крэдытавання насельніцтва і прадпрымальнікаў, і пэўныя выключэнні для імпарта і экспарта нямецкіх грошай (у турыстычных мэтах дазваляўся вываз і ўвоз да 10 нямецкіх марак, што былі роўныя 100 RM) [12, арк. 7.] і г.д. Магчыма, гэта ўскосна адлюстроўвала прававы стан насельніцтва акругі Беласток і падкрэслівала планы Трэцяга рэйха па германізацыі акругі Беласток.

Важнай крыніцай з'яўляецца таксама перапіска оберпрэзідэнта фінансаў Усходняй Прусіі з Гродзенскім фінаддзелам. Яна ўтрымлівае спіскі буйных прадпрыемстваў, якія дзейнічалі ў акрузе Беласток. Выяўлена, што тут былі створаны спрыяльныя ўмовы для працы нямецкіх прадпрымальнікаў. Акцыянерных таварыстваў, капітал якіх быў звыш 300 000 RM было больш за 35 [13, арк. 2-2 адв.]. Каля 9 кампаній мелі ўласны капітал больш за мільён RM [14, арк. 1.]. На іншых тэрыторыях Беларусі такіх кампаній не сустракалася.

Даволі інфарматыўнай крыніцай, якая раскрывае сутнасць падатковай сістэмы акругі Беласток, можна лічыць дакуметы фонда 5 "Гродзенскі фінансавы аддзел". Інструкцыі аб падатках, прадпісанні прэзідэнта фінансаў Усходняй Прусіі для акругі Беласток, перапіска па падатковых пытаннях і іншыя дакументы фонда дазваляюць рэканструяваць працу падатковых органаў. Кіраўніцтвам акругі Беласток прымаліся распараджэнні, у якіх паведамлялася пра ільготы для падаткаплацельшчыкаў Усходняй Прусіі, у тым ліку беларусаў [15, арк. 92]. У адрозненне ад іншых акупаваных тэрыторый Беларусі, дзе падаткі спаганяліся па савецкім ўзоры, у акрузе Беласток дзейнічалі інструкцыі нямецкага падаткаабкладання [16, арк. 60–60 адв.].

Гандлёвы парадак ў акрузе Беласток быў падобны на той, што існаваў у іншых тэрытарыяльных адзінках і адлюстраваны ў дакументах аддзела кошту Гродненскага камісарыяту і месячных справаздачах фінаддзела. Аднак былі і свае адрозненні. Яны паказаны ў распараджэннях аб устанаўленні кошту на прадукты і працу. Напрыклад, кожны гандляр, які не вырабляў тавараў, меў права накладання 30% да закупачнага кошту, які быў устаноўлены ўладамі [17, арк. 16]. У іншых тэрытарыяльных адзінках – 25%. [18, арк. 145–147].

Такім чынам, рэалізацыяй пастаўленых фінансавых задач і планаў у акрузе Беласток займаліся банкаўскія ўстановы падначаленыя непасрэдна Рэйхсбанку ў Берліне; грашовыя разлікі адбываліся выключна рэйхсмаркамі; у галіне падаткаў акупацыйныя ўлады абапіраліся на нямецкую сістэму; гандлёвы парадак меў падабенствы па метадах яго арганізацыі з тым, што існаваў у іншых зонах дзейнасці германскіх цывільнай і ваеннай адміністрацыі на тэрыторыі Беларусі.

1. Казлова, С.Л. Аграрная палітыка нямецкіх акупацыйных улад на Беларусі (1941-1944): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / С.Л. Казлова. − Мн., 2006. − 157 л.
2. Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях ("Зелёная папка") // Нюрнбергский процесс: Сб. мат. В 8 т. Т. 4. − М., 1990. – 672 с.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее − НАРБ). Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe). − Ф. 652. − Воп. 1. − Спр. 2.
4. Новікаў, С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941−1944 гг.: агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С.Я. Новікаў: − Мн., 2002. – 219 с.

5. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей − ДАГрВ). Betrifft: Gleichstellung des Bialystok mit eingegliederten Ostgebieten. Berlin. 30.09.1941. − Ф. 1. − Воп. 1. − Спр. 300.
6. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа “Белоруссия” (Минск, 8-10 апреля 1943 года) / авторы-сост. С.В. Жумарь, С.Е. Новиков, Р.А. Черноглазова. – Мн., − 2006. −219 с.
7. ДАГрВ. Beschäftigung von Lehrern der öffentlichen Schulen in der Reichsfinanzverwaltung, Bericht vom 14. Juli 1941. − Ф. 5. − Воп. 1. − Спр. 14.
8. ДАГрВ. − Ф. 8. − Воп. 1. − Спр. 5.
9. НАРБ. Rundschreiben Nr.5. 18.05.1942. − Ф.374. − Воп.1. − Спр.2.
10. ДАГрВ. − Ф. 1. − Воп. 1. − Спр. 376.
11. ДАГрВ. − Ф. 1. − Воп. 1. − Спр. 125.
12. ДАГрВ. − Ф. 1. − Воп. 1. − Спр. 125.
13. ДАГрВ. − Ф. 5. − Воп. 1. − Спр. 81.
14. ДАГрВ. − Ф. 5. − Воп. 1. − Спр. 81.
15. ДАГрВ. − Ф. 5. − Воп. 1. − Спр. 110.
16. ДАГрВ. − Ф. 5. − Воп. 1. − Спр. 32.
17. ДАГрВ. − Ф. 1. − Воп. 1. − Спр. 565.
18. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. − Ф. 2087. − Воп. 2. − Спр.1.

Гребень Е.А.

СУДЕБНЫЕ ИСКИ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИТЕБСКОГО МИРОВОГО СУДА)

В период нацистской оккупации гражданское население использовало различные стратегии выживания, одной из которых являлось обращение в суд. Данную стратегию выживания можно проиллюстрировать на примере материалов Витебского мирового суда.

Мировой суд г. Витебска был организован 1.11.1941 г., руководствовался постановлением командующего тыловой зоной группы армий «Центр» от 19.11.1941 г. «О порядке производства в Мировых судах». Компетенции суда подлежали все имущественные споры, дела о владении, собственности, дела, связанные с наследственным правом и дела о расторжении браков, дела об опеке над малолетними и над бесхозным имуществом. Решения суда выносились на основании здравого смысла и тех советских законов, которые не противоречили нацистской идеологии. Изначально суд рассматривал мелкие уголовные дела, возникавшие в порядке частного обвинения, и обладал правом наложения взыскания в виде ареста до 14 дней или штрафа до 1000 руб. С июля 1943 г. штандортскомендатура поручила суду более сложные уголовные дела, такие как хулиганство, кражи, клевета, нанесение телесных повреждений, должностные преступления и предоставила право налагать взыскание в виде более длительных сроков заключения и штрафа до 4000 руб. Суд обслуживал 40-тысячное население города и жителей прилегающих районов (в довоенном Витебске на 170000 жителей функционировало 11 отделений народного суда и специальные суды). За два года работы суд рассмотрел 1952 гражданских дела, 174 опекунских и 327 уголовных, всего 2453 дела. Мировой суд заседал в составе председателя (профессионального юриста) и двух присяжных заседателей. В распоряжении суда имелось 107 присяжных заседателей, из которых 41 чел. имел высшее образование и 66–среднее. Заседатели должны были быть не моложе 30-ти лет и проживать в Витебске не менее 2-х лет. При суде с 7.11.1941 г. работала юридическая консультация, 4 адвоката которой оказывали консультации гражданам по вопросам гражданского, уголовного и административного права и при необходимости могли выступать на судебных процессах [1, л. 1–3].

В судебных исках отражен жилищный вопрос, исключительно остро стоявший в городе в период оккупации, поэтому исключительно часто в суд поступали иски

граждан об установлении права собственности на недвижимость. Подобный иск рассматривался на заседании суда 28.11.1941 г. Обратившиеся в суд брат и сестра, вступили в 1937 г. во владение в равных частях домом, оставшимся после смерти матери, платили земельную ренту и налог на недвижимость, но не оформили вступление во владение наследством в судебном порядке. Иск был удовлетворен [2, л. 1, 1 об.]. В декабре 1941 г. мировой суд поступило заявление гражданки, которая просила признать за ней и ее детьми право собственности на половину дома с надворными постройками оценочной стоимостью 6113 руб., которые ранее числились в собственности ее мужа (был арестован НКВД в 1937 г., и судьба его была не известна). Дом формально не имел владельца, но истица вносила за него необходимые платежи. В качестве доказательства были представлены копия свидетельства о браке, копия протокола обыска, произведенного НКВД в 1937 г., платежные документы по налогам на строения и земельной ренте. На заседании 20.12.1941 г. суд постановил, что до рассмотрения вопроса о праве собственности сначала должна быть установлена опека над ней, поскольку имеются малолетние дети бывшего владельца. Следующие заседания 15.01.1942 г. и 5.02.1942 г. закончились безрезультатно из-за не вручения повесток и неявки свидетелей со стороны истицы. В итоге 22.02.1942 г. спорная недвижимость была уничтожена в результате попадания авиабомбы, и суд, на основании заявления истицы на заседании 11.03.1942 г. постановил дело прекратить [3, л. 1–21]. В декабре 1942 г. гражданка обратилась в суд с иском о разделе дома со своим бывшим супругом, который иск признал и на раздел имущества согласился, о чем было вынесено соответствующее судебное решение. Городская управа отменила решение и вернула суда дело, мотивируя тем, что на рассмотрении отсутствовал представитель жилищной конторы, а также не были предоставлены документы, удостоверяющие право собственности ответчика на дом. На три последующих заседания стороны не явились, и исход дела не известен [4, л. 4–6, 12, 16 17, 22].

Если в довоенное время не существовала угроза отчуждения унаследованного имущества, то в условиях дефицита жилья в годы оккупации она была более чем реальна, вынуждая граждан узаконивать факт владения собственностью. В январе 1942 г. в суд поступило заявление гражданина, ходатайствовавшего о признании за права собственности на дом, купленный в 1936 г., документы на который были утрачены во время пожара. Истец ссылался на свидетельские показания трех граждан. Суд утвердил гражданина в праве собственности [5, л. 1, 17, 17 об.]. В декабре 1942 г. в суд обратились супруги, которые в 1940 г. построили дом, но не оформили на него право собственности. На основании показания свидетеля суд признал право собственности [6, л. 15, 15 об.].

Порой граждане требовали признания права собственности на не принадлежавшую им недвижимость. В ходе рассмотрения иска 25.11.1941 г. гражданина относительно права собственности на отцовский дом суд установил, что еще в 1937 г. отец истца продал половину дома, что подтверждают документы городского финансового отдела, следовательно, претензии истца на весь дом необоснованны [2, л. 20, 20 об.]. В апреле 1942 г. в суд поступило заявление гражданина, который сообщал, что в 1931 г. им был куплен дом, который с 1934 г. сдавал в аренду жителю Витебска, еврею по национальности, который был отправлен в гетто (или погиб или эвакуировался), и в настоящее время в доме поселились погорельцы (коллаборационная администрация часто решала жилищную проблему за счет домов евреев – Е.Г.). Заявитель просил признать его право собственности на дом, в подтверждение чего просил вызвать в качестве свидетелей четырех граждан, и предоставил копию нотариального договора о покупке дома в 1931 г. На первом

судебном заседании члены суда отметили факт долговременного проживания в доме другого гражданина и заподозрили, что дом мог быть ему продан, а бывший владелец решил воспользоваться ситуацией и попытаться вернуть себе дом, поэтому дело было отложено, а суд направил запрос нотариусу на предмет выяснения, имеются ли документы о продаже дома. Нотариальная контора сообщила суду, что в ее архиве документов о продаже дома арендатору не имеется, однако выяснилось, что в домовой книге есть запись об указанном истцом арендаторе-еврее как о домовладельце, поэтому на повторном заседании суда 16.06.1942 г. иск отклонило [7, л. 1, 1 об., 4, 17–19, 27–28]. Интересно также решение Витебского мирового суда от 3.09.1942 г. Истец потребовал признать право собственности на занимаемый дом. Ссылаясь на показания двух свидетелей, он утверждал, что дом был куплен им до войны, а документы, подтверждающие право собственности, были уничтожены во время пожара в июле 1941 г. Представитель жилищной конторы городской управы утверждал, что спорный дом принадлежал еврею, у которого истец его арендовал, и по решению суда от 16.02.1942 г. с него взыскана квартплата за ноябрь и декабрь 1941 г. Не обладая правом собственности, истец продал дом другому гражданину, но мировой суд 29.07.1942 г. аннулировал не законную сделку. Истец вновь подал иск о признании права собственности. Суд счел показания свидетелей голословными, иск бездоказательным и не добросовестным. Юридический подотдел городской управы утвердил решение суда [8, л. 16, 17].

В 1943 г. на протяжении нескольких месяцев разбиралась тяжба матери и дочери относительно права владения домом (принадлежал на правах общей собственности). Истица жаловалась на зятя (или сожителя дочери?), который, якобы, выгоняет ее из дому. При рассмотрении иска суд удовлетворил ходатайство о допущении к участию в процессе адвоката на стороне истицы. В этой ситуации суд предписал отделу городского хозяйства произвести осмотр дома для определения возможности его раздела, и проект раздела представить в суд. Отдел городского хозяйства представил в суд план дома, сообщив, что, ввиду малой полезной площади считает раздел дома не целесообразным. По причине неявки сторон результаты тяжбы не известны [9, л. 1, 1 об., 9–16, 18, 20, 23].

Проявлением жилищной проблемы являлись споры об арендной плате и праве аренды жилплощади. В декабре 1941 г. гражданка подала в суд заявление просьбой взыскать в ее пользу 425 руб. долга по квартирной плате, поскольку ее квартирант, проживавший в доме с довоенного времени, начиная с 1.07.1941 г. квартплату вносить отказывался. Суд удовлетворил иск частично, приговорив ответчика к выплате в пользу истицы 189 руб. долга по квартплате, посчитав, что заявленная ей сумма иска противоречит распоряжению городской управы относительно ставок арендной платы [10, л. 1–13]. В апреле 1942 г. гражданин ходатайствовал о выселении квартирантки, которая не платила квартплату с 10.07.1941 г. Уже мае месяце истец ходатайствовал о прекращении дела; очевидно, стороны самостоятельно урегулировали конфликтную ситуацию [11, л. 1, 2, 8, 14].

В ноябре 1941 г. жилищный отдел ходатайствовал перед судом о рассмотрении в ускоренном порядке дела по обвинению гражданки в самовольном вселении в квартиру, которую прежняя нанимательница перед своим выездом за денежное вознаграждение незаконно ей передала [12, л. 9]. Не типичная конфликтная ситуация рассматривалась мировым судом 1.07.1942 г. В суд обратился гражданин, который, совместно с другим витебчанином, взял в аренду у жилищного отдела дом на Сенной площади с обязательством произвести в нем капитальный ремонт стоимостью 3000 руб. В доме проживала сотрудница 4-ой жилищной конторы, которой предлагалась в замен

3-комнатная квартира, однако, ответчица не соглашалась переселяться, пока не будет снят урожай на приусадебном участке. Суд счел иск обоснованным [2, л. 14].

Иск мог касаться недвижимости, поврежденной или уничтоженной пожаром. Очевидно, что владельцы стремились сохранить за собой участок, чтобы впоследствии попытаться восстановить дома. Так, 26.11.1941 г. суд признал право собственности гражданина на остатки постройки двухэтажного дома по Нижненабережной улице, сгоревшего в результате пожара 9–10 июля 1941 г., когда шли бои за Витебск [2, л. 31]. Жилищная проблема стояла настолько остро, что предметом спора могла являться абсолютно любая постройка. В другом случае был отклонен иск двух гражданок о признании права собственности на баню, стоявшую во дворе сгоревшего дома. Поскольку до войны баня принадлежала Витебскому щетинному комбинату, бургомистр в порядке кассационного надзора изменил решение суда от 7.08.1942 г., разрешив истице проживать в бане и далее, считая ее коммунальной собственностью [8, л. 18].

Иски о недвижимости поступали столь часто, что в их рассмотрение оказывались втянутыми различные подразделения Витебской городской управы. Жилищный отдел попросил суд предоставить копии судебных решений относительно исков на жилье и делать так впредь, чтобы жилотдел высылал своего представителя на судебные заседания [8, л. 5]. Копии решения суда передавались жилищному отделу [2, л. 24, 30]. По каждому району в отдельности были составлены списки неотчуждаемого недвижимого имущества, находившегося под опекой граждан, продажа которого была запрещена без разрешения мирового суда. Информация была доведена до жилищного отдела управы, что давало возможность избегать конфликтных ситуаций в будущем [2, л. 2, 2 об., 7; 12, л. 1, 3, 6, 16, 17, 21–25]. Отдел городского хозяйства по запросу суда мог предоставлять план раздела недвижимого имущества [12, л. 4].

Помимо недвижимости предметом споров граждан становилось любое другое имущество. Осенью 1941 г. в суд поступило исковое заявление гражданки, которая утверждала, что обнаружила пропажу из квартиры вещей. Случайно обнаружив украденные туфли в починке у сапожника, истица выяснила имя похитительницы и подала иск на сумму 1320 руб. В результате произведенного полицией обыска украденные предметы были обнаружены у подозреваемой. На судебном заседании 16.12.1941 г. было принято решение прекратить рассмотрение дела по причине криминального характера, и передать его начальнику криминального отдела полиции. Криминальный отдел 13.01.1942 г. сообщил мировому суду, что виновность подозреваемой установлена, и материалы следствия переданы в фельджандармерию, а 16.01.1942 г. заместитель бургомистра сообщил суду, что виновная наказана 14-дневным арестом. В то же время, истица была в праве добиваться возмещения ущерба, поэтому 4.03.1942 г. состоялось еще одно заседание суда, который постановил вернуть ей украденные вещи [13, л. 1 об., 3, 20–22, 42–43]. Осенью 1943 г. в судебном производстве находился спор двух витебчан о признании права собственности на сапоги, которые, якобы, один из них утерял, о чем подал заявление в уголовный розыск [14, л. 1–3].

В апреле 1942 г. суд рассмотрел иск гражданки о признании права собственности на корову, которую незадолго до этого по требованию коменданта жилищного отдела пришлось сдать на бойню, где корова на глазах хозяйки была зарезана. Принадлежность коровы истице была установлена на основании показания свидетелей. Суд сообщил бургомистра об ошибочном изъятии коровы и рекомендовал предоставить ей другую корову, принимая во внимание также тот факт, что муж истицы был репрессирован НКВД [15, л. 1]. В то же время не все иски оканчивались

подобным образом. В документах мирового суда содержатся списки граждан, чьи иски о признании права собственности на коров были отклонены (хотя таких истцов было значительное количество–Е.Г.) [2, л. 13; 15, л. 25; 8, л. 6].

В июле 1943 г. супруга прежнего бургомистра Витебска Брандта подала в мировой суд прошение о признании ее права на часть за ней и ее детьми право собственности на 1/3 урожая ржи, посеянной на арендованном у городской управы наделе земли ее супругом, отцом и братом в равных долях. На земельный надел претендовал чугунолитейный завод, представителя которого истица просила вызвать в суд, и ходатайствовала об освобождении от уплаты судебных пошлин. В суд были представлены: арендный договор между указанными в прошении гражданами и отделом городского хозяйства городской управы, а также аналогичный договор между гражданином и чугунолитейным заводом [16, л. 1, 5, 5 об., 7, 8, 11–14, 18–21].

Предметом судебного разбирательства становились также дела об опеке над имуществом. В декабре 1941 г. в суд поступило заявление гражданина, просившего назначить его опекуном над имуществом племянницы, уехавшей из Витебска до начала оккупации, и судьба которой в настоящее время была не известна. Имущество состояло из двух домов и движимого имущества. В домах вскоре поселились граждане, которые препятствовали заявителю в доступе к имуществу, поэтому он просил суд обязать городскую полицию предоставить копию движимого имущества и назначить его опекуном имущества. Суд затребовал от полиции документы об имуществе, на что полиция сообщила, что какие-либо документы отсутствуют, за исключением акта на изъятие бесхозного велосипеда. Претензии истца 9.01.1942 г. судом были признаны обоснованными, и он был назначен опекуном имущества племянницы, получив соответствующее свидетельство. Тем не менее, 4.02.1942 г. гражданин вновь подал заявление в суд, жалуясь на жилищное управление, которое попыталось взимать квартплату с жильцов домов, как и ранее, на что мировой суд уведомил уполномоченного 8-й районной жилищной конторы, что гражданин, как опекун, до возвращения законной владелицы вправе получать арендную плату и несет все расходы на содержание домов, отчитываясь в этом перед судом [17, л. 1, 4, 6, 8, 8 об., 13–15]. В одном из аналогичных случаев жилищный отдел сообщил мировому суду, что передача обозначенных в исковом заявлении гражданина вещей ему на временное сохранение не целесообразна, поскольку часть этих вещей явно не принадлежала выбывшему родственнику истца (на вещах имелись инвентарные номера театра, больницы и других государственных учреждений) и, очевидно, вещи были награблены, как и другие предметы, которые могли принадлежать покинувшим город беженцам [2, л. 26].

В ходе имущественных споров мировой судья издавал постановление о наложении ареста на спорное имущество и предписывал судебному исполнителю произвести его опись и составить соответствующий акт в двух экземплярах, один из которых передавался в суд, а другой вручался гражданину, в чьем пользовании находилось спорное имущество, который становилось ответственным за его хранение. Отчуждение имущества до вердикта суда запрещалось [1, л. 11, 13, 28, 42].

В суде рассматривались дела об алиментах и семейные конфликты. Обратившаяся 5.12.1941 г. в суд гражданка, требовавшая возобновления выплаты ей алиментов за малолетнюю дочь 1935 г.р. Ответчик по данному иску, на основании решения народного суда, до 1941 г. выплачивал алименты, с началом оккупации перестал платить, украв, по мнению истицы, исполнительный лист из правления колхоза. Председатель общины Васюты Селютской волости Витебского района (бывший колхоза «Победа») содействия гражданке не оказал, после чего она апеллировала к суду, ссылаясь, в подтверждение своей правоты, на свидетельские показания и свидетельство о рождении дочери, в котором ответчик числился отцом

ребенка. Ответчик признал факт присуждения советским судом алиментов, но отказался признавать факт своего отцовства. На состоявшемся 22.12.1941 г. заседании мирового суда было принято решение обязать ответчика ежемесячно выплачивать алименты на содержание дочери в размере 4 кг. ржаной муки, 8 кг. и 30 руб. [18, л. 1, 1 об., 9, 9 об.]. В аналогичном случае гражданке подала иск на бывшего супруга, который с 1937 г. выплачивал в качестве алиментов на содержание двух детей 1/3 ежемесячного заработка, но с началом оккупации платить перестал. Решением мирового суда от 9.06.1942 г. истец обязывался выплачивать, начиная с марта 1942 г. и до достижения детьми 14-летнего возраста, алименты в размере 3 кг. хлеба на каждого ребенка и 5 марок. В сентябре 1942 г. гражданка подала в суд заявление о пересмотре формы выплаты алиментов, поскольку для служащих (коим являлся ответчик) хлеб для иждивенцев выдавать прекратили [19, л. 3, 3 об., 11, 11 об., 12, 16]. В октябре 1943 г. в суд обратилась гражданка, заявившая, что ее муж систематически избивает ее на почве ревности. Ранее она подала заявление в полицию, которая взяла с мужа подписку о том, что он обязуется больше не избивать жену, но избиения продолжились. В качестве доказательства была представлена справка из Центральной амбулатории. В результате ответчик был присужден к 10-дневному тюремному заключению [20, л. 2, 4, 8, 8 об., 9].

Исковые заявления иллюстрируют мораль отдельных граждан. Например, 12.12.1941 г. в суд поступило исковое заявление гражданки к свекрови, в котором указывалось, что последняя не отдает истице вещи ее мужа (в основном перечислялись предметы мужского гардероба), необходимые для содержания малолетнего ребенка. Истица также указывала, что ее, беременную, свекровь выгнала из дома. Из материалов судебного процесса явствует, что одно время истица и ответчица проживали в одном доме, но после пожара ответчица ушла жить на другую квартиру, забрав часть вещей истицы, часть из которых была обменена на продукты. На втором заседании иск был удовлетворен частично; суд принял во внимание, что часть спорных вещей была приобретена сыном ответчицы до заключения брака [21, л. 1–3, 9–18, 26–31]. В другом случае на оставшееся после смерти гражданина недвижимое имущество претендовали одновременно супруга и его приемная дочь. К делу были приобщены документы, подтверждавшие смерть гражданина и свидетельство о браке, заслушаны показания сторон и свидетелей; судебному исполнителю было поручено составить опись имущества. Суд 10.07.1942 г. вынес вердикт в пользу супруги [22, л. 1–36].

Иногда граждане могли обращаться не напрямую в суд, а в полицию, откуда раскрытые уголовные дела перенаправлялись в суд для избрания меры наказания. В октябре 1942 г. в полицию поступило заявление гражданина о краже у него сала путем проникновения в дом. Сотрудник уголовного розыска использовал собаку-ищейку, которая привела в дома, расположенные на той же Суражской улице, в которых в ходе обыска было обнаружено ворованное сало в количестве 12 кг., сданное под расписку владельцу, преступники были задержаны. В обвинительном заключении констатировалось, что дело подлежит рассмотрению в мировом суде. Несмотря на ходатайство перед СД, обвиняемые из тюрьмы на судебное заседание не были доставлены, суд был перенесен, дальнейший исход дела не известен [23, л. 4–7, 18, 21, 23, 23 об.]. В июле 1943 г. следователь полиции рассмотрел уголовное дело по обвинению граждан в краже овечьей шерсти со склада веревочной артели. Один из соучастников скрылся, двое других были заключены в городскую тюрьму. По итогам обвинительного заключения полиции юридический подотдел городской управы направил материалы в суд для рассмотрения дела по существу. Мировой суд принял дело в производство, назначил дату заседания и ходатайствовал перед начальником полиции о доставке обвиняемых 16.08.1943 г. в зал заседания. Виновные были приговорены к 14-дневному тюремному заключению [24, л. 15–17, 21–24 об.]. В

августе 1943 г. на имя начальника уголовного отдела полиции поступило заявление гражданки о краже из квартиры вещей. После установления полицией виновного (им оказался гражданин, ранее уже наказанный бургомистром за кражу), дело было передано в суд, который 2.09.1943 г. приговорил его к 14-дневному заключению [25, л. 10, 10 об., 13, 17, 27, 27 об.].

Порой судопроизводство велось продолжительное время, заседания могли откладываться по разным причинам (затребование дополнительных доказательств, свидетелей, неявка кого-либо из сторон), что вызывало раздражение истцов. Юридический отдел, в ответ на жалобу гражданки (ее дом был разобран германской армией на дрова, взамен чего был предоставлен другой, который прежний жилец не спешил освобождать), 5.09.1942 г. потребовал от мирового суда провести заседание по ее иску вне очереди, даже если ответчик не явится в суд [2, л. 18]. В некоторых случаях не довольные вынесенным вердиктом истцы пользовались возможностью обжаловать решение суда. Юридический отдел проверял правомерность вынесенного судом решения и утверждал или отклонял его. Например, юридический отдел 1.08.1942 г. сообщил мировому суду, что судебное решение от 23.07.1942 г. относительно отклонения иска о выселении ряда жильцов из квартиры является правильным, поскольку договор аренды ответчиками не был нарушен [2, л. 6].

Таким образом, в суровых условиях оккупационной повседневности для многих граждан одной из стратегий выживания стало апеллирование к суду как к последней инстанции, способной эффективно решить спорную ситуацию. Материалы судебных дел иллюстрируют глубину социальных проблем, а также мораль граждан, пытавшихся выжить любой ценой.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 486.
2. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 487.
3. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 511.
4. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 496.
5. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 506.
6. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 495.
7. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 497.
8. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 485.
9. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 505.
10. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 514.
11. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 503.
12. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 488.
13. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 499.
14. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 500.
15. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 489.
16. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 494.
17. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 498.
18. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 518.
19. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 510.
20. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 501.
21. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 509.
22. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 513.
23. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 504.
24. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 492.
25. ГАВО. − Ф. 2073. − Оп. 8. − Д. 512.

Кулинок С.В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА ПАРТИЗАН В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Одной из форм сопротивления оккупантам в годы Великой Отечественной войны было массовое партизанское движение, а его важнейшей частью – разведывательная деятельность. Как отметил военный историк В. Андрианов, «история еще не знала подобных примеров столь широкого, целеустремленного и организованного использования партизан для решения разведывательных задач… как это было в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 20]. На сегодняшний день отечественная историография располагает определенным количеством работ по истории партизанской разведки [2, 4, 6], а так же исследованиями в области источниковедения и методологии изучения этой темы [15, 16]. Некоторые группы и виды документов были детально рассмотрены и проанализированы [3, 5], а некоторые остаются до сих пор невостребованными или ограниченно востребованными для историков. К число последних мы можем отнести разведывательные документы, хранящиеся в фонде БШПД (1450) Национального архива Республики Беларусь. Цель работы: показать некоторые группы и отдельные документы, которые определяли основные направления экономической и политической разведки партизанских формирований, определить их роль и раскрыть внутреннюю структуру.

Разведывательная работа партизан в годы Великой Отечественной войны представляла собой не инертное, а достаточно динамично развивавшееся явление, которое меняло свои цели и задачи, исходя из потребностей партийных и военных руководящих органов и самого партизанского движения. Период наибольшей активности экономической и политической разведработы приходится на лето 1942 – весну 1943 г. Это было связано с тем, что линия фронта проходила на значительном удалении от территории Беларуси и активные боевые действия велись на других участках (военная разведка в это время была менее актуальна). Кроме того, в этот период времени немецкое руководство проводило широкие экономические (закон о землепользовании) и политические (создание коллаборационистских организаций и союзов) мероприятия среди местного населения с целью привлечения его на свою сторону. В этой ситуации от Главного Политического управления Красной Армии и Главного разведывательного управлений Генерального штаба требовалось немедленное и широкое ведение контрпропаганды, что требовало точных и проверенных разведанных экономического и политического характера.

Одной из групп документов является организационно-распорядительная, которая определяла порядок и задачи ведения разведки. Среди важных документов этой группы следует выделить «Примерный перечень вопросов по организации политической и экономической разведки в районах, временно оккупированных немцами», изданный 8-м отделением Политуправления Западного фронта в июле 1942 г. [14, л. 81–84]. Документ создавался с целью активизации деятельности отделов и отделений фронтов и армий, курировавших вопросы партизанского движения, направленной на ведение экономической и политической разведки, а также полного учета полученных разведданных. В начале документа указывалось, что «отделения обязаны иметь полное представление о политических и экономических мероприятиях, проводимых немецким командованием и оккупационными властями перед участком фронта армии». Такая работа должна «коренным образом улучшить нашу контрпропаганду среди населения» [14, л. 81].

Основная часть документов состояла из перечня вопросов и рекомендаций (более 30 пунктов), объединенных в пять разделов: «Вопросы политической разведки», «Экономическая разведка», «Отношение немецкого командования к военнопленным», «Источники получения разведанных», «Оформление материалов по политразведке». На основании полученных сведений рекомендовалось ведение на каждый район и крупный населенный пункт специальных формуляров, в которые должны были заноситься все факты и разведданные [14, л. 81-84].

В марте 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина пришло указание, подписанное начальником ЦШПД П. Пономаренко, в первой части которого говорилось, что «в большинстве своем присланные в ЦШПД материалы освещают только оперативные и разведывательные вопросы и совсем слабо освещают вопросы политической работы…, не менее слабо освещаются и вопросы положения на оккупированной территории, политической обстановки, оценки проводимых немецкими властями мероприятий». Вторая часть документа содержала указания и рекомендации, направленные на улучшение качества работы разведки по этим направлениям. В частности предписывалось: укреплять связи с населением, активизировать агитационную работу, уделять большее внимание мероприятиям оккупационных властей в различных сферах и др. В заключении указывалось: «Предлагаю Вам организовать поступление материалов об обстановке, партийно-политической работе в тылу противника и регулярно представлять по этим вопросам свои сообщения и доклады в ЦШПД» [9, л. 57].

Интерес советского руководства к политической ситуации на оккупированной территории постоянно усиливался. 14 апреля 1944 г. БШПД разработал документ – «Основные вопросы, подлежащие освещению через агентурную разведку в апреле-мае 1944 г.». Делался акцент на разведку коллаборационистских организаций и учреждений, а основные вопросы были объединены в 6 разделов: «Белорусская центральная рада», «СБМ», «Профессиональные союзы», «Самопомощь», «Белорусское научное товарищество», «Трудовая повинность» [11, л. 62–64].

Другая большая группа документов по разведке относится к планово-отчетной документации. Одной из важнейших задач ЦШПД и БШПД было упорядочение делопроизводства в партизанских органах и формированиях, создание единого шаблона по оформлению и ведению различных видов отчетных документов. В качестве примера можно привести такой вид планово-отчетной документации, как разведывательные сводки БШПД. 27 октября 1942 г. ЦШПД утвердил «Примерную схему разведывательной сводки Н-штаба партизанского движения», в которой указывалось, что «разведывательная сводка составляется штабом партизанского движения через каждые три дня». Далее приводился список из 16 вопросов, которые «необходимо отражать исчерпывающе». Среди них присутствуют и вопросы, связанные с ведением экономической и политической разведки: «места расположения промышленных предприятий, работающих на немецкую армию»; «какие документы, удостоверяющие личность, установлены в данной местности и способы их получения местным населением» [7, л. 21–21 об].

В июле 1943 г. была составлена новая схема разведывательной сводки, 11-ый пункт которой назывался «политико-экономическое положение оккупированных районов», то есть был более общим, что позволяло передавать больший объем информации [7, л. 19]. В разведсводке от 6 сентября 1943 г. указывалось, что «по данным разведки бригады т. Андреева от 27 августа в Минске объявлена эвакуация швейной фабрики «Октябрь» в Вильно. Заводы им. Ворошилова, Мясникова, гараж Совнаркома БССР подготовлены к эвакуации» [8, л. 298]. Встречаются и не совсем обычные сведения. Разведгруппа Бутримовича 6 августа 1943 г. доложила о том, что

«немецкие власти в Могилеве снимают железные крыши, собирают весь металлический лом и отправляют в Германию» [8, л. 256].

Сведения экономического и политического характера содержатся в таких документах как «опросные листы», «протоколы бесед» и «агентурные справки (сводки)». Так, в агентурной справке, подготовленной агентом Березонком («Ёж») по г. Осиповичи, приводятся следующие данные: о работе городского управления (структура, руководители, размещение), полиции, суда, ЦТО, промышленных предприятий, почты; наличии средств массовой информации; пищевых рационах различных групп населения; ценовой политике и др. [13, л. 16–18]. Аналогичные сводки были подготовлены агентами по г. Столбцы, Речица, Витебск [12, л. 37–38об, 44, 128].

Важным видом документов по экономической и политической разведке являются «протоколы бесед» с участниками партизанского движения, прибывшими на «большую землю». Из беседы с партизаном В. Виноградовым из отряда Булата удалось определить некоторые виды налогов, существовавших на оккупированной территории БССР, систему торговли и снабжения продуктами, транспортный режим, устройство границы, данные по землеустройству [12, л. 24–29 об]. Ценность этих сведений заключается в том, что каждый прибывший из тыла, представлял различный географический регион, ограниченный действием своего партизанского соединения, что повышало точность и достоверность информации. Проанализировав 23 беседы и опросных листа за период с декабря 1942 по январь 1943 г. общим объемом 81,5 машинописных листа, автор установил, что данные экономического и политического характера составляют в них 45 листов или 55 % [10, л. 4–133 об].

Таким образом, экономическая и политическая разведка партизан играла важнейшую роль, а полученные разведывательные данные являлись крайне необходимыми для политического и военного руководства советского государства. Организационно-распорядительная документация регламентировала и определяла направления и способы ведения разведки, а планово-отчетная содержала в себе непосредственный результат работы – разведданные.

1. Андрианов, В. Разведывательная деятельность партизан / В. Андрианов // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 8. – С. 20–28.
2. Доморад, К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. / К.И. Доморад. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
3. Ермолович, В.И. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны как исторический источник (1941–1944): автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук: 07.00.09 / В.И. Ермолович. – Минск, 1993. – 24 с.
4. Киселев, В.К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944 / В.К. Киселев. – Минск: Издательство БГУ, 1980. – 128 с.
5. Кулинок, С.В. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения как источник по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны / С.В. Кулинок // Архивы и делопроизводство. – 2012. – № 4. – С. 124–134.
6. Літвін, А.М. Беларускі партызанскі… / А.М. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 9. – С. 3–10.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). − Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Там же, д. 4.
9. Там же, д. 8.
10. Там же, д. 887.
11. Там же, оп. 2, д. 36.
12. Там же, д. 1285.
13. Там же, д. 1301.
14. Там же, оп. 3, д. 42.
15. Павлова, Е.Я. О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения / Е.Я. Павлова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: зборнік. – 2011. – Вып. 6. – С. 103–119.

16. Шумейко, М.Ф. Делопроизводство в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М.Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2005. – № 2. – С. 60–66.

Хисамутдинова Р.Р.

УНИКАЛЬНОСТЬ ПИСЕМ ВОЕННЫХ ЛЕТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОЛХОЗНИКОВ УРАЛА

В наши дни фронтовые письма и письма на фронт – это самые дорогие, бесценные реликвии. Как исторические документы, письма с фронта и на фронт имеют ряд особенностей. Боец, отправляющий весточку домой, или его родные, которые писали ему на фронт, и не помышляли о том, что, спустя десятилетия, их послания будут читать и изучать посторонние люди, поэтому они писали просто, откровенно, искренне, о наболевшем. Война длилась 1418 дней и ночей. Единственной нитью, которая связывала солдата с родными и близкими, были письма. Посредством переписки происходил обмен эмоциональными переживаниями, восполнялся дефицит интимности. Учитывая большое политическое значение такой формы связи между народом и армией, ЦК ВКП(б) 4 октября 1941 г. принял решение о мерах по ускорению доставки писем с фронта.

Значительный интерес для объективного изучения истории советской деревни военной поры представляют личные письма сельских тружеников Урала на фронт своим мужьям, отцам, сыновьям и дочерям, своим родственникам, жившим в других местах, а также письма советских, партийных, хозяйственных руководителей в вышестоящие органы и письма-жалобы сельских тружеников в военные отделы обкомов партии. Эти письма о тяжелом материальном положении, о голодном и полуголодном существовании сельских тружеников тыловых районов страны были перехвачены военной цензурой и долгие годы хранились в архивах под грифом «совершенно секретно» и только в 90-е годы были рассекречены.

В годы Великой Отечественной войны жертвенный подвиг во имя спасения Родины от фашистских захватчиков совершили не только воины Красной армии, но и гражданское население тыловых районов страны, в том числе и уральского региона. В состав Уральского региона входили в годы войны пять областей: Чкаловская (Оренбургская), Челябинская, Свердловская, Молотовская (Пермская), Курганская, и две автономные республики (Башкирская и Удмуртская), из них сельскохозяйственными являлись Оренбургская, Курганская области и Башкирская АССР. Если городское население, работая на военных заводах и фабриках, вооружало и одевало армию, то сельские труженики кормили и армию, и городское население. В отличие от жителей городов, которые были обеспечены карточным снабжением, на сельских тружеников карточная система не распространялась. Хлеб из колхозов подчистую вывозился и сдавался государству, что приводило к тому, что колхозы в течение всей войны почти или вовсе не выдавали хлеба на трудодни.

Ухудшение материального положения колхозников наблюдается по мере продолжения войны. В первые военные годы у сельских тружеников еще оставались предвоенные запасы зерна. Но к середине войны эти запасы иссякли, что в условиях недостаточной выдачи хлеба на трудодни приводило к возникновению локальных очагов голода, особенно в сельскохозяйственных областях Урала. Пик снижения потребления пришелся на 1943–1944 гг., так как в 1943 г. южные области Урала были охвачены засухой. Из-за плохого урожая в среднем по Курганской области на один трудодень колхозники получили 138 грамм хлеба, в Чкаловской области – 280, в Челябинской области – 430 и в Башкирии – 390 [5, с. 298]. Фактически, конечно, было выдано меньше. Даже в Башкирии, несмотря на более благоприятные показатели, 4,6%

колхозов хлеб на трудодни не выдали, до 1 кг выдали 93,5%, в Чкаловской области – соответственно 9,2% и 90,3%, в Курганской – 3,0 % и 97,0 %, в Челябинской – 0,3 % и 96,5 %; в РСФСР – 4,1 % и 78,0 % [6, л. 406; 7, л. 459]. В наиболее тяжелом положении оказались колхозы БАССР и Чкаловской области, где процент колхозов, совсем не выдавших хлеб на трудодни, был выше, чем в целом по РСФСР и по другим областям Урала, хотя именно они являлись основными производителями хлеба в регионе. Об этом свидетельствуют также письма из Башкирии и Чкаловской области, перехваченные военной цензурой. 18 ноября 1944 г., письмо А.Д. Килина из башкирской деревни Ильинка на фронт: «Хлеба не кушаем, живем на картошке, два года хлеба не пекли и не видели, из колхоза на троих рабочих получили всего 3 кг и все, ожидать нечего, потому что нет хлеба…» [6, л. 406, 7, л. 459].

В военный отдел Чкаловского обкома ВКП(б) поступало множество писем и заявлений от жен фронтовиков, которые жаловались на тяжелое материальное положение и нехватку продовольствия. В одном из таких писем говорилось о том, что жена Т. П. Курочкина Татьяна Георгиевна (Т.П. Курочкин 21 января 1943 г. совершил подвиг, аналогичный подвигу А. Матросова, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза), проживающая в селе Колычевка Зерклинского сельсовета Шарлыкского района, находится в крайне тяжелом материальном положении. Имеет на иждивении трех несовершеннолетних детей. Петр (14 лет) и Валентина (7 лет) школу не посещают из-за отсутствия одежды и обуви. Из-за отсутствия жилья ютятся в колхозном ОТФ вместе с ягнятами. Продовольственный паек из сельпо получают несвоевременно. В связи с этим представляют интерес строки из письма самого Т.П. Курочкина еще до совершения подвига от 2 октября 1942 г.: «Вы знаете, где я нахожусь и какая обстановка… Наша задача … бить врага беспощадно… А вы дорогая супруга как живете, как работаете, что почем? Как обеспечилась хлебом, как думаете прожить? Как у ребят обувка, одежа? Ходят ли в школу?..». Особое значение придает этим строкам приписка: «Писал под градом пуль и мин, осколков»[11, л. 163; 4, с. 266–267, 3].

6 апреля 1944 г. начальник Пономаревского РОНКГБ и УНКГБ пишет спецсообщение первому секретарю: «В результате просмотра писем военной цензурой выявлено, что проживающие в Вашем районе семьи военнослужащих переживают тяжелые материальные затруднения, а со стороны местных органов им не оказывается необходимая помощь», и ниже приводились выдержки из 12 писем. В основном, в своих письмах сельские жители жаловались на непосильность налогового бремени, которое в военные годы значительно выросло.

Проживающая в с. Н. Богородском Е. Пешкова в своем письме В.Г. Пешкову пишет на фронт: «…Задушили нас налогами, а там разное самообложение, облигации да лотерейные билеты – уплатили 2000 руб. Принесли лотереи на 400 руб. В общем, Вася, запилили в дым, никакой жизни нет».

«…Что я сейчас переживаю, сказать невозможно. На 1945 год принесли мне военный налог – 550 рублей, мясопоставку – 40 кг, 100 шт. яиц, 115 литров молока, кроме этого, нужно уплатить шерсть, картофель, сельхозналог. Наверное, я не переживу это все…» (Отправитель: Мартемьянова А. – Чкаловская область, Бугурусланский район, с. Ключевка, 26 февраля 1945 г.) [12, л. 74 об.].

Кузнецова Акулина из Дуванского района Башкирии пишет письмо на фронт мужу: «Меня обложили налогами – 450 рублей деньгами, 3 ц картошкой. Мясо, яйца сдала, а картошку с деньгами не уплатила и нечем платить, сами сидим голодные. Меня хотят отдать под суд. Вот, Грина, Вы будете воевать, а я буду в тюрьме страдать».

Также колхозники жаловались на то, что силой их заставляют подписываться на военные займы. Ведь фактически подписка проходила на добровольно-принудительной основе. Казанцева из Башкирии пишет своему мужу на фронт: «На заем меня

подписали на 1000 рублей, угрожая, что в противном случае у меня отберут усадьбу и картошку» [7, л. 462, 113, 114]. Такие случаи были довольно распространенным явлением.

Основным источником существования колхозной семьи в годы войны являлось личное подсобное хозяйство, но и оно было обложено обязательными поставками сельскохозяйственных продуктов государству. Некоторые колхозные дворы в военные годы обнищали и не были способны справиться с обязательными поставками. В связи с этим были нередки случаи нарушения законов и распоряжений правительства райуполнаркомзагами, народными судами и райфинотделами при проведении мероприятий по взысканию недоимок и штрафов с колхозников, в том числе и с семей военнослужащих. У семей фронтовиков по четырем районам Чкаловской области (Сакмарскому, Халиловскому, Краснохолмскому, Покровскому) в 1945 г. было отобрано 19 коров, хотя эти семьи нуждались в помощи государства [12, л. 87].

В особенно тяжелом положении оказались колхозники в башкирских районах и населенных пунктах, которые плохо развивали приусадебные хозяйства, не сеяли или очень мало сеяли картофеля или овощей, а помощь из других населенных пунктов этим хозяйствам исполкомами райсоветов и райкомами ВКП(б) организовывалась совершенно недостаточно. В 1944 г. бюро Башкирского обкома партии было вынуждено принять ряд постановлений по оказанию продовольственной помощи сельским районам республики. Так, 10 марта 1944 г. принято постановление «О преодолении трудностей в обеспечении продовольствием населения ряда районов республики и фактах истощения колхозников от голода», 5 мая «Об оказании материальной и продовольственной помощи южным и северо-восточным районам республики» (10 районам: Бурзянскому, Макаровскому, Куюргазинскому, Зиянчуринскому и т.д.) и др. Постановлением от 10 марта для оказания дополнительной помощи семьям военнослужащих выделялось в марте за счет городских фондов 7200 пудов хлеба, постановлением от 5 мая на май выделялось хлеба для остронуждающихся семей военнослужащих южных и северо-восточных районов республики в количестве 121 т для организации общественного питания колхозникам, занятым на полевых работах, в том числе 48,5 т для трактористов МТС. Также выделялось 6450 шт. верхней мужской одежды, 2600 шт. женской и 1440 шт. детской [8, л. 57-60; 9, л. 44–45; 1, с. 160, 161, 172–174].

По подсчетам автора, за период с 20 января по 20 февраля 1944 г. через пункты военной цензуры отдела «В» НКГБ БАССР прошли 6930 писем-жалоб на нехватку продовольствия, с 25 июля по 31 августа – 1200 жалоб, с 1 августа по 1 сентября – 9405, с 5 сентября по 23 сентября – 500 жалоб и т.д., особенно много из Янаульского, Байкибашевского районов. Из деревни Сюраш Каримов Г. пишет письмо на фронт Хакимову А.: «Из колхоза хлеба не дают ни грамма. Отец ходил в район просить о помощи и по дороге умер от голода, был весь опухший. Урожай нынче плохой, хлеба нет...» (18 ноября 1944 г.). В мае 1944 г. из деревни Куваково Кушнаренковского района Крашенинников Михаил пишет письмо брату на фронт: «…Народ голодает, картофеля почти что в каждом дворе нет, едят овчины овечьи, телячьи и коровьи. Едят даже собак и скоро кошек начнут. Я 6 апреля ходил к тетке Бакеевой, она меня заставила зарезать собаку, я зарезал, и она даже хочет голову собачью опалить и есть. Петруха Зубарьков уже две собаки съел. На хуторе у Марины уже пять кож съели и ребятишки еще просят—давай еще с полатей кожу… Едят полуоколевших лошадей…» [7, л. 456 об., 459 об., 459, 31].

Весной 1944 г. Борисова Мария Дмитриевна из деревни Кисеек Кигинского района писала мужу на фронт: «Ваня, мы живем плохо, хлеба нет, картошка вымокла, едим желуди, думаем ехать на производство, в колхозе жить невозможно. А Евдокия живет еще хуже,

картошки нисколько нет, ребята собирают подаяние. Мы уже третью зиму не едали хлеба, живем на одной постной картошке, и то едим не досыта». На фронт письмо из Кармаскалинского района Абдульмановой Зияды: «… Кушать нечего, не знаю, что делать, совсем обнищали, продавать нечего. Не знаю, останемся ли живы, если умрем, то прости нас. Большой голод, как в 1921 году». В каждом из этих писем душераздирающий крик о помощи. Письмо из Дюртюлинского района на фронт: «…В деревне голод, люди голодуют. Наверное, ты не веришь, иногда мы в неделю раз не кушаем. Последнюю овцу взяли за семена, не только мы, такое положение у всех» (Хамедуллина Фая). В Башкирии в годы войны были даже попытки со стороны матери убить своего ребенка, случаи людоедства. Об этом говорилось в спецсообщении, направленном наркому внутренних дел Л. Берии 9 марта 1944 г. В Бураевском районе в колхозе им. Маркса колхозница—жена фронтовика М. Зинатуллина, на иждивении которой находилось четверо детей, опухших от голода, пыталась убить одного ребенка, чтобы прокормить остальных детей. Она же убила кошку и кормила детей. Одного из двух детей пыталась убить М. Галева.

Об этом же свидетельствует письмо Исхаковой из Кутлугузинского сельсовета Гафурийского района в Акмолинскую область: «Дорогая сестренка! Здесь страдающих за кусок хлеба очень много. Люди употребляют в питание человечье мясо…». В другом донесении, составленном 25 марта 1944 г., говорилось о том, что в Мечетлинском районе Башкирии большинство семей-фронтовиков распродали или съели свое личное имущество. Остались без одежды и без обуви. Едят липовую муку, смолотую из высушенного липового кустарника. Обжигают и едят сыромятную кожу, мясо павших животных… Высокая детская смертность в колхозах «Искра», им. Нуриманова, «Юлдус»… В колхозе «Искра» из 50 семей в течение месяца умерли 31 человек. Не хоронят умерших по 1–3 дня, трупы лежат рядом на нарах с другими опухшими членами семей. Отдельные взрослые члены семей оставляют на произвол истощенных детей без продуктов и одежды, а сами уходят в другие районы в поисках продуктов». Такие же случаи были в Макаровском районе – по Алатановскому сельсовету – 3, по Арметовскому сельсовету – 2 случая. Видя страдания своих односельчан, отдельные руководители колхозов БАССР встали на путь расходования семенного фонда на продовольствие. Так, в Мечетлинском районе в колхозе им. Жданова израсходовали 4 ц семенного фонда, в колхозе «Кзыл юл» – 1 ц и т.д. За январь-март 1944 г. в Башкирии было выделено голодающим колхозникам 10 т хлеба [6, л. 396–401 об., 346 об., 359, 360, 317 об., 318, 369]. Это, конечно, была капля в море.

По неполным данным, по подсчетам автора, с 20 января по 23 ноября 1944 г. через военную цензуру БАССР прошли 28 266 жалоб на продовольственные трудности. Но если считать, что от каждой семьи написано по одному письму на фронт, и то получается 7 % от общего количества колхозных дворов (в 1944 г. всего колхозных дворов 405,5 тыс.). А ведь надо учитывать и то, что не все семьи писали фронтовикам правду о своем тяжелом материальном положении, чтобы не расстраивать их. Когда уже становилось невыносимо тяжело, вот тогда и шли такие письма на фронт, правда, они редко когда доходили до адресата, так как военная цензура их не пропускала. За период с 29 декабря 1944 г. по 18 июня 1945 г., по неполным данным по подсчетам автора, через военную цензуру республики прошли 2423 письма-жалобы на продовольственные трудности. За период с 29 декабря 1944 г. по 18 июня 1945 г., по неполным данным, через военную цензуру республики прошли 2423 письма-жалобы на продовольственные трудности [5, с. 298].

В целом потенциал писем сельских жителей для воссоздания жертвенного подвига деревни в годы Великой Отечественной войны и повседневной жизни сельских тружеников представляется огромным и использованным в очень незначительной степени. В свете разработки новых исследовательских направлений (социальная

история, история повседневности, гендерная история) ощутима потребность в серьезной «ревизии» данного вида источников и методов их анализа, постановке перед ними новых вопросов о Великой Отечественной войне.

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: документы и материалы. – Уфа: Китап, 1995. – 542 с.
2. Корнилов, Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1990. – 221 с.
3. Оренбургский областной историко-краеведческий музей (ООИКМ ОРОМ 12140/2. 6 октября 1942.
4. Россовский, В.П. Золотые звезды Оренбуржья / В.П. Россовский. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1989. – 512 с.
5. Хисамутдинова, Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы / Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 300 с.
6. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 24. –Д 44.
7. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 24. – Д 43.
8. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 24. – Д. 92 а.
9. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 23. – Д. 100а.
10. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 23. – Д. 26.
11. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. – Фонд 371. – Оп. 9. – Д. 134.
12. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. – Фонд 371. – Оп. 9. – Д. 511.

Пуховицкая Ю.С.

ПИСЬМА БЫВШИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ г. ЛЕПЕЛЯ И ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История подпольного движения в Лепеле и Лепельском районе в годы Великой Отечественной войны является малоизученной и противоречивой. Это во многом связано с самой сущностью подполья как явления. Свою роль играет и восприятие подпольной деятельности как неотъемлемой части партизанского движения. По прошествии почти 70 лет так и не создана обобщающая работа непосредственно по данной теме. В большинстве источников, находящихся в фондах Лепельского музея, подполье отражено как часть партизанского движения. Так, «Отчет Лепельской партизанской бригады им. Сталина», содержит информацию о руководителях подполья, наиболее активных его участниках, о взаимодействии партизан и подпольщиков [1, с. 28].

Одним из немногих источников, отражающих исключительно тему подпольного движения, являются письма бывших подпольщиков из фондов Лепельского районного краеведческого музея. Они датируются 1966–1978 гг. Большая часть писем адресована Кедаловой Наталье Константиновне, минской журналистке, одной из первых выпускниц журфака БГУ [2, с. 47], которая, исходя из текста писем, планировала написать художественную книгу, основанную на реальных событиях истории лепельского подполья. Ей удалось связаться со многими участниками подполья, более 10 лет с ними велась активная переписка. По ряду причин работа над книгой затянулась и, очевидно, так и не была завершена. Однако итогом работы стали письма-воспоминания участников лепельского подполья [3]. Этот комплекс писем является практически неисследованным и не включен в научный оборот. Основным их преимуществом перед другими источниками является возможность посмотреть на события с точки зрения их непосредственных участников, выявить психологические характеристики подпольщиков, определить более широкий круг персоналий, имевших отношение к подпольной деятельности, в том числе не зафиксированных в официальных документах.

Комплекс писем неоднороден как по внешним признакам, так и по содержанию. Он включает 80 писем. Часть их них написана вручную, часть напечатана на машинке. Ряд писем по структуре представляют собой ответы на вопросы, заданные Кедаловой, некоторые оформлены как воспоминания. Часть писем написаны не самими подпольщиками, а их родственниками (это касается в основном погибших подпольщиков). Одни подпольщики принимали более активное участие в переписке (так. М.В. Нарушевич написала около 30 писем), другие отметились одним-двумя письмами. Проанализировав содержание писем, можно выделить два существенных аспекта информации. Во-первых, оценка автором письма собственного вклада в общее дело и мотивы участия в подпольной деятельности. Для бывших подпольщиков не характерно выделение своих личных заслуг, свою деятельность в годы войны они воспринимают как должное: «к числу подпольщиков периода Отечественной войны я не смею себя причислить, т.к. ничего особенного из ряда вон выходящего я не сделала…» (А. Аникеевич,) [3, п.50]; (здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены – Ю.П.); «писать про меня не нужно, ибо я ничего не сделала, а просто выполняла свой долг комсомолки» (А.Парфенчук) [3, п. 40]; «мы делали то, что делали тысячи советских людей, так что много писать о себе не стоит» (М. Мешкова) [3, п. 49]. Некоторые все же акцентируют внимание на своей роли в подполье: «: «Закревский Владимир один может быть не смог сделать всего, если бы не имел помощницы в моем лице. Он и товарищам … представлял меня, как свою правую руку» (А. Закревская) [3, п. 3].

Во многих письмах подпольщики пишут о своем участии в подполье кратко, без подробностей, выражают сомнения в необходимости этих воспоминаний: «у меня была записка от Лобанка он просил медикаментов, я их отдала по назначению, а записку спрятала за обои, но бомбежка – пожар уничтожено было, да и спустя три с половиной десятилетия все это уже не нужным стало» (А. Аникеевич) [3, п. 17]. В других подробно перечисляют, в чем конкретно заключалась их деятельность: «я получала медикаменты, кристаллический йод, перевязочные материалы…а также доставала на рынке махорку, мыло… Участвовала в сборе советских денег и облигаций в фонд Красной Армии. Вязала носки и рукавицы с двумя пальцами из шерсти…» (А. Клац) [3, п. 1]; «1. Партизанам мы сообщали какие прибыли части немецкие… 2. Помогали пленным переходить в лес к партизанам. 3. Собирали немецкие марки покупали табак и соль для партизан. 4. Доставали медикаменты для партизан» (Н. Зайцева) [3, п. 23].

Во-вторых, оценка участия других людей в подпольной деятельности. Лепельское подполье было достаточно разветвленным и законспирированным, только в Лепеле в период оккупации действовало 7 подпольных групп [4, с. 225]. В связи с этим авторы писем в годы войны были знакомы только с ограниченной группой людей, многие им были, либо вообще неизвестны, либо неизвестны как подпольщики: «Вот Марию Мешкову я не помню, и по-моему такой не было…» (А. Клац) [3, п. 8]; «я не знаю, была ли у нас связь какая с Бакштаевым, я одно знаю, что он врач и спасал меня от смерти» (М. Мешкова) [3, п. 56]; «Мензуренко я самого не знала, знаю, что его расстреляли немцы» (Н. Матуйзо) [3. п. 32]. Тех же, с кем они были непосредственно знакомы в годы войны и связаны общей деятельностью оценивают с положительной стороны: «Володя Закревский был героический, легендарный человек, а как восстановить справедливость, … не знаю» (М. Нарушевич) [3, п. 14]; «она была настоящей героиней, бесстрашной» (М. Мешкова о сестре Елене) [3, п. 49].

Кроме того, письма содержат различную информацию о более 40 персоналиях, которые в той или иной степени участвовали в подпольной деятельности, описание внешности некоторых участников подпольного движения, описываются конкретные действия подпольщиков, называются имена предателей и людей, сотрудничавших с

оккупантами. Представляет интерес информация о расположении зданий, учреждений в Лепеле в довоенные годы и период оккупации.

Отдельного внимания заслуживают такие аспекты, как история увековечивания памяти погибших подпольщиков, получение выжившими подпольщиками подтверждающих документов об участии в партизанском движении, условия их жизни после войны. Сложившуюся ситуацию отражают следующие цитаты из писем Марии Владимировны Нарушевич, одного из главных борцов за создание истинной истории лепельского подполья: «Итак, Лепельские Анджелы еще нуждаются все в признании, что они это они»; «я слышала что говорят, будто бы все настоящие подпольщики погибли. Что ж может быть и правда лучше было погибнуть, чем остаться в живых. Но я не покупала своей жизни ценой предательства» [3. п. 10]. Этот же вопрос Ада Казимировна Закревская поднимает в письме В.Е. Лобанку: «с нами через тридцать с лишним лет после войны не могут разобраться кто кем был» [3, п. 3]. Эта тема занимает в письмах не менее важное место, чем события 1941–1944 г. и заслуживает особого исследования.

При анализе содержания писем и использовании описываемых фактов в историческом исследовании необходимо учитывать, что письма были написаны по прошествии 25 и более лет после описываемых событий, в связи с чем многие моменты могут быть отражены не совсем точно, что отмечают и сами авторы: «все описанное здесь было, но не все и всех в состоянии я описать как положено, т.к. к счастью человек способен многое забывать и прошедшее 20-летней давности даже имеет какой-то романтический оттенок и в молодости все кажется более розовым, чем в старости» (А. Аникеевич) [3. п. 50]; «в то далекое время не думалось, что когда-либо придется припоминать все то, что видел и слышал и делать из него заметки. Время унесло из памяти многое и восстановить связь между событиями того времени и действующими в них лицами теперь не представляется возможным» (М. Бакштаев) [3, п. 62].

Свойственны для них также такие характеристики, как:

–эмоциональность, использование просторечной лексики: «Наталья Константиновна, откуда вы всё это взяли? Это же сплетня! Чепуха!!! (М. Нарушевич на вопрос о работе в немецкой комендатуре заготовителем) [3, п. 4].

–завуалированность многих фактов, требующая умения читать между строк и сопоставлять эпизоды из разных писем. Так как доступна только часть переписки, это затруднительно. «Есть в материалах, посланных Вам некоторыми лицами, очень много неправды, я имею в виду несколько последних воспоминаний одной особы. Могу объяснить только при встрече лично» (М. Нарушевич) [3, п. 55].

–противоречивость информации. На мемориальную доску, установленную на памятнике в память о погибших подпольщиках, занесена фамилия Мензуренко. Вот что пишет о нем М. Нарушевич: «О Мензуренке Судак подтверждает, что он был арестован не за связь с партизанами, а с ним свели старые личные довоенные счеты. Тогда может быть его портрет не нужен в книге?» [3, п. 68].

–наличие информации, не относящейся к описываемым событиям (рассказы о своем здоровье, семейных делах и т.д.);

–субъективность, нередко связанная с личным отношением к человеку: «был хороший друг в то время, но после лагеря не пожелал ехать на родину…такие люди нам не нужны» (А. Катырло на вопрос о целесообразности включения в книгу материалов о О. Парфиановиче) [3, с. 72].

Таким образом, письма нельзя рассматривать как главный источник для исследования истории лепельского подполья, но в комплексе с другими источниками они могут стать основой для создания обобщающей работы по этой проблеме.

1. Отчёт партизанской бригады им. Сталина. – КП 390. – УК «Лепельский районный краеведческий музей».
2. Журфак / Аўт.-склад.: В.П. Вараб'ёў, А.К. Свораб, М.П. Карповіч, Т.А. Луйгас; Рэдкал.: В.П. Вараб'ёў (адк. рэд.) і інш. –Мн.: БДУ, 2004. – 306 с.
3. Письма, воспоминания подпольщиков о Лепельском подполье в годы Великой Отечественной войны. 1968-1978 гг. – НВ 3713/80. – УК «Лепельский районный краеведческий музей».
4. Памяць: Лепельскі раён: Гіст.-дак. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Укл. В.Я. Ланікіна, А.У. Стэльмах: Рэдкал.: В.Я. Ланікіна і інш.; –Мн.: Беларусь, 1999. –640 с.

Юргевіч Н.К.

КРЫНІЦЫ ПА ВЫВУЧЭННІ КУЛЬТУРНАГА БУДАЎНІЦТВА Ў БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ Ў ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ (1944–1955 гг.)

Першае пасляваеннае дзесяцігоддзе з'явілася важным этапам у гісторыі культурнага развіцця беларускай вёскі і сялянства. У пасляваенныя гады культурна-асветная дзейнасць органаў народнай адукацыі і культуры павінна была дапамагчы вырашыць у першую чаргу галоўную праблему – аднавіць разбураную вайной народную гаспадарку краіны. Дзяржаўныя асігнаванні, ініцыятыўнае будаўніцтва спрыялі ўзвядзенню ў многіх раёнах будынкаў для культурных устаноў, колькасць якіх да канца чацвёртай пяцігодкі пераўзышла даваенныя паказчыкі. Аднак, першыя пасляваенныя гады былі даволі цяжкімі для краіны. Вывучэнне гісторыі аднаўлення і развіцця ўстаноў адукацыі і культуры ў беларускай вёсцы пасля вайны дазваляе зразумець і ацаніць не толькі ваенны подзвіг, але і працоўны гераізм савецкіх людзей у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Пры вывучэнні дадзенага пытання, у першую чаргу, трэба адзначыць афіцыйныя дакументы цэнтральных (ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР) і рэспубліканскіх (ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР) партыйных і дзяржаўных органаў, прысвечаныя пытанням функцыянавання і развіцця народнай адукацыі і культуры ў пасляваенныя гады [3; 4; 5; 6], а таксама статыстычныя зборнікі па развіцці народнай гаспадаркі БССР, пастановы і загады Міністэрства адукацыі БССР, якія друкаваліся ў часопісе "У дапамогу настаўніку" з мэтай давядзення іх да сельскай інтэлігенцыі.

Даволі цікавымі па дадзенай праблеме з'яўляюцца архіўныя крыніцы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), Дзяржаўных архіваў Віцебскай, Мінскай, Гомельскай, Магілёўскай, Гродзенскай, Брэсцкай абласцей, Дзяржаўных архіваў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай, Гродзенскай абласцей.

Асаблівую каштоўнасць пры вывучэнні пытання культурнага будаўніцтва беларускай вёскі пасля Вялікай Айчыннай вайны складаюць матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Так, фонды Міністэрства адукацыі БССР (НАРБ, фонд 42, воп. 4, 6) цікавыя тым, што ўтрымліваюць інфармацыю пра праблемы, з якімі сутыкнуліся адміністрацыі школ, выконваючы пастановы і загады Міністэрства адукацыі – недахоп памяшканняў, настаўніцкіх кадраў, значны адсеў вучняў, слабасць матэрыяльна-тэхнічнай базы (пратаколы пасяджэнняў Калегіі Міністэрства адукацыі, статыстычныя дадзеныя аб дзейнасці Міністэрства адукацыі, АблАНа, даведкі і дакладныя запіскі раённых органаў народнай адукацыі і сельскіх школ, справаздачы пра работу настаўніцкіх канферэнцый і пасяджэнняў, дакументы пра дзейнасць вячэрніх школ у пасляваенныя гады).

Вельмі каштоўныя дакументы па пытанні культурнага аднаўлення краіны пасля вайны ўтрымлівае фонд ЦК КПБ. Асабліва важнае значэнне маюць інфармацыі і дакладныя запіскі Міністэрства адукацыі БССР у ЦК КПБ пра ход правядзення школьных рэформ, пра праблемы школ сельскай моладзі, матэрыялы ВНУ рэспублікі, дакументы АблАНа і РАНа пра цяжкае матэрыяльнае становішча сельскай інтэлігенцыі, палітычныя настроі сялянства (НАРБ, фонд 4-п, воп. 17, 62). Фонд ЦК

КПБ утрымлівае дакументы партыйных арганізацый у справе аднаўлення культурна-асветнай работы пасля вайны (НАРБ, фонд 4-п, воп. 47).

Інфармацыю аб ідэйна-палітычнай і культурна-масавай рабоце сярод сельскага насельніцтва можна знайсці ў фондах Камітэта па справах культурна-асветных устаноў (НАРБ, фонд 790, воп. 1) і Міністэрства культуры БССР (НАРБ, фонд 974, воп. 1, 2), якая была звязана з арганізацыяй і правядзеннем выбараў, распаўсюджаннем палітычных і навуковых ведаў, дзейнасцю палітшкол і палітгурткоў, прапагандай лепшых дасягненняў савецкай культуры, знаёмствам сялян з апошнімі навуковымі адкрыццямі ў галіне сельскай гаспадаркі, арганізацыяй канцэртаў і спектакляў, стварэннем гурткоў мастацкай самадзейнасці, развіццём бібліятэчнай справы.

Багатымі з'яўляюцца матэрыялы фондаў Дзяржаўных архіваў Віцебскай, Мінскай, Гомельскай і Магілёўскай абласцей. Так, можна звярнуцца да фондаў Віцебскага АблАНа (ДАВВ, фонд 2797, воп. 1, 2, 3), Аддзела народнай адукацыі выканкама Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных (ДАМВ, фонд 322, воп. 3), Мінскага АблАНа (ДАМВ, фонд 1243, воп. 1, 6), а таксама фондаў аддзелаў народнай адукацыі Гомельскага (ДАГВ, фонд 1044, воп. 2) і Магілёўскага аблвыканкамаў (ДАМгВ, фонд 124, воп. 2, 4), у якіх змяшчаюцца рашэнні аблвыканкамаў пра работу школ, загады і распараджэнні Міністэрства адукацыі, справаздачы пра работу школ сельскай моладзі і ліквідацыю непісьменнасці і малапісьменнасці сярод дарослага насельніцтва, справаздачы завочных аддзяленняў педвучылішчаў, дакументы абласных нарад дырэктараў школ.

Развіццё культурна-асветнай работы ў Беларусі ў пасляваенныя гады раскрываюць дакументы фондаў Віцебскага абласнога аддзела культурна-асветнай работы (ДАВВ, фонд 2806, воп. 1, 2, фонд 2852, воп. 1), Мінскага абласнога ўпраўлення культуры (ДАМВ, фонд 2316, воп. 1, фонд 3504, воп. 1, 2), Гомельскага аддзела культурна-асветных устаноў (ДАГВ, фонд 1712, воп. 1), Упраўлення культуры выканкама Магілёўскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных (ДАМгВ, фонд 2312, воп. 1, 2), аддзелаў культурна-асветных устаноў выканкамаў Мінскага (ДАМВ, фонд 1758, воп. 1) і Магілёўскага Саветаў дэпутатаў працоўных (ДАМгВ, фонд 805, воп. 2), якія захоўваюць багатую колькасць разнастайных матэрыялаў – ад загадаў Камітэта па справах культурна-асветных устаноў да справаздач загадчыкаў хат-чытальняў, клубаў і бібліятэк. Аднак, значная частка дакументаў напісана згодна са схемай і ўтрымлівае сціслую інфармацыю пра становішча і развіццё ўстаноў культуры ў раёнах у 1944–1955 гг.

Каштоўныя дакументы, у якіх змяшчаюцца матэрыялы як па развіцці адукацыі, так і культуры, выяўлены аўтарам у фондах абкамаў КПБ: Віцебскага (ДАВВ, фонд 1-п, воп. 1, 2, 3), Полацкага (ДАВВ, фонд 10060-п, воп. 1), Гомельскага (ДАграГВ, фонд 144-п, воп. 1, 7, 20, 42, 60, 61), Мінскага (ДАМВ, фонд 1-п, воп. 1, 2), Маладзечанскага (ДАМВ, фонд 4629-п, воп. 2, 3, 4, 8, 11, 12). Гэта матэрыялы абласных аддзелаў народнай адукацыі і культурна-асветнай работы, якія дасылаліся ў абкамы КПБ, інфармацыя па радыё- і кінафікацыі сельскай мясцовасці, справаздачы аддзелаў па прапагандзе і агітацыі РК КПБ, у якіх адзначаліся поспехі і недахопы ў культурна-асветнай рабоце, дакладныя запіскі пра грамадска-палітычнае і эканамічнае жыццё калгаснікаў.

Вельмі карыснымі з'яўляюцца архіўныя дакументы, якія дапамагаюць паказаць асаблівасці развіцця заходніх абласцей БССР у параўнанні з усходнімі. Такія дакументы знаходзяцца ў Дзяржаўных архівах Гродзенскай і Брэсцкай абласцей. Архіўныя дакументы ўтрымліваюць адметныя падзеі ў жыцці заходнебеларускай вёсцы: удзел культурна-асветных устаноў у правядзенні калектывізацыі і антырэлігійнай прапагандзе, укараненне характэрных рысаў савецкай сацыялістычнай культуры, абмежаванне ролі царквы ў жыцці сялян, паказваюць становішча ў рэгіёне, выкліканае

дзейнасцю антысавецкага падполля (ДАБВ, фонд 1-п, воп. 1-11, фонд 1041, воп. 1, фонд 1300, воп. 1, фонд 1293, воп. 1), (ДАГрВ, фонд 730, воп. 1, фонд 838, воп. 1). Шмат карыснай для даследавання інфармацыі ўтрымліваецца ў дакументах раённых аддзелаў народнай адукацыі і аддзелаў культурна-асветных устаноў, у якіх назіраецца адметнасць развіцця заходняга рэгіёна Беларусі пасля вайны.

Пры вывучэнні праблемы культурнага будаўніцтва беларускай вёсцы ў пасляваенныя гады вельмі важнымі крыніцамі выступаюць успаміны людзей, якія з'яўляліся сведкамі ці ўдзельнікамі аднаўлення народнай гаспадаркі Беларусі пасля вайны, у прыватнасці, успаміны былых партыйных і камсамольскіх работнікаў: К.Т. Мазурава [8], П.К. Панамарэнкі [11], І.Ф. Клімава [2], П.Л. Лебедзева [7]. Вельмі карысным і цікавым для даследчыкаў з'яўляецца фонд успамінаў работнікаў сельскай гаспадаркі, старшынь калгасаў і саўгасаў, камсамольскіх і партыйных работнікаў, Герояў Сацыялістычнай працы, настаўнікаў пра пасляваеннае аднаўленне народнай гаспадаркі, якія знаходзяцца ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці (ДАВВ, фонд 9742, воп. 3).

Цяжкі стан беларускай вёскі пасля вайны дазваляюць зразумець зборнікі архіўных дакументаў, выдадзеныя ў Рэспубліцы Беларусь [1; 10].

Найважнейшай крыніцай разглядаемага перыяду з'яўляецца перыядычны друк, на старонках якога друкаваліся работнікі адукацыі і культуры. Гэта матэрыялы як рэспубліканскіх, так і мясцовых перыядычных выданняў 1944–1955 гг.: часопісаў "Культурно-просветительная работа", "Библиотекарь", "Молодой колхозник", "Калгаснік Беларусі", "Работніца і сялянка", "Беларусь", "Народная асвета", "У дапамогу настаўніку", газет "Советская Белоруссия", "Настаўніцкая газета", "Звязда", "Віцебскі рабочы", шматлікіх раённых газет. Гэтыя артыкулы дапамагаюць убачыць стан народнай адукацыі і культуры ў БССР на той момант, колькасныя паказчыкі развіцця вучэбна-матэрыяльнай базы агульнаадукацыйных школ, культурна-асветных устаноў, пашырэнне іх сеткі і структуры. У газетных публікацыях знаходзілі сваё месца крытычныя матэрыялы пра дрэннае кіраўніцтва культурна-асветнай работай на вёсцы, нездавальняючае будаўніцтва школ, недастатковую работу па ліквідацыі непісьменнасці і малапісьменнасці, якія станавіліся прадметам разгляду ў партыйных і савецкіх органах кіравання і па якіх прымаліся адпаведныя рашэнні.

Такім чынам, крыніцазнаўчай базай пры аналізе пытання культурнага будаўніцтва ў беларускай вёсцы з'яўляюцца афіцыйныя дакументы цэнтральных, рэспубліканскіх, абласных партыйных і дзяржаўных органаў, пастановы і загады Міністэрства адукацыі БССР, статыстычныя зборнікі, шэраг рэспубліканскіх, рэгіянальных, раённых газет, часопісаў, што дазваляе зрабіць пэўныя высновы пра цяжкасці і дасягненні культурнага аднаўлення і развіцця беларускай вёскі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, уплыў складаных палітычных і эканамічных абставін таго часу на культурныя працэсы у рэспубліцы.

1. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: документы / Сост.: Н.А. Бондаренко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2003. – 438 с.
2. Климов, И.Ф. Далекое и близкое / И.Ф. Климов. – Минск, 1987. – 335 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 8. 1946–1955 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9 изд., доп. и испр. – 1985. – 542 с.
4. КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под ред. Г.Г. Бартошевича [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983 – 1887. – Т. 4. 1945–1955 / под ред. Г.Г. Бартошевича [и др.]. – 1986. – 616 с.
5. КПСС о культуре, просвещении, науке: сборник документов / Сост.: В.С. Викторов [и др.]; ред. В. Гуревич. – М.: Политиздат, 1963. – 552 с.

6. Культурная жизнь в СССР, 1941 – 1950: хроника / сост.: С.Н. Базанов [и др.]. – М.: Наука, 1977. – 524 с.; Культурная жизнь в СССР, 1951–1965: хроника / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост.: С.Н. Базанов [и др.]. – М., 1979. – 679 с.
7. Лебедев, П.Л. Возвращение / П.Л. Лебедев // Неман. – 1986. – № 10. – С. 135–154.
8. Мазуров, К.Т. Восстановление / К.Т. Мазуров // Неман. – 1986. – № 11. – С. 130–151.
9. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб-к док-в. 1917–1973 гг. / сост.: А.А. Абакумов [и др.]. – М.: "Педагогика", 1974. – 560 с.; Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник / сост. Н.Я. Панферова. – М., 1977. – 448 с.;
10. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы: в 2-х кн. / НАРБ; сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2004. – Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – 398 с.
11. Пономаренко, П.К. События моей жизни / П.К. Пономаренко // Неман. – 1992. – № 4. – С. 138–140.

Василицын А.Г.

«ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БССР ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Возобновление издания «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) в сентябре 1943 г. произошло после встречи иерархов Русской православной церкви митрополитов Сергия (Старогородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) с И.В. Сталиным и было результатом изменившейся политики советского руководства в отношении церкви.

В условиях всестороннего контроля государства над церковью «Журнал Московской Патриархии», являясь официальным печатным изданием Московской патриархии, проходил обязательную цензуру со стороны представителей Совета по делам Русской православной церкви – органа, призванного осуществлять реализацию государственной политики в отношении церкви. Кроме этого, цензура осуществлялась и со стороны уполномоченного Главного управления по охране государственных тайн в печати при СНК СССР, который курировал все издания «Гослитиздата» [16, с. 144]. Условия, в которых проходила издательская деятельность, безусловно, накладывали отпечаток на качество и полноту публикуемых материалов. Но, несмотря на это, журнал охватывал многообразные темы, отражал достаточно широкий круг интересов и авторских взглядов на явления церковной и общественной жизни. В официальной части издания печатались послания Патриарха и видных иерархов РПЦ, постановления управляющих Московской патриархией и Священного Синода, приветственные телеграммы и обращения руководства СССР, поместных церквей и официальных светских и церковных делегаций, а также ответы на них. Кроме этого, на страницах находили отражение все общественно значимые события советской и мировой жизни, их оценка представителями патриархии. В других рубриках печатались сведения о назначениях и перемещениях архиереев, присоединении к церкви обновленцев и раскольников, отчеты о поездках церковных делегаций за рубеж, статьи религиозно-философского характера, принадлежащие современным ученым богословам, корреспонденции с мест о жизни приходов, основные события из жизни духовных школ, церковно-исторические исследования, слова, речи, обращения и послания иерархов церкви, очерки о святынях Русской и других православных церквей, полемические материалы, статьи и очерки литургического характера. Значительное внимание уделял журнал вопросам борьбы за мир, отражая на своих страницах этапы становления и развития движения сторонников мира.

«Журнал Московской Патриархии» как источник по истории и деятельности православной церкви в БССР освещал события разнообразных явлений церковной жизни. Наиболее последовательно публиковались данные о назначениях, переводах, увольнениях на покой управляющих епархиями. Используя эти данные, можно

получить сведения о процедуре наречения и хиротонии каждого епископа, присваиваемом ему титуле и наградах, краткие биографические сведения. Все это позволяет проследить, как формировалась и изменялась епархиальная структура Русской православной церкви в БССР, и осуществлялось ее управление [12, с. 8; 6, с. 39–40; 3, с. 7–15; 13, с. 9–12].

Послевоенные годы отметились возвращением в СССР некоторых представителей епископата и духовенства, которые покинули Родину вместе с отступлением немцев. «Журнал Московской Патриархии», в том числе и с учетом идеологических требований советской власти, часто печатал отзывы и впечатления вновь прибывших иерархов, знакомил читателей с их взглядами на советскую действительность. Очерк архиепископа Пинского и Лунинецкого Даниила о возвращении на историческую родину может быть интересен для раскрытия личности архипастыря [20, с. 63–64].

Посещения епископами с пастырским визитом приходов вверенных им епархий, а также по случаю престольных и значимых православных праздников находили отражение на страницах издания, позволяя составить обобщенную картину богослужебных традиций определенной местности, религиозной активности населения и значения для него архиерейского присутствия и богослужения [14, с. 59–60; 8, с. 79–80].

Вместе с восстановлением народного хозяйства и организацией церковной жизни, шел сбор сведений о разрушениях и потерях, нанесенных церкви в годы войны. В связи с этим, информативен доклад временно управляющего Полесской епархией священника Александра Романушко, который в годы Великой Отечественной войны служил настоятелем прихода в д. Малая Плотница, Логишинского района Пинской области и активно участвовал в партизанском движении. В докладе священник Александр сообщает о разрушенных немцами храмах и расстрелах духовенства. Опубликованные сведения интересны как источник о жизни православной церкви и населения в период оккупации [17, с. 31–33].

Значимым результатом изменений государственно-церковных отношений стало разрешение на образовательную деятельность, полученное Московской патриархией от правительства СССР. В связи с этим, наиболее последовательно на страницах издания освещалась работа пастырско-богословских курсов, которые систематически проводились в епархиях для поднятия общеобразовательного и богослужебного уровня духовенства. Сообщения дают четкое представление о том, как на местах проходила практическая организация условий труда и быта курсантов, содержание образовательных предметов курсов, привлекаемых преподавателях. Особое внимание уделялось практической (богослужебной) части и проповедям, последующему критическому обсуждению ошибок. Анализ мероприятий позволяет сделать вывод о том, что курсы проводились систематически, основательно, и были рассчитаны на последующее подтверждение полученных духовенством знаний [2, с. 46–48; 10, с. 70–71]. Кроме специальных занятий для пастырей епархии организовывали курсы для псаломщиков, информация о проведении которых также отражалась на страницах издания [11, с. 66].

В 1947 г. пастырско-богословские курсы в Жировичах были преобразованы в Минскую духовную семинарию – единственное в БССР духовное учебное заведение. Сведения о церемонии открытия, первом наборе учащихся, о начале каждого учебного года и о процедуре акта выпуска окончивших курс семинарии систематически помещались в журнале [15, с. 52].

Примечательным явлением церковной жизни в первые послевоенные годы был необычайный религиозный подъем верующего населения. Этому в немалой степени способствовало отсутствие жестких ограничений на деятельность церковных общин и достаточно лояльное отношение к церковной структуре местных властей. На страницах

ЖМП нашли отражение торжества, происходившие в Гродно на праздник Рождества Христова, которые отметились многотысячным крестным ходом на Неман [1, с. 36]. Публиковал журнал обобщенные сведения об истории и современном положении Гродненского женского монастыря [4, с. 47–48].

Информация об участии настоятеля Бобруйского собора протоиерея Феодора Дмитриюка в качестве свидетеля в судебном процессе по делу о злодеяниях нацистских захватчиков свидетельствует о значимом месте церкви в жизни послевоенного общества, признании ее вклада в Победу, дает сведения о злодеяниях фашизма в отношении православного духовенства и количестве разрушенных храмов [7, с. 65].

С 1950-х гг. важным направлением социальной работы Русской православной церкви было участие во всемирном движении сторонников мира. С самого начала развития этого феномена РПЦ принимала в нем активное участие и деятельность Московской патриархии широко освещалась на страницах издания. Среди публикаций есть материалы предложенные управляющим православной церковью в Беларуси архиепископом Питиримом (Свиридовым). Несмотря на то, что статьи испытывают на себе влияние цензуры и в достаточной степени идеологизированы, они представляют видение церковью проблем уничтожения атомного оружия, отношения к войне, формируют позицию РПЦ в вопросах мира. Статьи также помогают раскрыть образ докладчика для составления биографического портрета, свидетельствуют о широте взглядов руководства церкви [19, с. 22–23; 18, с. 24–26].

Периодически ЖМП помещал на своих страницах публикации, посвященные юбилейным датам епископского, священнического служения, а также некрологи о лицах духовного сословия, наиболее потрудившихся на церковной ниве. Материалы дают фактические сведения об их жизни и служении, вкладе в развитие церкви, и могут быть использованы при подготовке материалов по истории приходов и составлении биографических очерков, дают общую характеристику подвига духовенства и монашества в XX веке [9, с. 62; 5, с. 78–79].

«Журнал Московской Патриархии» в послевоенные годы являлся единственным относительно доступным церковным периодическим изданием. Несмотря на сложную ситуацию, в которой жила церковь и издавался журнал, как источник по истории Русской православной церкви в БССР «Журнал…» может быть использован для освещения проблемы организации епархиальной структуры и управления белорусскими епархиями. На страницах издания помещены фактические сведения о поставлении, передвижении и замещении епископских кадров, их служении. Последовательно отражена в журнале образовательная деятельность епархий, участие епископов и духовенства в движении сторонников мира и общественной жизни государства. Кроме того, даются некоторые сведения о положении церкви в годы войны, о жизни приходов, монастырей, памятных датах и личностях служителей.

1. Амброжейчик, В. Иорданский праздник в г. Гродно / В. Амброжейчик // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 2. – С. 36.
2. Беляев, Владимир (прот.). Из Гродненской епархии / прот. Владимир Беляев // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – № 12. – С. 46–48.
3. Боровой, Виталий (прот.). Церковные торжества в Минске / прот. Виталий Боровой // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – № 8. – С. 7–15.
4. Гриневич Варсонофий, епископ. Гродненский Рождества Богородицы монастырь / Епископ Варсонофий (Гриневич) // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 12. – С. 47–48.
5. Гриневич, Варсонофий (епископ). Погребение настоятельницы Гродненского женского монастыря игумении Серафимы / Епископ Варсонофий (Гриневич) // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 7. – С. 78–79.
6. Дмитриюк, Феодор (прот.). Из Минской епархии / прот. Феодор Дмитриюк // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 4. – С. 39–40.

7. Дмитриюк, Феодор (прот.). Судебный процесс в г. Бобруйске по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР / прот. Феодор Дмитриюк // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – № 1. – С. 65.
8. Комар, Константин (прот.). Юбилейные торжества в честь Св. преподобномученика Афанасия, игумена брестского / прот. Константин Комар // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – № 11. – С. 79–80.
9. Комар, Константин (прот.) Сорок лет священнослужения / прот. Константин Комар // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – № 8. – С. 62.
10. Комар, Константин (прот.). Краткосрочные пастырские курсы для священнослужителей Пинской епархии в г. Пинске / прот. Константин Комар // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – № 7. – С. 70–71.
11. Корнейчук, Алексий (свящ.). Из Пинской епархии / свящ. Алексий Корнейчук // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 11. – С. 66.
12. Назначения и перемещения по Московской патриархии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – № 3. – С. 8.
13. Наречение и хиротония архимандрита Леонтия (Бондаря) // Журнал Московской Патриархии. – 1956. – № 9. – С. 9–12.
14. Рей, И. На западных рубежах / И. Рей // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – № 10. – С. 59–60.
15. Рей, И. (свящ.) Из Минской епархии / свящ. И. Рей // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – № 12. – С. 52.
16. Родченко, Сергий (иеромонах). Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания» / Иеромонах Сергий (Родченко) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 142–148.
17. Романушко, Александр (свящ.). Письмо в Московскую Патриархию от партизана настоятеля Мало-Плотницкого прихода, Логищинского района, Пинской области, священника Александра Романушко / свящ. Александр Романушко // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – № 9. – С. 31–33.
18. Свиридов, Питирим (архиепископ). Речь на расширенном пленуме Белорусского республиканского Комитета защиты мира 12 сентября 1953 г. / архиеп. Питирим (Свиридов) // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – № 11. – С. 24–26.
19. Свиридов, Питирим (архиепископ). Церковный и патриотический долг / архиеп. Питирим (Свиридов) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – № 8. – С. 22–23.
20. Юзьвюк, Даниил (архиепископ). Первые впечатления на Родине / архиеп. Даниил (Юзьвюк) // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – № 9. – С. 63–64.

Касатая Т.У.

ВОБРАЗ ЕВАНГЕЛЬСКІХ ХРЫСЦІЯН-БАПТЫСТАЎ У 1940–1950-я гг. У АФІЦЫЙНЫМ ДЫСКУРСЕ (НА АСНОВЕ ДАКУМЕНТАЎ ФОНДА УПАЎНАВАЖАНАГА ПА СПРАВАХ РЭЛІГІЙНЫХ КУЛЬТАЎ ПРЫ САВЕЦЕ МІНІСТРАЎ БССР)

Фонд Упаўнаважанага па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў (да 1946 г. пры СНК) БССР з’яўляецца адным з асноўных крыніц даследавання евангельскіх хрысціян-баптыстаў у пасляваенны перыяд. Савет па справах рэлігійных культаў (далей Савет па СРК) быў створаны ў 1944 г. На месцах была арганізавана праца ўпаўнаважаных Савета па СРК. Асноўнымі мэтамі стварэння Савета і інстытута ўпаўнаважаных былі наладжванне сувязі паміж уладай і рэлігійнымі арганізацыямі, а таксама кантроль за выкананнем заканадаўства аб культах [2, арк. 4–15]. Упаўнаважаныя Савета па СРК пры аблвыканкамах і пры Савеце міністраў БССР спачатку раз у квартал, пасля два разы ў год рыхтавалі справаздачы пра дзейнасць рэлігійных аб'яднанняў на тэрыторыі абласцей і рэспублікі. Савет па СРК і ўпаўнаважаныя ў афіцыйным дыскурсе першапачаткова гралі ролю носьбітаў ідэй і тэорый, якія фармаваліся праз пастановы камуністычнай партыі і прапагандаваліся праз антырэлігійныя і атэістычныя выданні 1920-х – 1930-х гг. Справаздачы, інфармацыйныя даведкі, лісты ўпаўнаважаных Савета па СРК не выхадзілі ў публічную прастору. Але яны выкарыстоўваліся дзяржаўнымі і партыйнымі органамі як з мэтай аналіза дзейнасці рэлігійных арганізацый так і фарміравання новых форм атэістычнай

прапаганды. Такім чынам, інфармацыйныя даведкі ўпаўнаважаных ўскосна ўплывалі на фарміраванне стэрыатыпнага вобраза верніка ў савецкім грамадстве.

У адносінах да евангельскіх хрысціян-баптыстаў у афіцыйных дакументах вельмі часта выкарыстоўвалася азначэнне секта, якое мела негатыўную афарбоўку*. Сектанты, да якіх залічвалі ЕХБ, пяцідзесятнікаў, адвентыстаў сёмага дня і інш., мелі пэўны набор якасцяў, якія актыўна выкарыстоўвалі ўпаўнаважаныя ў сваіх справазадачах: *класава чужыя* (шматлікія лідары і простыя ЕХБ былі паходзілі з заможных слаёў грамадства); *адмова ўдзельнічаць у грамадскім жыцці* (адмова прымаць удзел у выбарах у Вярхоўны савет, мясцовыя органы кіравання; наведваць сходы працаўнікоў калгасаў і інш.); *антымілітарызм* (адмова служыць у арміі, браць у рукі зброю); *выхаванне дзяцей у рэлігійным духу* (забарона дзецям уступаць у піянеры, камсамол); *цемрашальства* (ігнараванне дасягненняў навукі, адмова наведваць кінатэатры, чытаць свецкую літаратуру, слухаць радыё). Адначасова ЕХБ абвінавачвалі ў *шпіянажы, сувязях з польскімі, украінскімі бандытамі, замежнымі цэнтрамі* [5, с. 239]. Усе гэтыя маркеры баптызма сфарміраваліся яшчэ ў 1920 – 1930-я гг. З пэўнымі зменамі яны выкарыстоўваліся і ў пасляваеннае дзесяцігоддзе. Замест контрэвалюцыйнай дзейнасці, якую нібыта праводзілі баптысты з'явілася агульнае азначэнне – *антысавецкая дзейнасць*, пад якой разумелася супрацоўніцтва з немцамі падчас вайны, з бандытамі пасля яе, выступленні супраць калектывізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі і інш.

Далей разгледзім некаторыя характарыстыкі баптыстаў на прыкладах з інфармацыйных даведак, справаздач і лістоў упаўнаважаных. Стэрэатыпныя рысы ЕХБ адначасова з'яўляліся і іх абвінавачваннем, самым цяжкім з якіх была антысавецкая, антыкамуністычная дзейнасць. Баптысты разглядаліся як патэнцыйныя здраднікі радзімы. Асноўным аргументам такой характарыстыкі была сувязь ЕХБ з замежнымі цэнтрамі. Упаўнаважаны Савета па справах рускай праваслаўнай царквы па Гродзенскай вобласці ў справаздачы за 1946 г. зняважліва характарызаваў супрацу баптыстаў з замежнымі арганізацыямі наступным чынам: "Заходняя Беларусь з'яўляецца рассаднікам усялякага роду рэлігійных сектаў… Амерыканскія "дзядзечкі" набылі сабе ў Беларусі "пляменнікаў" у духоўным радстве… у сувязі са шчодрым фінансаваньнем яны (абшчыны. – *Т.К.*) глыбока пусцілі свае паганыя карані, якія неабходна будзе вырваць" [3, арк. 21]. Негатыўна разглядалася не толькі непасрэдная сувязь з замежжам, але і адукацыя прасвітараў, ці прапаведнікаў, атрыманая за мяжой. Тыя прасвітары, якія навучаліся на курсах арганізаваных В. Фетлерам† у афіцыйных дакументах называліся "вучнямі фетлераўскай школы", "прадстаўнікамі амерыканскага баптызма" [2, Ф. – 1385. – Воп. 1[а]. – Спр. 13. – Арк. 32]. Упаўнаважаны па Гродзенскай вобласці сцвярджаў, што "асноўнай задачай місіі Фетлера з'яўлялася арганізацыя такіх абшчын, якія маглі б уплываць на фарміраванне грамадскай думкі", на што прэтэндавала камуністычная партыя. "Фетлераўцы", такім чынам, разглядаліся ў якасці канкурэнтаў афіцыйным партыйным ідэолагам. Яны адразу траплялі пад нагляд органаў дзяржбяспекі.

У адрас баптыстаў часта гучалі абвінавачванні ў супрацоўніцтве з немцамі падчас вайны. Прапаведнік ЕХБ З. Кацапаў з Краснапольскага раёна Магілёўскай вобласці за антысавецкае выказванне: "Бальшавікі пераследавалі рэлігію, а зараз немцы

---

* У навуковай літаратуры легітымацыя паняцця "секта" як нейтральнага пачалося з даследавання А.С. Клібанава ў 1970-я гг.

† Вільгельм Андрэевіч Фетлер (1883 – 1957) з г. Талсы, выпускнік Каледжа Сперджена, заснавальнік шматлікіх біблейных навучальных устаноў за мяжой для падрыхтоўкі прапаведнікаў і прасвітараў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі

далі поўную волю”, быў арыштаваны і асуджаны на 15 гадоў [6, арк. 34]. Прасвітара І. Какарэку з в. Рап’ева Мірскага раёна асудзілі на 10 гадоў за службу ў немцаў. Як паведамляў упаўнаважаны па Баранавіцкай вобласці “туды (на службу немцам – Т.К.) прымалі не кожнага, а людзей праверaных і якія заслугоўваюць давер, гэтыя батальёны павінны былі весці барацьбу з партызанамі і іншымі патрыётамі нашай Радзімы” [6, Ф. 952. – Воп. 1. – Спр. 5. – Арк. 109, 109 адв.]. Пры гэтым у афіцыйным дыскурсе не ўзгадавалася патрыятычная дзейнасць вернікаў падчас вайны, іх супраціў нямецкаму акупацыйнаму рэжыму [4, с. 106]. Характарыстыка баптыстаў як здраднікаў пацвярджалася супрацай іх з пасляваенным антысавецкім узброеным супрацівам. Напрыклад, некаторыя вернікі абшчыны в. Гутава Драгічынскага раёна Пінскай вобласці за дапамогу бандытам былі прыцягнуты да крымінальнай адказнасці [6, Воп. 62. – Спр. 68. – Арк. 58] У 1948 г. была знята з рэгістрацыі абшчына на хутары Дрочава Арэхаўскага сельскага савета Маларыцкага раёна Брэсцкай вобласці. У заключэнні пра закрыццё абшчыны гаварылася: “З моманту вызваленьня тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і да 1948 г., кіраўнік гэтай абшчыны Луцык С.С., актыў і значная частка вернікаў гэтай абшчыны бралі актыўны ўдзел у бандытызме г.зв. “бульбашоў”*, якія дзейнічалі на тэрыторыі Украіны. Луцык сістэматычна хадзіў ва Украіну непасрэдна для сувязі з бульбашамі, ад іх атрымоўваў заданні і выконваў іх па месцу жыхарства. Падчас адной з аперацый з боку савецкіх атрадаў супраць “бульбашоў”, былі апазнаныя трупы трох “вернікаў” з Дрочаўскай абшчыны. Органамі дзяржбяспекі было выяўлена, што Луцык быў ініцыятарам бандытызму, а шэраг іншых вернікаў гэтай абшчыны ўдзельнічалі са зброяй у руках у барацьбе супраць савецкай улады, за гэта яны былі асуджаны на тэрміны ад 15 да 25 гадоў (Луцык) [1, арк. 29]. Прыкладаў такой супрацы баптыстаў з немцамі і з антысавецкім узброеным супрацівам у афіцыйных дакументах сустракаецца няшмат. Гэта былі пераважна выключэнні, а не заканамернасць, якую так старанна прапагандавалі ў сваіх справаздачах некаторыя ўпаўнаважаныя.

Антысавецкая дзейнасць вернікаў і характарыстыка іх як класава чужых у афіцыйных дакументах пацвярджалася адмовай баптыстаў уступаць у калгасы. Нягледзячы на тое, што антыкалгасныя выступленні з’яўлялася агульнай рэакцыяй на калектывізацыю жыхароў вёсак у заходніх абласцях БССР, ЕХБ заўсёды траплялі ў катэгорыю найбольш ненадзейных. Прычынай такога стаўлення ўладаў да баптыстаў было тое, што яны не ўступалі ў калгасы абшчынамі. У Пінскай вобласці ў канцы 1950 г. дзейнічалі 43 абшчыны з агульнай колькасцю вернікаў 4 109 чалавек, з якіх толькі 320 уступілі ў калгас [6, Ф. – 952. – Воп. 2. – Спр. 23. – Арк. 77]. Прапаведнік М. Дзікан з в. Лазоўцы Косаўскага раёна Брэсцкай вобласці казаў: “Усё роўна не будзе так, як думаюць камуністы, хоць яны ў вёсцы Сакоўцы і арганізавалі калгас, але на гэтым праваляцца. Бо кожны разумее, што яны баламуцяць народ, усё роўна калгасаў не будзе, а з імі і савецкай улады” [6, арк. 25]. На тэрыторыі ўсходніх абласцей БССР амаль усе вернікі вясковых абшчын у разглядаемы перыяд працавалі ў калгасах. Пры гэтым, як адзначыў упаўнаважаны Савета па СРК па БССР “не былі зарэгістраваны выпадкі шкоднай працы баптыстаў у калгасе” [6, Воп. 62. – Спр. 70. – Арк. 50]. Што зноў пацвярджае недаверлівае стаўленне ўлады да ЕХБ. Уступленне вернікаў у калгас тлумачылася прыладжваннем іх да новых умоваў, каб захаваць свае абшчыны.

Прыстасаваннем, а не станоўчай характарыстыкай лічылася і прасавецкія выступленні прасвітараў [6, арк. 35]. У 1954 г. падчас службы ў гомельскай абшчыне

---

* “Бульбашы”, “бульбаўцы” – прадстаўнікі “Палескай Сечы” Украінскай Паўстанцкай Арміі (УПА), якая была створана з ініцыятывы Тараса Бараўца (Бульбы) і дзейнічала на тэрыторыі украінскага і беларускага Палесься зь лета 1941 да пачатку 1950-х гг.

прапаведнікі звярталіся да вернікаў, каб яны памаліліся за Хрыста і за савецкі ўрад [6, Ф. 952. – Воп. 2. – Спр. 48. – Арк. 135].

У пасляваенны перыяд антымілітарызм з'яўляўся яшчэ адным з галоўных маркераў баптызма. Але трэба мець на ўвазе, што Саюз ЕХБ складаўся з некалькіх пратэстанцкіх плыняў: баптысты, евангельскія хрысціяне, пяцідзесятнікі розных накірункаў і інш. "Антываеннікамі" пераважна былі пяцідзесятнікі. Але так як яны ўваходзілі ў склад Саюза ЕХБ, то стрэатыпны вобраз верніка, які адмаўляўся браць зброю ў рукі трансляваўся на ўсіх адэптаў царквы. У 1955 г. за апошнія 2-3 гады 12 навабранцаў з БССР адмовіліся прымаць ваенную прысягу і браць у рукі зброю [3, Ф. 1385. – Воп. 1[а] . – Спр. 25. – Арк. 15]. Вернік абшчыны ў в. Сабакінцы Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці У. Лепеша казаў: "У выпадку ваеннага нападу на нашу Радзіму ворагаў, я буду радзіму абараняць з Богам, але страляць са зброі не буду, зброю буду трымаць толькі ў руках" [3, Ф. 1385. – Воп. 1[а] . – Спр. 14. – Арк. 27]. "Антываенныя" выступленні вернікаў у афіцыйных дакументах разглядаліся не толькі як антыпатрыятычныя, але і як антысавецкія дзеянні, за што ЕХБ прыцягвалі да крымінальнай адказнасці.

Ігнараванне грамадскай дзейнасці ў пасляваенны час праяўлялася ў адмове ўдзельнічаць у выбарах у Вярхоўны Савет, мясцовыя органы кіравання. Упаўнаважаны Савета па СРК па Віцебскай вобласці зазначыў сувязь паміж закрытасцю абшчын і іх дзеяннямі ў адносінах да ўлады: "Абшчыны ЕХіБ забараняюць сваім членам хадзіць у кіно, тэатры, наведваць сходы, што будзе мець сваё адлюстраванне ў выбарах у Вярхоўны Савет СССР" [3, Ф. 1385. – Воп. 1[а] . – Спр. 2. – Арк. 7]. Цемрашальства было адной з самых зневажальных характарыстык вобраза баптыстаў у афіцыйных дакументах. Упаўнаважаны Савета па СРК па Баранавіцкай вобласці ў 1946 г. падзяліўся сваімі ўражаннямі ад наведвання малітоўнай службы ЕХБ: "Сяджу і думаю, куды гэта я патрапіў і што гэта за людзі, якія ўткнуўшыся ў евангелле і нічога не цямяць займаюцца нейкім цемрашальствам, сядзяць і губляюць бяз мэты час, які так патрэбен Радзіме для выканання пяцігадовага плана і разам з гэтымі фанатыкамі павінен сядзець і я" [6, Ф. 952. – Воп. 1. – Спр. 5. – Арк. 111]. У афіцыйным дыскурсе адмова вернікаў наведваць кінатэатры, тэатры, правадзіць у сваіх дамах радыё тлумачылася рэлігійным фанатызмам. Але традыцыяналізм некаторых абшчын быў выкліканы пераважна знешнімі неспрыяльнымі ўмовамі існавання царквы ЕХБ. Антырэлігійная палітыка ў адносінах да баптыстаў і атэістычная прапаганда свядома выключалі ЕХБ з грамадскага жыцця. Яны з'яўляліся апазіцыяй грамадству, а не яго часткай. Грамадства пад уплывам прапаганды не прымала баптыстаў. Старшы прасвітар па Гродзенскай вобласці Севашка казаў, што "мы баімся, каб каля нас не пачалі смяяцца". Бо калі ён зайшоў у рэстаран у г. Ваўкавыск, то адзін з наведвальнікаў пачаў яго зняважаць: "Што ты тут робіш? Баптысты водку не п'юць. Чаму ты сюды прыйшоў?" Таму сам Севашка ў кінатэатры хадзіў толькі там, дзе яго не ведалі [3, Ф. 1385. – Воп. 1. – Спр. 50. – Арк. 14-15]. Такія выпадкі ўпаўнаважаныя занатоўвалі, але не аналізавалі. Маркер "цемарашальства" суправаджаў вернікаў на працягу ўсяго савецкага перыяда.

Вобраз ЕХБ у афіцыйным дыскурсе ў БССР меў толькі негатыўныя характарысткі. Гэта было звязана, як з існаваннем атэістычнай ідэалогіі ва ўсім Савецкім Саюзе, так і з асаблівасцямі з'яўлення, распаўсюджвання, а таксама веравучэння і культа баптыстаў. Заўсёды падкрэсліваўся "буржуазны характар" ЕХБ. Вернік баптыст – гэта цемрашал, патэнцыйны здраднік, якому ўсё савецкае з'яўляецца чужым. Амаль усе маркеры стэрыатыпнага вобраза ЕХБ звязаны з характарыстыкай – антысавецкі. Лаяльныя дзеянні баптыстаў у адносінах да ўлады разглядаліся як выключэнне і нават недарэчнасць. Такое стаўленне да ЕХБ з боку ўлады паўплывала на ізаляцыю абшчын ад грамадства, існаванне іх адначасова ў гэтым свеце і па-за ім.

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 1339. – Воп. 1. – Спр. 1.

2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 4029. – Воп. 2. – Спр. 1.
3. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 478. – Воп. 2. – Спр. 4.
4. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX стст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; пад. рэд. У.І. Навіцкага. – Мн.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
5. Клюева, В. Отрицательный герой атеистической пропаганды: факты из жизни баптистских общин для подтверждения стереотипа / В. Клюева // 105 лет легализации русского баптизма. Материалы международной научно-практической конференции. 5–7 апреля 2011 г. / ред.-сост. Н.А. Белякова, А.В. Синичкин. – М, 2011. – 248 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4п. – Воп. 29. – Спр. 146.

Яковлева Г.Н.

ДОКУМЕНТЫ ВИТЕБСКОГО ОБЛЛИТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ВИТЕБЩИНЕ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Традиционно наиболее востребованными архивными источниками по истории культурно-просветительных учреждений Витебщины являлись документы отделов культуры Витебского горисполкома и облисполкома (Фонды 2852, 2222), документы Витебского (Фонд 1-п) и Полоцкого (Фонд 10060-п) обкомов, горкома (Фонд 102-п) и райкомов партии. Однако остаются недооцененными и фактически не использовались исследователями материалы делопроизводства Витебского обллита (Фонд 3991), содержащие региональный материал, дополняющий картину в сфере культуры в противоречивые годы хрущевской «оттепели». И хотя многие, самые важные документы, были уничтожены, но научный потенциал того, что сохранилось, достаточно высок.

15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР как Главное управление МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР). Однако после отстранения Л. П. Берии от власти в октябре 1953 г. 11 управление было выделено из состава МВД в самостоятельное Главное управление при Совете Министров СССР. Главкрайобллиты переходили в ведение исполкомов соответствующего уровня в качестве Управлений по охране военных и государственных тайн в печати. Практическая деятельность Главлита БССР и его местных органов (обллитов) строилась на основе строгого соблюдения союзных нормативных актов и теснейшей связи с ЦК КПБ, обкомами и райкомами КПБ. Именно обком или райком утверждал кандидатуры цензоров, туда обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой оказать помощь. В обллите работало несколько штатных цензоров, а до 1955 г. в районы, где объем печатной продукции был незначительным, назначались цензоры-совместители (райлиты). В 1954 г. 15 районных цензоров занимали должности завотделами пропаганды и агитации соответствующих райкомов, а остальные 5 - возглавляли отделы райисполкомов, что «соответствовало требованиям СМ СССР от 1 октября 1953 г., чтобы районные цензоры-совместители были ответственными работниками РК или райисполкома» [1, л. 11].

Цензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль областной, многотиражных и районных газет, содержания радиопередач, мелкопечатной продукции (афиши, программы, объявления, плакаты и т.д.) с целью не пропустить в печать сведения, составляющие военную или государственную тайну (отсюда – знаменитые купюры – «вычерки»). Также контролировалась деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, букинистические отделы книжных магазинов, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад. Цензоры не только следили за соблюдением тайны, но и осуществляли политико-идеологический контроль, не пропуская материалы

идеологически невыдержанные, политически вредные, «неправильно освещающие советскую действительность», обеднявшие облик советского человека, пошлые, «халтурные» и т.д.

В городе действовала художественная мастерская, которая выполняла “художественную и политическую изопродукцию и портреты руководителей партии и правительства по эталонам, утвержденным Министерством культуры и Глпавлитом СССР”. Кроме худсовета, качество её работы контролировали цензоры обллита, без разрешения которых не выпускался в свет ни один экземпляр картины, барельефа или портрета, сделанного в мастерской. В 1954 г. на контроль в обллит было представлено 385 портретов и 56 картин, из них художникам было предложено переделать 12 портретов и 8 картин [1, л. 16]. В 1955 г. Главлит БССР, отмечая недостатки в работе Витебского обллита, указывал, что на контроль ему не представляли некоторую продукцию, например, пейзажи, которые выпускались без визы цензора [2, л.18].

Цензоры проверяли репертуар 20 концертных бригад и областного театра. Оркестры парка культуры и отдыха им. Фрунзе и ресторана «Аврора» представляли свой репертуар на контроль ежеквартально.

Важной частью работы цензоров в 50-е гг. был контроль по очищению книжных магазинов и библиотечных фондов от «политически вредной и устаревшей литературы». Количество библиотек в городе и области постоянно росло. Если на 1.01.1954 г. в области было 1142 библиотеки, то в 1960 – уже 3718 библиотек [3, л.17; 10, л. 29]. Объем работы цензора, который курировал библиотеки и книготорговую сеть, увеличивался и из-за политических событий. В июне 1953 г. Берия был арестован, но именно тогда вышел 1-й том 2-го издания "Большой Советской Энциклопедии", в котором помещена обширная статья о нем с портретом. Всем библиотекам и подписчикам, даже иностранным, срочно был разослан новый лист с категорическим предложением: удалить "бериевский" лист и вклеить присланный. Государственные библиотеки, естественно, покорно выполнили это требование; частные подписчики, как правило, сохраняли и тот и другой "на память" [4]. Скоро оказалась в спецхране и известная работа бывшего главы МГБ БССР Цанавы о партизанском движении в республике в годы войны. Теперь вместе с работами Берии и Цанавы цензоры и библиотекари браковали литературу, которая восхваляла их и других вдохновителей и исполнителей массовых репрессий. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие». В 1953 г. в области было изъято 43160 экземпляров книг, 3574 портрета, 990 грампластинок [5, л. 7, 12]. За 1954 г. уже было изъято 47 632 экз. книг, 1868 грампластинок, 210 портретов, было отправлено 12 писем в райкомы партии по вопросам проверки и очистки книжных фондов [1, л. 16].

В феврале 1955 г. в Могилевской области в ходе проверок Главлитом БССР в ряде библиотек были обнаружены книги Берии и Цанавы, которые должны были быть изъяты еще в 1953–1954 гг. После этого в области временно закрыли несколько библиотек из-за высокой степени засоренности их вредной литературой. На Витебщине закрытия библиотек не было, но начальник обллита вынужден был обратиться в обком партии с просьбой повлиять на руководителей ведомств, имевших в своем подчинении библиотеки и книготорговую сеть. При поддержке обкома в 1955 г. с ними были проведены 3 совещания. В горкоме КПБ организовали 2 общегородских совещания библиотечных работников всех ведомств (380 человек), на которых секретарь горкома и начальник обллита ознакомили библиотекарей с новыми требованиями и подчеркнули, что не только цензоры, а непосредственно библиотекари несут личную ответственность за регулярную очистку библиотек от «политически вредной литературы» [3, л. 13]. В результате проведенных мероприятий за 1955 г. библиотечные работники изъяли 10581 книгу, а 3987 – цензоры, проведя 1465 контрольных проверок

библиотек и 252 книготорговых точек. Были написаны 10 писем руководителям ведомств, с просьбой ускорить работу по очищению фондов [3, л. 18].

Цензор, курировавшая книжные фонды библиотек и книготорговых организаций области, имела только 7-классное образование. Её работа не удовлетворяла цензоров Главлита БССР, проверявших в 1956 г. библиотеки области. По мнению цензора Главлита БССР, книжные фонды были значительно засорены политически вредной литературой, а в Витебском (сельском) РК КПБ она даже при беглой проверке обнаружила 7 наименований книг, подлежащих изъятию. Вопрос об ускорении очищения библиотек несколько раз обсуждался на производственных совещаниях обллита в 1956 г. [6, л. 2, 5–6].

После улучшения отношений с Югославией началось изъятие книг, порочивших эту страну. Библиотекари убирали с полок, например, знаменитый, но ставший политически одиозным, роман Н. Шпанова «Заговорщики», имевший очевидную антититовскую направленность. Начальник обллита, отмечая в 1957 г. улучшение положения с очисткой книжных фондов в городских библиотеках, сетовал по поводу сельских: «Непростительно, что мы теперь находим на книжных полках бериевскую и антиюгославскую литературу» [6, л. 22]. Затем начались политико-идеологические проблемы с КНР, Албанией и, соответственно, с книгами об этих странах. Их отправляли в знаменитые спецхраны - хранилища контрольных экземпляров изъятой из библиотек и магазинов «враждебной» литературы. Их выдавали лишь при наличии особого допуска. Витебский спецхран находился при областной библиотеке и не пустовал все 50-е годы.

В период “оттепели” органы цензуры выполняли и еще одну достаточно необычную для них функцию – реабилитация писателей и их произведений. Как отмечает В. Матох, политическая оттепель давала о себе знать. «В 50-е гг. были реабилитированы (в т.ч. посмертно) белорусские писатели и общественные деятели, в свое время обвиненные в национал-демократизме, – Алесь Дудар, Валерий Моряков, Андрей Александрович, Александр Червяков, Николай Голодед и др. Правда, их творчество реабилитировано не было – в январе 1959 г. председатель Главлитбела Садовский направил секретарю ЦК КПБ Горбунову докладную записку, в которой сообщал, что цензорами просмотрены все книги реабилитированных авторов. Садовский подчеркивал: «Считаем, что эту литературу, несмотря на то, что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя – ее необходимо оставить в спецхранах» [7]. В ГАВО сохранилось 3 приказа Главлита БССР 1959 г. об исключении 25 авторов (общественных деятелей, языковедов, экономистов, историков) из алфавитного списка лиц, все произведения которых изымались из библиотек согласно приказам Главлита БССР за 1937–1948 гг. [8, л. 8-10].

С 1 октября 1955 г. в структуре Главлита СССР были упразднены должности районных цензоров-совместителей [9, л. 2]. Теперь обязанности по сохранению военной и государственной тайны в районных и многотиражных газетах поручались редакторам газет. На областном совещании редакторов газет в сентябре 1955 г. секретарь обкома и зав. отделом пропаганды «предупредили редакторов о серьезной ответственности и потребовали от них глубокого изучения перечневых ограничений, а также правильного применения их в практической работе, с тем, чтобы не пропустить в печать сведений, не подлежащих опубликованию» [3, л. 6]. Пресса оставалась такой же беззубой, но теперь во многом стараниями не цензоров, а через самоцензуру редакционных работников. Повышалась ответственность руководителей тех областных ведомств, которые имели библиотеки, за своевременную очистку фондов от устаревшей и политически вредной литературы. Основной задачей цензоров становился контроль за деятельностью библиотекарей в этом направлении, ознакомление их с требованиями по очищению книжных фондов и оказание помощи

руководителям ведомств в решении этих задач, информирование обкома и райкомов партии о недоработках и проблемах в этом направлении. Произошла смена цензора в Витебском облите, который курировал библиотеки и книготорговую сеть.

К 1957 г. ситуация с очисткой фондов несколько стабилизировалась, но когда была отстранена от власти так называемая «антипартийная группа», началась эпопея по изъятию брошюр и портретов В. Молотова и Г. Маленкова из 43-х книжных магазинов, более 100 книжных киосков, всех библиотек области. Следующей жертвой запретов и ограничений стал опальный Г.К. Жуков, который сыграл важную роль в победе Н.С. Хрущева над своими оппонентами. Даже в 1960 г. в библиотеках ряда витебских заводов цензоры ещё обнаруживали «материалы членов антипартийной группы» [10, л. 35]. Удручало витебских цензоров и то, что в 1962 г. они в ходе проверки сельских библиотек области находили в них роман «Лело» А. Чейшвили, в 1958 г. в ходе командировки в ГДР бежавшего в Западный Берлин. Бесконечное давление на работников библиотек и контролировавших их цензоров способствовало тому, что Главлит БССР констатировал, что библиотеки были окончательно очищены от запрещенной литературы в 1963 г.

В 1957 г. был создан Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Таким образом, в сферу цензуры было включено развивающееся в СССР новое средство распространения информации — телевидение.

К концу 1958 г. Главлит БССР и его органы на местах контролировались книжные фонды 18.439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и вокальных номеров) [11, с.177–178].

На контроле находились экспонаты 25 музеев. В мае 1950 г. было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В Музее истории Великой Отечественной войны срочно изменили экспозицию, были изъяты даже карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения о крупнейших предприятиях БССР. То же происходило в других музеях страны. Так, по решению цензоров, изымались экспонаты в краеведческих музеях Витебска и Полоцка, музее К. Заслонова в Орше. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о трофеях, захваченных вооруженными силами СССР. В 1953 г. дирекции Витебского краеведческого музея было сделано замечание о недопущении разглашения военной тайны в книге отзывов и предложений, где цензоры обнаружили записи военнослужащих с указанием номеров полевых почт и родов войск. После этого директором было даже решено вести книгу отзывов для военнослужащих отдельно [12, л. 20]. В 1956 г. в Лепеле, где не было освобожденного цензора, краеведческий музей был открыт под ответственность районного отдела культуры, директор проинструктирован и представил в облит описи всех экспозиций. В 1957 г. в ВОКМ не был допущен к экспозиции альбом “Боевой путь Витебской дивизии”, т.к. ряд его материалов подпадал под перечневые ограничения. Были также выявлены 2 записи в книге отзывов, которые разглашали дислокацию и условные наименования воинских частей [13, л. 24]. Не был допущен материал экспозиции, раскрывавший выпуск металлорежущих станков заводами Витебска в 1957 г. В 1958 г. с экспозиции открывавшейся областной выставки произведений художников области представители облита сняли портрет Ленина, который, по их мнению, был недоработан и искажал образ вождя [14, л. 23].

После новой волны разоблачений Сталина на XXII съезде КПСС и на основании письма Главлита СССР от 19 мая 1962 г., требующего принятия мер, исключающих демонстрацию в экспозициях музеев и выставок материалов и брошюр, прославляющих культ личности Сталина, пришлось срочно проверять музеи области на наличие соответствующих материалов. На картах и схемах изменялись названия городов (Сталино, Сталинград, Молотово), переименованных Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1961 г. Выговор за наличие подобных материалов в краеведческом музее Гомеля получил начальник местного обллита в 1962 г. [15, л. 5].

Таким образом, в документах обллита содержится не только большой статистический материал, например, по развитию библиотечного дела в области, но отражено и то, как политико-идеологические изменения этого десятилетия влияли на работу библиотекарей. Можно посочувствовать библиотекарям страны, под давлением цензоров, вынужденным постоянно изымать с полок массовых библиотек не только одиозные, действительно морально устаревшие произведения, но и те, которые не устраивали власть по политическим соображениям. В 1950-е гг. спецхран областной библиотеки пополнялся с завидным постоянством. Документы обллита прекрасно характеризуют ту атмосферу повышенной бдительности и секретности, в которой работало советское радио, телевидение, музеи в тот период. Цензоры зорко охраняли огромное количество «псевдотайн».

1. Государственный архив Витебской области (дальше – ГАВО). – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 11.
2. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д.12.
3. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 14.
4. Блюм, А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991 / А.В. Блюм – Академический проект, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fedy-diary.ru›html/042011/24042011-02a.html. – Дата доступа: 22.08.2013.
5. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д.10.
6. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. – Д.16.
7. Матох, В. Цензура в БССР / В. Матох [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455]. – Дата доступа: 22.08.2013.
8. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 21.
9. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 25.
11. Ракашевич, В.К. Главлит БССР (1923-1991) / В.К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып.1. / Рэд.кал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелНДІДАС, 2000. – 266 с.
12. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 17.
13. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
14. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 20.
15. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 29.

Пушкін І.А.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ СУПОЛЬНАСЦЕЙ БЕЛАРУСІ 1980-х гг. У ЦЭНТРАЛЬНЫХ АРХІВАХ РАСІЙСКАЙ ФЕДЭРАЦЫІ

Нацыянальная палітыка ў БССР другой паловы 1980-х гг., асаблівасці ўзнаўлення этнічных адметнасцей у першыя гады ўсталявання дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, грамадскае, рэлігійнае і культурнае жыццё нацыянальных супольнасцей знайшлі сваё адлюстраванне ў дакументах Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ДАРФ) і Расійскага дзяржаўнага архіве навейшай гісторыі (РДАНГ).

У ДАРФ дакументы па гісторыі этнакультурнай шматвобразнасці і міжнацыянальных адносінах у Беларусі (БССР) знаходзяцца ў фондах: Р-6991 “Савет

па справах рэлігій пры СМ СССР. 1947–1991 гг.” (вопісы 4, 6), Р-9497 “Парламенцкая група СССР. 1989–1991 гг. (вопіс 9)”, Р-9654 “З’езд народных дэпутатаў СССР, Вярхоўны Савет СССР і іх органы. 1989–1991 гг.” (воп. 1 “Дакументы З’езда народных дэпутатаў СССР. 1989–1991 гг., вопісы 5 і 6 “Дакументы сесій ВС СССР. 1989–1991 гг., воп. 7 “Дакументы камітэтаў і камісій ВС СССР, пастаянных камісій палат ВС СССР, камітэтаў і камісій Прэзідыума ВС СССР. 1989–1991 гг., воп. 8 “Дакументы Прэзідыума ВС СССР. 1989–1991 гг., воп. 10 “Дакументы сакратарыята ВС СССР. 1989–1991 гг.). У РДАНГ у фондах № 2 “Пленумы ЦК УКП(б) – ЦК КПСС. 1941–1990 гг.”, № 5 “Апарат ЦК КПСС. 1952–1984 гг.” (вопісы 55, 84, 90 “Аддзелы ЦК КПСС”) і № 89 “Калекцыя рассакрэчаных дакументаў”.

Найбольшую цікавасць уяўляюць: 1) матэрыялы па міжнацыянальных адносінах, якія асвятляюць сацыяльна-эканамічнае развіццё і нацыянальны склад СССР, у тым ліку становішча і ролю БССР; 2) асноўныя палажэнні і пастанова Пленума ЦК КПСС ад 20.09.1989 г. аб нацыянальнай палітыцы партыі ў сучасных умовах (платформа КПСС), якія былі прыняты на Пленуме ЦК КПСС “Аб нацыянальнай палітыцы партыі ў сучасных умовах” (1989 г.); 3) тэкст выступу міністра УС СССР В. Бакаціна на Пленуме ЦК КПСС (1989 г.), на якім ён у якасці сродка вырашэння міжнацыянальных канфліктаў агучыў наступны: “Во всех случаях МВД СССР практически имеет одну меру – и эта мера одна – ввод извне крупных сборных, причём со всей страны милицейских формирований, курсантов и слушателей училищ, школ, а главное – подразделения внутренних войск” [8, арк. 52–53]; 4) прапановы партыйных камітэтаў, цэнтральных ведамстваў і ўстаноў, спецыялістаў па нацыянальных праблемах, якія былі падрыхтаваны дзяржаўна-прававым аддзелам ЦК КПСС да вераснёўскага Пленума ЦК (1989 г.); 5) пастанова палітбюро ЦК КПСС ад 25.01.1989 г. “Аб негатыўных аспектах міжнародных сувязей некаторых самадзейных грамадскіх аб’яднанняў”; 6) інфармацыйныя справаздачы аддзела Савета па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР, лісты ў Савет, у якіх асвятляюцца пытанні ідэнтычнасці польскага і яўрэйскага насельніцтва БССР і нацыянальнай палітыцы кіраўніцтва БССР у 1980-я гг.; 7) статыстычныя справаздачы аб нацыянальным складзе органаў прадстаўнічай улады ў БССР на 1.01.1990 г.; 8) праект Закона СССР “Аб узмацненні адказнасці за замахі на нацыянальнае раўнапраўе грамадзян і гвалтоўнае парушэнне адзінства тэрыторыі СССР” і матэрыялы да яго; 9) Закон СССР “Аб мовах народаў СССР”, яго праекты і прапановы да іх ад розных камісій; 10) Закон СССР “Аб свабодным нацыянальным развіцці грамадзян СССР, якія пражываюць за межамі сваіх нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў ці не маюць іх на тэрыторыі СССР” і папраўкі да яго зместу; 11) ліст “Аб сустрэчы з прадстаўнікамі камісій па пытаннях нацыянальных адносін” (1990 г.); 12) ліст ад 20.02.1991 г. загадчыка аддзела па пытаннях міжнацыянальных адносін сакратарыята ВС СССР Л. Шышова аб пачатку працы па распрацоўцы агульнай канцэпцыі стварэння механізма для пераадолення міжнацыянальных канфліктаў і іншыя.

Асноўныя кірункі нацыянальнай палітыкі ў адносінах да палякаў і яўрэяў дазваляюць прасачыць матэрыялы аб ходзе выкання пастановы Савета па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР “Аб мерах па ўзмацненню кантроля за выкананнем заканадаўства аб рэлігійных культах каталіцкімі аб’яднаннямі ў БССР” (1982 г.) і створанага 29.03.1983 г. адпаведнай пастановай ЦК КПСС, па ініцыятыве аддзела прапаганды ЦК КПСС і КДБ СССР, Антысіяніскага камітэта савецкай грамадскасці [10, арк. 7–10].

У адпаведнасці з пастановаю (1982 г.) апаратам упаўнаважанага Савета ўвесь час вялася праца па адбору кандыдатаў на вучобу ў Рыжскую каталіцкую духоўную семінарыю з ліку лаяльных вернікаў і з улікам іх месца жыхарства [2, арк. 35–44]. З 22 па 29.09.1985 г. намеснік загадчыка аддзела Савета знаходзіўся ў камандзіроўцы ў г. Рыга з мэтаю праверкі хода выканання пастановы Савета ад 24.02.1983 г. “Аб

паляпшэнні палітычнага выхавання навучэнцаў каталіцкіх духоўных семінарый". У Рыжскай каталіцкай духоўнай семінарыі на 1.10.1985 г. навучаліся на 6 курсах – 62 слухача 7 нацыянальнасцей: латышоў – 13, палякаў – 21, украінцаў – 12, беларусаў – 6, немцаў – 7, эстонцаў – 2, рускіх – 1. Так, у 1985 г. было прынята 8 чал.: украінцаў – 3, палякаў – 2, беларусаў – 2, эстонцаў – 1. З іх 2 з Гродзенскай вобласці БССР. У той час нярэдкімі былі выпадкі, калі ў семінарыю прымаліся асобы, якія раней пражывалі на тэрыторыі БССР і для паступлення ў семінарыю спецыяльна пераехалі ў ЛатССР. Гэта катэгорыя людзей уладкоўвалася на працу качагарамі, вартаўнікамі ў мясцовыя касцёлы, рознарабочымі на дзяржаўныя прадпрыемствы [3, арк. 6–8].

На працэс актывізацыі дзейнасці веруючых паўплывала палітыка "перабудовы". У 1989 г. у Фарным касцёле г. Гродна кс. Т.Кандрусевіч (сёння глава рыма-каталіцкай царквы ў Беларусі), кажучы аб абнаўленні жыцця ў Хрысце, падкрэсліў: "Перестройка, демократизация, гласность, осуществляемые в нашей стране, открыли такой широкий простор для деятельности церкви. Молитесь за перестройку, не бойтесь трудностей, работайте честно, неустанно" [4, арк. 40]. Каталіцкія святары ў сваіх прамовах пад час набажэнстваў казалі аб рэлігійна-хрысціянскіх нормах паводзінаў каталікоў, аб нерушнасці і вечнасці веры, імкнуліся даказаць выключную рэлігійнасць палякаў, абгрунтаваць "адзінства нацыянальнай і хрысціянскай ідэяў", а каталіцкую царкву прадставіць як неад'емны элемент духоўнай структуры польскай нацыі [2, арк. 43–44].

Цікавай крыніцай для вывучэння нацыянальнай ідэнтычнасці з'яўляюцца звароты веруючых БССР да мясцовых і цэнтральных уладаў аб вяртанні касцёлаў і рэгістрацыі рэлігійных аб'яднанняў. Напрыклад, у 1985 г. паступіла падобная заява веруючых в. Дарава Ляхавіцкага раёна Брэсцкай вобласці ў Савет па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР. Ад імя каталіцкага таварыства яго падпісалі 7 асоб. З іх 4: Марчык Браніслава, Марыя Адаська, Браніслава Пятроўка, Ганна Янкоўская паставілі свае подпісы на польскай мове [1, арк. 14–17]. У другой палове 1980-х гг. у цэлым саюзныя органы станоўча рэагавалі на звароты грамадзян, але мясцовыя ўлады БССР да 1990 г. не рэгістравалі рэлігійныя аб'яднанні і не вярталі храмы.

Да пачатку 1989 г. ва ўсіх лістах веруючых гаворка ішла толькі аб рэлігіі, ніякіх згадак пра нацыянальнасць не было. Аднак гэтыя звароты рыхтавалі глебу і справакавалі нацыянальнае адраджэнне.

У студзені 1989 г. у ЦК КПСС на імя М.Гарбачова быў накіраваны ліст служыцеляў РКЦ наконт запрашэння ксяндзоў з Польшчы. У адказ прагучала, што асноўнай прычынай, робячай немагчымым запрашэнне ў Беларусь польскіх ксяндзоў, з'яўляецца адмова Ватыкану ўрэгуляваць межы каталіцкіх епархій у адпаведнасці з дзяржаўнымі межамі СССР, у прыватнасці ў Беларусі [4, арк. 7]. Каб знайсці выйсце з складанага кадравага пытання было вырашана зрабіць стаўку не на тэрытарыяльны фактар, а на нацыянальны, што паспрыяла кансалідацыі палякаў у Беларусі. 25.12.1989 г. Савет па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР звяртаецца да намесніка старшыні СМ БССР Н. Мазай: "В соответствии с поручением СМ СССР Советом по делам религий рассматривается вопрос о возможности привлечения ограниченного числа священнослужителей из ПНР для обслуживания ряда католических приходов Белоруссии, расположенных в местах компактного проживания лиц польской национальности" [4, арк. 95]. Склалася сітуацыя: каб зарэгістраваць рэлігійнае аб'яднанне быў патрэбны святар. Каб ён з'явіўся трэба было даказаць або выказаць сваю польскасць, нават нягледзячы на тое, што твае продкі і ты беларус. Гэта падштурхнула людзей да польскасці, згуртавала і з'яднала палякаў Беларусі. Адразу актывізаваўся працэс па стварэнню польскіх нацыянальных арганізацый, прычым на іх арганізацыйных сходах прысутнічалі ксяндзы, у прыватнасці Т. Кандрусевіч. Адбылося супадзенне рэлігійнага і нацыянальнага фактараў, намераў і мэтаў уладаў Польшчы і

СССР. Адны разыгрывалі палітычную карту палякаў на усходзе, другія імкнуліся спыніць шматлікія звароты грамадзян. Безумоўна, гэта адзін з фактараў актывізацыі грамадскай дзейнасці палякаў у Беларусі ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. Акрамя рэлігійнага, значную ролю аказвалі сацыяльны і эканамічны фактары.

Захаванне родных моў нацыянальнымі супольнасцямі Беларусі знайшло сваё адлюстраванне ў матэрыялах да пастановы ЦК КПСС і інфармацыйным лісце ад 5.02.1987 г. сакратара ЦК КПБ В. Пячэнікава ў ЦК КПСС аб прынятых мерах па вырашэнню пытанняў, узнятых у лістах беларускіх пісьменнікаў і работнікаў культуры [12, арк. 1–23]. 10.03.1987 г. адбылося пасяджэнне сакратарыята ЦК КПСС, на якім, сярод іншага, разглядалася пытанне "Аб лістах пісьменнікаў, артыстаў і навукоўцаў БССР па пытаннях развіцця нацыянальнай мовы і культуры" [11, арк. 1–10]. Істотна паўплывала на ўзмацненне пазіцый рускай мовы ў Беларусі пастанова ЦК КПСС і СМ СССР ад 16.05.1983 г. аб дадатковых мерах па паляпшэнню вывучэння рускай мовы ў навучальных установах саюзных рэспублік [9, арк. 1–97].

24.04.1990 г. быў прыняты ВС СССР Закон СССР "Аб мовах народаў СССР". Пры яго абмеркаванні паступіла шэраг прапаноў ад розных камісій і дэпутатаў. Некаторыя з іх не былі зацверджаны пры канчатковым галасаванні, але ўвайшлі ў заканадаўства Рэспублікі Беларусь пасля рэферэндума 1995 г. Напрыклад, увядзенне згоды бацькоў на выбар мовы навучання дзяцей, у якасці адной з абавязковых дзяржаўных моў – рускай і іншае [6, арк. 57–59].

26.04.1990 г. ВС СССР быў прыняты Закон СССР "Аб свабодным нацыянальным развіцці грамадзян СССР, якія пражываюць за межамі сваіх нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў ці не маюць іх на тэрыторыі СССР". Шэраг яго палажэнняў знайшлі сваё месца ў Законе Рэспублікі Беларусь "Аб нацыянальных меншасцях". У той жа час, на нашу думку, Закон СССР больш забяспечваў правы нацыянальных супольнасцей. Напрыклад, у ім зафіксавана, што "органы власти обеспечивают для национальных групп: представительство в исполнительных и распорядительных органах, свободное использование родного языка, создание национальных групп в детских дошкольных учреждениях, национальных школ и классов, национальной культуры…" [5, арк. 49–56].

У значнай ступені фарміраванне асноўных кірункаў нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі Рэспублікі Беларусь абумоўлена пазіцыяй ЦК КПСС і КПБ часоў "перабудовы" ў СССР. Так, у рэзалюцыі "Аб міжнацыянальных адносінах" XIX Усесаюзнай канферэнцыі КПСС (1988 г.) было рэкамендавана абмеркаваць пытанне аб стварэнні дзяржаўнага органа па пытаннях нацыянальнасцей і міжнацыянальных адносінах [7, арк. 18]. У студзені 1997 г., згодна ўказа Прэзідэнта, быў створаны Дзяржаўны камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей, у лістападзе 2001 г. ён ператвораны ў Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры СМ РБ, 15.07.2006 г. пастановай СМ РБ ён рэарганізаваны і ў структуры Урада з'явіўся апарат Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей (вярнуліся да статуса як у часы СССР).

На вераснёўскім пленуме ЦК КПСС (1989 г.) была прынята "Нацыянальная палітыка партыі ў сучасных умовах". У ёй, у прыватнасці адзначана: "Основные направления национальной политики: равноправие народов, каждый из которых должен иметь реальную возможность сохранить свою самостоятельность и самобытность, язык, культуру, традиции. Сегодня важнейшая задача заключается в создании действенных государственных, общественных и экономических механизмов, обеспечивающих органическое сочетание национальных и интернациональных ценностей и интересов" [7, арк. 9–10]. Гэта вельмі характэрна для сучаснай Беларусі.

Такім чынам, дакументы 5 фондаў Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі і Расійскага дзяржаўнага архіва навейшай гісторыі ўтрымліваюць інфармацыю па

праблемах міжнацыянальных адносін у Беларусі 1980-х гг. Яны з'яўляюцца важнай крыніцай пры даследаванні ролі савецкай ідэалагічнай і істытуцыянальнай спадчыны ў кіраванні этнакультурнай разнастайнасцю ў Рэспубліцы Беларусь у святле ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці, а таксама ў выяўленні характару ўзаемадзеяння савецкай спадчыны з падыходамі да абароны меншасцей, якія прапанаваны еўрапейскімі інстытутамі.

1. ДАРФ. – Ф. Р-6991. – Воп. 6. – Спр. 3077.
2. ДАРФ. – Ф. Р-6991. – Воп. 6. – Спр. 3080.
3. ДАРФ. – Ф. Р-6991. – Воп. 6. – Спр. 3138.
4. ДАРФ. – Ф. Р-6991. – Воп. 6. – Спр. 4080.
5. ДАРФ. – Ф. Р-9654. – Воп. 5. – Спр. 180.
6. ДАРФ. – Ф. Р-9654. – Воп. 7. – Спр. 55.
7. РДАНГ. – Ф. 2. – Воп. 5. – Спр. 294.
8. РДАНГ. – Ф. 2. – Воп. 5. – Спр. 298.
9. РДАНГ. – Ф. 5. – Воп. 90. – Спр.185.
10. РДАНГ. – Ф. 89. – Воп. 11. – Спр. 175.
11. РДАНГ. – Ф. 89. – Воп. 23. – Спр. 17.
12. РДАНГ. – Ф. 89. – Воп. 23. – Спр. 37.

Курьянович А.В.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ БЕЛАРУСИ XII СОЗЫВА (1990–1995): К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Верховный Совет Беларуси XII созыва представлял собой особую, отличную от предыдущих белорусских Верховных Советов форму парламентаризма. Он формировался на основе относительно свободных выборов, в нем возникли общественно-политические силы в виде депутатских групп (Белорусский народный фронт (БНФ), Белорусская социал-демократическая громада (БСДГ), «Беларусь», «Согласие», «Коммунисты Беларуси за демократию» и др.), предлагавшие альтернативные пути развития республики, решения в Верховном Совете принимались в русле дискуссий, обсуждений противоположных точек зрения. Конечно, имели место противоречия и парадоксы, которые существенно препятствовали деятельности Верховного Совета XII созыва, однако именно он заложил, без преувеличения, основу независимой Беларуси.

К сожалению, Верховный Совет XII созыва, как, впрочем, феномен парламентаризма в целом, не стал магистральной тематикой в современной отечественной историографии. Думается, первым шагом в этом направлении должна стать классификация обширного комплекса источников фондов Национального архива Республики Беларусь.

Опираясь на общепринятую классификацию, материалы Национального архива по Верховному Совету можно отнести к документальным источникам. Данные источники, в соответствии с правилами классификации делятся на соответствующие виды: материалы делопроизводства (в т.ч. и статистику) и документы законодательства.

Материалы делопроизводства, в свою очередь, делятся по принципу иерархичности, в которой источники располагаются по значимости и важности. Иными словами, сначала идут те источники, отражающие процесс формирования и основные направления деятельности Верховного Совета в целом, далее – те, которые касаются структурных парламентских подразделений и т.д.

В первую очередь необходимо выделить материалы по выборам в Верховный Совет XII созыва, которые состоялись весной 1990 г. Это агитационные листки,

заявления, призывы, листовки. Среди них – агитматериалы и отдельных депутатов, и общественно-политических объединений. Правда, в Национальном архиве отложился корпус материалов лишь одного общественно-политического объединения – БНФ [1]. Наконец, еще один источник, связанный с выборами – это материалы окружных избирательных комиссий, который включают: заявление о согласии того или иного гражданина на выдвижение кандидатом в депутаты, их биографии, учетные карточки (источники личного происхождения), а также протоколы с итоговыми результатами выборов в численном и процентном соотношении, т.е. статистические источники [2].

Следует учитывать тот факт, что согласно закону от 27 октября 1989 г. 50 депутатов избирались от общественных – ветеранов, инвалидов, слепых и глухих – организаций, т.е. они не участвовали в классических выборах, а депутатские мандаты получали на основании решений пленумов и собраний со статистическими данными соответствующих организаций [3].

Одним из ключевых источников по Верховному Совету XII созыва являются стенограммы и протоколы заседаний очередных и внеочередных сессий, в которых можно структурировать следующие подвиды. Во-первых, повестка дня сессии, которая, как правило, разрабатывалась и предлагалась Президиумом Верховного Совета и, по мере необходимости, дополнялась депутатами. Во-вторых, заявления и выступления депутатов (не более трех минут) в «Разном». В «Разном» оглашались политические заявления тех или иных депутатских групп, депутатские запросы к правительству, обращения, жалобы избирателей того или иного парламентария.

После «Разного» шли выступления и заявления депутатов по повестке дня. Эти выступления были связаны с каким-либо важной проблемой (например, выборы Председателя Верховного Совета 18 мая 1990 г. [4], обсуждение 27 февраля 1991 г. вопроса о проведении альтернативного шествия, организованного БНФ 7 ноября 1990 г. [5]), либо с обсуждением какого-либо законопроекта. При этом статистические данные представляют собой результаты электронного голосования по тому или иному вопросу, кандидатуре, законопроекту. Депутаты голосовали «за», «против», воздерживались, либо вообще не участвовали в голосовании.

В Верховном Совете XII созывам имело место именное голосование, т.е. каждому депутату давался под роспись бюллетень с вопросом. Поэтому бюллетень именного голосования – элемент источниковой базы Верховного Совета. В фондах Национального архива имеются бюллетени голосования по отзыву Председателя Верховного Совета С.С. Шушкевича 26 января 1994 г. [6].

Стенограммы и протоколы заседаний Президиума Верховного Совета также являются ценным источником. Однако не следует забывать, что Президиум мог выполнять функции Верховного Совета только в перерывах между сессиями парламента.

В отличие от Верховных Советов предыдущих созывов, когда должности Председателя Президиума и Председателя собственно Верховного Совета занимали разные лица, в Верховном Совете эти должности совмещало одно лицо. В связи с этим следует выделить такой источник как переписку руководителя парламента по разным вопросам. В фондах Национального архива отложилась переписка Председателя Верховного Совета Н.И. Дементея с Президентом СССР М.С. Горбачевым, Советом Министров, Министерством иностранных дел БССР и др. об инвалютных средствах на осуществление заданий Государственной программы по ликвидации последствий катастровы на ЧАЭС в Белорусской ССР [7], переписка Переписка Председателя Верховного Совета Республики Беларусь М.И. Гриба с Президентом, Кабинетом Министров, Конституционным Судом Республики Беларусь, министерствами и ведомствами [8].

Далее по иерархической лестнице следуют материалы главного структурного подразделения парламента–материалы постоянных комиссий. Это–протоколы обсуждения законопроектов, выдвинутых этой комиссией или другими комиссиями, кадровые вопросы по руководству и составу комиссии и др. В качестве примера можно привести постоянную комиссию по законодательству, комиссию по государственному строительству и др. Не нужно забывать, что в апреле 1992 г. была проведена реорганизация Верховного Совета, в результате чего некоторые постоянные комиссии (Мандатная комиссия и др.) были слиты и укрупнены.

Аналогичные материалы связаны с временными комиссиями. Как правило, временные комиссии создавались для рассмотрения проблемы, вопроса, имеющего большой общественный резонанс (временная комиссия по привилегиям, временная комиссия по расследованию фактов использования психиатрии в политических и репрессивных целях, временная комиссия двенадцатого созыва по оценке деятельности должностных лиц в связи с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС). При этом ключевым источником является отчетный доклад по работе комиссии, зачитанный ее председателем либо другим членом.

Блок законодательных источников также делится по иерархическому принципу. Это законы, постановления Верховного Совета и Президиума Верховного Совета. Сфера действия указов Президиума Верховного Совета XII созыва в отличие от прошлых лет существенно ограничивается и касается награждения лиц, помилование осужденных и др.

В фондах Национального архива сохранились законопроекты, выдвинутые депутатскими группами на ту или иную сессию. Пальма первенства, бесспорно, принадлежит оппозиции БНФ [9].

Огромным плюсом архивных материалов является то, что можно детально проследить разработку того или иного законопроекта, его редакции, дополнения и изменения. В этом контексте появляются исследования, посвященные, например, разработке и принятию Конституции Беларуси 15 марта 1994 г. [10].

Таким образом, наличие большого корпуса письменных источников по истории Верховного Совета Беларуси XII созыва дает возможность их классификации, что, в свою очередь, позволяет максимально эффективно изучить Верховный Совет в первой половине 1990-х гг. как орган представительной и законодательной власти и выйти на проблему генезиса и развития парламентаризма независимой Беларуси.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 968. – Оп. 4. – Д. 3. – 38 л.
2. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 4358. – 259 л.
3. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 4360. – 180 л.
4. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2743. – 71 л.
5. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2922. – 205 л.
6. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 3293. – 89л.
7. НА РБ. – 968. – Оп. 1. – Д. 4153. – 1–34 л.
8. НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 4163. – 147 л.
9. НА РБ. – Ф. 968. – Д. 2847. – 183 л.
10. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие / А.В. Курьянович. – Минск: Тесей, 2010. – 176 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета (РФ).

Андреева Виктория Анатольевна – специалист управления международных связей Белорусского государственного университета, г. Минск.

Анофренко Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Антонович Зинаида Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Белявский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Бондаренко Станислав Константинович – старший лаборант Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько, аспирант Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Боровская Ольга Николаевна – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Василенко Василий Викторович – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин Климовичского государственного аграрного колледжа, г. Климовичи, Могилевская область.

Василицын Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир, Краснодарский край (РФ).

Власова Наталья Викторовна – старший преподаватель Рязанского филиала Высшей школы народных искусств, г. Рязань (РФ).

Вовк Ольга Игоревна – аспирантка кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Воднева Ирина Петровна – заведующий Краеведческим музеем, филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

Гагуа Руслан Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета, г. Пинск, Брестская область.

Гарматный Виталий Петрович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Брестская область.

Гладкова Анна Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры белорусской литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, г. Минск.

Губский Сергей Иванович – научный сотрудник отдела историко-правовых и теоретико-методологических проблем украиноведения Национального научно-исследовательского института украиноведения и всемирной истории, г. Киев (Украина).

Гуменюк Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Центрального государственного архива зарубежной украиники, г. Киев (Украина).

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея.

Дедурин Геннадий Геннадиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел (Украина).

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Дмитрук Елена Петровна – старший преподаватель кафедры теории государства и права Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Брестская область.

Дудка Алена Леонтьевна – библиотекарь Витебского областного краеведческого музея.

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Жарин Дмитрий Валерьевич – методист Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета, г. Минск.

Иванова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Игнатовец Людмила Михайловна – преподаватель Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, г. Минск.

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (РФ).

Карапузова Анна Геннадьевна – директор Государственного архива Брестской области, г. Брест.

Карпекин Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области, г. Витебск.

Касатая Татьяна Владимировна – сотрудник туристической фирмы «Мерцана», г. Гродно.

Кепин Дмитрий Владимирович – научный сотрудник Центра памятниковедения НАН Украины, г. Киев (Украина).

Ковалев Антон Владимирович – аспирант Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета, г. Москва (РФ).

Костякова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия (РФ).

Кравченко Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украинской государственной академии железнодорожного транспорта, г. Харьков (Украина).

Краснодемская Ирина Иосифовна – старший научный сотрудник отдела историко-правовых и теоретико-методологических проблем украиноведения Национального научно-исследовательского института украиноведения и всемирной истории, г. Киев (Украина).

Куделко Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, профессор, директор Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Кузнецова Татьяна Ивановна – доцент кафедры истории гуманитарного факультета Даугавпилсского университета (Латвия).

Кукса Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета горного дела и инженерной экологии Белорусского национального технического университета, г. Минск.

Кулинок Святослав Валентинович – начальник отдела информации и научного использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации, г. Минск.

Курьянович Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории права и гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», г. Минск.

Курякова Инна Евгеньевна – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Лазарева Валентина Тимофеевна – младший научный сотрудник Национального научно-исследовательского института украиноведения и всемирной истории, г. Киев (Украина).

Луговцова Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник сектора учета и хранения фондов Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Тульская область (РФ).

Макиенко Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела источников новейшей истории Украины Института украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины, г. Киев (Украина).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Московского государственного областного гуманитарного института (РФ).

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Матох Василий Михайлович – заведующий отделом использования и публикации документов Государственного архива Минской области, г. Минск.

Матюшевская Мария Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин учреждения Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Меньченя Сергей Викторович – старший преподаватель кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского (РФ).

Михеева Ирина Борисовна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, г. Минск.

Некрасова Надежда Владимировна – специалист по учебно-методической работе кафедры политической истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Никитина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Псковского государственного университета (РФ).

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, всемирной культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Новоселова Валерия Игоревна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Петров Дмитрий Николаевич – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения».

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения имени А.Е. Крымского НАН Украины, г. Киев (Украина).

Плавинский Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Подберезкин Филипп Дмитриевич – студент исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Потапенко Светлана Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории археографии и смежных источниковедческих наук Института украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины, г. Киев (Украина).

Потока Илья Викторович – аспирант Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Прохоров Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения Института Востоковедения имени А.Е. Крымского НАН Украины, г. Симферополь (Украина).

Пуховицкая Юлия Семеновна – научный сотрудник Лепельского районного краеведческого музея, г. Лепель, Витебская область.

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия.

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Рыбчонок Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, г. Минск.

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения».

Синельников Сергей Петрович – кандидат исторических наук, преподаватель Волгоградского индустриального техникума (РФ).

Скурко Полина Дмитриевна – студентка исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Сливко Станислав Вадимович – преподаватель кафедры Отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск (РФ).

Субботин Александр Александрович – ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета.

Суслов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (РФ).

Тараневский Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры белорусской литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Терешкова Ксения Сергеевна – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Тимошенкова Зоя Александровна – кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета (РФ).

Филькин Константин Николаевич – соискатель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (РФ).

Фиринович Елена Эдвардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (РФ).

Ходин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Швед Вячеслав Витальевич – доктор исторических наук, профессор, г. Гродно.

Шишанов Валерий Алексеевич – заместитель директора по научной работе Витебского областного краеведческого музея.

Юргевич Наталья Казимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории и истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины.

Юрчак Денис Валерьевич – заместитель декана исторического факультета, старший преподаватель кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Юрчак Юлия Валерьевна – студентка инженерно-строительного факультета Полоцкого государственного университета.

Яковенко Галина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции
к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты

Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.Р. Жигунова*

Подписано в печать . 2013. Формат 60x84 1/16 . Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,72. Уч.-изд. л. 28,78. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
ЛИ № 02330/110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.